

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

На правах рукописи

Красникова Юлия Николаевна

**ДЕПАРТАМЕНТ УДЕЛОВ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Диссертация на соискание
ученой степени
доктора исторических наук

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
А.Ю. Давыдов

Санкт-Петербург

2023

Содержание:

Введение	4
Глава 1. Методология и методы исследования, историография, источники	24
1.1. Методология и методы исследования	24
1.2. Степень научной разработанности темы. Историография	33
1.3. Обзор источников	48
Глава 2. Государственная система управления хозяйством удельных имений в первой половине XIX века	59
2.1. Учреждение Департамента уделов и организация удельного хозяйства	59
2.2. Территориальное размещение удельных имений	78
2.3. Центральные органы управления удельными имениями	93
2.4. Региональные органы власти	139
2.5. Местные выборные органы власти	161
2.6. Особенности делопроизводства в удельном ведомстве	176
2.7. Проблема коррупции в удельных имениях и мероприятия Департамента уделов по ее преодолению	200
Глава 3. Управление удельными крестьянами в первой половине XIX века	221
3.1. Правовое положение удельных крестьян	221
3.2. Налоги и сборы с удельных крестьян	243
3.3. Меры по обеспечению земель и продовольствием	270
3.4. Неземледельческие занятия удельных крестьян	298
3.5. Религиозная политика Департамента уделов	333
3.6. Рекрутская повинность в удельной деревне	366
Глава 4. Обеспечение членов императорской фамилии и политика попечения в первой половине XIX века	404
4.1. Обеспечение членов императорской фамилии	404
4.2. Промышленные предприятия и оброчные статьи	417

4.3. Политика попечительства в удельных имениях. Реализация образовательных программ в удельном ведомстве	448
Заключение	502
Список источников и литературы	520
Приложения	566

Введение

Актуальность темы исследования

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения качественных трансформаций, связанных с переходом от традиционного общества к индустриальному в XVIII - XIX вв. Любым реформам предшествовали долговременные процессы изменений разного уровня и характера. По справедливому замечанию И.А. Христофорова, «непосредственная разработка и принятие реформ зачастую отодвигают в тень длительный процесс их «вызревания»¹. Изучение хозяйственных и управленческих проектов, реализованных таким центральным государственным учреждением, как Департамент уделов, позволяет представить реформаторский потенциал самодержавия перед эпохой Великих реформ второй половины XIX в. Все изменения в удельном хозяйстве, в котором особенно сильно проявилась роль императора (и как первого помещика, и как государя)², характеризовались противоречивостью. Перед нами предстает механизм, изучение которого позволяет определить процессы поиска российской властью путей повышения эффективности управления крестьянским населением и народным хозяйством.

Политические элиты брали на себя функции актора, выбиравшего подходящую институциональную модель эволюции обществу. При этом нередко деятельность элит противоречила интересам отдельных социальных групп. Разногласия между властью и опекаемым ею населением относятся к числу актуальных тем, исследуемых в данной работе.

¹ Христофоров И.А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.): автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2013. С. 3.

² Красникова Ю.Н. Противоречие явления лидерства в России: Николай I как государственный деятель и помещик (Российская империя вторая четверть XIX века) // Нравственные и духовные аспекты лидерства. Коллективная монография. СПб., 2014. С. 249–267. 11. Она же. Николай I: император и помещик (противоречивость политического лидерства в России) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб., 2014. № 35. С. 371–376.

Важным при изучении истории государственного управления остается рассмотрение развития институтов Российской империи XIX в. Они отличались высокой структурной динамикой. Законодатель всю первую четверть XIX в. находился в поисках оптимальных форм организации ведомств. По данным исследователя М.А. Приходько, в министерствах в то время установился смешанный коллежско-министерский порядок управления: текущие вопросы решались старым коллежским порядком принятия управленческих решений; только в делах, требовавших более быстрого оперативного реагирования, применялись единоличные властные полномочия министра¹. На материалах изучаемого ведомства автор намерен проследить, как постепенно государственные учреждения все больше переходили к единоначалию и строгой вертикали власти.

Актуальным представляется изучение социального облика чиновников центрального аппарата управления Департамента уделов. Последний аккумулировал в своем штате прогрессивных представителей бюрократии, которые постоянно генерировали идеи и готовы были их воплощать. Департамент выступал своеобразным полигоном для воплощения их замыслов и проектов. Осмысление такого опыта представляет несомненный интерес.

Недостаточно выясненной остается проблема попечительской политики самодержавной власти. Устойчивость системы социальных отношений в первой половине XIX в. обеспечивалась балансом между степенью эксплуатации крестьян и их хозяйственными возможностями. Немаловажным фактором поддержания крестьян в тяглоспособном состоянии являлся патернализм, значение которого недооценивалось не только советскими, но подчас и дореволюционными историками. По мнению ряда современных ученых, «у русского крестьянина было гораздо больше уверенности в

¹ Приходько М.А. Историко-юридическая концепция развития министерской системы управления в России в начале XIX в. // Право и государство: теория и практика. 2007. № 12 (36). С. 84.

завтрашнем дне, чем у западноевропейского арендатора»¹. Эволюция взаимоотношений между условными владельцами и крестьянами в удельной деревне в изучаемый нами период была двухвекторная: с одной стороны, усиливался контроль со стороны ведомства, с другой, расширялась политика попечения со стороны членов императорской семьи. Крестьяне знали, что, являясь императорскими людьми, они могут рассчитывать на помощь. Это давало им уверенность в завтрашнем дне.

Актуальность изучения удельной системы хозяйствования связана и с тем, что в последние десятилетия подвергается сомнению тезис о последовательном разорении крестьянства и деградации аграрного сектора в XIX в. Особый интерес приобретает изучение вопросов о возможностях крестьянского хозяйства в условиях многоукладности аграрной экономики, о тенденциях развития различных видов сельских промыслов и ремесла. Крестьянские хозяйства, основанные одновременно на сельскохозяйственном и несельскохозяйственном труде, претерпевали специфическую трансформацию традиционных отношений, названную Дж. Бердсом «третьей» культурой (одновременно ни освященной обычаем, ни урбанизированной)².

Изучение крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой половины XIX вв. представляется весьма значимым. В отечественной исторической науке появилось специальное научно-дисциплинарное направление – крестьяноведение. Оно исходит из того, что крестьянство – особое социальное явление, и следовательно, оно должно стать предметом независимых теоретических исследований. Стоит согласиться с известным ученым Т. Шаниным, который уверен, что явления, «свойственные

¹ Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Положение помещичьих крестьян в конце XVIII – начале XIX в. // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы научной конференции. Липецк, 12-13 апреля 2011. Липецк, 2011. С. 49–59

² Уварова Н. А. Новые тенденции изучения крестьянства России конца XIX - начала XX вв. в зарубежной историографии. // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2002. № 1. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/40-199.html> (дата обращения: 02.05.2012). Режим доступа: свободный.

крестьянской среде, детерминировали общественные процессы в целом»¹. Некоторые развивающиеся страны в наши дни могут быть названы «крестьянскими», а общественная жизнь в них отличается существенными особенностями¹. В данном отношении изучение истории российского сельского населения окажет положительное влияние на разработку современных подходов к пониманию аспектов международной жизни. История крестьянства в России в изучаемый нами период, это история подавляющего большинства населения, поэтому «состояние сельскохозяйственного производства и положение занятых им людей в социальной структуре становились в определенные исторические периоды существенным фактором реформаторских либо революционных сдвигов»².

Подчеркнем, что любые модернизационные процессы должны быть взаимообусловлены, они не могут развиваться вне социального контекста. Как показало исследование истории удельного хозяйства, нельзя реализовать даже самый привлекательный проект, если он не «вызрел» внутри социума. Привнести в традиционную систему институции в чистом виде невозможно, они будут всегда обладать своими отличительными чертами³. Попытки механически применить технологии одной институции к другой чаще всего оказывались обреченными на крах. В механизмах сложившихся институтов кроется главная разгадка эффективного администрирования.

Объектом исследования выступает Департамент уделов как один из органов государственного управления, наделенный специфическим кругом полномочий.

¹ Толстов С.И. Крестьяноведение: предмет, трудности становления, региональный аспект. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/40-199.html> (дата обращения: 12.03.2013). Режим доступа: свободный.

² Ланской Г.Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX - начала XX вв.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник. 2007. С. 28. Красникова, Ю.Н. Удельное хозяйство в первой половине XIX века: почему стоит уделить этому внимание в школьном курсе. // Преподавание истории в школе. М., 2022. № 6. С. 24–29.

³ Остром Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия. Пер. с англ. Т. Монтян. Киев, 2013. С. 35

Предметом исследования является социально-экономическая политика Департамента уделов и его взаимодействие с другими государственными структурами Российской империи.

Цели и задачи исследования

Цель исследования – всестороннее изучение деятельности Департамента уделов и его места в структуре государственных учреждений Российской империи в первой половине XIX в.

Конкретные исследовательские задачи, решаемые в диссертации, можно сформулировать следующим образом:

- в рамках модернизации проследить процессы становления и эволюции Департамента уделов в первой половине XIX века;
- изучить роль субъектов модернизации во влиянии на точки экономического роста;
- изучить историографию вопроса, сделать анализ источников по теме исследования;
- исследовать организационную деятельность Департамента уделов в контексте эволюции государственных учреждений Российской империи;
- рассмотреть территориальную организацию удельного хозяйства;
- рассмотреть вопросы взаимодействия ведомства с прочими государственными структурами по поводу управления подвластными ему крестьянами и проанализировать аспекты этого взаимодействия на разных уровнях власти: центральном, региональном и местном;
- изучить механизмы взаимодействия удельного ведомства, систем государственного управления и органов местного самоуправления;
- дать анализ делопроизводства Департамента уделов как части системы государственного управления Российской империи;
- выявить причины роста коррупционной составляющей в удельном ведомстве и проанализировать антикоррупционную политику Департамента уделов;

- выявить причины и проследить изменение официальных подходов к проведению преобразований в удельной деревне;
- проанализировать налоговую политику, в отношении удельных крестьян и ее влияние на развертывание социально-экономических процессов в удельной деревне, а также выявить особенности налогообложения применительно к удельным имениям;
- уточнить роль государства в процессе выработки оптимальных правовых форм для регулирования деятельности Департамента уделов и удельных крестьян;
- исследовать условия хозяйственного развития удельной деревни, в том числе обеспеченность земель и развитие неземледельческой деятельности крестьян;
- дать историко-правовую оценку религиозной политике в удельной деревне;
- провести анализ исполнения воинской повинности удельными крестьянами в мирное время и в условиях военной мобилизации;
- проанализировать устойчивость созданной в 1797 г. финансовой модели по обеспечению членов императорской фамилии, изучить источники и средства наполнения удельного бюджета;
- проанализировать развитие удельной системы в контексте эволюции экономико-хозяйственного развития Российской империи;
- выявить роль государства, самого императора и его окружения в процессе развития института «попечительства» в отношении удельной деревни;
- определить значение правительственных образовательных проектов для удельных крестьян, а также выявить их связь как с политикой ведомства, так и с общей идеологической концепцией государства.

Хронологические рамки исследования охватывают период первой половины XIX в. Хотя указ об образовании Департамента уделов появился в

1797 г., однако процесс его организации в основном завершился к самому началу названного времени. Верхняя временная граница очерчена серединой 50-х гг. XIX в., когда начинается существенно новый период в истории ведомства, связанный с активной подготовкой отмены крепостного права в удельной деревне.

Территориальные рамки исследования ограничены теми губерниям Российской империи, где в изучаемый нами период располагались удельные имения. Границы общего удельного хозяйства были достаточно подвижны, так в 1797 г. в его состав входило 36 губерний, а в 1836 г. уделы компактно сосредоточились в 14. Территориальная организация целиком зависела от удельных органов, выбиравших удобные для них формы администрирования.

Степень изученности темы. Историография по теме исследования крайне скудна. В Российской империи тема организации и управления личным хозяйством императора изучалась крайне мало. Вместе с тем свободного доступа к документам у исследователей не было. В самом конце XIX в. при подготовке юбилейного издания Департамент допустил некоторых чиновников и историков в главный удельный архив. В начале 1900-х гг. последовательно вышли три тома издания «История уделов за столетие их существования. 1797 – 1897»¹. Перед авторами стояла задача показать успехи ведомства, поэтому для написания труда было привлечено немалое количество источников, собраны многочисленные статистические сведения. Трехтомник имеет определенную историческую ценность и сегодня. Между тем в дальнейшем в дореволюционный период специальных трудов не выходило.

Советская историография, несмотря на активное изучение крестьянского вопроса, редко уделяла внимание рассматриваемому учреждению. Она сосредоточивалась на помещичьих и государственных

¹ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1901–1902. Т. 1–3.

крестьянах. Более детальный анализ литературы периода СССР будет дан в специальном параграфе.

В постсоветское время появился интерес к теме удельного хозяйства. Предметами исследования становились и различные аспекты, связанные как с удельными крестьянами, так и с самим ведомством. Но опять же отдельного исследования, посвященного Департаменту уделов, до сих пор так и не вышло. Впрочем, встречаются некоторые упоминания о ведомстве в работах, посвящённых истории государственных учреждений Российской империи¹.

По истории удельных крестьян в начале нынешнего века вышло одно комплексное исследование. Н.В. Дунаева внесла существенный вклад в изучение удельных крестьян и организацию управления в удельной деревне, она дала историко-правовую оценку как удельным структурам, так и удельному крестьянству². Примененный автором междисциплинарный подход позволил осмыслить комплекс вопросов по изучению удельных крестьян. Тем не менее современные исследователи уделяют больше внимания изучению региональных аспектов проблемы³. Мы бы могли

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. / Ред. Ерошкина Н.П. Т. 3. СПб., 1998; Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996; Приходько М.А. Реформа центральных учреждений государственного управления и создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века. // Правоведение. М., 2000. № 5. С. 187–197; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начала XX вв. СПб., 1999. С. 397.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2006. URL: <https://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/> (дата обращения: 12.03.2019). Режим доступа: свободный.

³ Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Саранск, 2003; Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половины XIX вв.: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Саранск, 2002; Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт – Петербургской губернии в конце XVIII – середине XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. СПб., 1993; Красникова Ю.Н. Департамент уделов и удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. СПб., 2007; Просвирякова Т.Н. Деятельность государства в развитии грамотности удельного крестьянства (на примере Владимирской губернии) // Человек в российской повседневности: история и современность. Пенза, 2008. С. 216; Завитаев А.Н. Волнение удельных крестьян Золотовской волости 1830 г. // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы научной конференции. Липецк, 12-13 апреля 2011. Липецк, 2011. С. 98–103.

выделить работы П.П. Котова, который всесторонне рассмотрел историю удельных крестьян Севера России¹.

Научная новизна

1. Новизна исследования определена образовавшейся лакуной в изучении Департамента уделов как одного из государственных учреждений Российской империи. По нашему мнению, без ее заполнения нельзя сформировать комплексное представление о высших и центральных учреждениях Российской империи в XIX в.

2. Впервые в историографии проведен комплексный историко-правовой анализ деятельности Департамента уделов, показано его место в системе государственных учреждений Российской империи.

3. Впервые в историографии определена ключевая роль министра Департамента уделов; пользуясь особым доверием, а часто и личной дружбой императора он имел возможность эффективно влиять на политику своего ведомства.

4. Определена особая роль первого товарища министра Департамента уделов в рамках министерской реформы, проводившейся в Российской империи. Показана эволюция компетенций товарища министра: занимая в начале второстепенную должность, позже он стал фактическим руководителем учреждением.

5. Проведен анализ политики «попечительства», которая формировала у крестьянства патерналистическую систему взглядов и убеждений. В контексте

¹ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг. Учебное пособие. Сыктывкар, 1991; Он же. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 1(9). Сыктывкар, 2012. С. 83–88; Он же. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 гг. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2021. № 4 (50). С. 46–54. Он же. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 4. С. 39–46. Он же. Уровень подушной и оброчной податей в удельно деревне Европейского Севера России по законодательным источникам // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сб. статей. Сыктывкар, 2020. С. 19–26.

модернизационных процессов, начинавшихся в Российской империи, это обстоятельство нивелировало фактор заинтересованности сельчан в росте производительности их хозяйств. Крестьяне упорно избегали рисков и ответственности, перекладывая их на власть.

6. На конкретно-историческом материале определено содержание модели аграрных развития и управления, которую император видел «как образцовую».

7. Дан детальный анализ процедур изменения крестьянского хозяйства в условиях многоукладности сельской экономики. Наличие разных форм хозяйствования открывало простор для развития различных видов крестьянских промыслов.

8. Выявлена роль идеологического фактора в ведомственной политике Департамента уделов на всем протяжении рассматриваемого периода. Продемонстрировано влияние политических взглядов императора на выработку курса в области религиозной политики и политики «попечительства».

9. Прослеживается эволюция отношений между губернским начальством и региональными удельными органами.

10. Подвергнут исследованию институт крестьянского самоуправления, предусмотренный законом 1797 г.; указано его место в удельной системе управления. Сделан вывод об ограничении во второй четверти XIX в. прав крестьян на самоуправление.

11. Впервые объектом изучения стало делопроизводство в Департаменте уделов. При этом оно рассмотрено на всех уровнях управления: от центральных органов до местного уровня власти. Удалось выявить общие и специфические черты документа оборота удельного ведомства как структурной части общегосударственного управления.

12. Впервые в историографии были изучены состояние коррупции в удельной деревне и мероприятия по борьбе с ней. Установлена прямая

зависимость между массовым неповиновением удельных крестьян и фактами коррупции и мздоимства на местах.

13. Произведен комплексный анализ эволюции правового статуса удельных крестьян Российской империи; установлено, что он претерпевал существенные изменения на протяжении всей первой половины XIX в. Так, в диссертации констатируется наличие двойственного характера процедуры регулирования правовых отношений применительно к удельным крестьянам в первой четверти XIX в. Вместе с тем диссертант пришел к выводу, что во второй четверти XIX в. удельные крестьяне не только в поземельном, но и в правовом отношении в значительной мере, но далеко не во всём, уравнивались с помещичьими.

14. Выявлены и изучены особенности налоговой политики и налогообложения крестьян в удельной деревне. Первоочередное внимание уделено процессу перевода крестьян с подушного налогообложения на поземельный сбор.

15. Изучены возможности развития капиталистических элементов в удельной системе хозяйствования.

16. Произведен комплексный историко-правовой анализ рекрутских наборов в удельной деревне. Прослежены проявления специфических особенностей института рекрутства в удельной деревне. Обращено пристальное внимание на трансформацию в среде сельского населения самого понимания воинской службы в мирное и военное время.

17. Осуществлен анализ механизмов обеспечения членов императорской фамилии. Показана эволюция системы содержания семьи императора: от ее задумки до реальной реализации.

18. Обоснован вывод о том, что институт кормилиц членов императорской фамилии стал своеобразным и парадоксальным проявлением имплицитной связи между царствующим домом и народом в лице удельной крестьянки.

Методология и методы исследования

В качестве методологической основы применялась теория модернизации. В современной историографии концепция модернизации используется как средство построения многофакторных моделей на основе изучения структурной динамики. Это позволяет выявить параллели национальных или локальных изменений в контексте мировых трансформаций. Данная теория оказалась крайне значимой в рассмотрении эволюции государственных и экономических институтов. Обозначенные хронологические рамки диссертационного исследования совпадают с теми качественно новыми явлениями, которые происходили в общемировом пространстве. Так или иначе, процессы, запущенные модернизацией, носили необратимый характер и определили вектор развития на долгое время. Теория модернизации позволила проанализировать и увидеть те изменения, которые нарастали в Российской империи в XIX в. при переходе к новым общественным отношениям и способствовали укрупнению рыночных механизмов.

В диссертационном исследовании при изучении истории ведомства нами также были применены институциональная и неинституциональная теории. История удельного хозяйства – это продукт взаимодействия различных институций. Они имели как официальный нормативно-закрепленный характер, так и неформальный характер. При этом значимость представляли, как те, так и другие.

Также были применены специальные приемы современной науки, которые позволили выявить малоизученные аспекты темы. Структурно-функциональный подход позволил определить и проанализировать отдельные элементы в системе управления в целом. Обсуждение вопроса о существовании Департамента уделов рассмотрено через призму общегосударственных преобразований в Российской империи начала XIX в.

Диссертация подготовлена на основе базовых принципов исторической науки, в число которых входит системность и историзм. Опорными идеями

служат также многофакторность исторического процесса и принцип проблемно-хронологического изложения материала.

Положения, выносимые на защиту

1. Организация удельного хозяйства преследовала две основные цели, они были закреплены нормативно в «Учреждении об императорской фамилии». Первая состояла в том, чтобы создать устойчивую систему содержания младших членов царской семьи, которые не обеспечивались из государственного бюджета. Вторая цель заключалась в организации образцового хозяйства, которое должно было стать примером рационального подхода и эффективного управления. Департамент уделов, обладая достаточными ресурсами и прямой поддержкой императора, постепенно оградил удельные имения от внешнего вмешательства. Это позволило им стать своеобразной экспериментальной площадкой для реализации различных хозяйственных проектов. Наиболее успешные из них впоследствии были масштабированы в общегосударственные мероприятия.

2. Для реализации поставленных целей была образована иерархичная структура администрирования удельного хозяйства. Департамент уделов и подчинённые ему структуры постепенно нормативно обособлялись от государственных учреждений Российской империи и достигли к середине 1830-х гг. практически полной автономии. С этого момента все хозяйственные распоряжения регулировались внутренним законодательством и нормативно-правовыми актами, исходившими напрямую от императора. Чем больше Департамент уделов и система управления в целом отделялись от общегосударственного ведения, тем более внушительной становилась внутренняя система правовых норм. Даже те сферы общественной жизни, которые попадали под общегосударственное регулирование имели свои специфические черты и свою практику применения.

3. Ключевое значение в структуре центрального управления имели министр и первый товарищ. В изучаемый нами период существенные претерпела измененная должность первого товарища министра. Первоначально

его полномочия были незначительными. Со второй четверти XIX в. на основании внутренних локальных нормативно-правовых актов начался процесс расширения компетенций этого должностного лица. В 1820-е гг. на него возложили ответственность за работу Департамента уделов; в отсутствие министра он фактически становился руководителем ведомства. Такое отделение его функций от прерогатив остальных товарищей было связано не только с необходимостью уменьшить нагрузку, выпадавшую на министра, но и с окончательным обособлением Департаментов уделов от механизмов внешнего управления и контроля.

4. Эволюция отношений между губернскими и удельными властями в изучаемый нами период характеризовалась процессом более детальной регламентации межведомственных отношений, производившимся путем принятия отдельных нормативных правовых актов. Первоначально законодатель для удобства управления подчинил удельные власти губернским. Со второго десятилетия XIX в. за губернскими властями фактически сохранялись лишь функции надзора; принятие решений в отношении удельного имущества было возможно только через уполномоченное от Департамента уделов лицо. Со стороны Департамента уделов ужесточился стиль управления регионами, что проявилось, в частности, в росте объемов административных распоряжений и инструкций, направлявшихся в регионы. Министр уделов и Департамент, добиваясь единообразия в ведении дел стали направлять в удельные конторы и отделения циркулярные предписания не только по вопросам общего характера, но и распоряжения, принятые по частным случаям, а также и разъяснения по поступающим с мест вопросам о применении или толковании отдельных нормативных правовых актов.

5. Процесс юридического оформления и практического решения организационно-административных задач в удельной деревне – далеко не одномоментный акт. Это была довольно сложная и многотрудная организационная работа. Выстраивались системы центрального,

регионального и местного управления удельными именьями. Налаживалась система относительно эффективного администрирования подведомственных территорий. Возникали и преодолевались сложности, связанные с удаленностью удельных имений от административного центра и их рассредоточением. Более компактного территориального сосредоточения ведомство смогло достигнуть в 1830-е гг.

6. Автором дана характеристика документооборота Департамента уделов в изучаемый нами период. Определены масштабы его нарастания. В эволюции делопроизводства наблюдались следующие тенденции. Во-первых, постепенно сокращалась интенсивность межведомственной переписки, но при этом увеличивался объем внутренней документации. После проведенной в 1808 г. административной реформы и выведения региональных структур из-под опеки губернских органов выросло число административных распоряжений и инструкций. Это имело следствием увеличение внутренних документальных потоков и пространной внутриведомственной переписки. Во-вторых, со второй четверти XIX в. меняется тональность письменного взаимодействия с государственными учреждениями Российской империи. Департамент уделов, все больше отделявший от общегосударственного регулирования, позиционировал себя как коронное учреждение, имевшее закрытый характер. Особо подчеркнем, что Департамент уделов весь изучаемый нами период пытался наладить стратегию по замещению должностей делопроизводителей.

7. Автор уделил внимание динамике коррупционного поведения чиновников, управлявших удельной деревней. Автор обнаруживает, как круговая порука государственных служащих всех уровней затрудняла обнаружение и расследование злоупотреблений. Департамент уделов самостоятельно, а также с участием привлекавшихся им других правительственных органов занимался профилактикой соответствующих преступлений. Проблема коррупции в удельной деревне оставалась актуальной на протяжении изучаемого нами периода. Этот процесс

провоцировался как несовершенством удельного законодательства, так и противоправным поведением самих служащих.

8. Император Павел I определил объем финансирования членов императорской фамилии, четко прописав размер содержания для каждого, но сам же первым это правило и нарушил. Динамика расходов «сверх расписания» увеличивалась от царствования к царствованию. Несмотря на это, весь изучаемый нами период бюджет Департамента уделов имел профицит. Первоначально он обеспечивался передачей Департаменту под управление самых разнообразных производств и имущества. В дальнейшем пополнение и рост бюджета в первую очередь стали результатом реализации экономических проектов Департамента уделов, которые реализовывались в условиях новой рыночной действительности.

9. Противоречивость, присущая промышленному перевороту и процессу начальной модернизации в Российской империи, отразилась на истории удельного управления и развитии его хозяйственной инфраструктуры. Департамент уделов инициировал целый ряд мероприятий по интенсификации промышленного развития экономики ведомства и удельного хозяйства в целом. В нем трудились сотрудники-управленцы, которые имели хозяйственный опыт и мыслили западными категориями прибыли. Они обладали предпринимательскими навыками и получили под свое начало разнообразные ресурсы в целях осуществления рыночного переворота: первоначальный капитал, средства производства. Они исходили из того, что, изучив западноевропейскую практику, достаточно ее привнести в Россию. Однако рыночные механизмы были не в состоянии быстро изменить человеческий фактор.

10. Нечеткость определения правового статуса удельных крестьян была заложена еще в положении «Учреждение об императорской фамилии». В поземельном отношении законодатель приравнивал удельных крестьян к помещичьим и закрепил, что крестьяне эти не входят в разряд

частновладельческих и относятся к удельным¹. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались уточняющие нормативно-правовые акты. Процедура правового регулирования растянулась на всю первую половину XIX в. В диссертации констатируется двойственный характер регулирования в первой четверти XIX в. правовых отношений применительно к удельным крестьянам. В данный период они уже лишились части гражданских и имущественных прав, которыми обладали государственные и экономические крестьяне, но, еще не во всем были уравнены с помещичьими. Со второй четверти XIX в. удельные крестьяне не только в поземельном, но и в правовом отношении все больше уравнивались с помещичьими. Но этот процесс так и не был доведён до своего логического завершения, удельные крестьяне сохранили неопределённый (своего рода промежуточный) правовой статус. В целом правовое положение ведомственного крестьянства в изучаемый период существенно и последовательно изменялось.

11. Департамент уделов организовал сеть образовательных учреждений, каждое из них должно было решать специфические задачи. Так, приходское образование широко использовалось при аккультурации присоединяемых к уделам новых территорий с преимущественно «нерусским» населением. Особенности реализации образовательных программ была и гендерная направленность. Под реализацию образовательных программ попадало как мужское, так и женское население удельных имений. Несмотря на то, что большей частью содержание образовательных учреждений легло на крестьянство, нами не было выявлено ни одного случая внешнего проявления социального протеста по этому поводу.

12. Религиозная политика Российской империи в первой половине XIX в. определялась устойчивой ориентацией на приоритетность распространения православия. Благонадежность подданных определялась в

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

том числе и вероисповеданием. Право миссионерской деятельности являлось исключительным только для РПЦ, для других конфессий вводился запрет прозелитизма. Департамент уделов в выстраивании религиозной политики опирался как на общегосударственное законодательно, так и принимал дополнительные внутренние нормативно-правовые акты. Стратегия формирования отношений с нехристианским населением у удельного ведомства выстраивалась в зависимости от степени их лояльности власти. Весь изучаемый нами период приверженцы неправославных конфессий осуществляли свою деятельность в рамках запретительного и ограничительного законодательства. Озабоченность у власти вызывали удельные крестьяне, перешедшие из православия в другие религиозные течения. Несмотря на то, что явление перехода обнаруживалось во всех социальных группах, наиболее суровые санкции были введены в отношении именно удельных крестьян. Ведь удельные имения должны были стать образцом не только хозяйственного управления, но и нравственного прогресса. К середине XIX в. экономические приоритеты перевесили идеологические и религиозная политика Департамента уделов в отношении вышедших из православия стала более сдержанной.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что внесен важный вклад в разработку теории модернизации: в работе выявлена и доказана взаимообусловленность и взаимозависимость динамики протекания модернизационных процессов от состояния социальных институтов. Как мы видим на изученной нами модели построения образцового хозяйства в Российской империи, реформистская политика требует не только сложившейся инфраструктуры и подготовленного управленческого потенциала, но и изменения системы ценностей в массовом сознании (в нашем случае – в сознании удельных крестьян).

Диссертация является первым специальным исследованием истории Департамента уделов и генезиса удельного хозяйства. В ней содержится

авторская разработка проблемы взаимодействия этого ведомства с рядом других государственных учреждений. В исследовании обнаружены ответы удельного ведомства на вызовы, обусловленные первыми модернизационными изменениями в российском социуме.

Диссертационное исследование можно использовать для комплексной проработки проблемы государственных учреждений Российской империи первой половины XIX в. Предложенные алгоритмы и методологические подходы позволяют расширить рамки изучения государственного реформирования и государствоведения. Теоретические положения диссертационной работы и зафиксированный опыт прошлого могут быть использованы и для проработки вопросов государственного реформирования на современном этапе.

Результаты исследования вносят весомый вклад в соответствующие разделы истории России, истории государственных учреждений и формируют базу для дальнейших исследований. Материалы диссертации целесообразно использовать для разработки обобщающих исследований истории государственных учреждений Российской империи. Основные положения работы позволяют концептуально обновить содержание преподавания общих и специальных дисциплин и курсов в учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования, методических и информационных материалов по соответствующим разделам дисциплин «История государственного управления в России», «История государственных учреждений», «Отечественная история», «Социология управления», «История местного самоуправления», «История аграрных отношений».

Степень достоверности и апробация результатов. Апробация результатов исследования проходила в процессе преподавания курсов «История государственного управления в России», «Отечественная история», «История аграрных отношений», «Социология управления», а также в выступлениях на международных, всероссийских, региональных, научно-

теоретических и научно- практических конференциях, проведенных в городах Вологда (2003), Пенза (2007), Москва (2011, 2013), Пенза (2011), Тверь (2012), Оренбург (2012), Белград (2013), Башкортостан (2013), Бельгия, Левен (2013), Курск (2014), Латвия, Вильнюс (2015), Санкт-Петербург (2002, 2004–2022 гг.). По теме диссертации опубликованы 1 авторская монография и подготовлены разделы в 2 коллективных монографиях. Также опубликованы 56 научных работ, в т. ч. 18 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России для размещения основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, и иностранных изданиях.

Структура диссертации обусловлена спецификой ее объекта и предмета, целями, задачами и внутренней логикой. Исследование построено по проблемному принципу и состоит из введения, четырех глав, заключения, приложений, списка источников и литературы.

Глава 1. Методология и методы исследования, историография, источники

1.1. Методология и методы исследования

Основной методологией, применяемой нами в исследовании истории Департамента уделов, стала теория модернизации. Она оказалась функциональной и значимой при рассмотрении эволюции государственных и экономических институций. По аргументации современных исследователей, модернизация – это последовательный процесс общественных трансформаций, постепенно изменяющий социальное пространство¹.

Как известно, долгое время в исторической науке доминировала теория общественно-экономических формаций. Чтобы отойти от ее базовых установок, мы использовали теоретико-методологические модели модернизационной парадигмы. Обозначенные хронологические рамки диссертационного исследования совпали с теми новыми изменениями, которые происходили в общемировом пространстве. Процессы, запущенные модернизацией, носили необратимый характер и опередили вектор развития на перспективу.

Время включения Российской империи в процесс трансформаций до сих пор является дискуссионным вопросом. Ученые соглашаются, что с XVIII в. были запущены процессы промышленного переворота во всех развитых странах. При этом модернизация имела противоречивый характер. Не во всех странах и не во всех сферах она протекала с одинаковой интенсивностью. В странах Западной Европы процесс модернизации происходил более динамично, чем в Российской империи².

¹ Матвеев Ю.И. Модернизация: теория и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1. С. 163–164.

² Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «фабричная лихорадка» первой половины XIX века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2016. № 4. С. 28.

Хронология периода промышленного переворота, без которого невозможна модернизация, является дискуссионной темой. Предлагаются критерии и признаки в целях обоснования все более раннего начала перехода обществ к индустриальному этапу. Однако, как отмечает исследователь Ю.И. Матвеевко, «каждый из теоретиков модернизационного процесса предлагал собственную стратегию и тактику проведения процесса общественного и государственного обновления»¹. Сформировался системный подход к изучению промышленного переворота в Европе и США. Исследователи «исходят из того, что промышленная революция есть важнейший этап развития глобальной мир-системы»². Авторы указывают на существенные качественные изменения, которые сложились в XVIII в. и сделали трансформации неизбежными.

В отечественной историографии ставился вопрос о начале промышленного переворота в Российской империи. Нередко историческая наука относила это начало к 1830–1840-х гг.³ Долгое время это было парадигмой, особенно для учебной литературы. Современные же исследователи все чаще приходят к выводу, что промышленный переворот начался на рубеже XVIII–XIX в. По мнению М.Г. Нечаева, это привело и к более раннему его завершению в 1860-е гг.; автор делает вывод о том, что особенностью развития отечественной промышленности была низкая динамика⁴.

¹ Матвеевко Ю.И. Модернизация: теория и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1. С. 155.

² Булдыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 95.

³ Яцунский В. К. Промышленный переворот в России: к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 48–70.

⁴ Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «фабричная лихорадка» первой половины XIX века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2016. № 4. С. 5–38.

В подтверждение более раннего начала промышленного переворота выступают исследования о развитии региональной промышленности. По мнению А.Т. Кашенова, в Западной Сибири «крестьянская промышленность в форме ремесла и мелкотоварного производства достигает в середине XVIII в. таких размеров, что становится серьезным конкурентом ремеслу, мелкотоварному производству и даже мануфактурам городов»¹.

Промышленное производство становилось двигателем общественных изменений. Несмотря на тормозящее влияние традиционного общества, первые десятилетия XIX в. оказались временем интенсивного развития индустрии, появления важных технических новшеств, бурного роста торгово-промышленных селений и т. д. Поэтому неслучайно именно этот исторический отрезок времени послужил предметом дискуссии о социально-экономической природе отечественной мануфактуры, о вольнонаемном труде, о начале промышленного переворота, о формировании капиталистического уклада, т. е. в целом об особенностях генезиса капитализма в России².

Противоречивость промышленного переворота и модернизации в Российской империи отразилась на истории удельного управления и развитии его хозяйственной инфраструктуры. Теория модернизации позволила более глубоко подвергнуть анализу рыночные отношения и факторы экономического роста первой половины XIX в. Департамент уделов инициировал целый ряд мероприятий по интенсификации промышленного развития экономики ведомства и удельного хозяйства в целом. Предпосылки этого процесса вызрели к концу XVIII – началу XIX в. В крестьянской среде в силу рискованности земледелия активно рос рынок мелкотоварного производства и ремесла. Появился слой крестьянства, отделившийся от земледелия.

¹ Кашенов А.Т. Государственно-правовое регулирование промышленности в Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3 (66). С. 28–35.

² Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1801-1861 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Уфа, 2003. С. 3.

В результате исследования удельной хозяйственной инфраструктуры мы пришли к выводу, что в реализации проектов Департамента уделов в первой половине XIX в. проявилась вся противоречивость ранних этапов модернизации в Российской империи. С одной стороны, Департамент уделов обладал существенным экономическим потенциалом; ему покровительствовал император и члены его фамилии, поэтому в нужное время включались политические механизмы принятия решений. Ведомство сосредоточило в центральных органах управления людей образованных и инициативных, отвечавших за стратегическое развитие, которые постоянно генерировали новые идеи. С другой, сложившаяся у крестьянства патерналистическая система взглядов и убеждений в результате проводимой Департаментом уделов политики «попечительства» нивелировало фактор заинтересованности сельского населения удельной деревни в росте производительности своих хозяйств, побуждая крестьян избегать рисков и ответственности, перекладывая их на ведомство. Промышленный прогресс сталкивался с традиционным обществом и его укладом.

При изучении темы влияния человеческого фактора на экономическое проектирование встают проблемы, связанные со сложностями применения количественных методов сбора данных. Еще сложнее изучать культурные и ментальные факторы, оказывавшие влияние на экономические и социальные процедуры. По мнению ученого П.М. Немирович-Данченко, «любой современный исследователь, рассуждая о ментальности, пользуется, как правило, своими собственными дефинициями. С одной стороны, это удобно: всякий может «подогнать» под определение ментальности свою собственную точку зрения. С другой стороны, такой релятивизм в подходах и суждениях создает немалые трудности для любого, кто попытается хоть как-то систематизировать все эти теории менталитета»¹.

¹ Немирович-Данченко П.М. К вопросу о методах изучения ментальности // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1 (2). С. 89–90.

На сегодняшний день универсального подхода к изучению такого сложного феномена, как ментальность, в науке не сложилось. Исследователи выделяют культурологический, психологический, философский, политический, этнологический, историко-антропологический и социологический пути изучения¹. Мы в диссертационном исследовании уделили внимание исследованию вопросам ментальности, поскольку, по нашему мнению, ментальный фактор, особенно в историческом контексте, являлся существенным. Его трактование позволяет приблизиться к пониманию той социальной разобщенности, которая установилась в структурах взаимоотношений между разными общественными группами. Важно было сделать факторами социального и управленческого действия не только органы власти, но и объект управления (крестьянство).

В исследовании применялась и институциональная теория. Она позволила определить процесс трансформации институтов, оценить создание новых и осуществление изменений в существовавших. История удельного хозяйства – это продукт взаимодействия различных институций. Последние имели как официальный нормативно-закреплённый, так и неформальный характер. При этом были весомыми как те, так и другие. Противоречивость генезиса рыночных отношений проявилась в истории удельного ведомства через столкновение традиционных институтов и нарождавшихся новых, которые, в свою очередь, изменялись под воздействием модернизации. Тем временем «институциональные изменения всегда есть продуцент человеческой деятельности»². Поэтому скорость изменений зависела в том числе и от того, вызрели ли эти институции внутри самой социальной реальности или были привнесены государством «сверху».

¹ Богодухова Е.Е., Фомина М.Н. Основные научные подходы к изучению менталитета и ментальности // Kant. 2020. № 2 (35). С. 117–120.

² Сухарев О.С. Вопросы методологии институционального анализа: нормативные оценки и теория // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 3. С. 27.

В исследовании сложных социальных процессов нами был использован неoinституциональная теория как методология, признающая решающее значение институтов в социально-экономическом развитии, а также исходящая из утверждения о влиянии сложившихся или развивающихся институций на деятельность субъектов. Применение данной методологии позволило нам определить коллизии следующего рода: со стороны Департамента уделов новации выглядели современными и полезными, а крестьянской общиной не принимались или даже игнорировались. Данная методологическая парадигма выявила решающее влияние идеологического фактора на формирование политики; это привело, например, к усилению аккультурации нехристианского населения в удельных имениях и давлению на представителей религиозных групп внутри православия. Ко всему прочему политика попечительства объективно обуславливала снижение деловой активности в деревне.

Мы согласны с тем исследователями, которые признают ограниченность «национальной перспективы в изучении исторических явлений и необходимость рассматривать их в более общей континентальной и глобальной перспективах»¹. Российская империя в изучаемый нами период не являлась закрытым обществом, более того, европейские ценности, идеи и институты усваивались отечественным социумом. XIX в. – это время активного реформирования. Неoinституциональная теория позволяет увидеть историю нашей страны в контексте общемировых процессов, выявить влияние идей просвещения на те проекты и дискуссии, которые распространились в среде политической элиты того времени. Но мы также вынуждены констатировать, что основную часть населения в изучаемый нами период эти вопросы не коснулись и так называемая европеизация их не затронула; более того, они оказали ей скрытое сопротивление, о чем мы скажем в

¹ Христофоров И.А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013. С. 5.

диссертационном исследовании. Это говорит о том, что в особенностях сложившихся институтов кроется главная разгадка эффективного управления¹.

В качестве методологии была применена теория элит. Причем некоторые подходы являются спорными в современных условиях развития общественных и политических институтов, но сохраняют свою актуальность для исторического исследования. Так, на сегодняшний день ставится под сомнение дихотомия элиты–не-элиты: в одной новейшей работе отмечается, что «стабильность разделительных линий между политическими элитами и не-элитами существует скорее в головах исследователей, нежели чем в социальной и политической реальности»². В изучаемый нами период с присущей ему минимальной социальной мобильностью можно провести четкую границу между указанными категориями. В то же время под влиянием многих факторов к XIX в. усилился раскол общества. Часть дворянской элиты, уже достаточно образованной и начитанной, оказалась увлеченной новыми идеями и была готова продвигать передовые общественно-политические направления. Некоторая часть элит ориентировалась на получение и наращивание экономической прибыли с применением новых рыночных механизмов, она готовилась принять на себя предпринимательские риски.

Основываясь на западноевропейской практике, часть занимавшихся управлением экономикой дворян считали, что достаточно разработать и предложить эффективные модели. При этом элиты учитывали исключительно свое понимание действительности, не осознавая, что крестьянство думает и воспринимает реальность совсем по-другому. Примечательно, что данная коллизия обнаруживается при рассмотрении делопроизводственной внутриведомственной переписки Департамента уделов. Чиновники ведомства то и дело обижались на крестьян, огорчались из-за крайней инертности их, не

¹ Остром Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия. Пер. с англ. Т. Монтян. Киев, 2013. С. 35

² Алексеева Т.А., Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А. Дилеммы современной теории политических элит: что дальше? // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 82.

желавших понимать пользы принимаемых и реализуемых решений. Управленческие элиты были оторваны от опекаемого ими населения. Традиционное общество отторгало нововведения. Крестьянство не понимало значимости как общего, так и профессионального образования; не хотело нести риски в предпринимательской деятельности; не ценило важности страхования или формирования пенсионных отчислений и т. п. Переломить это сопротивление в изучаемый нами период не удалось.

В диссертации мы применяли разнообразные методы научного исследования, которые нам позволили актуализировать междисциплинарный подход к изучению поставленной проблемы. Конечно, ключевую роль играли проверенные временем методы исследования: историзм, научная объективность, историческая логика и системность. Они являются основой любого исследования и не вызывают дискуссии со стороны ученых. Эти методы в совокупности позволяют говорить о взаимообусловленности общественных, социально-экономических процессов первой половины XIX в. С их помощью мы можем изучить развитие государственных институтов, представляющих систему управления, характерную для каждого исторического периода; определить вызревание различных процессов в их историческом контексте; применение этих методов дает возможность проследить преемственность формирования организаций и учреждений и т. п. Принцип пространственной обусловленности позволяет проследить изменения, происходившие в Российской империи, во взаимосвязи с распространявшимися европейскими идеями и влиянием их на процесс реформирования государственных институций и правовой системы в Российской империи. Метод исторической логики был использован для обнаружения внутренних связей и характерных черт исследуемых объектов.

Основными методами исследования также стали статистический и количественный анализ. Для удобства поведения анализа количественных показателей были составлены обобщающие таблицы и диаграммы, которые

позволили обнаружить динамику изменений числовых показателей в конкретном хронологическом периоде.

Также нами применялись методы герменевтики, исследование не только самого текста, но и его смыслов. Особенно полезным это было при работе с нарративными источниками.

Метод социальной антропологии, расширяющий знание об эволюции социального субъекта, позволил выявить «узкие места» в предмете исследования, малоизученные аспекты темы. Анализу был подвергнут институт кормилиц при императорской фамилии. Удалось выявить особенности этого социального феномена в Российской истории первой половины XIX в.

Нами был использован структурно-функциональный метод, который не так давно стал применяться в исторической науке¹. Он позволяет построить многофакторные модели на основе изучения структурной динамики и таким образом увязать разрозненные социальные феномены в единую систему. Структурно-функциональный подход позволил оценить всю систему управления в целом и выделить отдельные ее элементы. В частности, дискуссии, которые велись современниками по вопросу о необходимости существования Департамента уделов, рассмотрены через призму общегосударственных преобразований в Российской империи начала XIX в. Структурно-функциональный метод позволил обнаружить распространение механизмов влияния Департамента уделов на другие государственные учреждения Российской империи. Так, во многих ведомствах острой была проблема набора писарей из сельского населения, поэтому разработанная удельным ведомством практика подготовки писарей, показавшая хорошие результаты, реализовалась и в государственной деревне².

¹ Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург, 2005

² Красникова Ю.Н. Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в) // История повседневности. СПб., 2022. № 3(23). С. 41–63.

В целом, в последнее время произошло расширение применяемых в исторических исследованиях методов. Оказалось, что многие из них носят универсальный характер и могут стать основой в исследованиях по самым разнообразным направлениям науки. Это, в свою очередь, позволило нарастить инструментарий исследователя и прийти к новым рассуждениям и выводам.

1.2. Степень научной разработанности темы. Историография

Историография изучения истории Департамента уделов имела два основных дискурса: это изучение самого учреждения и подведомственного ему удельного крестьянства. Несмотря на то, что удельные крестьяне не являются предметом данного исследования, мы считаем нужным рассмотреть историографию этого вопроса, т. к. основной задачей ведомства выступало управление и заведывание сельским населением. Вопросы административного характера были напрямую связаны с заведованием удельным крестьянством и не случайно структура нашего исследования содержит целую главу, посвящённую названной категории сельского населения. По этим причинам в историографической части мы сначала рассмотрим исследования по истории Департамента уделов, а потом удельного крестьянства.

Дореволюционная историография по теме невелика. Можно отметить вышедший к столетию Департамента юбилейный трехтомный труд «История уделов за столетие их существования»¹. Инициатором его написания выступило само ведомство, что отразилось на содержании издания. Авторами были как чиновники ведомства, так и историки, которые получили доступ к главному удельному архиву.

Издание оказалось настолько объемным, что к юбилейной дате авторы успели опубликовать лишь однотомник². Только в самом начале XX в. был издан целиком объемный труд. Содержание «Истории уделов...» раскрывало развитие удельного хозяйства в Российской империи в целом. Но в силу

¹ История уделов за столетие их существования. 1797 – 1897. СПб., 1901–1902. Т. 1–3.

² Столетие уделов. 1797–1897. СПб., 1897.

тяготения к тенденциозности поставить какие-то серьезные теоретические проблемы авторам не удалось. Сюжет отличался повествовательностью, а сами сведения зачастую авторами приукрашались; видимо, поэтому данное трехтомное издание не рассматривалось исследователями как базовое для изучения вопросов удельного хозяйства. Тем не менее труд содержит в себе некоторые ценные материалы, которые требуют должной интерпретации и критического подхода. Авторы «Истории уделов...» собрали и составили статистические таблицы, достаточно подробно рассмотрели вопрос об эволюции крестьянского хозяйства и сельского самоуправления.

В советской историографии мы особо хотели бы отметить вышедшую в 1967 г. статью З.И. Кудрявцевой¹. Автор привлек богатый архивный материал, на основании которого раскрыл некоторые аспекты темы взаимодействия Департамента уделов с другими государственными учреждениями России.

Современные исследователи проявляют интерес к изучению истории Департамента уделов и выявлению его места в структуре государственных учреждений Российской империи. В статье М.А. Приходько, посвященной министерской реформе в целом, организация Департамента уделов определялась как составная часть реформистской политики начала XIX в.² А.А. Ефимов исследовал процесс формирования системы удельных имений³, но, к сожалению, к существенным новым выводам не пришел.

В современной историографии были изучены изменения в структуре ведомства от времени его организации до середины XIX в., рассматривалась эволюция делопроизводства и взаимодействия между Департаментом уделов

¹ Кудрявцева З.И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797–1863) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX вв. Л., 1967. С. 176–203.

² Приходько М. А. Реформа центральных учреждений государственного управления и создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века // Правоведение. М., 2000. № 5. С. 187–197.

³ Ефимов А.А. История создания системы управления недвижимым имуществом Департамента уделов в Российской империи в конце XVIII века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2017. С. 14–23.

и другими учреждениями Российской империи. Утверждается, что Департамент уделов смог создать самостоятельную обособленную структуру, которая все меньше и меньше взаимодействовала с другими учреждениями¹.

Сведения о Департаменте уделов содержатся в некоторых исследованиях, посвященных истории высших и центральных учреждений в России. Например, в многотомной работе, составленной под редакцией Н.П. Ерошкина², в третьем томе описана внутренняя структура Департамента уделов в том виде, в котором он вошел в состав Министерства императорского двора. Между тем в первое десятилетие XIX века учреждение имело совершенно другое внутреннее устройство. Ошибка повторена и в справочнике «Государственность России»³. При этом вышеназванные работы содержат в себе ценный обобщенный материал по истории Департамента уделов, сведенный в несколько страниц текста.

¹ Красникова Ю.Н. Деятельность департамента уделов в первой четверти XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2006. № 2. С. 165–169. Она же. Коррупция в Департаменте уделов и борьба с ней в первое 30-е XIX века // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., Пушкин, 2010. С. 54–66. Она же. Департамент уделов и министерская реформа в Российской империи в первой четверти XIX века // XIV Царскосельские чтения. Профессиональное образование: социально-культурные аспекты. Материалы междунар. науч. конф. 20-21 апреля 2010. СПб., 2010. Т. I. С. 124–129. Она же. Департамент уделов в системе государственных органов управления Российской империи в первой половине XIX века // Научное обеспечение развития АПК в условиях реформирования. Материалы науч. конф. профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов СПбГАУ. СПб., 2011. С. 660–664. Она же. Экономическая деятельность Департамента уделов по содержанию членов императорской фамилии (первая четверть XIX века) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб., 2012. № 26. С. 456–466. Она же. Изменения в системе государственного управления в первой четверти XIX века: на примере центральных органов управления Департамента уделов // Развитие АПК в свете инновационных идей молодых ученых. Международная научно-практическая конференция аспирантов и молодых ученых. 16–17 февраля 2012. СПб., 2012. С. 382–386. Она же. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11 № 4. С. 451–469.

² Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. / Ред. Н.П. Ерошкина. СПб., 1998. Т. 3.

³ Государственность России (конец XV–февраль 1917 г.). Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996.

Вкратце перипетии деятельности Департамента уделов затронуты в работах, посвящённых Министерству императорского двора и уделов¹; хотя Департамент являлся структурной частью этого учреждения с 1826 г. На наш взгляд, лаконичность упоминаний интересующей нас темы в трудах объясняется двумя причинами. С одной стороны, созданное в начале второй четверти XIX в. Министерство императорского двора включало в себя большое количество структурных частей, поэтому рассмотреть подробно все подразделения в рамках одной работы довольно сложно. С другой стороны, Департамент уделов сохранил свою самостоятельность и автономность, что усложняло исследовательские задачи. В других (кроме упоминавшихся) работах о Департаменте уделов содержится еще меньше сведений².

Итак, анализ научной литературы по истории Департамента уделов показывает, что ведомство чаще становилось объектом исследования в рамках истории государственных учреждений Российской империи. Авторы смогли затронуть некоторые аспекты развития ведомства, но системного изучения проведено не было.

Исследования, посвящённые истории удельных крестьян, более обширны. Первые исследовательские работы (публицистического плана, но с выраженными элементами научного обобщения) были посвящены подготовке отмены крепостного права в удельной деревне и ее осуществлению³. История крестьянства интересовала дореволюционных исследователей в связи с той общественной полемикой, которая развернулась в народнической среде во второй половине XIX в. Спорили о роли крестьянской общины как важного института самоуправления⁴.

¹ Несмеянова И.И. Министерство императорского двора и уделов в истории Российской государственности. Челябинск, 2009.

² Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII–начала XX вв. СПб., 1999. С. 397.

³ Вильсон И.И. Выкупные платежи бывших удельных крестьян. // Записки императорского географического общества по отделению статистики. СПб., 1878. Т. 5; Ходский Л.В. Земля и земледелец. СПб., 1891. Т. 1–2.

⁴ Воронцов В.П. Простая община удельных крестьян // Русская мысль. СПб., 1899. № 7. С. 101–154.

В.П. Воронцов, один из наиболее видных представителей народнического направления в русской экономической литературе, выступил с серией очерков по аграрной истории удельных крестьян. Кроме неизменной роли крестьянской общины, автор отстаивал интересы мелкотоварного производства и отрицал возможность развития капитализма в России. Он изучил роль земельных переделов для поддержания платежеспособности удельных крестьян¹. Идеализировал крестьянское самоуправление в удельной деревне и руководитель Трудовой народно-социалистической партии В.А. Мякотин². Значимость его исследований состоит в том, что автор на основании широкого круга источников, в том числе документов, хранившихся в главном архиве Департамента уделов, смог подробно осветить структуру организации местных органов власти в удельных имениях. Также Венедикт Александрович рассмотрел вопрос о личных и имущественных правах крестьян.

Статья историка П.А. Голубева во многом отличалась от всех предыдущих работ по истории удельного крестьянства. Возможно, на автора оказало влияние его крестьянское происхождение, он знал и понимал вопрос изнутри. Более того, он был замечательным статистиком и очень внимательно относился к анализу цифрового материала. В статье автор ставил вопрос о том, какими путями удельное ведомство сосредоточило в своих руках огромное количество земли. Отвечая, Петр Александрович убедительно доказал, что основная масса ее была незаконно отторгнута у казны³.

Советские историки обратись к изучению истории удельных крестьян в середине XX в. В 1948 г. историк Н.М. Дружинин констатировал: «Нельзя дать обобщающей истории крестьянства XIX в. без создания монографии об

¹ Воронцов В.П. Межселенные переделы среди удельных крестьян. // Русская мысль. СПб., 1899. № 9. С. 150–175.

² Мякотин В.А. Крестьянское самоуправление в удельных имениях // Русское богатство. 1903. № 6. С. 51-93. Он же. Личные и имущественные права удельных крестьян // Русское богатство. 1903. № 7. С. 63–70.

³ Голубев П. Удельные земли и их происхождение. // Вестник Европы. СПб., 1907. Кн. 10. С. 752–776.

удельных крестьянах, темы совсем не тронуты»¹. Советская историография обширна по количеству исследовательских работ, посвященных изучению истории удельных крестьян, поэтому мы рассмотрим ключевые сюжеты.

В советской историографии первые исследования вопроса были посвящены крестьянским движениям в удельной деревне. Все они имели региональный характер, а их изучение проводилось, преимущественно, на материалах местных архивов. География и хронологические рамки ограничивались пределами одной или нескольких губерний и короткими временными промежутками. Авторы выдвигали тезис о связи крестьянских выступлений с усилением крепостнических отношений². Особенно ярко это проявилось, по их мнению, в период организации общественной запашки и введения поземельного сбора³. Были предприняты попытки осветить крестьянские движения во всех удельных имениях страны с момента их образования и до начала развертывания административно–хозяйственных реформ в них, т. е. с 1797 по 1827 гг.⁴ В этих работах не нашли отражения формы крестьянского сопротивления в удельных имениях страны; не выявлены внутренние мотивы, побуждавшие сельчан к неповиновению.

В 60-е – начале 80-х гг. XX в. внимание историков было сосредоточено в основном на изучении проблемы разложения и кризиса феодально-

¹ Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: автореф. дис. ... док.ист.наук. М., 1961. С. 3.

² Седов А.В. Борьба удельных крестьян против крепостничества (по материалам Нижегородской губернии) // Ученые записки Горьковского университета. Горький, 1961. Вып. 52. С. 198–215.

³ Григорьев П.Г. Волнения удельных крестьян во второй четверти XIX века в Симбирской губернии // Записки НИИ языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1950. Вып. 4. С. 82–130; Гриценко Н.П. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII–начале XIX века // Вопросы истории. М., 1954. № 10. С. 108–115; Он же. Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828–1860). // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического университета. Ульяновск, 1953. Вып. 5. С. 139–208.

⁴ Парусов А.И. К вопросу о положении и борьбе удельных крестьян России в первой четверти XIX века. // Ученые записки Горьковского педагогического института иностранных языков. Горький, 1959. Вып. 12. С. 219–235; Горланов Л.Р. Классовая борьба удельных крестьян России в I трети XIX века. // Научные труды Тюменского университета. Тюмень, 1977. Сб. 14. С. 26–31.

крепостнической системы хозяйства в удельных имениях страны¹. Исследования, проводимые на основе изучения материалов официального делопроизводства удельных экспедиций (контор) и Департамента уделов, позволили вскрыть сложность и противоречивость процессов социального расслоения крестьян, они обеспечили выявление ряда общих и отличительных моментов в углублении кризиса феодально-крепостнического строя

¹ Горланов Л.Р. Крупная промышленность в удельных имениях России в I половине XIX в. (1797–1897) // Крупная промышленность нечерноземного центра России в конце XVIII–I половине XIX в. Владимир, 1982. С. 36–59; Он же. Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797–1863) // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI–I половины XIX в.). Смоленск, 1982. С. 94–124; Он же. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (II четверти XIX в.). Владимир, 1984. С. 54–97; Он же. Удельные крестьяне северо-западного района России // Северо-запад в аграрной истории России: сборник научных трудов. Калининград, 1985. С. 61–71; Гриценко Н.П. Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного строя // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 186–207; Он же. Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально-крепостнического строя // Ученые записки Грозненского государственного педагогического института. Грозный, 1957. № 9. Вып. 2. С. 75–85; Он же. Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация. // Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института. 1958. № 10. Он же. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами. // Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института. Грозный, 1958. № 10. С. 205–248; Клеянкин А.В. К вопросу о землепользовании и купчих землях удельных крестьян Мордовии в I половине XIX века. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII – начале XX). Саранск, 1979. С. 91–104; Он же. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в I половине XIX века. Саранск, 1974; Он же. Материалы Департамента Уделов о хлеботорговых компаниях удельных крестьян Среднего Поволжья середины XIX в. // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 75–95; Котов П.П. Денежные подати удельных крестьян Севера Европейской России // Вестник ЛГУ. Л., 1986. Сер. 2. Вып. 1. С. 92–95; Он же. Удельные крестьяне Севера 1797–1863. Сыктывкар, 1991; Половинкин Н.С. К вопросу о положении удельных крестьян России в первой трети XIX в. // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь в дореволюционной России // Научные труды Тюменского университета. Тюмень, 1978. Вып. 56. С. 54–68; Он же. Социально-экономическое развитие удельной деревни Приуралья в первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 1981; Седов А.В. Крепостническая эксплуатация удельных крестьян. // Труды Горьковского педагогического института. Горький, 1956. Т. XVIII. С. 50–64; Он же. Развитие товарного производства и расслоение крестьян в удельной деревне Нижегородского губернии // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1961. Вып. 52. С. 146–162.

применительно к удельным, помещичьим и государственным именьям страны.

В работах позднего советского периода наметились и проблемные аспекты, которые до сих пор являются дискуссионными. Так, исследователи по-разному оценивали правовое положение удельных крестьян и степень их эксплуатации. Например, одни авторы полагали, что между удельными и государственным крестьянами нет различия ни в правовом, ни в экономическом отношениях¹; другие же, напротив, доказывали, что удельные крестьяне были разновидностью частновладельческих или мало от них отличались². Третьи утверждали, что социальному статусу тружеников удельной деревни были присущи как черты помещичьих, так и государственных крестьян, т. е. они представляли собой особую категорию сельского населения³.

Крупной проблемой, к освещению которой отечественные историки обратились в процессе изучения истории удельных крестьян, стала эволюция их хозяйства в контексте подготовки и осуществления отмены крепостного права. Мы не будем подробно описывать историческую полемику по этому вопросу, она выходит за хронологические рамки данной диссертации.

В исследованиях 60–80-х гг. XX в. наблюдалась попытка представить хозяйственно-экономическую жизнь удельных крестьян с позиции усиления эксплуатации их и кризиса феодально-крепостнической системы. Авторы приходили к выводу, что освобождение крестьян (на основании Положения об удельных крестьянах от 26 июня 1863 г.) было кульминацией этих кризисных

¹ Мороховец Е.А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937. С.63. Эммаусский А.В. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии. К вопросу о формировании капитализма в России. Киров, 1976. С. 17–18.

² Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. Смоленск, 1986. С. 7. Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 гг.): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Горький. 1954. С. 7. Половинкин Н.С. Социально-экономическое развитие удельной деревни Приуралья в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1981. С. 9.

³ Кудрявцева З.И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797–1863 гг.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX - нач. XX вв. Л., 1967. С. 177.

явлений. Вместе с тем они отметили позитивные сдвиги в сфере мелкотоварного производства, не прошли мимо открытия новых образовательных учреждений и др. В общем организация общественной запашки оценивалась советскими исследователями однозначно как усиление феодальной эксплуатации¹.

Противоречиво выглядят выводы авторов о многократном усилении налогообложения крестьян. Н.П. Гриценко и Ф.А. Фургин считают, что только за первую треть XIX в. оброчные платежи удельных крестьян выросли в три с лишним раза²; за первую половину XIX в., по мнению Л.Р. Горланова, они увеличились в 4–5 раз³. Такое наращивание объема платежей было возможно лишь при условии существенной производительности труда удельных крестьян. Данное положение ставит под сомнение утверждение о существовании системного кризиса в удельном хозяйстве.

Среди работ по интересующей нас теме следует особо выделить ряд специальных трудов по некоторым аспектам истории удельных крестьян первой половины XIX в. Интерес представляют исследования Л.П. Ивашуты⁴ и П.П. Котова⁵. Труды З.И. Кудрявцевой⁶ и Н.С. Половинкина⁷ раскрывают

¹ Например, работы: Никулин В.Н. Реформы 60-х гг. XIX в. в северо-западных губерниях России // Северо-запад в аграрной истории России: сборник научных трудов Калининградского университета. Калининград, 1986. С. 46–51; Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983; Котов П.П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года // Буржуазные реформы в России II половины XIX века. Воронеж, 1988. С. 54–63

² Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (очерки) // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. Грозный, 1959. № 11. С. 243–250. Фургин Ф.А. Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 161.

³ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне ... С. 74–75.

⁴ Ивашута Л.П. Проблемы удельной деревни в советской исторической литературе. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1976. Сб. 14. С. 106–117.

⁵ Котов П.П. К вопросу об удельных крестьянах в советской историографии. // Проблемы изучения и преподавание историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар, 1989. С. 104–111.

⁶ Кудрявцева З.И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797–1863). // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX–начала XX вв. Л., 1967. С. 176–203

⁷ Половинкин Н.С. Документы ЦГИА по истории удельной деревни в первой половине XIX в. // Советские архивы. М., 1980. № 6. С. 46–48

состав и содержание документов по истории удельного крестьянства в фондах ЦГИА СССР (ныне РГИА).

В целом советская историография внесла большой вклад в изучение истории удельных имений. Были подняты многие проблемы, до этого вообще не рассмотренные исторической наукой. Всестороннее исследование истории удельного крестьянства позволило создать прочную базу для дальнейшего изучения. Авторами получены ценные статистические данные на основе изучения источников из архивных фондов.

В постсоветский период оживился интерес историков к изучению российского крестьянства в дореформенный период в целом. В связи с переходом отечественной историографии от общих и при этом формационно-ориентированных тем к конкретным аспектам аграрной тематики исследователи обратились к эволюционному и цивилизационному подходам¹. В последние годы уделялось большое внимание проблемам сельского расселения и демографии, влиянию естественных условий на крестьянское хозяйство, крестьянскому менталитету, социальной психологии и истории общины. Эта тенденция в полной мере относится и к изучению удельной деревни.

Многие ученые в XXI в. все чаще подчеркивают важность проведения исследований не только на макро-, но и на микроуровнях. Они склоняются к мнению о том, что делать общие выводы о крестьянстве России чрезвычайно сложно, так как различия в экономических, географических и исторических факторах развития разных регионов, провинций, уездов обуславливают высокую вариативность социальной эволюции. В связи с этим появляется все больше работ, обращенных к региональной тематике исследований. В частности, изучались особенности аграрной политики удельного ведомства в

¹ Ульянов А.Е. Современная историография крестьянского хозяйства Пензенской губернии второй половине XIX века // Известия ПГПУ. №4 (8). 2007 С. 145–148

Симбирской губернии¹, Северо-Западном регионе², на Русском севере³, во Владимирской и в Нижегородской губерниях⁴, в Поволжье⁵ и на Южном Урале⁶. В этих работах выявляются особенности развития удельной деревни в разных регионах Российской империи.

В связи с качественной трансформацией исторической науки появились новые направления в изучении деревни: социальная история, новая культурная история, новая интеллектуальная история, микроистория, психоистория; все чаще используется гендерный подход к изучению ряда исторических сюжетов. Так, к гендерным аспектам изучения удельных крестьян обращался в своем очерке И.П. Саранцев, который рассмотрел тему женских хозяйственных удельных училищ⁷.

Особое место среди научных направлений принадлежит социокультурной истории, в ее рамках поднята проблема менталитета

¹ Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Саранск, 2003. Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половины XIX вв.: автореф. ... дисс. канд.ист.наук. Саранск, 2002.

² Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII – середине XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. СПб., 1993.; Красникова Ю.Н. Департамент уделов и удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. СПб., 2007.

³ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг. Учебное пособие / Сыктывкарский университет. Сыктывкар, 1991; Он же. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 1(9). Сыктывкар, 2012. С. 83–88

⁴ Лукоянов Р., Павлова О.А. Удельные крестьяне Воротынского уезда // Социально-экономические проблемы развития муниципальных образований. Материалы научно-практической конференции студентов и молодых ученых: тезисы. Редакционная коллегия: А.Е. Шамин, Н.В. Провалёнова, О.А. Фролова, А.В. Мартьянычев. Нижний Новгород, 2015. С. 46–51; Просвирякова Т.Н. Деятельность государства в развитии грамотности удельного крестьянства (на примере Владимирской губернии) // Человек в российской повседневности: история и современность. Пенза, 2008. С. 216

⁵ Завитаев А.Н. Размеры землепользования удельных крестьян Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX века // Казанская наука. Казань, 2015. № 11. С. 20–24.

⁶ Шайхисламов Р.Б., Мысляева Н.С. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период // Современная научная мысль. М., 2018. № 6. С. 52–56.

⁷ Саранцев И.П. Очерки истории профессионального образования Симбирского-Ульяновского края. Часть I (1840-1942 гг.). Ульяновск, 2007. URL: <http://www.ulprof.ulgov.ru/edu/history/443.html> (дата обращения: 20.04.2013). Режим доступа: свободный.

русского крестьянства. Рассматривались также вопросы быта сельского трудового населения, повседневной жизни, юридической культуры крестьянства, взаимоотношения полов, уровня грамотности и системы обучения в русской деревне¹.

В последнее время вышли в свет работы, в которых рассматривалась политика «попечительства» в удельной деревне. В трудах автора этой диссертации обращалось внимание на различные образовательные программы для удельных крестьян². Можно выделить статью А.К. Воронова, рассматривавшего систему приказных училищ удельного ведомства³. Все авторы сходились в одном: несмотря на положительную направленность политики «попечительства» в сфере крестьянского образования, чаще всего сельчанам сложно было найти применение полученным знаниям⁴.

Исследователи обращались и к теме национальных и религиозных особенностей в среде удельных крестьян. При этом сохранялась общая тенденция рассматривать вопрос на уровне отдельных регионов. Так, С.В. Орлов обратился к изучению раскольников в Алатырском уезде⁵,

¹ Красникова Ю.Н. Гражданская позиция в среде крестьянства первой половины 19 века // Социальные проблемы русского села и аграрных отношений. Материалы междунар. науч. конф. – Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения. 16–18 апреля 2015 года. СПб, 2015. С. 206–213. Она же. Почему крестьяне к царю в столицу ходили? (К истории хождения в Русской империи в первой четверти XIX века) // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII Всерос. науч. конф. СПб., 2022. С. 109–115

² Красникова Ю.Н. Развитие системы образования в удельных имениях во второй четверти XIX века, на примере главных и сельских училищ // Россия под властью Романовых: к 400-летию воцарения: Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 15 марта 2013 г. Стерлитамак, 2013. С. 89–93. Она же. Реализация профессионального образования в Русской империи в первой половине XIX века (на примере организации ремесленных училищ в удельных имениях // Двадцать вторые петровские чтения. Материалы всерос. науч. конф. с международным участием. 16–17 декабря 2021. СПб., 2021. С. 333–338.

³ Воронов А.К. Приказные училища Департамента уделов (1828–1856 гг.) // Клио. СПб, 2005. №4(31). С. 133–137.

⁴ По помещицкой деревне см. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. Астрахань, 2001. С. 6.

⁵ Орлов С.В. Раскольников в Алатырском уезде в первой половине XIX века // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 125–127.

С.С. Серкина в своем диссертационном исследовании исследовала этнический состав и характер взаимоотношений в многонациональных общинах Сибирской губернии¹. Р.Б. Шайхисламов рассмотрел уникальную практику поземельных отношений в среде удельных крестьян Южного Урала².

Один самых дискуссионных вопросов в историографии удельного крестьянства – его юридическое положение. Н.В. Дунаева в своей монографии изучила нормативно-правовые источники для определения такого базового элемента, как правосубъектность удельных крестьян. Последняя определялась особенностями российской государственности, характером властных отношений и положением личности в обществе. В первой половине XIX в. удельное ведомство стремилось завершить правовую изоляцию крестьян, используя в том числе и механизмы общественного надзора за их поведением. В сфере действия обычного права процессуальное положение крестьянина не регламентировалось, и он всецело зависел от мнения «мира». Кроме того, автор обратил внимание на личные гражданские права удельных крестьян, организацию местного самоуправления, крестьянскую реформу в удельной деревне и другие аспекты правовой жизни удельных крестьян³.

С.С. Серкиной была предпринята попытка рассмотреть обычное право, распространившееся в среде удельных крестьян. Она пришла к выводу, что «все проблемы, возникавшие в удельной деревне, решались, исходя из обычно-правовых норм. Обычное право регулировало семейно-бытовой уклад и хозяйственную деятельность крестьян. Судебная система удельных крестьян также основывалась на нормах обычного права». Община контролировала многие стороны общественно-семейных отношений крестьян: опеку,

¹ Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Саранск, 2002

² Шайхисламов Р.Б. Влияние вотчинного права башкир на землепользование удельных крестьян // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан, 2019. С. 91–93.

³ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

наследование, усыновление, вопросы своевременной уплаты податей и повинностей. Мир вмешивался в общественно-семейную жизнь чаще всего через традиционные обычно-правовые нормы, а также путем непосредственного вмешательства со стороны членов общины, соседей, родственников и сельской администрации»¹. Н.В. Дунаева, которая тоже изучала этот вопрос, солидарна с С.С. Серкиной. Она утверждает, что «обычное право, регулировавшее значительную часть крестьянской жизни, также отличалось высоким уровнем императивности»².

Современной исторической наукой был исследован вопрос о природе крестьянского протеста в первой половине XIX в. Также наметилась тенденция к переосмыслению этой проблемы. В данном аспекте сложность представляет определение характеристик неповиновений и протестов. Из современных обобщающих работ мы бы отметили сборник научных статей «Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.)»³, в котором авторы дали оценку крестьянским движениям с позиции восприятия происходивших событий самими крестьянами⁴. Так, в статье А.Н. Завитаева рассказано о волнениях удельных крестьян Золотовской волости Саратовской губернии в 1830 г., связанных, как и многие протестные акции этого периода, с введением

¹ Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII - первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Саранск, 2002.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

³ Буховец О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 183–195. Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 195–209. Дьячков В.Л. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 146–154.

⁴ Бокарев Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 167–172.

общественной запашки¹. А.Н. Завитаев опирался на изучение материалов провинциальных архивов².

Сложно выявлять и классифицировать формы пассивного сопротивления. Размах и масштабы этих действий крестьянства трудно поддаются документальному анализу. По мнению Н.М. Ушакова, такие формы протеста «можно интерпретировать как привычный способ отстаивания своих интересов перед местными властями или некоторую крайность в реализации тех самых форм скрытного, молчаливого, повседневного сопротивления, которое власти чаще всего предпочитали не замечать для собственного спокойствия»³. На наш взгляд, на современном этапе требуется переосмысление крестьянского движения в удельной деревне с учетом ментальности ее населения, обычного права⁴.

Этим можно закончить историографический обзор проблемы изучения удельных крестьян и деятельности Департамента уделов первой половины XIX в. Историография темы Департамента уделов более чем скромна. Изучение крестьянского вопроса в удельной деревне выглядит более проработанным. Как представляется, в сравнении с другими категориями крестьян удельная их часть изучена недостаточно.

В качестве дискуссионных вопросов следует выделить следующие аспекты:

- особенности правового положения крестьян удельного ведомства и их место в сословной структуре российского общества. Сложность постановки

¹ Завитаев А.Н. Волнение удельных крестьян Золотовской волости 1830 г. // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы науч. конф. Липецк, 12-13 апреля 2011. Липецк, 2011. С. 98–103.

² Завитаев А.Н. Значение провинциальных архивов в деле изучения истории удельных крестьян России (на примере архивов Саратовской области) // Казанская наука. Казань, 2010. № 1. С. 32–34.

³ Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. Астрахань, 2001. С. 36–39.

⁴ Красникова, Ю.Н. Современная историография истории удельных крестьян (первая половина XIX века) // Герценовские чтения: Актуальные проблемы русской истории. 23 апреля 2013. СПб., РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 253–262.

вопроса стоит в том, что законодатель четко не прописал правовой статус удельных крестьян; он определялся эпизодически в связи с постепенным принятием внутренних нормативных документов;

- соотношение степени эксплуатации удельного крестьянства и развития политики попечительства;
- эволюция производительных сил в удельной деревне и рыночных механизмов хозяйствования;
- роль Департамента уделов в структуре государственных учреждений Российской империи; она до сих пор не выявлена.

1.3. Обзор источников

Диссертационное исследование основывается на комплексном подходе к анализу исторических источников по истории Департамента уделов и удельного хозяйства в целом. Источниковая база включает в себя разнообразные виды источников: нормативно-правовые акты, внутриведомственные инструкции, статистические сборники, официальные отчеты, материалы личных архивов, материалы периодической печати и т. п.

Особую роль в раскрытии темы сыграли выявленные и изученные материалы 45 документальных и рукописных фондов пяти архивохранилищ Санкт-Петербурга, Оренбургской и Псковской областей. В региональных архивах хранится уникальный материал, который раскрывает местную специфику управления в удельных имениях на этих территориях.

Наибольший массив документов по истории Департамента уделов хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В работе были использованы материалы 36 фондов РГИА. В первую очередь интерес представляют материалы фонда Департамента уделов (ф. 515), где собраны делопроизводственные документы, которые стекались сюда со всех удельных имений Российской империи. Здесь же хранятся отчеты ведомства, ведомости доходов и расходов по Департаменту уделов, отчеты ревизоров, просьбы и ходатайства разных лиц и т. п.

В диссертационном исследовании использованы документы ведомств, которые взаимодействовали с Департаментом уделов: Министерства финансов (ф. 560), Министерства юстиции (ф. 1405), Департамента государственных имуществ (ф. 379), Министерства внутренних дел (ф. 1281, 1284), Департамента полиции (ф. 1286). Особенностью делопроизводственной переписки в изучаемый нами период являлось то, что в начальный период контакты между государственными структурами, находившие отражение в письмах, были более интенсивными, но по мере обособления Департамента уделов деловые связи ограничивались.

Рассматриваемое ведомство вело постоянную переписку с Сенатом (Ф. 1341, 1345) как высшей судебной инстанцией. Сохранились апелляционные и кассационные жалобы как самого Департамента уделов, так и других государственных учреждений – в отношении удельного ведомства. Все уголовные дела, проходившие по Департаменту уделов, также подлежали рассмотрению в Сенате. Последним разъяснялись положения общегосударственных узаконений применительно к ведомственным крестьянам, в частности это касалось рекрутской повинности. В архиве Сената хранились все купчие, заключенные уделами. В то же время основная межведомственная документация касалась межевых споров и сохранилась в межевом департаменте Сената.

В начале правления Александра I многие реформистские начинания обсуждались сначала в созданном еще в екатерининское время Совете при Высочайшем дворе (ф. 1146), а после его упразднения – в Государственном Совете (ф. 1147). Одним из дискуссионных вопросов стала реформа высших и центральных органов государственного управления и место Департамента уделов в их структуре. В фонде Комитета министров (ф. 1263) сохранились делопроизводственные документы, которые требовали межведомственного согласования, а также записки и проекты, которые требовали обсуждения.

В фондах дворцовых правлений сохранилась информация о передаче крестьян в уделы (ф. 487. – Дело Царскосельского дворцового управления; ф.

491. – Гатчинское дворцовое правление; ф. 493. – Павловское городское правление). В фондах Канцелярии Министерства императорского двора (ф. 472) и канцелярии императрицы Александры Федоровны Министерства императорского двора (ф. 525) сохранились документы по назначению и сопровождению кормилиц для императорской фамилии.

В ЦГИА Санкт-Петербурга в фонде Управления Петроградского удельного округа Главного управления уделов (1797-1917) (ф. 1205) собраны документы Санкт-Петербургского отделения Департамента уделов. В этом собрании сосредоточены преимущественно материалы по истории уделов второй половины XIX в., однако автору удалось выявить делопроизводственную переписку (относящуюся к изучаемому в диссертации хронологическому периоду) по вопросам земельных споров между удельными крестьянами и другими лицами, межевые книги, документы Красносельской удельной конторы, описания имений, отчеты о ревизиях. Ценные делопроизводственные документы за 1803–1838 гг. хранятся в фонде Государственного архива Псковской области (ф. 40).

В фонде бывшей Оренбургской удельной конторы Объединённого государственного архива Оренбургской области (ф. 36) отложились делопроизводственные документы располагавшегося в регионе удельного имения. Оренбургская удельная контора действовала на имперском фронтире и ее функционирование отличалось особой спецификой: Оренбургская губерния являлась территорией, куда из поколения в поколение перебирались вольные и невольные переселенцы из внутренних перенаселённых губерний. Здесь осели и беглые крепостные крестьяне, и староверы. Особенностью этих территорий было этническое и религиозное многообразие населения. Ценными оказались сведения о выявленных случаях религиозных расколов в среде православного населения и о реализации политики аккультурации мусульман. В фонде конторы сохранились дела, которые местным органам власти приходилось решать в повседневном порядке.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) были изучены материалы трех личных фондов. В фондах А.А. Аракчеева (ф. 29) и Н.К. Шильдера (ф. 859) нами были найдены хозяйственные проекты первой четверти XIX в. и планы по организации военных поселений. В фонде М.М. Сперанского (ф. 731) сохранились документы о взаимодействии высших чиновников Российской империи первой трети XIX в., там же нами были выявлены частные мнения о министрах Департамента уделов.

Источниковые материалы в диссертации распределены по группам.

Первый блок – нормативно-правовые акты. При написании работы мы основывались на нормативных актах, имевших как общегосударственное действие, так и локальное, распространявшееся только на ведомство. Статус последнего определялся в первом и втором собрании Законов Российской империи¹. На основании нормативно-правовых актов выстраивались отношения между ведомствами по различным вопросам хозяйствования. Закон регламентировал внутреннюю структуру Департамента уделов. При изучении источников по истории Департамента уделов было выявлено, что в процессе эволюции ведомство все больше обособлялось от общегосударственного регулирования и формировало свою нормативно-правовую базу.

Наиболее важные законы, касающиеся удельного ведомства, выпускались также отдельными изданиями. Первым изданием такого рода было «Учреждение об императорской фамилии»², вышедшее в 1797 г. Текст отпечатали в Университетской типографии в количестве 1555 экземпляров и разослали по удельным экспедициям и приказам³. Департамент уделов практиковал и в дальнейшем издание некоторых нормативных актов и

¹ Полный свод законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание 1. СПб., 1830. ПСЗ. Собрание 2. СПб., 1881.

² Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 80. Л. 21–21 об.

инструкций для чиновников ведомства отдельными изданиями¹. В 1830-е гг. при переходе на поземельный сбор были выпущены предписания по организации перехода крестьян, а также для ознакомления их с новыми требованиями². Стоит отметить, что отдельными печатными изданиями выпускались пространные нормативно-правовые акты, состоявшие из сотен параграфов.

Нормотворческая деятельность Департамента уделов отличалась активностью. Для кодификации отдельно изданных законодательных актов ведомство выпустило единый сборник, состоявший из 6 частей, в который были включены все действовавшие на тот момент законодательные акты, постановления, инструкции, правила, регламенты, уставы и т. п.³. Этот сборник документов стал первым опытом систематизации нормативно-правовых актов, касавшихся удельного ведомства. Такая внутренняя организация законодательных актов упорядочивала и упрощала обращение к ним.

Значительное число нормативно-правовых актов, указов, регламентов и уставов сохранилось в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА). Официальные документы Департамента уделов хранятся в фонде 515, а также в фондах Сената, канцелярии генерал-прокурора⁴. Департамент уделов постепенно обособлялся от общегосударственного законодательного регулирования, формируя внутреннюю нормативную базу. В связи с этим целый ряд решений, которые приобретали юридическую силу, отложились исключительно в архивных фондах и не присутствуют в ПСЗ. Обращение к законодательным материалам позволяет выявить расхождения

¹ Проект инструкции удельному поверенному. СПб., 1799. Наставление сельским приказам, по высочайшему об императорской фамилии учреждению в удельных имениях учрежденными. СПб., 1799.

² Рассуждения о способах введения поземельного сбора. СПб., 1831. Краткие правила для руководства при исчислении поземельного сбора в удельных имениях. СПб., 1831.

³ Свод удельных постановлений. Ч. 1–6. СПб., 1843.

⁴ РГИА. Ф. 515.; Ф. 1341.; Ф. 1345.; Ф. 1374.

между юридической практикой применения тех или иных правовых норм, характерных для внутренней политики России в рассматриваемый период.

Второй из выделенных нами блоков источников – статистические издания. Они дают нам информацию о численности, экономическом положении, размещении крестьян различных ведомств и т. п. как в целом по стране¹, так и в отдельных регионах². Ряд статистических работ, непосредственно содержат в себе сведения, касающиеся удельного ведомства и подвластных ему крестьян³.

С 30-х гг. XIX в. Департамент уделов начал публиковать свои ежегодные отчеты. В них включались сведения, отражавшие хозяйственную деятельность ведомства: с этого периода времени ведомство уже выстроило стабильную хозяйственную инфраструктуру, которая позволяла как собирать большие доходы с крестьян, так и оказывать в рамках политики попечительства им помощь. В публичный отчет вносились сведения о доходах ведомства; об организации работы учебных заведений, принадлежащих Департаменту уделов; открытии больниц, проведении различных профилактических мер. Находили отражение данные об уровнях рождаемости и смертности среди удельных крестьян; отражались сведения о пожарах, эпизоотиях, потерях

¹ Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. Он же. Статистические очерки Росси. СПб., 1848. Бушен А.Б. Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. Вып. 2. СПб., 1863. Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. Заблоцкий-Десятовский М.П. Сведения о числе жителей по состояниям. // Сборник статистических сведений о России, изданных статистическим отделением Русского Географического Общества. СПб., 1851. Кеппен П.И. О народных переписях в России. // Записки русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1889. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М, 1956. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. СПб., 1825.

² Алфавитный список селений по уездам и станам Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1856. Арсеньев К.И., Заблоцкий-Десятовский А.П. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. Пушкарев, И. Краткие историко-статистические описания Санкт-Петербурга. Отд. 2. СПб., 1845. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836.

³ Вильсон, И.И. Выкупные платежи бывших удельных крестьян. // Записки императорского географического общества по отделению статистики. Т. 5. СПб., 1878. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию в столетний период с 1797–1897 гг. СПб., 1898.

урожая из-за неблагоприятных природных условий и т.п.¹. В целом, статистические сведения всегда требуют тщательной проверки, что, конечно, не умаляет их значимости в историческом исследовании.

Третий блок – делопроизводственные материалы. Донесения, прошения, протоколы, журнал заседаний, отчеты, изученные нами, хранятся в фондах РГИА, Объединённого Государственного архива Оренбургской области (далее ОГАОО)², Государственного архива Псковской области (далее ГАПО)³ и фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Основной массив делопроизводственной документации Департамента уделов хранится в РГИА, в фонде 515. Сюда, в Петербург, стекались все документы, касающиеся удельного ведомства. Только в этом фонде нами было рассмотрено более 50 описей, каждая из которых перечисляет тысячи документов. К сожалению, все это огромное количество источников должным образом не исследовано до сих пор. Наиболее ценными для написания исследования стали официальные ежегодные отчеты, где с большой скрупулёзностью чиновники Департамента описывали успехи и неудачи за очередной прошедший год. Некоторые отчеты насчитывают по несколько десятков страниц. Также важным источником стал бюджет членов императорской фамилии, который позволил в динамике увидеть внутреннее развитие сметы доходов и расходов ведомства. В фонде сохранились многочисленные ходатайства и жалобы чиновников и крестьянства; проекты развития Департамента уделов; отчеты ревизионных органов; распоряжения по бюджетным средствам ведомства; подробное описание имущества; ведомости по содержанию учебных заведений и прочее.

Являясь звеном в системе центральных учреждений Российской империи, Департамент уделов вел делопроизводственную переписку с другими министерствами и ведомствами. Вопросы, по которым велась

¹ Отчеты по Министерству уделов за 1833 год. СПб., 1834.

² ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Опись бывшей Оренбургской удельной конторы 1 разряда – вечного хранения. 1808-1865.

³ ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Фонд Псковской удельной конторы.

делопроизводственная переписка, раскрыты в отдельном параграфе, поэтому тут мы не будем подробно на этом останавливаться. Однако хотелось бы отметить, что, в первой четверти XIX в. контакты ведомства с центральными государственными учреждениями Российской империи были более интенсивными. По мере его обособления все больше преобладала внутриведомственная переписка, сокращалось взаимодействие с другими государственными структурами. Делопроизводственные документы Департамента уделов были выявлены в фонде Министерства финансов¹, Министерства юстиции,² Департамента государственных имуществ³, Министерства внутренних дел⁴. Если удельным властям требовалась помощь в наведении порядка среди удельных крестьян, то отчёты поступали в архив Департамента уделов и Департамента полиции исполнительной⁵.

Высшие государственные учреждения – Государственный Совет, Комитет министров, Сенат – стояли над Департаментом уделов и он должен был к ним обращаться за консультацией. В частности, в их фондах хранятся докладные записки министра уделов по вопросам, которые из-за отсутствия соответствующих законов он не мог разрешить своей властью, или которые требовали согласования межведомственных интересов.

В фонде Сената сохранился массив документов о межевых спорах Департамента уделов и удельных крестьян. Ведомство активно расширяло свои территории, покупая земли у частных владельцев. Некоторые из них оказались в споре между собственниками, т. к. не были определены межеванием их границы. Разбирательства по таким случаям переносились в судебные инстанции и окончательно рассматривались в Сенате. Дела о земельных тяжбах удельных крестьян с помещиками, церковнослужителями,

¹ РГИА. Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.

² РГИА. Ф. 1405. Министерство юстиции

³ РГИА. Ф. 379. Оп.4. V отделение Собственной е.и.в. канцелярии

⁴ РГИА. Ф. 1281. Совет Министерства внутренних дел. Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной.

однодворцами и т. п. из местных судебных органов, межевых контор и канцелярий вносились на ревизию в соответствующий департамент Сената и далее передавались на решение Комитета министров или Государственного Совета. Судебные споры порой затягивались на десятилетия. Все уголовные дела, проходившие по Департаменту уделов, также подлежали рассмотрению в Сенате¹. В фондах Сената нами были выявлены источники, которые до сих пор не вводились в научный оборот: описные книги селений, поступивших в удельные имения в конце XVIII в., ежегодные отчеты удельных экспедиций и контор, отчеты и доклады руководителей Департамента уделов царю; циркуляры, распоряжения и переписка чиновников по хозяйственным вопросам с начальниками экспедиций и контор.

В исследовании нами были использованы и документы, обнаруженные в личных фондах частных лиц, хранящиеся в РГИА и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Они содержат в себе различные проекты и предложения по развитию ведомства в целом или каких-то направлений. В фонде Н.К. Шильдера² сохранилась переписка Канцелярии экспедиции государственного хозяйства и протоиерея Самборского, в доме которого и находилась Практическая школа земледелия, принадлежавшая Департаменту уделов. Там же обнаруживаются документы, касающиеся повышения оброчных податей в 1810 г., и хозяйственный проект А.А. Аракчеева. В фонде В.П. Кочубея³ сохранились записки с проектами совершенствования организации Департамента уделов, он же затрагивал проблему коррупции в высших органах власти Российской империи.

Четвертый блок изученных нами документов – это периодические издания. В исследовании впервые были использованы газеты как источник для изучения истории Департамента уделов. В таком отношении, как правило, исследователи не использовали периодическую печать. Между тем газета

¹ РГИА. Ф. 1341. Первый департамент Сената. Ф. 1345 Пятый (уголовный) департамент Сената.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Далее ОР РНБ). Ф. 859.

³ РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 108

становилась площадкой коммуникации, именно через газеты Департамент уделов искал подрядчиков на свои арендные площади, объявлял набор в свои учебные заведения, информировал об открытии или расширении своих представительств. Ценными оказались и материалы о поиске беглых крестьян. В частности, в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹, которые выходили с периодичностью раз в три дня, в объявлениях о поиске беглых крестьян указывались их возраст, фамилия и имя, пол. Менее информативными по истории удельного ведомства оказались другие печатные издания первой половины XIX в.² Несмотря на то, что мы не нашли информации в этих периодических изданиях о Департаменте уделов или удельных крестьянах, они стали ценным материалом по общественной мысли изучаемого периода. В газете «Северная почта» печатались государственные известия, местные новости из различных губерний Российской империи, происшествия. «Русский инвалид», выпуск которого начался после Отечественной войны 1812 г., описывал трудности, с которыми столкнулся русский народ во время войны и после нее. Также там печатались различные новости и списки солдат и офицеров, пострадавших во время войны. К сожалению, сословная принадлежность солдат не указывалась. В целом, газеты как источник изучения истории удельных крестьян незаслуженно обойдены вниманием историков.

Пятый блок – это документы личного происхождения. Эти источники несут в себе уникальный материал по истории удельного ведомства и нередко содержат эмоциональные оценки участниками событий тех или иных явлений. Нами были изучены личные фонды Н.Н. Новосильцева³, В.П. Кочубея⁴, А.А. Аракчеева⁵, С.Д. Шереметева⁶ и другие документы личного

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1797–1825.

² Северная почта. 1809 – 1819. Русский инвалид. 1813–1817, 1819–1825.

³ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 17.

⁴ РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 108.

⁵ ОР РНБ. Ф. 859. Карт. 31. № 17.

⁶ РГИА. Ф. 1088. Оп. 2.

происхождения¹. При изучении данного вида источников мы пользовались методом критического анализа.

В целом, исторические первоисточники достаточно разнородны и разрознены, их выявление и стало одной из самых сложных задач в процессе исследования. Источники по истории Департамента уделов и удельного крестьянства многочисленны и разнообразны по содержанию. Анализ всей совокупности источников и литературы выявил целостную картину происходивших событий. Особо отметим, что многие первоисточники впервые вводятся в научный оборот.

¹ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 338

Глава 2. Государственная система управления хозяйством удельных имений в первой половине XIX века

2.1. Учреждение Департамента уделов и организация удельного хозяйства

Учреждение Департамента уделов и организация удельного хозяйства были вызваны как необходимостью, так и желанием правящего дома отделить расходы по содержанию членов императорской фамилии от государственного бюджета и добиться устойчивости финансирования царствующей династии. Содержание членов правящего дома и управление их финансами в любой монархии являлось делом государственной важности. До XIX в. в Российской империи этот вопрос решался самым простым способом, просто пользовались государственной казной. Но уже при Петре I обозначилась тенденция к разграничению финансов на государственные и личные средства императорского дома. По мнению И. Зимина, похожая традиция существовала «в практике «денежных выдач» времен Московского царства»¹.

Идея разделения бюджетов реализовывалась постепенно и эволюционировала на протяжении XVIII века. Требовалась политическая воля для законодательного закрепления этого правила. «Император Павел I в 1797 г. нормативно закрепил жесткую регламентацию выдачи фиксированных денежных сумм членам императорской фамилии. Это были очень своевременные изменения. Состояние финансов России к началу павловского правления характеризовалось ростом государственного долга, что можно объяснить не только активной внешней политикой, но и большими расходами, увеличенными более чем в 5 раз, на содержание царского двора при Екатерине II»². Расходы на двор были несоизмеримы с доходами дворцового ведомства, которые не покрывали их. К концу правления императрицы

¹ Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь императорского двора. М., 2013. С. 9

² См. Красникова, Ю.Н. Удельное хозяйство в первой половине XIX века: почему стоит уделить этому внимание в школьном курсе // Преподавание истории в школе. М., 2022. № 6. С. 24–29; Семенкова Т.Г. Денежные реформы в России в XIX веке. СПб., 1992. С. 8.

расходы «превышали 7% от доходов всего государства (дворцовые доходы составляли 3,6 %)»¹. Необходимо отметить, что Екатерина II пыталась решить проблему дисбаланса дворцового бюджета: упразднила Главную дворцовую канцелярию, передала управление дворцовыми крестьянами Казенным палатам, что позволило сэкономить на содержании аппарата управления крестьянами. В 1783 г. были повышены оброк и подушная подать, сокращены расходы на содержание двора. Но и это не покрыло дефицит бюджета, «правительство было вынуждено обратиться к иностранным кредиторам и увеличить эмиссию ассигнаций внутри страны»². Формирование отдельного бюджета на содержание членов императорской фамилии и двора становилось стратегической задачей государственной важности.

Реализованная Павлом I идея разграничения бюджетов нашла поддержку и у его преемников. «Учреждение об императорской фамилии», принятое императором и регламентировавшее содержание членов императорского дома, с незначительными поправками действовало до 1886 г. Только при Александре III были внесены существенные корректировки в прежнее нормативное регулирование. Таким образом, практика финансирования императорской фамилии основывалась на двух основных юридических документах: «Учреждении об императорской фамилии» 1797 г. и «Положении об Императорской фамилии» 1886 г. И. Зимин справедливо отмечает: «Российские монархи, принимая подзаконные акты, вносили поправки в практику финансирования, касавшиеся только их детей. Однако эти поправки, в свою очередь, становились прецедентами для новых корректировок указанных юридических документов»³.

¹ Завитаев А.Н. Реформирование дворцового хозяйства в России и образование Саратовского удельного имения (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Материалы Междунар. науч.-прак. конф. Чебоксары, 2015. С. 31.

² Завитаев А.Н. Указ соч. С. 31

³ Зимин И. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых // URL: <https://statehistory.ru/books/TSarskie-dengi--Dokhody-i-raskhody-Doma-Romanovykh/2?ysclid=15w5jtmddk394000476> (дата обращения: 20.04.2022). Режим доступа: свободный.

Идея рачительного отношения к финансам пришла вместе с идеями просвещения. Мария Фёдоровна, жена Павла Петровича, была сторонницей экономных трат. Известен конфликт между ней и архитектором Ч. Камероном из-за слишком больших сумм на строительство Павловского дворца и обустройство близлежащего парка. Мария Федоровна лично проверяла сметы и довольно часто их сокращала, что раздражало Камерона¹. Он помнил, что Екатерина II его не ограничивала в расходах на воплощение архитектурных фантазий. В письме К.Н. Кюхельбекеру в 1782 г. Мария Федоровна интересовалась: «Сообщите мне, ради Бога, зачем Камерон сделал низ на сводах? Это только удваивает расходы и имеет ту неприятность, что никогда не сохнет; притом на эти толстые стены тратится много кирпича. Если же прочность того требует, то дело другое»². Ее супруг также разделял практичный подход к расходам.

Павел, еще будучи цесаревичем, думал о решении проблем бюджетного долга и занимался проработкой вопроса финансовой устойчивости содержания членов императорской фамилии, заранее подготовив ряд законопроектов. Об этом свидетельствует динамика принятия указов вступившим на престол императором. Уже на третий день царствования, 8 ноября 1796 г., Павел I подписал указ о выдаче из Кабинета, а не из государственного бюджета, по 20000 руб. ассигнациями жене и детям. 17 ноября того же года был принят указ «Об ежегодном отпуске денег Императорской фамилии». В нем прописывались размеры денежного содержания членов императорской семьи, выделяемые из Государственного казначейства³.

В отличие от предыдущих правителей, Павел Петрович не ограничился отдельными нормативными актами, а перешел к системной перестройке

¹ Семевский М.И. Павловск. Очерк истории и описание 1777-1877. СПб., 1997. С. 28–29.

² Письма Великой Княгини Марии Федоровны к К.Н. Кюхельбекеру // Русская старина. СПб., 1870. Т. 1. Стлб. 427.

³ Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь императорского двора. М., 2013. С.9

механизмов финансирования. К апрелю 1797 г. был подготовлен проработанный документ, который предлагал принципиально новую схему содержания императорской фамилии и призван был заменить ту, которая, по мнению Павла I, «в продолжении времени могла бы быть Государству отяготительной»¹. Концепция нового финансового подхода в отношении обеспечения правящего дома была сформулирована еще в «Наказе» Павла Петровича сыновьям, составленном в 1788 г. В этом документе, по мнению Н.В. Дунаевой, можно увидеть, что «проект реформы управления дворцовыми крестьянами (создание удельных населенных имуществ) был задуман им задолго до восшествия на престол, а объект реформирования должен был выделиться из состава общего коронного управления»². Проект цесаревича уже тогда подразумевал отделение удельного имущества, включая крестьян, для формирования эффективной хозяйственной инфраструктуры и устойчивого получения доходов, которые были предназначены исключительно для содержания членов императорской фамилии.

Общие вопросы организации удельного хозяйства

5 апреля 1797 г. (в день своей коронации) Павел I издал законодательный акт «Учреждение об императорской фамилии». В печати «Учреждение...» вышло в урезанном виде, а именно в свет вышла лишь часть, извещавшая об изменении порядка наследования престола, который теперь передавался по праву первородства в мужском колене. К слову сказать, тогда же был объявлен официальный наследник – Александр Павлович³. И только в июле 1797 г. обнародовали постановление об удельных имениях⁴. Закон, кроме изложенных там статей о престолонаследии, вводил целый ряд положений,

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1797. 28 апреля.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 11а.

устанавливавших новый порядок обеспечения содержания членов императорской семьи. Нормативно-правовой акт закладывал и механизмы формирования бюджета. Для этого «в удел из государственных владений на составление удельных имений» передавались имения «под именем Дворцовых в Государственных счислениях состоящих»¹. Дворцовые деревни, находившиеся до этого в ведении Дворцовой канцелярии, в соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. были переданы Казенным палатам в губерниях. За палатами закреплялись заведование селами и сборы с крестьян², поэтому все текущие вопросы о передаче имущества уделам на местах решались во взаимодействии с ними.

Вместе с имениями передавались и крестьяне, приписанные к этим землям, их стали называть удельными. Тогда для управления удельными имуществами и крестьянами было образовано новое государственное учреждение – Департамент уделов. Перед Департаментом уделов и местными удельными властями была поставлена вполне конкретная задача – «извлекать наибольшую выгоду из этих имений»³. Под этим подразумевались не просто выкачивание средств из деревни и обременение подведомственных крестьян налогами, а создание современной и эффективной системы хозяйства, которая могла бы стать образцом для других хозяйственных структур Российской империи.

В 1797 г. императору поступило предложение от Департамента уделов передать в его ведение еще экономических и государственных крестьян из тех же девяти губерний, где учреждались удельные экспедиции; мотивировалось это разбросанностью дворцовых деревень. Однако данное предложение не получило Высочайшего утверждения, поэтому «разделение удельных экспедиций учреждено было по прежде учиненному расписанию из одних

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² ПСЗ. Собрание 1. 1775. Т. XX. № 14392. СПб., 1830. С. 229–304.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 125.

дворцовых имений»¹. Практика управления находящимися на большом расстоянии друг от друга удельными селениями показала все неудобство такого расположения, уже преемники Павла были вынуждены перейти к политике территориального сосредоточения удельных имений.

Все дворцовые имения передавались в уделы при заключении купчей, форма которой была специально составлена на основании общих законов, закреплялась параграфом 109 «Учреждения...» и была подтверждена 3 июня 1797 г. Заключение сделки происходило в Палате суда и расправы при участии продавца, покупателя и свидетелей. От лица продавца выступала Экспедиция о государственных доходах Сената – ей подчинялись Казенные палаты, в ведении которых находились дворцовые имения. Возглавлял ведомство будущий министр финансов А.И. Васильев. От лица приобретателя купчие подписывал министр Департамента уделов (или первый товарищ министра). В купчей ставились подписи всех участников сделки, совершалась она на гербовой бумаге, с уплатой полагающихся пошлин². Купчая, как юридический документ, подтверждавший право собственности, хранилась в Департаменте вместе с общими указами. Копия ее отправлялась в Сенат³. Разработанная для уделов форма купчей стала в дальнейшем образцом для совершения поземельных сделок в Российской империи.

В рамках правосубъектных отношений условная собственность была закреплена за всеми членами императорской фамилии. Согласно «Учреждению...» 1797 г. удельные имения признавались общей неотчуждаемой собственностью, т. е. за представителями династии Романовых юридически закреплялось только право пользования. Законодатель предусматривал для членов императорской фамилии две возможности извлекать выгоды из удельных имений. Во-первых, – получение денежных выплат, «достаточных для удовлетворения нужд». Конечная цифра

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 61

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–22.

назначенного содержания отражалась в специальном документе – «расписании» – и была строго фиксированной. Если члену императорской фамилии требовалась сумма «сверх расписания», то для ее выделения издавался отдельный нормативно-правовой акт по Департаменту уделов. Другим способом пользования удельной собственностью было выделение особых уделов из общего состава при условии меньших денежных выдач. Имена, переданные в особый удел, не могли ни продаваться, ни обмениваться, а переходили по наследству. По пресечении того поколения, которому они были выданы, их следовало возвращать в общий состав удельных имений¹.

Император Павел I считал, что доходов с удельных имений будет достаточно для удовлетворения нужд царской семьи. Документ четко определял право на размер содержания для каждого члена императорской фамилии. Все представители дома Романовых делились на две основные категории. «К первой были отнесены те, кто имел реальные шансы занять престол или, если это касалось женщин, быть венчаны на царство вместе с мужем, – к ним относились императрица, наследник престола, его супруга и их старший сын с женой. Для них было сохранено государственное содержание из сумм Казначейства». Ко второй категории относились все те, кто не имел прав на престол². Для них и было предусмотрено удельное содержание. Из архивных документов мы видим, что младшие члены императорской семьи постепенно переводились на указанное содержание.

Все расходы на императорскую фамилию можно подразделить на ежегодные и единовременные выдачи членам императорской семьи и расходы, произведенные непосредственно уделами на общие «для

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 214. См также Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 118.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 535; см. также Красникова, Ю.Н. Удельное хозяйство в первой половине XIX века: почему стоит уделить этому внимание в школьном курсе. / Ю.Н. Красникова // Преподавание истории в школе. М., 2022. № 6. С. 24–29.

императорской фамилии надобности», о чем будет сказано ниже. Согласно «Учреждению...» все денежные средства должны были выдаваться в строгом соответствии с расписанием расходов удельных средств, не превышая установленного лимита. Но император Павел I, выступив инициатором этих правил, первым же нарушил порядок выдачи денежных сумм. Л.Р. Горланов в своей работе по истории удельных крестьян приводит следующие данные: «Отпуск денег членам императорской фамилии производился в точном соответствии с нормами лишь в 1798, 1799 гг.»¹. В расписании расходов удельных сумм первые дополнительные выплаты отражены в бюджете за 1800 г. Но документ формировался за предшествовавший год. Так, 31 августа 1799 г. единовременно была выдана сумма, не предусмотренная расписанием, – для возвращения из поездки императорскому величеству и великой княгине Анне Федоровне². Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что порядок расходования удельных сумм был нарушен еще раньше – в 1799 г.³.

После воцарения Александра I дополнительные расходы младших членов императорской фамилии производились без соблюдения каких-либо правил и ограничений и из года в год все больше и больше превышали установленные законом нормы⁴. Все это стало возможным только благодаря постоянному росту удельного бюджета. Если в 1797 г. общий доход Департамента уделов составлял 2703782 руб. асс., то в 1840-е гг. чистый доход перевалил за 10 млн. руб. асс., сохраняя тенденцию к росту⁵. В период формирования удельного бюджета увеличение доходов обеспечивалось главным образом за счет безвозмездной передачи ведомству различного имущества.

¹ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. Смоленск, 1986. С. 8.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁴ См. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 13. Л. 18; Там же. Д. 15. Л. 18. Д. 18. Л. 11; Там же. Д. 21. Л. 11; Д. 22. Л. 3–3 об.; Д. 29–32. Л. 25.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.; Д. 33. Л. 4; Д. 51. Л. 13–59

Основным экономическим ресурсом, вплоть до отмены крепостного права, были налоги и сборы с крестьян. «Учреждением об императорской фамилии» было определено количество передаваемых крестьян в размере 450000 душ. Предполагалось, что по мере увеличения расходной части бюджета будет возрастать и численность удельных крестьян. Но законодатель установил границу их количественного роста – не более 1000000 ревизских душ¹.

Передача крестьянского населения удельным экспедициям, т. е. сформированным территориально-административным единицам, в численном составе была приблизительно одинаковой. В 1797 г. исходя из данных последней ревизии планировалось передать следующее количество душ мужского пола:

в Санкт-Петербургской экспедиции – 36058 душ;

Московской – 54197;

Смоленской – 53492;

Воронежской – 50791;

Костромской – 52200;

Нижегородской – 47364;

Саратовской и Пензенской – 52601;

Архангельской (Ярославской) – 46456;

Вятской – 56841².

В теории уделам должны были передать всего 469950 ревизских душ. «Излишек» крестьян Павел I решил раздать по своему усмотрению, указав так: «Достальному числу душ дворцовых имений по губернии составить ведомость и представить нашему утверждению, и уже из оной распределить раздачу разным чинам, что кому от нас всемилостивейшее пожаловано; раздачу же сию назначить по выбору тем кои желания свои объявили, для прочих учиняя

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.
² РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 80. Л. 7–8.

надлежащее распределение»¹. На каком основании был составлен список лиц, которые участвовали в получении крестьян и земель, – нам осталось неизвестным. Но в нем присутствуют только близкие императору персоны; возможно, часть из них получили такой подарок в знак благодарности за поддержку императора в дворцовом перевороте 1796 г. Сам даритель не стал раскрывать причину столь щедрого «пожалования». Примечательно, что, согласно документу, эти лица имели право выбора крестьян из определённых губерний. В 1797 г. на основании особого указа императора из общего числа удельных крестьян было пожаловано «различным особам» 4410 душ м.п.² Так, князь А.Б. Куракин, первый министр Департамента уделов, получил в Псковской губернии 2863 души³ и еще в Санкт-Петербургской – 1437 удельных крестьян⁴. Земли были пожалованы и первому товарищу министра уделов Карлу Габлицу, который получил 250 крестьян в Нижегородской губернии⁵. Также крестьян получила бывшая кормилица Павла Петровича, на тот момент уже вдова, Матрена Дмитриевна Бастидон, – ей было пожаловано 207 душ обоего пола в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии. Если оценивать передачу крестьян из дворцового в помещичье состояние в контексте крестьянского вопроса, то их правовое и экономическое положение ухудшилось.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ В числе прочих ему были пожалованы земли Вревского уезда Псковской губернии. В 1810 г. князь А.Б. Куракин построил на городище Врев храм во имя Св. Апостолов Петра и Павла - однопрестольный, выполненный в готическом стиле, снабженный, со слов управляющего его имением, титулярного советника Н.В. Муравьева, «богатой ризницею и многоценной утварью». Освящение состоялось в феврале следующего года. Храм простоял недолго. Разрушения начались уже в год смерти князя, причем, согласно клировой ведомости, «прихожане на починку не отзываются». В 1828 г. рухнул свод храма. В 1817 г. часть пожалованных императором Павлом I земель в Псковской губернии князь А.Б. Куракин даровал внебрачным детям – баронам Вревским и Сердобиным. В отношении села Александрово-Вревтож примечательно то, что изначально оно завещалось баронам Сердобиным. Лишь по пресечении их рода законными владельцами стали бароны Вревские (точнее, дети барона Степана Борисовича Вревского (1843–1901).

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1797. 17 апреля.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 73. Д. 1. Л. 1–3

Итого, после всех раздач в ведении уделов осталось 459140 душ м.п.¹, или чуть больше 1 млн. душ обоего пола, что составляло около 2,5 % общего числа жителей Российской империи, и чуть больше 3 % ее сельского населения². Численность крестьян удельной деревни продолжала расти всю первую половину XIX в. Так, в 1834 г. в уделах уже числилось 685708 ревизских душ³. В этом же году в связи с ростом расходов на членов императорской фамилии министр Департамента уделов на основании параграфа 14 «Учреждения об императорской фамилии» внес предложение об увеличении сельского населения удельной деревни «в счёт недостающих до миллиона» 193910 душ м.п. крестьянами, проживавшими в Симбирской губернии «со всеми казне принадлежащими землями, лесами и разными угодьями»⁴. Министерство финансов не согласилось на безвозмездную передачу части государственного имущества, оно официально уведомило, что затруднений для передачи «не видит, кроме убыли дохода для государственного счета». Министерство финансов предложило Департаменту произвести своего рода обмен: «отделить казне соразмерное количество удельных крестьян»⁵.

После произведенного между ведомствами размена в 1843 г. в уделах числилось уже 753935 душ м.п., а общее количество душ обоего пола перевалило за 1,5 млн. человек⁶. Для справедливости отметим, что часть крестьян была все-таки передана из уделов в казну, но в основном крестьяне чересполосные и малоокладные, которые были самым уделам в тягость. За почти полувековую историю ведомство увеличило численность крестьян более чем в 1,5 раза. С уверенностью можно сказать, что Департамент уделов,

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 80. Л. 26–27 а.

² К началу XIX в. население Российской империи насчитывало порядка 40 миллионов человек, крестьянство насчитывало 32,6 млн. человек, из них 19,6 млн. человек – помещичьи крестьяне, 13 млн. – казенные.

³ РГИА Ф. 515. Оп. 1. Д. 42. Л. 96–96 об

⁴ Там же.

⁵ РГИА Ф. 515. Оп. 1. Д. 42. Л. 141–144 об.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–85

перед которым стояла задача финансирования младших членов императорской семьи, обеспечивал их «постоянное и независимое от прочих государственных доходов содержание»¹ и справлялся с указанной задачей.

В диссертации будет посвящена целая глава финансовой деятельности Департамента уделов, тем не менее хотелось бы отметить, что для достижения стабильности бюджета использовались не только финансовые возможности уделов, но и политический ресурс власти. Первоначально на формирование удельного бюджета предполагалось выделять из государственного казначейства в течение первых трех лет ежегодную сумму в размере 1 млн. руб. асс. В дальнейшем удельное ведомство должно было обеспечивать себя средствами самостоятельно². Отдельно оговаривалось, что если уделы будут получать доход от оброка, равный сумме государственных выплат, то «денег из бюджета не брать»³. Если же получится собрать «прибавочные сверх бывшего сего оборота деньги», то они должны быть возвращены в казначейство. Фактически казна выдала деньги только один раз, после чего удельное хозяйство перешло на самофинансирование. Практики возвращения в казну излишка удельных сумм нами выявлено не было. Хотя, согласно отчету за 1798 г., Департамент уделов пополнил доходную часть бюджета за первый год существования на общую сумму 2703782 рубля 51 коп., что более чем в два раза превышало предполагавшуюся цифру.

Законом предусматривалась ступенчатая иерархичная система управления: центральным органом управления стал Департамент уделов, который формально начал функционировать с 22 мая 1797 г. В обязанности Департамента входило: во-первых, через подчиненные ему местные учреждения управлять удельными имениями, повышать их доходность и заботиться о крестьянах, проживавших в тех имениях; во-вторых, производить

¹ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 57–62

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7 об.

ежегодную выдачу содержания членам императорской семьи согласно расписанию¹.

Император дал точное указание министру уделов А.Б. Куракину: необходимые суммы на содержание удельных экспедиций и Департамента «повелеваем обратить на счет доходов с удельных имений поступающих, не требуя оных из общих государственных доходов»². Поэтому содержание всего административного аппарата производилось из удельного бюджета.

Обсуждение в Государственном Совете вопроса о целесообразности существования удельной системы хозяйствования.

Формирование обособленной системы управления и автономной хозяйственной структуры для содержания императорской фамилии вызывало немало вопросов у современников. Но если при Павле I эти вопросы не выходили для обсуждения в публичное пространство, то в первые годы по воцарении Александра I вокруг них шли серьезные дискуссии. Молодой император соглашался с необходимостью обсуждения насущных вопросов и поощрял выработку совместных решений, касавшихся реформирования сфер государственного управления. В 1801 г. для рассмотрения важных государственных дел император учредил Государственный Совет. Несмотря на то, что официальное наименование нового органа было именно таким, в исторической науке он называется еще Непременным Советом³. Сразу оговоримся по поводу употребления терминологии: мы будем использовать то наименование органа, которое он получил в официальной делопроизводственной документации Департамента уделов начала XIX в., т.е. Государственный Совет, (далее – Совет).

¹ Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

³ Писарькова Л.Ф. Непременный или Государственный совет был в России в 1801–1809 годах? (к вопросу об уточнении терминологии) // Отечественная история. М., 2008. №5. С. 128–130; Сафонов М.М., Филиппова Э.Н. Журналы Непременного Совета // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1979. Т. 11. С. 144–163.

В 1801–1802 гг. на заседаниях Совета поднимался и довольно активно обсуждался вопрос, суть которого сводилась к следующему: члены Совета считали, что система удельной администрации дублировала уже существовавшие в приказах и губерниях органы управления¹. В.П. Кочубей в своих записках выступал против лишних трат государственных средств: «Александра называют скупым, но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных. Здесь три генерала стерегут туфли Петра Великого, там один человек берет из пяти мест жалование, всякому столовые деньги, множество пенсий излишних, дают займы без отдачи и кому? Богатейшим людям, обманывают Государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну...»². Членами Совета предлагалось: оптимизировать управление и ликвидировать дублирующие структуры. Для этого Государственный Совет затребовал у министра уделов справку, где необходимо было указать сведения по хозяйственной части: сколько всего было удельных имений, в каких губерниях они располагались, были ли у уделов особые хозяйственные заведения. Совет также интересовали: количество удельных крестьян, их занятия и размер уплачиваемых повинностей. Среди искомым сведений были и финансовые вопросы: откуда Департамент уделов получал сумму на содержание, какой доход имел с имений, «кому именно из Высочайшей фамилии и какие суммы определены»³.

Членов Государственного Совета поддерживал и первый товарищ министра уделов, тайный советник Карл Габлиц. Интересно отметить, что Габлиц находился в должности первого товарища министра уделов еще с 1797 г. Он возглавлял ведомство во время длительного отсутствия министра уделов С.П. Румянцева. Поэтому его мнение в данном обсуждении имело существенное значение. Габлиц предлагал дворцовые волости передать «в прежнее положение ведомства казенных палат», Практическую школу

¹ Красникова Ю.Н. К вопросу о формировании удельной системы хозяйствования в начале XIX в. // Вопросы истории. М., 2022. № 11–2. С. 28–37.

² РГИА. Ф. 971. Оп.1. Д.108. Л. 64–65 об.

³ РГИА. Ф. 1146. Оп.1. Д. 23. Л. 57–62.

земледелия отдать в управление или директора, или Вольного экономического общества, а Полотняную фабрику и суконные заведения передать в ведомство Государственной коллегии мануфактур¹. Император не разделял такую точку зрения. Возможно, именно это отразилось на карьере К. Габлица в Департаменте уделов: в 1802 г. он был уволен из удельного ведомства и назначен президентом мануфактур-коллегии, а позже возглавил Лесной департамент², тем самым он был устранен Александром I от обсуждения судьбы Департамента уделов.

К ноябрю 1801 г. министр Департамента уделов князь Н.Б. Юсупов подготовил подробный отчет по всем интересовавшим членов Совета вопросам. Несмотря на то, что отчет отражал в основном успехи Департамента уделов, резолюция была неутешительная: «Особенное управление казенных крестьян вверенных сему департаменту вводя правительство в великие и совершенно излишние издержки никакой пользы не приносит, а потому и полагает ведомство их и сбор доходов возвратить на прежнее основание»³. Предложение Совета заключалось в возвращении управления бывшими дворцовыми крестьянами казенному ведомству, удельные доходы планировалось передать «в общую массу казначейств», а сбор средств для императорской фамилии поручить Казенным палатам. По вопросу промышленных заведений и школы земледелия было решено узнать, в каком они состоянии, «полезно ли их сохранение или распространение, и в случае упразднения департамента какому ведомству с лучшей удобностью поручены они могут быть»⁴.

Такое однозначное и в чем-то обоснованное мнение со стороны членов Государственного Совета заставило императора дать новое поручение министру Департамента уделов подготовить рекомендации по переустройству

¹ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 57–62

² Русский биографический словарь. Издание императорского русского исторического общества. Ред. Чулкова Н.П. М., 1914. Т. 4. С. 13–14

³ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 22. Л. 162–165.

⁴ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 22. Л. 89–91 об., 162–165.

ведомства. Предложения ведомства были готовы к декабрю 1801 г. При изучении документа мы видим, что с рядом доводов Совета министр согласился. Например, он признал, что имениями сложно управлять из-за удаленности между ними. Министр предложил произвести обмен разбросанных удельных имений на экономические деревни, чтобы их расположение было более компактным, что оптимизировало бы расходы на управление¹. Предлагалось изменить принцип набора писарей в приказы, от которых зависели скорость и качество делопроизводства на местах. Ряд суждений касался удельного крестьянства: предлагалось ограничить выход зажиточных крестьян, чтобы поддерживать платежеспособность общины; оставить в подведомственности земских судов только рассмотрение уголовных преступлений, совершенных удельными крестьянами. Министр уделов предлагал также уравнивать удельных и казенных крестьян в получении 15-десятиной пропорции земли на основании указа от 11 ноября 1792 г.

По вопросу существования промышленных заведений на молодого императора оказывали давление многочисленные владельцы крупных суконных мануфактур, опасавшиеся сокращения поставок и уменьшения доходности своих производств. Промышленники видели сильного конкурента в лице Департамента уделов и покровительствовавшем ему императорском доме. Александр I не хотел вступать с ними в конфликт и уступил их требованиям. Было принято решение не расширять Полотняную фабрику, чтобы не повышать конкуренцию; суконные заведения следовало оставить только в малоземельных районах, «чтобы крестьянам не отлучаться от своих мест, не оставлять земледелия и хозяйства, и к улучшению их финансового состояния, а соответственно к бездоимочному сбору податей»². Хотя производство сукна при стабильных государственных контрактах было бы достаточно выгодным мероприятием для ведомства.

¹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 88–109.

² РГИА. Ф. 1147. Оп.1. Д. 236. Л. 88–109.

Все доводы министра и решения, принятые в отношении Департамента уделов, не удовлетворили членов Государственного Совета. Их комментарии при обсуждении предложений сводились к одному: они настаивали на ликвидации ведомства. В 1802 г. на заседании Совета министру Департамента уделов Юсупову было дано поручение составить документ «о настоящем положении дел, о состоянии его заведений, о средствах возвратить капиталы на них употребленные», а также «о мерах к лучшему управлению удельных крестьян, если найдено будет нужным сохранить их»¹.

Подготовленный доклад уже не в первый раз вызвал оживленное обсуждение. Во-первых, Государственный Совет не видел основания для того, чтобы часть казенных крестьян (под название дворцовых) была «выведена по внутреннему своему управлению из общего правила и порядка» и должна была составить «особенный род людей, иметь особое начальство». Разбросанность удельных экспедиций и их удаленность от губерний усложняли управление крестьянами. По убеждению членов Государственного Совета, во-первых, управление ими вполне могло осуществляться губернскими властями, что сэкономило бы средства, так как «ежегодный доход более нежели с 30000 душ употребляется единственно на содержание начальства»². Во-вторых, более эффективным и менее затратным было бы содержание императорской фамилии государственным казначейством. В-третьих, члены Совета поддержали предложение министра Департамента уделов князя Н.Б. Юсупова о передаче промышленных заведений в ведение Александровской мануфактуры, и, более того, приняли решение «поручить управление князю Юсупову, имеющему в ведении своем и другие подобные заведения»; Практическую школу земледелия и созданную при ней общественную запашку передать Вольному экономическому обществу, «которое, занимаясь распространением в России земледелия и хозяйства, могло бы посредством их умозрительных предположений удостоверить на

¹ РГИА. Ф. 1146. Оп.1. Д. 23. Л. 57–62.

² РГИА. Ф. 1146. Оп.1. Д. 23. Л. 57–62.

опыте и возвращать в дело». Итоговая резолюция была такова: «Совет утверждает в положении своем, чтоб ... управление крестьян обратить в прежнее его положение, в ведомство казенных палат, а доходы с оных и распределение их по точной силе учреждения об императорской фамилии представить государственному казначейству»¹.

Противостояние между императором и членами Государственного Совета по вопросу ликвидации удельного ведомства продолжалось. Неоднократное требование отчетов от Департамента уделов, рассмотрение вопроса на высшем уровне говорило о непримиримой позиции по этому вопросу. Оппозицию поддерживал и управляющий делами Государственного Совета член Совета Д.П. Трощинский. Несмотря на все доводы высших сановников, последнее слово осталось за императором, который решил сохранить уделы, «чтоб императорская фамилия имела постоянное и независимое от прочих государственных доходов содержание»². Интересно, что в 1802 г. обладавший большим авторитетом, принимавший участие в дворцовом перевороте 1801 г. Трощинский стал следующим министром уделов, сменив Юсупова. По нашему мнению, благодаря этому удалось подавить оппозицию Государственного Совета и сохранить удельную систему хозяйства.

В целом же официальные споры в государственных органах власти о Департаменте уделов затихли сами собой в связи со свертыванием либеральных реформ Александра Павловича, хотя оппозиция еще долго кулуарно обсуждала этот вопрос в документах личного происхождения.

Итак, существование Департамента уделов, да и всей хозяйственной структуры удельного ведомства, нередко современниками не поддерживалось. Они были уверены, что ведомство дублирует уже функционировавшие в системе управления Российской империи учреждения. Члены Государственного Совета считали, что расходы на содержание ведомства

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1146. Оп.1. Д. 23. Л. 57–62.

были не обоснованы и отвлекали средства из государственного бюджета. По мнению же Александра Павловича, учреждение Департамента уделов было продуманным шагом в сторону упорядочивания бюджетных расходов и налаживания механизма содержания младших членов императорской фамилии. Кроме того, удельный бюджет позволял выделять средства на дополнительные расходы членов императорской фамилии и «надобности» императора, не предусмотренные законом. С каждым годом выплаты сумм «сверх расписания» производились без соблюдения каких-либо правил и ограничений.

Александр I был вынужден согласиться на обсуждение вопроса об удельном ведомстве, но, видимо, не ожидал такой однозначно непримиримой позиции со стороны членов Совета. Тема существования Департамента уделов неоднократно выносилась на обсуждение в 1801–1802 гг. Император согласился на некоторые уступки, например, ограничить распространение удельных промышленных заведений, чтобы не создавать конкуренцию частным предприятиям. В ответ он ожидал смягчения резолюции Совета, но ее не последовало. Подавить сопротивление членов Государственного Совета удалось только после осуществления некоторых кадровых перестановок. Александр, используя хитросплетения взаимоотношений политических элит того времени, одних отстранил от обсуждения вопроса, другим предложил выгодные должности. Да и роль Государственного Совета после 1803 г. снизилась. Разумеется, при отсутствии реальных политических институтов ограничения монархии последнее слово оставалось за императором.

Итак, организация удельного хозяйства была продуманным шагом в сторону упорядочивания бюджетных расходов и обеспечения содержания младших членов императорской фамилии. Согласно «Учреждению...», все денежные выплаты должны были выдаваться в строгом соответствии с расписанием расходов удельных средств, не превышая установленного лимита. Закон четко определял размер содержания для каждого члена императорской фамилии, но этот порядок постоянно нарушался. За столетний

период существования ведомства количество лиц, получавших содержание из удельных сумм, все увеличивалось. Увеличивалась и доходная часть удельного бюджета: ее рост обеспечивался в первые годы после основания Департамента за счет первоначального капитала и безвозмездной передачи дворцового и государственного имущества.

2.2. Территориальное размещение удельных имений

Территориальное расположение удельных имений в конце XVIII в., при организации удельного пространства, напрямую зависело от размещения дворцовых деревень. Дворцовые крестьяне часто проживали совместно с государственными, т. к. находились в общем ведении Казенных палат. «Учреждением об императорской фамилии» предусматривалась передача в ведение нового ведомства только дворцовых земель и крестьян. В 1797 г. Департамент уделов предложил императору передать под управление Департамента еще экономических и государственных крестьян из тех же девяти губерний, где учреждались удельные экспедиции. Но Высочайшего утверждения не последовало, поэтому «разделение удельных экспедиций учреждено было по прежде учиненному расписанию из одних дворцовых имений»¹. Это привело к тому, что Департамент уделов получал удаленные на десятки километров от удельной экспедиции отдельные деревни и земли. Невозможность Департамента повлиять на территориальную организацию удельного пространства в первые годы его существования привела к длительному периоду земельных обменов и споров и к подвижности границ удельного имения Российской империи. Только в результате земельного «промена» с государством в 1836 г. уделы смогли территориально сосредоточить удельные деревни, что существенно облегчило управление ими.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 61

Общий удел

Для удобства управления имуществом и для сбора платежей с удельных крестьян были учреждены территориально-административные единицы – экспедиции уделов. Они создавались первоначально при Казенных палатах в крупных губернских городах, включая в себя удельные имения разных губерний и уездов. Постепенно удельные экспедиции (с 1808 г. – удельные конторы) получили собственные помещения. При их формировании руководствовались заложенным в законе правилом, на основании которого число крестьян, относящихся в одной экспедиции должно было превышать 50000 душ¹. В обратном случае, организация органов управления считалась нецелесообразной.

Процесс устройства удельных экспедиций, поиск помещений, решение кадрового вопроса и прочее планировалось закончить в течение года. К 15 февраля 1798 г. все чиновники ведомства были обязаны прибыть к месту службы², а с 10 марта этого же года экспедициям следовало официально начать свою работу. Формирование отдельных структурных подразделений по управлению удельным хозяйством и подведомственными крестьянами формально завершало процесс передачи имущества от Казенных палат удельным властям. На деле же в 1798 г. в действительное распоряжение Департамента уделов поступили только те имения, которые территориально располагались близко к экспедициям. В отдаленных губерниях и уездах это произошло в 1799 г. В целом процесс начальной территориальной консолидации удельного хозяйства занял около 3 лет.

Главной задачей местной удельной власти в этот период была ревизия полученного имущества. По всем имениям составлялись довольно подробные описные книги и сводные ведомости, которые были закончены к концу 1800 г.³ Так, в Санкт-Петербургской губернии числилось 2949 душ обоего

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1798. 29 января.

³ РГИА Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 4–10 об.

пола, из них мужского пола – 1517 (в том числе 104 души, записавшиеся в мещанство и купечество) в 36 селениях. За крестьянами числилось 714 голов лошадей, 1481 единица крупного рогатого скота, 1169 – свиней и баранов. У крестьян находилось в пользовании пашенной земли 2778 десятин, сенокосной – 922 десятин, неудобной и под селениями – 363 десятины. Согласно ведомости, в пользовании также находились леса общей площадью 615 десятин. В удельных имениях Санкт-Петербургской губернии имелись оброчные статьи: 116 десятин земли и одна рыбная ловель. Годовой доход с имения составлял 7254 руб. 72 коп.¹ Как мы видим, кроме общего количества крестьян оценивались следующие показатели крестьянских хозяйств: вид использования земельных участков, неземледельческие виды занятий.

Леса числились в описной ведомости, но передавались уделам условно, лишь по факту очерчивания границ. Лесные массивы находились в ведении Департамента государственных имуществ, который ими и распоряжался. Когда удельным крестьянам требовался лес для постройки домов или отопления, им приходилось покупать его у лесного начальства². В обязанности обер-форштмейстера (лесничего) входило: выделение территории для рубки деревьев, контроль за срубленными деревьями, чтобы они использовались по назначению. Это приводило к конфликтам между учреждениями. Впоследствии удельные леса были выведены из-под контроля Департамента государственных имуществ и переданы удельному ведомству.

«При организации удельного хозяйства было образовано девять экспедиций:

1. **Московская экспедиция** располагалась в Московской, Тульской, Калужской, Тверской, Владимирской, Рязанской губерниях.

2. **Санкт-Петербургская экспедиция:** в Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Выборгской, Лифляндской, Эстляндской губерниях.

¹ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 3. СПб., 1902.

² РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 282. Л. 1–3.

3. **Орловская экспедиция:** в Орловской, Курской, Слободско-Украинской, Воронежской, Малороссийской губерниях.

4. **Тамбовская экспедиция:** в Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Астраханской, Новороссийской губерниях.

5. **Костромская экспедиция:** в Костромской, Ярославской губерниях.

6. **Вятская экспедиция:** в Вятской, Оренбургской, Пермской, Иркутской губерниях.

7. **Архангельская экспедиция:** в Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерниях.

8. **Смоленская экспедиция:** в Смоленской, Белорусской губерниях.

9. **Казанская экспедиция:** в Казанской, Симбирской, Нижегородской губерниях»¹.

Сразу были выявлены недостатки такой территориально-административной организации удельного имения. Одной экспедиции приходилось управлять деревнями на пространстве во много тысяч верст, – например: Вятская экспедиция имела в своем ведомстве крестьян, проживавших в Оренбургской и Иркутской губерниях; Тамбовская экспедиция управляла селениями в Астраханской и Новороссийской губерниях². На некоторых территориях расстояния между имениями и приказным управлением составляли сотни километров. Поэтому уже к 1800 г. удельные площади Олонецкой и Пензенской губерний были распределены между другими экспедициями. Так, Олонецкая губерния, первоначально входившая в состав Санкт-Петербургской удельной экспедиции, была передана Архангельской³. Как мы говорили выше, Департамент уделов окончательно завершил процесс организации хозяйственной и управленческой инфраструктуры только к концу 1800 г. Из-за неправильного первоначального планирования административно-территориальных единиц

¹ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.1. СПб., 1901, 1902. С. 32.

² РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 57–62.

³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 80.

Департамент был вынужден вносить изменения еще в процессе их формирования. Подвижность внутренних границ удельных экспедиций (позже – контор) сохранялась на протяжении всей первой четверти XIX в.

Разрозненность удельных имений обсуждалась и членами Государственного Совета в 1801 г. Члены Совета убеждали в «невозможности по сему удалению надлежащего надзора: одна медленность и отдаленность должна причинять крестьянам великую тяжесть. Отсюда, т. к. и от стечения других причин из особенного сего управления возникающих происходит, что крестьяне удельные не только не пользуются никакими особенными выгодами от частного их начальства, но как бывшие осмотры Сенаторов по многим частям доказали, везде более терпят, нежели другие казенные крестьяне в середине губернии и так сказать возле себя находящие и защиту и решение нужд своих»¹. На проблему территориальной разрозненности имений и неудобства управления удельными крестьянами жаловались и чиновники экспедиций. После завершения процесса передачи ему удельного имущества Департамент уделов предпринимал меры по оптимизации территориально-административного расположения. Так, в 1808 г. удельное ведомство имело владения в 35 губерниях, тогда как в 1797 г. при учреждении экспедиций удельные земли числились в 36 губерниях, а в 1800 г. – в 34 губерниях. По названиям губерний оба списка тоже не тождественны. В списке 1808 г. нет семи губерний, ранее упоминавшихся и наоборот, показаны шесть губерний, не встречавшихся в списке 1797 г. В 1830-е гг. удельное хозяйство располагалось в 14 губерниях.

Такая высокая динамика изменения границ удельного имения объяснялась не только неудобством управления, но и другими причинами. Во-первых, в 1797–1825 гг. происходили изменения в территориально-административном делении самого государства. Так, в правление Павла I было сокращено число губерний и городов. В ходе реформы число единиц

¹ РГИА Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 57–62.

административно-территориального деления первого уровня уменьшилось с 51 до 42. Император Александр I стал восстанавливать прежнюю сетку губерний, сохранив, однако, ряд преобразований отца. Такие близкие по хронологии изменения в административном делении империи также сказались и на границах удельных имений.

Во-вторых, уделы отказывались от тех губерний, в которых иметь крестьян и земли оказалось не рационально. В 1808 г. Департамент уделов ликвидировал путем обмена с казною свои владения в Иркутской губернии, где числилось всего 8 душ удельных крестьян. В Эстляндской и Лифлянской губерниях уделы не владели ни одной десятиной земли, имея только безземельных крестьян, которые также были исключены из состава уделов. Хотя позже, в 1828 г. Департамент уделов все же приобрел имение в Эстляндской губернии, но оно сразу же было сдано в аренду сроком на 6 лет бывшему хозяину – сенатору графу Тизенгаузену; после их истечения договор аренды был перезаключен с эстляндским дворянином Глазенапом на тот же срок. Сумма арендных выплат была зафиксирована договором: в первые три года по 25550 руб. асс., а в последние три – по 26950 руб., которые и поступали в удельный бюджет¹. Имение в Эстляндской губернии во второй четверти XIX в. не было включено в состав удельных контор, доходы с него отражались в бюджете отдельной строкой.

Похожая ситуация сложилась вокруг Выборгского имения. В 1809 г. к Санкт-Петербургскому удельному отделению была присоединена Финляндская (Выборгская) губерния². В 1811 г. Выборгская губерния вошла в состав Финляндии³, и в 1812 г. Выборгское имение было исключено из состава

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 88

² В 1744 г. Выборгская губерния была образована из одноименной провинции Петербургской губернии и части территории, отошедшей к России по Абоскому миру 1743 года. В 1784–1796 гг. стало наместничеством. В 1802 г. переименована в Финляндскую губернию. В 1811 г. вновь стала Выборгской губернией, но в составе Великого Княжества Финляндского.

³ Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 133–134.

Санкт-Петербургского отделения в связи с получением Финляндией автономии. Для управления этой территорией был определен особый чиновник, назначавшийся Департаментом уделов. В этом же году управляющим был назначен Ландзгевдинг¹. Все сборы с этих земель собирались и хранились в Выборгском земском казначействе, которое производило выплаты в удельный бюджет. Общий годовой доход в 1829 г. составил 1452 руб. 92 коп. асс. Интересно, что когда в 1829 г. поступило повеление выбрать другое имение вместо Выборгского из великороссийских губерний, то министр выступил с ходатайством «взамен Выборгского имения не избирать другого в удельное ведомство, а сему последнему получать за оное и впредь от Выборгского Казначейства ежегодное вознаграждение на прежнем основании», т. к. выплаты с имения поступали «ежегодно и исправно»². Приоритетность сохранения той или иной территории зачастую определялась «бездоимочным» сбором всех причитающихся выплат и отсутствием обременений.

В-третьих, еще одной причиной изменения границ удельных территорий стало включение в их состав новых имений и территорий. Во второй четверти XIX в. удельное ведомство значительно расширило свои владения путём обмена государственных и удельных имений и территорий. Важно отметить, что Павел I видел для уделов возможность расширения, только за счет использования ими собственных внутренних ресурсов, т. е. путем купли-продажи. При Александре I в 1801 г. министр уделов Н.Б. Юсупов предложил проект схожего размена землями с казной³. Но политическая ситуация начала XIX в. отложила реализацию плана более чем на четверть века. Департамент предлагал безвозмездную передачу территорий в состав уделов, но в процессе переговоров с Министерством финансов стороны договорились о «промене»

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 17–18

³ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 88–109 об.

государственных и удельных имений. Идея была озвучена вице-президентом Департамента уделов в 1829 г.

С 1830 г. началась активная переписка между министерствами. Основные территории, которые готовились к передаче, располагались в Симбирской губернии. Недостающую землю казна была обязана отвести уделам в многоземельной Оренбургской губернии. В свою очередь, уделы передали казне крестьян в Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической Курской, Полтавской, Черниговской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Псковской, Тульской, Калужской, Рязанской, Ярославской губерниях. Также для казенного управления передавались крестьяне и Санкт-Петербургского отделения; однако Выборгское и Красносельское удельные имения, входившее в него, остались в ведении Департамента¹. Красное Село было решено оставить в связи с тем, что эти земли и деревни были приобретены для матери Николая I, Марии Федоровны, и в изучаемый нами период использовались для военных маневров, приносящих убытки местным крестьянами из-за вытоптанного урожая².

Казалось, осуществился более или менее равноценный обмен. Но на самом деле он решал преимущественно проблемы Департамента уделов, но не государственной казны. Такая политика позволила сосредоточить четвертую часть удельных имений, до этого разбросанных по стране, локализовав их в одном месте. Это удешевляло хозяйственное управление имениями. Более того, из архивных документов следует, что в основном к обмену из состава удельных предназначались – по данным самого ведомства – малоокладные и малоэффективные. За некоторыми территориями, которые передавались казне, к тому же числились большие недоимки. Например, в Псковском удельном имении на крестьянах, переданных в казенное ведомство, числилось 3594037 руб. асс. 72 коп. недоимок, которые резолюцией императора в 1837 г.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 11–12 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41. Л. 93–94.

были «сложены»¹. Хотя, согласно документам, с 1834 г. Псковскому удельному имению в целях выправления тяжелой экономической ситуации начали безвозмездно передавать казенные леса². Но как только возникла возможность избавиться от низкодоходной территории с большими недоимками, Департамент уделов этим воспользовался, даже не дожидаясь завершения этой передачи лесов.

Равноценного обмена не получилось. Сделка была выгодна исключительно уделам и проходила по их инициативе. Если ежегодный доход ведомства в 1835 г. (накануне обмена) составлял 5847064 руб. асс., то в 1838 г. – 7446446 руб. асс. В целом доходность уделов в этот период увеличилась более чем на 20 %. А общая капитализация всего удельного имущества к 1839 г. оценивалось самим ведомством в 50008038 руб. асс.³ По мнению ряда исследователей, такой обмен был больше похож на «практически безвозмездную передачу государственных земель и крестьян»⁴. Имущества вышедших из состава уделов контор, согласно условиям 1836 г., в скором порядке распродавались, зачастую даже ниже стоимости покупки. В 1837 г. дома Пензенской, Псковской, Смоленской удельных контор, находившиеся в собственности ведомства, были проданы Министерству финансов за 49900 руб. асс. при цене покупки за 76047 руб. асс.⁵ Прибыль от поступающих земель все равно была выше.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин пытался возражать против дополнительного отвода земли в Оренбургской губернии, которая служила резервом переселения государственных крестьян, но министр императорского двора П.М. Волконский заручился поддержкой Николая I, и обмен состоялся.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 191–192 об.

² ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 61.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 42. Л. 160–161; Д. 46. Л. 126; Д. 47. Л. 26–70.

⁴ Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 г.г.): автореф. дис... канд. ист. наук. Горький, 1954. С. 6.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 14–14 об

В Симбирской губернии были учреждены четыре удельные конторы: Симбирская, Алатырская, Сызранская и Самарская. Для удобства управления при каждой из контор было образовано по одному отделению¹. Динамика первой трети XIX в. показывает, что общее количество губерний, где располагались удельные деревни, сократилось. После обмена они числились в Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Орловской, Казанской, Симбирской, Оренбургской губерниях. Общее количество губерний, где находились удельные имения, уменьшилось с 36 до 14. Их компактное сосредоточение, в свою очередь, положительно сказалось на эффективности управления имениями². Расширение территории удельного имения происходило и за счет покупки у частных владельцев, о чем будет сказано ниже. Как видно, во второй четверти XIX в. существенно изменилась тактика формирования территорий удельных имений. Она сводилась к практически безвозмездному освоению государственного имущества и территориальному сосредоточению удельного хозяйства.

К марту 1798 г. формально завершился процесс передачи имущества от Казенных палат удельным властям, которые приступили к выполнению своих прямых обязанностей. На практике процесс юридического оформления и решения организационно-административных задач в удельной деревне занял около 3 лет.

Динамика изменения границ удельных имений в первой половине XIX в. была связана со средоточием территорий для более удобного управления и компактного расположения. Форма организации территориального пространства удельного имения была обусловлена необходимостью решения конкретных задач. Сложившаяся форма позволяла эффективно решать социально-экономические вопросы, которые возникали в ходе эволюции уделов. Компактное скопление населённых пунктов позволило создать

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 108–108 об.

² Там же.

сложную, но более управляемую динамическую систему с единым центром принятия решений. Механизмом реализации большего сосредоточения удельных имений стал обмен между государством и уделами. При этом после обмена 1836 г. общая капитализация имущества, находившегося в собственности уделов, составила чуть больше 50 млн руб. асс.

Границы удельной территории в Российской империи были подвижны. Самым крупным приращением удельных земель в изучаемый нами период был обмен территориями с Министерством финансов. В составе уделов находились и те земли, которые формально не принадлежали территориально-административным единицам удельного ведомства, но находились в его собственности. В составе уделов оказались автономные территории: это особо управляющиеся имения в Эстляндской и Выборгской губерниях.

Управление особыми территориями

Согласно «Учреждению...» 1797 г. удельные имения признавались общей неотчуждаемой собственностью всех членов императорской фамилии. Законодатель предусматривал и возможность выделения особых уделов из общего состава. Имения, переданные в такой удел, не могли ни продаваться, ни обмениваться, зато они переходили по наследству. Управление подобным имуществом поручалось особыми Высочайшими повелениями. По пресечении того поколения, которое владело ими, особые уделы следовало возвращать в общий состав удельных территорий¹. За таким имением закреплялось владение конкретного представителя царствующей фамилии, но право собственности было ограничено и имело обременения.

Несмотря на возможность получить «удел в натуре», императоры неохотно шли на дробление общих удельных земель. За всю историю существования удельного ведомства это произошло лишь однажды. По

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 214. См также Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 118.

именному указу от 19 апреля 1809 г. великой княгине Екатерине Павловне¹ был выделен из общей массы удельных имений земельный надел в Новгородской губернии. Император приурочил этот подарок к ее свадьбе с принцем Георгом Шлезвиг-Голштейн-Ольденбургским и переезду Екатерины Павловны с супругом на постоянное место жительства в Россию². Интересно, что это событие совпало хронологически и со сватовством Наполеона к Екатерине Павловне. Как мы помним, она в спешном порядке была выдана замуж, – возможно, выделение особой территории – это были «отступные» для своенравной княжны. Хотя прямых доказательств этому факту мы не нашли. Но в книге немецкого исследователя Д. Йена, написанной в жанре психологической истории, говорится о вовлеченности великой княгини в политику³.

К 1823 г. ее удел был расширен, в него были включены земли и в других губерниях. Так, в 1823 г. общий годовой доход, полученный с имения Екатерины Павловны, составил 23480,20 ¼ руб. асс. При этом самой доходной территорией являлось имение в Костромской губернии, давшее половину полученной прибыли⁴.

Таблица 1.

Губернии, входившие в состав особого удела Екатерины Павловны.

№	В какой губернии	В каких уездах	Число душ
1	Владимирской	Вязниковский уезд, Никологородский приказ	3097
2	Вологодской	Тотемский уезд Спасский приказ	4308
3	Вятской	Яранского Нолинский уезды Петропавловский кукарский приказ Сарапульский уезд Козловский приказ	3533 3672 3283

¹От первого брака имела двух сыновей: Фридриха-Павла-Александра (18 сентября 1810–1829) и Петра (28 сентября 1812–1881); от второго брака – двух дочерей: Марию-Фредерику и Софию Фредерику.

²РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

³Йена Д. Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга. М., 2006.

⁴РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 282. Л. 29–30 об.

4	Костромской	Варнавинский уезд Уренский приказ Макарьевский уезд Ковернинский приказ	4703 4562
5	Московской	Бронницкого и Подольского уездов Мячковской приказ	3690
6	Нижегородской	Ардатовского уезда Ризадьевской приказ Сергачевского у., Аттитгеевской пр	4562 3403
7.	Новгородской	Кирилловский уезд Казанский пр	4595
8.	Орловской	Трубчевский уезд, Усожкой пр Севского и Дмитриевского уездов Гольшинской пр	3540 3637
9	Пензенской	Краснослободского уезда Троицкий пр	4456
10	Симбирской	Ардатовского и Алатырского уездов Атяшевский приказ	3875
11	Смоленской	Елинского уезда Коноплянский приказ, Краснинского и Смоленского уездов Виннолуцкий приказ	3003 3799
12	Тамбовской	Кирсановский уезд Кирсановский пр	4613
Итого			70331

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 379. Оп.4. Д.282. Л. 1–45.

В пункте 2 указа Правительствующему Сенату от 18 апреля 1809 г. те отмечалось, что «назначенные имения в удел ее Высочеству составлять будут совершенную собственность как ее, так и потомков ее; но управление оными остается на попечении Департамента уделов, с тем, чтобы собираемые с имения доходы Ее Высочеству или потомству ее доставляемы были с полна»¹. Право наследования удела имели только дети Великой княгини по мужской линии, но оно не было закреплено за супругом. Воспользоваться правом наследования можно было только при целом ряде условий, главным из которых было постоянное проживание наследников на территории Российской империи.

¹ РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 282. Л. 16–17

Удел Екатерины Павловны управлялся в соответствии с общими правилами управления удельными имениями. Учет доходов с этой территории Департаментом велся отдельно, что нашло отражение в общей доходной ведомости. Половина полученного дохода отпускалась «по Высочайшему назначению», т. е. на нужды великой княгини, а другая половина присоединялась к общему удельному капиталу для покрытия нужд на управление¹. Крестьянам общего удела было запрещено переходить в удел Великой княгини, т. к. по крепостям у них были разные собственники².

В 1812 г. скончался Георг Ольденбургский, а в 1816 г. Екатерина Павловна вышла замуж за наследного принца Вильгельма Вюртембергского. После повторного вступления в брак Екатерины Павловны особый удел был разделен между ней и двумя сыновьями от первого брака, как закон требовал. После смерти великой княгини половина ее имения в 1824 г. была обращена в общую массу удельного имущества. Вторая половина оставалась наследственным имуществом Фридриха-Павла-Александра и Петра Георгиевича Ольденбургских по достижению ими совершеннолетия. Дети после смерти матери были вывезены в Ольденбург родственниками, взявшими их под опеку. Правом получения собственности над этими землями они могли воспользоваться только после своего совершеннолетия и при обязательном условии проживания на территории Российской империи³. Старший сын Екатерины Павловны не дожил до этого события. А вот Петр Георгиевич в 1830 г., когда достиг своего совершеннолетия, возвратился в Российскую империю для постоянного проживания и унаследовал вторую половину удельного имения⁴. Позднее, согласно желанию принца и по указу 1862 г., эта часть удела была передана в общую массу удельного имущества. Возможно, такой жест был связан с неизбежностью отмены крепостного права в удельной деревне, которая была проведена в 1863 г., и общим курсом реформ

¹ Свод удельных постановлений. Т. 1. СПб., 1843. С. 3.

² Там же. Т. 3. СПб., 1843. С. 9.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 214.

⁴ РГИА. Ф. 1106. Оп. 1. Д. 2.

императора Александра II. Взамен, по Высочайшему повелению, принцу и его потомкам была назначена определенная ежегодная денежная выдача из удельных сумм¹.

Таким образом, в истории уделов члены императорской фамилии лишь единожды смогли воспользоваться правом получения удела в личное пользование. Исключительность такого случая связана, по нашему мнению, с тем, что имперская власть, которая и определяла возможность выделения имений, не хотела раздробления общего удела, стремясь сохранить его целостность. Именья, переданные в особый удел, не могли ни продаваться, ни обмениваться; право собственности реализовывалось лишь условно. Во всех случаях земли не могли быть выведены из-под контроля и управления Департамента уделов, а при определенных условиях их следовало вернуть в состав общего удела.

В целом можно сделать следующие выводы. Юридическое оформление и решение организационно-административных задач в удельной деревне, формирование ее границ не были одномоментными актами. Это была довольно сложная и многозадачная организационная работа. По мере выстраивания системы центрального и местного управления удельными имениями проявлялись трудности в эффективном администрировании подведомственных территорий, вызванные, главным образом, удаленностью удельных имений от административного центра и их рассредоточением. Департамент уделов неоднократно привлекал внимание императора к этой проблеме. Существенно ситуация изменилась только во второй четверти XIX в. В результате обмена землями с Министерством финансов в 1836 г. уделам удалось сосредоточить свои имения в 14 губерниях против 36 в 1797 г. При этом инициатором размена с государством выступал исключительно Департамент уделов при поддержке Николая Павловича, действуя вопреки

¹ История уделов ... Т. 3. С. 10.

государственным интересам. Такая политика позволила увеличить доходность удельного бюджета.

Были и другие причины подвижности общей границы территории удельного имения в Российской империи: изменения в территориально-административном делении самого государства, переоценка рациональности владения некоторыми территориями и безземельными крестьянами.

В результате организации удельного имения появились территории, пользующиеся определёнными правами самостоятельности. Они управлялись на основании дополнительно принятых локальных актов, но в целом их автономия не противоречила «Учреждению об императорской фамилии». Особый интерес вызывает выделение особого удельного имения, закреплённого за Екатериной Павловной. Юридически такая процедура была прописана законодателем, но на практике эта возможность была реализована лишь единожды за всю историю уделов. Правители в целом не соглашались на такое дробление. Владелец особого удела пользовался лишь правом условной собственности; территории находились под управлением Департамента уделов и подчинялись общему нормативно-правовому регулированию.

2.3. Центральные органы управления удельными имениями

Для реализации административно-хозяйственных функций в отношении полученного имущества и крестьян требовалась отлаженная и эффективная система управления. В изучаемый нами период администрирование удельного хозяйства осуществлялось на трех уровнях, с сохранением строгой иерархии властных полномочий. Департамент уделов, возглавляемый министром, осуществлял центральную власть. Его основные полномочия заключались в стратегическом планировании и развитии удельного хозяйства. Все мероприятия прорабатывались и реализовывались исключительно с Высочайшего одобрения. Министр был наделен правотворчеством в рамках своих компетенций. Ведомство постепенно наращивало собственную

внутреннюю нормативно-правовую базу, тем самым все больше обособляясь от общегосударственного контроля и управления. За центральным учреждением были закреплены функции формирования удельного бюджета, выдачи в соответствии с расписанием денежных сумм членам императорской семьи и пр.

Следующий уровень был представлен региональными органами управления – удельными экспедициями, которые после реформы 1808 г. были переименованы в удельные конторы. Они решали довольно широкий круг задач, находившихся в их компетенции. Работа региональных органов власти заключалась в ежедневном рутинном решении текущих вопросов. Также они должны были выстроить взаимодействие с крестьянскими органами самоуправления и находить с ними компромиссы с целью реализации решений ведомства, исходя из специфики местности и уклада.

Заодно отметим, что последней ступенью системы управления удельными имениями по закону 1797 г. были сельские удельные приказы, которые являлись важным институтом крестьянского самоуправления. Состав сельских приказов формировался на выборной основе, в отличие от других уровней управления¹.

В целом иерархическая система управления позволяла обеспечить эффективное решение стандартного перечня задач. Но начавшиеся модернизационные изменения закладывали новые принципы социального взаимодействия и социальной ответственности. Во время таких трансформаций всех сфер общественной жизни требовалась выработка и нетиповых управленческих решений, новый подход и поиск новых инструментов управленческого действия.

В историографии существует несколько периодизаций эволюции управления в удельном ведомстве. Дореволюционные исследователи выделяли три периода. Первый продолжался от учреждения уделов до

¹ История уделов ... Т. 1. С. 21–25.

принятия 15 мая 1808 г. нового Положения о Департаменте уделов. Этот период в целом авторы характеризовали, как время становления и организации ведомства. Особенностью периода являлся принцип двойного подчинения органов удельного управления на региональном и отчасти на местном уровнях Департаменту уделов и губернским властям. Второй период включал в себя видоизменение удельных органов власти и процедуры перестройки жизнедеятельности удельной деревни; он продолжался до принятия Положения 26 июня 1863 г. В этот же период происходило четкое разграничение компетенций между удельным ведомством и губернскими органами власти. Все мероприятия этого периода и изменения в составе управления проводились с целью повышения эффективности управления крестьянами. Третий период длился с реформы 1863 г. до полной ликвидации уделов в 1917 г. На этом этапе существенно изменились предмет владения и условия хозяйствования удельного ведомства. Основными статьями доходов этого периода стали рента от предоставления в аренду земельных участков и продажа удельного леса. После отмены крепостного права удельные власти развивали и другие отрасли хозяйства: винодельческое, сахарное производства и др. Такое изменение хозяйственной деятельности повлекло существенные изменения в организации управления удельным имуществом¹.

Исследователь Н.В. Дунаева предложила другую периодизацию, взяв за основу юридический аспект организации ведомства, а не ее хозяйственную деятельность. Она выделила следующие этапы исторического развития системы управления: первый, с 5 апреля 1797 г. до 15 мая 1808 г., – период организационного становления. Второй этап, с 15 мая 1808 г. по 1825 г., – разграничение предметов ведения и закрепление за удельными властями собственной исключительной юрисдикции по управлению удельным имуществом и крестьянами. И третий этап, с 22 августа 1826 г. до июля 1863 г., – Департамент уделов как обособленное подразделение Министерства

¹ История уделов ... Т. 1. С. 21–25.

императорского двора и уделов – высшего органа коронного управления всем придворным комплексом¹.

Действительно, система управления уделами в первой половине XIX в. трансформировалась. С одной стороны, она закрепляла те принципы, которые изначально были заложены в общегосударственную систему управления: централизацию власти, иерархичность структур управления, подотчётность и т. п. С другой стороны, она не могла не учитывать те объективные изменения, которые происходили в Российской империи: развитие рыночных и товарно-денежных отношений, развитие кредитования, а это, в свою очередь, меняло вектор развития и стратегического управления ведомством. Первый этап, который выделяют все исследователи, – организационный. Павел Петрович предполагал встроить Департамент уделов в структуру центральных органов управления Российской империи. Поэтому он и не озаботился разграничением компетенций между государственными структурами и удельной властью. Второй этап был связан с территориально-административными изменениями в системе управления удельным хозяйством и постепенным выведением удельных властей из-под юрисдикции общегосударственного регулирования. Третий этап связан, по нашему мнению, не столько с юридической юрисдикцией или управлением крестьянами, сколько с формированием новой стратегии развития удельного хозяйства. Нельзя забывать, что Департамент уделов был создан в первую очередь как хозяйствующая структура. Несмотря на то, что основным источником доходов ведомства весь изучаемый нами период оставались крестьяне, Департамент уделов повышал доходность и использовал вполне рыночные механизмы: кредитование, повышение квалификации кадров, страхование, открытие промышленных фабрик и т. п. Мы вынуждены признать, что в изучаемый нами период не все мероприятия и проекты Департамента уделов оказались успешными. Это было связано с

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 24.07.2012). Режим доступа: свободный.

целым рядом факторов, о которых мы скажем ниже. Но стратегическое направление развития, которое определило для себя ведомство, соответствовало нарождавшимся изменениям. Это позволило ведомству после отмены крепостного права сохранять высокие доходы и развивать нетрадиционные для национального хозяйства отрасли, – например, виноделие.

Департамент уделов

Центральные органы управления удельными именьями – Департамент уделов и канцелярия – располагались, как и все центральные учреждения Российской империи, в Санкт-Петербурге. Возглавлял Департамент уделов министр, должность которого вводилась на основании «Учреждения об императорской фамилии». Вместе с тем само министерство так и не было создано, а Департамент в 1826 г. стал структурной частью Министерства императорского двора и уделов. Несмотря на это, тенденция к единоначалию в отраслевых учреждениях уже наметилась; так, в 1800 г. была учреждена должность министра коммерции, однако соответствующее министерство также не было создано.

Вспомним, что к концу XVIII в. коллегиальная система переживала кризисные явления. Усложненная процедура принятия коллективных решений не позволяла быстро реагировать на вызовы. Возникла насущная необходимость усовершенствования функций управления и обновления отраслевой системы. Еще Екатерина II разграничила полномочия между уровнями власти и постаралась сделать более гибкой вертикаль управления. При ней произошла децентрализация власти на местах, а губернская реформа 1775 г. привела к рассредоточению системы государственного управления. «В отсутствие системы отраслевых местных органов управления (ведомств) основные функции отраслевого управления (кроме заведования иностранными делами, армией и флотом) перешли к наместникам (генерал-губернаторам) и гражданским губернаторам. Главным объединяющим лицом

в управлении оставался генерал-прокурор Сената, ежедневно докладывавший императрице по всем делам внутреннего управления, финансов и юстиции»¹.

При Павле I децентрализация начала заменяться стройной вертикалью власти. Император считал, что строгая иерархия принятия управленческого решения и персональная (а не коллегиальная) ответственность усиливают эффективность властных структур. Новым в организации деятельности коллегий стало то, что во главе коллегий были поставлены директора, которые получили право доклада царю и известную независимость от остальных членов коллегии. Созданный в 1797 г. Департамент уделов стал примером учреждения переходного периода. Он сохранил коллегиальный принцип организации, но единоличная ответственность за ведомство была возложена на министра. Учреждение Департамента уделов становилось первым шагом в направлении реформирования системы государственного управления в Российской империи.

Для начала Александровской эпохи характерен пересмотр начинаний Павла I, тем не менее возврат к прежним принципам управления был уже невозможен. Как признавался сам Александр: «Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им»². Александр I энергично взялся за модернизацию управленческого аппарата. Были предприняты административные преобразования, в частности, в 1801 г. был учрежден Государственный Совет, вслед за ним Комитет министров (1802 г.), проведены сенатская (1802 г.) и министерская реформы (1802–1811 гг.).

В основу организации каждого министерства был положен принцип единоначалия, в отличие от коллегиальной системы, где решения принимались группой уполномоченных лиц. Одновременно законом

¹ Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 3.

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904–1905. Т. 1. С. 112.

устанавливалась персональная ответственность министра за успешность деятельности вверенного ему ведомства. Выстраивалась вертикаль власти каждого уровня управления в структуре отраслевого учреждения. Эти учреждения в административном отношении подчинялись министерству (или главному управлению на правах министерства) и были обязаны осуществлять регулярную отчетность¹. За министром были закреплены обязанности по назначениям и увольнениям кадрового состава, переводу из одного классного чина в другой по Табели о рангах, награждению отличившихся чиновников, назначению пенсий по выслуге лет для всех должностных лиц ведомства. В целях визуализации принадлежности чиновника к конкретному ведомству вводилась особая форма мундира. В министерствах могли быть свои особенности производства в чины и пенсионного обеспечения².

В 1797 г. первым министром уделов был назначен Александр Борисович Куракин³, которому в то же время было разрешено остаться в должности генерал-прокурора Сената⁴. Куракин лично подбирал кадры для Департамента, в основном, из бывших сослуживцев. Так, на должность первого товарища министра первоначально был назначен тайный советник, с 1796 г. – сенатор, Александр Александрович Саблуков, который до этого управлял Экспедицией о государственных расходах и хорошо знал состояние дел в дворцовых имениях; ему также сохранили присутствие в Сенате⁵. В помощь первому товарищу министра были назначены: директор ассигнационного банка статский советник Фенин, полковник Дмитриев и коллежский советник камер-коллегии Дмитрий Александрович Старков.

¹ См. напр. РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 149.

² РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 255. Л. 19.

³ В формулярном списке Куракина за этот год отмечены следующие должности и звания: «действительный тайный советник, генерал-прокурор, министр департамента уделов, орденов российских императорских назначен, главный директор правления государственного ассигнационного банка, действительный камергер, и кавалер департамента удельных имений».

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.2. Л. 5.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.2. Л. 66

Особо оговаривалось, что «полковнику Дмитриеву остаться в сем чине, не переименовывая его в штатский класс»¹.

Армия являлась одним из источников комплектования гражданского аппарата управления. Отставным офицерам и нижним чинам армии и флота статская служба давала не только постоянный источник заработка, «без которого значительная их часть не могла существовать, но и возможность реализовать себя при исполнении несвойственных военному человеку обязанностей – административных, полицейских, судебных, хозяйственных и т. п.»². При переходе на гражданскую службу военные или переводились в статские чины, или могли сохранить прежние военные. В «Уставе о службе гражданской» оговаривалось, какие должности позволяли сохранить военный чин. В случае, если сохранение чина не было предусмотрено, то это право предоставлялось Высочайшим указом. На службе в Департаменте уделов было достаточно много отставных офицеров.

Все чиновники канцелярии Департамента уделов приравнивались к чиновникам канцелярии Сената³. В сентябре 1797 г. император повелел, чтобы «члены департамента как и во всех прочих присутственных местах имели местное заседание по старшинству чинов»⁴. Внутренняя организация удельного ведомства соответствовала общему порядку, установленному в системе органов государственного управления империи. Чиновники Департамента уделов подчинялись общим нормативным правилам по организации государственной гражданской службы: им присваивался классный чин по Табели о рангах, который определял размер их жалования; по выслуге лет они имели право выйти на пенсию или запросить отпуск и т.д. В целом внутренняя организация центрального удельного управления не

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.2. Л. 66, 7а.

² Иванов В.А. Отставные военные в системе гражданских учреждений провинциальной России середины XIX в. (на материалах Калужской губернии) // Вестник Калужского университета. Калуга, 2011. № 2. С. 45.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 а.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

противоречила общим принципам деятельности других министерств. Но со временем прохождение службы в удельном ведомстве приобрело свои специфические черты. В частности, финансирование всех удельных чиновников, связанных с управлением в удельном ведомстве, стало производиться из удельного бюджета, в отличие от других гражданских и военных служащих, которые содержались из государственной казны.

Согласно формулярным спискам чиновников Департамента уделов, в 1797 г. на службу в канцелярию поступило 64 человека, из них более половины, а именно 35 человек, до этого числились на службе в Канцелярии генерал-прокурора А.Б. Куракина¹. На протяжении всего изучаемого нами периода штат Департамента сохранял тенденцию к росту численности сотрудников. К концу 1850-х гг. в штате Департамента состояло 162 чиновника, 190 канцеляристов и 62 обслуживающих (рассыльные, сторожа) работника и т. п.². Интересно, что при Департаменте числились люди, которые вообще не имели никаких обязанностей. Так, в 1836 г. Департамент уделов разыскивал состоящего в звании камер-юнкера коллежского секретаря Соломирского, числившегося при ведомстве, «но никаких обязанностей по оному не имеет и не известно где он ныне находится». Возможно, так бы и числился камер-юнкер в Департаменте, если бы не очередное награждение чином по выслуге лет, чем и были вызваны поиски³.

Расширение штата Департамента уделов поставило вопрос о постепенном расширении помещений, предназначенных для расположения административного корпуса аппарата управления.

Первоначально Департамент уделов располагался во временном помещении, занимая часть канцелярского дома. В конце 1797 г. ведомством за государственный счет был приобретен дом у княгини Е.Н. Вяземской на

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 73. Д. 1. См. Приложения

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 24.07.2012). Режим доступа: свободный.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 110.

Садовой улице за 120000 руб. асс., «учиня о сей покупке на законных основаниях купчую, и распределяя по срокам для казны, неотяготительным, платеж ей денег заменой долгов на ней лежащих»¹. Соответственно дом был приобретен Департаментом уделов в счет накопленных княгиней долгов. Жилой дом не совсем подходил для расположения там административного аппарата, поэтому произвели перестройку внутренних комнат, сделав отдельные помещения для служащих Департамента и два больших зала (зал для портретов, зал для присутствия), кладовую, архив, комнаты для казначейства, чертежную, канцелярию. В этом же здании расположились и чиновники Санкт-Петербургской удельной экспедиции. Перестройка здания обошлась удельному бюджету в 14500 руб. асс. На большом дворе был отделен каменной стеной участок для складирования дров. В надворном строении были перестроены и приведены в порядок помещения для «нужных чинов и служителей Департамента уделов»². Купленное имущество представляло собой одновременно и рабочее, и жилое пространство.

Первоначально с разрешения императора часть жилых комнат сдавалась в аренду, а полученная прибыль реализовывалась на ремонт и перестройку здания. Но уже через полгода последовал запрет сдавать комнаты сторонним людям, теперь там размещались исключительно нуждавшиеся в жилье чиновники ведомства³. По нашему мнению, это было связано с увеличившимся штатом Департамента; арендовать жилье для чиновников, при этом сдавая помещения в наем, было делом коммерчески не выгодным. Тем не менее при Николае I Департамент уделов снова реализовал идею коммерческого найма. В Санкт-Петербурге недалеко от Александровского театра в новом удельном корпусе была размещена гостиница, в ней 91 комнату сдавали в наем⁴.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 а.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 32; Д. 3. Л. 10.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 141–141 об.

Чтобы подчеркнуть особое отношение к членам царствующей династии, в здании Департамента уделов было размещено собрание портретов всей императорской фамилии. Написание портретов было поручено Академии художеств, переговоры велись с президентом академии тайным советником графом Шуазелем-Гуфье¹. В особом зале разместили портреты членов императорской фамилии: императора – в далматине, в короне, со скипертом и державой; императрицы – в короне и мантии; цесаревича – в Семеновском мундире, в сапогах и шарфе; великой княгини Елизаветы Алексеевны – как дьяконицы Екатерининского ордена, в орденском платье, и еще восьми представителей царствующего дома². Это был дорогой проект, только за рамы для портретов Департамент уделов заплатил в 1798 г. 13400 руб. асс.³

В 1800 г. Департамент уделов стал подыскивать новое здание, т. к. возникла необходимость в расширении количества дополнительных комнат для проживания чиновников. В феврале 1800 г. дом на Садовой улице был продан, а Департамент уделов переехал в здание Академии наук на берегу Фонтанки рядом с Измайловским мостом. В 1803 г. для размещения административного корпуса было приобретено второе здание – бывший дом действительной тайной советницы Е.И. Вадковской, располагавшийся на Фонтанке напротив Михайловского замка.

Такое территориальное рассредоточение Департамента уделов в двух зданиях оказалось неудобным, и в 1807 г. было принято решение о соединении ведомства в одном месте⁴. Подходящее здание было найдено, им стал дом бывшего обер-камергера Императорского двора при Петре III и Екатерине II графа П.Б. Шереметева, располагавшийся на Дворцовой набережной. Для его приобретения были выделены средства, в размере 180 000 руб. асс. Дополнительно на ремонт и переделку здания было выделено еще 145 000 руб.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 19. Л. 14–15.

В этом же году архитектор А.Н. Воронихин разработал несколько вариантов проекта переделки¹. В наиболее интересной композиции с тремя выступами-ризалитами он ввел мотив портика с кариатидами, напоминающими аналогичные женские фигуры знаменитого памятника античности Эрехтейона. Однако осуществлен был более простой вариант с четырьмя двоянными колоннами самого простого грекодорического ордера. Реализация проекта заняла два года. Архитектору Воронихину за перестройку дома Департамента уделов был пожалован перстень с драгоценным камнем. В новое помещение Александр I распорядился перенести некоторые вещи из кабинета в Михайловском замке.

При новом здании Департамента уделов была устроена церковь, в ее штат были введены священник и два дьячка с жалованием 1000 и 300 руб. асс. соответственно. В 1819 г. жалование им было увеличено в два раза². В этом здании Департамент уделов находился до 1857 г. К сожалению, это произведение А.Н. Воронихина не сохранилось и было полностью перестроено архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1857 г.

Согласно формулярным спискам, которые приведены нами в Приложении, общее количество служащих Департамента уделов в 1797 г. составляло 64 человека. Основываясь на этих документах, мы смогли составить облик среднестатистического чиновника ведомства. Это мужчина, 27 лет, холостой, бездетный, имеющий опыт работы на государственной службе. Согласно формулярным спискам, только чуть больше трети служащих прошли обучение в образовательных учреждениях, остальные, видимо, или получили домашнее обучение, или вырабатывали профессиональные навыки, находясь уже в должности. Пятеро из штата Департамента уделов владели недвижимым имуществом и крестьянами. Двадцать шесть служащих Департамента уделов были детьми военных, но только четверо участвовали в военных походах.

1 РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 55–56 об.

2 РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 25–25 об.

В целом при организации Департамента уделов вопрос кадрового обеспечения решался за счет перевода служащих из канцелярии генерал-прокурора на схожие должности в удельное ведомство¹. Более того, практически все они поступили на службу по личной протекции А.Б. Куракина; случайных людей, набранных на службу путем обычного найма, на ответственных должностях не было.

Министр Департамента уделов

Пост министра Департамента уделов был учрежден в 1797 г. Министр назначался императором и находился в его подчинении. Он имел право личного доклада по всем вопросам удельного управления².

С 1826 г. должность министра уделов объединялась с должностью главы Министерства императорского двора и уделов, при этом сама должность не упразднялась. К середине 30-х гг. XIX в. сложилась следующая практика докладов министров: один раз в неделю в четко определенный день докладывал шеф III Отделения, командующий главной квартирой, министр государственных имуществ, руководители военного и морского ведомств, министр финансов, председатель Государственного Совета. Некоторые министры обращались к императору через председателя Комитета министров (Государственного Совета). В то же время министр императорского двора и уделов имел ежедневный личный доклад. При этом министрам внутренних дел и юстиции для личного доклада императору необходимо было спрашивать особое разрешение. Не удостоился личного доклада и главноуправляющий путями сообщения³.

Департамент уделов не имел общегосударственного значения, а в его управлении находилась только общая собственность младших членов императорского дома. Это позволило постепенно вывести удельное

¹ См. Приложение А.

² Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

³ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 177

управление из-под опеки других государственных структур. Министр Департамента уделов был подотчётен непосредственно императору. Другим государственным органам власти запрещалось требовать от него рапорта по делам внутреннего управления. Отдельно было закреплено в Общем учреждении министерств, а также в Своде законов Российской империи, что министр Департамента уделов не контролировался ни Сенатом, ни другими высшими органами власти¹. По поручению императора он вносил законопроекты в Сенат, давал разъяснения сенаторам по возникавшим у них вопросам, отстаивал интересы ведомства. Министр имел право инициировать предложения по организации управления удельным хозяйством и крестьянами, которые рассматривались на самом высоком уровне и утверждались личной резолюцией императора.

В компетенции министра Департамента уделов входили назначение чиновников центральных и региональных уровней власти в подведомственном учреждении, проработка и утверждение должностных инструкций. Министру Департамента уделов предоставлялись на рассмотрение ежедневные протоколы заседаний Департамента и делопроизводственные документы по спорным делам. Министр присутствовал в Департаменте, когда считал необходимым, однако уже в конце 1797 г. было установлено расписание приема министром его заместителей «для рассуждения и трактования по делам департамента»². Позже его присутствие в ведомстве стало ежедневным.

Должность министра уделов в 1797 г. была отнесена к 3-му классу по Табели о рангах с жалованием в размере 3000 руб. асс. В 1808 г. к нему были прибавлены и столовые деньги в таком же размере. В расписании должностей от 15 мая 1839 г. размер жалования вообще не указан, зато имеется уведомление о том, что «министр уделов получает жалование по особому Высочайшему назначению»; сумма столовых денег к тому времени

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 24.07.2012). Режим доступа: свободный.

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1. СПб., 1902. С. 31.

значительно возросла и составила 12 000 руб. асс.¹ В этом же году должность министра была приравнена ко 2-му классу по Табели о рангах. Это было связано с составлением нового штата по Департаменту уделов и с уравнием должностей в рамках проводившегося общегосударственного повышения жалования в министерствах.

С 1828 по 1840 гг. управленческие функции в центральном аппарате управления Департамента уделов были разделены. Первоначально все распорядительные документы получали резолюцию министра, – закон не позволял делегировать эту функцию. На министра возлагалась достаточно большая делопроизводственная нагрузка. С 1828 г. организационно-управленческие функции были разделены между министром и вице-президентом Департамента уделов, которому было передано оперативное управление ведомством. Вице-президент стал фактическим руководителем Департамента, неся ответственность за его работу и состояние денежных средств. В его подчинение перешли члены присутствия и вообще все чиновники удельного управления.

Разграничение компетенций между министром и вице-президентом Департамента уделов привело к более детальной проработке должностных инструкций. Теперь за министром закреплялись кадровые назначения управляющих конторами, начальников отделений и ряда других ответственных чиновников. Вопросы пенсионного обеспечения служащих ведомства, предоставления отпусков и единовременных пособий также сохранились за министром. Он должен был контролировать жалобы, поступающие на удельных чиновников со стороны неподведомственных удельному ведомству лиц и учреждений, рассматривать поступающие из Комиссии прошений ходатайства на Высочайшее имя. Кроме того, к юрисдикции министра уделов относилось «подписание окончательных

¹ История уделов ... Т. 3. С. 21–25.

заклучений Департамента, направляемых в суды общей юрисдикции, по всем уголовным делам удельных чиновников и крестьян»¹.

За время с конца XVIII в. до исхода первой четверти XIX в. в Департаменте уделов сменилось пять министров Департамента уделов и один министр императорского двора и уделов, который совмещал обе должности. Назначение на пост осуществлялось только с личной резолюции императора и полностью зависело от его воли. Ведомство возглавляли люди, близкие к императорскому дому и нередко замешанные в дворцовых интригах. Три министра сменилось за короткое царствование Павла I, в чем можно увидеть и черты «эпохи маленьких переворотов»².

11 апреля 1797 г. указом императора на пост министра «департамента удельных имений» (с совмещением должности генерала-прокурора) был назначен действительный статский советник Алексей Борисович Куракин, брат Александра Куракина, друга детства императора Павла I³. Совмещая высокий государственный пост и должность министра уделов, Куракин мог влиять на оперативность принятия решений; обладая политическим весом, он пользовался привилегией вносить предложения, инициировать мероприятия по организации нового ведомства. Тем не менее и А. Куракин находился в должности недолго – до 1798 г. Борьба придворных партий привела к торжеству партии П.И. Кутайсова и Ф.В. Ростопчина, а Алексей Борисович «после полуторагодового фавора с треском и опалю сошел с политической сцены»⁴. Куракин сумел создать хороший задел для формирования удельного хозяйства, при нем начался процесс передачи государственных имуществ уделам, был сформирован штат сотрудников ведомства. Так на службу в

¹ См. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 28.07.2012). Режим доступа: свободный.

² Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 2004. С. 197–198.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, Д. 2. Л. 5.

⁴ Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 2004. С. 197–198.

Департамент уделов перешли многие сослуживцы Алексея Борисовича по Канцелярии и из других учреждений, находившихся в его ведении¹.

Следующим министром уделов в 1798 г. был назначен граф Сергей Петрович Румянцев, к которому в этот период благоволил император. В 1776-1781 гг. Румянцев служил при дворе, где сблизился с цесаревичем Павлом Петровичем. В день своей коронации Павел I удостоил Румянцева ордена Святого Александра Невского, а позже в этом же году – и чина действительного тайного советника. Он был назначен в декабре 1797 г. на пост директора Вспомогательного банка для дворянства, в 1798 г. – министром уделов и сенатором. Но так же, как и Куракин, не задержался в должности: попав в немилость к императору, в январе 1800 г. был отстранён. Формальным поводом для ухода с должности стала его просьба уехать за границу на лечение по болезни. При С.П. Румянцеве в уделах завершился процесс передачи и ревизии имуществ, были составлены окончательные описи по удельным именьям.

Румянцева сменил на посту князь Николай Борисович Юсупов, еще один близкий к императорской фамилии человек. Первоначально он оказывал помощь в приобретении произведений искусства императрице Екатерине II и её сыну Павлу I, был посредником при исполнении европейскими художниками императорских заказов. Юсупов входил в Малый двор императора и был назначен верховным маршалом в комиссии по коронации. Эту почетную роль он сохранил и при Александре I, и при Николае I. По мнению А.В. Буторова, который составил биографию Юсупова, «Александрю представлялось очень важным, чтобы именно Николай Борисович *de jure* придал его царствованию законный характер, организовал и возглавил в качестве Верховного Маршала коронацию, тем более что князь был Верховным Маршалом и на коронации его отца Павла I»². Смена императора

¹ См. Приложение А.

² Буторов А.В. Князь Николай Борисович Юсупов: вельможа, дипломат, коллекционер. М., 2012. С. 52.

привела Юсупова к смещению. Он был свидетелем дворцового переворота 1801 г., – возможно, это и стало поводом к отстранению.

В должности министра уделов он пробыл с 1800 по 1802 гг. Н.Б. Юсупов принял пост в то время, когда на высшем уровне стал обсуждаться вопрос о ликвидации ведомства и возвращении имущества Казенным палатам. Он вносил аргументированные предложения по сохранению и развитию удельной системы хозяйствования, некоторые из них в будущем были признаны и реализованы его преемниками.

Четвертым министром уделов (1802–1806 гг.) стал действительный тайный советник Дмитрий Прокофьевич Трощинский. Он был одним из участников дворцового переворота 1801 г. Его роль заключалась в юридическом закреплении смены власти. По мнению Н.Я. Эйдельмана, Трощинский сочинил манифест о восшествии на престол императора Александра I и манифест об отречении Павла. Также – по мысли историка – он должен был «оповестить сенаторов, чтобы они были готовы съехаться и утвердить (как в 1762 г.) случившиеся перемены, т. е. одобрить манифест №1»¹. После убийства Павла Александр I не случайно послал именно за Трощинским, а не за другим сенатором или «законником». Ведь Дмитрий Прокофьевич, по словам Н. Эйдельмана, «уже участвует в заговоре, он все понимает, вдобавок он серьезный свидетель важного для Александра факта, что убийство не предполагалось, что именем Александра сначала составлялся другой манифест, предполагающий другую ситуацию»².

15 сентября 1801 г. Трощинский получил чин действительного тайного советника, а в 1802 г. был назначен на должность министра уделов, по мнению Н.К. Шильдера, в «знак утешенья»³. Хотя Д.П. Трощинский и был опытным сановником, но, «воспитанный в старых идеях», не смог поддержать реформы молодого императора. В частности, он был активным противником

¹ Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 2004. С. 382–391.

² Там же.

³ Шильдер, Н.К. Император Александр I: биографический очерк. СПб., 1895. С. 189–190.

образования министерств, считая наиболее приемлемой для России коллегиальную форму устройства высших учреждений. Ситуацию усугубил и конфликт с А.А. Аракчеевым. Своенравный Трошинский перестал ездить к нему: «Все министры ездят к Аракчееву с поклоном, исключая нашего!» – писала княгиня Надежда Хилкова¹. Охлаждение отношений с молодым императором привело Дмитрия Прокофьевича к тому, что он сам подал прошение об отставке с поста министра уделов, а позже был смещен и с остальных должностей. При нем все большие управленческие функции приобретал первый товарищ министра, который постепенно превратился в реального актора управления в удельном ведомстве.

Пятым министром уделов, возглавлявшим этот пост дольше своих предшественников (1806–1825 гг.), был действительный тайный советник, член Государственного Совета, министр финансов, граф Дмитрий Александрович Гурьев². В начале века он сблизился с молодыми друзьями Александра I. Вот что по этому поводу писал Ф.Ф. Вигель: «При первом учреждении министерств умел он (Гурьев – автор) как-то припутаться к партии Новосильцевых, Кочубеев, Чарторыйских и попал в товарищи министра финансов. В то же время управлял он Кабинетом его величества, то есть карманными его деньгами»³. При назначении в должность перед Д.А. Гурьевым была поставлена вполне конкретная задача – повысить доходность уделов, привести в порядок систему управления крестьянами и заведования удельными имуществами.

Нужно отметить, что личность Дмитрия Александровича получила неоднозначную оценку как современников, так и исследователей. Одни утверждали, что он глуп, несамостоятелен в своей деятельности. Граф Ф.В. Растопчин называл Д.А. Гурьева интриганом и честолюбцем, который

¹ Киевский телеграф. URL: <http://www.telegrafua.com/social/11942/print> (дата обращения: 24.09.2014). Режим доступа: свободный.

² См. РГИА. Ф. 1567.

³ Марней Л.П. Министр и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах в России начала XIX века. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 332

«обременен делами, занимается ими в полудреме; столь же грузен телом, сколько тяжел на работу; великий охотник до лакомых блюд и до новостей в административном мире; легко поддается на проекты, всем жертвует своему желанию удержаться в милости и увеличить свое состояние»¹. Другие же, наоборот, считали, что Гурьев профессионально подходил к каждому делу, за которое брался. Граф А.И. Рибопьер писал о своем шефе следующее: «Он был далеко не гений, но имел ум, склонный к порядку. С непоколебимою честностью соединял он редкие у нас познания. Министерство его стяжало ему вечную славу. Он ввел полезные реформы и вынес тяготу 1811, 1812 и 1813 годов, не заключая нового займа и не налагая новых налогов»².

Д.А. Гурьев, занимая такой высокий пост, не стеснялся консультироваться по финансовым вопросам, например, с М.М. Сперанским, который оказал ему в свое время протекцию³. Министр финансов советовался с пензенским губернатором по важнейшим вопросам: государственные кредиты, долги России иностранным кредиторам, «винная часть» (т. е. производство и продажа алкогольной продукции), добыча золота и серебра, «выделка монеты» и многое другое⁴.

По личной инициативе Гурьева был проработан проект экономических преобразований для оздоровления финансовой системы: развитие механизмов государственного кредитования, детальная проработка организации фискальной политики и работа над сбалансированностью бюджета. Для справедливости отметим, что его деятельность на посту министра финансов, особенно его ассигнационная политика, тоже оценивались неоднозначно⁵.

¹ См.: Алексеев. М.Ю., Пачкалов А.В. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. 2-е изд. М., 2019. С. 56.

² Марней Л.П. Министр и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах в России начала XIX века. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 347-348.

³ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1860.; Там же. Д. 2056.

⁴ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2056. Л. 11 об.

⁵ Русский биографический словарь. М., 1997. С. 591–594. Также Марней Л.П. Министр и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах в России начала XIX века // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 335–339.

Многое из того, что Дмитрий Александрович реализовывал в общегосударственном масштабе, было привнесено и в организацию Департамента уделов. Он разработал стратегию расширения механизмов увеличения доходов удельного ведомства, например, через систему кредитования физических и юридических лиц. Гурьев упорядочил формы составления ежегодных смет, а также установил четкий контроль за их исполнением. Именно при нем было принято Положение 1808 г., которое упорядочило территориально-административную систему управления в удельной деревне, она просуществовала вплоть до отмены крепостного права. Интересно, что Дмитрий Александрович проявил себя, по мнению С.В. Мироненко, и как крупный знаток крестьянского дела и аграрной экономики. С его именем связана работа первого Секретного комитета по крестьянскому вопросу (1818–1819 гг.), на заседаниях членов которого он обнародовал свои соображения о необходимости разрушения общины и развитии в России хозяйств фермерского типа¹. Хотя таких инициатив в отношении удельных крестьян в архивных документах мы не встречали.

Так как Дмитрий Александрович совмещал сразу несколько ответственных должностей, ему требовались компетентные помощники. Гурьеву удалось собрать команду единомышленников. Со стороны казалось, что не он все делает, а его помощники. Именно Д.А. Гурьев, будучи еще помощником министра уделов, убедил императора сохранить уделы, подготовив программу мероприятий по достижению стабильного финансирования членов императорской фамилии и повышению рентабельности ведомства. С 1806 г. он начал осуществлять свою программу по «оживлению» деятельности уделов. В частности, было увеличено количество оброчных статей, активно развивалось ведомство как кредитное учреждение, все это позволяло увеличивать пассивный доход и др. В целом его предложения повысили приход средств в бюджет удельного ведомства,

¹ Мироненко. С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 71.

что позволило содержать не только членов императорской семьи, но и выделять средства «сверх расписания».

Вместе с тем аграрная политика, проводившаяся Гурьевым на посту министра уделов, противоречива. С одной стороны, сельское хозяйство в удельных имениях сохраняло экстенсивный путь развития: несколько раз был повышен оброк, доходность повышалась за счет включения новых территорий и т. п. С другой стороны, была предпринята попытка интенсификации аграрной сферы, например, распространялись новые способы земледелия и ткачества в удельных деревнях. Так или иначе, но главную цель – стабильное финансовое положение Департамента уделов – Д.А. Гурьев достиг. Таким он передал ведомство своему приемнику – князю Петру Михайловичу Волконскому (кстати, тоже участвовавшему в заговоре 1801 г.).

Петр Михайлович считал себя другом Александра I, но на время отношения между ними были подпорчены интригами Аракчеева, которому не понравилось возвышение Волконского в военном ведомстве. Несмотря на это, последние годы царствования императора Петр Михайлович провел вместе с ним, сопровождая его и в последнюю поездку в Таганрог¹. Николай I в день своей коронации назначил Петра Михайловича министром императорского двора и министром уделов, разрешив совмещение сразу двух высших постов (1826–1852 гг.).

П.М. Волконский, будучи человеком безукоризненно честным и ответственным, полностью устраивал Николая I. Он имел «репутацию человека, отличавшегося педантичностью, основательностью, твердостью характера, за что получил в светском обществе прозвище «Каменный князь» и «Князь НЕТ»². Он оказался хорошим хозяйственником и человеком прогрессивных взглядов. При его руководстве ведомством подушный сбор

¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. III. Отд. VI. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. Гл.ред. Д.А. Скалон. Составитель Н.М. Затворницкий. СПб., 1911. С. 161–166.

² Николаев Д.А., Потапина М.В. П.М. Волконский – первый министр императорского двора (1826-1852) // Клио. № 6(57). М., 2011. С. 123

податей был заменен поземельным; была учреждена общественная запашка земель, что позволило создать общий крестьянский капитал на содержание различных хозяйственных учреждений, удельных больниц, устройство пожарной части, улучшение скотоводства и др. За время управления П.М. Волконского было открыто удельное земледельческое училище, учреждены ремесленные заведения, организованы мелкий кредит для крестьян и страхование от пожаров. Был учрежден особый пенсионный капитал для выдачи постоянных денежных пособий отставным нижним чинам, возвратившимся в удельные имения и др.

Если в первую четверть XIX в. министр Департамента уделов мог совмещать должности в других ведомствах, то со второй четверти XIX в. деятельность министра Департамента уделов в целом сосредотачивалась на коронном управлении в рамках Министерства императорского двора. Министр Департамента уделов, выступая составной частью общего института государственной гражданской службы Российской империи, становился в первую очередь проводником «личной воли» императора. Он наделялся главным образом исполнительными функциями, вся законотворческая деятельность ограничивалась административными нормативно-правовыми актами внутреннего пользования.

Первый товарищ министра

В помощь министру в штатную структуру управления министерствами вводилась должность товарища. Такие помощники были предусмотрены для пяти из восьми министерств, учреждаемых Манифестом 1802 г. В законе не оговаривались ни количество товарищей, ни конкретный круг их обязанностей. В центральных государственных учреждениях Российской империи могло быть до 4 товарищей или не быть вообще. Например, в Департаменте уделов числилось 4 товарища министра, а в военном и морском министерствах – ни одного. Там же, где они учреждались, товарищи под председательством министра составляли присутствие. Утверждение

конкретных полномочий закреплялось за каждым ведомством, поэтому они могли различаться: от выполнения незначительных поручений до реализации конкретных управленческих решений. Так, в Министерстве внутренних дел разработали и приняли должностные инструкции товарища министра только в 1809 г.¹

Общие правила в определении компетенций товарищей министра были прописаны в 1811 г. В отсутствие министра или во время его болезни управление министерством передавалось, на основании специального указа, товарищу министра². Юридически это закреплялось именным указом, объявленным в Сенате³. С согласия императора министр мог передать в управление товарищу любое структурное подразделение, тем самым делегировав часть полномочий⁴. В 1826 г. Николай I принял дополнения к статьям, касающимся полномочий товарища министра, расширив их. Некоторым министрам казалось, что товарищи могут покуситься на объем их полномочий, поэтому предпочитали работать без них. Более устойчивая форма взаимоотношений в Российской империи между министром и товарищем министра, по мнению Д.И. Раскина, сложилась только в пореформенное время⁵.

Определение четырех товарищей министра в помощь главе Департаменту уделов относится к 11 апреля 1797 г. Согласно указу императора, «в департаменте для удельных имений ... повелеваем быть на

¹ Дерешко Б.Ю., Невский С.А. «Товарищ должен быть помощником министру по делам, ему вверенным...» (Правовое положение товарищей министра внутренних дел в России в XIX – начале XX В.) // Научный портал МВД России. М., 2017. № 3 (39). С. 6.

² Манифест об «Общем учреждении министерств». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100> (дата обращения: 12.01.2022). Режим доступа: свободный.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

⁴ Манифест об «Общем учреждении министерств». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100> (дата обращения: 12.01.2022). Режим доступа: свободный.

⁵ Раскин Д.И. Институт товарищей министров в системе министерского управления Российской империи // Известия высших учебных заведений. Правоведение. М., 2005. № 2 (259). С. 135-137.

месте положенного по статусу первого министру товарища, тайному советнику Сенатору Саблукову, которому присутствовать и в Сенате; а прочим за тем товарищам, коим при сей оной должности и состоят; ассигнационного банка директору статскому советнику Фенину, полковнику Дмитриеву и коллежскому советнику камер коллегии члену Старгову»¹.

Министр и его товарищи составляли присутствие, выносившее решения коллегиально. Состав общего присутствия выглядел так: министр (3-й класс Табели о рангах), первый товарищ министра (4-й класс Табели о рангах) и три товарища (5-й класс Табели о рангах). Все они назначались и смещались по личному усмотрению императора.

Полномочия по управлению Департаментом уделов были разделены между товарищами не в одинаковой степени. Первый товарищ министра был формально отделен от остальных товарищей кругом своих полномочий. Причем, в отличие от других учреждений Российской империи, первый товарищ министра Департамента уделов сразу при учреждении ведомства наделялся конкретными полномочиями. Так, при передаче в ведомство крестьян и имущества купчая подписывалась продавцом и свидетелями в Палате суда и расправы, после записи там в книге расписывался или министр, или первый товарищ². Он назначался руководителем ведомства на время отсутствия министра, что в каждом случае закреплялось или личной резолюцией императора, или локальным нормативным актом.

Первый товарищ министра председательствовал в заседаниях присутствия и отвечал за организацию работы ведомства. Он наделялся функцией окончательного закрепления решений, принятых в присутствии.

Остальные товарищи министра имели равное должностное положение, кроме участия в заседаниях присутствия. Они делили между собой обязанности, «должны были заведовать каждый своей особой частью Департамента, то есть фактически возглавляли работу отделений

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–21.

канцелярии»¹. Первый был наделен функцией финансового контроля: отвечал за составление ежегодного бюджета, вел бухгалтерские книги и отвечал за делопроизводство. Другой наделялся контрольно-ревизионной функцией: проверял расходные счета, поступающие в Департамент уделов; отвечал за составление окладных книг удельных имений, куда вносились сведения о всех налогоплательщиках в удельной деревне с описью их домохозяйств; составлял ведомости о налоговых задолженностях. Третий вел остальные дела.

Для товарищей министра эта должность была вершиной их активной служебной карьеры, после чего чаще всего они попадали в Государственный Совет, реже (и в менее благоприятных случаях) – в Сенат. А вот должность первого товарища министра могла стать ступенькой, непосредственно предшествующей назначению на министерский пост. Так или иначе, должность товарища министра уделов давала возможность обратиться в случае надобности к императору, сославшись на службу в Департаменте уделов. Высочайших отказов по обращениям от товарищей министра практически не было, как и для чиновников центрального аппарата управления. Так, дочерям умершего присутствующего Департамента уделов, действительного тайного советника Подобедова Надежде, Марье и Вере «за долговременную отца их службу» назначили из сумм Департамента уделов пенсию по 2500 руб. до замужества².

Разная степень ответственности, которая устанавливалась нормативными актами по Департаменту уделов, нашла отражение и в штатном расписании 1797 г. Первый товарищ министра имел более высокий класс по Табели о рангах, и имел повышенное жалование в размере 2250 руб. асс., что на 375 руб. больше прочих товарищей министра³. На 1801 г. жалование

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 12.01.2022). Режим доступа: свободный.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

³ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1901–1902. Т. 3. С. 21–25.

министра Департамента уделов составляло 3000 руб. асс., первого товарища – 2250, прочие товарищи (3 человека) получали 1875 руб. асс¹.

Первоначально первому товарищу министра Департамента уделов было разрешено совмещать должности по государственной службе, но этот вопрос всегда решался индивидуально, общего правила по ведомству не существовало. В апреле 1797 г. на должность первого товарища министра был назначен тайный советник Александр Александрович Саблуков². До 1796 г. он управлял Экспедицией о государственных расходах и хорошо знал дворцовые имения, которые до передачи в уделы находились в управлении этого ведомства. За ним также было сохранено присутствие в Сенате³. За Карлом Габлицем, который сменил Саблукова на посту первого министра, также был сохранен пост члена Экспедиции государственного хозяйства⁴. Совмещение разрешалось в связи с тем, что больших полномочий товарищи министра не имели. Но с увеличением реальной нагрузки в ведомстве совмещения должностей становились нежелательными. С 20-х гг. XIX в., вслед за товарищами министра Департамента уделов, всем остальным должностным лицам по Департаменту совмещения ограничивались, а нижним чинам служащих – были запрещены. В любом случае, совмещение должностей требовало согласования с императором и Высочайшей резолюции. Так, Л.А. Перовскому, назначенному в 1841 г. министром внутренних дел, в виде исключения разрешили сохранить должность товарища министра уделов.

На должность товарищей министра отбирались хорошие хозяйственники. Перед ними стояла вполне конкретная задача – организовать хозяйственную инфраструктуру удельного ведомства в кратчайшие сроки. Так, первый товарищ министра Карл Габлиц, который с 1796 г. занимал пост по хозяйственной части при генерал-прокуроре, с 1797 г. был назначен членом Особой экспедиции для управления делами государственного хозяйства,

¹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 30–30об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 8а.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 73. Д. 1. Л. 1–3.

опекунства иностранных и сельского домоводства, учреждённой при Сенате. Ему поручили составить предложения по усовершенствованию в России «шелководства, виноделия, овцеводства и других частей сельской экономики, а также и правил о сбережении и разведении лесов»¹.

В соответствии с Положением Департамента уделов, утвержденным императором 15 мая 1808 г., должности товарищей министра были преобразованы в должности членов присутствия Департамента уделов с уравниванием жалования до 2500 руб. асс. в год². В данный период административной самостоятельности товарищи министра не имели. «С этого времени начинается процесс постепенного выведения удельного управления из юрисдикции общегосударственных контрольно-ревизионных органов и должностных лиц. Средствами внутриведомственного надзора помимо ревизий становятся проверки крестьянских жалоб, финансовый контроль, а во второй четверти XIX в. – и регулярные инспекционные поездки по губерниям товарища министра уделов»³. Кроме инспектирования удельных имений и предприятий, принадлежащих Департаменту, в обязанности первого товарища министра входило готовить отчеты на имя министра, причем иногда даже не связанные напрямую с работой ведомства. Так, в 1853 г. Николай I посетил выставку Императорской Академии художеств. Вице-президент граф Фёдор Толстой на нескольких страницах подготовил министру записку о впечатлениях императора, описав их в подробностях, а в конце документа процитировал императора: «... надо строже экзаменовать и награждать»⁴.

С утверждением у власти Николая I были приняты новые общие правила по Департаменту уделов, которые расширили компетенции первого товарища министра. Сама должность была переименована в вице-президента

¹ Русский биографический словарь. Издание императорского русского исторического общества. Ред. Чулкова Н.П. М., 1914. Т. 4. С. 13.

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1901–1902. Т. 3. С. 21–25.

³ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата просмотра: 12.01.2022).

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 3. Д. 2. Л. 31–33об.

Департамента уделов. Его полномочия и ответственность определялись инструкцией, одобренной императором 11 апреля 1828 г. Такие изменения связаны с тем, что с 1826 г. Департамент уделов был включен в состав Министерства императорского двора, хоть и сохранил свою самостоятельность. Министр императорского двора совмещал и должность министра Департамента уделов. Увеличение зоны ответственности привело к наделению большими полномочиями вице-президента, который практически становился руководителем Департамента. Производство любых дел по Департаменту без ведения вице-президента запрещалось.

Первоначально все распорядительные документы получали резолюцию министра. Закон не позволял делегировать эту функцию. На министра возлагалась достаточно большая бумажная нагрузка. Теперь организационно-управленческие функции были разделены между министром и вице-президентом Департамента уделов, которому было передано оперативное управление ведомством. В его подчинение перешли члены присутствия и вообще все чиновники удельного управления.

Были разделены полномочия и по вопросам кадрового назначения. Вице-президент мог самостоятельно осуществлять процесс кадрового движения чиновников и служащих внутри отделений и удельных контор. Например, канцелярские служащие до этого назначались управляющими контор¹. Кадровые изменения в штате чиновников центрального аппарата управления и назначение самих управляющих конторами требовали резолюции министра. Назначали, увольняли или перемещали казначея, контролера, бухгалтера, секретаря, столоначальников, землемеров, эскутера, архивариуса, архитектора и доктора. Но отбор кандидатов на вакантные места в штат Департамента уделов осуществлял вице-президент, который должен был определить их способности и поведение².

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 160.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 67–68об.

Такое разделение полномочий в кадровых назначениях требовалось и в связи с тем, что росла численность штата сотрудников. Это должно было снять нагрузку на министра. «Общая численность его работников в 1844 г., включая департамент, удельные конторы, отделения и учебные заведения, составляла 998 человек (566 чиновников и 423 канцелярских служащих), а к концу 1850-х гг. в штате только департамента состояло 162 чиновника, 190 канцеляристов и 62 обслуживающих работника (рассыльных, сторожей и т. п.)»¹. Возрастали и профессиональные требования к поступавшим на службу в удельное ведомство, особенно на региональном уровне.

Вице-президент Департамента уделов предоставлял сведения о наградах, поощрениях и дисциплинарных наказаниях служащих ведомства. Согласно параграфу 4 инструкции вице-президенту вменялось в обязанности проводить аттестацию чиновников Департамента уделов и всего кадрового состава ведомства на соответствие занимаемой должности². На основании результатов проверки вице-президент мог ходатайствовать о награждении отличившихся в службе или доводил до министра сведения о несоответствии должности и дисциплинарных нарушениях³.

За министром императорского двора и уделов оставались для утверждения дела о расходах, «на которые в Штатах, указах и предписаниях точного определения не сделано». В частности, на прибавку жалования и на выдачу единовременных и ежегодных наградений отличившимся чиновникам и служащим ведомства; на расширение штата чиновников, на «разные полезные распоряжения или заведения»⁴. Под личным контролем министра оставались дела о чрезвычайных происшествиях в удельных имениях.

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата просмотра: 12.01.2022).

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 65–66 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 67–68 об.

⁴ Там же.

Вице-президент периодически объезжал удельные имения, во время отсутствия его должностные обязанности, по назначению министра, исполнял один из членов присутствия Департамента уделов. Так, в марте 1840 г. вице-президент Л.А. Перовский был командирован «для обозрения некоторых удельных имений, в особенности Симбирской губернии, где уже три года он не производил ревизии». Его обязанности временно исполнял тайный советник Маврин¹.

В 1838 г. полномочия вице-президента Департамента уделов были еще больше расширены с принятием специальной инструкции. В мотивировочной части записки было указано, что необходимость назрела в связи с частым отсутствием министра Императорского двора.

Теперь в обязанности вице-президента входил более тщательный контроль над управлением финансами ведомства. В отсутствие министра вице-президент имел право выдавать вперед по требованию до трети суммы, полагающейся на содержание членов императорской фамилии. Контролировал расходы на «чрезвычайные постройки и исправления по состоящим в ведении Департамента дворцовым зданиям, не относящиеся к ремонту»². Он заключал договор аренды на сдачу в наем помещений, мог подписывать контракты на сумму свыше 25000 руб. В отсутствие министра вице-президент отвечал за ремонт и постройку гражданских зданий в Стрельне и Красном Селе, помещений Петергофской фабрики, церквей в удельных имениях.

Отдельно оговаривались полномочия вице-президента в отношении подведомственного крестьянства. Вице-президент имел право во время отсутствия министра выдавать денежные подарки в сумме до 200 руб. из удельного капитала в качестве награды удельным крестьянам «за человеколюбивые подвиги»³. Он также мог выдавать денежное пособие в

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 95.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 84–86.

³ Там же.

случае пожара. При этом в инструкции вице-президента оговаривалась сумма помощи (до 50 руб.) и условия ее получения. Вице-президент предоставлял рассрочку выплаты штрафа удельным крестьянам за самовольную порубку леса или мог снять недоимки. Приводил в исполнение определения Департамента по жалобам удельных крестьян. Мог принимать решения об отдаче в рекруты и ссылке в Сибирь на поселение крестьян, наказанных «за дурное поведение».

Вице-президент нес ответственность за надлежащие состояние имущества, которое сдавалось в аренду. Он должен был вовремя снимать с учета непригодные оброчные статьи¹.

В делопроизводственном отношении по инструкции 1828 г. вице-президент просматривал все входящие и исходящие бумаги, что снимало нагрузку с министра, до которого доходили лишь те дела, которые требовали его резолюции. А также министр просматривал все документы, которые передавались через канцелярию Департамента уделов императору на рассмотрение. Все остальные распоряжения на основании существовавших постановлений и законов передавались вице-президенту и присутствию Департамента уделов². Министр вмешивался, только если между членами присутствия были разногласия. Это было очень актуальное решение, т. к. количество делопроизводственной переписки росло – с конца XVIII в. к 1830-м гг. документооборот увеличился почти в 14 раз³. С 1838 г. компетенции вице-президента в делопроизводственных отношениях еще больше расширились, при отсутствии министра он вел переписку по всем делам, не терпящим отлагательства.

В компетенции вице-президента входила подготовка докладов императору по делам ведомства. Он составлял ежемесячные ведомости о производстве дел по Департаменту уделов, записки о происшествиях по

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 65–66об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1, Д. 39. Л. 36–45; Д. 40. Л. 39–49 об.; Д. 45. Л. 22–36; Д. 46. Л. 25–41.

удельным имениям, записки об урожаях. Он также должен был представлять ведомости приходов и расходов денежных сумм по кассе Департамента¹.

В отсутствие министра вице-президент мог выделять средства на содержание удельного землемерного училища, на пособие чиновникам в чрезвычайных случаях, на прогоны и путевые издержки командированным по делам службы, на покупку медикаментов и медицинских инструментов, на содержание племенного заграничного рогатого скота в Сызранском имении.

В инструкции особо отмечалось, что функции вице-президента ограничивались только исполнительными обязанностями, никаких изменений в организации управления он не мог предпринимать. Несмотря на это, компетенции вице-президента были шире, чем первого товарища, за ним закреплялась ответственность за работу Департамента уделов и состоянием денежных средств.

Новые полномочия и расширение обязанностей отразились на жаловании вице-президента и на классности самой должности. Если члены присутствия Департамента уделов, согласно новому штатному расписанию, могли иметь 4-й класс Табели о рангах и 7000 руб. в год асс., включая столовые деньги, то вице-президент находился в 3-м классе, и его содержание было в два раза выше, 15 000 руб. асс., из них 10 000 руб. составляло жалование, а 5 000 руб. – столовые деньги².

В 1840 г. должность вице-президента была упразднена и восстановлена должность первого товарища министра уделов. По ходатайству министра Департамента уделов и на основании указа от 11 декабря 1840 г., несмотря на переименование должности, первому товарищу вменялось «независимо от обязанностей сего нового звания, действовать по прежнему и на основании инструкции вице-президента Департамента уделов, с тем, чтобы дела, поступавшие доселе из Правительствующего сената на заключение к вице-президенту, были присылаемы в будущем уже к товарищу министра», с

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 84–86.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 106–107 об.

сохранением оклада вице-президента¹. И хотя формально должность была упразднена, первый товарищ министра сохранил все полномочия, которые были определены указом 1828 г.

По нашему мнению, это могло быть связано с исполнением указа Сената об увеличении содержания чиновников и уравнивании штатов центральных государственных учреждений Российской империи 1839 г. Оказалось, что должности вице-президента в предлагаемом как образец штатном расписании нет. Возможно, с выяснением самого факта разрозненности в штатных расписаниях высших государственных учреждений и приведения их к единообразию связана ликвидация должности вице-президента и возвращение к прежнему наименованию – первый товарищ министра.

Само учреждение должности вице-президента могло быть связано с личными мотивами императора. Единственным, кто занимал должность вице-президента Департамента уделов, был Л.А. Перовский. Новый статус позволил дать ему повышенное содержание, занять место классом выше в Табели о рангах, что для системы государственной службы Российской империи было ключевым фактором. Вполне возможно, Николай Павлович хотел отметить заслуги Перовского перед ведомством, ведь с его именем связано проведение в удельной деревне значительных социальных и хозяйственных преобразований в рамках политики «попечительства». Возможно, так император хотел подчеркнуть назначение на должность своего близкого друга.

Граф Лев Александрович Перовский, участник Отечественной войны 1812 г., во время заграничного похода находился при начальнике Главного штаба генерал-адъютанте князе П.М. Волконском. Скорее всего, последним он и был введен в члены Совета Департамента уделов в 1826 г.

Лев Александрович находился с Николаем Павловичем в дружеских отношениях, которые давали привилегии по службе. Николай повелел

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 119.

выплачивать дополнительно Перовскому 3000 руб. асс. в год на квартиру. Вице-президент Л.А. Перовский должен был присутствовать в Сенате по всем делам, касающимся удельного ведомства, на основании указа 20 июля 1831 г.¹. Но уже в сентябре указанного года выяснилось, что он не мог присутствовать на заседаниях Сената, т. к. часть дел рассматривалась в Москве. Видимо, Перовскому не хотелось часто ездить в Москву по служебным делам. Поэтому через несколько месяцев ему разрешили присылать заключения по гражданским и межевым делам. Присутствия уже не требовалось².

Кроме положенного жалования, товарищи министра получали награды. Обычно право на награждение приобреталось по выслуге лет. Так, в 1830 г. Л.А. Перовский обратился к императору с просьбой о внесении в послужной список времени, когда он находился на лечении за границей (1821–1826 гг.). Это давало ему право на получение знака отличия за «беспорочную службу»³. Как и в случае с орденами, изображение знака дозволялось переносить на гербы и печати награжденных. И хотя это был не орден, награждение знаком отличия беспорочной службы проходило через Капитул российских императорских и царских орденов. После смерти чиновника его вдова приобретала право получать пенсию супруга в течение года. Просьба была удовлетворена, несмотря на то, что это нарушало правила прохождения государственной службы.

В 1839 г. Перовский попросил выдать ему беспроцентную ссуду в размере 140000 руб. асс. на 24 года для приобретения земли с целью «заведения на ней овцеводства». Император дал свое согласие, а Департамент приписал, «что в кассе ... хранится ныне без всякого употребления сумма в 141000 р., составившаяся ежегодным отчислением 10000 на основании указа 1798 г. для выдачи в пенсион находящимися на службе удельным чиновникам». Из этих денег под расписку Перовского и выдали ссуду.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 108.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 115–115об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 25–26.

Несмотря на льготные условия кредитования, на основании Высочайшего указа от 10 апреля 1845 г. было решено «означенный долг сложить»¹. Николай Павлович достаточно вольно пользовался средствами из удельного бюджета. Перовскому, в данном случае деньги были переданы безвозмездно, тем более, как мы видим из документа, они, по «счастливой случайности», были ведомством не востребованы.

После кончины в 1852 г. П.М. Волконского, который долгое время занимал пост министра императорского двора и уделов, Николай I разделил министерство. Министерство уделов возглавил Л.А. Перовский (1852–1856 гг.), а Министерство императорского двора – В.Ф. Адлерберг. После смерти Льва Перовского указом Александра II от 24 ноября 1856 г. Министерство уделов было упразднено, а Департамент вернулся под старую юрисдикцию.

Таким образом, товарищи министра должны были взять на себя выполнение ежедневных оперативных задач. Постепенно среди товарищей министра все большими компетенциями наделялся первый товарищ министра Департамента уделов. В какой-то момент он был наделен существенными исполнительными полномочиями и, особенно в отсутствие министра, фактически становился руководителем ведомства.

Канцелярия Департамента уделов

Кроме министра и его товарищей в штате канцелярии Департамента уделов также предусматривалась должность казначея, в ведении которого находилось имущество и денежные средства, выделяемые на содержание ведомства. В штат еще входили бухгалтер; экзекутор, который следил за порядком в канцелярии; камериры, в сферу ответственности которых входил учет окладных удельных доходов. В 1797 г. министр предложил императору дополнительно ввести в штат доктора и подлекаря для лечения чиновников Департамента. Но император своего согласия не дал, при этом разрешив

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 144.

пользоваться услугами «из свободных медицинских чинов», с оплатой их услуг на сумму не более 800 руб. асс. в год¹. Тем не менее в 1801 г. доктор и подлекарь уже числились в штате Департамента с общим размером жалования в 800 руб. асс. в год².

В июне 1800 г. была учреждена должность прокурора для исполнения контрольно-ревизионных функций в Департаменте. Прокурор находился в двойном подчинении – министру уделов и министру юстиции³. Дополнительно к прокурору для выполнения специальных заданий и контролю за ведомством в штат Департамента уделов был включён специальный чиновник. По указу от 18 января 1800 г. эти обязанности исполнял тайный советник Бакунин, с окладом 1859 руб. асс., при этом жалование прокурора было несколько ниже – 1500 руб. асс.

Содержание сотрудников центрального аппарата управления в начале XIX в. обходилось удельному бюджету более чем 50000 руб. асс. в год.

Таблица 2.

Штатное расписание Департамента уделов в 1801 году

Должность	Жалование, руб. асс. в год
Министр	3000
Первый товарищ	2250
Прочие товарищи (3 человека)	1875
Казначей	1200
Правитель канцелярии по бухгалтерии для поверки и свода счетов в департамент вступаемых и от него подносимых	1000
Правитель канцелярии по корреспонденции или переписке ДУ	1000
Экзекутор	750
Камерир по доходной части (3 человека)	600
Камерирпри казначеи	600
Камерир по расходной части (2 человека)	600

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 а.

² РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 30–30 об.

³ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.1. СПб., 1902. С. 42–45.

Камерир по ревизии счетов и отчетов (2 человека)	600
Бухгалтер по капиталам	600
Доктор	600
Подлекарь	200
На содержание архивариуса, курьеров, канцелярских служащих и чинов и на канцелярские расходы	28825
Итого	49850
На основании Высочайших указов жалование получали	
18 января 1800 – тайный советник Бакунин	1875
14.06.1800 – прокурор Департамента	1500
	53225

Таблица взята из: РГИА. Ф.1147. Оп.1. Д.236. Л. 30–30 об.

В 1803 г. в штат Департамента вместо должности прокурора вводилась должность главного удельного стряпчего, чиновника по судебному надзору. Он выступал в качестве истца, представляя интересы удельного ведомства и крестьян в Санкт-Петербургском присутствии Сената. Удельный стряпчий вел все судебные дела, производившиеся непосредственно в удельном имении. Он также был наделен функциями контроля за делами в удельных экспедициях и приказах. Мы согласимся с Н.В. Дунаевой, что «с этого времени начинается процесс постепенного выведения удельного управления из юрисдикции общегосударственных контрольно-ревизионных органов и должностных лиц»¹. Это подтверждается и тем фактом, что по утвержденному проекту 1839 г. должность прокурора так и не будет возвращена в штат Департамента уделов, а вот должности главного удельного стряпчего и его помощника сохранятся, причем с хорошим содержанием в 2000 руб. и 1000 руб. столовых денег². Должность главного удельного стряпчего закреплялась в 7-м классе Табели о рангах, а его помощник числился в 9-м классе. Более того, со второй четверти XIX в. в судопроизводстве Департамент уделов приобретал все больше самостоятельности. По инструкции от 1828 г. вице-президент

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 12.08.2012). Режим доступа: свободный.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 47. Л. 108

определял значимость гражданского дела в отношении удельных крестьян, и только после этого оно передавалось на рассмотрение министру. За министром оставалось вынесение окончательного заключения по всем уголовным и тяжким гражданским делам¹.

Административные изменения после 1808 г.

Существенные изменения система управления удельным хозяйством претерпела в 1808 г. По инициативе Д.А. Гурьева было разработано и Высочайше утверждено Положение Департамента уделов. В первую очередь трансформации коснулись региональных органов власти и территориально-административной организации общего удельного имения. Но и в центральных органах управления наблюдались изменения. Постепенно удельное управление обособлялось от опеки государственных учреждений и ведомств. Это было связано с предметом его ведения, Департамент уделов не имел общегосударственного значения. Так, удельный бюджет перестал контролироваться ревизионными органами Российской империи. Министр уделов находился вне контроля Сената и других высших органов власти, был подотчетен только императору, всем прочим государственным органам запрещалось требовать от него отчета по предметам его ведения². Участие министра в управлении стало более активным. Увеличившаяся делопроизводственная нагрузка привела к тому, что часть своих полномочий министр делегировал первому товарищу министра. Большинство входящих бумаг все так же требовали резолюции министра, а дальше они или спускались для исполнения, или направлялись для Высочайшего рассмотрения.

Реорганизация удельного управления на основе Положения 1808 г. привела также к более четкому функциональному разграничению общего присутствия и канцелярии Департамента, что вполне отвечало запросам ведомства. В таком виде канцелярия просуществовала вплоть до 14 октября

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 67–68об.

² История уделов за столетие их существования. 1797-1897. Т. 1. СПб., 1902. С. 31.

1865 г. При этом значение этого подразделения, работавшего в составе сначала трех отделений, а с 1824 г. – четырех, возросло.

Функциональные обязанности в канцелярии Департамента уделов распределялись между отделениями. Первое отделение наделялось распорядительными функциями. За ним закреплялась организация процесса по выделению отдельных имений в собственность членов императорской фамилии. Как мы уже говорили выше, это было осуществлено в истории удельного ведомства лишь единожды. Первое отделение ведало делами по выдаче денежных сумм членам императорской фамилии. Все суммы фиксировались и потом вносились в итоговую ведомость удельного бюджета. За этим отделением было закреплено сопровождение сделок в отношении покупаемых имений. Они составляли и вели дела по личному составу служащих Департамента, где фиксировались выслуга лет, отпуск, отставка от службы, составлялись кадровые справки о прохождении лицом государственной службы. Определялась ответственность по содержанию подведомственных помещений и по заготовке казенных материалов.

В делопроизводственном отношении за первым отделением закреплялась задача по контролю за исполнением указов Сената, которые касались ведомства. Отдельно определялся круг обязанностей в отношении подведомственных крестьян. Чиновники Департамента уделов вели дела о переходе крестьян в другие состояния и «выдавали земли удельных крестьянок, вышедших замуж за лиц, не принадлежавших к удельному ведомству (до 20 июня 1858 г.)»¹.

Второе отделение наделялось хозяйственными функциями. Оно было уполномочено издавать хозяйственные распоряжения по удельным имениям, в том числе о наделении крестьян землей и другими угодьями, о переселении крестьян. Оно контролировало промысловую деятельность крестьянского

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258. См. также: Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 / Под ред. Н.П. Ерощкина. Т. 3. СПб., 2002. С. 190–191.

населения и отходничество. В его подведомственность попадали организованные в уделах фабрики. Так, второе отделение в период с 13 января 1829 по 21 августа 1846 гг. непосредственно управляло Петергофской бумажной фабрикой.

В компетенции второго отделения находилось управление оброчными статьями, а также выстраивание взаимодействия с арендаторами и субарендаторами. Отделение отвечало за строительство и устройство запасных магазинов для хранения зерна на случай неурожая, контролировало количество хлеба в запасных магазинах и составляло ведомости об урожае хлеба. В подчинении его находились региональные власти, которым направлялись распоряжения о составлении описей удельных имений, об описании оброчных статей и других хозяйственных заведений.

Надзорные функции сосредотачивались в контроле за бюджетами удельных имений, оброчными статьями и частично за местным управлением. Второе отделение разрабатывало организацию сбора налогов и сборов с крестьян и с оброчных статей на содержание хозяйственной инфраструктуры. Оно же ведало приемом, хранением и отпуском денежных сумм по Департаменту уделов; составляло годовые отчеты о доходах, издержках, остатках и задолженностях; отвечало за своевременное формирование отчета по сбору казенных податей и за исполнение общественных повинностей, в том числе рекрутской. Межевые дела, составление планов удельных имений, а также набор в штат землемеров – все это также находилось в ведении второго отделения.

Третье отделение наделялось надзорными функциями в судах. В его компетенцию входило заниматься сбором информации о судебных делах, которые были заведены в отношении удельных крестьян, включая уголовные преступления. Третье отделение брало на контроль крестьян, которые находились под стражей. Оно имело возможность предварительного рассмотрения апелляционных жалоб, которые подавались в Сенат удельными крестьянами по гражданским делам или – чаще – по земельным спорам.

Оказывало содействие в подготовке этих жалоб и следило за соблюдением сроков подачи. В компетенции этого отделения находился отбор на должности удельных стряпчих и проверка их профессиональной пригодности.

Четвертое отделение было образовано дополнительно в 1824 г. в силу довольно активной денежно-кредитной политики Департамента уделов и в связи с ростом количества недвижимого имущества в его собственности. За отделением закреплялась задача вести отчетность по всем учреждениям ведомства; осуществлять контроль за их финансовыми и материальными операциями¹.

Начальники отделений назначались на должность императором по представлению министра Департамента уделов. «Члены общего присутствия, перестав руководить текущей работой отделений канцелярии, составляли совещательную коллегию, которая по докладным запискам начальников отделений обсуждала текущие дела Департамента. Принятые общим присутствием решения представлялись министру начальниками отделений»². Начальники отделений числись в 6-м классе Табели о рангах, как и управляющие конторами³, хотя жалование у последних было выше. По штатному расписанию 1839 г. жалование начальника отделения составляло 3000 руб. и дополнительно 1500 руб. столовых денег. В помощь начальнику отделения определялись должностные лица, штат которых отличался в зависимости от компетенций и задач конкретного отделения.

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258. См. также: Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 / Под ред. Н.П. Ерощкина. Т. 3. СПб., 2002. С. 190–191.

²См. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 12.08.2012). Режим доступа: свободный.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 108

Таблица 3.

Штат чиновников Департамента уделов и удельных контор в 1839 г.

	Число чиновников	Им содержания в год		
		По одному		Всем
		Жалования	Столовых	
В отделениях				
Первом				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Столоначальников	4	1800	750	10200
Помощников столоначальников	4	1200	500	6800
На жалование канцелярским чинам				8350
Втором				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Столоначальников	6	1800	750	15300
Помощников столоначальников	8	1200	500	13600
Младших помощников столоначальников	4	1000	200	4800
На жалование канцелярским чинам				11500
Третьем				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Столоначальников	4	1800	750	10200
Помощников столоначальников	4	1200	500	6800
Главный удельный стряпчий	1	2000	1000	3000
Помощник главного удельного стряпчего	1	1200	500	1700
На жалование канцелярским чинам				6900
Четвертом				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Бухгалтер	1	2000	1000	3000
Помощник бухгалтера	1	1500	500	2000
Контролеров	2	2000	1000	6000
Помощников контролеров	5	1500	500	10000
На жалование канцелярским чинам				4700

Таблица взята из: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 108

Служащие Департамента отличались особой формой мундира, а также некоторыми особенностями пенсионного обеспечения. Однако удельные чиновники, работавшие как в центральном аппарате, так и в экспедициях (конторах) рассматривались как состоящие на службе его императорского величества, т. е. имели статус государственных служащих. Н.В. Дунаева, изучив правовые акты, пришла к выводу, что «служба удельных чиновников определялась теми же принципами, регулировалась теми же правилами, что и государственная «служба по определениям от правительства» в целом, а значит – выступала составной частью общего института государственной гражданской службы Российской империи»¹. Так, замещение абсолютного большинства должностей в центральном и региональном аппарате управления требовало наличия у лица определенного чина.

К началу второй четверти XIX в. Департамент уделов был полностью обособлен от государственных учреждений Российской империи по хозяйственным вопросам. После включения ведомства в структуру Министерства императорского двора Департамент уделов практически растворился в системе государственного управления.

Хозяйственная деятельность уделов не имела механизмов внешнего контроля. Такое выпадение из общей системы государственных учреждений иногда приводило к определенным казусам. Так, на основании указа Правительствующего Сената с 1 января 1839 г. увеличили содержание «чиновников Министерств и других высших частей государственного управления, приняв в основание к общему уравнению штаты Министерства Государственных имуществ». Под действие указа попадало и удельное ведомство, являясь структурной частью Министерства императорского двора. Но оказалось, что изданные в 1824 г. штаты должностей Департамента и Палат государственных имуществ, – это были схожие структуры в системе

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 12.08.2012). Режим доступа: свободный.

управления Российской империи, – существенно отличались. Для применения указа Сената пришлось составлять новый проект штата, по которому оклады уравнивались, с важной припиской «сколько сие возможно по роду и значению должностей». Полного соответствия должностей так и не удалось достичь.

Так или иначе, в 1838 г. проект общего расписания чинов Министерства уделов по должностям и по мундирам был подготовлен¹. Уравнение жалования происходило следующим образом: жалование удельных чиновников либо повышали «излишком столовых денег» или прибавкой к жалованию, либо, если содержание чиновника «составляет в общей сложности больше денег нежели по штату, то сохранить ему настоящий оклад до выбытия с должности».² Так, директорам каждого из трех департаментов Министерства государственных имуществ, состоявшим в 4-м классе Табели о рангах, назначалось содержание в размере 12000 руб. асс. в год, а вице-президент Департамента уделов, состоявший в 3-м классе, получал только 10000 руб. В итоге должностной оклад вице-президента Департамента уделов был повышен до 15000 руб. ежегодно³. Уравнены в должностях были и архитекторы удельных контор, которые были отнесены к 9-му классу (для сравнения: как архитекторы придворного ведомства) с увеличением размера жалования⁴. Таким образом была ликвидирована разрозненность в штатных расписаниях государственных учреждений и осуществлен переход к определенному единообразию⁵.

Еще в конце 1797 г. император повелел «быть гербом удельного департамента гербу российскому с вензелем его величества вместо московского герба»⁶. Это визуализировало особый статус ведомства,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 106-107 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 95-95об

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 95-95об

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 115-115 об.

⁵ См. Приложение В.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

определенный предметами его ведения, которые касались не общегосударственного управления, а исключительно членов императорской фамилии.

Итак, внутренняя организация удельного ведомства соответствовала общим правилам функционирования системы органов государственного управления: Департамент уделов включал в себя общее присутствие, отделения (столы), канцелярию и другие структурные подразделения. Он постепенно обособлялся от государственных учреждений Российской империи и выводился из-под их контроля, т. к. не имел общегосударственного значения.

Возглавлял Департамент уделов министр, должность которого вводилась на основании «Учреждения об императорской фамилии». Но само министерство так и не было создано, а с 1826 г. он стал структурной частью Министерства императорского двора и уделов. В основу организации министерства был положен принцип единоначалия, одновременно устанавливалась личная ответственность министра за успешность деятельности вверенного ему ведомства. Министр Департамента уделов был подотчетен только императору; всем государственным органам запрещалось требовать от него отчета по предметам его ведения. Министры уделов пользовались особым доверием, а часто и личной дружбой императора, и в силу этого могли эффективно влиять на организацию ведомства, несколько устраняясь от общегосударственных проблем.

В помощь министру определяли товарища. Первоначально в законе не оговаривалось ни количество товарищей, ни конкретный круг их обязанностей. Государственные учреждения сами формировали нормативные документы, регламентирующие компетенции товарищей министра. В Департаменте уделов штатным расписанием было предусмотрено четыре товарища министра. Большими полномочиями был наделен первый товарищ. За ним закрепляли наблюдение за всем учреждением, председательство в заседаниях присутствия и рассмотрение всех входящих бумаг.

Первоначально компетенции товарищей министра были незначительным. Со второй четверти XIX в. в силу увеличения делопроизводственной переписки и рабочих вопросов, которые надо было решать, товарищ министра наделялся все большими полномочиями. Существенные изменения произошли в 1828 г., когда должность первого товарища была преобразована в вице-президента Департамента уделов.

В 1828 и 1838 гг. в удельном ведомстве были приняты новые правила, которые существенно расширили компетенции первого товарища министра. С 1828 г. на основании внутренних локальных нормативно-правовых актов он все больше наделялся значимыми исполнительными полномочиями.

В целом компетенции вице-президента были шире, чем первого товарища, за ним закреплялась ответственность за работу Департамента уделов и за состояние денежного хозяйства. Вице-президент Департамента уделов в периоды отлучек министра фактически становился руководителем ведомства. В 1840 г. должность вице-президента снова трансформировалась в должность первого товарища министра, но существенных изменений в систему центрального управления это не принесло – первый товарищ продолжал действовать на основании инструкции вице-президента Департамента уделов.

2.4. Организация управления удельными имениями. Региональные органы власти

Основная задача по реализации всех управленческих и хозяйственных решений ложилась на органы власти, образованных в губерниях. В 1797 г. были учреждены удельные экспедиции, которые управляли «отделенными на уделы» имениями. Число экспедиций «Учреждением об императорской фамилии» не оговаривалось, их должен был определить сам Департамент. Основным критерием раздела общего имения на экспедиции служило количество крестьян, так в каждой должно было быть не менее 50000 душ. Первоначально было образовано 9 экспедиций.

Таблица 4.

Удельные экспедиции, сформированные в 1797 г.

Название экспедиции	В каких губерниях располагалась
Московская	Московской, Тульской, Калужской, Тверской, Владимирской, Рязанской
Санкт-Петербургская	Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Выборгской, Лифляндской, Эстляндской
Орловская	Орловской, Курской, Слободско-Украинской, Воронежской, Малороссийской
Тамбовская	Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Астраханской, Новороссийской
Костромская	Костромской, Ярославской
Вятская	Вятской, Оренбургской, Пермской, Иркутской
Архангельская	Архангельской, Олонецкой, Вологодской
Смоленская	Смоленской, Белорусской
Казанская	Казанской, Симбирской, Нижегородской

Таблица взята из: История уделов ... Т.1. С. 32.

Возглавлял удельную экспедицию советник, который нес личную ответственность перед Департаментом за все дела в вверенном ему ведомстве. Ему в помощь были определены два его товарища. Один из них, по усмотрению главы экспедиции, исполнял обязанности казначея. Товарищи советника были ему подчинены: «во всем, где только должность и присяга требует, безмолвенно его приказания выполнять должны»¹. В штате удельной экспедиции значились и другие служители канцелярии². Коллегиального начала в экспедиции не было. Вертикаль строилась на

¹ История уделов ... Т. 1. С. 23.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

принципах единоначалия и административной подчиненности вышестоящим органам и должностным лицам¹.

Таблица 5.

Штат удельной экспедиции

Класс	Название чинов	Число людей	Им жалования в год	
			одному	всем
			Руб., асс	Руб., асс
6	Советник	1	1000	1000
7	Товарищ советника	2	600	1200
9	Секретарь	1	400	400
9	Бухгалтер	1	400	400
9	Кассир	1	400	400
12	Помощник секретаря по переписке	1	300	300
	Столоначальник для проверки счетов и ведомостей	1	300	300
	На разъезды по селениям	1	-	500
	На содержание архивариуса, помощника кассира и прочих чинов и служителей канцелярии, и на расходы	1	-	3750
Итого				8250

Таблица составлена по: История уделов ... Т.3. СПб., 1902. С. 16.

Главной задачей удельных властей в экспедициях являлась организация хозяйственного управления удельным имением на местах: организация и учет денежных сборов с крестьянства и их своевременная отправка в соответствующие структуры. За чиновниками экспедиций закреплялся контроль за соблюдением общественного порядка в удельных селениях. Экспедиции непосредственно взаимодействовали с крестьянскими общинами. В их компетенции входило составлять расчеты поземельного оклада и следить за исполнением крестьянами повинностей. Они должны были сверять

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.10.2012). Режим доступа: свободный.

изменение численности крестьянского населения с данными переписей, организовывать и контролировать ход выборов приказных старост на крестьянских сходах. Согласимся с Н.В. Дунаевой, которая пишет: «За недоимки советники экспедиций могли налагать взыскания на крестьян, но действуя при этом не напрямую, а через приказных выборных и крестьянские сходы»¹.

В обязанности чиновников экспедиций входило оказание помощи удельным крестьянам в их судебных делах. Еще в «Учреждении об императорской фамилии» параграфом 167 предусматривалась должность удельного поверенного (стряпчего), в обязанности которого входило помогать «в немедленном окончании дела, на основании законов, и стараться, дабы во всякой точности интересы имений удельных и каждого из них поселянина были наблюдаемы»². Первоначально должность стряпчего не была введена в штат удельной экспедиции. Удельные крестьяне при организации уделов подчинялись губернским судебным местам, осуществление судебных функций велось по прежнему в дворцовой деревне порядку.

Но уже с 1800 г. была утверждена специальная инструкция по обязанностям удельного стряпчего³. Первоначально на эту должность был переведен помощник секретаря, что позволило сэкономить и не увеличивать общие расходы на содержание аппарата управления. Но позже, в силу расширения полномочий и служебных дел, в удельных экспедициях вводилась отдельная штатная единица стряпчего.

Поверенный избирался экспедицией и утверждался в должности Департаментом уделов. В его обязанность входило наблюдать за судебными делами удельных крестьян и помогать им. Положение 1808 г. закрепило обязанность удельных властей содействовать крестьянам в гражданских

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.10.2012). Режим доступа: свободный.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 559.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1800–1801. Т. XXVI. № 19400. СПб., 1830. С. 140–144.

процессах. Оно уже прямо предписывало стряпчему вести все дела удельных крестьян¹. В Положении строго оговаривалось, что самим крестьянам запрещено ходить на процессы или выбирать из своей среды поверенных для защиты своих интересов.

Удельное ведомство начало формировать собственное судебное представительство, заменяя удельных поверенных стряпчими. Во-первых, участие в тяжбах отвлекало крестьян, по мнению чиновников, от сельскохозяйственных работ, во-вторых, крестьяне не обладали правовой грамотностью и не могли самостоятельно выстроить линию защиты. Кроме гражданских дел, стряпчие следили за правами удельных крестьян и по уголовным делам. «Сложившаяся к концу 1820-х гг. процедура защиты в суде имущественных интересов удельного ведомства, по своей сути напоминала механизм, созданный государством для охраны имущественных прав казны и устанавливающий подчинение судебных органов в решении таких дел правительственным местам и высшим чиновникам»².

Одной из важнейших задач удельных экспедиций (позже контор) в сфере управления являлось выстраивание работы с сельскими приказами. «Учреждение...» 1797 г. определило стратегические направления такой работы: организация работы институтов сельского самоуправления и контроль над целевым использованием удельного имущества в селах и деревнях. Совместно с землемерами они должны были установить границы расположения удельных селений. Региональные власти контролировали сбор и расходование общинных денег и штрафных сумм. Они должны были способствовать развитию крестьянских промыслов и фабрик, заниматься устройством «богаделен для престарелых и пропитания неимущих людей, для

¹ История уделов...Т. 1. С. 52.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 04.12.2020). Режим доступа: свободный.

больных госпиталей и для малолетних школ, равно и заведением запасных хлебных магазинов»¹.

Региональные власти должны были наблюдать за тем, чтобы ежегодно правильно рассчитывались единицы обложения крестьян повинностями, то есть прибавлялось новое число, или убавлялись тягла умерших и сданных в рекруты. При вычислении единицы тягла каждого женатого крестьянина считали целым работником, а холостого и подростков мужского пола (с 15 лет) – за полтягла. Удельные экспедиции должны были следить за целостностью крестьянских семей, дробление которых запрещалось, так как крестьяне пользовались этим, чтобы избежать рекрутчины. Кроме того, были запрещены и бракосочетания малолетних крестьян, что также ставилось под контроль региональных властей².

К 1808 г. такая административно-территориальная организация удельного хозяйства была признана неудовлетворительной. Министр уделов Д.А. Гурьев во всеподданнейшем докладе Александру I выделил основные причины. Во-первых, деление на экспедиции не позволяло иметь «должного надзора» над удельными имениями, а «ежегодный осмотр имений мало приносит пользы»; во-вторых, приказы нередко находились далеко от селений – за 300, а то и за 800 км, что усложняло контроль над ними и было неудобно для крестьян при оплате податей и сборов³.

15 мая 1808 г. Департамент уделов издал «Положение...», по которому вместо удельных экспедиций образовывались удельные конторы и отделения. Конторы учреждались в тех губерниях, где число крестьян было более 10000 душ. Там же, где их было меньше, учреждались отделения, которые приписывались к ближайшей удельной конторе и в административном отношении зависели от неё. Те губернии, где нельзя было устроить ни

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.10.2012). Режим доступа: свободный.

² Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 118.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

конторы, ни отделения, причислялись к ближайшей территориально-административной удельной единице¹. Всего было учреждено 19 контор и 3 отделения.

Удельные конторы (1808 г.):

1. Московская (к ней были причислены так же удельные имения в Калужской, Тульской, Рязанской губерниях)
2. Новгородская (так же Олонецкая губерния)
3. Псковская
4. Вологодская
5. Архангельская
6. Костромская (к ней были причислены так же удельные имения в Ярославской губернии)
7. Тверская
8. Владимирская
9. Нижегородская
10. Казанская
11. Симбирская
12. Пензенская
13. Вятская
14. Оренбургская
15. Саратовская
16. Тамбовская
17. Воронежская (к ней были причислены так же удельные имения в Слободско-Украинской, Екатеринославской, Таврической губерниях)
18. Орловская (к ней были причислены так же удельные имения в Черниговской, губернии)
19. Смоленская (к ней были причислены так же удельные имения в Могилевской, Витебской губерниях)

¹ Там же.

Удельные отделения:

1. Пермское (при Вятской конторе)
2. Курское (при Орловской, к которому были присоединены и удельные имения в Полтавской губернии)
3. Санкт-Петербургское (при Департаменте уделов, которое управляло также удельными имениями в Выборгской губернии через особого чиновника, назначавшегося Департаментом уделов).

Ответственность за дела конторы поручалась управляющему, которого назначал министр уделов. На эту должность преимущественно приглашали дворян «честного и добропорядочного поведения, имеющих одобрительные отзывы по службе, и знающих хозяйства и домоводства сельские»¹. В помощь управляющему в губерниях учреждались должности: помощника, бухгалтера, удельного стряпчего, писаря (столоничальники). Назначение должностных лиц осуществлялось по-разному. Помощники управляющего, бухгалтеры и удельные стряпчие назначались по предложению начальника конторы с утверждения министра; писари назначались самим управляющим. Руководство отделением поручалось особому помощнику управляющего.

Таблица 6.

Штат удельной конторы

Класс	Название чинов	Число людей	Им жалования в год	
			одному	всем
			Руб., асс	Руб., асс
6	Управляющий конторой	1	1200	1200
8	Помощник управляющего	1	700	700
10	Столоничальники	3	500	1500
12	Помощники столоничальников	3	300	900
	На содержание канцелярии и воинских нижних чинов	-	-	2600
Итого				6900

Таблица взята из: История уделов ... Т.3. СПб., 1902. С. 18, 24–25.

¹ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

Кроме общего штатного расписания, некоторым конторам, к которым присоединяли имения в других губерниях и где общее число крестьян превышало 30000 душ, а именно в удельных имениях Московской, Костромской, Вятской, Смоленской губерний, полагалось еще по одному помощнику управляющего. В этих конторах полагалась и прибавка в 500 руб. на содержание канцелярии. Дополнительно в штат Московской удельной конторы вводился главный удельный стряпчий, ежегодное содержание которого составляло 1000 руб. Введение в штатное расписание Московской конторы такой должности было определено тем, что часть апелляционных и кассационных дел по удельному ведомству рассматривалась в Московском департаменте Сената¹.

В целом содержание удельных контор и отделений, вместе с арендой помещений и разными служебными расходами, обходилось удельному бюджету в 162400 руб. асс. ежегодно². Это более чем в три раза превышало содержание удельных экспедиций. По мнению чиновников, такая структура регионального управления способствовала более эффективному управлению и лучшему контролю за подведомственным имуществом и крестьянами.

Таблица 7.

Штат удельного отделения

Класс	Название чинов	Число людей	Им жалования в год	
			одному	всем
			Руб., асс	Руб., асс
8	Помощник управляющего конторой	1	800	800
	Старший писец	1	300	300
	Младший писец	3	200	400
	На содержание канцелярии и воинских нижних чинов	-	700	700
Итого				2200

Таблица составлена по: История уделов ... Т.3. СПб., 1902. С. 18, 24–25.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 108.

²История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.3. СПб., 1902. С. 18.

Как и в отделениях канцелярии Департамента уделов, компетенции в удельной конторе были разделены между столами. Первый стол возглавлял делопроизводитель. В его задачи входило составление счетов, описей имения. Он вел учёт оброчных статей, регистрировал новые и организовывал ремонт изношенных. Отмечал в бумагах выделение крестьянам земли и леса. Перемещение крестьян между удельными имениями, вопросы переселения также находились в его компетенции. Делопроизводитель вел журналы и фиксировал поступления по общественной запашке, хлебному капиталу, заполнению запасных магазинов и по поземельному сбору. В компетенции первого стола входил контроль за школами, госпиталями, за организацией профилактических прививок от оспы и за богадельнями в удельной конторе. Он проверял поступающие от удельных крестьян бумаги на выход в купечество или мещанство, был отвечал за сбор сведений о солдатских детях.

Предметами ведения второго стола, возглавлявшегося бухгалтером, были: организация и сбор доходов хозяйственных и казенных податей; формирование бюджета конторы и выдача необходимых сумм, предусмотренных сметой; ведение бухгалтерских книг, составление отчетов по приходам и расходам и отправка их в Департамент уделов; «сочинение всех по сим предметам ведомостей и сведений для Департамента».

Третий стол возглавлялся удельным стряпчим и отвечал за следующие дела: сбор сведений о делах уголовных, следственных и тяжёбных, касавшихся удельных крестьян; помощь в составлении исковых заявлений для суда; надзор за сроками ведения дел, «чтобы в делах уголовных крестьяне не были ни напрасно изнуряемы долговременным содержанием под стражей, ни обременены свыше меры наказанием»; составление отчетов в Департамент уделов по всем подведомственным делам, а также рассмотрение просьб и жалоб крестьян¹.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д 51.

Штатом от 15 мая 1839 г. количество столов увеличилось до 4, а в некоторых конторах до 5. Стало ясно, что дела распределены между столами неравномерно, и один стол мог испытывать сильную делопроизводственную нагрузку, в то время как столоначальник другого не имел так много работы; в расписании говорилось: «как делопроизводство по одним и тем же предметам в оных конторах может быть обширным, а в других меньше, то уравнительное распределение занятий между столами каждой из них должно быть представлено Департаменту уделов». С 1842 г. управляющий контрой с разрешения ведомства мог перенаправить часть нерешённых дел в любой свободный стол, несмотря на то, что должностные компетенции были закреплены за столоначальниками¹.

Удельные конторы в соответствии с параграфом 50 Положения по Департаменту уделов были поставлены в независимое состояние от губернских властей, в противоположность экспедициям².

При учреждении все удельные экспедиции организовывались при Казённых палатах соответствующих губерний, «в виде особого отделения казенной палаты, но только более самостоятельно»³.

Характерной особенностью первого периода становления регионального удельного управления было двойное подчинение удельных экспедиций: Департаменту уделов и местным губернским властям. Согласно параграфу 160 «Учреждения об императорской фамилии» они должны были считать себя и «в подчинённости начальнику губернии», которому они обязывались доносить рапортами о всех чрезвычайных событиях⁴. Кроме того, удельные экспедиции могли быть подвержены внезапной ревизии денежных средств со стороны губернатора или Казенной палаты. При наличии факта правонарушения губернатор мог инициировать служебное расследование и отстранить чиновника от должностных обязанностей на время следствия,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д 51.

² ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

³ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.1. СПб., 1902. С. 23

⁴ Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

передав экстренное управление Казенной палате. Аукционы на сдачу в аренду земель и на подряды, заключение любых контрактов также были поставлены в зависимость от Казенной палаты, где и проходили окончательные торги. Все контракты на сумму, не превышающую 3000 руб. асс. заключались в Казенной палате, а в экспедицию отправлялись лишь копии документов. Если же сумма договора превышала установленную, то условия согласовывались с Департаментом уделов¹.

Кроме инструкций для удельных экспедиций по оперативному взаимодействию с губернскими казёнными палатами, встречались и указания общего характера. Во время волнений в удельных селениях губернские власти могли вмешиваться для восстановления «должного порядка», уведомив экспедицию и министра уделов. Так, законом строго предусматривалось, что в случае неповиновения (например, по причине недоимок) и гражданский губернатор, и общегубернское дворянское предводительство обязывались выслать военную команду².

Сбор податей с удельных имений также был поставлен под контроль Казенной палаты. В параграфе 93 «Учреждения...» сказано: «попечение о сборе доходов есть собственное дело экспедиции уделов, но казенная палата наблюдение за оными имеет равное с предписанным ей о собирании доходов казенных и для пособия своего употребляет на оное экспедицию уделов, за которой при том наблюдает, чтобы никогда никакого притеснения делаемо не было»³. Совместно с губернским правлением, земской полицией и казенными палатами экспедиции контролировали набор рекрутов, исполнение дорожной, подводной и постоянной повинностей, меры по охранению «спокойствия и порядка», охране лесов и т.п. Губернским государственным органам управления и удельным экспедициям строго запрещалось расходовать

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 540.

² РГИА. Ф. 515. Оп 1. Д. 35. Л. 12

³ Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

собранные с удельных крестьян денежные средства без разрешения Департамента уделов¹.

Основную причину первоначального подчинения удельных имений на местах Казенным палатам законодатель объяснял отдаленностью этих экспедиций от Департамента уделов и поэтому было «необходимо, чтобы за оными ближайшее было... надзирание»². Кроме того, губернские власти осуществляли управление в важный организационный период получения и оформления имущества в ведение уделов. Денежные средства с удельных крестьян в бюджет Департамента поступали исправно и в 1797, 1798, 1799 гг. только благодаря Казенным палатам.

В «Учреждении...» было четко прописано: управление в удельной деревне должно осуществляться по тем же распоряжениям, что и в государственной. Это позволяло Казенным палатам, по сути, продолжать управлять этими территориями на том же основании, что и раньше, вмешиваясь во внутренние дела удельных имений. «В результате сложилась практика ежемесячного представления вице-губернаторам региональными органами удельного управления отчетов о ведении дел и ежедневных журналов заседаний присутствий удельных экспедиций, а губернским прокурорам – помимо отчетов о заседаниях экспедиций, журналов исполненных и невыполненных ими делах»³. Подобное административное взаимодействие периодически приводило к серьезным трениям между властями, поскольку интересы органов казенного и удельного управления по мере укрепления последних все более обособлялись.

Если первоначально подчинение местным губернским властям, особенно в организационный период, было уделам даже удобно, то после

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 19.10.2012). Режим доступа: свободный.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 540.

³ См. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 19.10.2012). Режим доступа: свободный.

1800 г., когда закончилась ревизия полученного имущества, проводившаяся экспедициями, и установилась внутренняя нормативная практика, которая закрепляла все большую ответственность в реализации управленческих функций за удельными властями, последние стали тяготиться опекой со стороны Казенных палат. Разграничение предметов ведения удельного ведомства и казны в вопросах управления удельным хозяйством и крестьянами было актуализировано в период царствования императора Александра I. В ходе реформы системы управления удельной деревней 1808 г. региональные органы власти выводились из подчинения губернаторам, губернским прокурорам и Казенным палатам.

Но как местными властями, так и удельными региональными властями нормативное разграничение полномочий понималось по-своему, что приводило к выяснению отношений и уточнению регламентации закона. Итогом такой конфронтации нередко становились судебные разбирательства или личное вмешательство императора. Приведем выразительный факт. В Костромской удельной конторе в 1829 г. были выявлены фальшивомонетчики. Тогда управляющий конторой провел самостоятельное расследование, подключив удельных крестьян. При этом все действия скрывались от земской полиции, в компетенции которой находились следственные мероприятия. Когда виновные были выявлены, материалы дела поступили в Костромскую палату уголовного суда. Но так как была нарушена процедура следствия и мероприятия скрывались от органов исполнительной власти, то палата отказалась выносить решение по делу без копий материалов расследования. Костромская удельная контора отказалась представить документы, аргументировав это тем, что по внутреннему распоряжению на это требовалось разрешение министра; было заявлено: «зачем беспокоить министра, если преступники были уже открыты и пойманы... изъясненное палатой препятствие к решению сего дела не заслуживает уважения»¹. В ответ

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 134.

на это палата составила докладную записку в Сенат, как высший судебный орган Российской империи, с формулировкой: «Палата считает сей отзыв оскорбительным... Управляющий дозволил себе сказать, что требование ее не заслуживает уважения». Через министра юстиции жалоба на удельные власти дошла до министра Департамента уделов. Он был вынужден констатировать нарушение процедуры проведения следственных действий, которое произвели без участия земской полиции. Было сделано предписание для управляющих удельными контрами впредь не нарушать порядок следствия. Между тем министр отмечал, что слова управляющего конторой истолкованы палатой превратно: «он не говорил, что требование Палаты не заслуживает уважения, но что не заслуживает оно того препятствие, которое оно полагало к решению дела». Далее министр обвинил земскую полицию в злоупотреблении должностным положением. По показаниям самих преступников, некоторые из членов земских судов за деньги и подарки оказывали фальшивомонетчикам послабления, и только поэтому, по мнению министра, в этих двух уездах так долго осуществляли свою деятельность преступники. Несмотря на конфликт и признание неправомερных действий, министр Департамента уделов объявил благодарность управляющему Костромской удельной конторы за поимку преступников, иначе «существовало бы это «зло» еще долго»¹.

Столкновения между удельными и губернскими властями происходили довольно часто, поэтому возникла необходимость нормативно разделить сферы компетенции между ними. В 1836 г. М.М. Сперанский и министр императорского двора и уделов П.М. Волконский предложили к утверждению совместно разработанный проект дополнительных статей о взаимоотношениях гражданских и удельных властей². За основу этого документа был взят конкретный прецедент, который произошел в Симбирском удельном имении, где напряженность во взаимоотношениях между удельными и губернскими властями достигла апогея. Проект был

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 133–136

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 106–117.

утвержден императором и окончательно закрепил исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, за удельными властями, гражданским властям запрещалось вмешиваться в дела удельной деревни¹.

Так, распределение денежных и натуральных земских повинностей удельных крестьян происходило в комитете о земских повинностях и в губернской дорожной комиссии. Однако до 1836 г. заседания проходили без участия представителей удельных властей, теперь же они вошли в состав с правом решающего голоса в распределении повинностей, тем самым поставив под свой контроль этот вопрос.

Также из совместного управления было выведено устройство и содержание хлебных магазинов, где формировался запас зерновых на случай неурожая. С 1836 г. контроль за запасами в хлебных магазинах был передан в исключительную ответственность удельного начальства, которое, в свою очередь, должно было ежегодно информировать главу губернии о состоянии запасов, посевах и урожае². Губернатор лишался права вмешиваться в процесс наполнения хлебных магазинов и требовать отчетов по этому вопросу у удельного начальства.

Был закреплен и порядок рассмотрения жалоб, утверждённый еще в 1830 г. Все жалобы от удельных крестьян направлялись либо в удельную контору, либо в Департамент уделов. В случаях особой важности они отправлялись непосредственно министру императорского двора. Также, с 1830 г. все государственные предписания, касавшиеся удельных крестьян, объявлялись только через удельные власти, т. к. предписания «объявленные через гражданского губернатора мимо удельных начальств вводят крестьян в заблуждение»³. В частности, при передаче в военное управление удельных селений Новгородской губернии Бурегского и Коростинского приказа для

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 133–136.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 106–117.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 36–38

организации военного поселения указ зачитывался при объезде деревень в присутствии члена Департамента уделов и управляющего Новгородской конторой генерала от инфантерии князя И.Л. Шаховского¹.

Земская полиция также, пользуясь широкими полномочиями, неоднократно вмешивалась во внутренние дела удельных крестьян. В отчетах удельное начальство фиксировало случаи неоднократного превышения полицией своих полномочий, например, проведение обыска и допросов без присутствия депутата от удельного ведомства или сельского старшины. Это привело к ограничению действий земской полиции в отношении удельных крестьян, «лично члены земского суда никакого влияния на крестьян иметь не должны». Чтобы провести обыск или опросить подведомственных Департаменту крестьян, а по логике удельного начальства – «отвлечь от работ», нужен был серьезный повод, в противном случае это расценивалось как злоупотребление властью².

Представители земской полиции проявляли самодеятельность и в трактовке нормативных актов в отношении удельных крестьян. С 1830 г. решением Департамента уделов к удельным крестьянам стали применять норму Комитета министров от 1826 г.: отпавшим от православной веры паспортам на отход не выдавать и вообще не разрешать отлучаться, «дабы сим способом затруднить, сколько возможно всякое сообщение их с православными жителями»³. Поэтому крестьянам-молоканам и духоборам села Астраханки Воронежской удельной конторы, потерявшим почти весь урожай, удельными властями было отказано в выдаче паспортов для отхода на заработки⁴. Но, несмотря на запрет, земской суд продолжал предоставлять билеты для поездок на ярмарки и в портовые города, с целью продажи

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 24–25

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 106–117.

³ Однако не все раскольникам запрещалось покидать места жительства, так старообрядцам было разрешено отлучаться, но на меньший, чем для православных крестьян срок, на 3 месяца.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 9–16 об.

собственных продуктов и пшеницы, не только некоторым удельным крестьянам молоканам и духоборам, но и целым семействам, не спрашивая разрешения у удельных властей. В 1832 г. последовало строгое предписание, что выдача отходного билета земским судом впредь возможна исключительно после предъявления крестьянами письменного свидетельства от удельных властей¹.

В первую четверть XIX в. некоторые вопросы вызывали наиболее острое противостояние между удельными и губернскими властями, что нашло свое отражение в делопроизводственной переписке. Одним из них был вопрос вмешательства губернских властей в сферу компетенции удельного начальства, о чем мы сказали выше. Другой острой проблемой в отношениях властей, отраженной в архивных и нормативных документах лишь условно, стало неофициальное противостояние в достаточно «щекотливом» вопросе. Дело в том, что крестьянское сообщество несло на себе не только бремя официальных налогов и сборов, но и разные полулегальные и нелегальные выплаты. В результате передачи властных полномочий в бывших дворцовых имениях от губернских властей удельным, встал вопрос о том, кто будет контролировать и эти сборы. Свое преимущественное право на них объявили обе заинтересованные стороны.

Ситуация осложнилась тем, что данные статьи доходов не регулировались нормативно, поэтому и выяснение отношений между губернскими и удельными властями перешло в личные обвинения, и лишь частично нашло отражение в документах. Так, удельное начальство жаловалось в Департамент, что местные власти села Астраханки Таврической губернии в обход него заставляли удельных крестьян, кроме обязательных сборов и повинностей, содержать «нарочного человека при Нововасильевском сельском управлении» и участвовать «в найме троеконной подводки для посылки в Мелитопольский земской суд за билетами на отлучку»².

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 21–24, 35–36 об

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 21–24, 35–36 об.

Департамент признал это требование превышением полномочий местных чиновников и разрешил крестьянам этих сборов им не уплачивать.

От противостояния властей в вопросах дополнительных сборов с крестьян больше всего страдали последние. Для того, чтобы иметь возможность решать свои повседневные вопросы, они были вынуждены платить обеим сторонам. Так по делу о злоупотреблениях (велось в 1822–1827 гг.) в Московской удельной конторе было выявлено, что с крестьян производились незаконные сборы на различные подарки в пользу управляющего и чиновников конторы. Но они также были «отягощаемы взятками со стороны голов и волостных писарей, так и чиновниками военного, губернского, лесного ведомств», т. к. «без подарков ни какая просьба по частному или общественному делу никогда не была уважаема и не получала удовлетворения»¹.

Противостояние между губернскими и удельными властями выносились и в залы судебных заседаний. В ходе следствия по делу об уренских крестьянах (1830–1831 гг.)² министр составил донесение на имя императора о затягивании дела местными властями. По мнению министра, основывавшегося на донесениях удельных чиновников, ряд служащих, присутствовавших в комиссии, были замечены «в пристрастии к подсудимым». «Даже дошло до сведения Департамента о не позволительных в пользу Комиссии по уренскому приказу сборах, которые доходили до 5857 руб.»³. По мнению Департамента, дело искусственно затягивалось, и комиссия, вместо того чтобы найти виновных и определить им наказание, начала переписку с удельной конторой и Департаментом уделов «о доставлении ей сведений вовсе не подлежащих ее разбирательству и не относящихся к главному предмету ее занятий». После личного вмешательства

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 118–120.

² Подробнее Красникова Ю.Н. Восстание удельных крестьян Уренской волости (1829-1831) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб., 2014. №38. С. 349–354.

³ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 39. Л. 29–30.

императора, который заинтересовался причиной задержки, по решению управляющего генеральным штабом и министра внутренних дел чиновники комиссии были заменены. Интересно, что это не ускорило сам ход судебного разбирательства, и окончательное решение по делу было вынесено только через год¹.

Обостряло отношения между удельными и исполнительными местными властями и то, что все сферы общественной жизни удельной деревни регулировались как общими законами Российской империи, так и внутренними правовыми актами удельного ведомства. Так как уделы не имели общегосударственного значения, изменения в нормативных актах, которые имели локальный характер, иногда оставались вне зоны внимания других ведомственных структур, а это, в свою очередь, приводило к межведомственным разборкам и взаимным обвинениям. В 1828 г. на основе действовавших нормативных актов Министерством внутренних дел было вынесено решение по делу о Пензенских молоканах: 20 человек «упорствующих переселить в Таврическую губернию»². Пока Пензенская удельная контора списывалась с Таврической и Пензенской Казенными палатами и делала распоряжения об отправлении крестьян, Пензенское губернское правление уведомило, что вследствие Высочайше утвержденного определения Комитета министров крестьянам изменена мера наказания с высылки в Таврическую губернию на рекрутчину и Сибирь. Департамент уделов обвинил в неосмотрительности Министерство внутренних дел, «которое производя следственное, а потом и уголовное дело», не поставило в известность удельные власти. Два раза дело выносилось на обсуждение Комитета министров, но ни разу об этом не был поставлен в известность Департамент уделов³. Длительная деловая переписка привела к затягиванию

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 122–123.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 162–162 об.; Оп. 12. Д. 513. Л. 80–101 об.

исполнения по уже вынесенному делу почти на год и взаимным межведомственным обвинениям в некомпетентности.

Эволюция отношений между губернскими и удельными властями в изучаемый нами период характеризовалась следующим. Первоначально сформировалась преемственная от дворцовой деревни система взаимодействия между удельными и гражданскими властями, причём последние были наделены достаточными полномочиями. Региональные власти в удельных экспедициях находились в двойном подчинении: Департаменту уделов и губернским властям. На протяжении всей первой трети XIX в. шел процесс дальнейшей более детальной регламентации межведомственных отношений и разграничения компетенций. Если Павел I видел задачей организовать «одинаковое в рассуждении государственных и удельных крестьян распоряжение»¹, то императоры Александр I и Николай I обособили удельное управление, оградили его от внешнего вмешательства. За губернскими властями фактически сохранялись лишь функции надзора, а принимать решения в отношении удельного имущества можно было, только согласуя их с уполномоченным Департаментом уделов лицом.

В первую четверть XIX в. наиболее острые споры вызывало вмешательство губернских властей в сферу компетенции удельного начальства и закрепление прав на дополнительные сборы. Последние порой приобретали довольно причудливые формы двойного обложения.

Всю первую треть XIX в. законодатель постоянно уточнял компетенцию губернских властей по вопросам совместного управления удельными имениями. Несмотря на постепенное выведение из подчинения губернским властям удельных органов власти (начиная с 1808 г.) конфликты между властями продолжались. В 1836 г. утвержденный императором проект дополнительных статей о взаимоотношениях гражданских и удельных властей

¹ Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

окончательно закрепил исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, за удельными властями.

Итак, реализации управленческих и хозяйственных решений в административных единицах общего удельного имения (экспедициях, позже - конторах) ложилась на региональные органы власти. Вертикаль строилась на принципах единоначалия и административной подчиненности вышестоящим органам и должностным лицам. Главной задачей региональных органов власти являлась организация хозяйственного управления удельным имением, обеспечение порядка в удельных селениях, прежде всего, в вопросах сбора податей. Положение Департамента уделов 1808 г. внесло изменения в организацию регионального уровня удельного управления, вместо 9 удельных экспедиций стали действовать 22 удельные конторы, возросла численность удельных чиновников и повысились расходы на содержание управленческого аппарата. По Положению Департамента уделов 1808 г. региональное управление было сконцентрировано ближе к территориально-административным центрам, что обеспечивало лучший контроль за подведомственным имуществом и крестьянами. В целом, созданная в 1797 г. и реорганизованная в 1808 г. региональная система управления удельными имениями удовлетворяла потребностям ведомства и просуществовала вплоть до отмены крепостного права.

Эволюция отношений между губернским и удельными властями в изучаемый нами период характеризовалась процессом более детальной регламентации межведомственных отношений, производившейся путем принятия отдельных нормативных правовых актов (законов, правил, циркуляров и проч.). За губернскими властями фактически сохранялись лишь функции надзора, а принимать решения в отношении удельного имущества можно было, только согласовав их с уполномоченным Департаментом уделов лицом.

Важнейшим направлением деятельности экспедиций (позже контор) являлось руководство сельскими приказами. Первоначально на основании

«Учреждения об императорской фамилии» закреплялся принцип сельского самоуправления и невмешательства во внутренние дела сельской общины. Но постепенно, сохраняя самоуправление как институциональную форму, удельная администрация регламентировала и подчиняла его себе.

Стиль управления ведомством в результате проведенной административной реформы 1808 г. стал более жестким, что проявилось, в частности, «в росте объемов административных распоряжений и инструкций, направляемых в регионы. Министр уделов и Департамент, добиваясь единообразия в ведении дел, стали посылать в удельные конторы и отделения циркулярные предписания не только по вопросам общего характера, но и решения, принятые по частным случаям, а также разъяснения по поступавшим с мест вопросам о применении или толковании отдельных нормативных правовых актов»¹. Это было связано с необходимостью унификации приемов управления разбросанными по огромной территории удельными имениями, а также с потребностью утверждения на практике нового статуса региональных органов удельного управления, выведенных с 1808 г. из подчинения губернаторам, губернским прокурорам и Казенным палатам. Чем больше Департамент уделов и удельная система управления в целом отделялись от общегосударственного ведения, тем более объемной становилась внутренняя система нормативно-правовых актов.

2.5. Организация управления удельными имениями.

Местные выборные органы власти

Нижним звеном системы управления удельными имениями по закону 1797 г. стали сельские удельные приказы, а их базой – традиционная сельская крестьянская община. Как пишет Н.В. Дунаева, «необходимость определения государством статуса нижнего уровня удельного управления активизировала

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 19.10.2012). Режим доступа: свободный.

процесс выработки новых административно-правовых норм, регулировавших в нужном для удельного ведомства направлении такую важнейшую функцию крестьянского общежития, как самоуправление»¹. При этом законодатель искал способы включить этот общественный институт в процесс выполнения задач, стоявших перед удельной администрацией.

Для удобства внутреннего сельского управления удельные экспедиции в каждом уезде были разделены на приказы, территориально приближенные друг к другу. На них возлагалась обязанность непосредственного надзора за крестьянами и распределения удельных земель, что всегда являлось прерогативой крестьянской общины. Название приказам давалось по крупнейшему из вошедших туда селений, там же располагалось и приказное управление. В 1797 г. во всех удельных имениях было создано 156 сельских удельных приказов².

Каждый приказ состоял из несколько деревень и селений «с общим населением не свыше трех тысяч душ»³. Первоначально удельные власти старались твердо придерживаться обозначенной цифры, но реализовать на практике планы законодателя оказалось сложнее. Некоторые села, территориально находившиеся ближе к одному приказу, были причислены к другому на том основании, что была превышена квота по количеству душ. Например, как мы говорили выше, удельное имение в Олонецком приказе было присоединено к Санкт-Петербургской удельной экспедиции, хотя территориально находилось ближе к Архангельской экспедиции. Управлять этими селениями при таком отдалении было проблематично. Уже в 1798 г. число душ в каждом приказе увеличили до 4000 ревизских душ⁴.

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.12.2012). Режим доступа: свободный.

² История уделов за столетие их существования... Т. 3. С. 153.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

При организации органов местного самоуправления в удельной деревне законодатель исходил из вопросов экономии средств и удешевления управления. Было принято решение формировать органы управления только из крестьян путем их выбора крестьянской общиной. В 1797 г. приказное управление состояло из приказного выборного, или головы, казенного и приказного старост и писаря. Также в каждом селении было «по одному сельскому или деревенскому выборному», при церквях были учреждены ктиторы, а на каждые 10 дворов – один десятский¹. Все местные власти были избираемыми, при этом подразумевалось, что выбранный крестьянин продолжит смотреть за своим хозяйством. Поэтому закон допускал один или два раза в неделю выборным отлучаться домой, но с обязательством являться в приказ по первому требованию. В связи с этим жалование для них было определено небольшое. Должностные лица за свою службу получали денежное жалование: головы по 20 руб., старосты и писари – по 15 руб., сельские выборные – по 10 руб. асс. в год².

Все выборные должности, кроме десятских, освобождались от всех натуральных повинностей, но не от уплаты казенных податей и удельных сборов. Только служба десятских рассматривалась, скорее, как повинность, т.к. не давала ни жалования, ни льгот. Существовала охрана чести должностных лиц местного самоуправления, установленная законом: за ослушание головы и оскорбление его словом виновный подвергался штрафу в 1 руб. «В случае оскорбления сельских выборных действием «размер штрафа повышался втрое и, кроме того, виновный крестьянин подвергался тюремному заключению или общественным работам (срок наказания не устанавливался, но, как правило, не превышал двух-трех месяцев)»³.

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² История уделов.. С. 438

³ Дунаева Н.В. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.12.2012). Режим доступа: свободный.

Все должности были выборные. Члены приказного правления – голова, старосты и писарь – избирались на три года всеми селами и деревнями приказа в присутствии члена экспедиции. Выборные сельские и деревенские и ктиторы избирались на один год крестьянами каждого села или деревни. Ежемесячно сменявшиеся десятские назначались старостой по очереди из каждых 10 крестьянских дворов из всех домохозяев и исполняли простейшие полицейские обязанности, обычные курьерские задачи, оповещали крестьян по указанию администрации о каких-то событиях и т. п.

Также на основании «Учреждения...» в каждом приказе, где был православный храм, вводилась должность ктитора, т. е. церковного старосты, которому вменялось заниматься хозяйственным попечением о храме. При этом должность ктитора была выборной и содержалась за счет крестьянского мира. Он, в свою очередь, был обязан представлять ежегодный отчет о собранных пожертвованиях и расходах на храм.

В 1798 г. утверждалась новая должность «рассыльщиков», находившихся на мирском содержании; в их обязанности входило доставлять прибывавшие на почту «указания и тому подобное, касающееся удельных крестьян»¹.

В должностные обязанности выборных в органы крестьянского самоуправления входило следующее: обнародование законов, наблюдение за крестьянским хозяйством и т. п. Так, приказные выборные следили за тем, чтобы крестьянская усадьба и поле находились как можно ближе друг к другу, что облегчало бы выполнение ежедневных сельскохозяйственных работ. В случае необходимости более удобного для крестьян сосредоточения хозяйства они ходатайствовали об этом перед удельной экспедицией и с ее разрешения производили переселение. Но основной задачей приказных властей был сбор государственных и подушных податей².

1 Наставление сельским приказам по высочайшему об императорской фамилии учреждению в удельных имениях учрежденными. СПб., 1798. С. 7.
2 Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797. С. 8.

Главным лицом крестьянского управления был приказной выборный, или голова. Он объявлял крестьянам все распоряжения начальства и следил за их исполнением, наблюдал за безопасностью, благоустройством и порядком в пределах приказа, за назначением нарядов работникам, выделение подвод и даже за выполнением крестьянами религиозных обрядов. Голова выбирался из людей «честного поведения, рачительный и трудолюбивый в хозяйстве»¹. Он решал многие вопросы деревенской жизни и частично снимал нагрузку с региональных органов управления удельными имениями. «Кроме того, они вместе с головой приказа следили за сохранностью удельного имущества, исполняли судебные функции (по мелким административным и гражданским делам удельных крестьян), карательно-воспитательные (в отношении ленивых и нерадивых хозяев), попечительские (по организации коллективной социальной помощи вдовам и сиротам из удельных крестьян)»².

В теории система местного самоуправления в удельной деревне выглядела стройной. Однако на практике притворение ее в жизнь (согласно «Учреждению об императорской фамилии») встретило ряд препятствий. Первой сложностью было то, что в крестьянской среде редко встречались грамотные крестьяне, и найти подходящую кандидатуру на замещение должности писаря было довольно сложно. В итоге пришлось искать компромиссы, о чем мы скажем в следующем параграфе.

Во-вторых, найти желающих замещать выборные должности в приказах было довольно сложно, крестьяне уклонялись от этих обязанностей, несмотря на привилегии и льготы. Крестьяне считали более существенным, чтобы их хозяйство было в порядке. Остальное в деревне нивелировалось. До Департамента доходили слухи, что избранные в головы крестьяне нередко под разными предлогами уклонялись от этой должности. Происходило усиление контроля со стороны удельных властей за органами местного самоуправления.

1 ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

² Дунаева Н.В. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.12.2012 19.10.2012). Режим доступа: свободный.

В 1810 г. циркуляр предписывал управляющему контролировать случаи, когда голова заявлял «о нежелании быть головою по слабости здоровья или по другим причинам». Окончательное решение о невозможности избранного головы находиться в должности выносилось министром на основании доклада управляющего и мирского приговора, «удостоверяющих действительность выставленных просителем оснований его отказа»¹.

Поначалу крестьяне на сходах могли самостоятельно переизбирать приказных старшин за превышение должностных полномочий или по собственному их желанию. Но уже в 1803 г. Департамент уделов запретил проводить перевыборы без уведомления экспедиций. Положение 1808 г. установило новую процедуру избрания приказных старшин. Выборы организовывались и проводились удельной администрацией. Принципы избирательного права закрепляли альтернативные, равные, прямые, но подконтрольные выборы. Удельные чиновники отбирали 10 кандидатур из крестьян «наиболее благопристойного поведения», обязательно православного вероисповедания, имеющих авторитет среди крестьян и которые могли бы осуществлять положенные компетенции. Сами выборы проводились на собрании представителей всех селений приказа баллотированием избирательными шарами за кандидатов на должности головы приказа, приказного и казенного заседателей (так с 1808 г. стали называться должности приказных старшин) из утверждённого списка. После выборов списки кандидатов хранились в приказе и конторе, на случай замены головы и заседателей во время срока полномочий. Если они не справлялись со своими обязанностями, то их преемником становился следующий в списке кандидатов имеющий наибольшее количество шаров. После избрания и утверждения в должности приказных выборных обязательным становилось приведение их к присяге на верность службе². Избранный голова утверждался в должности Департаментом уделов, а заседатели – управляющим удельной

¹ История уделов.... Т. 1. С. 453

² ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

конторой. С 1827 г. было запрещено избирать на любые выборные должности «крестьян, имевших недоимку по налогам, или подвергавшихся наказаниям по суду или в административном порядке»¹. С 1808 г. полномочия головы приказа стали бессрочными, за остальными выборными сохранили прежние сроки занятия должностей. Такая избирательная система позволяла, с одной стороны, легитимировать выборы, сохраняя сложившийся порядок в крестьянской общине, с другой – контролировать устройство органов местного самоуправления.

Старосты избирались на 3 года. А вот приказные писари перестали быть выборными, они назначались управляющими конторами и при этом не обязательно из крестьян, но и из лиц других сословий. Всем приказным властям были определены пределы полномочий. Как отмечалось в упоминавшемся труде «История уделов...», «нельзя не видеть, что черты собственного самоуправления в значимой мере затерялись в новом порядке, делавшем приказных старшин похожими более на чиновников, нежели на выборных. Приказной писарь, назначаемый управляющими, был поставлен вне всякой зависимости от крестьянского общества, как и приказной старшина, окончательно обратившийся в чиновника»².

Проблему размытых компетенций и, как следствие, злоупотребления должностными полномочиями со стороны в том числе и писаря отмечали еще члены Государственного Совета в 1801 г.: «Для взаимного равновесия необходимо, чтобы письмоводитель не зависел совершенно от должностных поселян», как и они от него, чтобы имелся он единственно в успешном обрабатывании и хранении в порядке счетов и прочих письменных дел, не мешаясь в сборы или другие мирские отношения и связи... Так, нужно определить пределы влияния делопроизводителя, иначе по опытности в

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.12.2012). Режим доступа: свободный.

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1901–1902. Т. 1. С. 448.

судоведении подчинит он себе весь приказ, что может привести к злоупотреблениям»¹.

Итак, согласно Положению 1808 г. увеличивалось жалование и расширялись привилегии для выборных властей. Министр Департамента отмечал значимость подобных акций для должностных лиц – «сколько для приведения их в приличное уважение от крестьян и от лиц посторонних, столько и для поощрения их самих к добропорядочному поведению и ревности в исполнении их обязанностей»². Новое жалование голове составляло 250 руб. асс., ежегодно из мирских сумм ему шился специальный кафтан темно-зеленого цвета с обшлагами мундира. Согласно Положению 1808 г. это должно было визуально выделять его среди других сельских жителей³.

Голова освобождался от всех хозяйственных сборов, казенных податей и общественных повинностей, которые уплачивались и отбывались за него общиной. Семья головы, а именно жена и дети, также освобождались от всех общественных работ и нарядов. Сельский и казенный старосты, а теперь, по новому Положению, заседатели получали по 120 руб. и освобождались от телесных наказаний. Для поддержания авторитета выборных вводилось «строгое взыскание» за оскорбление головы или заседателя словом или действием. Хотя Положением не было определено ни его (взыскания) вида, ни его размера. Приказные писари теперь не избирались, а назначались управляющими контор и числились в штате Департамента уделов, являясь, таким образом, чиновниками государственной гражданской службы, что существенно повышало их статус и должно было способствовать в более успешном поиске желающих работать в этой должности. Так, в 1809 г. Оренбургская удельная контора предписывала приказу, принявшему самостоятельное решение об увольнении с должности писаря Галактионова, «объявить им, чтобы они впредь сего не чинили без позволения конторы, в

¹ РГИА. Ф. 1147. Оп.1. Д. 236. Л 88–109.

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1901–1902. Т. 1. С. 446

³ ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

противном случае строго будут за сие наказаны, а меж тем донесли бы в контору кто на оное место ими найден и именующие у него аттестаты доставили бы в контору»¹.

Закон устанавливал и юридическую ответственность сельских начальников, а также пределы их власти в отношении крестьян. Ежегодно приказные старшины должны были отчитываться перед избравшим их обществом о расходе мирских сборов. Также на собрании устанавливался раскладочный сбор, который отличался неопределенностью. Он не устанавливался законом, а регулировался самой крестьянской общиной исходя из доходности хозяйства. При этом понятие доходности находилось в зависимости от органов местного самоуправления. Этот механизм позволял уравнивать членов общины, перераспределив налоговую нагрузку между ними. На сходке устанавливались раскладка сборов и податей на очередной год, они закреплялись мирским приговором, который, в свою очередь, утверждался удельной конторой. Сельским старшинам строго запрещалось использовать крестьян на работах в своем хозяйстве, а также самовольно без решения сельского схода наказывать удельных крестьян².

Во второй четверти XIX в. юридическая ответственность сельских и приказных выборных повышалась. За нетрезвую жизнь, дурное поведение, несоответствие занимаемой должности старшины и другие избранные должностные лица смещались с должности управляющим удельной конторой, а голова – Департаментом уделов. Растрата ими денежных средств, так же, как и взятка, карались отдачей в рекруты, ссылкой в крепостные рабочие команды или на поселение с возмещением ущерба из имущества виновного. «Если личных средств не доставало, то к коллективной ответственности привлекалось крестьянское общество, избравшее правонарушителя на высокую должность». Особенно строгая ответственность наступала «за упущения по должности», связанные с причинением вреда интересам

¹ ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 168. Л. 2.

² Свод удельных постановлений. Ч. I. Ст. 278, 279.

удельного ведомства: за эти преступления голова и заседатели приказа предавались уголовному суду¹.

«Учреждение...» определяло обязанности двух старост: казенного и приказного. Казенные старосты должны были собирать с крестьян все сборы и подати, составлять отчет по сборам, хранить собранные деньги и сдавать их казначеям, а также наблюдать за целостью всего удельного имущества в пределах приказа. Приказные старосты, во-первых, разбирали незначительные ссоры и тяжбы между крестьянами и, во-вторых, должны были опекать вдов и сирот, и смотреть «за крестьянами нерадивыми в своем хозяйстве»². В законе 1797 г. не было определено жалование казенным старостам, экспедиции самостоятельно оплачивали их труд. Только в 1802 г. Департамент уделов назначил им жалование в размере 15 руб. асс. в год³. Приказные выборные и старосты могли быть избраны из разных деревень и сёл. Им разрешалось отлучаться в субботу на день или два для наблюдения за своим хозяйством, но по первой просьбе экспедиции они немедленно должны были вернуться.

Писарь вел всю письменную часть приказного управления. Сначала планировалось набрать писарей из удельных крестьян, но на деле оказалось, что способных к этому среди переданных в уделы поселян недостаточно. Поэтому в 1798 г. было разрешено брать «свободных людей в писари приказов удельных имений»⁴. Но найти грамотных людей в крестьянской среде было непросто, а вести делопроизводство было необходимо. Документооборот в удельных конторах и приказах был объемный. По сведению самих удельных чиновников, ежегодно в контору поступало от 10 до 20 тыс. всех «книг по делопроизводству и по отчетности», а в приказ – от 1000 до 1200⁵. Во второй

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.12.2012). Режим доступа: свободный.

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т.1. СПб., 1902. С. 26
3 РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

⁴ ПСЗ. Собрание 1. 1798–1799. Т. XXV. № 18710. СПб., 1830. С. 422; РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 112–131

четверти XIX в. Департамент уделов, озабоченный этой проблемой, создал целую сеть сельских приказных училищ. Одной из целей их организации была подготовка грамотных крестьян для заполнения вакантных должностей писарей в удельных конторах и приказах¹.

«Учреждение...» 1797 г. устанавливало принцип относительной самостоятельности местного крестьянского самоуправления в системе удельного управления. Согласно параграфу 168 «Учреждения об императорской фамилии» «всякое разбирательство внутреннего сельского дела, выбор начальников, поставка рекрут и подобное оному, от управления и распоряжения сих экспедиций должно быть чуждо; и для того всякое участие до внутренности тех сельских дел экспедициям удельным наистрожайше воспрещается»². Экспедиции должны были только наблюдать за правильностью выборов приказных властей, и могли отрешать от должности тех выборных, за которыми усматривались неисправности и упущения, но этим и ограничивалось влияние экспедиций на ход крестьянского самоуправления.

Однако на практике удельные чиновники постоянно вмешивались в дела органов местного самоуправления. А в 1808 г. обязанность приказов в своих действиях «следовать наставлениям удельных контор» и беспрекословно исполнять все их распоряжения была закреплена законодательно³. Так, разверстка земли всегда находилась в компетенции органов местного самоуправления и регулировалась общиной. Удельные власти и этот вопрос поставили под свой контроль. В 1816 г. приказные власти Тишинского отделения Псковской удельной конторы спрашивали разрешение на разверстку земли, «что приговору прошлой 6 ревизии на разверстку земель по числу душ 7 ревизии должно отдать предписания его

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 559

³ Свод удельных постановлений. Ч. I. Ст. 66.

высокопревосходительства министра уделов или департамента, а о сборе оброка и прочих податей Высочайшего повеления»¹.

Указания на ограничение крестьянского самоуправления мы встречаем в документах на протяжении всего изучаемого нами периода. Так, в 1809 г. Оренбургская удельная контора предписывала приказу, принявшему самостоятельное решение об увольнении с должности писаря Галактионова, «объявить им чтобы они впредь сего не чинили без позволения конторы, в противном случае строго будут за сие наказаны, а меж тем донесли бы в контору кто на оное место ими найден и именующие у него аттестаты доставили бы в контору»².

Ограничение самостоятельности органов самоуправления вызывало недовольство крестьян, это нарушало сложившиеся традиции крестьянской общины как социального института. Самоуправление оставалось единственной сферой проявления крестьянской самостоятельности и независимости. Так, в феврале 1816 г. управляющий Новгородской удельной конторой А. Немов отстранил от должности приказного голову И. Яковлева в Бурегском приказе Новгородского уезда только за то, что последний «благоволил» к крестьянам, и назначил на его место Е. Дементьева. Крестьяне не остались равнодушны к этому произволу удельных властей и потребовали от А. Немова убрать Дементьева, поскольку «не было произведено никаких выборов». Затем они избili Дементьева и нескольких чиновников Новгородской удельной конторы, посланных в названный приказ для «восстановления порядка». Дело дошло до императора, который поручил Комитету министров совместно разобраться в этом деле. В ряд сел Бурегского приказа были отправлены военные команды для успокоения крестьян и выявления зачинщиков беспорядков. Но и по прибытии команд крестьяне отказались допустить Дементьева к исполнению обязанностей приказного головы, жалуясь на превышение полномочий последнего. Крестьяне

¹ ОГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 39. Л.2.

² ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 168. Л. 2.

свидетельствовали, что голова и чиновники удельной конторы «производят лишние сборы денег с крестьян, сдают их без очереди в рекруты, избивают». Губернатор вынужден был сообщить царю, что он не может выполнить возложенное на него поручение по успокоению удельных крестьян Бурегского приказа «ввиду сильнейшего упорства в неповиновении». Только после проведенного следствия чиновниками для особых поручений, отправленными на место, расследования всех случаев превышения должностных полномочий со стороны приказных голов и удельных чиновников и передачи материалов следствия в суд, удалось успокоить волнение удельных крестьян в Бурегском приказе Новгородской губернии¹. Несмотря на то, что причинами волнений крестьян стала коррупция местных чиновников, непосредственным поводом явилось нарушение процедуры избрания приказного головы, нелегитимность его вступления в должность.

В 1808 г. в состав сельских выборных лиц была введена должность «добросовестного», в функции которого входил разбор возникавших между удельными крестьянами мелких гражданских споров с целью достижения примирения сторон. Эти крестьянские судьи избирались ежегодно по двое в каждом селении и работали на общественных началах. Медиативная практика в урегулировании споров оказалась эффективной и снижала нагрузку на судебные органы власти. Поэтому с 1827 г. выборным добросовестным было установлено жалованье за счет крестьянских средств и назначен неограниченный срок полномочий².

В первые годы существования удельной системы хозяйствования появилась необходимость в определении единых правил сельского удельного управления. Регулирование правовых отношений внутри сельской общины продолжалось на основе норм обычного права и сложившихся традиций, что вносило разобщенность в систему местного управления. Департамент уделов

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 18. Д. 38. Л. 1–7.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 09.12.2012). Режим доступа: свободный.

требовал, чтобы сельское удельное управление руководствовалось в своей деятельности законами и административными актами. Все удельные приказы получили полный текст «Учреждения об императорской фамилии», а позднее, в 1798 г., – изданное отдельно «Наставление сельским приказам»¹. Устанавливалось единообразие в таких делах, как, например, сбор податей с крестьян и даже выдача замуж удельных крестьянок и т. п.

Как и региональные власти удельного управления, сельские приказные выборные контролировались губернскими властями. Так, Мелитопольский земский суд отдал удельному старосте приказ о подчинении ему и о предоставлении отчетности. В нем отмечалось: «Суд... строго предписывает тебе, чтобы ты своему начальству отчеты во всякое время без промедления времени доставлял». Староста поставил в известность удельное начальство, отказавшись подчиняться. На это в 1833 г. Министерство императорского двора через Министерство внутренних дел, как высшую власть для земского суда, напомнило, что компетенция управления удельными крестьянами находилась исключительно в ведении Департамента уделов. К этому времени только выдача видов для отлучек находилась в ведении земского суда, да и то, как мы помним, отлучаться можно было только с разрешения удельных властей².

Существовала еще одна интересная особенность в формировании местных органов власти. Представители неправославного населения удельных селений, согласно постановлению Министерства внутренних дел от 1820 г., не могли занимать ряд выборных должностей в органах местного самоуправления. Было указано представителей других раскольников, которые «не признают священства, не молятся за Царя, не вступают в брак, в том числе молокан, субботников, духоборцев, скопцов и других, подобных не избирать

¹Наставление сельским приказам по высочайшему об императорской фамилии учреждению в удельных имениях учрежденными. СПб., 1798.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 40, 64–65.

в общественные должности»¹. В виде исключения их допускали до назначений, если в деревне было слишком мало приверженцев православия или, на худой конец, старообрядцев. Такое компромиссное решение скреплялось мирским приговором. В этом случае компетенции распределялись следующим образом: православные крестьяне заполняли в деревне выборные должности, которые подразумевали большую ответственность, – старост; сборщиков крестьянских податей; десятских, выполнявших полицейские функции в общине; понятых; лесных и пожарных смотрителей; свидетелей по судебным и межевым делам. Менее ответственные, по мнению удельных чиновников, обязанности могли выполнять неправославные крестьяне: нести караул, распределять «квартиры для проезжающих по казенной надобности», готовить и отправлять подводы². В редких случаях, когда в среде удельных крестьян отсутствовали представители православного населения, выборные должности могли занимать неправославные. Обычно это влекло за собой усиление контроля в таких селениях со стороны местных властей. Подобная практика, например, существовала и в староверческих селениях Оренбургского удельного имения³.

Во второй четверти XIX в. по мере усиления государственного регулирования социально-экономических отношений в удельной деревне круг сельских должностных лиц постоянно расширялся, а их обязанности и юридическая ответственность подвергались все более детальной регламентации. Например, были введены должности лесных сторожей, смотрителей общественной запашки и их помощников, сборщиков податей, ночных и дневных сторожей и проч.

Гражданские споры между удельными крестьянами до 1808 г. решали в Судебных местах в присутствии стряпчего. По Положению 1808 г. был определен особый порядок производства таких дел. В каждом селении

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 573. Л. 1–21.

² Там же.

³ ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 6–8.

выбирались из крестьян добросовестные, которые и разбирали споры и тяжбы, возникавшие между крестьянами. Задачей их было склонить спорщиков к миру, если же этого не получалось, то дела рассматривались в вышестоящих инстанциях.

Итак, первоначально при налаживании удельного администрирования сохранялись внутренние правила организации органов местного самоуправления в крестьянской общине. Департамент уделов и экспедиции соблюдали в отношении сельских удельных приказов функции вышестоящих административных органов и на основании «Учреждения...» не могли напрямую вмешиваться во внутренний порядок сельского удельного управления, отдавать распоряжения непосредственно сельскому обществу. Практически сразу данные нормы удельного законодательства стали считаться условными, что позволяло удельным чиновникам вмешиваться в дела приказов. Позже это право удельных властей было закреплено законодательно, в 1808 г. сельские приказные выборные были в административном управлении подчинены конторам. Нормативно-правовому регулированию были подвергнуты все основные элементы крестьянского самоуправления: избрание на общественные должности; проведение мирских сходов и оформление коллективного волеизъявления; статус выбранных крестьянами «сельских начальников», включая их полномочия, ответственность, подчиненность, денежное вознаграждение, льготы, поощрения и т. д. Таким образом, во второй четверти XIX в. право крестьян на самоуправление, предусмотренное законом 1797 г., было ограничено. Система местного самоуправления, установленная «Положением» 1808 г., сохранялась в удельной деревне вплоть до реформы 1863 г.

2.6. Особенности делопроизводства в удельном ведомстве

Делопроизводственная документация является одним из важных источников оценки и изучения управленческого действия. По состоянию документооборота можно оценить уровень эффективности организации и

скорость принятия управленческого решения. Анализ документальных потоков Департамента уделов позволил нам оценить не только их интенсивность, но и позиционирование ведомства в структуре государственных учреждений Российской империи.

В первой четверти XIX в. изменились принципы оборота делопроизводственных бумаг и бюрократической переписки в государственных учреждениях Российской империи. «Общее учреждение министерств» легитимировало делопроизводство в качестве основного механизма функционирования государства. При этом инструкции для делопроизводителей имели достаточно объемный вид. В указе 1811 г. об утверждении министерств раздел, посвященный делопроизводству, включал больше сотни параграфов¹.

Перемены, в частности, коснулись разработки самих документов. Теперь проекты подготавливались чиновниками структурных подразделений министерства и оформлялись в канцелярии министра или департамента. Раньше эта работа проходила в канцелярии коллегии. Глава ведомства лишь закреплял действие документа личной резолюцией. Само обращение бумаг должно было происходить в строгой иерархии должностных лиц и разграничении компетенций между отраслевыми учреждениями. По замыслу законодателя, это навело бы порядок в бюрократической переписке.

Были разработаны схемы движения бумаг внутри каждого учреждения, что создавало видимость порядка². Также были предложены правила по регистрации, хранению и архивированию делопроизводственной переписки. Тем не менее нормативное закрепление порядка движения документальных потоков не отразилось на реальном положении дел. Когда Департамент уделов затребовал у Кабинета сведения о награждении кормилиц, служащие

¹ Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 65.

² Орлова Г.А. Бюрократическое письмо как механизм господства // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 77.

последнего отрапортовали, что документов «не оказалось»¹. На деле они их просто не нашли. И это не единичный случай. Когда канцелярия Министерства императорского двора запросила информацию о денежном вознаграждении кормилицы великого князя Константина Николаевича Афимьи Федоровой, то было доложено, что «получила ли она вознаграждение при увольнении не известно»². Хотя это важный делопроизводственный документ, который подтверждал право дочери бывшей кормилицы получать часть пенсии.

Всю первую половину XIX в. учреждения искали наиболее приемлемую форму учета дел и порядка оформления делопроизводственной документации. Слаженная работа писмоводителей была одним из признаков эффективного управления. Министры, вступая в должность, начинали заново заниматься усовершенствованием делопроизводства и отчитываться.

Одной из проблем, которую следовало решить был поиск способа сократить потоки и объемы входящей документации, т. к. ее количество всю первую половину XIX в. постоянно увеличивалось. К 1840-м гг. губернатору приходилось подписывать ежегодно до 100 тысяч бумаг, или в среднем около 270 ежедневно³. Л.Ф. Писарькова объясняла такое обилие бумаг тем, что в России «основу бюрократизации составило не исполнение закона, а согласование решений нижестоящих и вышестоящих учреждений», в отличие от Европы, где «бюрократическая вертикаль власти подразумевала чёткое исполнение закона на каждом её уровне». В условиях централизации управления перед ведомствами стояла обязательная задача «отписаться» по каждой бумаге. Более того, в сложной и многоступенчатой системе прохождения деловых бумаг Писарькова увидела и «условия для злоупотреблений чиновников разного уровня»⁴.

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 665.Л. 2–2об.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 294. Л. 2, 5–5об.

³ Блинов И. Губернаторы. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 161.

⁴ Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. М., 2002. № 5. С. 53.

Избыток делопроизводственной переписки признавался всеми ведомствами, наблюдался он и в Департаменте уделов. Необходимо было провести оптимизацию бюрократического делопроизводства, чтобы ускорить прохождение бумаг по структурным подразделениям и способствовать более быстрому реагированию на управленческое решение.

Выделим основные характеристики реформы делопроизводства, проводившейся в первой половине XIX в.

Во-первых, менялась форма документа. Вводился строгий единообразный для всех ведомств формуляр, который, по мнению законодателя, должен был привести к порядку в составлении различного вида бумаг. Документ становился более удобным и понятным для делопроизводителя, что ускоряло оборот бумаг¹. По справедливому замечанию историков О.В. Медведева и А.А. Аветисян, «управленческие процессы требовали более четких форм распорядительных документов, в связи с чем начинают применяться отпечатанные в типографии бланки документов, причем обязательное их использование получило нормативное закрепление»². Для удобства подготовки документов были подготовлены образцы по их оформлению. Закреплению и формализации подверглись принципы создания и хранения архивных документов. Были утверждены формы реквизитов документов.

Во-вторых, был оформлен четкий порядок организации связи между учреждениями и лицами. Это увеличило подготовку делопроизводственных бумаг. Например, с 1827 г. была восстановлена подача министерских докладов. А к середине XIX в. сложилась практика личных докладов министров императору, к которым также надо было готовиться. При этом, как

¹ Глотова С.А. Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2 (124). С. 74-75.

² Медведева О.В., Аветисян А.А. Документирования распорядительной деятельности: история и современное состояние // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 16. С. 118.

мы говорили выше, руководители разных структурных подразделений имели доклад раз в неделю или вообще только по особому решению. Министр императорского двора и уделов располагал правом ежедневного личного доклада по делам ведомства¹.

Документы получили новый регламент обращения: 1) порядок вступления дел; 2) взаимные сношения разных лиц; 3) отправление дел; 4) ревизию; 5) отчеты². В одном из столов начиналась подготовка проектов документов, после чего они передавались в отделение, Департамент, министру, на каждом этапе вносились изменения и дополнения. Как справедливо отметила В.С. Емельянова, «в этом моменте заключалось одно из отличий министерского делопроизводства от коллежского»³.

В-третьих, первоначально определение постановлений по всем распорядительным документам закреплялось за министром. Закон не позволял ему делегировать эту функцию. На министра возлагалась достаточно большая бумажная и распорядительная нагрузка. Так, в Департаменте уделов с конца XVIII в. к 1830-м гг. объем документооборота увеличился почти в 14 раз⁴. В ведомстве было принято решение разграничить полномочия в делопроизводственном отношении. По инструкции 1828 г. вице-президент просматривал все входящие и исходящие бумаги, что, в свою очередь, снимало нагрузку с министра, до которого доходили лишь те дела, которые требовали его резолюции. Согласно субординационному принципу всю переписку с министрами, генерал-губернаторами и «другими равными им лицами» вел министр, а также все дела, подносимые императору для сведения или разрешения. Все остальные распоряжения на основании существовавших постановлений и законов передавались вице-президенту и присутствию

¹ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 177

² Орлова Г.А. Бюрократическое письмо как механизм господства // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 77.

³ Емельянова В.С. Делопроизводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ // Право и безопасность. 2012. № 3–4 (43). С. 129.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1, Д. 39. Л. 36–45; Д. 40. Л. 39–49 об.; Д. 45. Л. 22–36; Д. 46. Л. 25–41.

Департамента уделов¹. С 1838 г. компетенции вице-президента в делопроизводственных отношениях еще больше расширялись. В отсутствие министра он вел переписку с министрами, генерал-губернаторами и равными им лицами по делам, не терпящим отлагательств; подписывал документы о назначении пенсий и единовременных пособий чиновникам, придворным служащим, состоящим в ведении Департамента; вел переписку, в которой требовалось вынести заключение для Правительствующего Сената².

В-четвертых, делопроизводственный язык должен был стать более простым и понятным. Ведь он должен был отразить в документе последовательность событий, их причины и следствия, отразить суть происходившего в подробностях. Отсутствие полного собрания законов вынуждало делать в документе пространные выписки из использованных законодательных актов, что увеличивало размер документа до нескольких страниц. Это тоже подлежало оптимизации в рамках реформы.

Полностью освободить бюрократическую переписку от канцеляризма и употребления отглагольных форм не удалось. Сохранение формализации в официальном делопроизводстве придавало большую значимость изложению и поддерживало его официальный статус. Но все же постепенно речевые обороты становились более понятными и приближенными к повседневной речи, при этом сохранялся деловой стиль изложения. Хорошо заметно упрощение изложения в отчетах Департамента уделов, которые готовились ежегодно. Но при этом сами годовые отчеты становились очень объёмными, иногда достигая 60-80 страниц письменного текста.

И, наконец, письмоводство осложнялось и рядом технических обстоятельств. Низкая освещенность помещений, плохое качество бумаги также сказывались на результате. Вот что пишет Л.Е. Шепелев: «Документы писались исключительно от руки гусиными перьями, требовавшими частой заточки и замены и не позволявшими быстро писать... Текст каждого

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 65–66об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 84–86.

документа приходилось писать по меньшей мере дважды: в виде черновика и беловика»¹. Если для канцелярий центрального и регионального аппарата управления удельными именными помещениями постепенно приобретались в собственность отдельные помещения, то сельские писари вынуждены были трудиться в стесненных условиях. В 1830-е гг. чиновники констатировали, что сельские приказы «занимали развалившиеся от ветхости лачужки, где писарь, все его семейство, домашний мелкий скот и птица помещались вместе с Волостной канцелярией; книги, выданные из казенной палаты, оставались неписанными; указы Палаты валялись вместе с одеждой Писаря по лавкам; - тут никакой справки, отчетности нельзя было найти»².

В целом проводившаяся в первой половине XIX в. реформа делопроизводства признавала наличие серьезных трудностей в делопроизводственной практике государственных учреждений Российской империи. В правление Николая I неоднократно собирались специально созданные комиссии по сокращению переписки, расходов и штатов³. Несмотря на ряд решений государства по оптимизации документооборота, добиться существенного результата в изучаемый нами период не удалось.

Все входящие и исходящие бумаги Департамента уделов регистрировались и сохранялись во внутренних фондах ведомства. «Специфический характер деятельности этого государственного учреждения отразился и на бюрократических взаимодействиях. С одной стороны, Департамент уделов по предметам своего ведения был включен в общую делопроизводственную переписку с центральными учреждениями Российской империи. С другой стороны, ведомство было напрямую подчинено императору и не имело общегосударственного значения по характеру своей

¹ Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 58-59.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 112-131

³ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 470

деятельности»¹. Это приводило к тому, что часть внутренних решений по ведомству приобретала свое юридическое оформление, лишь будучи подписана царем. В фондах Департамента сохранились документы с резолюцией императора, которые прямо противоречили нормативно-правовым актам Российской империи. Нередко это удивляло даже чиновников самого ведомства. Им приходилось уточнять решение императора по несколько раз, потому что оно шло вразрез с действующим законодательством. Например, такое решение было принято по делу о молоканах, о котором мы скажем ниже. В этих случаях Департамент уделов выполнял функцию секретариата, он извещал государственные учреждения о локальных нормативных изменениях по ведомству.

Особенность документооборота в Департаменте уделов становилась и следствием того, что бюджет этого ведомства имел отчасти закрытый характер². До обособления Департамента уделов в 1836 г. в отношении управления подведомственными крестьянами большую часть межведомственной переписки составляли документы, разграничивающие компетенции между удельными, губернскими и гражданскими властями. Это приводило к существенному увеличению разницы между количеством входящих и исходящих делопроизводственных бумаг. Если в начале XIX в. оно было практически тождественно, то к 1830-м гг. количество входящей документации увеличилось почти в два раза. В 1830 г. число входящих бумаг достигло 25309, исходящих – 16090. В дальнейшем эта тенденция сохранялась³.

Департамент уделов не успевал обрабатывать почти половину входящих документов. Это беспокоило удельные власти; был проведен анализ оборота

¹ См. подробнее Красникова, Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. Екатеринбург, 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 13. Л. 18; Д. 15. Л. 18; Д. 18. Л. 11; Д. 21. Л. 11; Д. 22. Л. 3–3об.; Д. 29. Л. 25.

³ См. РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 39. Л. 36–45; Д. 40. Л. 39–49 об.; Д. 45. Л. 22–36; Д. 46. Л. 25–41.

бумаг в ведомстве. В отчете об этой работе содержалось объяснение: не завершены были межведомственные дела, по внутренним документам «отписались» вовремя. Не случайно принятие проекта М.М. Сперанского в 1836 г. не только разграничило взаимоотношения гражданских и губернских властей и окончательно закрепило исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, за удельными властями¹, но и снизило количество межведомственной переписки. Гражданским и губернским властям запрещалось спрашивать отчетов у удельных властей, за ними сохранялась лишь функция надзора.

Департамент уделов, несмотря на его обособленное положение в структуре государственных учреждений Российской империи, по предметам своего ведения был включен в делопроизводственную переписку с центральными учреждениями Российской империи.

Документооборот в Департаменте уделов велся на общих основаниях. Интенсивность переписки первых лет, отраженная в нижеприведённой таблице, вполне объяснима. Она была связана с передачей имущества от Казенных палат и решением целого ряда организационно-хозяйственных вопросов. Поэтому к 1801 г., когда ведомство уже получило и инвентаризовало свое имущество, количество текущих дел уменьшилось. При этом вся делопроизводственная документация проходила через императора. Можно заметить, что министр проявлял себя как активный инициатор предложений по ведомству. А вот роль императора в нормативном регулировании стала снижаться.

Как мы видим в приведенной ниже таблице, в первые годы Департамент уделов больше занимался решением текущих дел, число которых значительно превышало половину. Далее следовали так называемые «интересные» дела, которым, по мнению чиновников, следовало уделить внимание; они касались предложений по ведомству или вопросов, не относящихся к решению

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 106–117

повседневных задач. «Просительные» бумаги в этот период времени чаще касались частных просьб о покупке имений для включения в состав уделов. Секретный характер чаще носили бумаги, касавшиеся удельного бюджета. Они не подлежали никакому движению ни внутри структурных подразделений ведомства, ни тем более внешнему обращению. Как видно из представленной таблицы, за исключением первого года, все дела по ведомству были просмотрены и по ним были приняты решения.

Таблица 8.

Ведомость о решенных и нерешенных делах по Департаменту уделов со дня открытия до 1 апреля 1801.

Решено	1797	1798	1799	1800	1801
По Высочайшим именным повелениям	38	19	8	10	13
По предложениям министра с объявлением именных повелений	-	7	6	7	-
По предложениям министра	67	38	56	26	23
Просительных	108	77	88	143	33
Интересных	317	1620	1140	1116	300
Текущих	2254	3414	2436	2939	769
Секретных	-	24	69	176	1
По отношению генерал-прокурора к министру с объявлением Высочайших повелений.	-	-	6	23	-
Итого	2784	5199	3809	4281	1139
За справками осталось нерешенных	9, по недавнему вступлению бумаг				
Входящих	1557				

Исходящих	1244				
-----------	------	--	--	--	--

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 1147. Оп.1. Д.236

Всю первую половину XIX в. количество делопроизводственной межведомственной и внутренней переписки только увеличивалось. Если в конце XVIII в. общее количество входящих и исходящих бумаг составляло в среднем около 3000, то в 1830 г. – 41399 дел, т. е. документооборот вырос почти в 14 раз¹. Такая динамика объяснялась, по нашему мнению, несколькими причинами. Во-первых, это то, чем болела вся система центральных учреждений в целом. Успехи министерских структур зависели от числа бумаг, подготовленных от имени министра. Если в столе таких бумаг было менее 12 в неделю, то это считалось признаком слабой активности или неуспешности известного стола; заслужить такое мнение никто не хотел². Во-вторых, это вполне объективные причины, связанные с расширением хозяйственных задач, поставленных перед Департаментом уделов и всей вертикалью управления удельным имуществом. В списке «главных предметов, умножающих делопроизводство» во второй четверти XIX в., числились: установление правил отчётности по сборам податей; введение поземельного сбора; размен удельных имений с казной; прием из казны удельных лесов. Кроме того, Департамент получил в свое управление следующее имущество: Ревельский, Красносельский, Стрельнинский и Мраморный дворцы, землемерское и земледельческое училища, Главные Московское и Красносельское удельные училища, Петергофскую бумажную и гранильную фабрику, новый удельный корпус в Санкт-Петербурге недалеко от Александровского театра³.

¹ См. РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 39. Л. 36–45; Д. 40. Л. 39–49 об.; Д. 45. Л. 22–36; Д. 46. Л. 25–41.

² Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. М., 2002. № 5. С. 40.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41. Л. 26–56.

Ещё один немаловажный фактор, от которого зависели скорость и качество делопроизводства, – это штат канцелярских служащих. Опытных делопроизводителей с развитыми навыками делового письма было найти не так просто. С этой проблемой сталкивалось не только удельное ведомство. Так, при организации Министерства внутренних дел набрали в штат писцов из разных ведомств и – по словам Л.Е. Шепелева – «тотчас открылась вся пестрота в производстве дел, ни на каких правилах не основанная»¹. Николай Васильевич Гоголь, который сам начинал служебную карьеру (с 1830–1831 гг.) в канцелярии Департамента уделов, с неудовольствием вспоминал в письме к матери о «мучительном сидении по утрам» в Департаменте; служба казалась ему слишком «ничтожной», и он «извлек из службы в этом учреждении только разве ту пользу, что научился сшивать бумагу»².

Канцелярские должности были предусмотрены штатными расписаниями всех уровней удельного управления. Наибольшие проблемы с рекрутированием письмоводителей испытывали в органах местного самоуправления. Там всегда числились открытые вакансии³.

Для того чтобы решить вопрос по закрытию вакансий в первую очередь в сельских приказах, Департамент уделов искал различные возможности, принимались дополнительные разъяснительные и уточняющие документы. Первоначально (при организации удельного хозяйства при Павле I) в «Учреждении об императорской фамилии» закладывался принцип удешевления расходов на сельские штаты, поэтому законом предписывалось набирать писарей из удельных крестьян того же приказа⁴. Но чиновники

¹ Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 65.

² Документы о службе Гоголя в департаменте уделов URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-sluzhbe-v-departamente-udelov.htm> (дата обращения: 20.06.2022). Режим доступа: свободный.

³ Красникова Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11 № 4. С. 451–469.

⁴ Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

слишком радужно представляли ситуацию с грамотностью в деревне и способностями крестьян к документоведению. При этом все делопроизводство по приказам было основано на отчетах несведущих писарей¹. Уже в 1798 г. Департамент уделов разрешил на вакантные писарские должности в сельских приказах нанимать свободных людей на условиях службы не менее 3 лет². Основанием для отстранения от места могло быть только несоответствие компетенциям. При этом жалование наёмного писаря могло достигать до 150 руб., что в 10 раз больше, чем было предусмотрено для писаря-крестьянина³.

Указанная разница в размерах оплаты труда делопроизводителя приводила к неравномерному сбору с крестьянских обществ, – содержание сельских приказов находилось в ведении общин. С 1810 г. была осуществлена попытка ввести общий уравнильный сбор. Но это оказалось неудобным и создавало препятствия для закрытия вакансий писаря в деревне. В 1818 г. сбор с крестьян денег на содержание выборных органов самоуправления уравнивался только в рамках удельной конторы⁴.

Департамент уделов в 1804 г. распорядился прислать из каждого приказа по одному грамотному крестьянину, который мог бы пройти обучение при экспедиции «порядку приказного делопроизводства». Также следовало присылать по три крестьянских мальчика, которых проходили обучение в уездных народных училищах. Их содержание ложилось на крестьянский мир. Планировалось, что, окончив изучение курса грамотности и предварительно пройдя стажировку в экспедиции, эти крестьяне становились бы приказными писарями⁵. Однако этот проект не оказал существенного влияния на заполнение вакансий писарей. Во-первых, качество образования в приказных и уездных училищах, особенно на периферии, было недостаточным для получения нужных навыков. Во-вторых, в деревне никогда не было лишних

¹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 88–109 об.

² История уделов... Т. 1. С. 438

³ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 88–109 об.

⁴ История уделов. Т. 1. С. 457

⁵ История уделов. Т. 1. С. 443.

рук, поэтому крестьянство сопротивлялось отправке своих детей на обучение. В некоторых приказах вообще не смогли найти подходящих мальчиков.

Дефицит людей, умеющих правильно вести документацию, привел к еще одной особенности при организации удельных приказов. Чтобы стимулировать способных крестьян учиться и потом занимать должность писаря, им предоставлялись дополнительные более широкие льготы, чем другим выборным из крестьян. Так, в 1804 г. Архангельская экспедиция обратилась с ходатайством в Департамент уделов об освобождении от рекрутской очереди семейств писарей на время их службы. Департамент в виду того, что такая льгота для писарей могла сделать «рекрутскую повинность более обременительной для остальных крестьян», попросил заручиться письменным согласием на такую льготу «всего мира». В следующем году экспедиция представила соответствующие мирские приговоры, лишь один приказ отказался¹. Эта практика была распространена и на другие экспедиции. Несмотря на все это, по свидетельству удельных экспедиций, писарей на стороне было найти все так же трудно.

Существенные изменения в отношении выборных должностей были приняты Положением 1808 г. В соответствии с ним приказные писари уже не избирались, а назначались управляющими контор и числились в штате Департамента уделов, являясь, таким образом, чиновниками государственной гражданской службы, что существенно повышало их статус и должно было способствовать более успешному поиску желающих работать в этой должности. Приказные писари выводились из-под администрирования приказной власти².

Жалование писарю по Положению 1808 г. было увеличено до 120 руб. асс. для крестьян, замещающих должность, и до 200 руб. – для лиц свободных сословий³. Между тем содержание писаря, несмотря на то, что предлагалось

¹ История уделов... Т. 1. С. 440

² ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 168. Л. 2.

³ История уделов. Т. 1. С. 447

его отнести к штатным чиновникам ведомства, все равно ложилось на сельское общество. По штату 1824 г. канцелярские служители сохранили размер жалования, он составлял как в конторах, так и в приказах от 100 до 250 руб. в год. В 1837 г. жалование было увеличено, чтобы сохранить кадры в удельных органах власти.

Обилие переписки и бумажного делопроизводства в приказах привело к тому, что писарю в приказы стали нанимать помощников, также со стороны. Хотя такие должности первоначально не предполагались штатным расписанием.

Канцлерская работа была не только ответственной. Удельные власти предлагали определить пределы влияния делопроизводителя, иначе по опытности в судоведении мог подчинить он себе весь приказ, что могло привести к злоупотреблениям. Для взаимного равновесия было необходимо, чтобы письмоводитель не зависел совершенно от должностных поселян, как и они от него¹. В документах неоднократно встречаются свидетельства об активной роли писаря. Он выступал не только как технический исполнитель возложенных на него обязанностей, но и как посредник между властью и общиной, получая свою мзду. Причем дела о злоупотреблениях приказных голов являлись частым явлением, а вот уголовные дела против писарей – практически единичными. И последнее, на что следует обратить внимание, волостные писари из приглашенных сторонних людей чаще сотрудничали с удельными региональными властями, что позволяло последним контролировать изнутри сельское управление. Выборные же из крестьян в рамках крестьянской общинной институциональной и сложившейся круговой поруки сотрудничали с волостным правлением. Сами крестьяне тоже предпочитали на должности писаря иметь «своего», способного защитить их от притеснений и оскорблений².

¹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 236. Л. 88–109.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 39 223/2732. Д. 1. Л. 37–37 об.

Делопроизводители часто вели двойную документацию, одну – для проверяющих органов, другую, внутреннюю, – для учёта дополнительных сборов с крестьян. Так, при расследовании злоупотреблений со стороны органов местного самоуправления в Московском удельном имении следователи старались заполучить внутренние неофициальные журналы писарей. Их целью было отобрать не только книги и тетради о мирских сборах и расходах, находящиеся в приказных избах, но и частные тетради, принадлежавшие приказным писарям, головам и сборщикам податей. В них надеялись обнаружить доказательства «непозволительных сборов»¹.

Во второй четверти XIX в. Департамент пришел к более системному решению вопроса о профессиональной подготовке делопроизводителей для нужд ведомства. В 1828 г. в удельном имении были организованы сельские училища. Целью их организации стала подготовка писарей для удельных контор и сельских приказов. Профессионально ориентированная ведомственная подготовка писарей позволяла обеспечить стабильность закрытия имевшихся вакансий и создания кадрового резерва.

Делопроизводственная документация включала в себя переписку с другими учреждениями Российской империи (министерствами и ведомствами) и внутреннее документоведение, которое находило отражение во внутриведомственной переписке с конторами и приказами.

Основной комплекс делопроизводственной документации составляла переписка с различными государственными структурами Российской империи. С одними ведомствами Департамент работал более тесно в силу особенности хозяйственных связей; с другими – от случая к случаю. Наиболее часто Департамент уделов «сносился» с Министерством финансов, под контролем которого находились вопросы налогообложения и сбор государственных податей. Взаимодействовали ведомства и по хозяйственным вопросам, но интенсивность такой переписки зависела от ситуации: она

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 39 223/2732. Д. 1. Л. 3–4.

существенно возрастала при передаче имущества из государственного ведения уделам или земельных разменов. Периодически велась переписка и по частным случаям, например, при передаче в 1826 г. в собственность императрицы Александры Федоровны территории Дудергофских гор с прилегающими удельными деревнями, взамен которых были выделены земли и крестьяне из государственного ведения¹.

По вопросам борьбы с крестьянским движением в удельной деревне Департамент уделов был тесно связан с Министерством внутренних дел. Поэтому, «как правило, о каждом значительном случае волнений удельных крестьян имелись два дела: одно в Департаменте уделов, второе в Департаменте полиции исполнительной. Неоднократно «для успокоения» удельных крестьян отправлялись воинские команды, так подавлялось крупное волнение Опочецких крестьян Псковской губернии»². Кроме того, Департамент уделов неоднократно получал от Министерства внутренних дел различные распоряжения. Например, в 1826 г. ведомство получило циркуляр из МВД от Канцелярии Особенной по секретной части за № 880: Департамент должен был удостовериться, что все находящиеся на службе и отставные чиновники «ни к каким тайным обществам не будут принадлежать». Эти обязательства в письменном виде от каждого служащего Департамент должен был предоставить в МВД, а оно, в свою очередь, – императору. Такая проверка уже проводилась в ведомстве в 1822 г., но события 14 декабря 1825 г. заставили собрать такие сведения повторно³.

Высшие государственные учреждения – Государственный Совет, Комитет министров, Сенат – стояли над Департаментом уделов, и он должен был к ним обращаться за консультацией по тем вопросам, которые не мог

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

² См. подробнее Красникова, Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. Екатеринбург, 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 38–40об.

разрешить в рамках своих компетенций¹. Поэтому ряд проблем, связанных с правовым положением удельных крестьян и другими вопросами, решался в высших и центральных учреждениях России, которые в соответствии с полномочиями рассматривали отдельные стороны жизни всех категорий крестьян. В частности, в Комитете решались вопросы о недоимках удельных крестьян, о промыслах, о землеустройстве и землепользовании; рассматривались также прошения крестьян, поданные на имя царя и переданные им на рассмотрение Комитета.

Все тяжбные и уголовные дела об удельных крестьянах, согласно закону, рассматривались в Сенате. Причем дела об отчуждении из удельного ведомства крестьян, земли или другого имущества, а также межевые споры обязательно должны были исследоваться Сенатом. Поэтому дела о земельных тяжбах удельных крестьян с помещиками, церковнослужителями, однодворцами и т. п. из местных судебных органов, межевых контор и канцелярий вносились на ревизию в соответствующий департамент Сената и далее передавались на решение Комитета министров или Государственного Совета².

В пятом уголовном Департаменте Сената рассматривались судебные дела об участии удельных крестьян в волнениях и массовых порубках леса. Сенат принимал решения по общим узаконениям, которые требовали уточнений. В 1831 г. Сенат своим указом разрешил распространить решение, данное казенным крестьянам, «вступать по собственному желанию в рекруты за свои семейства», и на удельных³.

В Собственную Е.И.В. канцелярию попадали сведения об отдельных волнениях удельных крестьян и их прошения на имя царя, переданные лично

¹ Кудрявцева З. И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797-1863 гг.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX вв. Л., 1967. С. 184.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 19–22.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 110–110 об.

ему при проезде через какую-либо местность¹. Хозяйственная межведомственная переписка Департамента уделов с Канцелярией велась от случая к случаю, на основании резолюций императора. Так, в 1826 г. Николай I попросил передать древесину, заготовленную Департаментом для дворца императора, на строительство других зданий в Красном Селе, находившихся в ведении Собственной Е.И.В. канцелярии².

Департамент уделов находился в делопроизводственных отношениях с военным министерством. Это не только переписка по реализации мероприятий в отношении рекрутов, но и организация военных поселений в удельных селениях Новгородской губернии³. В том числе, была нормативно закреплена возможность Департамента уделов обратиться за помощью военных команд в случае крестьянских неповиновений. Так, в 1837 г. при объявлении казенным крестьянам Симбирской губернии Высочайшего указа о передаче их в удельное ведомство был командирован флигель-адъютант полковник граф Протасов «для присутствия с целью недопущения беспорядков»⁴. Делопроизводственная переписка между ведомствами содержала в себе и требования Департамента возместить причиненный военными ущерб в связи с проведением учений. Наиболее часто страдали территории Красного Села и Стрельны; неоднократно удельные крестьяне жаловались, что во время летних тренировок потоптали их поля с зерновыми и сенокосы⁵. Нужно отметить, что военные не оспаривали причиненный ущерб и выплачивали возмещение.

Делопроизводственные отношения Департамент уделов выстраивал и с учреждениями придворного управления Российской империи, которые с 1826 г. были объединены в Министерстве императорского двора. Так, с Кабинетом

¹ Кудрявцева З. И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797-1863 гг.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX - начала XX вв. Л., 1967. С. 184.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 26.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 24–25.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 44. Л. 18–18 об.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 106 об.

Его императорского Величества ведомство совместно владели Петергофской бумажной фабрикой, которая с 1828 г. перешла в полное владение Департамента уделов¹. До этого же времени Кабинет и Департамент переводили деньги и на похоронные мероприятия в Печальную комиссию. Со второй четверти XIX в., после включения обоих ведомств в Министерство императорского двора, «сношения», особенно по хозяйственными вопросам, становились более частыми.

Департамент уделов тесно взаимодействовал со Святейшим Синодом. Особенно это касалось вопросов окормления православного населения. Департамент поощрял строительство новых храмов, штат служителей которых определялся Синодом. Обер-прокурор Синода неоднократно обращался и с просьбами об оказании материальной помощи служителям храмов из средств удельного ведомства². Также под совместным контролем находились выявленные в удельных селениях приверженцы нехристианских конфессий, раскольники и сектанты³, о чем подробнее будет сказано в отдельном параграфе. Привлекали Синод в помощь при аккультурации населения присоединенных территорий. Так, чиновники Департамента уделов связывали бедность чувашей Симбирской губернии, включенных в состав удельных крестьян в 1830-е гг., низким уровнем нравственности у них. Чтобы вывести их из такого положения, были сделаны следующие распоряжения: «по недостаточному числу церквей, приступили к строительству 9 новых церквей с домами для священников»⁴.

В переписке нами выявлена характерная особенность межведомственного делопроизводства, которая прослеживается в массиве входящей и исходящей документации. В первой четверти XIX в. все спорные

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 29.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 86.

³ См. Красникова Ю.Н. Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой трети XIX века // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2011. Т. 29. № 3–4. С. 388–396.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

с другими ведомствами дела решались в плоскости общегосударственного нормативного регулирования. А вот во второй четверти XIX в., в связи с формированием собственной нормативно-правовой базы, резолюции по схожим делам в Департаменте уделов и в других учреждениях Российской империи могли различаться. Это приводило к уточнениям, комментариям и даже межведомственным перепалкам¹.

Если первоначально местные и центральные органы власти разъясняли уделам их компетенции и даже вмешивались в дела ведомства, то со второго десятилетия XIX в. уже Департамент разъяснял основные положения удельного законодательства и ограничивал вмешательство государственных структур во внутренние дела ведомства. Нередко интенсивная переписка между ведомствами завершалась только Высочайшей резолюцией. Анализ документальных потоков позволил нам оценить не только их интенсивность, но и позиционирование ведомства в структуре государственных учреждений Российской империи. Процесс развития Департамента уделов как высшего органа в системе управления Российской империи и прямая подотчётность высшему государственному лицу, наделенному неограниченными полномочиями, повлияло не только на содержание официальной переписки, но и на ее тональность. Ведомство чувствовало свою самостоятельность и защищенность.

К 1830 г. Департамент уделов определил задачей сократить внутреннюю переписку между структурными подразделениями удельного ведомства, чтобы оптимизировать документальные потоки². Если в Департаменте уделов в 1830 г. рапортовали о признаках «установления должного порядка» в «письмоводстве», что тоже было довольно условным выводом Департамента, то на местах делопроизводство только увеличивалось. В условиях

¹ Красникова Ю.Н. Специфика взаимодействия удельных и гражданских властей на местах (первая половина XIX века) // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII–начало XXI века). Сб. статей Всероссийской науч. конф. с международным участием (Оренбург, 30 октября–2 ноября 2012). Оренбург, 2012. С. 141–145.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 36–45.

централизации управления подведомственных учреждений деятельность контор и приказов нередко сводилась лишь к четкому реагированию на каждую бумагу «сверху» соответствующей, по всем правилам составленной бумагой. Так жили все губернские и уездные органы управления Российской империи, а самым ценным умением чиновника было грамотное письмо. «Оно состояло, - отмечал Веселовский, - преимущественно в умении «отписаться» ... в частности, после ревизии Пензенской губернии ... чиновникам пришлось «в течение полугода работать вдвое, потому что от многого надобно было отписываться»¹.

В 1832 г. общий объем входящей делопроизводственной переписки в удельных конторах составил 118 154 бумаг. Динамика входящей документации только увеличивалась, и в 1837 г. конторы получили 138376 различных бумаг². В 1835 г., согласно отчету чиновников, только за первые семь месяцев в Симбирскую удельную контору поступило 6838 дел, в Московскую – 4819, т. е. до 1000 официальных бумаг в месяц. Все входящие документы регистрировались в специальных журналах³.

В 1835 г. управляющим было разрешено вносить в журнал только наиболее важные по содержанию бумаги. Остальные «приводить в исполнение резолюциями, на входящих бумагах налагаемыми». Сокращение количества журналов, конечно, немного облегчило жизнь удельных контор. При этом на основании параграфа 59 за управляющими сохранялась ответственность «за неправильное течение дел по конторам»⁴.

Для того чтобы наглядно представлять оборот делопроизводства Департамента уделов на местах рассмотрим оборот бумаг только по одному крестьянскому делу в удельной деревне. Так, в 1810 г. управляющему Псковской удельной конторой из Вязовского сельского приказа пришла

¹ См.: Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. М., 2002. № 5. С. 41.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 22–36; Д. 46. Л. 25–41

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 44. Л. 115–115 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 44. Л. 115–115 об.

просьба крестьянина Федора Сергеева (65 лет). Он по слабости здоровья не в состоянии был содержать «на 3 с половиной души тягловой земли» и просил переселить ему в помощь двоюродного брата Анкудина Федорова «на свое тягло и землю с семейством его и малолетними детьми, тремя сыновьями и двумя дочерьми». На основании положительного мирского приговора контора начала процесс передачи крестьян. В марте ее чиновники, списавшись с министром уделов, издали приказ о переселении, на основании его были разосланы официальные бумаги в Вязовский удельный приказ и в Псковскую казенную палату. В свою очередь, отписались обратно Псковская удельная палата, Вязовский удельный сельский приказ и Псковская казённая палата о причислении крестьянина. Сам процесс принятия решения о переселении занял 3 месяца. И, казалось, дело завершено, но «по нежеланию с обеих сторон к тому переселению остается он Федоров в прежней своей деревни». Начался новый круг делопроизводственной переписки¹. В итоге только по одному этому делу удельному ведомству пришлось составить несколько десятков деловых бумаг.

Итак, изменения в порядке делопроизводства в изучаемый нами период коснулись всех государственных учреждений Российской империи. Переменам подверглись: форма деловых бумаг, упростился делопроизводственный язык и др. Все документы проходили путь межведомственных согласований в строгом соответствии со сложившейся вертикалью движения бумаг. Государственные учреждения и ведомства Российской империи были перегружены объемом документооборота и пытались найти пути его оптимизации. Так, Департамент уделов во второй четверти XIX в. разделил документальные потоки между министром и его помощником (первым товарищем).

Эффективность работы органов управления оценивалась количеством входящей и исходящей документации, что периодически отражалось в

¹ ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–14.

отчетах. Качественное и своевременное делопроизводство обеспечивалось штатом делопроизводителей. Если сам Департамент уделов не испытывал сложностей с замещением таких должностей, то региональные, а особенно, местные органы власти находились в постоянном поиске писцов на вакантные места.

Сложность изучения эволюции делопроизводства в первой половине XIX в. связана с тем, что ряд изменений отражался и в общегосударственных нормативно-правовых актах, и в локальных документах, выявление которых достаточно затруднительно. В ходе исследования нами были выявлены общие специфические черты эволюции делопроизводства в удельном ведомстве.

Департамент уделов был включен в структуру органов государственного управления в Российской империи, но сохранял свой особый правовой статус. Это было связано с предметами его деятельности и закрытым характером внутреннего бюджета. По форме бумаг Департамент придерживался общих формуляров, структуры составления бумаг и прочее. Существенные изменения в межведомственной переписке были связаны с постепенным выведением из компетенции других органов власти Российской империи руководства удельным хозяйством. Во второй четверти XIX в. было окончательно закреплено исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору.

Общий объем документооборота Департамента уделов в изучаемый нами период увеличился. На это были и объективные причины, т. к. существенно увеличилось само удельное хозяйство и расширилась сфера его деятельности. С другой стороны, Департамент уделов не смог избежать тех негативных черт, которыми болела вся система государственных учреждений в Российской империи.

В целом можно сказать, что постепенно сокращалась интенсивность межведомственной документации. Департамент уделов, все больше отделявшийся от общегосударственного регулирования, позиционировал себя

как коронное учреждение, имевшее закрытый характер. Со второй четверти XIX в. изменилась тональность распоряжений и взаимодействий с государственными учреждениями Российской империи. А вот внутренний поток документов нарастал. По нашему мнению, изменения в сторону уменьшения документации в большей степени затронули центральные органы управления. Местные удельные органы власти были вынуждены вести пространную внутриведомственную переписку.

2.7. Проблема коррупции в удельных имениях и мероприятия Департамента уделов по ее преодолению

Феномен коррупции настолько сложный и многоаспектный, что требует самого тщательного изучения и междисциплинарного подхода. Историческая наука исходит из того, что в России коррупционные механизмы были отлажены многолетней практикой и являлись в большей степени социокультурным феноменом¹. Л.Ф. Писарькова в своем исследовании приводит размышления П. Каблукова, относящиеся к середине XIX в., о том, что в России взятка далеко не всегда являлась преступлением, так как она «освящена обычаем и терпима правительством»². Интересно, что Николай I, который, по мнению Л.В. Выскочкова, вел отчаянную борьбу со злоупотреблениями, все-таки признавал невозможность искоренения воровства чиновников, «заметив как-то наследнику Александру, что только они вдвоем и не воруют»³.

Если исходить из юридического аспекта проблемы коррупции, то долгое время «уголовно-правовой термин «взяточничество» не был знаком русскому

¹ Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества URL: // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/golos_fen.php (дата обращения: 12.03.2014). Режим доступа: свободный.

² Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33-49.

³ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 139.

законодательству XVIII в.»¹. Оно если и регулировалось, то только в отношении судей и судебной системы. Государственная служба, долгое время содержавшаяся за счет системы кормлений, под внимание законодателя не попадала. Да и интерпретация лихоимства в правоприменительной практике была довольно вольная, т. к. точных правовых формулировок в законе не было вплоть до середины XIX в.² Это в том числе создавало почву для злоупотреблений должностными лицами.

Только с начала XVIII в. взятка стала рассматриваться как публичное преступление, наносящее вред интересам государства. Можно констатировать, что «именно в законодательстве Петра I сложилась сложная юридическая конструкция взятки, включавшая три элемента: незаконное получение денег; нарушение служебного долга и совершение вследствие получения взятки какого-либо преступления»³. С целью контроля и надзора за государственными служащими император создал институты фискалитета и прокуратуры. Усилила прокурорский надзор Екатерина II. Прокуратура должна была следить не только за законностью принятия решений, но и за дисциплиной в органах исполнительной и судебной власти. Кроме того, ей вменялось в обязанность защищать права и законные интересы подданных Российского государства; надзирать за местами лишения свободы и защитой лиц, которые отбывали наказание; противодействовать коррупции и взяточничеству. По мнению ряда исследователей, обладая такими широкими полномочиями, «прокуратура того времени приобрела функции органа государственного управления»⁴. Во время правления Александра I надзор был передан в ведение Министерства юстиции. Несмотря на институциональное

¹ Барциц И.Н., Краковский К.П. Антикрупционный законодательство России в XVIII – XIX вв. // Союз криминалистов и криминологов. М., 2020. № 3. С. 118

² См.: Барциц И.Н., Краковский К.П. Антикрупционный законодательство России в XVIII – XIX вв. // Союз криминалистов и криминологов. М., 2020. № 3. С. 123

³ Там же. С. 119

⁴ Поляков М.М. История противодействия коррупции органами прокуратуры в государственном управлении дореволюционной России XVIII – начала XIX в. // Актуальные проблемы Российского права. № 6 (91). М., 2018. С. 16

оформление мер по борьбе с коррупцией, нормативно все так же преобладали размытые формулировки.

Юридическое оформление коррупционных преступлений приобрело более системную форму после кодификации законов 1832 г. Согласимся с Н.М. Корнеевой, считающей, что «в классификации преступлений по Своду законов преступления чиновников по службе заняли четвертое место после преступлений против веры, государственных преступлений и преступлений против правительства»¹. Наказание зависело от степени правонарушения – от отправки в армию или на поселение до каторжных работ. Все податные сословия до отправки в ссылку наказывались кнутом. Но в Своде законов отдельно оговаривалась ответственность удельных приказных голов и сельских старшин, которые за взятки и всякое лихоимство отдавались немедленно в рекруты, а случае неспособности к военной службе отсылались в крепостные рабочие команды². Нормативно закреплялось и более суровое наказание для чиновников удельного ведомства, уличенных во взяточничестве. Законодатель считал, что это сократит количество желающих нажиться на императорском бюджете. Служащие Департамента уделов должны были показывать образец честного поведения, а назначение более суровой санкции было для них определенным сдерживающим фактором.

В Своде законов в главе VI «О лихоимстве» разводились понятия мздоимства и лихоимства. Оба обозначали виды взяточательства: «мздоимство означало получение «подарка» (в чем бы он ни состоял), сделанного, чтобы побудить чиновника совершить действия в пределах круга его обязанностей; под лихоимством понималось получение чиновником подарка за совершение действий, которые нарушали бы его служебные

¹ Корнева Н.М. Ответственность за взяточничество по уголовно-материальному праву России XIX – начала XX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 5. СПб., 2011. С. 111.

² Там же. С. 112.

обязанности, выходили бы за круг его полномочий»¹. Юридическим новшеством было и то, что в законе устанавливались обоюдная ответственность как взяткодателя, так и взяточника, а также третьих лиц, содействовавших взяточничеству.

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором дела о превышении должностных полномочий относили к преступлениям. «Взяточничество понималось законодателем как подкуп и признавалось наказуемым лишь при последующем «ослаблении закона». То есть, принятие подарков в качестве вознаграждения, за уже оказанные услуги, независимо от их характера, не считалось преступным»². Но любые подарки до решения по делу признавались взятками и являлись преступлением.

Предложения по борьбе с коррупцией поступали не только от официальных государственных структур, но и в виде частных инициатив дворянства. Например, в фонде канцелярии Н.Н. Новосильцова сохранился интересный проект начала XIX в., предложенный Сергеем Шкуриным, дворянином, бывшим военным. Он 12 лет отработал уездным судьей и уездным предводителем, поэтому предложил свой вариант по борьбе с коррупцией в судебных органах власти. В ответ на указ от 18 ноября 1802 г. «Об искоренении лихоимства» автор предлагал создать третейский суд, т. е. определить независимых предводителей от дворянства, которые могли бы осуществлять контроль над уездными судами. С. Шкурин предложил, чтобы «разгрузить суды, дела между дворянами решать при 2–3 посредниках от дворянства. Если решение третейского суда не удовлетворит, то тогда только дело переходит в уездный суд»³.

¹ Барциц И.Н., Краковский К.П. Антикоррупционное законодательство России в XVIII – XIX вв. // Союз криминалистов и криминологов. М., 2020. № 3. С. 125.

² Корнева Н.М. Ответственность за взяточничество по уголовно-материальному праву России XIX – начала XX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 5. СПб., 2011. С. 112

³ РГИА. Ф.14. Оп. 1. Д. 17. 1801–1807. Л. 9–24

При изучении проблем коррупции мы не должны сосредотачивать внимание только на системных проблемах, коррупционное поведение – это личностная характеристика. Именно человек является главным актором противоправного действия. Система лишь создает условия для такого поведения. С точки зрения психологии, «коррупционное поведение не столько детерминируется внешними обстоятельствами, сколько зависит от внутренних детерминант: комплекса определенных качеств личности, ее установок, ценностных ориентаций и морально-нравственных норм регуляции поведения и т. п.»¹. Так, с введением жалования для государственных служащих при Петре I самим чиновникам трудно было отказаться от сложившихся взглядов на службу как источник доходов. Конечно, нельзя исключать и обычное право, которое также регулировало отношения между людьми. В массовом сознании осуждались не сами по себе акты коррупции, а лишь неимоверно большие суммы взяток, тем более, когда их размер был «непропорционален» должностному положению. «Для России существует традиционное разделение законного и справедливого. У части населения существует понимание закона как нечто приходящего извне, навязанного государством, исполнение которого необязательно. В то же время справедливость существеннее, потому что это порождение общепринятой морали»². В обычном праве понятие взятки и благодарности нивелировалась, «взятка воспринималась как средство против волокиты. Она не считалась простыми людьми преступлением»³.

И последнее, – по мнению Элизабет Энском, в теории морали невозможно даже начать объяснять, чем плохи несправедливый человек или несправедливое действие. Кроме того, моральные воззрения не носят

¹ Камнева Е. В., Анненкова Н. В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. М., 2013 № 4 (12). С. 68.

² Камнева Е. В., Анненкова Н. В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. М., 2013 № 4 (12). С. 70.

³ Барциц И.Н., Краковский К.П. Антикоррупционное законодательство России в XVIII – XIX вв. // Союз криминалистов и криминологов. М., 2020. № 3. С. 118.

универсальный характер, поскольку в основе лежат принципиальные культурные различия. Особенности менталитета не позволяют оценить сущность конкретной этической дилеммы, а значит и реакция человека на аналогичную этическую дилемму будет разная¹. Соответственно мы не можем исключать влияния ментальности и сложившейся традиции на оценку действий или поступков. Например, в традиции российских общественных структур до сих пор распространено «покрывать» провинившихся, более того, это считается этичным и правильным.

Феномен коррупции – сложное многоплановое явление. Его нельзя изучать только с точки зрения системных и правовых аспектов. Проблема коррупции относится к поведенческим установкам конкретного человека, поэтому следует сочетать правовые и неправовые методы регулирования. И те, и другие имели целью главным образом поддержание сложносоставных моделей поведения человека².

Удельное ведомство, несмотря на пристальное внимание со стороны императора, все же не избежало случаев злоупотребления. Чиновники Департамента уделов – это государственные служащие старой формации, которые привнесли в систему управления те же проблемы, которыми болела вся система государственного управления Российской империи. Особенностью стало лишь то, что Департамент уделов в борьбе со взяточничеством опирался не только на общегосударственные правовые акты, но и сформировал собственную нормативную базу из локальных актов.

Уже в 1802 г. в делопроизводственных документах Департамента уделов нашли отражение случаи выявления злоупотреблений. Тайный советник Бакунин попался на растрате сумм Практической школы земледелия, учрежденной уделами в 1799 г. В качестве наказания чиновник был уволен с

¹ Gertrude Elizabeth Margaret Anscombe «Modern Moral Philosophy» // Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy. Vol. XXXIII. No. 124 (1958). P. 1–19.

² Krasnikova Y.N. Russian Leadership and the Cultural Challenges of Corruption // Challenges of moral leadership. Peeters leuven – paris – bristol, ct 2016. P. 151–161.

выплатой штрафа чуть более 579 руб. асс.¹ В этом же году было заведено уголовное дело о незаконных сборах с крестьян в Смоленской губернии. Тогда приказные власти совместно с чиновниками удельной экспедиции распродали хлеб, который должен был поступить в запасные магазины².

В 1803 г. в штат Департамента уделов были введены «особые чиновники в звании ревизоров»³. Компетенции ревизоров определялись внутренней инструкцией. Они были обязаны выезжать в учреждения, подведомственные Департаменту уделов, и ежегодно проводить сверку всех бухгалтерских документов и денежных отчетов. За ревизором закреплялось право определять санкции для виновников. Жалование ревизорам было назначено довольно высокое – 1200 руб. асс. в год, что свидетельствовало об их важной для уделов миссии⁴. В 1810 г. в канцелярии Департамента уделов был учрежден «стол для ревизии счетов по удельному ведомству»⁵, – соответственно, делопроизводство по их части велось отдельно.

Чиновники-ревизоры сразу приступили к своим обязанностям: с 1803 г. в уделах проводились постоянные инспекции. Иногда ревизоры объезжали имения выборочно, но все чаще ездили для проверки поступивших в Департамент или на Высочайшее имя крестьянских жалоб на злоупотребления местных властей. По окончании проверки они отправляли в Петербург подробные отчеты.

Возможность появления коррупционной составляющей была заложена несовершенством как общегосударственного, так и удельного законодательства. Речь идет, в частности, о сборах с крестьян денег на оплату жалования выборных в органах местного самоуправления. Законодатель не определил точную сумму содержания, что давало простор для злоупотреблений. Так, казённые старосты, которые собирали подати,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 21

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1. СПб, 1902. С. 44–46.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1802–1803. Т. XXVII. СПб, 1830. № 20756. С. 598

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 13. Л. 6

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 22. Л. 84

составляли отчеты по полученным суммам, смотрели за имуществом, сами определяли себе размер жалования. И только с 1802 г. оно было закреплено нормативно и составило 15 руб. в год. Ранее выданное было решено не взыскивать¹. Также жалование не было определено землемерам и командированным чиновникам. Размер жалования землемеров, проводивших работы по размежеванию удельных земель, был определен только в 1827 г., до этого они содержались за счет крестьян по решению сельских начальников. Губернские и уездные землемеры стали получать по 2 руб. в день, их помощники – по 1 руб. 50 коп.² Эти деньги собирали с жителей того селения, где проводилось межевание, и фиксировались в «мировом приговоре», который хранился в удельной конторе³. Командированные удельные чиновники, которые находились в качестве депутатов на следственных мероприятиях, касавшихся удельных крестьян или удельной собственности, порционные деньги в четко определенном размере получили лишь в 1828 г.⁴. До этого сумма командировочных денег определялась чиновниками самостоятельно, со всеми вытекающими последствиями.

Самыми активными борцами с коррупцией были именно крестьяне. Последние исследования, детальный анализ комплекса обычно-правовых норм, определявших жизнь русской деревни, позволили сделать вывод о достаточно высоком уровне правового сознания крестьян⁵. В данном контексте важно уделять внимание проблемам понимания крестьянством окружающего мира и своей роли в нем. При этом крестьянство все чаще оценивается как активный участник истории⁶. Мы можем говорить о наличии в крестьянской среде гражданского самосознания и гражданских качеств,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 10

² При этом применили положение о производстве порционных денег, выдаваемых офицерам квартирмейстерской части.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 74–75.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 34–34 об.

⁵ Алборова, А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: автореф. дисс. ... канд. юрид. н. Новгород, 2007. С. 3

⁶ Уварова Н.А. Новые тенденции изучения крестьянства России конца XIX - начала XX вв. в зарубежной историографии http://vestnik.uspu.org/releases/novye_issledovaniy/13_10/

которые проявлялись, в частности, в борьбе с социальной несправедливостью. Крестьяне не желали мириться с произволом и обращались с жалобами на местное начальство. Как мы сказали выше, именно крестьянские жалобы привлекали внимание проверяющих органов. Инициаторами выступали наиболее активные представители сельского общества. Они передавали просьбы на Высочайшее имя через ревизоров во время их инспекций, отправляли их в Санкт-Петербург через поверенных от крестьян или ходоков. Некоторым удавалось передать просьбу лично в руки императору, например, в Царскосельском саду¹. Они жаловались на злоупотребления, особенно на взяточничество, растраты, лишние поборы, спекулятивные сделки при сдаче в аренду оброчных статей, обман при найме на работу и др.² Интересно, что большинство расследований по злоупотреблениям в удельной деревне было вскрыто по инициативе крестьянского мира. Крестьянская община содержала грамотного человека, который мог составить жалобу и при надобности представлять интересы мира. Таких крестьян-активистов местное начальство недолюбливало, и даже если после следствия порядок восстанавливался, активистов продолжали притеснять³. Традиция подачи крестьянами прошений на имя царя, министров и других высокопоставленных лиц существовала на всем протяжении российской истории. Многие просьбы, которые передавали крестьяне, вполне могли быть удовлетворены местными чиновниками. Но бюрократическая волокита не всегда позволяла оперативно отреагировать на обращения. Это свидетельствовало о неповоротливости системы принятия решений. Впрочем, крестьянская община проявляла упорство в борьбе со злоупотреблениями.

¹ См. подробнее Красникова Ю.Н. «По прошениям, подаваемым лично Государю Императору разными людьми в городе Царском Селе в 1821, 1822, 1823 гг.» // 300 лет Царскому Селу. Сб. научных статей. СПб., Пушкин, 2010. С. 14–23.

² Красникова Ю.Н. Почему крестьяне к царю в столицу ходили? (К истории хождения в Российской империи в первой четверти XIX века) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 109–115.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–37 об.

Близость к столице далеко не всегда изменяла положение в лучшую для сельчан сторону. В 1817 г. крестьяне Царскосельского уезда пожаловались на местных чиновников. В числе обвинений фигурировали несправедливая отдача в рекруты и сбор с крестьян дополнительных налогов¹.

В отдельную категорию можно выделить дела о договорах, в которых удельные власти выступали в качестве подрядчиков: они заставляли крестьян брать на себя работы по явно завышенной цене, например, на перевозку почты². Также среди дел о коррупции в удельных имениях есть дела о «пропаже» крестьянских денег.³

В.А. Мякотин в своем исследовании приводил вопиющий случай злоупотребления должностными полномочиями со стороны властей, который мы привели в нашей монографии. Конфликт сводился вот к чему. Председатель земского суда Батюшков завел дело против удельной крестьянки Анны Васильевой о фальшивомонетчестве. Хотя сама крестьянка пояснила во время расследования, что получила «сомнительный» серебряный рубль на ярмарке от незнакомого человека. Но при обыске нашли еще один рубль, похожий на первый, что, по мнению Батюшкова, доказывало вину Васильевой. «Ее арестовали, били, с цепью на шее посадили в холодной бане на стул, где она просидела шесть недель. Четыре дня ее вообще не кормили. Женщина была в положении и, находясь в кандалах, родила мальчика, вскоре умершего. Все следственные мероприятия в отношении удельной крестьянки проводились без удельных стряпчих, что являлось нарушением закона. Департамент уделов провел собственное расследование и выяснил, что рубль, найденный у крестьянки, был настоящий. Оказалось, она стала жертвой местного удельного начальника, который ее изнасиловал и для сокрытия этого факта договорился с председателем земского суда о фабрикации дела.

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 122. Л. 477–550 об.

² Мякотин В.А. Крестьянское самоуправление в удельных имениях. // Русское богатство. 1903. № 6. С. 51–93.

³ РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 178. Л. 1–7 об., 15–19 об.

Председатель земского суда был уволен и обязан заплатить крестьянке деньги за причиненный вред. Удельного чиновника предали суду»¹.

Особенно «прибыльными» для начальства были рекрутские наборы. Рекрутчина определялась сложной системой очередности, о чем мы скажем ниже. Для составления рекрутских списков брались ревизские сказки, в которых содержались сведения о семьях. Первыми в очередь записывали семьи с наибольшим числом ревизских душ. За составление рекрутских книг в удельной деревне отвечали крестьянская община и волостное правление; за ревизские сказки – чиновники Казенной палаты. Как отмечает Ф.А. Некрашевич, «если человек хотел избежать военной службы, он мог подкупить должностных лиц, готовых изменить очередность в рекрутских книгах. Например, одна большая семья, состоящая из шести ревизских душ, с помощью фальсификаций в ревизских сказках и рекрутских книгах могла превратиться в три небольшие семьи с двумя ревизскими душами»². Подкупить членов рекрутского присутствия, которые проводили освидетельствование рекрута, было сложнее, т. к. решение о его пригодности к военной службе принималось коллегиально. Но были случаи подкупа врача, который делал медицинский осмотр; его заключение имело решающее значение.

В 1817 г. на имя Марии Фёдоровны поступила жалоба от крестьян Красносельского приказа Санкт-Петербургской губернии. Они ходатайствовали о возбуждении расследования в отношении приказного головы П. Алексева. Крестьяне жаловались, что голова нарушает очередность в определении их сыновей в рекруты, доводит крестьянские семьи до

¹ Красникова, Ю.Н. Удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений». СПб: СПбГАУ, 2014. С. 48; Мякотин В.А. Крестьянское самоуправление в удельных имениях. // Русское богатство. 1903. № 6. С. 81–82.

² Некрашевич Ф.А. Проявление коррупции при проведении рекрутских наборов в Белорусских губерниях Российской империи (1831-1856) // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. Барановичи, 2021. № 1–2 (9–10). С. 54–58.

«крайнего уничтожения» и в период с 1814 по 1817 гг. получил с крестьян 23 тыс. руб. взяток и т. п. Жалоба крестьян осталась «без последствий», никакого распоряжения о проведении следствия отдано не было. В ответ крестьяне отказались платить оброк и «вышли из повиновения своим властям». К ним направили военную команду в составе 45 человек и чиновников для особых поручений, которым было поручено «навести ... порядок» и провести расследование обстоятельств неповиновения. В результате были собраны доказательства вины Алексеева, после чего его сместили с должности, а «зачинщики волнений» были подвергнуты публичной порке розгами¹.

В 1816 г. в Бурегском приказе Новгородской удельной конторы началось стихийное восстание, первоначально связанное с выборами приказных властей, о чем мы рассказывали выше. В приказ были отправлены военные команды с целью ареста зачинщиков неповиновения. По почте и через доверенных лиц крестьяне сумели передать Александру I, министру Департамента уделов Д.А. Гурьеву и новгородскому губернатору жалобы на притеснения со стороны новгородских удельных чиновников, обвиняя их в лишних сборах денег, сдаче крестьян вне очереди в рекруты, рукоприкладстве и т. п. В приказ приехали два чиновника по особым поручениям для проведения следственных мероприятий. Они констатировали, что вскрыты «чудовищные злоупотребления приказных голов... и всех вообще удельных чиновников Новгородской губернии». После начала судебного процесса по делу новгородских чиновников волнение крестьян в Бурегском приказе пошло на убыль².

Чтобы предотвратить злоупотребления в удельных имениях, периодически туда отправлялись ревизоры. На местах им приходилось сталкиваться с сопротивлением местных чиновников, препятствующих расследованию³. В архивных документах встречаются указания на избиения

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 28. Л. 1–46. См. также Горланов Л.Р. Крестьянское движение в удельной деревне ... С. 117.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 18. Д. 38. Л. 1–751.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 138–139.

членов следственных групп. Приведем факт. В 1810 г. в Департамент поступила жалоба от крестьян Воронежской удельной конторы на исправника Бобровского уезда Безсонова. Крестьяне свидетельствовали, что чиновник назначал им в наряд «излишние» подводы, несправедливо собирал деньги и др. Проводившие расследование стряпчий и управляющий удельной конторой Холодович были избиты неизвестными¹.

Местные власти, уличенные в коррупции, всячески препятствовали передаче сведений в Петербург. Так, удельный крестьянин Новгородской губернии Петропавловского приказа деревни Колбиной Василий Герасимов, договорившись с местным выборным Тарасом Шубниковым, самовольно захватил землю своего соседа крестьянина Еремея Иванова и построил на ней овин. Иванов написал жалобу в удельную экспедицию и отдал ее для отправления в Петербург. Шубников, узнав о жалобе, передал взятку в размере 25 руб. секретарю Санкт-Петербургской удельной экспедиции Елдусову, чтобы тот не давал хода этому делу. Тем не менее жалоба попала в Департамент и в 1806 г. состоялось расследование, по итогам которого было решено Елдусова уволить. Тарасу Шубникову сделали предупреждение, чтобы он «не дерзал чинить какое-либо притеснение, или обиду» крестьянину Еремею Иванову за то, что тот написал на него жалобу. А в наказание за взятку государственному служащему было решено сжечь при нем 25 рублевую ассигнацию. Захваченную землю Герасимов должен был вернуть, или по договоренности с Ивановым откупиться деньгами за нее².

Самое крупное дело о злоупотреблениях было зафиксировано недалеко от столицы, на Петергофской бумажной фабрике. Ее директор Вистингаузен обвинялся в расхищении удельного имущества на сумму 1448092 рубля асс.³ В 1828 г. на основании анонимной информации императором был разрешен обыск подвод, следовавших в Ревель, с якобы личным имуществом директора:

¹ РГИА. Ф.515. Оп. 1. Д. 22. Л. 56–59 об.; Д. 23. Л. 4–7.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 18. Л. 13–14.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–15.

10 подвод с бумагой, медными и железными вещами; подводы сопровождали двое казенных мастеровых¹. Обнаруженные вещи оказались собственностью фабрики, что вызвало, в свою очередь, полномасштабную проверку на Петергофской бумажной фабрике. Дело о таких больших хищениях разбиралось на самом высоком уровне, в Сенате. Обвинительный приговор в отношении Вистингаузена накладывал арест на все его имущество с целью покрытия убытков, доставленных удельному бюджету. На это Вистингаузен передал на Высочайшее имя записку, в которой обвинил чиновников в клевете, попросил снять арест с имущества, обвинил Департамент уделов в отказе выдать ему копии расчетов убытков, требуя проведения нового следствия по делу, очной ставки в присутствии его, доносчика и тех лиц, которые якобы покупали эти вещи. Министр уделов, в свою очередь, обвинил бывшего директора в затягивании дела по уплате убытков. Император поддержал министра уделов и приказал не принимать возражений от бывшего директора фабрики, а имущество оставить под арестом².

Особняком стояли злоупотребления чиновников в отношении тех категорий сельского населения, которые подлежали особому регулированию. Как мы уже говорили выше, представители неправославного населения не могли избираться на выборные должности и исполнять ряд повинностей, в частности, караульную, квартирную. Они были вынуждены нанимать вместо себя православных, которые, пользуясь обстоятельствами, просили высокую оплату за свои услуги. Ситуация усугублялась в тех деревнях, где раскольники составляли большинство, а православных были единицы³.

Департамент уделов в борьбе против злоупотреблений, кроме усиления контроля, применял методы поощрения и материального стимулирования «честных» управленцев⁴. Удельные чиновники «за усердную службу» могли получить кафтан, часы, серебряную или золотую медаль на владимирской

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 174–174 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–15.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 573.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5–38.

ленте, денежные премии, размер которых зависел от ранга и статуса чиновника. Для этого ежегодно из бюджета удельных сумм выделялось 10000 руб. асс.; с 1809 г. – 19700 руб.¹ В эту сумму входили расходы на награды и пенсии для удельных чиновников и их семей.

Между тем в документах мы неоднократно встречаем факты лишения чиновников уже полученных наград в результате расследования дел о коррупции. О масштабах коррупции в удельных имениях можно судить, например, по отчету Департамента уделов за 1827 г. После ревизии 15 удельных имений 13 управляющих были «сменены» за злоупотребления². По отчету за 1829 г., когда было осмотрено 11 имений, последовало еще 2 увольнения³.

Крестьянское общество зависело не только от удельных властей, но и от губернских чиновников. Соответственно, в документах встречаются указания на случаи превышения последними должностных полномочий. Например, крестьяне жаловались, что земские суды, представители которых разъезжают по уезду с разными нарядами от губернского правления, притесняли их. В документе читаем: «Если шапки не снял, ниже не поклонился, невежливо отвечивал, не взирая на простоту деревенских жителей, подпадают уже под наказание и избавляется от оногo если не более чегo другогo, то несколькими земными поклонами»⁴. Избегнуть наказания можно было и с помощью взятки.

Итак, проблема коррупции в удельной деревне оставалась актуальной на протяжении всего изучаемого нами периода. Это коррупционное поведение провоцировалось как несовершенством удельного законодательства, так и противоправным поведением самих служащих. Круговая порука чиновников всех уровней затрудняла обнаружение и расследование злоупотреблений. Накопившееся недовольство крестьян находило выражение в массовом

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.; Д. 5. Л. 10.; Д. 8. Л. 19.; Д. 11. Л. 131.; Д. 11. Л. 132.; Д. 16. Л. 3а–4.; Д. 16. Л. 128–129.; Д. 17. Л. 51.; Д. 19. Л. 37; Д. 20. Л. 52.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 70–77 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 47–58 об.

⁴ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 17. Л. 9–24.

неповиновении, когда для стабилизации ситуации приходилось прибегать к помощи военных команд. Департаментом уделов были предприняты шаги по борьбе с коррупцией. Так, в 1803 г. была учреждена должность ревизора, в функции которого входила проверка удельных имений и выявление злоупотреблений. При обнаружении случаев незаконного использования властных полномочий местные чиновники старались договориться с ревизором, а с принципиальными контролерами использовали и более радикальные методы: запугивание, побои и угрозы жизни. Департамент уделов разработал и мероприятия по профилактике коррупционных преступлений, введя поощрения для служащих ведомства¹.

Выводы ко второй главе.

Уже с начала XVIII в. обозначилась тенденция к разграничению финансов на государственные и личные средства, хотя законодательно и организационно она оформилась только в конце столетия. «Учреждением об императорской фамилии» вводилась принципиально новая схема содержания представителей царствующей династии. Члены правящего дома, отдаленные от престола, получали содержание из бюджета Департамента уделов в строгом соответствии со специальной ведомостью. Для формирования удельного бюджета передавались государственные имущества, а именно дворцовые имения и приписанные к ним крестьяне.

Кроме того, Павел I задумал на указанных территориях создать образцовое хозяйство, где можно было опробовать не только современную агрокультуру, но проекты по эффективному управлению территориями и крестьянами. Удельное хозяйство становилось своеобразной экспериментальной площадкой для реализации различных экономических и административных проектов. Наиболее успешные из них потом были масштабированы в общегосударственные мероприятия.

¹ Красникова, Ю.Н. Коррупция в Департаменте уделов и борьба с ней в первое 30-е XIX века // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2010. С. 65–66.

Для реализации поставленных целей была образована иерархическая структура администрирования. Перед удельными властями ставилась вполне конкретная задача «извлекать наибольшую выгоду из этих имений»¹. В то же время подразумевалось не просто выкачивание средств из деревни и обременение подведомственных крестьян налогами, а создание современной и эффективной системы хозяйства, которая могла бы стать образцом для других хозяйственных структур Российской империи.

Для реализации хозяйственных функций в отношении полученного имущества, включая крестьян, требовалась отлаженная и эффективная система управления. В изучаемый нами период управление в удельной деревне включало в себя три уровня.

Центральными органами управления удельными имениями являлись Департамент уделов и канцелярия. Департамент постепенно обособлялся от государственных учреждений Российской империи и выводился из-под их контроля, т. к. не имел общегосударственного значения. Возглавлял Департамент уделов министр, должность которого вводилась на основании «Учреждения об императорской фамилии». Но само министерство так и не было создано, а Департамент в 1826 г. стал структурной частью Министерства императорского двора и уделов. Министр Департамента уделов был подотчетен только императору. Министры уделов пользовались особым доверием, а часто и личной дружбой императора, и в силу этого могли эффективно влиять на политику внутри ведомства, частично устранившись от общегосударственных проблем.

В прямом подчинении министра находились его заместители (товарищи). Первоначально их компетенции были незначительными. Во второй четверти XIX в. на основании внутренних локальных нормативно-правовых актов первый товарищ министра получил существенные исполнительные полномочия. Его сделали ответственным за работу

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 125.; Там же. Оп. 56. Д. 1–21.

Департамента уделов и за состояние денежных средств. Вице-президент Департамента уделов в отсутствие министра фактически становился руководителем ведомства. Повышение статуса первого товарища министра было связано не только с необходимостью расширения функциональных обязанностей, но и с личными мотивами императора Николая I, который окончательно обособил Департамент уделов от механизмов внешнего управления.

Основные полномочия центрального органа власти заключались в формировании удельного бюджета; выдаче денежных сумм членам императорской семьи в определенных размерах, согласно расписанию; проработке мероприятий по повышению доходности имений и др. Стиль управления ведомством в результате проведенной административной реформы 1808 г. со стороны Департамента стал более жестким, что проявилось, в частности, в росте объемов административных распоряжений и инструкций, направлявшихся в регионы. Это было связано с необходимостью унификации приемов управления разбросанными по огромной территории удельными имениями. Объясняется это и потребностью утверждения на практике нового статуса региональных органов удельного управления, выведенных с 1808 г. из подчинения губернаторам, губернским прокурорам и Казенным палатам. Это привело к увеличению внутреннего документооборота в удельном ведомстве.

Следующий уровень был представлен региональными органами управления – удельными экспедициями, а после реформы 1808 г. – конторами. Их главной задачей являлась организация хозяйственного управления удельным имением, обеспечение порядка в удельных селениях, прежде всего, в вопросах сбора податей. Эволюция отношений между губернскими и удельными властями в изучаемый нами период определялась процессом принятия отдельных нормативных правовых актов; она характеризовалась более детальной регламентацией межведомственных отношений и разграничением сфер компетенции.

Департамент уделов и подчинённые ему структуры постепенно нормативно обособлялись от государственных учреждений Российской империи и достигли к середине 1830-х гг. практически полной автономии. С этого времени все хозяйственные распоряжения регулировались внутренним законодательством и нормативно-правовыми актами, исходившими напрямую от императора. Чем больше Департамент уделов отделялся от общегосударственного ведения, тем больше расширялась внутренняя система нормативно-правовых актов.

Изучив эволюцию отношений между губернскими и удельными властями, автор пришел к выводу о том, что в изучаемый нами период за губернскими властями фактически сохранялись лишь функции надзора. Принимать решения в отношении удельного имущества им позволялось только с согласования с уполномоченным от Департамента уделов лицом.

Нижним звеном системы управления удельными имениями по закону 1797 г. стали сельские удельные приказы, являвшиеся важным институтом крестьянского самоуправления. Состав приказов формировался на выборной основе. Департамент уделов и экспедиции сохраняли в отношении сельских удельных приказов функции вышестоящих административных органов, но на основании «Учреждения...» не могли напрямую вмешиваться во внутренний порядок сельского удельного управления и отдавать распоряжения непосредственно сельскому обществу. На первых порах эти нормы удельного законодательства считались условными. Позже это право удельных властей было закреплено законодательно, в 1808 г. сельских приказных выборных в административном управлении подчинили конторам. Нормативно-правовому регулированию были подвергнуты все основные элементы крестьянского самоуправления. Во второй четверти XIX в. право крестьян на самоуправление, предусмотренное законом 1797 г., было ограничено.

Все чиновники Департамента уделов и контор состояли на государственной службе и подчинялись общим узаконениям. Главным отличием от прочих гражданских и военных чиновников было то, что

содержание штата и финансирование всех расходов по управлению ведомством осуществлялись не из государственной казны, а из обособленного от нее удельного бюджета.

Перед Департаментом уделов и местными удельными властями была поставлена вполне конкретная задача: достижение устойчивости финансирования членов императорской фамилии. В период формирования удельного бюджета рост его доходов обеспечивался, главным образом, за счет безвозмездной передачи ведомству различного имущества и наличия первоначального капитала. В дальнейшем основным экономическим ресурсом, вплоть до отмены крепостного права, являлись налоги и сборы с крестьян.

Существование Департамента уделов, да и всей хозяйственной структуры уделов, современники не поддерживали. Им казалось, что ведомство дублировало уже существовавшие в системе управления учреждения, перегружало общую структуру государственных органов Российской империи и отвлекало значительные ресурсы. Этот вопрос вызвал острые дискуссии на заседаниях Государственного Совета в период 1801–1803 гг.

Общий объем документооборота Департамента уделов в изучаемый нами период увеличился. В эволюции делопроизводства наблюдались следующие тенденции. Во-первых, постепенно сокращалась интенсивность межведомственной переписки, но при этом росла внутренняя документация. После проведенной в 1808 г. административной реформы и выведения региональных структур из-под опеки губернских органов власти увеличилось количество административных распоряжений и инструкций. Министр уделов и Департамент, добиваясь единообразия в ведении дел, стали посылать в удельные конторы и отделения циркулярные предписания не только по вопросам общего характера, но и решения, принятые по частным случаям, а также разъяснения по вопросам, поступавшим с мест, о применении или толковании отдельных нормативных правовых актов. Это привело к

нарастанию внутренних документальных потоков и к пространной внутриведомственной переписке. Во-вторых, со второй четверти XIX в. изменилась тональность распоряжений и взаимодействий с государственными учреждениями Российской империи. Департамент уделов, все больше отделявшийся от общегосударственного регулирования, позиционировал себя как коронное учреждение, имевшее закрытый характер.

Проблема коррупции в удельной деревне оставалась актуальной в течение всего изучаемого нами времени. Это явление стало результатом как несовершенства удельного законодательства, так и противоправного поведения самих служащих. Злоупотребления должностными полномочиями нередко оставались скрытыми за круговой порукой чиновников всех уровней, что затрудняло их обнаружение и расследование. Активной стороной в борьбе с коррупцией становилось крестьянство. Накопившееся недовольство сельское население выражало в массовых протестах, целью которых было привлечение внимания верховной власти к их проблемам. Департамент уделов предпринимал шаги по искоренению злоупотреблений удельных чиновников. Были усилены санкции за правонарушения, принимались превентивные меры по борьбе с коррупцией.

Глава 3. Управление удельными крестьянами в первой половине XIX века

Организация исполнения удельного бюджета была возложена на Департамент. В его задачи входило создать необходимую хозяйственную инфраструктуру для осуществления повседневной экономической деятельности ведомства. С целью реализации поставленных задач Департаменту уделов передавались разнообразные экономические ресурсы: земли, хозяйственные постройки, капиталы, крестьяне и др. Необходимо было не только обеспечить способы исполнения обязанностей по уплате налогов и отбыванию повинностей крестьянством, но и найти дополнительные механизмы повышения доходности удельного хозяйства. Главным источником финансовых средств для удельной казны в пореформенный период было обложение податного населения прямыми сборами и разного рода налогами, а одной из основных функций Департамента уделов – заведование переданными ему крестьянами.

3.1. Правовое положение удельных крестьян

В отечественной историографии до сих пор является дискуссионным вопрос о юридическом состоянии удельных крестьян по отношению к другим податным сословиям Российской империи. Для того, чтобы разобраться в причинах полемики среди исследователей и определить место крестьян удельного ведомства в сословной структуре российского общества, мы подробно рассмотрим их правовое положение.

Законодатель четко не прописал правовой статус удельных крестьян, и он определялся постепенно, с принятием внутренних нормативных документов. В свою очередь законодательство Российской империи четко разграничивало в нормативно-правовых актах субъект правоотношений из податных сословий, и те нормы, которые применялись к государственным крестьянам, не могли применяться к частновладельческим, кроме общих положений.

Право, действовавшее в России с конца XVIII–XIX вв., строилось на принципах юридического неравенства и сословной иерархии. Основными источниками правовых норм выступали закон и обычай, причем в разном соотношении для различных сословных групп. Так, правоотношения «в среде дворян и в межсословной среде регулировались преимущественно законодательными нормами, а в среде крестьян, составлявших абсолютное большинство населения Российской империи, основными правовыми регуляторами вплоть до начала XX в. оставались нормы обычного права»¹.

Правовое положение удельных крестьян не было определено законодателем. Это и вызвало в историографии споры о том, были удельные крестьяне больше помещичьими или государственными. Более того, т. к. законодатель сам сразу точно не определил правовое положение сельского населения, передаваемого в уделы, возникали вопросы у чиновников Департамента уделов по применению нормативных актов, о чем мы скажем ниже. Если удельные крестьяне были переданы из дворцового ведомства и находились в управлении Казённых палат, то можно было предположить, что они должны были подпадать под действие законодательства о государственных крестьянах. Первыми в исторической науке, кто пытался разобраться в правовом статусе удельных крестьян, были дореволюционные исследователи. Так, Л.В. Ходский, известный российский экономист, считал, что удельные крестьяне «занимали среднее место между крестьянами государственными, с одной стороны, и помещичьими – с другой»², а, следовательно, они представляли собой отдельную самостоятельную группу сельского населения Российской империи.

Такого же мнения придерживались и составители юбилейного трехтомного издания к столетию Департамента уделов. Они пришли к выводу, что удельные крестьяне в правовом отношении находились между

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

² Ходский Л.В. Земля и земледелец. Т. 2. СПб., 1892. С. 112.

государственными и помещичьими. Так, ряд законодательных постановлений напрямую относил их к государственному имуществу: в уставе гражданского судопроизводства «делами казенного управления признаются дела, сопряженные с интересом казны, удельного и придворного ведомств и других правительственных установлений». А вот в налоговом отношении и выполнении повинностей удельные крестьяне приравнены к помещичьим. Причиной этого авторы считали разграничение удельных доходов и ресурсов государственного казначейства¹.

Точки зрения об особом правовом статусе удельных крестьян придерживались и советские исследователи². Например, З.И. Кудрявцева считала, что их статус был двойственным «в поземельном и хозяйственном отношении, а во всем остальном удельные крестьяне были равны государственным»³. Однако специальные исследования о правовом и экономическом положении удельных крестьян, выполненные Л.Р. Горлановым⁴, Н.П. Гриценко⁵, А.В. Седовым⁶, Ф.А. Фургиным⁷, А.И. Парусовым⁸, П.П. Котовым⁹, С.С. Бразевичем¹⁰ и другими, полностью опровергают вышеприведенные тезисы. Все названные исследователи пришли к единодушному выводу о том, что удельные крестьяне являлись крепостными императорской семьи, и само удельное хозяйство по своей социальной

¹ История уделов... Т. 1. С. 16.

² Мороховец Е.А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937.

³ Кудрявцева З.И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797–1863 гг.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX вв. Л., 1967. С. 176–204.

⁴ Например, Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. С. 74–75.

⁵ Например, Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. // Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института. 1959. № 11.

⁶ Седов А.В. Крепостническая эксплуатация удельных крестьян. // Труды Горьковского педагогического института. Т. XVIII. Горький, 1956.

⁷ Фургин Ф.А. Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962.

⁸ Парусов А.И. К вопросу о положении и борьбе удельных крестьян России в первой четверти XIX века. // Ученые записки Горьковского педагогического института иностранных языков. 1959. Вып. 12.

⁹ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера 1797–1863. Сыктывкар, 1991.

¹⁰ Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII – середины XIX века: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. СПб., 1993.

структуре «было вотчинное крепостное хозяйство крупного латифундиста, превосходившего размерами своей собственности самых богатых помещиков страны»¹, и «потому развивалось по общим законам феодальной формации»². С.С. Бразевич утверждал, что в течение всей первой половины XIX в. личные и имущественные права были в основном «идентичны правам помещичьих крестьян, и только с 1858 года были несколько расширены»³.

На наш взгляд, у исследователей нет единства в этом вопросе в связи с противоречивостью самого права того времени. По мнению Н.В. Дунаевой, которая провела историко-правовое исследование, сложность в определении юридического статуса удельных крестьян состояла в двойственной природе самого крепостного права: «она заключалась в проявившемся сочетании его частноправовых и публично-правовых компонентов, в наличии противоречий между правом и законом». Однако для юриста и чиновника XIX в. вопрос об этом даже не ставился. «Неясности и противоречия самих законов устранялись путем их официального толкования с целью «раскрытия в законе воли законодателя». Считалось, что отдельные нормы закона «обладают безграничной логической растяжимостью», поэтому пробелы и противоречия в праве могли устраняться «беспредельными диалектическими способностями ума или логической законченностью позитивного права». Этот «логически-диалектический метод» позволял применять нормы закона практически к любым ситуациям, совершая, по выражению одного из правоведов начала XX в., «насилие над бытовыми отношениями» в угоду интересам толкователя»⁴. Тонкая грань отделяла фактическое состояние крестьян разных податных категорий в дореформенной России от его юридического закрепления.

¹ Дружинин Н.Н. Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 года // Исторические записки. 1970. Т. 85. С. 160.

² Фургин Ф.А. Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 158.

³ Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии ... С. 11.

⁴ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

«Учреждение об императорской фамилии», которое изменяло юридическую принадлежность дворцовых крестьян, так определяло их правовой статус: «в порядке управления» они приравнивались к государственным, а в поземельном отношении - к помещичьим¹. При этом детализации правового статуса нормативно-правовым актом не делалось, и действительно, первоначально дворцовые крестьяне получили лишь другое название, а их социально-экономическое положение осталось без изменений. Но в течение всей первой половины XIX в. принимались подзаконные акты, которые по разным юридическим основаниям детализировали правовое состояние удельных крестьян. Всю противоречивость применения законодательства в отношении удельных крестьян испытали современники и в большой степени – чиновники Департамента уделов.

Всю первую половину XIX в. законодатель уточнял правовой статус удельных крестьян, поэтому важно оценивать его в контексте конкретного исторического периода. По нашему мнению, при переходе дворцовых крестьян в уделы, они сохраняли правовую близость с государственными. В первой четверти XIX в. удельные крестьяне как субъекты правоотношений имели двойственное положение между частновладельческими и государственными крестьянами. К пореформенному периоду их правовой статус все больше сравнивался с помещичьими крестьянами. Это констатировали и сами руководители удельного ведомства, и члены Главного комитета по крестьянскому делу, занимавшиеся подготовкой отмены крепостного права в России. Например, председатель Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев так охарактеризовал правовое положение удельных крестьян: «Говоря о крепостном состоянии, почти все указывают только на имения помещичьи. Крестьяне удельные те же крепостные. Чиновники, приехавшие бог весть откуда и на время – еще хуже помещика... Удельные крестьяне крепостные не по названию, а по существу»². Провести четкую временную

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 125; Ф. 1180. Оп. 15. Д. 97. Ч. 2. Л. 136 об.–137.

линию, когда удельные крестьяне стали больше расцениваться в системе права как частновладельческие, сложно, потому что одномоментного факта наделения удельных крестьян особым правовым статусом не было, это был длительный процесс, когда законодатель пункт за пунктом уточнял, как следует трактовать закон в отношении удельных крестьян. Но эта тенденция так и не была доведена до своего логического завершения, удельные крестьяне сохранили неопределённый правовой статус.

В XVIII в. экономико-правовое положение дворцовых крестьян, которые большей частью и были переданы уделам, было несколько лучше, чем помещичьих и части государственных крестьян¹. К концу XVIII в. все дворцовые крестьяне находились на денежном оброке, который повсеместно составлял 84 коп. с души. Кроме того, они несли и государственные повинности: рекрутскую, подворную, дорожную, постоянную и др. Дворцовые крестьяне были освобождены от отработки барщины и выплаты натуральных повинностей, они имели большую свободу в осуществлении своей хозяйственной деятельности².

Для оказания помощи дворцовым крестьянам во время неурожаев еще с первой половины XVIII в. в селениях строились запасные магазины, откуда и выдавалась помощь в виде ссуды зерном. Дворцовые крестьяне при Екатерине II были наделены определенным правом на самоуправление³. Кроме того, дворцовых крестьян нельзя было продавать лично и дробить их семьи, что свободно делали помещики со своими крестьянами.

В «Учреждении...» 1797 г. удельные имения «в порядке управления» приравнивались к государственным, а только в поземельном отношении - к помещичьим⁴. Юридический статус удельных крестьян эволюционировал

¹ Индова Е.И. Наемный труд у крестьян царскосельских дворцовых деревень России в первой половине XVIII в. // О первоначальном накоплении в XVII–XVIII. М., 1958. С. 189–222.

² Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... С. 29.

³ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 14.

⁴ ПСЗ. Собрание I. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

вместе с накоплением нормативно-правового материала. Главным образом требовали уточнения статьи, касавшиеся применения управленческих решений. Общий правовой статус удельных крестьян был закреплен в 1830-е гг. сводом законов Российской империи и сводом удельных постановлений. Он определялся понятием «свободные сельские обыватели», применявшимся (с различными ограничениями) к государственным крестьянам, «свободным хлебопашцам», лашманам, однодворцам и к ряду других небольших групп земледельческого населения России¹.

Юридическое состояние удельных крестьян приобреталось по факту рождения или усыновления в семье удельных крестьян и закреплялось записью в ревизских сказках. Законом было предусмотрено изменение «прав состояния» и путем включения крестьян других ведомств в состав уделов по их желанию. В каждом конкретном случае этот вопрос решался индивидуально, ведь требовалось урегулировать отношения с собственником. В Департамент поступали прошения от помещичьих крестьян о желании перейти в удельное ведомство. Оформлялось это совершением гражданско-правовой сделки между участниками. Ведомство, прежде чем выкупить территории или крестьян, просчитывало экономическую выгоду от такой сделки. Более того, сумма, уплаченная за покупку, накладывалась рассрочкой на крестьянское общество. В 1809 г. крестьяне, жившие у озера Ильмень и промышлявшие рыбной ловлей, обратились с подобной просьбой. После ревизии Департамент уделов принял решение выкупить эти земли на вышеуказанных условиях². Во второй четверти XIX в. был осуществлен перевод государственных земель и крестьян в удельную собственность, о чем будет сказано ниже.

Чтобы проследить эволюцию правового положения удельных крестьян возьмем несколько примеров и проследим трансформацию в регулировании

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 24.05.2011). Режим доступа: свободный.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 17.

гражданско-правовых отношений этой группы сельского населения Российской империи в первой половине XIX в. Так, брачные права удельных крестьян являлись предметом активного правового регулирования со стороны Департамента уделов, внутренние правила были направлены в большей степени на то, чтобы исключить выход из-под удельной юрисдикции.

С 1777 г. крестьянки дворцового ведомства могли выходить замуж за крестьян других государственных селений, например, за экономических, конюшенных, государевых, без уплаты выкупа. А вот при переходе после замужества девушки в помещичьи имения уплачивались выводные деньги в размере 5 руб.¹ Удельные крестьяне пользовались этой же правовой нормой, но с оговоркой, что при выходе замуж за крестьян любого ведомства выход должен был совершаться беспрепятственно (т. е. бесплатно). При этом в 1799 г. из Департамента уделов поступило распоряжение, чтобы приходские священники совершали венчание только при наличии письменного согласия общины. А сельские старосты, в свою очередь, должны были проводить беседы о пользе выбора женихов из удельных крестьян, но оговаривалось «однако же и в сем случае принуждения никакого не чинить»².

С 1800 г. вводилось новое правило в отношении браков с представителями городских сословий, купцами или мещанами. В этом случае отпускать крестьянок по «праву помещичьему», т. е. с уплатой выводных денег в размере 100 руб.³ Возникало правовое противоречие: получалось, что в отношении браков между крестьянами действовало законодательство о государственных крестьянах, а при заключении браков с представителями свободных сословий – нормативные акты, касавшиеся помещичьих. Такой дуализм в правоприменительной практике приводил к тому, что чиновники удельного ведомства были вынуждены в каждом случае спрашивать, как им поступить. В Санкт-Петербургском удельном отделении удельная крестьянка

¹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 11–12.

² История уделов ... Т. 2. С. 480.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

выходила замуж за плотника адмиралтейской команды и начальство попросило разъяснение, надо ли брать выводные деньги. Департамент еще раз уточнил, что деньги взимаются только при выходе замуж за купца или мещанина.

При этом правила не особо усердно исполнялись удельными чиновниками и самими крестьянами, видимо, в силу привычки, поэтому случались венчания удельных крестьянок с посторонними людьми без свидетельства от приказов, равно как и без платежа выводных денег. Последовал ряд нормативных актов, которые обязывали исполнять уже принятые правила, с определением санкции за нарушение предписаний¹. Если семья выдала замуж дочь за купца или мещанина и не заплатила выводных денег, то их выплачивало семейство крестьянки.

Департамент очень строго следил за взиманием выходных денег, отмечая это в своих отчётах. И опять же были исключения из правил. В 1804 г. купеческий сын Бабенушев тайно женился на удельной крестьянке, принадлежавшей Тамбовской экспедиции. На оплату положенной суммы у него денег не было, о чем он заблаговременно взял свидетельство у местного начальства. Сын купца предложил взамен отдать свою сестру замуж за удельного крестьянина. Его предложение было отклонено и принято решение «денег не взимать»².

Лишь в 1820 г. был изменен порядок выдачи удельных крестьянок за помещичьих крестьян. Департамент предписал при таком браке брать с владельцев последнее обязательство о согласии выдать свою крепостную за удельного крестьянина, а «при совершении такой замены возвращать это обязательство и брать от помещика выводное письмо на его крепостную...»³, т. е. присутствовал своего рода обмен.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.; см. также ПСЗ. Собрание - 1. 1802–1803. Т. XXVII. № 20931. СПб., 1830. С. 881–882.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 55–56 об.

³ История уделов ... Т. 2. С. 481.

Каждый случай выхода удельных крестьянок из ведомства фиксировался в делопроизводственных актах Департамента уделов. Проведенный анализ архивных документов позволяет сделать выводы, что чаще всего крестьянки переходили в другое ведомство, выходя замуж за экономических крестьян. Реже встречались случаи выхода удельной девушки замуж за мещанина, солдата, мастерового, церковного служителя, унтер-офицера, за табачного мастера, полковника, коллежского секретаря¹.

Регулируя брачные отношения удельных крестьян, удельные власти старались убедить их в преимуществах брака с лицами своего ведомства. «Браки между удельными крестьянами законодательство практически не регламентировало, уступая эти функции обычному праву, которое допускало и принудительные браки крестьян»². Иногда, когда не хватало в удельной деревне мужского населения, девушек и вдов передавали из ведения одной конторы в ведение другой для замужества³. Как мы видим, в вопросе регулирования брачных отношений удельных крестьян проявилась вся противоречивость применения законодательства к этой группе сельского населения.

Еще одна сфера гражданских отношений была осложнена правоприменительной практикой – переходы крестьян в другие сословия. «Добровольные переходы удельных крестьян в другие сословия сопровождалось приобретением новых сословных прав и являлись в то время реализацией права как такового, поскольку означали возможность выбора человеком собственного статуса»⁴. Такие переходы подвергались усиленному правовому регулированию со стороны удельного ведомства на протяжении всей первой половины XIX в. Личный переход был разрешен только лицам

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 537–569.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 25.05.2011). Режим доступа: свободный.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 537–569.

⁴ Дунаева Н.В. Указ. соч.

мужского пола. «Учреждением...» предусматривалась возможность перехода в мещанство или купечество. 31 июля 1797 г. министр Департамента уделов предписал Казённым палатам приостановить запись удельных крестьян в купечество. Это была временная мера, т. к. осуществлялась передача имущества коронному ведомству. Уже на следующий год Департамент вернулся к решению вопроса о возможности выхода крестьян в городские сословия. Согласно Городовому положению, удельные крестьяне, как и государственные, должны были платить все подати своего сословия до новой переписи, получать согласие мира и показывать наличие свободного капитала в размере, установленном законом.

Также на удельных крестьян распространялся Сенатский закон, принятый 21 октября 1797 г., который предписывал «главным начальствам казенных крестьян, в случае желания последних записываться в купечество, входить с представлениями об этом в Сенат»¹. Но механизм, как это осуществлять, не был разработан, – шли по прямому действию закона, губернские присутственные места должны были сразу направлять представление в Сенат, или же решение об отпуске крестьян в городские сословия должно было приниматься в удельных структурах и только утверждаться в Сенате.

Очень интересно обсуждение этого вопроса в Департаменте уделов, которое подробно описано составителями юбилейного сборника к столетию ведомства. Получив запрос от губернских присутственных мест, как быть, министр ответил, что «удельные имения существуют на положении помещичьих, а Департамент исправляет обязанности опекуна, значит, что выпуск крестьян в купцы не может от его воли зависеть». Но через несколько месяцев министру был составлен доклад на основании представлений уже региональных властей удельного ведомства. Они, ссылаясь на Сенатский указ 21 октября 1797 г. и статьи 138 и 139 Городового положения, утверждали, что

¹ История уделов ... Т. 2. С. 473–474

удельные крестьяне приравнены к казенным и им предоставлено неотъемлемое право записываться в городские сословия по их желанию. По сведению чиновников, уже 90 душ м. п. ждут решения о возможности выйти в купечество. При этом служащие Департамента прямо писали о своих опасениях, что «по примеру этих поощрены будучи примером, выйдет неоспоримое множество и самых зажиточных землевладельцев».

Они особо отмечали, что эти крестьяне все государственные подати и сборы уплачивали без долгов и вовремя, и что, «упражняясь с успехом и выгодами издавна в купечестве, они более привыкли к торговле, нежели к хлебопашеству, что поведение и трудолюбие их одобрены всем миром и что наконец, самые посады и магистраты желают их охотно принять в звание свое». Но чиновники Департамента отмечали, что при этом «имение удельное понесет от того очевидный урон, оно лишится знатной части дохода своего и вместе множества лучших крестьян»¹. Они настаивали, что этот прецедент приведет к выходу тысяч удельных крестьян, и тогда сократится общее количество душ, которые должно быть в уделах по «Учреждению об императорской фамилии». Предлагалось вместо признания норм действующего законодательства, применяемых к удельным крестьянам, согласовать имеющийся закон с «выгодами имения удельного, тем более, что имение сие, будучи Всемиловейше пожаловано Августейшему Императорскому Дому, входит, так сказать, в род помещичьих», и распространить при выходе удельных крестьян в городские сословия нормативную практику для помещичьих крестьян. С совершеннолетних бралась плата за выход в размере 360 руб., и половина – за несовершеннолетнего. Выходящие в мещанство должны были заплатить 250 руб. и 125 руб. асс. соответственно. Выплата распространялась только на ревизские души, женщины выпускались с семьями без уплаты.

Это и было закреплено указом от 22 октября 1798 г., который

¹ История уделов ... Т. 2. С. 474–475

предписывал «увольнять удельных крестьян в купечество и мещанство «на праве помещичьих», сохраняя все требования Городового положения. Получается, что трактование правового положения удельных крестьян определялось в первую очередь выгодами ведомства. А неопределенный правовой статус позволял вырабатывать собственную стратегию направления политики в отношении крестьянства.

С 1798 г. при переходе в купечество или мещанство с крестьян стали брать выходные деньги, большая часть суммы поступала в доход Департамента, а 1/8 часть направлялась крестьянам, которым требовалась помощь, например, пострадавшим от неурожая. Но уже с 1799 г. вся сумма целиком поступала в удельный доход¹. Ко всему этому, крестьянин, вышедший в мещанство и нижнюю степень купечества, оплачивал еще стоимость рекрута². При этом в делопроизводственных документах есть случаи, когда крестьянская община производила дополнительно свои сборы. В 1799 г. в Коломенском приказе Московской удельной экспедиции, давая свидетельство крестьянину Степанову, что он может выйти в нижнюю степень купечества, взяли с него кроме 360 руб. «еще в доход мирской 200 руб.». Интересно, что Департамент, хоть и признал такие сборы незаконными, дал распоряжение эти деньги тоже передать в доход Департамента и только 1/8 часть от общей суммы передать крестьянской общине, всего получилось 70 руб. Но впредь было запрещено брать миру какие-либо сборы сверх установленных законом³.

В 1800 г. требования к переходу крестьян в другие сословия ужесточились. На основании Сенатского указа, распространявшегося как на государственных, так и на удельных крестьян, вышедшие в мещанство или купечество должны были предоставлять за себя поручителей в платеже их податей до новой ревизии, т. к. встречались случаи неуплаты после выхода

¹ История уделов ... Т. 2. С. 476.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

³ История уделов ... Т. 2. С. 476.

установленных платежей¹. Процесс выхода крестьянина выглядел следующим образом. Крестьянин должен был заручиться согласием общины на выход, получив мировой приговор, в котором оговаривалось, что он готов выплачивать все подати до переписи. Документы отправлялись в Департамент уделов для получения документов на увольнение из крестьянского сословия; только после того, как документы приходили из Петербурга, крестьянин оплачивал свой выход и цену рекрута в казну удельной экспедиции, а та, в свою очередь, пересылала деньги в Департамент. После этого крестьянин с надлежащими документами мог покинуть общину. Новое звание ему присваивалось только после переписи.

Это был непростой и достаточно трудоемкий процесс, растянутый по времени. Риски в случае неуплаты вышедшим крестьянином платежей до новой переписи брала на себя община, давшая согласие на его выход. Чтобы себя обезопасить, крестьянская община просила таких крестьян оплатить все подати до следующей ревизии сразу. В 1805 г. крестьянин Василий Бабанов с женой и двумя детьми при увольнении в нижнюю степень ревельского купечества заплатил в пользу удела по 360 руб. за себя и свою жену. Помимо этого, он заплатил цену рекрута и все налоги до новой переписи. К делу были приложены согласие мира и ходатайство ревельского купечества².

В 1802 г. в нижнюю степень рижского купечества решили перейти удельные крестьяне Федор и Иван Семеновы. К делу были присовокуплены мирской приговор, свидетельство о вступлении в нижнюю степень купечества и поручительство рижских купцов в уплате всех платежей. Итоговая сумма выхода для них составила 1440 руб. асс.³.

Если говорить о числе крестьян, воспользовавшихся такой возможностью, то их было больше в удельных имениях, находившихся ближе к крупным центрам; чем дальше удельное имение находилось от крупных

¹ ПСЗ. Собрание - 1. 1798–1799. Т. XXV. № 18714. СПб., 1830. С. 424.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 415. Л. 10–10 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 583. Л. 1–8.

городов, тем меньшее число крестьян выходило в мещанство или нижнюю степень купечества. Например, в 1809 г. в Ильешском приказе Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии записавшихся в мещанство и купечество числилось 29 душ. Учитывая, что всего в 52 селениях числилось 2750 душ¹, это составило чуть больше 1 %.

В 1812 г. были введены новые положения, ограничивавшие переход крестьян в мещанство и купечество. Во-первых, увеличивалась сумма, которую выходившие крестьяне должны были заплатить за освобождение от рекрутской повинности. Если в 1786 г. для крестьян, выходивших в купечество, она составляла 360 руб., в 1809 – 500 руб., то в 1812 г. уже 1000 руб., в 1826 г. по предложению министра была увеличена до 2000 руб. асс., т.е. выросла почти в шесть раз. Для крестьян, выходивших в мещанство, цена рекрута в 1812 г. составляла 700 руб. асс.² и также была повышена до 2000 руб. в 1826 г.³

Во-вторых, крестьяне, которые переходили в купеческое звание, должны были предоставить капитал: для выхода в первую гильдию купечества 50000 руб. и более; во вторую гильдию – от 20000 руб. и более, в третью – от 8000 руб.

И в-третьих, Департамент уделов признал «полезнейшим сколько возможно затруднить для удельных крестьян переход в купеческое и мещанское звание, наложив на желающих переходить в купечество значимую сумму... 5000 рублей с каждой души», в мещанство разрешалось отпускать только при уплате 2000 рублей и исключительно в малоземельных имениях⁴.

Это ограничение по выходу крестьян из удельного ведения в городские сословия вводилось с 1826 г. и объяснялось интересами самого ведомства. Ведь в мещанство и купечество переходили наиболее состоятельные крестьяне, которые не только стабильно уплачивали подати, исполняли

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 1114. Л. 2 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 125–126 об.

⁴ Там же

повинности, повышали доходность своих хозяйств, но и несли на себе значительную часть расходов крестьянского мира благодаря институту круговой поруки. Да и само ведомство не скрывало своих планов: «так как удельные имения находятся... как помещичьи к помещикам, и поскольку выгода сих последних состоит в том, чтоб сохранить в своем владении сколько можно зажиточных...»¹. Несмотря на то, что имелась внутренняя нормативная база, которая разрешала выход крестьян в городские сословия, все равно последнее слово было за императором; так, в 1824 г. был запрещен выход крестьян Новгородской удельной конторы.

Только в виде исключения было принято решение о переходе в 1808 г. из удельного ведомства в казенное крестьянина Осипова, который просился остаться на фарфоровом заводе Санкт-Петербурга, куда пришел в свое время в поисках работы².

Итак, к началу второй четверти XIX в. к удельным крестьянам все чаще применялись нормы права, как к крестьянам помещичьим. Такая политика объяснялась выгодами Департамента уделов. Зона регулирования личных прав крестьян подвергалась все большей регламентации и контролю со стороны удельных властей. Реализация личных прав крестьянами после передачи их в уделы сузилась.

Удельные крестьяне могли воспользоваться своим правом обратиться с просьбой о переселении в монастырь. Отдельного нормативного регулирования в удельном ведомстве не было, но после того, как стали поступать подобные ходатайства от удельных крестьян, возникла необходимость проработать внутренний регламент. Так, в 1802 г. крестьянин Костромской губернии Абабаков подал вместе со своим дядей прошение на «Высочайшее имя» о переводе их в монашество, с обязательством уплаты всех податей пожизненно. Просители переселились в монастырь еще до их передачи уделам и находились там 7 лет, один во Флорищевой пустыни,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 125–126 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 28.

другой в Волоколамском монастыре. Крестьяне хоть и уплачивали подати, но не проживали в деревне. Местная экспедиция и Департамент отказывали им в увольнении, т. к. не было соответствующего законодательного акта, поэтому просители и обратились к законодателю, который удовлетворил их просьбу в индивидуальном порядке, разрешив пострижение в монахи¹. Вскоре появился и общий порядок перехода в монашество удельных крестьян. С 1803 г. переход разрешался крестьянам старше 30 лет, они должны были знать грамоту, чтобы читать духовную литературу и Священное писание. Такой человек должен был соответствовать требованиям Духовного регламента, так в статье 7 говорилось: «смотреть прилежно о приходящих в монахи, не обязан ли он долгами, не бежит ли от суда за воровство, нет ли за ним дела государева и сим подобная ... не принимать в монахи из иной епархии приходящего и людям честным не известного»². Кроме всего, он предоставлял «свидетельство от духовного начальства о возможности принять его в избираемое звание»³. Были случаи выхода в монашество и удельных крестьянок. Так в 1803 и 1806 гг. две удельные крестьянки Новгородской губернии были отпущены в Белозерский Городецкий девичий монастырь⁴. Случаи выхода удельных крестьян в монашество были единичными и всегда требовали индивидуального рассмотрения.

Еще одна сфера гражданского права подверглась существенным изменениям для крестьян после их перехода в удельное ведомство. Постепенно со стороны ведомства вводился контроль имущественных разделов крестьянских хозяйств. Традиция семейных разделов регулировалась нормами обычного права, поэтому различалась в зависимости от устоев. П.Ю. Мельников в своей статье провел анализ самого термина «раздел» и пришел к

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

² Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского. Май 1722 года // URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1351?ysclid=l69pzo0k1p355722248> (дата обращения: 30.07.2022). Режим доступа: свободный.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 12. Л. 71.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 2. Т. 2. Д. 5351, 5358.

выводу, что «часто встречающиеся и подробно описанные современниками многочисленные разделы между отцом и сыновьями (т. н. «общий раздел») относится, как видно, к выделу». «Выделом» называлось отделение отцом сына в самостоятельное хозяйство; при этом наиболее значимые решения – и о проведении выдела, и о размере выделяемого имущества полностью зависели от воли отца. «Разделом» же следует считать дробление хозяйства после смерти отца»¹, т. е. чаще всего раздел имущества производился между родственниками, имевшими права наследования. Например, семейные разделы, упоминавшиеся в «Учреждении об императорской фамилии», ставились в зависимость только от имущественных средств крестьянского хозяйства. Поэтому раздел имелся в виду именно как выделение самостоятельного хозяйства. Но экспедиции, по мнению Департамента уделов, поступали в этом вопросе очень небрежно, не наводя точных справок. Например, в Петербургской губернии был разрешен раздел при наличии в семье всего двух работников. Ввиду этого в 1799 г. было предписано при разделе имущества руководствоваться наличием рабочей силы. В случае неудачи раздела крестьянское общество принимало на себя весь риск в хозяйственном отношении². Любой раздел крестьянской семьи теперь осуществлялся только с разрешения удельного начальства. При этом, по свидетельству удельных чиновников, крестьяне продолжали делить свои хозяйства, не спрашивая разрешения начальства. Ревизор Немчинов, посетивший в 1803 г. Вятскую губернию, говорил, что это обычное явление в удельной деревне. В 1809 г. Департамент уделов предписал все саморазделившиеся семьи соединить, предупредив, что они будут еще и наказаны. Желаящим создать отдельное хозяйство требовалось иметь мирской приговор, который передавался для рассмотрения в удельную контору, а потом в Петербург. Но и это не прекратило самовольных разделов,

¹ Мельников П.Ю. Раздел в крестьянском обычном праве Российской империи XIX века // Вестник Саратовской юридической академии. Саратов, 2014. № 4 (99). С. 114.

² История уделов ... Т. 2. С. 488.

«крестьяне проявляли иногда такую твёрдость в отстаивании своих желаний, что удельному управляющему приходилось, либо отступить перед этой твердостью, либо прибегать к новым средствам чтобы сломить ее»¹. Причинами частых разделов, по мнению ревизора, становились внутрисемейные ссоры и возможность избежать рекрутчины. Новый Рекрутский устав, принятый в 1831 г., лишал разделившиеся семьи права на льготу².

Вводились ограничения и на имущественные права удельных крестьян. Им разрешалось приобретение недвижимости у частных владельцев, но купчие должны были заключаться на имя Департамента уделов³. Чаще всего объектом купли-продажи являлись земельные участки. Купленные земли приписывались к селению, в котором числился покупатель. В чем не ограничивался «крестьянин-собственник», это в праве пользования купленными землями⁴. Право распоряжения было ограничено, сделки купли-продажи могли проводиться только с крестьянами одной волости или приказа⁵. А вот пользование надельной землей ставилось под жесткий контроль со стороны ведомства. Указ от 25 февраля 1798 г. передавал все земли, мельницы и другие хозяйственные постройки Департаменту на правах помещичьей собственности в полное его владение⁶. Но крестьяне продолжали пользоваться надельной землей, как это было разрешено до перехода в уделы. В 1799 г. до сведения Департамента дошла информация, что некоторые из удельных крестьян, не спрашивая разрешения начальства, заключали с посторонними лицами договоры на сдачу находящейся в их пользовании земли под разные постройки и заведения. Департамент уделов в 1800 г.,

¹ История уделов ... Т. 2. С. 490.

² ПСЗ. Собрание 2. Т. VI. № 4677. СПб., 1831. С. 514–515.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁴ ПСЗ. Собрание 1. 1800–1801. Т. XXVI. № 19334. СПб., 1830. С. 88.

⁵ История уделов ... Т. 2. С. 501.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 16; Тоже ПСЗ. Собрание 1. 1798–1799. Т. XXV. № 18396. СПб., 1830. С. 97.

основываясь на «Учреждении...», еще раз подтвердил свое право на все переданное имущество, поставив подобные сделки под свой контроль¹.

Такие же ограничения были введены и при пользовании лесами. В 1797 г. во время создания удельной земельной собственности уделам были переданы обширные лесные массивы. Однако управление и распоряжение ими было сначала предоставлено Адмиралтейств-коллегии, а позднее – Министерству финансов. Исключение составляли леса, находившиеся в купленных Департаментом имениях и управлявшиеся удельной администрацией. Если дворцовые крестьяне могли свободно пользоваться лесным массивом, то при переходе в ведение уделов самовольная рубка леса была ограничена. Для контроля над несанкционированной вырубкой Положением 1808 г. вводилась выборная из крестьян должность лесовщика. Рубка леса разрешалась только по специальным билетам, которые выдавал управляющий конторой. Ответственность за несанкционированную вырубку леса в случае, если виновник оставался неизвестен, накладывалась на ближайшее селение, что, по мнению чиновников, должно было повысить контроль со стороны местного населения². Несмотря на это незаконные рубки продолжались, что привело к ужесточению наказания. Так, в 1809 г. во Владимирской губернии 32 человека были осуждены «за порубку леса». Только трое отделались денежным штрафом, всех остальных наказали плетью. 13 удельных крестьян были отправлены в Сибирь, т. к. они совершили порубку на сумму, превышавшую 100 руб. Интересно, что по просьбе крестьянского мира наказание всем виновным было отменено³.

Удельные имения располагались на огромной территории, в регионах были разные обычаи, традиции, климат и т. п., что накладывало отпечаток на права и обязанности крестьян. Удельные крестьяне Севера, например, в лесопользовании были несоизмеримо более свободны, чем крестьяне

¹ История уделов ... Т. 2. С. 501.

² ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 62–63.

центрального района¹. В целом же новые ограничения в пользовании землей, оброчными статьями, лесом принимались крестьянами с трудом. После передачи земли в Симбирской губернии в 1830-е гг. вице-президент Департамента уделов Л.А. Перовский так охарактеризовал особенности регулирования отношений в лесном хозяйстве: «в прежнее управление кто хотел пользоваться лесами, тот и пользовался, главное было найти подход к лесничему. Когда незаконные рубки были прекращены, вся губерния вопияла, как будто ее лишили законного права на собственность. Даже губернское начальство просило разрешения о беспрепятственном пользовании лесом»². При приеме лесных угодий выяснилось, что строевой лес был переведен в дровяной, а он, в свою очередь, – в кустарник. Что позволяло по небольшой цене выкупать хороший лес заинтересованным лицам. Так в одном селении, где крестьяне не принесли ни одной жалобы на притеснения, один из них сказал: «Хотя теперь нам и не худо, но прежде было еще лучше». – «Почему?». – «Вот почему: придет, бывало, время платить подати, поедешь в лес, да нарубишь воз дров, или взвалишь бревно, оттуда в город на базар – вот и деньги. Только разве кто не в меру много станет рубить казенного леса, тот попадется, да и тут из беды можно выйти: стоит поклониться лесничему, или Заседателю, который придет для следствия. – Теперь дело другое: сам приказ должен сохранять лес, не смей никто рубить, да и только, работай поле, да продавай хлеб, а хлеб ни по чем. Нельзя ли батюшка, позволить нам рубить лес по прежнему?»³. Запрет свободного пользования лесами крестьяне воспринимали как ограничение их свободы, которой они пользовались, когда были государственными.

Итак, нечеткость определения правового статуса удельных крестьян была заложена еще в «Учреждении об императорской фамилии». Законодатель приравнивал удельных крестьян в поземельном плане к помещичьим, и здесь же

¹ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера ... С. 9.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 112–131.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 112–131.

закрепил, что крестьяне эти не входят в разряд частновладельческих и называются удельными¹. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались указы императора и Сената, большая часть регулировалась циркулярами и инструкциями Департамента уделов. Этот процесс продолжался в течение всей первой половины XIX века и был направлен на ограничение личных и имущественных прав удельных крестьян. Параллельно с этим процессом эволюционировала и система управления в удельных имениях, которые, как отмечал А.В. Седов, «несмотря на свое название, во всем приравнивались к имениям помещичьим»². Так, в докладе управляющего Департамента уделов в 1826 г. Николаю I прямо говорилось о том, что «удельные имения находятся в том же отношении к императорской фамилии, как и помещичьи крестьяне к помещикам»³. Несмотря на это утверждение, процесс эволюции правового положения удельных крестьян развивался всю первую половину XIX в.; законодатель постепенно выстраивал необходимую ему стратегию регулирования правовой сферы удельных крестьян. Мы констатируем наличие двойственного характера регулирования правовых отношений у удельных крестьян в первой четверти XIX в. В этот период они уже лишились части гражданских и имущественных прав, которыми обладали государственные и экономические крестьяне, но еще не во всем были уравнены с помещичьими. Со второй четверти XIX в. удельные крестьяне не только в поземельном, но и в правовом отношении все больше уравнивались с помещичьими. Но эта тенденция так и не была доведена до своего логического завершения, сохраняя неопределённый правовой статус. В целом, правовое положение удельных крестьян после исключения их из дворцового ведения существенно изменилось.

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии ... С. 6.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 125.

3.2. Налоги и сборы с удельных крестьян

Основным источником пополнения бюджета Департамента были налоги и сборы с удельных крестьян. Определение платежей, которые должны были вносить крестьяне, прописывались еще в «Учреждении...» 1797 г. Согласно этому закону, повинности делились на государственные и хозяйственные. Государственные платежи и «прочие чрезвычайные налоги» крестьяне вносили на основании общих правил, которые устанавливались императорскими указами; хозяйственные платежи накладывал Департамент уделов на основании внутренних нормативных актов. Он же контролировал и выплату этих платежей, которые должны были проводиться в определенные сроки и «бездоимочно»¹.

«Субъектом подушного обложения являлась крестьянская община, наделенная в коронном аграрном секторе дееспособностью (включая и деликтоспособность)»². Поэтому основной единицей налогообложения было сельское общество. Удельные власти фиксировали число ревизских душ и рассчитывали общую сумму налога. Дальнейшая раскладка уже между крестьянскими домовладениями проходила автономно на мирском сходе. При этом община сама определяла «тягловую» возможность уплаты налогов тем или иным семейством, применяя принцип круговой поруки. Она могла принять решение об освобождении или снижении налогообложения малоимущих за счет более состоятельных крестьян. «Поэтому на практике размер подати, приходившийся на реального плательщика, как правило, был намного выше, чем данные об обложении одной ревизской души, приводившиеся в отчетах». Итоги раскладки закреплялись в мирском приговоре, который фиксировал «налоговые обязательства каждого домохозяина перед общиной и коллективные обязательства последней перед государством по уплате всей положенной суммы, несмотря на

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 15.07.2014). Режим доступа: свободный.

неплатежеспособность отдельных хозяйств или убыль окладных душ в семействах»¹. Именно община несла ответственность по уплате казенных податей перед государством и удельным ведомством, которое, как и иных землевладельцев, закон обязывал контролировать сроки и объем уплаты казенных податей крестьянами². Ответственность отдельного домохозяйства была вторичной.

Сбор подати в селениях проводился сельскими старостами, доставлявшими собранные деньги в приказ. Казенный староста (заседатель) приказа вместе с писарем вносил деньги под расписку непосредственно в уездное казначейство. В финансовой отчетности приказов и удельных контор казенные подати учитывались в отдельных табелях, не смешиваясь с прочими видами платежей. Таким образом, «не удельные чиновники, а крестьянские выборные несли ответственность за сдачу денежных сумм, тогда как внесение казенных податей за частновладельческих крестьян было обязанностью помещика»³.

Каждый приказ приступал к сбору податей с крестьян в определенное время и согласно инструкции: во-первых, «наблюдать о бездоимочном взносе в приказ общественных оброках»; во-вторых, «озабочиваться к скорейшему представлению в контору удельного оброка», а в «казначейство – казенных податей»⁴. Иногда приказные власти слишком усердствовали в скорейшем отправлении оброка в контору. В Оренбургской удельной конторе проходило следствие по делу писаря, который, чтобы исполнить предписания вышестоящего начальства, не получив оброчных денег от приказа в срок, самовольно решил отправить общественный сбор с удельных крестьян Грачевского приказа в зачет оброчных денег, а позже их возместил

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 15.07.2014). Режим доступа: свободный.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569

³ Дунаева Н.В. Указ соч.

⁴ ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 166. Л. 19.

поступившими суммами: «внесенными позже сборщиками деньгами позже пополнил казенные подати и, наконец, общественные сборы, после чего и произведена выдача». К отчетному периоду и государственные подати, и оброк поступили в контору¹. Хотя крестьяне и настаивали на факте злоупотребления должностным положением со стороны писаря, но в итоге все обвинения, выдвинутые против него, были сняты, т. к. он действовал в интересах ведомства и полностью исполнил инструкцию.

Основным общегосударственным денежным налогом являлась подушная подать, долгое время одинаковая для всех крестьян России. Подушная подать дворянских крестьян при переходе в уделы «начислялась по 1,02 руб. с души, включая «накладные с полного рубля по 2 копейки на сдачу», и взималась в два приёма - по полугодиям». С 1798 г. оклад подати увеличился до 1,26 руб., «разумея накладные»². Подушная подать всю первую половину XIX в. росла. Только при Александре I она увеличилась в 3,3 раза: в 1810 г. подушная подать составляла 2 руб. асс., в 1812 г. выросла до 3 руб. Кроме того, к государственному налогу прибавили сбор «на содержание присутственных мест» и «накладные на сдачу», и в 1818 г. общий обязательный налог составил 3 руб. 30 коп. В 1840 г. вместе со сбором на «земские повинности» подушная подать составляла в переводе на ассигнации 3 руб. 80 коп.³ Соответственно, за изучаемый нами период подушная подать увеличилась почти в 4 раза.

Также крестьяне платили оброк за пользование землей, которая была за ними закреплена, по 3 руб. с души⁴. Подушная подать, как и раньше, продолжала поступать в государственную казну, а оброки за земли составляли доход удельного ведомства. Вполне объяснимо почему первыми под повышение попадали именно оброки.

¹ ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 166. Л. 19.

² Котов П.П. Уровень подушной и оброчной податей в удельной деревне Европейского Севера России по законодательным источникам // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сыктывкар, 2020. С. 19.

³ Там же. С. 20

⁴ История уделов ... Т. 2. С. 156.

Вначале со всех удельных крестьян Российской империи взимался равный оброк – 3 руб. с ревизской души. Но уже указом от 18 декабря 1797 г. губернии России были поделены на 4 класса, и размер оброка был поставлен в зависимость от классности губернии. Оброчная подать увеличивалась на основе учета хозяйственного состояния губернии. В губерниях первого класса (15 губерний) оброк повышался с 3 до 5 руб., второго (4 губернии) – с 3 до 4,5 руб., третьего (16 губерний) – с 3 до 4 руб., четвертого (7 губерний) – с 3 до 3,5 руб. Кроме того, были сохранены накладные расходы по 2 коп. с рубля¹. Такая дифференциация земель должна была облегчить бремя налогообложения, которое ставилось в прямую зависимость от доходности земледелия. Например, по указу от 18 декабря 1797 г. Санкт-Петербургская губерния была причислена к четвертому классу, подушный оброк увеличился с 3 руб. до 3 руб. 50 коп. Уже к 1799 г. классность Санкт-Петербургской губернии была повышена до третьего, соответственно, сумма оброка составила 4 руб.² Низкая классность подстоличного удельного имения была связана с рискованностью земледелия здесь; уровень неземледельческих промыслов первоначально не учитывался. Удельные крестьяне Архангельской губернии (причислена к четвертому классу) с 1798 г. платили по 3,67 руб. асс., в Вологодской (входила в список третьего класса) – по 4,08 руб. асс. В последней крестьяне, купленные уделом у помещиков в 1804 г., оставались на прежнем оброке и платили по 7 руб. с души³.

Положением 1808 г. были установлены сроки взноса оброчных денег. По установленным правилам крестьяне вносили оброчные деньги в два приема. Первый взнос осуществлялся с 1 февраля по 1 июня. В крайнем случае можно было внести его до 1 июля. После этого взималась пеня: в первый месяц 1 %, во второй – 2 % и т. д. Второй взнос уплачивался с 1 сентября по 1 января по

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 897. Л. 16.

² См. Приложение С.

³ Котов П. П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг.; Учебное пособие / Сыктывкарский университет. Сыктывкар, 1991. С. 68

тем же правилам. Этим же документом оговаривалось, что если какой-нибудь крестьянин не будет в состоянии вносить платежи или «по нерадению или дурному поведению» откажется от уплаты оброка, то управляющий имеет право отправить его в рекруты или на поселение. Если долг возник по независящим от селения причинам, например, неурожай, пожар и т. п., то крестьянам предоставлялась отсрочка в уплате и помощь¹.

Самые крупные повышения оброка произошли в 1810 и 1824 гг. Удельные чиновники обосновали возможность повышения оброка в подведомственных имениях улучшением управления. До введения в действие Положения 1808 г., по мнению удельных чиновников, крестьяне, находясь далеко от управления экспедицией, «были притесняемы местными властями», и вместо того, чтобы заниматься сельскохозяйственными работами или промыслами, «они были вынуждены ходить по судам, или же искать решения возникших вопросов у удельных властей». Теперь же органы управления располагались более удобно, а это, в свою очередь, привело к «надлежащему» контролю, крестьяне получили возможность не отвлекаться от своих работ и, как показалось местным властям, платить оброк «без отягощения». Еще одним аргументом в сторону увеличения налогообложения стало увеличение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. По мнению министра, сложились все условия для того, чтобы предложить «удельным поселянам, во уважение нынешнего их выгодного и спокойного состояния, о соглашении на умеренную прибавку к платимому доселе оброку»². В документе приводятся ссылка и на «удовлетворительные» мирские приговоры сельского общества.

Сумма оброка была определена на уровне обложения помещичьих крестьян и не должна была превышать 8 руб. с ревизской души. Так, самые высокие суммы оброка были назначены в Московской, Владимирской, Оренбургской и Симбирской удельных конторах в размере 8 руб. с души, самый низкий размер устанавливался в Смоленском удельном имении и

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

составлял для части крестьян 2,5 руб. асс.¹. Пониженный оброк также вводился в Псковском имении и был связан с бедственным положением крестьян и накопившейся большой суммой недоимок². При этом расклад оброчных платежей по приказам разнился. В Смоленском имении большая часть крестьян, а именно 27215 душ, платили по 5 руб. 50 коп., 11378 д. м. п. – по 5 руб., 325 крестьян – по 3 руб. и только 171 податная душа платила по 2,5 руб. в силу крайнего обеднения и скудости земли³.

Повышение оброка затрагивало всех крестьян, за исключением тех, которые были куплены у помещиков. Они и так платили повышенный оброк, чтобы покрыть расходы по сделке. Сумма варьировалась от 6 до 17 руб. с ревизской души и раскладывалась на определенное количество лет, в зависимости от цены покупки и материально-хозяйственных условий крестьян, которые оценивались чиновникам ведомства⁴.

Ежегодное увеличение размера оброка с 1810 г. составило 682338 руб. 20 коп., а всего в удельный бюджет с оброчных платежей поступило 2666042 руб. 53 коп., т. е. на 34 % больше⁵. Тут надо учитывать, что к 1810 г. значительно снизился курс ассигнации, поэтому повышение оброка относительно реальной стоимости рубля было несколько ниже. Особенность повышения оброка в 1810 г. состояла в том, что была сделана попытка ввести некоторую пропорциональность оклада доходу в границах губерний. Группировке по классам подверглись более мелкие территориальные единицы - приказы, вследствие чего в одной и той же губернии образовалось несколько норм оклада⁶, в отличие от обложения казенных крестьян, где все крестьяне одной губернии платили одинаково.

¹ См. Приложение Д.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 17. Л. 28–29.

³ См. Приложение Д.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 17. Л. 28–29. Тоже. ПСЗ. Собрание 1. 1806–1807. Т. XXIX. № 22328. СПб., 1830. С. 796–797.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 45.

⁶ См. Приложение Д.

Следующее крупное повышение оброка вводилось с 1 января 1824 г. Кроме того, был применен качественно новый подход к распределению губерний на классы. В отличие от обложения 1810 г., теперь классность зависела не только от качества земли, но и уровня получаемых доходов от неземледельческой деятельности¹. Так, из второго класса в первый переводились Московская и Тверская губернии, из третьего класса в первый – Санкт-Петербургская и Слободско-Украинская губернии². Удельные крестьяне Санкт-Петербургского отделения теперь платили по 8 руб. с ревизской души, прибавка в Московской конторе доходила до 10 руб., в Тверской – до 9 руб., а в Архангельской – до 7,5 руб. асс.³ Новый подход в системе налогообложения, т. е. учет неземледельческой деятельности крестьян, больше отражал реальное положение дел. В ряде губерний крестьяне практически не занимались земледелием, поэтому сохранение правила распределения налогов зависящим только от этого вида деятельности не было актуальным.

Итак, в среднем только за первую четверть XIX в., с учетом увеличения оброка в годы Отечественной войны 1812 г., которое коснулось всех крестьян, повышение обложения проводилось несколько раз. Но с учетом инфляционных процессов, особенно в годы войны, реальная тяжесть выплат была ниже. В целом оклад оброка на конец первой трети XIX в. в удельной деревне был ниже, чем в государственной. Если мы сопоставим нормы казенных оброков с оброчными платежами удельных крестьян в 1829 г., то окажется, что в некоторых губерниях, например, в Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, нормы оброка совпадали полностью или частично. Гораздо чаще оброки удельных крестьян были значительно ниже: «удельные крестьяне Новгородской губернии платили оброка 6 руб. с души, тогда как государственные крестьяне – 8 руб., удельные крестьяне

¹ См. Приложение Е.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 31. Л. 59–65

³ Там же.

Смоленской губ платили от 3.5 до 6 руб., а государственные крестьяне той же губернии – 9 руб.»¹. Именно поэтому, когда в 1836 г. удельные имения в 18 губерниях были переданы в казну в обмен на земли в Симбирской губернии, Министерство финансов подняло вопрос о повышении оброка у принятых удельных крестьян.

Дальнейшее повышение платежей у удельных крестьян было произведено одновременно с преобразованием системы налогообложения путем замены подушного оброка поземельным сбором. Этот сбор был распространен не на все удельные селения, например, он не коснулся малоземельных крестьян, которые сохранили подушный оброк.

Во второй четверти XIX в. система сбора оброка претерпела существенные изменения с введением поземельного сбора, который был предусмотрен еще «Учреждением об императорской фамилии» параграфом 116. Поземельный сбор уменьшил участки отводимых крестьянам земель («коренные участки»), а отрезанные излишки крестьяне вынуждены были брать в аренду за дополнительную плату. С целью концентрации и укрупнения удельных имений, а также облегчения перевода на поземельный сбор был произведен обмен части удельных и государственных земель, о чем мы писали выше. Предполагалось достичь более равномерного распределения земли между крестьянами, повысить урожайность зернового хозяйства и доходность удельной деревни в целом.

Рассмотрим эту реформу подробнее. Согласно параграфу 117 «Учреждения об императорской фамилии» крестьянский оброк должен был составлять половину дохода крестьян от пахотной земли, состоявшей под посевом; огороды и луга предоставлялись в бесплатное пользование². Доход от пахотной земли должен был исчисляться на основании средней цены на хлеб и средней урожайности. Предполагалось каждому крестьянину выделить

¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 46–50.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 546–547.

на тягло 9 десятин пашни в трех полях, и еще землю под дом, огород и хозяйственные постройки (усадьбу) и покосы. Излишек земли от установленной нормы передавался уделам для сдачи в аренду желающим, часто арендаторами выступали сами крестьяне.

Здесь следует сделать отступление. Акцепция этого процесса, особенно на фоне раздражения крестьянского общества, конечно, воспринималась, как еще один фактор феодального угнетения крестьянства, на что обращали внимание советские исследователи. Но если сместить акцент на происходившие трансформации в социально-экономической сфере, то мы увидим постепенный процесс вызревания рыночных отношений. Он был уже необратим. Сфера капитала, арендные отношения все больше и больше проявлялись в сельском хозяйстве. «Крестьянские хозяйства второй четверти XIX в., основанные одновременно на сельскохозяйственном и несельскохозяйственном труде, представляли специфическую трансформацию традиционных отношений и традиционных моделей поведения»¹. А Дж. Бердс расценивал крестьянский отход как начальную стадию формирования рабочего класса, видя в ушедших крестьянах наиболее квалифицированную часть сельского общества, успешно изжившую «деревенскую отсталость»². По нашему мнению, несмотря на то, что поземельный сбор был предложен еще при Павле I, условий для его реализации не было. Но во второй четверти XIX в. в Российской империи набирали темпы товарно-денежные отношения, формировалась многоукладность. Поэтому выводы авторов о том, что введение поземельного сбора усилило налоговую нагрузку на крестьянство, – верны, но и аргументы, что процессы развития капиталистических отношений в деревне были

¹ Уварова Н. А. Новые тенденции изучения крестьянства России конца XIX - начала XX вв. в зарубежной историографии // Ярославский педагогический Вестник. № 1 (2002). URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/40-199.html> (дата обращения: 02.05.2012). Режим доступа: свободный.

² Burds J.P. Peasant Dreams and market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, Pa, 1998. S. 8–9.

необратимы – тоже верны. Эти выводы и аргументы не противоречат друг другу, они показывают наличие факторов переходного периода, когда новый социально-экономический уклад должен был еще пробить себе дорогу, сформировать необходимые институты, что в большей степени проявится уже в пореформенное время.

Предложенная вице-президентом Департамента уделов Л.А. Перовским реформа по переходу на поземельный сбор, являлась реформой переходного периода и поэтому стала достаточно противоречивой. Во всеподданнейшем докладе от 19 июля 1829 г. министр императорского двора разъяснял императору, что налогообложение должно основываться на «способах плательщиков», т. е. на количестве и качестве земли. По мнению чиновника, подушное обложение приводило к тому, что в малоземельных имениях «крестьяне приходят к росту недоимок», а в многоземельных – платят меньше, чем позволяют их возможности; «при подушной системе обложения плательщики утверждаются в ложном и для государства вредном понятии, будто бы удельная, казенная или помещичья земля составляет крестьянскую собственность»¹. Предполагалось, что переход на поземельный сбор позволит увеличить сборы с тех имений, где было много земли или она была плодородной. При этом снижать уже введенные оброки в проблемных приказах не планировалось².

Все правила по введению поземельного сбора разрабатывались совместно с управляющими конторами, которые присылали в Департамент уделов свои соображения. Только один управляющий Воронежским имением высказал мысль о неподготовленности вверенного ему имения к введению поземельного сбора. Управляющий Нижегородской конторой заявил, что введение поземельного сбора в течение одного года почти невозможно. Прочие управляющие тоже высказывали определённое сомнение, по их мнению, главная трудность, которая могла возникнуть, – это раздробленность

¹ История уделов ... Т. 2. С. 88–89.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л.24.

имений и чересполосица удельных владений с частновладельческими и казенными¹.

Несмотря на сопротивление части управляющих, 12 мая 1830 г. правила поземельного сбора были подготовлены, одобрены членами Государственного Совета и разосланы во все конторы. Итак, требовалось с помощью деревенских мерщиков разделить земельные площади на участки не более 10 десятин (кроме усадебного угодья и выгона), а при недостатке земли делить на меньшие участки. Все жители села подразделялись на тягла, куда включались мужчины от 17 до 55 лет, и полутягла, состоявшие из мужчин возрастом 15-17 и 55-60 лет. Каждое тягло, обычно состоявшее из двух ревизских душ, принимало один участок, который носил название «коренного». Тягловый участок зависел от размера валового дохода, получаемого с него, и равнялся 75 руб. Доход делился на пять частей, из которых $\frac{2}{5}$, или 30 руб. шли собственнику земли, т. е. уделам, а 45 руб. (или $\frac{3}{5}$) оставались в пользу земледельца. Расчет 30 руб. соответствовал платежам двух ревизских душ на 1832 г., т. е., по мнению чиновников, сильно отяготить крестьян не мог². За основу были взяты платежи для крестьян Казанского имения: они платили с ревизской души оброк по 10 руб. и остальных сборов 4 руб. 57 коп., а так как тягло составлялось из двух ревизских душ, то весь платеж, лежавший на тягловом участке, округлялся до 30 руб.³

Оставшаяся после раздела земля называлась «излишней», ее или передавали крестьянам в аренду, или искали, сторонних арендаторов. Селения, в которых были излишки земли и где поземельный сбор с тяглового участка превышал сумму в 30 руб., назывались многоземельными, где сбор равнялся 30 руб. – достаточными, а где земли приносили меньший доход с коренного участка от установленного размера – малоземельными. Если при этом число тягол было меньше половины числа душ, то размер оклада,

¹ История уделов ... Т. 2. С. 89.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 39–49об.

³ История уделов ... Т. 2. С. 99–100.

падающего на коренной участок, должен был определяться делением всей суммы платежей данного селения на все число тягол¹. Селения, пользовавшиеся большим наделом, лучшими угодьями или преимуществами положения, должны были быть обложены повышенным оброком. В малоземельных имениях при недостатке наделной земли крестьянам разрешалось переселяться на свободные земли. Департамент уделов, разрабатывая правила поземельного сбора, оставлял за управляющими возможность регулировать этот процесс, исходя из специфики местности. К введению поземельного сбора были определены 11 удельных имений, которые остались после размена с казной. В 1830 г. сбор был введен только в 6 имениях, в основном там, где крестьяне пользовались сравнительно большими земельными наделами².

Трудность применения правил 12 мая заключалась в сложности определения ценности наделной земли или преимуществ ее положения, на основании чего и следовало увеличивать оброк. Ценность участка определялась размером, средним урожаем, получаемым с него, ценой на хлеб. Кроме того, при определении ценности земли учитывали местоположение: подгорные, отдаленные от городов, степные. Итак, поземельный оклад должен был основываться на доходности крестьянского надела, а, в свою очередь, доход крестьянина от посева яровых хлебов, от сенокоса, выгона и т.п. должен был считаться по отношению «к доходу ржаного поля»³. Следовательно, доходность крестьянского хозяйства считалась от дохода, получаемого с десятины ржи, а этот доход определялся на основании среднего в каждом селении урожая и средней цены на зерно.

Для разъяснения крестьянам нового порядка оброчного обложения указ от 24 января 1830 г. должен был быть донесен управляющими удельными конторами на мирских сходках. Печатные экземпляры указа для ознакомления

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 39–49 об.

² История уделов ... Т. 2. С. 99–100.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 39–49 об.

должны были выставить в рамках за стеклом в каждой приказной избе и в избах деревенских выборных¹.

Крестьяне встретили нововведение беспокойно. Более того, уже в июне 1830 г. удельные крестьяне Золотовского приказа Саратовской губернии отказались предоставить рабочих в помощь землемерам, «говоря решительно, что хотя бы им головы рубили, то и тогда повиноваться не будут». Даже отправка «главнейших ослушников» в острог не сломила «прежнее упорство», на мирском сходе только 25 крестьян согласились повиноваться. Министр в Высочайшем докладе предлагал применить к этим крестьянам, «чтобы другим не дать повода», суровое наказание и судить их военным судом. Резолюция императора Николая I гласила: «Исполнить, поручив Саратовскому Гражданскому губернатору немедленно отправить военную команду для усмирения сих крестьян и приведение в должное повиновение к начальству и исполнению Высочайшей воли о поземельном сборе»². Успокоить людей и договориться об обмере участков удалось в тот же день, когда управляющий получил уведомление из Департамента. На площади собрали мирские сходы и в присутствии 100 человек военной команды снова зачитали указ и санкции, которые будут наложены, если они окажут сопротивление. «Крестьяне раскаялись в своем заблуждении и изъявили совершенную готовность повиноваться распоряжениям начальства». 30 человек, несмотря ни на что, отказались размежевывать свои участки и были отданы для наказания военному суду для профилактики неповиновений в других имениях³.

Первым имением, где крестьяне были переведены на поземельный сбор, было Нижегородское, в результате в пользовании крестьян осталось 63300 дес. земли в коренных участках, а 2346 дес. зачислено в излишнюю землю. В Симбирском имении в разряд излишних земель отошло 6 % общей площади крестьянского надела; в Пермском имении пахотное угодье крестьян

¹ История уделов ... Т. 2. С. 93.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 116–117 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 130–130 об

сократилось на 30 %, в Саратовском весь крестьянский надел потерпел сокращение на 28 %. Также наделное землепользование удельных мордовских приказов Алатырской конторы в течение рассматриваемого периода претерпело заметные изменения в сторону непрерывного сокращения наделов, хотя общая площадь удельных земель возрастала. «Налицо, таким образом, откровенно крепостнический курс в аграрной политике, проводившейся уделом, в результате которого крестьянский надел доводился до крайнего минимума, тогда как «вакантные» (запасные) земли удельной конторы, сохранившиеся в больших количествах, сдавались в аренду и частично продавались крестьянам»¹.

Оброчная плата за коренные участки назначалась управляющими не ниже существовавшего оклада, а для селений, находившихся в лучших условиях, была повышена. В итоге общая сумма удельного дохода после преобразования налогообложения возросла: «в Симбирском имении на 5 %, Вятском - на 13 %, в Нижегородском - на 12 %, в Пермском - на 30 %, в Оренбургском - на 37 %, а в Саратовском на 39 %»². В 1836 г. Департамент уделов получил в бюджет чистого дохода от введения поземельного сбора 650000 руб. асс.³

Поземельный сбор несколько раз пересматривался в сторону увеличения, в 1834 и 1850 гг., в связи с проводившимися в Российской империи ревизиями, и согласно правилам о поземельном сборе производилась новая переоценка крестьянских угодий.

При расчете поземельного оброка селения разделялись по преобладающему занятию жителей, причем устанавливались два класса селений: земледельческие и промышленные. Последняя категория включала те селения, где жители не занимались хлебопашеством, а либо сдавали свою землю в аренду, либо ее не обрабатывали в силу рискованности земледелия.

¹ Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века. автореф. дис. ... к.и.н. Саранск, 2003.

² История уделов ... Т. 2. С. 100.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 9–9об.

Промышленные селения облагались более высоким сбором, чем земледельческие, путем «назначения для ржаного поля высшего урожая», чем он мог быть в действительности. «Повышение мотивировалось тем, что, сдавая пахотную землю в аренду лицам, не заботившимся об ее улучшении, крестьяне этих селений обесценивали имущество, принадлежавшее Уделам, и лишали владельца того дохода, на какой он вправе был рассчитывать»¹. Кроме того, процедура подсчета поземельного сбора позволяла вводить повышенные коэффициенты для «промысловых селений» и для «селений подгородных» (находящихся в тридцати и ближе верстах от уездных и губернских городов, крупных пристаней и т. д.)².

По мнению составителей «Истории уделов...», Департамент не сознавал всю трудность оценки земли, «иначе он организовал бы для этого специальные учреждения (что предполагалось уже в положении об Императорской фамилии), а не поручил бы дело управляющим конторами и без того обремененными многочисленными обязанностями»³. Сами управляющие достаточно легкомысленно отнеслись к определению доходности земли. Ведь для определения поземельного сбора нужно было установить для каждого района продажную цену ржи, при этом «Наставлением о введении поземельного сбора» запрещалось пользоваться справочными ценами как ненадежными. Удивление вызывает тот факт, что в 1835 г. многие из управляющих не смогли по требованию Департамента предоставить сведения о ценах ржи за 10 лет, «или доставили сведения предположительные, как по отсутствию всяких о том записей или даже самих сделок на рожь»⁴. На каком основании они определили цену ржи за 5 лет при проведении поземельного сбора – остается лишь предполагать. А ведь это был основной критерий оценки дохода от земли, от которого зависело сокращение крестьянского надела и

¹ История уделов ... Т. 2. С. 107.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 39–49об.

³ История уделов ... Т. 2. С. 110.

⁴ История уделов ... Т. 2. С. 110.

увеличение общей суммы платежей. Именно установление абсолютных, а не относительных цифр урожайности земли и цены хлеба являлось важнейшей задачей оценки. Более того, Департамент уделов требовал закончить оценку в течение нескольких месяцев, что было воспринято управляющими как желание ведомства повысить скорее свой доход, поэтому они проявляли торопливость при сборе сведений.

Правила введения поземельного оброка позволяли управляющим трактовать их применение, исходя из местных условий, не определив точные правила. Это привело к появлению интересных вариаций с их стороны, то ли в силу некомпетентности, то ли для удовлетворения своего личного интереса. Так, управляющий Саратовской конторой обложил поземельным сбором и те селения удельных крестьян, где они имели общее владение с казенными или помещичьими, не разделяя, конечно, в натуре их земли на коренные и излишние участки, а лишь предположив, сколько могло бы быть определено в каждом селении. Эти гипотетические участки и были обложены поземельным сбором. Управляющий Оренбургским имением ввел поземельный сбор в селениях, пользовавшихся удельной землей, убедил остальных крестьян, живших на башкирских или на собственных землях, согласиться на прибавку оброка в размере от 50 коп. до 2 руб. на душу¹.

Правила оценки, принятые Департаментом уделов, которыми предполагалось добиваться не столько абсолютной, сколько относительной верности данных, лежавших в основании расчета доходности земли, поспешность введения поземельного сбора и отсутствие органов для предварительной проверки статистических описаний и исчислений доходности земли – все это давало управляющим полную возможность по собственному усмотрению повышать или понижать оценку крестьянских угодий сравнительно с действительной их доходностью и, таким образом, достигать повышения оброка даже в очень малоземельных селениях.

¹ История уделов ... Т. 2. С. 104.

Проверка Департаментом предоставлявшихся управляющими поземельных табелей сводилась к простой формальности, к рассмотрению того, соответствовали ли они установленным формам и выявлению в них грубых ошибок в вычислении. Чаще количество земли в этих табелях, начисленное по площади тяглого участка, не соответствовало действительному землевладению данного селения. Чтобы не задержать сбор податей по новому обложению, управляющие приступали к его реализации, не ожидая окончательного утверждения их проектов, которые нередко возвращались в конторы по несколько раз для исправлений и дополнений. Если поземельный сбор был введен и представлены были мирские приговоры, Департамент уделов чаще всего не возбуждал дела о неправильном обложении того или иного селения, и нередко примирялся с совершившимся фактом, даже при очевидном противоречии изданным правилам¹.

Сам процесс ведения поземельного сбора потребовал кратковременных расходов. Для межевания удельных земель Департаментом уделов дополнительно были закуплены инструменты, кроме того, при удельных конторах были организованы временные столы и набран штат. На эти цели уделами было потрачено 40630 руб. асс.²

В удельных имениях введение поземельного сбора популярности не вызвало и спровоцировало волнения. Летом 1831 г. в ряде приказов Вятской губернии начались беспорядки, «крестьяне тех приказов отказываются от платежа оброка за оказавшуюся у них сверх коренных участков излишнюю землю». Будоражили крестьян распространившиеся слухи, что введение поземельного сбора есть ни что иное, как «вид подписки за барина»³. Управляющий конторой был вынужден констатировать, что крестьяне проявляют «упорство не токмо ко введению поземельного сбора, но к запашке впредь общественных полей, постройке магазинов, платеже приказчикам,

¹ История уделов ... Т. 2. С. 110.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–5об

³ Крестьянское движение в России в 1826–1849. Сб. документов. М., 1961 С. 195–196

головам и прочим старшинам большего, по их мнению, жалования, говоря, что у казенных поселян таких расходов нет». «Крестьяне собираясь на сходки ... не внимали никаким увещаниям, опровергали все нововведения на пользу их установленные и, почитая оные незаконными и без Высочайшей воли изданными, кричали, что «по сим токмо предлогом хотят нас отдать в помещичье владение», что они отягощаясь платежом оброка, который взыскивается с них и скоро и строго, желают быть в казенном ведомстве»¹. Силами конторы крестьян привести в повиновение не удалось. На место выехал чиновник из Санкт-Петербурга, который отправился на место и «узнал, что во всем удельном имении Сарапульского уезда мятеж возник до Высочайшей степени и что буйная чернь самовольно устраняет голов и писарей, составляет своё правление и на тайных сходках уничтожает все постановления о поземельном сборе, не признавая над собой никакой власти»². Страсти накалились настолько, что грозили перейти в насилие. Вятскому губернатору докладывали, что «голову и писаря крестьяне порывались убить и, может быть, совершили бы сие злодеяние, если бы тамошний священники не спас их на чердаке своем»³. Чиновник отмечал, что не все крестьяне оказывали сопротивление, некоторые, но меньшинство, были согласны на введение поземельного сбора. Для наведения порядка в села были отправлены военные команды и священники, только это и привело крестьян к успокоению; был проведен показательный суд над зачинщиками⁴. Власти не избежали волнений и среди крестьян на присоединённых территориях Симбирской губернии, переданных из государственного ведения⁵.

Введение поземельного сбора в большей части удельных имений состоялось в течение 1831–1833 гг. В полученных от государства в ходе «промена» удельных имениях Симбирской губернии переход на поземельный

¹ Там же. С. 201

² Там же. С. 205

³ Крестьянское движение в России в 1826–1849. Сб. документов. М., 1961. С. 658

⁴ Там же. С. 205–206, 213.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 112–131.

сбор произошел после 1836 г. Красносельское удельное имение одним из последних перешло на сбор в 1838 г.

К концу первой трети XIX в. был повышен подушный оброк и в малоземельных губерниях, где поземельный сбор не вводился. После передачи удельных имений в ведение Министерства финансов оказалось, что государственные крестьяне несли большие оброчные платежи. По мнению авторов «Истории столетия», чиновники, «сообразив все эти обстоятельства и находя, что состоявшие на подушном окладе удельные крестьяне могли без отягощения платить оброк наравне с казенными», решили уравнивать удельных крестьян в платежах до размера оброка государственных. С 1843 г. крестьяне удельного ведомства, остававшиеся на подушном оброке, стали платить большую сумму, хотя прямых оснований для такого повышения не было¹.

Итак, с одной стороны, введение поземельного сбора усилило оброчное обложение удельных крестьян. Управляющие удельными конторами формально подошли к расчетам урожаев и цены на хлеб, что являлось важным критерием вычисления поземельного сбора и ограничения крестьянских участков. В целом введение поземельного сбора в удельных имениях сопровождалось повышением крестьянских платежей, даже в случае малоземелья и трудностей с выплатами у крестьян, снижение налоговой базы даже не предусматривалось, таких крестьян оставляли на подушном оброке, который в результате принятия ряда циркуляров был повышен. В целом реформа по введению поземельного сбора была выгодна самому ведомству, поэтому, несмотря на сопротивление удельных крестьян, была доведена до завершения.

Помимо подушной подати и поземельного сбора удельные крестьяне несли и мирские платежи, которые могли колебаться не только по губерниям, но даже по приказам и селениям. Это зависело от того, какая часть повинностей исполнялась крестьянами натурой или наймом, и в какой мере,

¹ История уделов ... Т. 2. С. 88–89.

исходя из расположения селения, им приходилось участвовать в исполнении дорожной, подводной повинности и др. Так, в 1828 г. денежные общественные сборы с крестьян колебались от 19 коп. на душу в Смоленской губернии до 11 руб. в Красносельском имении. Эти колебания были значительны и в пределах одной губернии: во Владимирской губернии, например, в том же 1828 г. сборы колебались от 73 коп. до 3 руб. 18 коп. с души, в Смоленской - от 19 коп. до 2 руб. 37 коп. и т. д. Департамент уделов стремился по возможности сократить эти сборы, с одной стороны требуя экономии в общественных расходах, с другой – затрудняя переложение натуральных повинностей на денежные для сохранения общей платежеспособности, как видно в таблице. Несмотря на это, к 40-50-х гг. XIX века сборы увеличились в среднем до 4 руб. асс. с души, в то время как в 30-х гг. они составляли в среднем около 2 руб.

Таблица 9.

Сравнительная ведомость общественных сборов 1827 и 1828 гг.

Название губернии	1827	1828
	руб. асс, коп	руб. асс, коп
Архангельская	20089,94	15849,53
Владимирская	56122,93	32997,53
Вологодская	45716,84	35574,28
Воронежская	28605,41	20473,17
Вятская	118584,53	99951,37
Костромская	88672,29	67962,09
Московская	36536,47	17004,47
Нижегородская	77171,03	30283,70
Новгородская	70563,28	48963,28
Псковская	27567,06	24510,97
Саратовская	29507,68	24958,72
Санкт-Петербургская	9017,50	4118,57
Смоленская	51684,34	31716,03

Симбирская	33238,87	29014,19
Тамбовская	37314	21210,55
Тверская	32882,39	23599,54
ИТОГО	763274,56	528187,99

Таблица взята из: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 57.

Подобно общественным выплатам, земской сбор представлял собой также колеблющуюся величину. В 1831 г. он составлял для разных губерний от 11 коп. до 1 руб. 26 коп. с души, а в 1836 г. - от 75 коп. до 3 руб. асс. Но, тогда как подушная подать и общественный сбор накладывались на удельных крестьян в размере, не зависящем от того, состояли ли они на подушном или поземельном окладе, земская повинность уплачивалась крестьянами, состоявшими на поземельном сборе, в размере, не превышавшем 1 руб. асс. на тягло или 50 коп. на душу, остальная же часть этого сбора уплачивалась с хлебного капитала. Это было своеобразным вознаграждением «за высший оброк в пользу Уделов»¹. В 1836 г. в качестве временной меры Департамент разрешил уплачивать казенные и мирские повинности крестьян из средств от продажи «излишка» хлеба с общественных запасок, но в итоге делал это вплоть до отмены крепостного права в удельной деревне. Это была вынужденная мера, чтобы поддерживать крестьянство в тяглоспособном состоянии.

Наиболее тяжелыми для крестьян были повинности на местные земские нужды, которые отрабатывались в натуральной форме: дорожная (расчистка леса вдоль дорог, мощение переправ-гатей, строительство и ремонт мостов, содержание в надлежащем состоянии перевозов и прочие дорожные работы); подводная (выделение подвод для разъездов по губернии чиновников, доставки арестантов, сопровождение воинских частей, обслуживание почтовых – «обывательских» – станций и лошадей на них; выполнение

¹ История уделов ... Т. 2. С. 133–134.

обязанностей по охране общественного порядка или объектов недвижимости; обслуживание земских уездных судов (выделение «рассыльщиков») и прочие работы¹. Законом предусматривалось переложение земской повинности, в случае неудобства исполнения, на соседние селения². Они каждые три года перераспределялись между всеми податными сословиями губернии.

Состав земских повинностей не был постоянен и зависел от нужд государства, губерний и уездов. Только с 1805 г. государство приступило к активному регулированию земских повинностей, пытаясь противодействовать многочисленным злоупотреблениям губернских чиновников. «В 1810 г. в своем «Плане финансов» М.М. Сперанский отмечал, что земские повинности, в 10 раз превышая размер всех казенных податей, «доселе не подлежали никакому исчислению и почти оставались в производстве земской полиции», от чего казна теряла значительную долю собиравшегося с крестьян дохода»³. В этих условиях становятся более понятны усилия удельного ведомства по ограждению удельных крестьян от произвола губернских органов в вопросах исполнения земских повинностей. Состав казенных и земских повинностей удельных крестьян был в основном тот же самый, что у государственных и помещичьих крестьян. Отличие заключалось лишь в том, что с них не назначались сборы на содержание тех заведений, которые не были связаны с удельными имениями: канцелярий уездных предводителей дворянства, губернских продовольственных комиссий и т. п.⁴

Кроме того, крестьяне собирали мирские взносы и на жалование крестьянским выборным, на оплату волостного и сельского делопроизводства и пр. Мирские сборы удельных крестьян подразделялись на постоянные и

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 15.04.2014). Режим доступа: свободный.

² ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

³ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 18.04.2014). Режим доступа: свободный.

⁴ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 50.

повсеместные, раскладывавшиеся равномерно во всех удельных селениях страны. Они расходовались на жалование должностным лицам, оспопрививателям (с конца 20-х гг. XIX в.), сторожам, на содержание общественных помещений в приказах, поставку лошадей для разъездов удельных чиновников и т. п. Кроме того, производились единовременные сборы, предназначенные на расходы по снаряжению рекрутов, строительство и ремонт общественных заведений, в раскладке которых участвовали крестьяне только отдельных приказов. И, наконец, существовали частные сборы, взимаемые с жителей одного или нескольких селений на постройку церквей, богаделен, школ, пожарных сараев и т.п.¹

В целом можно констатировать, что в изучаемый нами период, несмотря на некоторое сокращение общественных сборов и политику попечения, налогообложение на удельных крестьян было усилено. Это, в свою очередь, приводило в ряде регионов к недоимкам. Тенденция роста неуплаты налогов и сборов сохранялась всю первую треть XIX в., снижение удельного веса недоимок отмечается только в середине 30-х гг. за счет «промена». Если в 1798 г. недоимки составляли 640500 руб. асс., в 1825 г. – уже 3433500 рублей в целом по удельным имениям Российской империи. В 1836 г. на 18 удельных имениях, переданных в казенное ведомство, числилось 3594037 руб. асс. 72 коп. недоимок.²

Департамент уделов понимал проблему, которая стояла перед ведомством, и проводил соответствующие мероприятия, которые, по его мнению, могли снизить недоимки в удельный бюджет. К сожалению, чаще методы носили экстенсивный характер, например, характерная для помещичьей деревни политика попечения, нацеленная на поддержание платежеспособности крестьян, о чем мы скажем ниже. Сократить общее количество недоимок удалось за счет передачи удельных имений-должников Министерству финансов. Были и другие способы предотвращения роста

¹ История уделов ... Т. 2. С. 133–134.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 191–192.

недоимок. В тех случаях, когда денежный оброк взять с крестьян не удавалось в силу крайнего их разорения, удельное ведомство переводило таких крестьян на барщину. Например, в земледельческих районах в сильно задолжавших селениях выделяли часть земель в особый участок. Он обрабатывался общим трудом недоимщиков, а собранный хлеб продавался на пополнение долга. Именно в 20-х гг. XIX в., когда недоимки крестьян были особенно велики, удельное ведомство практиковало перевод наиболее безнадежных недоимщиков на барщину. Под предлогом наказания за недоимки удельное ведомство всех наиболее состоятельных крестьян из недоимочных селений облагало повышенным оброком в 20-25 руб. (против 10 руб. оброка), а у безнадежных недоимщиков, т. е. у малоимущих крестьян, отрезало до половины и более надельной земли под барщину. «Это позволяло ему получать от малоимущих крестьян доходов больше, чем от состоятельных»¹.

Департамент уделов предлагал крестьянам разные варианты для выплаты недоимок. Так, в серьезных долгах перед Департаментом к 1826 г. оказались крестьяне Велейского и Покровского приказах Псковской губернии: сумма долга перед ведомством составляла 476 671 руб. 15 коп. Чтобы эта сумма хоть как-то снижалась, крестьянам предложили взять часть в кредит на 24 года под процент, причем долг раскладывался на всех крестьян и равнялся 1 руб. 20 коп в год дополнительных выплат. Остальной долг должен был гаситься из вспомогательного капитала и посредством продажи рекрутских квитанций². В отдельных случаях предоставлялась рассрочка накопившейся недоимки на несколько лет или «на долгий срок».

Стимулировать крестьян закрывать долги, по мнению чиновников, должны были и косвенные меры. Например, были введены ограничения на выход крестьян в купечество: правом выхода пользовались крестьяне, проживавшие в деревне или в селении, в котором были погашены все долги.

¹ Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии ... С. 8.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 125–126.

Также должников запрещалось допускать к участию в местном самоуправлении¹.

Отметим, что в 1797 г. недоимки были сняты с крестьян и мещан в целом по Российской империи, это семь с лишним миллионов рублей (или одна десятая бюджета). Н.Я. Эйдельман замечает в своей работе, что эта сумма примерно равна новому обложению дворян за четыре с лишним года, т. е. «благородное сословие» в течение царствования Павла I почти покрыло крестьянскую недоимку². Уже в 1798 г. Департамент снял недоимки с удельных крестьян³. В дальнейшем удельному ведомству неоднократно приходилось «прощать» долги по неуплате налогов и сборов крестьянам, но чаще это делалось индивидуально для каждого конкретного случая, когда все вышеперечисленные меры не давали должного эффекта. Департамент уделов пытался проводить политику интенсификации сельского хозяйства путем повышения уровня агрокультуры, чтобы увеличить платежеспособность крестьян, но в целом она закончилась неудачно по разным причинам, в том числе из-за сопротивления крестьян вводимым новшествам.

Таким образом, основным источником пополнения бюджета Департамента были налоги и сборы с удельных крестьян. Согласно «Учреждению об императорской фамилии» повинности делились на государственные платежи и «прочие чрезвычайные налоги», которые крестьяне вносили на основании общих правил и законов, и хозяйственные сборы, которые накладывались Департаментом уделов на основании внутренних нормативных актов. Субъектом налогообложения являлась крестьянская община, именно она несла ответственность за уплату податей перед государством и удельным ведомством.

Основной статьей пополнения удельного дохода являлся оброк за землю. Вначале со всех удельных крестьян Российской империи взимался

¹ Относительно мер, принятых к взысканию считающейся на приказах Велейском и Покровском недоимки Псковской удельной конторе. СПб., 1826. С. 1–3.

² Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 2004. С. 145.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1798–1799. Т. XXV. № 18512. СПб., 1830. С. 231–233.

равный оброк, но Департамент постепенно повышал базовую ставку налогообложения, используя разные методы. Так, при повышении оброка в 1810 г. была учтена пропорциональность оклада доходу в границах губерний, в отличие от обложения казенных крестьян, где все крестьяне одной губернии несли одинаковый платеж. Группировке по классам подверглись более мелкие территориальные единицы - приказы, вследствие чего в одной и той же губернии образовалось несколько норм оклада. В 1824 г. ведомство изменило критерии для определения губерний в тот или иной класс. Теперь классность зависела не только от качества земли, но и от уровня получаемых доходов от неземледельческой деятельности.

Дальнейшая политика Департамента уделов в области налогообложения связана с ее преобразованием путем замены подушного оброка поземельным сбором. Этот сбор был распространен не на все удельные селения, он не касался малоземельных крестьян, которые сохранили подушный оброк. Основное правило введения поземельного сбора заключалось в том, что существовавшие оброки не могли быть снижены, в свою очередь, должны были увеличиваться сборы с тех имений, где существовали к этому условия. Правила оценки, принятые Департаментом уделов, которыми предполагалось добиваться не столько абсолютной, сколько относительной верности данных, лежавших в основании исчисления доходности земли, поспешность введения поземельного сбора и отсутствие органов для предварительной проверки статистических описаний и исчислений доходности земли – все это давало управляющим полную возможность по собственному усмотрению повышать или понижать оценку крестьянских угодий сравнительно с действительной их доходностью и, таким образом, достигать повышения оброка даже в очень малоземельных селениях. В удельных имениях введение поземельного сбора встретило сопротивление.

Помимо поземельного сбора, удельные крестьяне, как и государственные, несли и другие платежи: казенные, земские и мирские. Кроме того, производились единовременные сборы, предназначенные на

расходы по снаряжению рекрутов, строительство и ремонт общественных заведений, в раскладке которых участвовали крестьяне только отдельных приказов. И, наконец, существовали частные сборы, собиравшиеся с жителей одного или нескольких селений на постройку церквей, богаделен, школ, пожарных сараев и т. п.

В целом можно констатировать, что в изучаемый нами период, несмотря на некоторое сокращение общественных сборов и политику попечения, налогообложение на удельных крестьян было усилено. При этом удельное ведомство старалось найти баланс между степенью эксплуатации крестьян и возможностями их хозяйства. Система налогообложения в первой половине XIX в. претерпела изменения. В силу сложившейся многоукладности крестьянского хозяйства ведомству хотелось все больше контролировать и сферу неземледельческого промысла, которая с каждым десятилетием все больше росла. Крестьяне, в силу рискованности земледельческого труда, все чаще сочетали промысел и сельское хозяйство, а в некоторых регионах занимались только отходом¹.

Однако все мероприятия положительно сказались на общей доходности удельного бюджета, который весь изучаемый нами период сохраняет динамику роста. Так, в период с 1797 по 1825 гг. динамика роста доходности составила 62 %, при этом численность крестьян увеличилась только на 7,3 %. Мы можем проследить динамику доходности удельного бюджета получаемым от удельных крестьян с 1810 по 1841 гг., то она выглядит следующим образом. Если в 1810 г. уделам принадлежало 439 344 души, Департамент получал с которых доход 2845458 руб. 38 коп. асс, то в 1841 г. в общем уделе числилось 481369 душ с получаемым доходом 8025724 руб. асс.², т. е. при учете роста численности крестьян доходность была увеличена почти в 2,5 раза.

¹ Красникова Ю.Н. Промысловая деятельность удельных крестьян северо-запада Российской империи в первой четверти XIX века // Столица и провинции. Взаимоотношение центра и регионов в истории России. Сборник материалов. Всероссийская научная конференция 5 апреля 2010. СПб., 2010. Вып. 2. С.32–43.

² См. Приложение F.

Удельные экспедиции (конторы) несли полную ответственность за исправные платежи оброка и выполнение казенных повинностей удельными крестьянами. Для сбора оброков и податей в приказах был создан целый штат различного рода сборщиков, начиная от казенного заседателя в приказе и заканчивая сельскими участковыми сборщиками.

Таким образом, формы и порядок налогообложения удельных крестьян в изучаемый нами период находились под пристальным вниманием удельных властей и подлежали изменениям. При передаче из дворцового ведомства в удельное крестьяне несли равные с государственными крестьянами подати. В результате изменений в налогообложении, введённых в 1810, 1824 гг., за счет дифференциации налоговой базы в пределах имений удельные крестьяне несли меньшие налоги, чем казенные. Усиление налогового давления последовало после введения поземельного сбора. Декларация его как подоходного налога осталась лишь на бумаге. Денежное обложение удельных крестьян по сравнению с государственными увеличилось. Наряду с его повышением произошло частичное сокращение крестьянской надельной земли.

3.3. Меры по обеспечению крестьян землей и продовольствием

С первой половины XIX в. Российская империя все больше увеличивала экспорт сельскохозяйственной продукции, это приводило к повышенному спросу, особенно на зерновые. Все чаще стали появляться дискуссии по вопросу увеличения товарности сельского хозяйства. Они находили отражение как в источниках личного происхождения, так и в официальных делопроизводственных бумагах. Главными сложностями, тормозившими развитие сельского хозяйства, были неразвитые капиталистические отношения и особенности общинного уклада, которые замедляли развитие деловой активности в крестьянской среде. Департамент уделов, являясь хозяйственной структурой, тоже был озабочен вопросом повышения

эффективности удельной деревни¹. Как мы говорили выше, со второй четверти XIX в. налоги с крестьянских хозяйств удельной деревни находились в прямой зависимости от производительности.

Необходимость повышения товарности сельскохозяйственного производства обсуждалась и на заседаниях Вольного экономического общества, являясь постоянной темой для размышления и дискуссий. А.Т. Болотов, который был членом общества, обосновал «видение неразрушительного, экономически целесообразного природопользования, интенсификации земледелия на высокоплодородных землях и экологической оптимизации агроландшафтов»². Целью членов ВЭО, было увеличение урожайности с десятины земли, сельскохозяйственная экономия и экономическая целесообразность. А.Т. Болотов предлагал при выборе видов зерновых культур для посева «сеять не только нужный в хозяйстве хлеб, но и «продажный», дорогой»³. Проекты, разрабатываемые членами ВЭО могли быть применены как в общегосударственном масштабе, так и для отдельного хозяйства.

Для успешной организации крестьянского хозяйства, чтобы применить все предлагаемые мероприятия по увеличению доходности, необходимо было наделить крестьян не менее чем 15-десятинными участками земли. Именно столько требовалось, по расчетам екатерининских хозяйственников, для оздоровления экономики России и сохранения налогоспособности сельского населения. С этой целью Павел I всенародно опубликовал указ о наделении казенных поселян 15-десятинным наделом из свободных земель, столько же должны были получить и удельные, в надежде, что «крестьяне, землями

¹ Подробнее Красникова, Ю.Н. Меры по обеспечению продовольствием крестьян удельного ведомства в первой половине XIX века (региональная специфика) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор В.А. Веремченко. СПб., 2019. С 283–289.

² Гулянов Ю.А. У истоков «умного землепользования» в России: Андрей Тимофеевич // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. Оренбург, 2019. № 2(76). С. 17.

³ Там же. С. 19.

скудные, придут в лучшее состояние и сделаются исправными казённых податей плательщиками»¹.

Но на практике реализовать наделение такими участками сельское население оказалось делом сложным. Для этого требовалось провести новое межевание и собрать сведения о юридическом статусе свободных земель. Оказалось, что часть их не возделывалась, т. к. находилась в спорах и по ним шло судебное производство. Отвод такой земли был возможен только после рассмотрения Сената, что производилось крайне медленно². Да и в густонаселенных губерниях такого количество свободной земли в принципе не было, поэтому обеспечить всех казенных и удельных крестьян было невозможно.

Материальное положение крестьянина в первую очередь зависело от обеспеченности его землей, сколько же ее было передано в уделы – точно определить сложно. Кроме 4162 тыс. десятин земли собственного владения, за Департаментом уделов числилось еще 3526 тыс. десятин общего владения удельных крестьян с крестьянами других ведомств и частных собственников и 348 тыс. десятин спорных земель³. В последних двух случаях сложно вычислить средние размеры наделов при передаче в уделы. Сделать это можно в отношении тех 370 тыс. ревизских душ, которые не участвовали в общем владении с крестьянами других ведомств. В среднем 80 % удельных крестьян имели в пользовании 3,03 дес. пашни, 0,73 дес. сенокоса и 0,60 дес. прочих угодий, а всего около 4,4 дес. удобной земли на душу⁴.

Эта средняя цифра крестьянского землевладения значительно отличалась в разных губерниях. Наибольшее количество удобной земли, в среднем 28,4 дес. на душу, состояло при удельных селениях Саратовской губ., за ними следовали Астраханская и Новороссийская (Екатеринославская) губернии, где на душу приходилось 11—13,4 десятин. Средние наделы

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 18256. СПб., 1830. С. 807–808.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 18257. СПб., 1830. С. 808.

³ История уделов ... Т. 2. С. 99.

⁴ История уделов ... Т. 2. С. 99.

крестьян остальных губерний не превосходили 8 десятин на душу; в том числе от 7 до 8 дес. имели во Владимирской, Воронежской и Пензенской губерниях; от 5 до 6 дес. - в Слободско-Украинской (Харьковской), Ярославской, Симбирской и Белорусской губерниях. От 4 до 5 дес. земли на душу находилось в пользовании крестьян Нижегородской, Смоленской, Пермской, Костромской, Тамбовской губерний; от 3 до 4 дес. удобной земли на душу имели в Калужской, Тверской, Петербургской, Псковской, Орловской, Курской, Вятской, Оренбургской и Казанской губерниях. От 2 до 3 десятин имели крестьяне Московской, Новгородской, Выборгской губерний; от 1 до 2 десятин – в Архангельской и Вологодской губерниях. Меньше 1 десятины на душу имели крестьяне Тульской и Рязанской губернии, а в Черниговской губернии 3400 душ остзейских крестьян и 1700 душ вообще не имели земли¹. Размеры наделов в большинстве удельных имений были ниже необходимого для развития агрокультуры.

В процентном соотношении крестьяне имели следующие средние для губернии душевые наделы удобной земли.

Таблица 10.

Средние душевые наделы удобной земли в губерниях в начале XIX века

Имели земли, дес	тыс. душ	в процентах
Свыше 10	4,2	1,2
7-8	46,2	12,5
5-6	19,8	5,3
4-5	134,3	36,4
3-4	82,2	22,3
2-3	33,8	9,2
1-2	42,8	11,6
Меньше 1 дес. или не имели земли	5,7	1,5

Таблица взята из: История уделов ... Т. 2. С. 105.

Разверстка земли производилась по решению крестьянского мира, в большинстве мест по тяглам, и только в отдельных случаях по числу ревизских

¹ История уделов ... Т. 2. С. 101–105.

душ. Переделам в основном подвергались наиболее ценные для крестьянства пахотные и сенокосные земли. Выгоны и прочие угодья в большинстве случаев находились в общем пользовании. Процедура общинных переделов не ограничивалась лишь количественным уравнением земли на волостном уровне. Она имела продолжение внутри отдельных селений, когда крестьяне учитывали уже качество пашенных угодий. В результате, например, в удельных имениях севера, «душевой надел не представлял единый земельный участок, а состоял из нескольких полосок в разных местах. Такое деление касалось всех трех полей: парового, ярового и озимого»¹. Тягловые участки распределялись между крестьянами с учетом трудоспособных членов семьи, количества скота, инвентаря и других условий, т. е. с учетом реальных возможностей.

Средний надел в удельных имениях составлял 4,4 десятины земли, что не позволяло получить товарный хлеб, тем более в условиях ограниченности земельного ресурса применять агротехнологии. Это в свою очередь требовало от Департамента уделов дополнительных мер по поддержанию сельхозпроизводителя и решению проблемы малоземелья, чтобы обеспечить бесперебойное поступление в удельный бюджет денежных средств и уплату казенных податей. Выработать сразу стратегию по решению этой проблемы у ведомства не получилось, поэтому в течение всей первой четверти XIX в. Департамент находился в поиске правильного решения.

В «Учреждении об императорской фамилии» в параграфе 116 уделам разрешалось приобретать угодья у частных владельцев по рыночной цене или у казны за установленную плату². Покупка земель у частных собственников и расширение таким образом удельного владения законом поощрялось. Первоначально земли и крестьяне приобретались лишь с учетом близости их расположения к удельным деревням. Количество приобретаемой земли не

¹ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991. С. 21.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С.546.

учитывалось¹. Процедура купли-продажи была ограничена лишь общей практикой приобретения недвижимости, продавцу следовало обратиться в Департамент уделов и заявить о желании продать земли. Предложений о продаже поступало много. Чиновники не успевали ни сделать должного осмотра, ни навести нужных справок по юридическому состоянию покупаемого имения. Торопливость в заключении сделок о покупке земли и имений приводила к тому, что уже после вступления в право собственности оказывалось, что земли находились «в тяжбе или споре». Для ведомства это означало вхождение в длительный судебный процесс².

В 1805 г. для всех желающих продать свои земли вводился обязательный документ, так называемое «прошение», по форме соответствовавшее оформлению бумаг в Государственный заемный банк, о чем Департамент уделов объявил публично³. В нём собственник земли должен был указать, в какой губернии, уезде и селении находилось имение, сколько там ревизских душ, размер предполагаемого дохода, количество земли и отношение к праву собственности⁴. Этот документ снижал нагрузку на ведомство, т. к. можно было сделать первоначальную оценку имения без выезда на места. На имя министра Департамента уделов направлялся отчет, в котором указывались все преимущества или недостатки такого владения. Так, близкое расположение к удельным территориям облегчало управление, поэтому служило одним из критериев оценивания. Только после одобрения со стороны министра имение тщательно осматривалось ревизорами. Интересно, что в инструкции им ставилось в обязанности собирать жалобы крестьян, которые являлись важным источником внутренней информации⁵. Ревизорами составлялся полный и подробный отчет для Департамента уделов⁶. Главным образом в

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1–17.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 16. Л. 121–122 об.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1805. 4 августа.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 16. Л. 121–122 об.

⁵ С момента приостановки покупки частных земель основным занятием ревизора было расследование коррупции в Департаменте уделов.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10–11.

отчете отражался экономический потенциал покупаемого имущества, просчитывалась рентабельность. В отчете важным пунктом была проверка юридического состояния земли: имел ли собственник право распоряжения и не было ли обременений по имуществу¹. Если юридическая чистота не подтверждалась, сделка была запрещена.

Особенностью сделок купли-продажи земли в первой четверти XIX в. являлось и то, что чиновники определили выгодную для ведомства стратегию совершения покупок, тем более что прошений о покупке земли приходило много и нужно было сразу отбирать более выгодные варианты. Для покупки выбирали предложения о продаже больших селений или волостей, т. к. они стоили дешевле. Маленькие участки покупали только, когда крестьяне продаваемой земли состояли с удельными крестьянами «в соседстве, в чрезполосно или общем владении земель»². Покупка такого участка позволяла ликвидировать чересполосицу в данном селении, что было выгодно Департаменту уделов. При этом обычно продавцы при подаче просьбы о выкупе их имения это обстоятельство отмечали особо.

В покупаемых имениях крестьяне облагались более высоким оброком по сравнению с остальными удельными крестьянами тех же губерний, с целью возмещения стоимости покупки. Получалось, что имения выкупались Департаментом уделов как бы в рассрочку за счет самих крестьян. Возврат затраченных денег в бюджет Департамента уделов обычно занимал 15–20 лет³. После возмещения потраченной на покупку суммы крестьяне переводились на обычный размер оброка по губернии. Купчая совершалась на имя Департамента уделов, крестьяне прав на эту землю не имели. Интересно, что после 1810 г. покупок земли с погашением затраченных сумм путем усиленных оброков почти не было. Такая тенденция связана, по нашему мнению, с тем, что к этому времени случаи приобретения имений у частных

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 16. Л. 121–122 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–27 об.

³ См. напр.: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 16. Л. 3а–4.; Там же. Д. 21. Л. 45.

лиц становятся единичными, да и ведомство уже сформировало устойчивую систему финансирования, поэтому покупка земли не создавала для удельного бюджета обременения.

В целом же Департамент уделов резко сократил количество сделок купли-продажи. В 1806 г. приобретение имений от частных владельцев было приостановлено¹, ревизоры не успевали осмотреть предлагаемые имения. До 1810 г. Департамент уделов занимался оформлением сделок на те земли, которые ревизоры успели осмотреть еще до 1806 г. Во втором десятилетии XIX в. ведомство практически не совершало сделок с частными лицами. За период с 1811 по 1820 гг. было куплено всего 3 имения площадью 33.366 десятин, да и то лишь в 1817 и 1819 гг.² Кроме того, сокращение приобретения земель у частных владельцев было связано с внутренней политикой самого ведомства и практикой приобретения имущества. Так, часть земель, приобретенных до 1806 г., оказались в споре между собственниками, т. к. не были определены их межевые границы. Разбирательства по таким случаям переносились в судебные инстанции и окончательно рассматривались в Сенате. Судебные споры порой затягивались на десятилетия. В дальнейшем, в 30-40-е гг. XIX в., покупки личных имений также сохраняли единичный характер, Департамент полностью изменил стратегию приобретения земли в собственность, предпочитая присоединение огромных наделов по обмену с государством.

В архивных документах прослеживается интересная особенность приобретения земель в николаевский период. Согласие императора на сделку иногда зависело не от выгоды уделов, а от личных отношений между ним и просителем. В 1830 г. с просьбой о продаже имения обратилась вдова Анастасия Фёдоровна Грибоедова. После смерти сына, государственного служащего Александра Грибоедова, погибшего при Персидском дворе, у нее

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–27 об.

² Красникова Ю.Н. Территориальное размещение удельных имений на северо-западе Российской империи в первой четверти XIX в. // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. СПб., 2011. № 25. С. 303-307.

не осталось средств расплатиться с кредиторами. Она просила купить у нее земли и оказать материальную помощь, «ибо в уповании на благость Вашего Императорского величества...отвергла деланные ей Принцем Хозревом Мирзою предложение о вспомоществовании». Однако резолюция гласила «объявить Грибоедовой, что нельзя купить ее имение в удел»¹. Про оказание помощи в документе вообще не сказано ни слова. В то же время, в 1828 г. было осмотрено выставленное на продажу имение графа А. Фредро. Департамент уделов после осмотра ревизорами пришел к выводу, что покупка уделам не выгодна, т. к. «имение в плохом состоянии»². Но через полгода на основании указа, «снисходя на прошение Фредро», имение было приобретено за 130000 руб. асс.³ Тенденция индивидуального рассмотрения каждого случая покупки земель уделами сохранялась на протяжении всего николаевского периода.

Департамент уделов при передаче имущества получил часть земель, уже находившихся в гражданском споре. Сначала все такие дела решались обычным судопроизводством с личным оповещением министра уделов⁴. Этот процесс сопровождался волокитой, нарушением сроков и апелляциями. Позже специальный циркуляр предписывал все спорные дела об изъятии удельных земель передавать на рассмотрение Правительствующего Сената, «и без его утверждения не приступать ни к какому исполнению»⁵. По мнению Департамента, такое внимание со стороны высшего органа власти должно было отразиться на более тщательном рассмотрении исков и установлении прав собственности. Любые земельные споры, в которых одной из сторон являлся Департамент уделов, брались под самый высокий контроль. Это положительно сказалось на результативности споров, большая часть судебных постановлений была вынесена в пользу уделов. Так, только в 1830 г. по

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 17-18.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 54.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 177.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–33 об.

⁵ Там же.

судебным искам было присоединено в пользу уделов 93027 дес. земли, а «потеряно» для уделов – 531 дес.¹

В случаях, когда собственника было сложно определить в силу различных обстоятельств, или у судебной инстанции возникали сомнения в праве собственности, споры решались в пользу Департамента. Такие запутанные дела часто возникали в связи с наследственным правом, с заложением имения дворянами за долги и т. п. Но там, где владение имуществом имело прямые бесспорные доказательства, право собственности, в соответствии с законом, признавалось за владельцем. Рассматривавшееся в Сенате в 1809 г. дело по земельному спору между удельным ведомством и генерал-поручиком Михаилом, секунд-майором Семеном Голенищевыми-Кутузовыми тянулось еще с 1781 г. В результате межевания, проведенного в 1812 г., земли «остались в спокойном владении удельных крестьян», а полностью дело было закрыто только в 1830 г. Интересно, что деньги за проведенное межевание и гербовую бумагу в размере 111 руб. 85 коп. были «сполна взысканы» с удельных крестьян².

Если на результативности практика разбирательства через высшие судебные инстанции сказалась положительно, то на сроки рассмотрения иска практически не повлияла. Процесс принятия решений по таким делам мог длиться десятилетиями, изнуряя и истца, и ответчика. В 1834 г. в Межевом департаменте Правительствующего Сената рассматривалось дело, начатое еще в 1800 г. при проведении Генерального межевания, о разделе земель казенных, удельных и помещичьих крестьян Симбирской губернии Алатырского уезда³. В 1826 г. закончилось дело о засурской лесной даче все того же уезда, длившееся 24 года. Еще при проведении межевания в 1802 г. в Алатырском уезде удельные крестьяне села Иванкова уверяли Департамент, что им принадлежало «по крепостям» 1018 дес. Судебный иск, поданный к

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 47–58.

² ГАПО. Ф.40. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–31.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 42. Л. 20.

наследникам земли Уваровым, рассматривался в межевых, а потом в гражданских правительствах, Общим собранием Сената Московских депутатов. Ответчик, уставший от судебных заседаний, в 1817 г. предложил Департаменту уделов пойти на мировую, передав в виде отступных 500 десятин земли в обмен на завершение тяжбы по всей Засурской даче. Но Департамент решил в судебном порядке добиваться положительного решения по иску, рассчитывая на большие приращения, что затянуло процесс еще на 6 лет. В итоге все инстанции признали право владения за Уваровым, который «просил довести до сведения Его императорского Величества с тем, что если сия уступка не будет противна Его Величеству, то он почтет за счастье уступить уделу требный участок. Если же таковое приношение не удостоится Высочайшего соизволения, то просит повелеть Министерству уделов прекратить свое требование»¹. Но так как право собственности было бесспорно доказано во всех судебных инстанциях, император дал указание оставить Уварова в покое². Это не единичные случаи длительных судебных исков о спорных территориях или имуществе.

Департаменту уделов приходилось решать и споры между крестьянами разных ведомств из-за границ участков. Это было связано, как и в предыдущих случаях, с несовершенством межевания в Российской империи середины XVIII – XIX вв. Более того, на основании манифеста от 12 сентября 1765 г., который положил начало Генеральному межеванию, отменялась необходимость представления при межевании соответствующих письменных документов, достаточно было «полюбовного» согласия смежных землевладельцев. Согласно инструкции межевщикам, границы участков отмечались установкой «деревянных столбов с гранями и межевыми ямами с углем и камнем»³.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 19–22.

² Там же

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XVII. № 12474. СПб, 1830. С. 329–340.

Установка межевых знаков не давала гарантии сохранения целостности участка. В 20-е гг. XIX в. между крестьянами Тамбовской удельной конторы и однодворцами с новой силой вспыхнул земельный спор, начавшийся еще в 1792 г. Сначала удельные крестьяне самовольно «уничтожили межевые признаки», что зафиксировала Тамбовская палата уголовного суда, а в 1823 г. те же крестьяне вооружились и напали на однодворцев. По решению суда 1825 г. девять зачинщиков были наказаны плетью, из них трое отправлены в Сибирь. Но крестьяне «продолжали обременять Министерство внутренних дел и финансов прошениями», на требование земской Полиции отказаться от «домогательств» ответили сопротивлением, в связи с чем в 1827 г. было вынесено новое судебное решение и еще четверо отправлены в Сибирь. Но и тогда крестьяне не отступились, отправили ходока в Санкт-Петербург¹. Интересно, что, несмотря на законность владения однодворцев, удельные крестьяне продолжали отстаивать право пользования земельным участком.

Земельные споры вынудили Департамент уделов организовать по собственной инициативе межевание земельных участков, для чего потребовался целый штат землемеров. В 1839 г. в Департаменте уделов в Четвертом отделении числилось 20 землемеров, 25 их помощников и 10 младших помощников². Также была открыта школа по их подготовке. В свою очередь, с началом межевания в удельных имениях выросло количество исков по спорным землям, что дало положительные результаты. К концу 1841 г. ведомство получило из земель совместного владения «в исключительную удельную собственность 153000 десятин земли». И это, по подсчетам чиновников, составляло «только одну тридцатую часть всех земель общего владения. Крайний недостаток местных землемеров гражданского ведомства, от коих зависит окончательное по сим делам исполнение, служит причиной неизбежных и долговременных остановок»³. Таким образом, при передаче

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 63.

² История уделов ... Т.3. С. 22.

³ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 50. Л. 11–63.

дворцовых земель в удельное ведомство часть земель не сразу могли быть использованы Департаментом уделов, т. к. оказались в гражданских процессах по праву владения и принадлежности.

Единственным указанным в «Учреждении...» средством пополнения недостаточного фонда наделной земли была ее покупка. Но эта мера не помогла решить проблему малоземелья, и Департаменту уделов пришлось искать и другие способы. Возможностью расширения земельных наделов служила покупка крестьянами залежной земли с обязательством оплаты в рассрочку той суммы, которую Департамент заплатил за землю¹. Также практиковалась передача малоземельным крестьянам земли или оброчных статей в бесплатное арендное пользование или за сниженную цену, разрешались переселения крестьян с согласия удельного начальства. Удельные крестьяне севера активно расчищали под наделы леса, осушали болота². Но, к сожалению, все эти меры, и даже присоединение земель в Симбирской губернии в 1836 г., не решили проблемы в целом. В этих условиях Департамент уделов был вынужден заниматься вопросами поддержания платежеспособности крестьян и обеспечения сельского населения продовольствием.

Мероприятия по формированию стратегического продовольственного запаса были заявлены как необходимые еще Петром I, но в эпоху дворцовых переворотов эта задача так и не получила четких очертаний, оставаясь в «неясности». «Более основательно правила введения и содержания «сельских запасных хлебных магазинов» были прописаны в «Учреждении об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г.»³. Под хлебными запасными магазинами надо понимать склады хлеба, устраиваемые правительством или

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.

² Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991. С. 33

³ Котов П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Белгород, 2013. № 1 (144). С. 92.

местными общественными учреждениями на случай голода или дороговизны, для ссуды или продажи по дешевой цене хлеба для продовольствия и посева¹.

В удельных селениях для наполнения запасных магазинов был установлен ежегодный сбор хлеба по 1/2 пуда ржи или по 10 фунтов ярового хлеба с десятины. За своевременное наполнение магазинов были ответственны избранные из крестьянской среды специальные старосты. Они же каждые два года должны были проводить ревизию оставшегося в наличии зерна. Двулетний хлеб, который оставался неиспользованным, продавали, чтобы избежать «его порчи», а на вырученные деньги покупался новый хлеб. Хлебный сбор осуществлялся ежегодно вне зависимости ни от каких условий².

С 1799 г. сбор рассчитывался по душам, «чтобы завести везде годовой запас, полагая на всякую ревизскую душу по 3 четверти ржи и по 3 четверика ярового». Запасные магазины вводились в селениях, насчитывавших не менее 50 дворов. Если крестьяне желали организовать и содержать магазин на меньшее количество дворов, то это не воспрещалось, но не менее 10 дворов или 50 ревизских душ. Запасы зерна предписывалось хранить или в специально сделанных деревянных амбарах, или, если леса было мало, то в ямах или «немолоченным в скирдах». Наблюдение за организацией и наполнением магазинов поручалось Гражданскому губернатору. Правила организации запасных магазинов были распространены и на государственные, и на частновладельческие деревни³.

В 1822 г. было положено начало новым преобразованиям в организации продовольственного дела в Российской империи. В каждой губернии было поручено так называемым комиссиям народного продовольствия, состоявшим из представителей разных ведомств, составить денежный или хлебный

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/110376/%D0%A5%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B5?ysclid=1618ejpbfq848468466 (дата обращения: 22.04.2022). Режим доступа: свободный.

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С.568.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1799. Т. XXV. № 19203. СПб., 1830. С. 895–899.

продовольственные капиталы. В состав членов комиссии был включен и управляющий удельной конторой¹. Комиссия должна была организовать ежегодный сбор на составление запасов, при этом применялся подушевой принцип сбора: по 3 гарнца озимого и по 1 гарнцу ярового хлеба с души. В губерниях, где это было нужно, комиссиям было разрешено заменять такой сбор денежными выплатами по 25 коп. с души. В уделах на денежный сбор перешли 10 губерний, а 23 губернии – на натуральный².

Расположение хлебных магазинов было таково, что получение помощи для крестьян было сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, комиссия продовольствия располагалась в губернском городе. Путь туда из некоторых отдалённых сел мог занимать сотни верст. Во-вторых, запасы зерна, особенно в неурожайные годы, не всегда позволяли удовлетворить нужду в полном объеме, запасов хлеба не хватало из-за плохой наполняемости самих магазинов: «Там, где сбор собирался натурой, требовалось по размерам установленного ежегодного взноса целых 32 года безнедоимочного платежа (т. е. условие невозможное), чтобы только наполнить хлебные магазины до установленной нормы (по 2 четверти на душу), и в результате магазины были почти пусты»³. В-третьих, недород хлеба приводил к инфляции и росту цен на зерно, поэтому и денежных выплат на всех тоже не хватало. Департаменту уделов, несмотря на участие в программе продовольственного обеспечения, приходилось в каждый голодный год оказывать крестьянам помощь из удельного бюджета, например, так было в 1821, 1822, 1823 гг. в разных губерниях⁴.

Голодные годы были настоящим бедствием не только для крестьян, но и для ведомства: ведь надо было поддерживать сельское население в тяглоспособном состоянии. В условиях неразвитых товарных отношений получить излишек хлеба для наполнения запасных магазинов было

¹ РГИА.Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 137.

² История уделов ... Т.2. С. 143.

³ История уделов ... Т.2. С. 143.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 30; Там же. Д. 31.

проблематично. Ведомство неоднократно после ревизии приходило к выводу, что магазины пусты¹. Нужно было найти новое решение, чтобы, с одной стороны, в малоземельных имениях обеспечить крестьян хлебом, с другой стороны, только в исключительных случаях обращаться за ресурсами удельной казны. С 1827 г. ведомство разработало новую стратегию формирования запасов хлеба и решения проблемы голода. Было решено выделить специальную запашку, которая обрабатывалась силами всей общины. Часть полученного урожая поступала в запасные магазины, а часть продавалась, и 10 % этой суммы формировали «хлебный капитал». Остальные денежные средства поступали в качестве вознаграждения чиновникам.

Для организации общественной запашки было определено выделять «под оную от каждой ревизской души – в селениях, изобилующих землею по 1/16 десятины в каждом поле, в малоземельных районах – по 1/32»². Полный цикл работ проводился всем миром по специальному наряду: земли удобрялись, обрабатывались и убирались. Сеяли хлеб из запасов самих магазинов, урожай поступал туда же. Для организации работы на общественном поле и контроля за наполнением хлебных магазинов избирался с каждых 500 или 1000 душ крестьян смотритель. Закон выдвигал главным требованием при выборе, чтобы у смотрителя собственное хозяйство не было в расстроенном состоянии, избирать следовало из числа «людей, отличных поведением, способных к распорядительности и сведущих в деревенском хозяйстве, чему собственное их благосостояние должно служить лучшим доказательством»³. Избрание в должность и наделение соответствующими компетенциями закреплялось мирским приговором. Жалование смотрителя формировалось в зависимости от того, сколько крестьян были у него под управлением, – закон предписывал платить по 40 коп. с каждого.

¹ ПСЗ-2. СПб., 1827. Т. II. № 1406. С. 819–821.

² РГИА.Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л.120–123.

³ История уделов ... Т. 2. С. 144.

Выплачивалось оно с хлебного капитала, т. е. от продажи излишков хлеба¹, поэтому в разных удельных имениях вводилось в разное время. В губерниях, где была зона рискованного земледелия, запасы хлеба и капиталы формировались медленнее, поэтому и жалование смотрителя начали выплачивать позже. Это вопрос контролировал управляющий удельной конторой.

С 1834 г. действовала новая система стимулирования чиновников разного уровня, от управляющего до смотрителя, с целью повышения урожайности на общественной запашке. Было принято решение привязать жалование смотрителя к «действительному урожаю хлеба», тем самым стимулируя смотрителей к выполнению своих обязанностей; «при определенном окладе многие смотрители удовольствовались бы получаемым вознаграждением и не заботились бы об улучшении запашки»². Итак, оплата труда лицу, присматривавшему за общественной запашкой, напрямую зависела от количества хлеба для нужд запасных магазинов.

При этом в законе строго оговаривалось, что «награждения предназначаются не на счет крестьян и не из удельной казны, но единственно от излишка, приобретаемого усиленными стараниями лиц, имеющих наблюдение за общественными полями»³. Иными словами, размер премии находился в прямой зависимости от собираемости зерновых сверх нормы. Поэтому денежные вознаграждения разнились в зависимости от губерний и урожайности. «Так, управляющий Архангельским имением в 1834–1841 гг. получал «за излишек урожая» ежегодно от 458 до 3243 руб. сер., Вологодским – от 1041 до 2235 руб.», а смотрители «запашек Архангельского имения заработали «сверх жалования» от 8 до 464 руб. асс., Вологодского – от 4 до

¹ РГИА.Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л.120–123.

² История уделов ... Т. 2. С. 148.

³ ПСЗРИ-2. Т. IX. Ч. 1. № 6909. С. 219–220.

336 руб.»¹. В 1841 г. Департамент уделов установил верхнюю границу ежегодных вознаграждений: с этого времени «управляющий удельной конторой не мог получать более 5800 руб., приказной голова – 300 руб., смотритель запашки – 150 руб.»².

Чтобы мотивировать крестьян занимать должности смотрителей общественных запашек, они на время службы избавлялись от телесных наказаний, а их семейства освобождались от общественных работ и нарядов, но не от уплаты казенных податей, оброка и других повинностей. Смотритель находился под надзором приказного начальства, не вмешивавшегося, однако, в их хозяйственные распоряжения по запашке, но обязанного оказывать им всякое содействие мерами полицейской власти.

С введением в удельном ведомстве особой системы составления продовольственных запасов отпала необходимость участия управляющих удельными конторами в комиссии народного продовольствия. Все собранные с удельных крестьян вместо хлеба деньги в размере 251230 руб. асс. были возвращены в уделы и использованы для постройки запасных магазинов³.

Общественная запашка вводилась с весны 1828 г. во всех удельных имениях, кроме Архангельского, Псковского и Красносельского, где она была «отложена до времени»⁴. В Архангельском имении запашка была организована с 1829 г.⁵, «поскольку управляющий опасался возмущения крестьян, которые ещё с осени поделили участки пашни и часть их засеяли

¹ Котов П.П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828-1861 гг.: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 18.

² Котов П.П., Евсеев А.В. Законодательно-нормативные источники о создании и развитии общественной запашки в удельной деревне России // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сыктывкар, 2020. С. 40.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 137.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 47–58 об.

озимыми»¹. Управляющий же Красносельской конторой несколько раз обращался в Департамент уделов с просьбой о замене общественной запашки в подведомственном ему имении денежным сбором с крестьян в размере 1 руб. 50 коп. с ревизской души.

Северо-Запад входил в зону так называемого рискованного земледелия, качество почв было низким, земля в большей части губернии – болотистая, «легкая, во многих местах смешанная с булыжником и хрящом. Без большого удобрения родить не может»². Климатические условия тоже не позволяли получить хороший урожай. Земледелец на Северо-Западе имел всего 4,5 месяца на то, чтобы вспахать, посеять и успеть до заморозков, собрать урожай. В течение года «земледельцу в четыре с половиной месяца должно окончить всю работу полевую»³. И любые капризы природы могли привести к потере урожая. В силу такого короткого земледельческого периода крестьяне Северо-Запада России не могли получать достаточное количество сельскохозяйственной продукции, да и большинство из них занимались промысловой деятельностью. Крестьяне Красносельского имения имели всего по 1 десятине земли пахотной земли и занимались земледелием мало: «или совсем хлебопашества не имеют, или засевают один только яровой хлеб, ячмень или овес»⁴. В некоторых районах выращивали только озимый хлеб⁵. Несмотря на просьбу управляющего, общественная запашка была введена, хотя и позже, чем в других губерниях. А в 1841 г. в Красном Селе было решено передать земли «3 дес. 2250 квадратных сажень: из которых 2 дес. 1950 саж. принадлежат Красносельским крестьянами, а остальные – общественная запашка» под военное поле для проведения тренировок. Замена земельного фонда была произведена «из смежного с полями осушенного участка

¹ Котов П.П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828-1861 гг.: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 14.

² Радищев А.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.-Л., 1952. С. 126, 129.

³ Радищев А.И. Указ соч. С. 126

⁴ История уделов ... Т. 3. С. 81.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 539. Л. 8.

Красносельского болота»¹. Но и это не привело к отмене общественной запашки в Красносельском имении в то время.

Интересно, что Департамент пошел на встречу управляющему Нижегородским имением, который также просил перевести крестьян четырех заволжских приказов на денежный сбор в размере 40 коп. асс. с души «по причине плохого качества почвы, мелкости и разбросанности поселений и промышленного характера крестьян»². Департамент уделов разрешил замену общественной запашки денежным сбором, правда, по 1 руб. асс. с души в Большепесошенском приказе, население которого производило посевы на арендованной земле, а также в тех селениях других приказов, где «учреждение запашки встретило бы препятствие со стороны крестьян другого ведомства, владевших землею черезполосно с удельными»³.

В Казанской губернии государственные крестьяне отказались обрабатывать общественную запашку, поэтому там сохранили прежнюю систему заполнения хлебных магазинов, т. е. сбор хлеба и денег. По их примеру крестьяне удельного ведомства Симбирской губернии в уездах смежных с казанской, у которых общественная запашка была введена еще в 1839 г., «наделись тем же способом достигнуть отмены запашки, и, возбуждаемые неблагонадежными людьми, обнаружили в некоторых селениях неповиновение». Но удельным крестьянам не разрешили отменить общественную запашку, волнение было подавлено военной командой⁴.

Позже Департамент уделов был вынужден разрешить в отдельных случаях замену запашки на денежные выплаты, например, в тех имениях, где наблюдались «исключительно промышленный характер населения, занятие крестьян огородничеством, большая удаленность полей от усадеб, пользование крестьян только покупной землею и т. д.». Размер выплаты

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 49. Л. 125–126.

² Емельянова Т.В., Красникова, Ю.Н. Организация общественной запашки в удельной деревне в первой половине XIX века // Современная научная мысль. М., 2021. № 5. С. 16.

³ История уделов ... Т. 2. С. 166

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 123–123 об.

оговаривался индивидуально, но в среднем составлял 1 руб. асс. с души. В конце 50-х гг. XIX в. удельное ведомство стало признавать общественные запашки неудобными «как по причине тяжести этой натуральной повинности – в особенности для неплодородных местностей, так и потому, что повинность эта находилась как бы в противоречии с выраженными уже в то время самим правительством заботами об устройстве быта крестьян»¹.

Итак, все попытки Департамента уделов интенсифицировать сельское хозяйство в первой половине XIX в. не увенчались успехом. Крестьянство еще не осознало свою роль в зарождавшихся рыночных отношениях, не было фактора личной заинтересованности в повышении производительности. Их вполне устраивало, что решение проблем малоземелья и нехватки продовольствия брало на себя ведомство. Они знали, что несмотря на то, что они не смогут заполнить хлебные магазины, все равно получат помощь в голодные годы. Департамент уделов тоже осознавал свою ответственность за вверенных ему крестьян, поэтому искал пути решения проблем продовольственной безопасности. Особенностью процесса организации общественной запашки стало то, что произошла замена денежных выплат крестьянами для приобретения и хранения запасов хлеба на отработочную систему, что противоречило зарождавшимся капиталистическим отношениям. Но с точки зрения чиновников, схема эта была наиболее стабильной и давно зарекомендовавшей себя формой надежного пополнения запасных магазинов.

Крестьянство оказало сопротивление введению общественной запашки. Уже в 1828 г. Департамент уделов был вынужден отчитаться о неповиновении крестьян нововведениям. В начале 30-х гг. XIX в. волнения удельных крестьян возникали от случая к случаю, но всегда с показательным суровым наказанием для зачинщиков, вплоть до ссылки в Сибирь или отправки в рекруты. Во второй половине 30-х гг. недовольство вспыхнуло с новой силой во вновь присоединённых имениях Симбирской губернии. На одном из них мы хотели

¹ История уделов ... Т. 2. С. 169

бы остановиться подробнее, чтобы очертить масштабы недовольства крестьянства введением общественной запашки.

В 1837 г. начали организовывать запашку на вновь присоединённых в результате обмена с государством территориях Симбирской губернии. Крестьяне в новоудельных имениях оказали сопротивление. Прибывший на место гражданский губернатор объявил, что запашка – это «воля закона и императора. А не удельных властей». «Но ответом был общий крик, из которого можно было отличить только слова «хоть всех нас убейте, пахать не станем и земли не дадим». Губернатор снова стал их убеждать, но крестьяне, «стоя на коленях, повторяли то же, что лучше умрут, чем согласятся». Так как крестьяне не поддавались на уговоры, в село была введена военная команда, состоявшая из 150 человек гарнизонного батальона и 25 жандармов. Для выявления зачинщиков губернатор собрал мирской сход, «на который прибыли 531 крестьян всех селений приказа, которые были поставлены между понятыми и командой, остальные же крестьяне остались в некотором отдалении, но большая часть их укрывалась за задами селения, без шума ожидая окончания». Каждого крестьянина спросили, «кто из них покорен воле начальства, и кто нет, – первые, которых оказалось 47 человек, были отсылаемы в стороны, а не повинующихся поодиночке отводили под караул, где им завязывали назад руки, таковых оказалось 484 человек». Из них выбрали «более замеченных в упорстве 8 человек, которым объявили наказание, коему они себя подвергают, но упорство их было так сильно, что каждый, перекрестясь, кланялся предстоящим, как бы готовясь к смерти» и повторяя, «что повиноваться не будут». Наиболее противящихся публично наказали, «пример этот сильно на всех подействовал, так что арестованные один по одному начали просить милости, объявляя, что немедленно отведут землю и будут пахать; в течение часа, кроме 11 человек упорствующих, все приведены в повиновение». Резолюция императора была непреклонна:

«годных отдать в рекруты с зачетом, а не способных – в арестантские работы»¹.

Надо понимать, что Николай Павлович ревностно относился к своим решениям. Более того, введение общественной запашки оправдывалось попечением за крестьянами и предотвращением голода в удельной деревне. Исходя из этого он строго осуждал сопротивление удельных крестьян. В 1837 г. через цесаревича Александра Николаевича императору передали ходатайство от крестьян Сызранской удельной конторы о смягчении им наказания за неподчинение введению общественной запашки и возвращении на прежде место жительство. Резолюция императора осталась отрицательной: «в просьбе отказать, но оказать пособие, т. к. семейства не имеют пропитания»².

Крестьяне сопротивлялись общественной запашке и потому, что для нее отрезалась лучшая пахотная земля в деревне, и потому что на них ложилась дополнительная нагрузка по ее обслуживанию. Как мы говорили выше, за селением закреплялась обязанность организовать весь цикл сельскохозяйственных работ в течение сезона. Например, только унавоживание общественных полей требовалось производить в довольно значительных размерах – до 200 возов на десятину, что, по мнению крестьян, приносило ущерб их хозяйствам³. Но ситуация разнилась от губернии к губернии в зависимости от состояния животноводства там. Например, на Русском севере проблемы с удобрением не было, «здесь соотношение количества скота к площади пашен было выше по сравнению с другими регионами, и, к тому же, крестьяне могли навоз заменить торфом»⁴.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 77–82.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 156.

³ История уделов ... Т. 2. С. 152.

⁴ Котов П.П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828-1861 гг.: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 15.

Но не везде ситуация была такой, поэтому с 1840 г. Департамент уделов ввел точный размер унавоживания земли с каждого крестьянина «по расчету, основанному на предположении, что голова крупного скота дает в течение года 32 воза удобрения, а голова мелкого – от 3 до 4 возов». Часть навоза для удобрения полей крестьянам предлагалось собирать с дорог и улиц ежедневно после возвращения скота с пастбищ. Для его хранения требовалось построить специальный навес, куда крестьяне по очереди свозили бы с улиц навоз. Это распоряжение вызвало некоторое удивление на местах. Так, управляющие приволжскими конторами, где земля и так было довольно плодородная и крестьяне не использовали навоз для повышения урожайности, поэтому «применение предписания о собирании навоза с улиц, оврагов и т. п. повело бы в этих местах только к излишнему обременению населения бесцельной работой и бесцельным же расходом на устройство навесов»¹. Но Департамент уделов настоял на своем и обязал установить навесы. В тех удельных имениях, где не так сильно было развито разведение скота, навоза не могли собрать и половины от нормы, например, во Владимирском². В 1846 г. было принято новое распоряжение удобрять землю по мере необходимости через 1–3 года и реже в зависимости от качества земли. В 1851 г. было разрешено использовать для общественных полей не только навоз, собранный с улиц, дорог и т. п., но и прудовый ил, болотный чернозем, кочки и т. д. Как видим, один маленький вопрос, связанный с обслуживанием общественной запашки, для крестьян создавал много трудностей и был только дополнительным обременением. Кроме того, он потребовал от самого Департамента уделов издать ряд нормативно-правовых актов локального характера, регулировавших этот вопрос.

Но Департамент уделов был непреклонен, выгода от организации запашки была очевидна, хотя и подразумевалось, что все денежные средства, полученные от реализации «излишнего» хлеба, и запасы зерна пойдут

¹ История уделов ... Т. 2. С. 152–153.

² Там же.

исключительно для поддержания крестьян в голодные годы. Уже с 1830 г. 10 % от доходов с общественной запашки было решено отчислять в удельный бюджет¹ для формирования хлебного капитала. Эти средства накапливались на счетах удельного ведомства и тратились на попечение подведомственных крестьян. Так, на деньги «запасного капитала в 1832 г. под Петербургом (район нынешней станции метро «Удельная») было открыто удельное земледельческое училище. В нем дети крестьян в течение 6 лет получали знания по чтению, письму, арифметике и обучались «рациональному ведению хозяйства» (земледелию, скотоводству и ремеслу)².

Итак, в 1828 г., согласно ежегодному отчету Департамента уделов, под общественную запашку было передано 68 573 десятины земли. В том же году в запасные магазины поступило 196 550 четвертей ярового хлеба, из них 60137 четвертей оставили на посевную, остальной хлеб был продан, а вырученные средства хранились в Государственном заемном банке, эти «капиталы послужат со временем источником благоденствия крестьян»³. В 1829 г. запашка увеличилась до 75 000 десятин и принесла уделам 366 707 руб. дохода⁴. Присоединение земель в Симбирской губернии и расширение общественной запашки увеличили и доходы, которые в 1840 г. составили 2489162 руб. асс.⁵ В целом, наблюдались увеличение капиталов «от введенного поземельного сбора, установление более хозяйственных способов для распоряжения оброчными статьями и лесами. Все вышеупомянутые меры доставили чистого приращения в запасной удельный капитал 13 245 226 руб., в крестьянский – 9 278 317, а всего 22 523 543 руб. К 1 января 1940 г. – 2 357 072 руб. асс.». При этом, по мнению составителей ежегодного отчета,

¹ История уделов ... Т. 2. С. 145–146.

² Котов П.П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991. С. 13.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 48–53.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 47–58 об.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 26–56.

«если бы эти меры не были приняты, то сейчас на лицо было бы 3819829 руб.»¹.

Несмотря на то, что запасной капитал увеличивался, и это должно было решить проблему обеспечения продовольствием, мы фиксируем в документах факты голода в удельной деревне. Отметим, однако, что чаще они были связаны с нерасторопностью региональных и местных чиновников. Так, в 1831 г. в Курском удельном имении был зарегистрирован случай голодной смерти удельной крестьянки Илюшенковой, т. к. в «доме ее с начала самой осени не было никакого хлеба, и все семейство питалось хлебом из плевы, житной гречневой и овсяной, с малой примесью муки». Ее семейство также «находится в большом истощении». Голод испытывали и остальные крестьяне этого села, были зафиксированы еще четыре смерти удельных крестьян. На ситуацию обратили внимание Курский генерал-прокурор, и первую помощь крестьянам оказал местный помещик подполковник Львов, который давал крестьянам «собственный хлеб». Прокормить себя крестьяне не могли, «ибо те, которые имели лишний скот, распродали оный для уплаты податей, а в огороде овощей недостаток»². Для справедливости отметим, что после проведенной служебной проверки помощь крестьянам была оказана. В целом, в делопроизводственной документации мы встречаем ежегодные выдачи хлеба крестьянам, испытывающим нужду. Так, только в 1841 г. крестьянам было выдано 272000 четвертей хлеба³. Интересно, что это, по мнению чиновников ведомства, приводило иногда к проявлению иждивенческих настроений: крестьяне, рассчитывая на пособие, часть запасов ярового хлеба зимой съедали, не имея достаточного количества к посевной. И вот для тех, кто не сохранил хлеб, было решено назначить особые общественные работы, по осушению болот, очистке лесов и т. п.⁴

¹ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 48. Л. 22–70.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 73–74, 86–91.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50. Л. 11–63

⁴ Отчет по Министерству уделов за 1833.

Как мы видим, в земледельческих имениях крестьяне периодически чувствовали нужду, поэтому Департамент уделов постоянно был озабочен решением вопросов продовольственного обеспечения, используя и альтернативные решения. Так, с 1834 г. «по принятым решительным мерам» начали высаживать картофель¹, под него отводилось не менее одной десятины в общественном поле. Первоначально крестьяне такую инициативу, как и любое нововведение, восприняли с осторожностью, а в ряде губерний оказали сопротивление засеву картофеля на общественной запашке. В Вятском удельном имении пришлось даже вводить военную команду для приведения крестьян «в спокойствие». Виновные были сурово наказаны в «пример другим»². Для тех крестьян, которые сажали картофель на собственных участках «сверх определенной меры», была проработана система поощрения в виде денежных выплат, которая стимулировала его распространение. Это дало положительный результат, и к 1842 г. многие крестьяне «уже сами начинают разводить картофель на полях», в этом же году урожай картофеля составил 276 тысяч четвертей³. Этот положительный опыт был перенесен на крестьян государственной деревни.

Интересно, что из-за низкой урожайности картофеля с десятины чиновники со временем отказались его высаживать на общественной запашке, «мотивируя тем, что картофель якобы был поражён болезнью»⁴. Исключением стало Архангельское удельное имение. «Вначале и здесь наблюдались незначительные урожаи картофеля, но в 1839–1847 гг. они составляли уже уровень от «сам 3,2» до «сам 9,0» (в среднем «сам 5,8»). Это, несомненно, повлияло на то, что посадки картофеля на крестьянских полях Архангельского имения появились раньше, чем в любом другом имении. Не случайно и после

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50. Л. 11–63

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 42. Л. 105–106

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–54

⁴ Котов П.П., Евсеев А.В. Законодательно-нормативные источники о создании и развитии общественной запашки в удельной деревне России // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сыктывкар, 2020. С. 41.

введения с 1842 г. обязательных посадок картофеля его площадь в удельной деревне Архангельской губернии в расчёте на душу населения превышала таковые же показатели по остальным регионам»¹.

Организация общественной запашки с административной стороны была закончена в течение нескольких лет. Хозяйственная сторона дела подвергалась непрерывным изменениям и усовершенствованиям. Общественные поля стали своеобразными опытными полями, где можно было испытывать новые приемы агрономии. При учреждении общественной запашки предполагалось, что она будет обрабатываться по правилам трехпольного севооборота, с посевом на ней ржи и овса. Но уже в 1830 г. было сделано распоряжение, чтобы управляющие имениями не ограничивались только вышеназванными культурами и вводили в севооборот и другие, характерные для их местности сельскохозяйственные культуры. Так, управляющий Казанским имением в 1831 г. организовал восьмиполье с посевом овса, гречихи, конопли, пшеницы, проса, гороха и льна на всей площади общественной запашки имения. Хотя через 3 года он возвратился к трехполю, так как при новой системе снизились урожаи, «что он приписывал непривычке крестьян к надлежащему возделыванию земли»².

Итак, общественная запашка, несмотря на все трудности и по организации, и по содержанию ее, просуществовала вплоть до отмены крепостного права. Причин этому было несколько. Во-первых, это те дополнительные доходы, которые получал бюджет Департамента уделов. Так, в 1840 г. уделы отчитались в получении дополнительного дохода: от возвращенных недоимок с крестьян в размере 2229645 руб. асс., от поземельного сбора – 1438171 руб., от оброчных статей – 236669 руб., от общественной запашки – 2489162 руб., и в кассе вспомогательного капитала

¹ Котов П.П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828-1861 гг.: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 16–17.

² История уделов ... Т. 2. С. 150–151.

числилось 810853 руб. Общая прибавка составила 7204500 руб. асс.¹ Во-вторых, свободный капитал позволял более активно проводить политику «попечительства» в удельной деревне. Часть полученных средств шла на помощь крестьянам и на развитие удельных селений, но только после решения первоочередных нужд императорской фамилии. Само ведомство в 1839 г. признавалось, что «исправные поступления доходов и различные хозяйственные распоряжения и вспоможения удельным крестьянам позволили не только покрыть все расходы сверх расписания, простиравшееся с 1826 г. по настоящее время до 12000000, но сверх того образовать наличный капитал – 28800000 руб. асс.»².

Средняя величина надела в удельных имениях на протяжении всего изучаемого нами периода только сокращалась. В этих условиях становилось неизбежным обращение крестьян к неземледельческим промыслам. В ряде губерний крестьяне совмещали промыслы с сельским хозяйством или же развивали другие отрасли сельского хозяйства. Удельные крестьяне Красного Села, например, разводили фруктовые сады, «которые составляли главный предмет промышленных их занятий»³. Но в некоторых удельных имениях, особенно в подстоличных, крестьяне уже вообще не занимались земледелием.

3.4. Неземледельческие занятия удельных крестьян.

Уже с конца XVIII в. наблюдалось увеличение количества отходников на заработки в города и развивались крестьянские промыслы. В первой половине XIX в. эта тенденция только усилилась. Во-первых, на это повлияло сокращение земельных наделов и особенно пашни. Во-вторых, сказывалась низкая урожайность сельского хозяйства, особенно в зоне рискованного земледелия, которая снижала общую доходность хозяйства. При этом у крестьян была обязанность по уплате различных платежей, промыслы и отход

¹ РГИА.Ф. 515. Оп. 1. Д. 41. Л. 26–56.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.47. Л. 26–30.

³ Пушкирев И. Краткие историко-статистические описания Санкт-Петербурга. Отд. 2. СПб., 1845. С. 190.

позволяли им сохранять платежеспособность. В большинстве своем крестьяне сочетали работу на поле и имели дополнительный заработок в виде местных промыслов. И, наконец, не надо забывать о таком факторе производства в экономике, как предпринимательские способности. Часть крестьянства просто лучше умела зарабатывать неземледельческими занятиями, сельскохозяйственным трудом они вообще не занимались, или использовали для этого наемных работников, что являлось частью процесса разделения общественного труда и развития товарного производства.

Сразу оговорим употребление терминологии. Так как в параграфе мы решили объединить и ремесло (местные промыслы), и отхожие промыслы, то сразу проведем между этими двумя понятиями границы. Интерпретаций термина отходничество в исторической науке несколько. По мнению В.Н. Никулина еще до конца не определены те дефиниции, которые отличают отходничество¹. Будем придерживаться предложенного автором понятия отхода, когда крестьянин на определенное время покидал свое место жительства и отправлялся на заработки. Ремесло и местный промысел не подразумевал и отхода, крестьянин мог следить за своим хозяйством и быть под контролем местных властей.

Итак, отхожие промыслы удельных крестьян в начале XIX в. формально не были ограничены какими-либо правилами или рамками и развивались стихийно. Ведомство регулировало лишь сам временный уход крестьян с удельного селения, основываясь на общегосударственных правилах. Официально отлучки крестьян делились на «вредные» и «полезные», только в случае последней крестьянин мог уйти с целью заработка. Причем четких нормативных разграничений этому понятию не было дано, интерпретация отдавалась на откуп местных и региональных органов власти в удельной

¹ Никулин В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 272-283.

деревне. Некоторые виды отлучек классифицировались исключительно на основе обычного права и традиций.

Для регулирования перемещений и защиты от неуплаты податей крестьянин должен был получить у губернских властей «прокормежный» паспорт и принести его в экспедицию для занесения сведений в заведенную для этого особую книгу¹. Отъезд на торги, ярмарки и т. п. в пределах 30 верст от дома требовал получения в приказе «письменного вида». Позже, уже в пореформенное время, такая система была признана «крайне обременительной для крестьян, ведь даже в случае самой небольшой отлучки он должен был получить письменное дозволение и пропускное письмо»².

Отказать в выдаче паспорта могли «распутным» крестьянам, т. е. тем, кто не занимался «прилежно хлебопашеством и не уплачивал без недоимок наложенные на них сборы»³. До введения жесткого регулирования передвижений крестьян общая численность «отходников» из удельных имений была весьма значительной, достигая 50 тыс. человек в год⁴. Контроль со стороны ведомства за ушедшими на заработки крестьянами был довольно условный.

Но начиная с 1827 г. политика Департамента уделов в отношении отхода начинала меняться, что отразилось в целой серии нормативно-правовых актов, регулировавших эту сферу. Основная суть их сводилась к тому, чтобы крестьяне больше занимались сельским хозяйством и искали дополнительные источники заработка внутри деревни, развивая местное ремесло.

Многие исследователи такие мероприятия Департамента уделов связывали с усилением контроля за ведомственными крестьянами, что тоже соответствовало действительности. Но мы хотели бы выделить еще один аспект, который прослеживается в массиве делопроизводственной

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–569.

² Труды комиссии учрежденной для пересмотра устава о паспортах. Ч. 1. СПб., 1861. С. 6–9.

³ История уделов... Т. 2. С. 30

⁴ Горланов Л.Р. Личные и имущественные права удельных крестьян... С. 145.

документации и вполне соответствует своему времени. Если не брать юридический момент, ограничение права на передвижение, то с экономической стороны такое решение ведомства должно было положительно сказаться на развитии рынка труда в удельной деревне, что в силу нарождавшихся капиталистических отношений было вполне актуально. Департамент уделов закладывал внутри удельного хозяйства основу формирования рынка квалифицированных работников, а это для интенсификации экономики имело существенное значение.

Уходившие на промыслы крестьяне нанимались на любые работы, соответственно больше были связаны с неквалифицированным трудом, поэтому часто становились жертвами обмана со стороны подрядчиков, которых они меняли с новым устройством на работу. Часто просто устно оговаривая условия работы и форму оплаты труда. Письменные договоры не заключались, это приводило к нарушению устных договорённостей между отходником и подрядчиком или субподрядчиком. Судя по архивным документам, чаще всего крестьянам выплачивали меньшую сумму, чем они рассчитывали. В сентябре 1823 г. вышел указ, по которому удельные крестьяне, нанимающиеся на работы в Санкт-Петербургской губернии и окрестностях, должны были «по приискании таковых работ объявлять о том через одного из среди себя избранного в Департамент уделов, а без того никаких договоров не делать, под опасением потери иска»¹. Теперь крестьянам, приходящим в Петербург в поиске работы, запрещалось наниматься без согласия Департамент уделов, который и заключал с подрядчиком письменный договор. Позже эта мера была распространена и на другие удельные территории. Крестьянам разрешалось вступать в подрядные отношения с казенными ведомствами, купцами и промышленниками, а также в кредитные отношения с лицами, не принадлежавшими к удельному ведомству, но совершать эти действия только после получения

¹ Свод удельных постановлений. Ч. 1. СПб., 1843. С. 93.

соответствующих разрешений удельной администрации и под постоянным контролем удельных чиновников.

Местные промыслы в большей степени формировали квалификацию ремесленника, т. к. зачастую его товар соответствовал традициям, местности и поступал для продажи на местный рынок. Мы вынуждены констатировать, что в изучаемый нами период это не дало того эффекта, на который рассчитывал Департамент, в силу неразвитости рыночных отношений и неготовности экономической инфраструктуры. Да и крестьянство не выступило актором промышленного переворота в деревне, чего от него ожидали чиновники ведомства.

Во-первых, промысловая деятельность крестьянства была основана на примитивных техниках и ориентирована на не очень требовательный спрос, поэтому зачастую товары, которые производились в ремесленных мастерских были неконкурентоспособны и удовлетворяли потребности узкого внутреннего рынка. Во-вторых, одно и то же ремесло по технике исполнения могло различаться даже в рамках одного района, что усложняло изучение непосредственно технологического процесса для его распространения. В-третьих, в рамках сословной социальной структуры высшее общество вообще не имело представления о рынке ремесленных товаров, в том числе и чиновники самого Департамента; они постепенно погружались в изучение этого вопроса. При таких условиях систематическое развитие отдельных отраслей промышленности было затруднительно. Но вектор экономического развития ведомством был определен совершенно верно, был взят курс на интенсификацию кустарного производства.

В параграфе мы сначала рассмотрим политику Департамента уделов в отношении отхожих промыслов, а после – в отношении ремесла и традиционных видов неземледельческой деятельности удельных крестьян.

Итак, в 1827 г. вице-президент Департамента уделов Л.А. Перовский в своем докладе императору крайне негативно высказался о распространении отхода в удельных имениях. Он, в частности, указывал, что «многие семьи

отходников разорены, на них накопилась огромная сумма недоимок, поэтому с целью взыскания задолженности по удельным и казенным платежам крайне необходимо возвращение части отходников к земледельческим занятиям под опеку приказной администрации»¹. С этого времени ведомство сокращает выдачу долгосрочных паспортов и дает разрешение лишь на временные отлучки (до 6 месяцев). Кроме того ряду категорий сельского населения удельной деревни выдачу паспортов запретили вообще, например, «раскольникам», мотивируя это «способом затруднить, сколько возможно, всякое сообщение их с православными жителями»².

В 1832 г. последовало строгое предписание, что выдача отходного билета Земским судом возможна исключительно после предъявления крестьянами письменного свидетельства от удельных властей³. Последние, в свою очередь, обязали поощрять промысловую и подрядную деятельности внутри приказов, а перед управляющим конторой ставилась задача сбора сведений о вакантных местах внутри губернии.

Удельные крестьяне приглашались на разные государственные работы, например, для осушения болот, очистки от валежника леса. Департамент использовал сдельный труд удельных крестьян и для внутриведомственных работ: строительства помещений для сельских училищ, для запасных сельских магазинов и т. п. Некоторые удельные чиновники превратно понимали такие рекомендации. Так, 1829 г. крестьяне Новгородского удельной конторы в хозяйственном отношении «пришли в расстроенное состояние», причиной тому, по мнению управляющего, стала «испорченная нравственность». Под этим словосочетанием часто понималось пьянство. В качестве «помощи» неплательщикам их выслали на Московское шоссе «для заработков недоимки,

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2012). Режим доступа: свободный.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 9–16 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 21–24, 35–36 об.

с выгодными для них условиями». В итоге крестьяне разбежались, после поимки было принято решение отдать их в рекруты¹.

Только при условии отсутствия возможностей внутри имения, должном наблюдении за земельным наделом, разрешении общины, при отсутствии долгов по уплате податей и сборов крестьянин мог получить паспорт для отхода в другие губернии. Такая политика Департамента уделов привела к сокращению численности «отходников» в период с 1828-1858 гг. более чем в 3 раза; их количество не превышало в среднем 17 тыс. человек в год².

Ограничения, связанные с отходом крестьянства, были вполне оправданы с хозяйственной стороны. Ведь главная задача, стоящая перед уделами, заключалась в ежегодном наполнении удельной казны. А длительное отсутствие крестьян приводило не только к «расстройству» крестьянских хозяйств, но иногда и к длительным поискам ушедших на заработки. Только в период с 1797 по 1825 гг. Департаментом уделов через газету «Санкт-Петербургские ведомости» по всем имениям Российской империи разыскивалось 1787 беглых удельных крестьян, большая часть которых – «отпущенные по паспортам и по истечении срока не явившиеся»³. Так, в Псковской губернии одновременно пропали 54 человека, которые отпросились из удельной конторы в подвозчики «при провозе в разные места по военным надобностям транспортов с провиантом и разными вещами»: срок разрешения истек, а они в свои селения так и не возвратились. Департаментом было заведено дело о без вести пропавших крестьянах, но отыскать их так и не удалось⁴.

Более 80 % (1447 человек) из этого числа Департаментом разыскивалось в период с 1797 по 1808 г. Из них больше половины – крестьяне, которых не досчитались после передачи дворцовых селений в ведение Департамента

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–9 об.

² Горланов Л. Р. Указ. соч. С. 146.

³ См. Приложение Г, Н.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 9. Д. 180

уделов. Усиление контроля в удельной деревне после принятия Положения 1808 г. привело к более ответственному подходу к выдаче разрешений для «отхода» и сократило количество крестьян «с просроченным паспортом». Мы можем констатировать тенденцию к сокращению числа беглых и «невозвращенцев», что свидетельствует об усилении контроля со стороны удельного ведомства над подведомственными крестьянами, после их передачи из дворцового ведения¹. Важно отметить и то, что средний возраст беглых, подсчитанный нами на основании данных, сохранившихся в периодической печати, составлял 30 лет², соответственно, уделы теряли самую трудоспособную часть сельского населения. Поэтому вполне объяснима политика по удержанию рабочей силы внутри удельных селений: она способствовала развитию местной промысловой деятельности и ремесла.

В начале XIX в. многие удельные крестьяне совмещали занятие сельским хозяйством с промыслом, даже в сугубо земледельческих губерниях³. Политика Департамента уделов по отношению к сельской промышленности и ремеслам в удельной деревне была противоречива. С одной стороны, ведомство не препятствовало развитию крестьянского промысла, а в некоторых отраслях даже оказывало помощь, особенно в малоземельных имениях, что отражено в целом ряде законов, в инструкциях и отдельных распоряжениях самого удельного ведомства. С другой, оно считало основным видом занятий для крестьян именно земледелие, поэтому инициатива развития промыслов и ремесел была в руках самих крестьян.

Так или иначе закон ставил в обязанность управляющим конторами принимать меры для помощи по развитию производства традиционных (обычных) промысловых занятий. Например, о выделении достаточного количества леса крестьянам, занимавшимся гонкой дегтя и постройкой судов, о предоставлении им подрядов по перевозке грузов и т. п.

¹ См. Приложение Н.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1797–1825 гг.

³ Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... к.и.н. Саранск, 2003.

Так, под особым контролем находились присоединенные в 1830-е гг. в составе Симбирских губерний лашманы. Это особая податная категория лиц, обязанных в порядке государственной повинности заготавливать и вывозить на пристани корабельный лес и выполнять другие подобные работы для строительства российского флота. «Таким образом, многие работники, выполнявшие аналогичные работы наймом, в эту категорию не входили»¹. До передачи в уделы лашманы находились под контролем Департамента корабельных лесов, который, в свою очередь, с 1828 г. подчинялся Морскому министерству. По «Положению о лашманах», изданному 22 августа 1817 г., было образовано правление низового округа корабельных лесов. Низшей инстанцией местного управления являлась вновь учрежденная лашманская волость. Сельский староста и волостной старшина отвечали за поставку каждого работника «в срок и в исправности»².

В целом, лашманы представляли собой достаточно однородный этнический и конфессиональный состав. В 1834 г. в уделы было принято 27787 душ лашман, а также лесов – 1137312 дес. В 1838 г. лашман в Симбирской губернии в удельных имениях числилось 27871 мужского и 29150 женского пола. А в 1842 г. 37581 и 40011 соответственно. Всего удельных крестьян на 1842 г. числилось 1454964 душ обоего пола. Т. е. количество лашман, включенных в состав удельных крестьян составляло около 18 % душ обоего пола к общему числу последних³.

После передачи в уделы лашманы продолжали заниматься своим промыслом. При этом Департамент уделов получил леса в свою собственность и поставил под строгий контроль их вырубку. Она разрешалась только по

¹ Файзрахманов И.З. Лашманы в строительстве российского флота: основные вехи истории // Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всерос. науч. конф. 2018. С. 373.

² Кузнецов В.А. Лашманы как уникальное сословие в истории Среднего Поволжья истории // Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всерос. науч. конф. 2018. С. 155.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41; Д. 51. Л. 13

специальным билетам, которые выдавал управляющий конторой¹. Несмотря на это, незаконные вырубki продолжались, что привело к ужесточению наказания. Так, тринадцать удельных крестьян было решено отправить в Сибирь за порубку на сумму, превышающую 100 руб.². Надзором должны были заниматься лесные сторожа, которые избирались из крестьян сельскими приказами³. В одном селении крестьяне жаловались: «Хотя теперь нам и не худо, но прежде было еще лучше». - «Почему?». - «Вот почему: придет, бывало, время платить подати, поедешь в лес, да нарубишь воз дров, или взвалишь бревно, оттуда в город на базар – вот и деньги. Только разве кто не в меру много станет рубить казенного леса, тот попадется, да и тут из беды можно выйти: стоит поклониться лесничему или Заседателю, который придет для следствия. – Теперь дело другое: сам приказ должен сохранять лес, не смей никто рубить, да и только, работай в поле, да продавай хлеб, а хлеб ни по чем. Нельзя ли батюшка, позволить нам рубить лес по прежнему?»⁴.

Запрет свободного пользования лесами крестьяне воспринимали как ограничение их свободы и лишение возможности подработать. А таких селений, где крестьяне жили за счет самовольной рубки казенных лесов, в Симбирской губернии было много.

Под особым контролем были промышленники и торговцы из состава удельных крестьян. Департамент уделов оказывал всяческую помощь крестьянам, занимающимся предпринимательской деятельностью. Управляющий Нижегородским имением посылал на время Макарьевской ярмарки чиновников для защиты, в случае необходимости, торгующих удельных крестьян. А в основных торговых пунктах подведомственного ему района, в сёлах Воротынце и Городце, в 1830 г. поселил особых чиновников,

¹ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258

²РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 62–63.

³РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–7.

⁴РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 112–131.

которым было поручено «не только оберегать крестьян от каких-либо притеснений, но и всячески покровительствовать их торговым оборотам»¹.

Ведомство неоднократно оказывало помощь крестьянам в урегулировании споров с подрядчиками. Удельные крестьяне Казанской губернии в составе 16 человек взялись доставить из Тобольска в Казань разные китайские товары, принадлежащие московскому купцу Кожевникову. По условиям договора с подрядчиком, в случае потери товара они возмещали ущерб, а так как в конечном пункте не досчитались воза чая, то купец подал в уездный суд иск о взыскании с крестьян 1400 руб. асс. В итоге крестьяне заплатили 1078 руб., а остальное внес Департамент уделов с условием возврата денежных средств в бюджет в течение 2 лет².

Впрочем, гораздо большее внимание удельной администрации привлекал вопрос не о слабом состоянии тех или иных существовавших среди крестьян промыслов, а о недостатке во многих местностях таких работ, которыми крестьяне могли бы заниматься в свободное от земледелия время, а также вопрос о вредном влиянии некоторых промыслов. К последним Департамент уделов относил бурлачество, т. е. летний отход крестьян приволжских губерний на судовую работу. Управляющим конторами предписывалось принимать меры, чтобы ограничить возможность заниматься бурлачеством.

В циркуляре от 1840 г. говорилось: «Имея в виду, что сей промысел, отвлекая крестьян от домашнего хозяйства, не приносит им существенных выгод, и они возвращаются в свои дома с разными заразительными болезнями и без денег, Департамент поручает изыскать способы, какие по местности представиться могут, для отклонения крестьян от сих вредных занятий, стараясь при том всеми мерами обратить их к хлебопашеству». Через два года после этого сделано было распоряжение, «чтобы одиночки отнюдь не были увольняемы для работ на суда; из многолюдных же семей отпускать не иначе,

¹ История уделов... Т. 2. С. 182.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 22. Л. 79–80об.

как по точном удостоверении, что в отсутствии крестьян земляные участки их будут надлежащим образом возделаны, и хозяйство не придет в упадок»¹.

Также попало под особый контроль Департамента уделов и свободное винокурение в некоторых удельных имениях. Ведомство заметило, что на сопредельных Великороссийским губерниям территориях крестьяне «беспрерывно впадают в преступление корчемства». С 1827 г. за незаконную продажу спиртных напитков на крестьян накладывался штраф, как на «людей дурной нравственности и неблагонадежных», и устанавливался контроль и материальная ответственность за них всего сельского общества. Наиболее злостных нарушителей ждала рекрутская повинность².

С момента своего существования Департамент уделов поддерживал среди подведомственных ему крестьян организацию обучения полезным профессиональным навыкам в образовательных учреждениях или на фабриках. В 1800 г. несколько крестьянских мальчиков отдано было в школу для обучения битому земляному строению с тем, чтобы потом они «приступали к выстройке хлебных магазинов, богаделен, приказных изб и других публичных строений из битой земли»³. В 1801 г. 29 мальчиков были отправлены в школу при фарфоровом заводе, но, за упразднением школы, вернулись в 1804 г. обратно, не окончив курса⁴. В 1829 г. два способных крестьянских мальчика из Гжельского приказа Московской губернии, где было развито гончарно-фаянсовое производство, были направлены для совершенствования своих навыков на Киево-Печерскую фаянсовую фабрику, состоявшую под управлением Кабинета. В 1830 г. согласно постановлению Департамента уделов крестьянских сирот передавали мастерам ближайших городов для обучения ремёслам: столярному, плотничному, валяльному, сапожному, кузнечному и другим⁵. В 1836 г. два крестьянина Нижегородской

¹ История уделов... Т. 2. С. 311.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 102–102 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7. Л. 24

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 61.

⁵ История уделов... Т. 2. С. 311.

губернии были отправлены в имение барона Шлиппенбаха в Лукояновском уезде для обучения способу приготовления соломенных крыш под гребенку из чесанных снопов с заливкой глиняным составом.

В 40-х гг. XIX в. Департамент уделов более системно подошел к вопросу развития и усовершенствования промыслов, имевших ремесленный характер. Во всех удельных имениях были организованы ремесленные училища для крестьянских мальчиков-подростков, о чем будет сказано в отдельном параграфе.

Некоторые крестьянские мальчики из удельных селений, обнаружившие способности к живописи, получали за счёт уделов высшее художественное образование. Так, в 1845 г. удельного крестьянина Бузулугского уезда Оренбургской удельной конторы Ивана Кабанова отправили «для обучения живописи, в состоящем при Московском художественном училище». За счет средств крестьянского капитала ему приобрели «приличную» крестьянскую одежду, оплатили проезд и вносили за него согласно уставу художественного общества по 15 руб. ежегодно. «При отправлении же Кабанова обязаны вы внушить ему, что он должен хорошим поведением, прилежанием и успехами во врем учения заслужить оказанную ему ныне монаршую милость и стараться всегда быть достойным оной»¹. Видимо, удельный крестьянин действительно оказался талантливым художником: в 1849 г., окончив художественное училище, он был оправлен для «усовершенствования в живописном искусстве» в Императорскую академию художеств в Санкт-Петербурге, которую закончил в 1854 г.² После чего был отправлен для продолжения обучения за границу. Это не единственный случай, – в 1855 г. другой крестьянский мальчик, Иван Кареев был направлен в Арзамасскую школу живописи академика Ступина, а в 1857 г. также переведен в Академию художеств³.

¹ ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–1об.

² ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 35.

³ История уделов... Т. 2. С. 312

Департамент уделов принимал меры и для подготовки специалистов для хозяйственных нужд самого ведомства. Так, в 1831 г. два крестьянина Красносельского имения были отданы для обучения устройству артезианских колодцев с целью их распространения в безводных удельных имениях.

Особый интерес Департамента уделов проявлял к добыче торфа, который служил, в первую очередь, источником энергии. В 1801 г. для обучения навыку поиска и разработки торфа два крестьянина Орловской губернии были отправлены в имение графа Толстого, а в 1837 г. два крестьянина московской губернии были с тою же целью помещены у Тверского помещика Коренева. С 30-х гг. XIX в. началась разработка удельных торфяных болот в Московской губернии. Впоследствии этому было уделено много внимания.

Для развития тех отраслей промышленности, продукты которых имели широкий сбыт, требовались коммерческие и технические знания, которых не было у чиновников, поэтому промыслы крестьян в большинстве случаев развивались сами по себе. Исключением был Гжельский промысловый район Московской губернии, население которого занималось гончарными промыслами. Уже в 20-х гг. XIX в. там изготавливали фаянсово-фарфоровые изделия, которые пользовались спросом как внутри страны, так и за рубежом, преимущественно в Персии. Управляющий Московским имением особо курировал Гжельский район, и даже с целью улучшения производства «извлекал из русских и иностранных журналов статьи о фарфоровом и фаянсовом деле и сообщал их промышленникам, братьям Тереховым, дабы они по возможности применяли предлагаемые наукою приемы на своем заводе»¹.

Иногда крестьяне занимались разного рода спекулятивными мероприятиями, например, закупали летом сено по низкой цене у крестьян

¹ История уделов... Т. 2. С. 313–314.

других селений, а зимой его продавали дороже и т. п. Хотя эти крестьяне и имели земли, но использовали наделы исключительно для заготовки сена.

Крестьяне изыскивали и другие способы для повышения своих доходов. Например, передавали свои земельные участки в субаренду, получая пассивный доход¹. Чаще всего в аренду передавали негодную для хлебопашества, сенокоса и выгона землю. Позже Департамент сам решил брать эту землю в аренду для постройки на ней промышленных строений².

Конечно, промысловая деятельность зависела от региона, сохраняя местную специфику. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии и ближайших окрестностей работали столичными извозчиками, перевозили по речным каналам грузы, занимались рыболовством и перевозкой товаров гужевым способом. «Мелкий земледелец торгует всем понемножку: и своим домом, сдавая его дачникам и квартирантам, и своим двором, и своею лошадыю»³. Основными промысловыми занятиями удельных крестьян Санкт-Петербургской губернии, согласно описной книге, были: рыболовная ловля на Финском заливе, Ладожском озере, реках Неве и Луге, также охота на зверей и птиц, изготовление и продажа молока и масла. Обычным явлением был наем на работу к помещикам тесать брусья. Привычным делом была также продажа овса и хмеля в Санкт-Петербург и Лугу⁴.

Во всех удельных имениях страны доходы большинства торгующих крестьян были сравнительно небольшими. К 20-м гг. XIX в. доходы крестьян в среднем составляли от 100 до 150 руб. серебром в год. Но это все равно было в 2-3 раза больше по сравнению с доходами крестьян-земледельцев, а в сравнении с крестьянами-кустарями – больше в 1,4 – 1,7 раза⁵.

¹ По указу вся земля и постройки на ней принадлежали Департаменту уделов на правах собственности. ПСЗ. Собрание 1. 1798 – 1799. Т. XXV. № 18396. СПб., 1830. С. 97.

² Мякотин В.А. Личные и имущественные права удельных крестьян. // Русское богатство. 1903. № 7. С. 70.

³ Выскочков Л.В. Влияние Петербурга на хозяйство и быт государственных крестьян Петербургской губернии I половине XIX вв. // Старый Петербург (историко-этнографическое исследование). Л., 1981. С. 139.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 539. Л. 6–16.

⁵ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... С. 70.

Для многих неземледельческие доходы становились большим подспорьем. На севере России удельные крестьяне имели необходимый прожиточный минимум, т. к. «земледелие и скотоводство обеспечивали их продуктами питания, а средств от промысловой деятельности и неземледельческих промыслов хватало крестьянам не только на уплату денежных платежей, но и на одежду, обувь, хозяйственный инвентарь и прочие нужды»¹.

Оживлению промышленности и торговли способствовали события 1812–1815 гг., особенно в регионах, близких к центрально-промышленным губерниям, и где проходили важные водные и сухопутные коммуникации. Так, в Поволжье крестьяне занимались поставкой фуража и продовольствия для армии. «Удельный крестьянин Степан Алексеев из д. Чамзинки Ардатовского уезда Симбирской губернии на речке Чернопейке арендовал «об одном поставе мельницу с толчеей с 1815 г. из оброка по 101 руб. в год». «В Ардатовском уезде той же губернии удельный крестьянин Татаринев взял в аренду две мельницы»².

В целом развитие неземледельческих занятий способствовало постепенному складыванию совершенно нового социально-экономического уклада, росту производительных сил, усилению рыночных связей и, в конечном итоге, разложению натурального хозяйства. Оно было одним из факторов развития новых капиталистических отношений. С ростом процесса разделения труда, с развитием ремесел и промыслов развивались товарно-денежные отношения. «Ремесленники - мелкие товаропроизводители представляли собой благоприятную среду для развития капиталистических отношений, а отходники на предприятия и сельскохозяйственные работы способствовали в рамках феодально-крепостнического строя развитию

¹ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера ... С. 79.

² Максимов И.С. Тенденции аграрного развития России в связи с военными кампаниями 1812-1814 гг. (на материале губерний Среднего Поволжья) // Экономическая история. Саранск, 2011. № 4 (15). С. 16-21.

промышленности капиталистического типа (купеческой и крестьянской мануфактуры), а также развивали новые отношения в сельском хозяйстве»¹.

Формами регулирования неземледельческого отхода крестьян стали ведомственный контроль условий контрактов, заключаемых крестьянами, и строгий паспортный режим, который по сути ограничивал их свободу передвижения и право заниматься тем или иным видом хозяйственной деятельности.

Мы хотели бы отдельно обратить внимание на уникальный промысел удельных крестьянок XIX в., который, по нашему мнению, имел и политический аспект. В российской исторической литературе концептуально вопрос о существовании института кормилиц при императорском дворе не изучался, да и о самих кормилицах написано совсем немного². Роль крестьянки-кормилицы в российской истории недооценена. Ведь если подумать, простая русская женщина два года находилась при дворе в самом близком контакте с венценосным младенцем и его родителями. И хотя в силу возраста малыш не мог помнить свою кормилицу, он все равно поддерживал с ней связь всю свою жизнь, воспринимая ее детей, как своих молочных братьев или сестер. Для нас эта тема важна еще и потому что кормилицами в изучаемый нами период становились исключительно удельные крестьянки.

Долгое время кормилицами царских детей в России были знатные

¹ Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... к.и.н. Саранск, 2003

² Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011; Красникова Ю.Н. Удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. СПб., 2014; Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства императорского двора его императорского величества. 1 января 1843–15 июня 1918 / под ред. Онищенко. М., 2008

женщины¹. В XVI – XVIII вв. кормилицами становились супруги бояр с известными фамилиями. Танаков в своей работе отмечает, что «среди желавших стать кормилицами царских детей иногда разгорались настоящие войны с поиском компромата друг на друга, с использованием родственных и дружеских связей»². Кормилицами у царя Алексея Михайловича были боярыни Арина Никитична Годунова и Ульяна Степановна Собакина. Царевича Ивана Михайловича Романова вскармливала грудью его же бабка боярыня Анна Константиновна Стрешнева, а Федора Алексеевича Романова – княгиня Просковья Борисовна Куракина и боярыня Анна Петровна Хитрово. У Петра Великого «мамками» были боярыня Матрена Романовна Леонтьева и княгиня Ульяна Ивановна Голицына, а у его сестры Софьи – княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская. Начиная с XVIII в. кормилицами становились жены дворцовых служителей. В 1728 г. в письме императрице Елизавете Петровне Мавра Шепелева сообщала о кормилицах будущего Петра III: «Всемиловитейшая Государыня Цесаревна и Матушка! Доношу я Вашему Высочеству, что Ваша сестрица в добром здравии, и Его Королевское Высочество и племянник Ваш в добром здоровье, кормилица была у Вашего племянника взята от обер-камергера, и ныне занемогшей и взяли другую кормилицу»³. Кормилицей императора Павла I была мещанка Бастидонова Матрена Дмитриевна, вторая жена камердинера Петра III Якова Бенедикта Бастидона, португальца по национальности, который приехал в Россию с Петром III⁴. Судя по тому, что в 1797 г. за службу ей было пожаловано 200 крестьян в Петербургской губернии, что было начиная со второй половины XVIII в. исключительной привилегией дворянского сословия, она была

¹ Красникова Ю.Н. Кормилицы для императорской семьи // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. Международная научная конференция, 14–16 марта 2012 г. СПб., 2012. С. 166–170.

² Танаков А Как рожали русские царицы. СПб., 2011. С. 73–77.

³ Танаков А Как рожали русские царицы. СПб., 2011. С. 73–77.

⁴ Интересно, что их дочь Екатерина Яковлевна, молочная сестра Павла I, была в браке с известным поэтом Г.Р. Державиным.

повышена в статусе¹. Подтверждающих документов о присвоении Бастидоновой дворянского звания нами не было найдено, но можно предположить, что крестьяне ей могли быть переданы и в виде исключения, без изменения ее социального статуса. Будущего императора Александра I кормила грудью жена Царскосельского садовника.

Идеи просвещенного абсолютизма, которые были так популярны в XVIII–XIX в., сформировали «образ мудрого монарха с неограниченной властью, способного осуществить преобразование общества на началах разума... Политика просвещенного абсолютизма позволяла проводить реформы, способствовавшие модернизации, но не преступавшие в целом рамок феодального строя»². По нашему мнению, под воздействием этих представлений в Российской империи и сформировался концепт крестьянки-кормилицы, подтверждая реальность существования прямой связи между императором и простым народом. Современник Николая II вспоминал: «...при невероятной смеси кровей в Царской Семье эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы Романовского Дома, и без которой сидеть на Русском Престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с налетом простонародным. Так говорил и Александр Третий...»³.

Это подтверждается и тем фактом, что в начале XX в. поиски подходящей кормилицы среди крестьянок могли занимать несколько месяцев. Зачем такие трудности? Ведь можно было выбрать кормилицу и из других сословий. Но для императорской фамилии значимо было найти кормилицу именно из крестьянской среды. Так, кормилиц для наследника престола Алексея Николаевича подбирали в «Приюте кормилиц и грудных детей С.С. Защегринской». Акушерка Софья Сергеевна Защегринская так и не

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп.1. Д. 393. Л. 206; Оп. 1. Д. 218. Л. 7; Оп. 1 Д. 393. Л. 31 об., 79 об.

² Стародубцев М.П. Культ разума, знания и воспитания – важнейшая ценность эпохи Просвещения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 294.

³ Сургучев И.Д. Детство Императора Николая II. Париж. «Возрождение». Б.г. С. 138–141.

смогла найти кормилицу в близлежащих деревнях удельного ведомства, и пришлось продолжить поиск в более отдаленных имениях. Любопытно, что проблемы с кормилицами в начале XX в. акушерка Защегринская связывала не только с социально-экономическими причинами, но и с политической ситуацией в стране: «В неудаче кормилиц... виною время.. Если бы Вы знали, что делается по деревням... какое горе переживает народ, когда берут из запаса на войну¹... я прямо даже удивилась, что я нашла 10 человек»².

Кроме того, с утверждением новой официальной идеологии Российской империи в 30-е гг. XIX в. кормилица, по нашему мнению, визуализировала идею народности³. Ведь по мнению ряда исследователей, да и современников, этот пункт в триаде Уварова был самый провокативный и выглядел не более, чем декларированным тезисом. Это, в свою очередь, привело к тому, что формула С.С. Уварова так и не стала реальной идеологией, не привела к образованию «идеологии в современном смысле слова», и не имела никакого влияния ни на образованное общество, ни на правящие верхи, разве что оказала отдельные услуги цензуре⁴. Если с этим утверждением можно поспорить, то несомненно, что теория официальной народности помогала встраивать механизмы воздействия на общественное сознание, которым пользовалась власть для формирования положительного образа самодержавия в глазах подданных. Патернализм, который был очень распространен в народной среде Российской империи, давал уверенность в защите от

¹ Русско-японская война 1904-1905 гг.

² Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства императорского двора его императорского величества. 1 января 1843-15 июня 1918 / под ред. Онищенко. М., 2008. С. 275.

³ Красникова Ю.Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX - начала XX вв. // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 134-138.

⁴ Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89-104

несправедливости. Это проявилось в том числе в распространении ходачества, хотя законодательно это было запрещено¹.

Традиция иметь при дворе кормилицу восходит ко временам Древней Руси. В Русской Правде за смерть кормилицы, даже если она была рабыней, назначался довольно высокий штраф – 12 гривен². В XIX в. кормилица числилась в придворном штате. Ей полагалась своя форма одежды, которая была непривычной для деревенской женщины, но обязательной в особо торжественных случаях, например, при крещении младенца. Николай I вспоминал: «Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее, это находили необходимым. Лишь только отец мой при рождении Михаила освободил этих несчастных от этой смешной пытки»³.

Наличие кормилиц объяснялось тем, что высокородные женщины обычно не кормили своих детей грудным молоком, это была задачей кормилицы. В XIX в. единственной из императриц, кто решился начать грудное вскармливание, была жена Николая II Александра Фёдоровна, но при этом в штате все равно числилась кормилица. Остальных членов императорской фамилии эти ограничения тоже касались. Так, жена великого князя Александра Николаевича Мария Александровна, родив в 1842 г. дочь Александру, выразила желание кормить малыша грудью, а император Николай I категорически запретил ей делать это⁴. Первая, кто попытался сломать стереотипы была великая княгиня Мария Павловна, жена великого

¹ Красникова Ю.Н. Почему крестьяне к царю в столицу ходили? (К истории ходачества в Российской империи в первой четверти XIX в.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII Всерос. науч. конф. СПб., 2022. С. 109-115.

² Русская Правда. Электронные публикации. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 24.07.2022). Режим доступа: свободный.

³ Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. Пер. с франц. В.В. Щеглов. СПб., 1906.

⁴ Танаков А. Как рожали русские царицы. СПб., 2011. С. 73-77.

князя Владимира Александровича. Несмотря на осуждение высшего общества, она решила самостоятельно вскармливать своего первенца Александра (1875 г.). Естественно, поползли слухи в благородном обществе, и многие согласились, что такое отступление от традиции связано с тем, что Мария Павловна вплоть до 1908 г. не принимала православие, а оставалась открытой лютеранкой¹.

Отказ от грудного вскармливания позволял быстрее восстановиться женскому организму и подготовиться к новой беременности. Ведь престол нужно было обеспечить не одним наследником. А период лактации снижал возможность забеременеть (так называемый, эффект физиологической контрацепции)². Кстати, крестьянки тоже использовали кормление грудью для естественного регулирования рождаемости. Только цель у них была как раз обратная – как можно дольше не забеременеть. Длительное кормление защищало женщин от зачатия, так как, по данным русских врачей, около 80 % женщин не имели менструаций при кормлении грудью. Крестьянки старались увеличивать срок кормления грудью до двух лет и более. «Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом»³. По мнению Б.Н. Миронова, данный метод широко практиковался крестьянками в российских губерниях вплоть до 1920-х гг.

Выбор кормилицы императорских детей всегда был осознанным и преследовал определенные цели. Например, императрица Екатерина II еще до рождения Константина Павловича запланировала для него греческую корону, – и в кормилицы ему была определена гречанка Елена, «чтобы с молоком

¹ Красникова Ю.Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX - начала XX веков // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 134-138.

² Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 2003. Т. 1. С. 185.

³ Там же.

всасывал любовь к своему новому народу»¹. Еленой звали и мать последнего Византийского императора Константина XI. Кстати, все слуги, воспитатели мальчика тоже имели греческое происхождение.

Подбор кормилицы для высокородного младенца был делом особой государственной важности. Первоначально пользовались французским изданием, где были указаны самые важные критерии при отборе кормилиц². Позже на основании это брошюры были разработана внутренняя инструкция по отбору претенденток на роль кормилицы. Поиски такой кормилицы отнимали много времени и сил как у дворцовой администрации, так и у придворных медиков. Кроме всего прочего, это было достаточно затратным предприятием: например, поиск кормилицы для дочери императора Александра I обошёлся в 1100 руб. асс., из них расходы конторы составили почти 300 руб. (см. таблицу 11). И это без учета подарков, которыми наградили всех задействованных лиц в поиске: подарки получили акушер, коллежский советник Беренс и земской исправник майор Завалишин за сопровождение кормилиц из Новгорода в Петербург; награду получил и инспектор врачебной управы, который проводил осмотр крестьянок. Кроме того, из 8 отобранных претенденток пятерых сразу отпустили домой, «в награждение дано каждой из них по 200 руб.»³. А стоимость расходов по поиску кормилицы для Алексея Николаевича (с июня 1904 г. по январь 1905 г.) составила 5291 руб. сер. 15 коп.⁴

¹ Танаков А. Как рожали русские царицы. СПб., 2011. С. 171.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–3.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 104. Л. 10, 12, 22

⁴ РГИА. Ф. 525. Оп. 1. (205/2653). Д. 88. Л. 24

Таблица 11.

**Издержки конторы по поиску кормилицы для императрицы
Елизаветы Алексеевны (1807 г.)**

Статья расходов	Сумма расходов (руб. асс.)
на проезд 20 разных селений за кормилицами	25
за прогон до СПб на 15 лошадях	60,30
содержание в пути, 4 дня по 5 рублей	20
в обратный путь нанято 15 лошадей до Тосны	75
от Тосны до Новгорода 15 лошадей за 127 верст прогона	38,25
содержание их в пути	10,50
за починку в дороге, поломав 4 экипажа	31
препровождавшему из новгородской врачебной управы акушеру Беренцу на прогон в оба пути	35
ИТОГО	295,05

Таблица составлена по: РГИА Ф. 1286. Оп.1. Д.104. Л. 19–20

Чтобы сократить расходы на переезды, поиск кормилиц начинался с близлежащих к Санкт-Петербургу удельных деревень: Павловских, Царскосельских и Красносельских. Так, Николая I кормила крестьянка из Московской Славянки Ефросинья Ершова¹. А кормилицей ее императорского высочества великой княгини Александры Николаевны была крестьянка из села Большое Пулково². Императрица Мария Федоровна внимательно заботилась о санитарном состоянии не только пригородных резиденций, но и близлежащих деревень, которые были «рассадником кормилиц для царских и

¹ Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства императорского двора его императорского величества. 1 января 1843-15 июня 1918. ... С. 41.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 37 (265/1282). Л. 93–93 об.

городских детей»¹. Хотя в документах мы видим, что кормилиц подбирали и в других соседних с Петербургом губерниях, в частности, в Новгородской и Псковской.

В Санкт-Петербурге существовали специальные бюро для отбора кормилиц. В работе они руководствовались следующими критериями: хорошая кормилица – это должна была быть здоровая 20-30-летняя женщина, не болевшая сифилисом, чахоткой, «падучей болезнью», алкоголизмом, идиотизмом и т. д., у которой примерно в то же время, что и у «заказчицы», произошли роды»².

К кормилицам высокородных младенцев предъявлялись дополнительные требования. Например, у них обязательно брали мочу и молоко на анализ. Грудное молоко проверяли на содержание жиров, зажиренное молоко считалось не очень полезным. Так, первую кормилицу цесаревича Алексея Николаевича Александру Негодову-Крот признали негодной в середине октября 1904 г. именно «вследствие зажирения молока»³. Также измерялось количество сцеживаемого грудного молока. Молока должно было быть много, его уменьшение могло привести к отказу от этой кормилицы. Вторая кормилица цесаревича Алексея была уволена вследствие снижения молока: у нее был свой младенец–первенец и из-за тоски по нему молоко начало уменьшаться, поэтому ее отпустили домой. «Третья кое-как приспособилась...»⁴. Важно отметить, что анализы кормилица сдавала с определенной периодичностью все время, пока находилась при дворе.

Интересно, что до отбора анализов молока грудь осматривали визуально, внутренняя инструкция гласила: «что касается до телосложения хорошей кормилицы, то должно обращать внимание на округленные, полные

¹ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011.

² Танаков А. Как рожали русские царицы. С. 73–77.

³ РГИА. Ф. 525. Оп. 1. (205/2653). Д. 88. Л. 20

⁴ Танаков А. Как рожали русские царицы. С. 73–77.

формы, красивую, довольно упругую, венами синевато-изчерненную грудь»¹. Кроме чисто визуального осмотра, грудь клали в ладонь и приподнимали вверх, ведь хорошая молочная грудь должна была иметь вес. И наконец, грудь ощупывали и мяли.

Осматривали также ротовую полость: десны должны были быть розовыми и без признаков заболеваний, а белые и крепкие зубы всегда считались признаком здоровья. Особо тщательно оценивали здоровье тела: на выявление рубцов от рахита, золотухи, лишая и сифилиса осматривались и половые органы². Отдельно отмечалось, что кормилицы должны были обладать веселым характером, желательно «развитыми умственными способностями» и красивым лицом. Дополнительным, но необязательным критерием был опыт: приоритет отдавали женщинам, у которых было определенное количество детей³.

Крестьянок-кормилиц подбирали путем объезда деревень и внешнего осмотра предполагаемых претенденток, причем первоначально крестьянкам не говорили, с какой целью их осматривали врач и акушер. Чтобы избежать огласки, их развозили в разные селения⁴. Обычно кормилицу начинали искать за месяц до родоразрешения высокородной матери. Местные власти получали специальные секретные указания по поиску кормилиц в подведомственных им деревнях, они же привозили претенденток для осмотра в губернское правление. После осмотра оставляли лишь несколько претенденток, и только после этого в сопровождении медицинского или губернского чиновника их доставляли в Петербург, где делали окончательный выбор. Но в течение первых двух месяцев все кормилицы находились при дворе, пока не

¹ Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетиках и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. В трех частях. М. 1860. С. 16–17

² Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетиках и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. В трех частях. М. 1860. С. 16–17.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 104. Л. 5–5 об.

налаживалось грудное вскармливание. Так, например, в 1806 г. при поиске кормилицы для младенца императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, в новгородских деревнях отобрали 34 кормилицы, и только 8 из них отправили в Петербург. После медицинского осмотра при дворе оставили только троих, остальных отправили домой. К императрице вообще доставили только одну – Ирину Михайлову, родом из Чудова Новгородской губернии, остальных двух претенденток отправили домой через два месяца «с наградой от Ее Величества»¹.

Если кормилицу забирали в период активных сельскохозяйственных работ, то семейству выплачивалось пособие, равное стоимости найма работницы. Во время кормления женщинам запрещали появляться дома, видаться со своими детьми, выходить самостоятельно в город – из-за боязни занести инфекции к новорожденному высокородному младенцу². Кормилица проводила с младенцем достаточно много времени и была с ним рядом во время болезни. Позже кормилицам разрешалось брать своего младенца с собой.

Как мы видим, отбор в кормилицы был тщательным, оценивались не только ее физические качества, но и морально-нравственные. Кроме того, в инструкции по поиску кормилицы строго указывалось, что «кормилицы должны быть природные русские»³. Указание в требованиях к будущей кормилице национальной принадлежности мы впервые встречаем только в документах XIX в.

Сложная система отбора и высокородные заказчики делали труд удельной крестьянки–кормилицы востребованным и уникальным. Да и сама

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 104

² Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства императорского двора его императорского величества. 1 января 1843-15 июня 1918.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 104

она чувствовала всю ответственность порученного ей дела; из-за сильных переживаний, что она не угодит, кормилица могла потерять молоко¹.

Естественно, такая работа хорошо вознаграждалась, причем не только жалованием, но и целым рядом преференций.

Во-первых, крестьянка получала особый статус в сельской общине. После того, как она возвращалась к месту жительства, чиновники дворцового ведомства отправляли в губернскую канцелярию характеристику. Так, отправляя Ирину Михайлову домой, И.В. Васильчиков писал в губернию, что «при дворе ей были довольны, и она получила приличное вознаграждение»². А император Николай I в официальном письме Д.А. Гурьеву писал: «...по случаю отпущения ныне находившейся при...сыне моем...Александре Николаевиче кормилицы Авдотьи Корцовой, крестьянки удельного ведомства, Московской губернии ... в уважение ее примерного поведения во время нахождения при кормлении... принять ее под особенное ваше покровительство, и таково же дать от себя предписание и состоящему под управлением вашим начальству в том месте, в коем она вместе с мужем своим находится»³.

После возвращения на свое место жительства бывшая кормилица, как и ее семья, всю свою жизнь находились под особым вниманием местных органов. Ребенок крестьянки, который был одногодкой императора, становился молочным братом или сестрой, на этом основании дети кормилицы могли получать различные денежные пожалования. Например, после смерти кормилицы Питереной половину пенсии получала ее дочь, это было 85 руб. ежегодно до замужества. Случалось, что сразу несколько детей кормилицы могли стать молочными родственниками члену императорской фамилии. Так, у Ефросиньи Ершовой, кормилицы Николая I, молочными сестрами императора считались две дочери, Авдотья и Анна, рожденные в 1797 и

¹ Танаков А. Как рожали русские царицы. С. 73–77.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 104.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

1803 гг. Позже у нее родился сын, которого называли Николаем, скорее всего, в честь императора и его также зачислили в молочные братья царя. Отношения с молочными родственниками у Николая I продолжались и после смерти кормилицы, вплоть до 1853 года (всего 57 лет)¹.

Во-вторых, кормилицы получали различные денежные пожалования. Так, после увольнения кормилицы получали единовременные выплаты, сумма которых могла достигать 3000 руб.² Кроме того, бывшая кормилица имела право на пожизненную пенсию. Пенсионное обеспечение первой четверти XIX в. было не обязанностью государства, а наградой: далеко не все служащие имели право получать пенсию. Так, служащие Министерства императорского двора могли ее получить только после 35 лет, а придворные служащие – после 15 лет безупречной службы. Пенсия в XIX в. являлась важным элементом признания службы. Размер пенсии кормилицы зависел от воли Высочайшей особы и от того, сколько времени кормилица находилась при ребенке. Средний размер пенсии кормилицы в XIX в. составлял 600 руб. асс. в год³. Если кормилица была при ребенке не весь срок, то и размер пенсии уменьшался. Пенсия могла быть увеличена, если крестьянке посчастливилось кормить нескольких великородных детей. Кормилице великой княжны Александры Николаевны и великого князя Константина Николаевича крестьянке Резовой в 1826 г. из денег ее высочества была назначена ежегодная пенсия в 600 руб., а с 1827 г., после того как она прекратила кормить великого князя, пенсию увеличили на 300 руб., т. е. суммарно бывшая кормилица стала получать 900 руб. асс. ежегодно⁴. Выплата пенсии производилась либо из личных сумм Высочайших особ, либо из бюджета ведомственных учреждений, Кабинета или Департамента уделов.

¹ Зимин И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011.

² См. таблицу 12.

³ См. таблицу 12.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 88. Л. 7.

Примечательно, что деньги выплачивались по четко фиксированным формам и только в случае их личной «явки» кормилицы во дворец.

Таблица 12.

Вознаграждения, получаемые кормилицами в первой половине XIX в.

ФИ кормилицы	Кормилец	Размер пенсии (руб. асс.)	Размер других пожалований (руб. асс.)
Степанова (Колчина)	Мария Александровна (1799 – 1800 гг.)	500 (1800 г.)	Единовременно 1000
Елена Юзихина	Михаил Павлович (1798 – 1849 гг.)		единовременно 1000 (1800 г.)
Авдотья Павлова Гаврилова	Елизавета Александровна (1806 – 1808 гг.)	500 (1808 г.),	единовременно 1000, серьги ценой в 550 руб.
Ирина Михайлова	Елизавета Александровна (1806 – 1808 гг.)	пенсия – 200 руб. в год (1809 г.)	единовременно 200
Авдотья Карцова	Александр II Николаевич (1818 – 1881 гг.)	600 (1820 г.), позже 1000 руб.	
Малоземова	Ольга Николаевна (1822 – 1892 гг.)	600 (1822 г.)	Единовременно 2000
Евдокия Ивановна Резвова	Александра Николаевна (1825 – 1844 гг.) Константин	600 (1826 г.) + 300 (1827 г.) = 900 (с 1827 г.)	единовременно 2000 (1826 г.), строительство дома 12055, 86

(с. Большое Пулково)	Николаевич (1827 – 1892 гг.)		(1828 г.) (Подгорное Пулково)
Афимья Федорова Питерина	Константин Николаевич (1827 – 1892 гг.)	600 (1829 г.)	Единовременно 3000; строительство дома 9850 (Подгорное Пулково)
Мавра Проворнова (уволена раньше срока по причине потери молока)	Александра Михайловна (1831 – 1832 гг.)	125 (1832 г.)	
Прасковья Романова (Парголово)	Александра Михайловна (1831 – 1832 гг.)	475 (1832 г.)	
Елена Шарманова	Николай Николаевич (1831 – 1891 гг.)	600 (с 1833 г.)	Единовременно 3000, Строительство дома 12055 (Большое Кузьмино)
Ефимия Чагинская	Анна Михайловна (1834 – 1836 гг.)	600 (с 1836 г.)	

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 472. Оп.1. Д.88; Оп. 1. Д. 665; Оп. 2. Д. 272; Оп. 2. Д. 294; Оп. 2. Д. 907; Оп.37 (265/1282)

Кроме этого, кормилицы получали денежные подарки к тезоименитству, Рождеству и Пасхе. Лица императорской фамилии охотно становились

крестными отцами других детей кормилиц. Каждой из кормилиц по традиции собиралось весьма солидное «приданое». Кормилице великой княжны Александры Николаевны «по случаю минования первого ее года ее Высочества» (1826 г.) были подарены серьги ценой в 550 руб.¹

В-третьих, бывшие кормилицы имели приоритетное право в решении ходатайств, поданных на Высочайшее имя. Они удовлетворялись, даже несмотря на то, что делалось это в нарушение правил. Ярким примером была удовлетворенная просьба кормилицы наследника Александра Николаевича Авдотьи Карцовой, которая просила исключить ее сына-крестьянина из удельного ведомства в мещанство для продолжения обучения после Московского главного училища в Московской гимназии, о чем мы писали выше. Несмотря на то, что это полностью противоречило закону, просьба была удовлетворена, но «не в пример другим», с рассрочкой платежа отпускных денег в размере 2000 руб. на 2 года, т. е. по 1000 руб. в год списывались с ее пенсии², которая была увеличена с 600 руб. до 1000.

Следует отметить, что статистическими данными по кормилицам в исторической науке никто не занимался. Достаточно сложно иногда установить даже имя кормилицы члена императорской фамилии и точные сведения о выплатах, эта тема требует отдельного скрупулёзного исследования.

В-четвертых, кормилицам оказывали помощь в строительстве дома. Так, на постройку дома в Красном Селе для кормилицы Михаила Николаевича было потрачено 8862 руб. асс.³ Кормилице Николая Николаевича Елене Шармановой был построен дом в селе Большое Кузьмино, как и некоторым другим кормилицам. Но сама переписка между ведомствами по поводу строительства ее дома примечательна.

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 41. Л. 18.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 42. Л. 112–112об.

Кормилице разрешили выбрать место для строительства, и она обратилась с просьбой построить ей дом «в Большом Кузьмине по другую сторону пруда к Царскому Селу, близ трубного сарая лежащее». Там у крестьянки уже был небольшой участок в 4 кв. м. (2 кв. сажени). Министр соотнесся с управляющим Царским Селом, «не противно ли это общему плану»¹. В ответ управляющий объяснил, что строительство дома в выбранном месте невозможно, т. к. «место то отстоит от пожарного сарая к Царскому Селу на 51 сажень, и от чугунных Кузьминских ворот 160 сажень, полоса земли, принадлежащая кормилице шириной 2 сажень. Следовательно, на одной сей полосе построиться ей никак невозможно, да и по общему плану слободы не предположено строить крестьянских домов по сю сторону пруда к Царскому Селу»². Министр доложил императору, что придется бывшей кормилице в данной просьбе отказать. Николай I вместо резолюции по делу потребовал план, чтобы самому разобраться, а так ли невозможно построить дом в том месте, где просила Елена Шарманова. Захаржевский отправил градостроительный план Царского Села Николаю I, сопроводив рапортом о том, что, «хотя по общему плану предположено строить крестьянские дома поодиночке, но как в слободе Кузьминой большей частью имеются таковые гнездами, то можно, кажется, и Ширмановой дозволить выстроить новый дом на старом месте, но с тем однако же, чтобы промежутка, который и теперь только 6 саж., не суживать». Это решение и было утверждено императором³. Дом был построен несмотря на то, что это противоречило правилам застройки Царского Села. Выросла и стоимость дома: сначала выдали 10000 руб. асс. на строительство⁴, но расходы не влезли в смету. Поэтому позже выделили еще средства для окончания строительства, общий расход на дом составил 12055 руб. асс. из бюджета Кабинета⁵. Николай Павлович позже поинтересовался,

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 294. Л. 3–4.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 294. Л. 10.

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 294. Л. 11–12.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 294. Л. 13–15.

⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 88. Л. 9, 15–20

как обстоят дела, и Захаржевский отрапортовал, что крестьянка уже живет в доме.

Как выглядел дом кормилицы, мы можем представить по архивному документу, где описан дом Резовой. Он был в 2 этажа, на каменном фундаменте длиной 8 сажень, шириной 4 саж. При нем лавочка длиной 3 саж., шириной 2 саж. Двор длинной в окружности 49 саж. Забор вокруг дома «забран в столбах чистыми досками, покрыт тесом на два ската, с двумя рубленными из бревен клевами и погребом»¹.

В-пятых, удовлетворялись различные просьбы крестьянок. Так, в 1876 г. было выделено пособие на погребение бывшей кормилицы Евдокии Резовой, которую мы уже упоминали выше. С просьбой о пособии обратился ее сын, т. к. он, «как человек бедный, и кроме того, обремененный большим семейством, состоящим из жены и пятерых малолетних детей, ...не имел своих средств предать тело матери ... христианскому погребению и принужден был для исполнения этого долга занять довольно значительную сумму денег». Поэтому он просил о выплате ему, «как сыну бывшей кормилицы ее высочества, единовременного пособия, которое дало бы возможность уплатить долг». Просьба сына бывшей кормилицы также была удовлетворена². Ради справедливости, мы должны отметить: когда просьбы были слишком амбициозными, император мог отказать в их удовлетворении. Так, бывшая кормилица Путихова после кормления была оставлена при дворе и прослужила в общей сложности 10 лет. За это она просила у императора назначить ей дополнительную пенсию и выделить деньги на оплату казенной квартиры. Николай отказал в просьбе, т. к. согласно «придворному положению, служившие менее 15 лет на получение пенсионера права не имеют»³.

¹ Там же.

² РГИА Ф. 472. Оп. 37 (265/1282).

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 42.

Итак, неземледельческий характер деятельности удельных крестьян был связан с отхожими промыслами, ремеслом или традиционными для местности видами работ. Первоначально отходничество никак не регулировалось внутренними нормативно-правовыми актами, крестьяне могли уйти на заработки на основании общегосударственного законодательства. Но после ревизии имущества и крестьянства ведомство посчитало нужным поставить отход под свой строгий контроль. Департамент уделов сначала сократил сроки, на которые можно было получить паспорт, а со второй четверти XIX в. резко снизил выдачу самих паспортов, разрешающих отход. Параллельно ведомство искало формы организации рабочих мест внутри удельных имений и покровительствовало развитию ремесла и торговли.

В удельном ведомстве были крестьяне, которые занимались достаточно редкими видами промыслов, например, доставкой корабельного леса. Кормленческий промысел крестьянок был распространен. Некоторым из них выпадало право стать кормилицей членов императорской фамилии и даже будущего императора, ведь начиная с XIX в. ей могла стать исключительно крестьянка удельного ведомства. В рамках укреплявшейся консервативной идеологии император не только провозглашал незыблемость самодержавия, но и брал на себя функции покровителя народа. Крестьянка-кормилица членов императорской фамилии становилась прямой нитью, связывающей народ и царя. Заслуги кормилицы достаточно высоко ценились при дворе, что выражалось в системе преференций, великосветские родители были готовы удовлетворить практически любую просьбу бывших «мамок». Частично преференции бывшей кормилицы распространялись и на членов ее семьи. Русским няням-кормилицам, к сожалению, уделено в истории не так много места, как они того заслуживают: ведь именно с их молоком, а также их песнями и сказками закладывались в будущего императора частицы русского характера¹.

¹ Красникова Ю.Н. Развитие кормленчества в XIX: причины и специфика // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной

3.5. Религиозная политика Департамента уделов

Российская империя в XIX в. являлась полиэтническим и многоконфессиональным государством. В процессе организации российского государственного управления преемственно православное государство должно было выработать собственные нормы, регулирующие правовое положение лиц, исповедующих нехристианские религии. Принципы свободы совести в полном объеме распространялись только на иностранцев. В отношении подданных Российской империи религиозная политика зависела от внутреннего курса власти, личностных характеристик главы государства и внешних факторов. Но наиболее ярко конфессиональные ограничения проявились внутри самой Русской православной церкви в отношении раскольников. Именно они, по мнению духовенства, в большой степени подрывали устои правильной веры и вносили смуту.

Взаимоотношения государства и церкви в XIX столетии основывались на том факте, что «абсолютное большинство членов российского общества осознавало свою безусловную принадлежность к соборной православной церкви». На протяжении всего XIX в. государственная власть Российской империи контролировала и законодательно ограничивала деятельность Русской православной церкви (далее РПЦ), превратив ее в структурное звено государственного механизма и преобразовав высшие органы ее управления таким образом, что «они по своему правовому положению и функционалу приравнивались к министерствам. Следует рассматривать данные действия в отношении РПЦ как нарушение ее канонических функций»¹. Николай Павлович рассматривал церковь, «как государственное учреждение,

конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. 4–7 октября 2012. Тверь, 2012. Т.2. С.28–31.

¹ Семашко А.Г. Русская Православная церковь в государственном механизме Российской империи XIX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... к. юр. наук. М., 2007. С. 10.

призванное решать общенациональные задачи в земных интересах верноподданных»¹.

Ни один серьезный вопрос по управлению церковью не мог быть решен без одобрения императора, а на местах – без согласования со светской администрацией губерний и земель. Все духовные вопросы, которые должны были остаться внутренней прерогативой церкви, решались администрацией удельной конторы, а в более сложных и противоречивых случаях, – императором. Ответственность за религиозное разномыслие тоже была исключительно правовая, а не церковная. Власть самостоятельно интерпретировала степень правонарушения. Вместе с отлучением от церкви можно было получить светское наказание.

Церковь, в свою очередь, имела широкие возможности влияния на граждан: «Государство ... делегировало Церкви полномочия по регистрации актов гражданского состояния, отправлению правосудия по широкому кругу вопросов, полицейские функции, а также расширило полномочия церкви в области образования и воспитания граждан, что свидетельствовало о превращении ее в публично-правовое учреждение»². Особенностью развития взаимоотношений между церковью и государством во второй четверти XIX в. стало включение православия в официальную идеологию Российской империи, что было закреплено в Теории официальной народности.

В XIX в. РПЦ представляла собой хорошо развитый социальный институт с разветвленной системой управления. Основой церковно-административного деления России в XIX веке были церковные округа – епархии, границы которых были приведены в соответствие с губернскими. Епархии подразделялись на духовные правления, а те, в свою очередь, – на благочиния, в непосредственном ведении которых находилось до 30-ти

¹ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 183.

² Семашко А.Г. Русская Православная церковь в государственном механизме Российской империи XIX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... к. юр. наук. М., 2007. С. 10.

церковных приходов, которые являлись наиболее мелкой церковно-административной территориальной единицей.

Государственная власть, превратив РПЦ в структурное звено государственного механизма, опиралась на нее в своей политике, признавая широкие возможности влияния церкви на граждан. Так, при введении поземельного сбора летом 1831 г. в ряде приказов Вятской губернии начались беспорядки. По просьбе управляющего удельной конторой преосвященный Кирилл, епископ Вятский и Слободский, предписал местному духовенству явиться в Сарапульский уезд с целью личного увещевания. «По отпетии молебна благочинный села Нечкина увещевал народ обратиться на путь истины и именем церкви призывал каждого к покорности царю и власти законной. Казалось, доброе слово пастыря привело в чувство ожесточенных, и люди, не подходившие до сего часа к кресту, толпились вокруг священника с приметным раскаянием, которое служило доказательством познания ими собственных заблуждений». В соседнем селе, правда, результаты были уже не столь впечатляющими: там удельными крестьянами «отвергнуты были убеждения религии, и дерзость людей простиралась до такой степени, что никто не вошел даже в церковь, говорят иные, что у них рубашки не чисты и закон возбраняет идти в церковь, другие, что они позавтракали, а иные, что их звали не в церковь, а на сходку»¹. Бюрократический характер управления РПЦ превратил пастырское служение в род государственной службы, а священнослужителей – в чиновников, что и вызывало неоднозначную оценку со стороны сельского общества.

Главной особенностью семейного права являлась значительная роль церкви в его регулировании. Церковь, в частности, регулировала заключение, расторжение брака и внутрисемейные отношения. В российском законодательстве брак был представлен как религиозный акт, поэтому

¹ Крестьянское движение в России в 1826-1849. Сб. документов. М., 1961. С. 205–206, 213.

регулирование его основ ложилось на священнослужителей того вероисповедания, к которому относились супруги¹.

Регулирование религиозной политики в удельном ведомстве первоначально основывалось только на общегосударственной практике взаимодействия властей и РПЦ. Единственным внутренним нормативным актом был параграф 180 в «Учреждении об императорской фамилии», который закрепил за местными властями обязанность «вразумлять о благочинии церковном, о долге каждого в посещении воскресных, праздничных и торжественных дней на службу Божию, и ежегодной в пост исповеди, и по удостоению святых Тайн причащения».² Местное духовенство и сельские власти должны были следить за исполнением этого предписания, которое имело две цели: во-первых, посещение храма повышало, по мнению удельных чиновников, в крестьянах уровень нравственности, а во-вторых, позволяло выявлять в их среде раскольников, которых требовалось возвращать в лоно православия. В последнем случае духовная консистория, иногда совместно с местными властями, проводила беседу с отпавшими от православия крестьянами. При этом санкции в отношении таких крестьян регулярно ужесточались. Если в первой четверти XIX в. раскольников просто увещевали, то со второй четверти их могли отправить на поселение или военную службу. «Некоторые не выдерживали прессинга и переходили обратно в православие, одни ради себя, другие – ради детей и близких. Вновь влившимся в православие вменялось в обязанность точное исполнение предписанных церковных правил, за этим неусыпно должны были следить местные и духовные власти»³. Практиковалось и помещение крестьян на «перевоспитание» в монастыри.

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т.34. СПб., 1902. С. 419.

² ПСЗ. Собрание 1. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 562.

³ Красникова Ю.Н. Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой трети XIX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 29. № 3–4. 2011. С. 392.

Если же уговоры не имели успеха и крестьяне продолжали упорствовать, в этом случае их предавали суду. В 1826 г. в Саратовской губернии были обнаружены представители религиозного течения молокан. Для беседы с ними приехали на место следователи и удельный стряпчий. Видимо, аргументы увещателей были весомыми: из 66 человек 65 согласились вернуться в православие, и только один из них остался непреклонным¹. С ним повторно провели индивидуальную беседу, после чего крестьянин Фатий Никифоров признался, что был вовлечен в молоканство по недоразумению, но во всем раскаялся и хочет «решительно» обратиться к православию. За своего сына просил и отец осужденного, который через соборного священника прислал ходатайство. Духовное правление устроило испытания «в истинности раскаяния» и пришло к выводу, что испытуемый в ересь был вовлечен лжеучителями, а ныне раскаивается и «желает быть присоединенным к православной Церкви, свидетельствуя Богом в чистоте намерения своего, сердце же его знает один Бог, а потому в правоте обращения его духовное правление уверить совершенно не может»². Крестьянин был отпущен под расписку отца вместе с семьей домой, под наблюдение местного начальства и духовенства.

Любое отклонение от церковной традиции обращало на себя внимание как духовенства, так и местного чиновничества. Так, в 1843 г. при проведении обряда крещения младенца в одном из приходских храмов Оренбургской удельной конторы, выяснилось, что ребенка удельным крестьянам подкинула проживающая в той же деревне казенная крестьянка Просковья Маркелова, которая «якобы ...рождает уже третьего или четвертого дитя, но никогда по прошествии 40 дней по рождении не имеет обыкновения очищать себя молитвою и что явно свидетельствует от уклонения ее от православия в секту молоканскую»³. Было проведено следствие, и хотя сама крестьянка отрицала

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 1–2.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 20–26.

³ ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.

принадлежность к молоканству, ее поставили под надзор местных властей и духовенства. Согласно решению Бузулукского уездного суда был наказан шестидневным арестом удельный сотский Савельев, который не обратил свое внимание на эту ситуацию, и выяснилась она случайным образом¹.

Также на основании «Учреждения...» в каждом приказе, где был православный храм, вводилась должность ктитора, т. е. церковного старосты, которому вменялось заниматься хозяйственным попечением о храме. Удельные власти поощряли инициативу крестьян по строительству храмов в деревнях. Крестьяне Оренбургской удельной конторы Касевского приказа заключили контракт с купцом Новиковым на постройку каменной церкви взамен ветхой деревянной. К 1826 г. крестьяне смогли отдать 29256 руб., но в связи с падением цен на хлеб дальше оплачивать строительство не могли. Департамент уделов выделил крестьянам по их просьбе 10000 руб. асс. под проценты в рассрочку на 10 лет².

Строительство православных храмов в удельных селениях производилось и на частные пожертвования благотворителей, но и это не оставалось без внимания ведомства. В 1831 г. был награжден золотой медалью на Владимирской ленте с надписью «за усердие» купец 3 гильдии Степан Ждановский. Еще в 1822 г. на свои капиталы он построил в Вологодском удельном имении Вельского уезда каменную церковь с колокольной, иконостасом и церковной утварью, и в дальнейшем продолжал снабжать церковь «вином для служителей и богатыми материалами для ризницы»³. Церкви строились и на средства самого Департамента уделов, когда в этом была насущная необходимость. В 1838 г. приступили к постройке 9 новых церквей в Симбирской удельной конторе на территориях расселения чувашей,

¹ ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 2, 15–17.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 98–99.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 76–76 об.

которые сохраняли «свои поверья, идолопоклоннические празднества» и считались «христианами только по названию»¹.

Для улучшения «нравственности» в среде удельных крестьян при организации во всех удельных имениях сельских училищ в программе обучения, кроме письма, чтения и арифметики, обязательно изучали Закон Божий, т. к. «незнание догматов Православной веры немало способствовало распространению раскольнических ересей»².

Департамент уделов заботился и о «нравственности» чиновников центрального учреждения. В 1808 г. ведомство было объединено в одном большом здании, и там была организована церковь для его сотрудников. На ее обустройство было потрачено 15000 руб.³ Священнослужители не включались в штат Департамента уделов из-за подведомственности Святейшему Синоду, поэтому жалование священнику и двум дьяконам устанавливалось специальным указом. В 1808 г. их жалование составляло 1000 и 300 руб. асс. соответственно.⁴ Для сравнения: заработная плата управляющего конторой в это же время составляла 1200 руб. в год⁵. В 1819 г. жалование причту церкви при Департаменте уделов в Санкт-Петербурге было увеличено в два раза⁶.

Приходские священники жалование не получали. В исключительных случаях, когда храмы строились по необходимости ведомства, например, для распространения православия, Департамент уделов назначал определенный оклад. Так было, например при организации церкви среди чувашей в Симбирском удельном имении⁷.

В основном причт жил за счет своих приходов; и ситуация с их материальным обеспечением могла различаться. В 1826 г. в ведомство обратился обер-прокурор Синода митрополит Серафим с ходатайством об оказании

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 133–133 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 303 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 25–25 об.

⁵ История уделов... Т. 3. С. 18.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 25–25 об.

⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

денежной помощи священнику храма в Красном Селе Степанову, который задолжал 1000 руб. асс. и имел «недостаточное состояние при большом семействе». Помощь была оказана, даже в большем объеме¹. В том же Красном Селе дьякона с семейством и весь причт на летнее время переселяли для проживания в крестьянские дома, где «они терпят стеснение», т. к. их дома использовались для размещения «высоких особ» во время проведения военных лагерей. Такое положение не позволяло им обзавестись хозяйством, и при жаловании в 50 руб. дьякон Виноградов «пришел в расстройство». Департамент уделов решил оказать помощь Виноградову в размере 400 руб. асс. единовременно². Было также принято решение о постройке отдельно стоящего дома, но и в 1834 г. причт Красносельского храма проживал в домах удельных крестьян. В том же году было выделено из бюджета Департамента уделов 40000 руб. асс. на постройку нового 2-этажного дома для размещения народного училища и квартир для учителя, чиновников и писаря Красносельского удельного имения, а старое здание училища было решено передать для размещения причту³.

Несмотря на то, что внутренняя нормативно-правовая база удельного ведомства на этом исчерпывалась, существовали и общегосударственные узаконения, регулировавшие религиозную сферу. Традиционным для российского законодательства оставался запрет прозелитизма. Только православие имело право на миссионерскую деятельность. Со стороны властей и духовенства всячески поощрялся переход в православие. В состав удельных крестьян были включены лашманы, которые в порядке государственной повинности заготавливали и вывозили на пристани корабельный лес и выполняли другие подобные работы для строительства российского флота. Это был довольно тяжелый физический труд. На основании указа Сената можно было освободиться от этой повинности, приняв

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 86.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 20–21.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 42. Л. 12–12 об.

православие. Нерусские лесорубы, например, чувашаи, активно переходили в православную веру, получив возможность освободиться от лашманской повинности. Поэтому после 40–50-х гг. XVIII в. лашманы состояли практически из одних татар, которые в подавляющем большинстве остались верны исламу¹.

Новообращенный православный мог испытывать давление со стороны своих родственников или односельчан, особенно в не православных или не христианских селениях. В 1857 г. в Оренбургской удельной конторе Староверского приказа рассматривалось дело о причинении побоев удельному крестьянину Семену Кабанову отцом и братьями за оставление старообрядчества и обращение в православие. Родственники нанесли ему «жестокие побои. Остригли ему волосы по староверскому обряду. Положили его в телегу под рогожку и увезли в поля на жнитво хлеба». При внешнем осмотре прибывшим добросовестным Журавлевым были зафиксированы повреждения: «На спине и брюхе имеются нанесенные от битья кнутом или другим подобным орудием крестообразные знаки, вытреблены и острижены на верхушке волосы, разбит нос и подбиты глаза, и по удостоверению фельдшера приказа он имеет от этих побоев тяжелое дыхание в груди и приливы крови»². В итоге Кабанову разрешили переселиться в другое селение, т. к. в том не было ни одного православного. Кроме того, он вступил в брак с православной крестьянкой, оставив свою жену и 4 детей, т. к. она отказалась венчаться по православному обычаю. «Кабанов, по прибытии с вновь обратившийся женой в дом свой, прежнюю свою по расколу жену Феклу Федосьеву настоятельно начал из дому высылать, она же, упорствуя против воли его и будучи при малых детях, совершенно не имея более никакого прибежища, выйти куда не знает, а также и дети по малолетству от нее не

¹ Гафаров И.А. «Корабельная повинность» лашманов Буинского уезда в XVIII – первой половине XIX века: некоторые штрихи. // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всерос. науч. конф. 2018. С. 53.

² ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–3.

отходят»¹. Такая правовая незащищенность неправославного населения и приоритетность в вынесении судебных решений в интересах православных также должны были стать дополнительными стимулами для возвращения» заблудших» крестьян в лоно истинной церкви.

Законом была регламентирована процедура переселения возвратившихся в православие крестьян из раскольничьих селений в православные с выплатой единовременного пособия в размере от 210 до 350 руб. асс.².

Итак, взаимодействие с православной церковью в удельных имениях происходило в рамках общегосударственной политики. РПЦ духовно окормляла большую часть удельных крестьян, осуществляя и другие обязанности, возложенные государством, как-то: поддержание нравственности, обучение основам веры, регулирование семейно-брачных отношений, ведение актов рождения и смерти и др.

Нехристианские конфессии

В историографии не так много исследовательских работ посвящено религиозной политике Российской империи в первой половине XIX в., особенно в отношении неправославных течений. А ведь это активное время формирования религиозного разномыслия именно в среде православного населения, появления таких религиозных направлений, как духоборы, скопцы, молокане, хлысты, субботники и другие.

Если по отношению к православию позиция государства была четко определена, то по отношению к другим нехристианским и неправославным конфессиям сильно различалась.

Определить представителей нехристианских вероисповеданий среди удельных крестьян мы можем лишь по отрывочным сведениям различных источников, т. к. этнографической переписи Департамент уделов не проводил.

¹ ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 50.

² ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 6–8

Изучая архивные и печатные источники, мы выявили отдельные указания на принадлежность удельных крестьян к конкретной религиозной группе.

Общегосударственными нормативными актами регулировался и правовой статус мусульман. В силу территориальных приобретений Екатерины II и включением в состав России обширных территорий, населенных мусульманами, провозглашался принцип неприкосновенности всех религиозных свобод для мусульман, и юридически запрещалось насильственное крещение.

Наиболее скученно они проживали в Симбирском и Оренбургском удельных имениях. «В процессе организации российского государственного управления православное государство должно было выработать собственные нормы, регулирующие правовое положение мусульман, отражающие восприятие христианской властью шариата и определяющие его место среди других источников права». В области брачно-семейных отношений российские мусульмане могли жить в соответствии с установлениями магометанского закона. «В 1837 г. Государственный Совет рассмотрел вопрос о наказаниях для мусульман, изобличенных в прелюбодеяниях, и постановил, чтобы шариатские суды ограничивались наложением духовного покаяния, а если этого было недостаточно, то отдавали бы такие вопросы на рассмотрение уголовным судам»¹.

Весь XIX в. проводилась политика аккультурации мусульманского населения удельной деревни. Побуждение мусульман к переходу в православие осуществлялась с помощью представления новокрещенцам социально-экономических привилегий и льгот, денежных выплат, раздачи земельных угодий, освобождения от уголовного преследования и рекрутской повинности и др.² Важно отметить, что удельные крестьяне, исповедовавшие

¹ Косых Е.С. Религиозная политика Российского государства в отношении башкир (XVII–XIX вв.). // Материалы XIV Междунар. науч.-прак. конф. 12-13 ноября 2020 г. Вольск, 2020. С. 59.

² Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв.: Историко-правовой аспект: автореф. дисс. ... к. юр. наук. М., 2007. С. 5.

ислам, были достаточно лояльны к властям ровно до того момента, пока это не касалось их вероисповедания или их прав. Так, при введении общественной запашки в удельной деревне и обязанности строительства запасных магазинов, которые должны были возводиться по образцовым чертежам, мусульманское население заметило, что нарисованные перекладины и стойки в поперечном разрезе чертежа амбара образуют форму креста. Пошли слухи, что их обманывают и на самом деле они строят не запасные магазины, а христианские храмы. Это вызвало бурю негодования, удельным властям пришлось оправдываться, чтобы справиться с недовольством¹.

В целом, несмотря на достаточно сдержанную политику в отношении мусульманского населения, удельные власти относились к ним с настороженностью и считали неблагонадежными. В Оренбургском удельном имении, где участились случаи кражи лошадей, под подозрение удельных властей сразу попали мусульмане. Несмотря на то, что конкретных виновных не удалось найти, в отчете все равно было отмечено, что «проводниками конокрадства являются лица магометанского исповедания»². Государство строго следило, чтобы мусульмане не распространяли свое учение на новые слои населения.

Упоминание об исповедании других нехристианских конфессий в среде удельных крестьян нами встречено не было, за исключением язычества, традиции которого сохранялись у ряда народностей, например, у чувашей. В ежегодных отчетах Департамента уделов отмечалось, что «это племя, по обычаям и нравам своим, отделено резкою чертою от русских поселян: оно сохранило свое наречие, все свои поверья, идолопоклоннические празднества, и можно сказать, что чувашаи считаются христианами только по названию»³. Чиновники отмечали, что чувашские селения отличались ветхостью, хозяйства их были низкопродуктивными, что не позволяло жителям вовремя

¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. С. 235.

² ОГАОО. Ф. 36. Оп.1. Д 36. Л. 11

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46 Л. 25–41.

уплачивать подати. Но главную причину бедственного состояния чувашей они видели «в свойственной им лености, невоздержанной жизни и вредном обычае проводить в совершенном бездействии свои праздники, которые продолжаются по несколько дней кряду в самую рабочую пору года»¹. В данном случае религиозная политика развивалась достаточно традиционно для этого времени, это строительство храмов и активная миссионерская деятельность православной церкви. В каждом приходе было открыто приходское училище, где занятия зачастую велись теми же приходскими священниками.

В наиболее привилегированном положении из христианских неправославных конфессий находилась лютеранская церковь, т. к. многие представители императорского дома были немцы по происхождению и сохраняли лютеранские традиции. Адептами лютеранства могли быть исключительно иностранцы; свободные переходы русских в лютеранство запрещались. Указы 1832 г. перевели Евангелическо-лютеранскую церковь в статус государственной, а Николай I официально стал суперинтендантом лютеранской церкви на территории России. Он рассматривал и решал не только общие организационные вопросы, но и такие проблемы, как внесение изменений в порядок богослужения, снятие сана с пастора, и даже вопросы веры. Согласно положению 1842 г., все пасторы должны были иметь российское подданство, владеть русским языком.²

Такое позитивное отношение государственной власти к лютеранству отразилось и на его адептах среди удельных крестьян. В 1832 г. на средства Департамента уделов была построена лютеранская церковь на Дудергофской горе в Красносельском удельном имении, стоимостью 149955 руб.³ Это было

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46 Л. 25–41.

² Ткаченко П.Г. Государственно-правовое регулирование деятельности Евангелическо-лютеранской и реформаторской церковью в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 180–187.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 76–76 об., 125–125 об.

неслучайно, ведь исторически Красное Село делилось на две части – русскую и маймистскую, а в ведение ведомства была передана этническая территория, населенная ингерманландскими финнами, исповедовавшими лютеранство¹. Лютеране-удельные крестьяне Красного Села имели активную социальную позицию и неоднократно выражали желание в удочерении воспитанниц Санкт-Петербургского и Гатчинского воспитательных домов². Лютеране числились и в других удельных имениях Северо-Запада России. Так, финны проживали в Выборгской губернии, где располагались лютеранские кирхи, и в районе Стрельны³. Кроме того, лютеране, а именно эсты и латыши, проживали в Эстляндской и Лифляндской губерниях, которые входили в состав Санкт-Петербургской удельной экспедиции до 1809 г.⁴ Возможно, среди удельных крестьян были и другие этнические группы, исповедовавшие лютеранство. В частности, в Ямбургском уезде и ближних окрестностях Петербурга, на юге России были колонии немцев-лютеран. Но были ли среди них удельные крестьяне – нам не известно.

В составе удельных имений Российской империи числились также поляки, часть из которых придерживалась православия, другая же была католического вероисповедания. Упоминание о них мы встречаем в описях передаваемого имущества из состава дворцового ведомства. В Коростинском приказе Новгородской губернии числилось 35 ревизских душ. Интересно, что в состав удельных крестьян поляки входили на льготных условиях: они на 6 лет были освобождены от уплаты оброка. Правда, на практике на льготном оброке они были только один год⁵. Факт, подтверждающий наличие этнической группы поляков среди удельных крестьян, мы находим и в другом

¹ Красникова Ю.Н. Национальная принадлежность крестьян в удельных имениях северо-запада России в I четверти XIX века // Культура и образование в XXI веке: материалы межвузовской научно-практической конференции 26–28 января 2012. СПб., 2012. С. 84–92.

² ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Т. 1. Д. 1188.

³ См. Приложение Г, Н.

⁴ Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. С. 77

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 897. Л. 16.; Оп. 1. Д. 3. Л. 18.; Оп. 5. Д. 897. Л. 16

источнике, – в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹. Никаких официальных делопроизводственных документов, регулировавших отношения удельных крестьян-католиков, или других косвенных упоминаний нами выявлено не было². Скорее всего, это связано с тем, что их были единицы, и они не определяли внутренней религиозной политики удельного ведомства. А вот крестьянам, «обращенным из унии» в православие, оказывалось содействие – в частности, в строительстве и содержании храмов. В 1835 г. в Департамент уделов обратились жители Витебской губернии за помощью в покупке ризницы и церковной утвари на сумму 2118 руб. асс. Их просьба, «имея в виду Высочайшее Императорского Величества повеление о поддержании православных церквей в Витебском имении» была удовлетворена³.

В целом, в отношении нерусских иноверцев религиозная политика Департамента уделов шла в русле общегосударственных принципов и законодательства и была довольно сдержанной. Совершенно другой была политика в отношении раскольников, ведь в понимании государства русский мог быть исключительно православным. Ведомство ограничивало влияние прозелитизма нехристианских конфессий и с трудом принимало раскольников внутри православия. Мы рассмотрим только те из групп вышедших из православия, которые имели место в истории удельного ведомства и проследим основные тенденции в развитии взаимоотношений удельных властей и раскольников. Сразу оговоримся, что акцент в тексте будет смещен на религиозное течение молокан, т. к. во второй четверти XIX в. именно дело о молоканах привело к существенным изменениям в религиозной политике Департамента уделов.

¹ См. Приложение I.

² Красникова, Ю.Н. Удельные крестьяне северо-запада России в I четверти XIX века (этнографический аспект) // Научное обеспечение развития АПК в условиях реформирования. Международная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава. 26-28 января 2012 г. СПб., 2012. С. 624–627.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 109–109 об.

Вначале следует определить ряд важных особенностей тех религиозных движений, которые получили распространение в удельной деревне в первой половине XIX в. и о которых мы будем говорить. Во-первых, из среды именно православного населения вышли молокане и духоборы. Причем выходили часто целыми семействами, группами, что создавало для духовенства определённые проблемы. Процесс начался с середины XVIII в., поэтому к XIX в. уже имелись целые молоканские деревни, где они селились скученно с единоверцами, а православного населения практически не было.

Во-вторых, эти религиозные движения, а особенно молокане, сохраняли преемственность от православия, включив в свой культ значимые христианские ценности. Если духоборы пользовались в основном устным преданием, т. н. «животной книгой», то для молокан первостепенное значение имело Евангелие.

В-третьих, они не отрицали церковные обряды как таковые, но переосмыслили и по-другому интерпретировали их, в какой-то степени снизив значимость их сакрального предназначения. Они «отрицали необходимость церковных обрядов для богопознания и духовного совершенствования». Более того, в молоканской среде познание Библии заменяло собой таинства крещения и причастия: «Истинным духовным крещением считалось обучение Священному Писанию, а истинным причащением – чтение Священного Писания»¹. Молокане отрицали значимость миропомазания, исповеди и причастия. По данным отчетов удельных чиновников, они не признавали церковный брак, «уставов церковных, не призывали в молитве ни ангелов, ни святых мужей, ни самой Матери Божией, обходились без храмов, без икон и обрядов, и даже без креста»².

В-четвертых, молокане не признавали священство, как религиозную институцию, наделенную исключительной по сравнению с мирянами ролью.

¹ Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 гг. СПб., 2009. С. 22.

² Остромысленский Е.А. Молокане. Орел, 1881. С. 4.

Они выбирали из своей среды руководителей общин, которые обладали авторитетом. У молокан и духоборов сформировалась собственная традиция отправления религиозного культа, которой они придерживались. Интересно, что в среде молокан было достаточно много грамотных крестьян, т. к. для них важным было не слушание Священного Писания, как у православных, а именно чтение.

И последнее, сами себя молокане называли духовными христианами. В 1828 г. раскольники «жаловались, что контора (Тамбовская и Пензенская – авт.) несправедливо считает их малаканами, и что они суть духовные христиане»¹. Обычно их выявляли во время церковных постов, «потому что они не соблюдают установленных православной церковью постов, едят в постные дни скоромное и преимущественно молоко»². В принципе, от этого и произошло их название.

В правление Александра I молоканам и духоборам было разрешено переселяться для совместного проживания в Таврическую губернию, которая требовала освоения и заселения. Это ограничивало их миссионерскую деятельность среди православных христиан и в некотором смысле облегчало их положение, так как на местах они часто притеснялись местными властями и жителями. Данная мера была распространена на удельных крестьян постановлением Комитета министров от 18 октября 1824 г.³ Так, удельные крестьяне-молокане и духоборы переселялись в Мелитопольский уезд «в удельную, вновь заведенную деревню Нововасильевку, на отведенный под номером 5 общий для сего селения участок в числе 5000 десятин»⁴.

Несмотря на то, что Александр I был сторонником развития межконфессионального диалога, т. к. являлся учредителем Российского Библейского общества и неоднократно оказывал материальную помощь из

¹ РГИА. Оп.1. Д. 36. Л. 122–123

² Суворов П.А. Семен Матвеевич Уклейн. Распространитель и организатор на почве священного писания молоканских общин в XVIII веке. Баку, 1915. С. 4.

³ РГИА. Оп.1. Д. 35. Л. 116–116 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116–116 об.

личных средств на нужды библейского дела и распространения Священного Писания в России¹, он был категорично против распространения вольнодумства в среде православных крестьян. Религиозную политику Александра I по отношению к раскольникам удельного ведомства мы бы определили, как осторожно либеральную.

Воцарение Николая I ужесточило религиозную политику по отношению к неправославным религиозным течениям в удельных имениях, хотя в общегосударственном масштабе, по мнению Л.В. Выскочкова, он «проявлял должную для монарха веротерпимость»².

Когда в 1827 г. в очередной раз в удельных имениях обнаружили крестьяне-молокане, Департамент уделов подготовил записку, в которой предложил проработать свои внутренние правила, которыми бы руководствовались местные власти при отправке крестьян-молокан и духоборов в Таврическую губернию на отведенные удельные земли. На нее были получены вполне четкие указания Николая I, изложенные в резолюции к документу. Крестьян, уличенных в молоканстве, отправлять в рекруты без зачета, если же окажутся не способными к военной службе – в крепостные арестанты; детей осужденных, мужского пола следовало направлять в военные кантонисты, а женщин – на поселение на Кавказскую линию или в Сибирь³. Отдельно оговаривалось, что если в семье раскольников были девочки младше 10 лет, то их следовало оставить у родственников или желающих удочерить, так как могут «послужить в тягость матерям, которые имеют право вступить на поселении в замужество»⁴. Грудных детей отправляли вместе с матерями на поселение, после окончания грудного вскармливания, в соответствии с полым ребенком, его определяли либо в военно-сиротские учреждения, либо передавали на воспитание. Согласно распоряжению Департамента уделов,

¹ Семевский А.Н. Российское Библейское Общество: 1812 – 1826 // Вестник Европы. 1868. №№ 8, 9, 11.

² Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 192.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 115

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 31–39, 46–52 об.

расходы на отправку осужденных ложились на те селения, из которых они отправлялись. Хотя в 1827 г. Департамент сам выделил деньги для отправки крестьян к месту ссылки из удельных сумм¹.

Несмотря на то, что резолюция императора касалась крестьян-молокан, такое же суровое наказание ждало теперь и представителей других неправославных течений. Также были наказаны в 1828 г. и иноки Иргизских старообрядческих монастырей, которые оказали неповиновение при присоединении их к Единоверческой церкви. Министерство уделов за Высочайшей подписью повелевает «совершеннолетних отдать на военную службу, неспособных калек – на поселение, тяжелобольных оставить под присмотр губернского начальства, а детей, которые по возрасту подходят, сдать Начальству военносиротского отделения»². Страх понести такое суровое наказание, по мнению законодателей, должен был вернуть особенно «сомневающимся» в лоно православной церкви.

Для более «стойких» в вере самым трудным испытанием было переносить разлуку с родными и близкими, ведь резолюция императора разлучала мужа и жену, родителей и детей. Так, крестьянин Оренбургской удельной конторы Федор Криволев, осужденный за молоканство, убежал из-под ареста, и, по его словам, отправился лично к императору, чтобы попросить не разлучать его с семьей, а отправить в ссылку всем семейством³.

В правовой норме четко указывалось, что резолюция по делу о молоканах 1827 г., среди которых оказались не только удельные крестьяне, но и государственные, касалась исключительно крестьян удельного ведомства. В решении было сказано с удельными крестьянами поступить согласно решению императора, а с казенными предложено было разбираться Министерству внутренних дел⁴. Интересно, что последнее продолжало действовать на основании постановления Комитета министров, т. е.

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л.178–179

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 130–131.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 115.

государственных крестьян продолжали переселять к их единоверцам. Возможно, это инициировало вторичное обращение министра императорского двора к Николаю I, в котором предлагалось смягчить наказание и выслать удельных крестьян, как и представителей молокан из других сословий, в Мелитопольский уезд к единомышленникам. Но по отношению к крестьянам-молоканам удельного ведомства император остался непреклонен, оставив на документе прежнее решение: мужчин, заподозренных в ереси, отдавать в рекруты, а неспособных к службе и женщин – в Сибирь. Детей отдавать в кантонисты¹. Отдельного нормативно-правового закрепления резолюции не последовало. Сами же крестьяне опирались на пересуды и слухи, которые до них доходили².

Такая жесткая формулировка императора привела к серии проверок по удельному ведомству о наличии приверженцев молоканства. В 1827 г. управляющим всех контор было отправлено указание пересчитать молокан и отчитаться в Департамент. В ряде регионов молокан вообще не оказалось, об этом рапортовали Санкт-Петербургская, Нижегородская, Вологодская, Архангельская, Владимирская, Симбирская, Тверская, Саратовская, Казанская, Вятская, Орловская удельные конторы. В Костромской удельной конторе молокан не оказалось, зато были обнаружены приверженцы поморской секты³. Лидерами оказались Тамбовская и Пензенская удельные конторы, в которых нашли 1242 приверженцев веры. Согласно отчету исполняющего обязанности управляющего Пензенской удельной конторой, из села Михайловска были осуждены 9 семейств-молокан, 8 человек были отданы в рекруты без зачета, 8 отправлены в крепостные арестанты, 12 крестьян мужского пола (в возрасте от 10 до 18 лет) – в батальон для прохождения военной службы, 12 мальчиков (4–9 лет) направлены в военные кантонисты, 6 мальчиков (2–5 лет) переданы на попечение батальонного

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116–116 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 130–131

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 90–90 об.

командира, 1 ребенок (6 месяцев) и 1 (5 недель) были отправлены с матерями в Сибирь, так как находятся на грудном вскармливании; позже их должны были передать в военные кантонисты. 42 женщины, жены и дочери осужденных, отправлены на поселение в Тобольск¹.

Несмотря на суровость резолюции, отдельного нормативно-правового акта принято не было, поэтому практика применения этого решения постепенно была смягчена, а столь суровое наказание применялось недолго. В дальнейшем оно распространялось только на руководителей раскольников, проповедников и «наиболее упорствующих»². В некоторых случаях даже руководителей не ссылали, а переселяли в Таврическую губернию. В 1829 г. 66 душ из с. Покровского попросились на переселение в Таврическую губернию, однако было решено их оставить на местах своих, переселить только «именуемых у них вождями».³ Также оставили с единомышленниками удельного крестьянина, проживавшего в Таврической губернии по плакатному паспорту, на руках он имел разрешение мира на переселение. Согласно резолюции просьба была удовлетворена, так как он «не был признан упорнейшим».⁴

В 30-40-е гг. XIX в. удельные власти чаще использовали ресурсы духовной консистории для «увещевания малаканам истинных понятий веры», а наиболее упорных для острастки остальных могли «выдержать в Городовой тюрьме»⁵.

Смягчение наказания, по нашему мнению, произошло по двум причинам. Во-первых, «отношение к другим конфессиям определялось их благонадежностью и отсутствием (или присутствием) политической оппозиции»⁶. Никаких восстаний в среде молокан, духоборов нами выявлено

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 130–136, 139–139 об., 147–147 об

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 20–32, 39–43 об., 154–156 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 154–156 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 154–156 об., 170–172 об.

⁵ ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–20.

⁶ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 187.

не было. Во-вторых, молокане и духоборы были хорошими работниками и усердно платили подати. Управляющий Оренбургской удельной конторой, который выехал с целью выяснить причину роста приверженцев учения, вынужден был отметить, что они ведут «жизнь скромную», имеют «трудолюбивое богомолье», именно это усердие и привлекает православных к ним, и они имеют «самопроизвольную к их секте преклонность». Он замечает, что они оплачивают повинности без «малейшей остановки», даже несмотря на то, что односельчане не допускают их к хлебопашеству¹. Хорошие работники были нужны Департаменту уделов, и экономические причины перевесили идеологические. Хотя сам Николай Павлович все же сохранял подозрительность по отношению к молоканам. В 1837 г. он писал сыну: «Молокане тоже дурная (ноша), с которою тоже постоянные строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы»².

В 1830-е гг., несмотря на смягчение санкции резолюции от 1827 г., часть удельных крестьян все же подверглась жесткому наказанию: рекрутству или отсылке в Сибирь. В каждом случае это решалось в индивидуальном порядке. Что конкретно влияло на решение императора, сложно сказать. Но можно предположить, что главным критерием применения более сурового наказания являлась непримиримая позиция некоторых крестьян.

Осужденных на ссылку арестовывали, заковывали в кандалы, а иногда, когда в деревне не было кузнеца, заковывали в «конские железа»³. После чего доставляли в земскую полицию, иногда снабжая «приличную зимней и летней одеждой». Обычно для «лучшего в пересылке наблюдения» с ними командировался чиновник, например, приказной заседатель, которому и

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 7–19

² Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 186.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 111–117.

вручались деньги на дорогу и еду¹. Чиновник не весь путь сопровождал осужденного, но до ближайшего крупного центра.

Случались и побегии раскольников из-под ареста. Крестьян Оренбургской удельной конторы, арестованных до отправки в ссылку, отпустил из-под стражи местный начальник от удельных крестьян Лукьян Иванов по их «убедительной прозьбе»². Один из беглецов был вскоре пойман с поддельными документами по пути в Симбирск, арестован и доставлен в земской суд³. Случалось, что крестьяне не доходили до места ссылки, а «терялись» в пути. Например, в розыске находился Сидор Парфенов с женой, которому изменили меру пресечения с поселения в Таврической губернии на рекрутство или Сибирь⁴.

Вопрос имущества осужденных решался следующим образом. Если крестьянин переселялся к единомышленникам, то имущество продавалось, а деньги передавались к новому месту жительства. Если же крестьянин осуждался на ссылку или военную службу, то имущество передавалось наследникам, исключительно из православных. Если таковых не было – мирскому обществу для уплаты податей и сборов до переписи. Иногда Департамент разрешал передать часть средств для ссыльных в качестве помощи.

В 1828 г. Департамент уточнил: право наследования имели только те из родственников, которые находились в ведении уделов, родственники других ведомств права наследования лишались⁵. Но все решения по имуществу удельных крестьян рассматривали в индивидуальном порядке и требовали утверждения министра императорского двора⁶.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 59–92.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 111–117.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 130–131.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 182–182 об., 186–187, 192–195.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 133–137 об., 145–147 об.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 130–136, 139–139 об., 147–147 об.

Департамент уделов неоднократно рассматривал просьбы крестьян о возвращении их из мест ссылки домой. Некоторые из них, раскаявшись, писали, что «чрез понесенную меру наказания чувствуя заблуждения свое, отверглись учения малакан, и изъявили желание навсегда обратиться к православной церкви»¹. Но вот резолюции на таких просьбах могли быть разными. Одних крестьян, в основном осужденных к поселению, прощали и возвращали домой. Для других санкция сохранялась, в основном это касалось тех, кто попал на военную службу; вернуть их в уделы было гораздо сложнее, т. к. они изменили свою социальную принадлежность.

Такие изменения, не закрепленные на общегосударственном уровне, иногда приводили к межведомственным разборкам и взаимным обвинениям. В 1828 г. было вынесено решение Министерством внутренних дел по делу Пензенских молокан: 20 человек «упорствующих переселить в Таврическую губернию», так как они вновь отпали от церкви и уже «не внимали никаким убеждениям духовного начальства»². Пока Пензенская удельная контора списывалась с Таврической и Пензенской казенными палатами и делала распоряжения об отправлении крестьян, Пензенское губернское правление уведомило, что вследствие Высочайше утвержденного определения Комитета министров изменена мера наказания с высылки в Таврическую губернию на рекрутчину и Сибирь. Получалось, что об одних и тех же людях состоялось два разных решения. Департамент уделов обвинил в неосмотрительности Министерство внутренних дел, «которое производя следственное, а потом и уголовное дело», не поставило в известность удельные власти. Два раза дело выносилось на обсуждение Комитета министров, но ни разу об этом не было известно Департаменту уделов, «сие тем более удивительно, что со времени образования Министерства императорского двора, все части в составе оного вошедшие, стали изъяты из под влияния комитета». Было решено отнести в Министерство внутренних дел, о том, что все дела по удельному ведомству

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 160–161 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 122–123.

должны вестись только через Департамент уделов. В итоге привели в исполнение резолюцию императора от 1827 г. т. е. крестьян отправили в ссылку¹.

Осенью 1827 г. «неповиновение духовным властям» оказала семья крестьянина Саратовской удельной конторы Кирилла Гаврилы Суслина. Его жена Агафья Павлова, дети: Михайло, Андрей, Осип, Парамон, а также брат его Иван с женой и двумя детьми, и сестра Кирилла Лукерья были осуждены за принадлежность к молоканской вере, и за то, что «несмотря ни на какие увещевания не обратились к прежнему православию»². Кирилла Суслина и его брата Ивана рекрутировали, сына Кирилла Михайло по молодости лет и малому росту отправили в крепостную работу в Херсонесское губернское правление. Малолетние сыновья Суслина – Андрей, Осип, Парамон, и дети Ивана – Ефим и Василий были определены в военные кантонисты. Жена Кирилла Суслина Агафья Павлова, жена Ивана Агафья Афанасьева, сестра их Лукерья были отправлены на поселение в Сибирь в Тобольский приказ. Двух малолетних девочек было решено отдать на воспитание родственникам или посторонним людям. Находясь в тюремном замке, соборный священник Ефим Дьяконов навестил жен заключенных, после чего они согласились вернуться в лоно православной церкви вместе с детьми, на что дали письменное согласие. Вопрос был вынесен на обсуждение Государственного Совета, тот определил, что «помещик, расположившись простить удаленного им за дурное поведение человека, может потребовать его и возвратит опять в свое владение», если не составлено определение gubernского правления или еще не приведено в исполнение. Но Департамент уделов запрещает менять распоряжение, так как оно уже приведено в исполнение, а также ссылаясь на мнение полиции, что «посылаемых в Сибирь арестантов ни под каким предлогом, кроме больных, не останавливать и не входить ни в какие переписки»³. Как мы видим,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 162–162 об., также Оп. 12. Д. 513. Л. 80–101 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 32–42.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 32–42.

вариативность и противоречивость внутреннего законодательства Департамента уделов осложняли межведомственную переписку. Это, в свою очередь, затягивало процесс принятия решений и увеличивало делопроизводственную переписку как внутри ведомства, так и между государственными учреждениями.

После постоянных напоминаний со стороны Департамента о долге священнослужителя, последние все чаще в сопровождении местного начальства, отправлялись в деревни и села с целью увещевания. Так в результате приезда священника в Пензенскую удельную контору в 1828 г. 128 молокан, после «увещевания» перешли в православие¹. Оценкой эффективности «увещевания» являлось выполнение правил, предписанных православной церковью. Это был очень формальный подход, который не всегда свидетельствовал о «нужном результате». Так, крестьянин Саратовской удельной конторы Яков Завгоднев дважды переходил в православие, несмотря на это активно проповедовал свои идеи среди односельчан. Он и в третий раз «раскаялся», но тут уже духовная консистория проявила чудеса прозорливости и пришла к выводу, что не раскаялся вовсе, а «один страх связывает язык его». Сам же он «редко ходит в воскресные и праздничные дни в церковь, но каждое воскресенье и праздничный день читает в доме своем Библию и толкует оную другим, к нему собирающимся, что все явно показывает состояние его в молоканской ереси, имеющей Святую Библию прикрытием без законных толкований своих, иначе чтобы препятствовало ему в сии дни ходить в церковь и поучаясь догматам ее заниматься изъяснением Божественного Писания в присутствии священника»². В феврале 1828 г. протоирей Пензенского кафедрального собора Федор Островидов свидетельствовал, что удельный депутат коллежский регистратор Иван Мелисов, командированный для содействия к обращению в православную веру удельных крестьян с. Покровского, обратил в веру христианскую 128

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 122–123.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 29–30.

человек, 27 из них были «окрещены». Молокане Иван Парфенов, Осип Парфенов, Иван Петров, «явясь в приказ, письменно объявили, что они по убеждению протоирея Островидова хотя и приняли христианскую веру, но ныне не имеют усердия к оной обратились опять в малаканскую секту, которую никак оставить не могут».¹

Духовенство параллельно работало и с православными родственниками раскольников, правда, зачастую это приводило к расколам внутри семьи. Так, в деле Якова Завгороднева только один из трех родных братьев пытался спасти Якова от ссылки, остальные свидетельствовали против него².

Православное начальство практиковало и направление «отклонившихся» в монастыри для наставления в «правильной» вере. В 1826 г. Яков Федоров, Семен Савельев, Данила Иванов были направлены в пензенскую духовную консисторию, а оттуда в Спасопреображенский монастырь к настоятелю архимендриту Матвею. Все раскаялись, а Яков Федоров обещал обращать в православие прочих раскольников. Вскоре, впрочем, он перестал ходить в православную церковь, поклоняться иконам и «приобщаться святым тайнам». А в 1830 г. в монастырь было решено направить крестьянина села Покровского Родиона Иванова, который «будучи два раза обращен из малаканской секты в христианскую веру; наконец решительно рассудил со всем его семейством...отступить в малаканскую секту, без возврата в православие». Вместе с ним этой мере подверглись 8 членов его семьи. В итоге его с женой сослали, а родственники год прожили в монастыре³. Этот метод считался достаточно эффективным, поэтому активно использовался и в отношении к раскольникам других ведомств⁴.

Кроме такой активной позиции со стороны православной церкви и ее заинтересованности в возвращении «отпавших» любыми методами,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 33–38, 46–48.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 29–30.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 164.

⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 1 Д. 3535. Л. 24–24 об.

неправославные удельные крестьяне на местах жительства всячески притеснялись местными властями и жителями не только в бытовом плане, но психологически на них оказывалось давление, вплоть до оскорблений и унижений. В Министерство императорского двора на имя министра поступила жалоба от удельных крестьян, исповедующих молоканскую веру с. Покровского Пензенской губернии, через доверенных крестьян Трофима Анисимова и Давыда Федорова. По неизвестным им причинам протоирей Пензенского собора Федор Островидов, депутат Иван Ефимов, голова Федор Наумов и сельский староста Гаврила Матвеев притесняли их, били и, наконец, последний, находясь «по большей части в пьяном виде, снимал с них платье и пропивал оное в питейных домах»¹. Злоупотребления со стороны местного начальства проявлялись и при сборе налогов. Сборщики могли ворваться в дом и фактически все в нем перевернуть, а потом «хвастаться» в отчетах, что нашли «при сборе налогов» крестьянские тайники².

Так же безответственно местные власти относились и к имуществу раскольников. При переселении молокан из Тамбовской удельной конторы в Таврическую губернию деньги за проданное имущество «неизвестно кому» достались³. Несмотря на официальную просьбу отыскать пропавшую сумму, межведомственная переписка закончилась ничем, хотя законом предусматривался контроль местных властей за движением средств.

Представители неправославного населения удельных селений, которые не подлежали высылке, в определенной степени дискриминировались российским законодательством. Семьи раскольников подвергались притеснениям со стороны односельчан, которые не давали им ни положенного количества пахотной земли, ни сенных покосов, ни леса для постройки дома и делали все, чтобы выжить их⁴. Также нарушались и гражданские права

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 142–144 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 21–24, 35–36 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 178. Л. 119 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 1–4.

неправославных удельных крестьян. Согласно пункту 6 Духовного регламента «по всей России никого от раскольников не возводить на власти, не токмо духовные, но и на гражданские, даже до последнего начала и управления, чтобы не вооружать нам на нас же лютых неприятелей, и государству, и государю непрестанно зло мыслящих»¹. Такие крестьяне не могли быть свидетелями по судебным и межевым делам, т. к. по указу от 1722 г. «от раскольников свидетельства ни какое правоверное лицо не принимает»². Для этих целей они были вынуждены за личные средства нанимать православных крестьян. Исключительность их положения приводила к тому, что оплата подобных услуг постоянно росла, особенно в тех селах, где православное население было в меньшинстве.

Согласно постановлению Министерства внутренних дел от 1820 г., неправославные крестьяне не могли занимать выборные должности. Если же православных в деревне было меньшинство, то, в виде исключения разрешалось назначать некоторых из раскольников, т. е. только тех, которые признают священство. Из «беспоповщины» можно было допускать к должностям тех, которые «молятся за Царя и вступают в брак», но только в тех случаях, когда не хватает крестьян из православных или старообрядцев. Представителей других раскольников, которые «не признают священства, не молятся за Царя, не вступают в брак, в том числе молокан, субботников, духоборцев, скопцов и других, подобных не избирать в общественные должности»³. Хотя были прецеденты назначения неправославных крестьян на некоторые общественные должности в удельном ведомстве. Так, в Саратовской удельной конторе в деревне Тяглое озеро подавляющее большинство жителей были молоканами. Поэтому все православные жители этой деревни занимали какие-либо общественные должности, и совсем не успевали смотреть за своим хозяйством, что вызывало у них раздражение.

¹ ПСЗ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. VI. С. 342.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 573. Л. 1–21

³ Там же.

Несмотря на то, что отправление общественных работ оплачивалось, такое положение дел не устраивало ни православных крестьян, ни молокан. Они коллективно обратились в Департамент уделов с просьбой разрешить поделить обязанности. Было решено, что православные крестьяне будут исполнять в этой деревне выборные должности по селению, т. е. старосты, сборщика, десятских, понятых, лесных и пожарных смотрителей, а также свидетелей по судебным и межевым делам. А такие повинности, как караул в других местах, дача квартир для проезжающих по казенной надобности, отправление подвод можно было доверить и молоканам. Все это скреплялось мирским приговором¹. Но опять же никакого нормативного закрепления этого решения не последовало. Хотя в будущем это могло бы ускорить процесс принятия решений в аналогичных случаях.

Существовало еще одно исключение из общих правил: крестьяне-молокане и духоборы могли быть выборными в тех селах и деревнях Таврической губернии, куда они переселялись, и где совсем не было православных. Такая же практика существовала и в староверческих селениях Оренбургского удельного имения²; но в таких селениях усиливался контроль со стороны местных властей.

Неправославным крестьянам ограничивали возможность отлучаться с места жительства, например, на ярмарки для продажи сельскохозяйственной продукции или на заработки. Согласно постановлению 1830 г., раскольникам было запрещено выдавать паспорта и выходить с целью заработка. Поэтому крестьянам села Астраханки Воронежской удельной конторы, молоканам по вероисповеданию, потерявшим почти весь урожай, было отказано в выдаче паспортов для отхода на заработки³. Однако не всем раскольникам запрещалось покидать места жительства: старообрядцам было разрешено

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 573. Л. 1–21.

² ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 6–8.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 9–16 об.

отлучаться, но на меньший, чем для православных крестьян, срок – на 3 месяца.

Нужно отдать должное, когда признавался факт превышения местными чиновниками своих должностных полномочий, Департамент без оглядки на вероисповедание восстанавливал справедливость. Местные власти села Астраханки в обход удельного начальства заставляли молокан, кроме обязательных сборов и повинностей, содержать «нарочного человека при Нововасильевском сельском управлении» и участвовать «в найме троеконной подводы для посылки в Мелитопольский земской суд за билетами на отлучку». Департамент признал это превышением полномочий местных чиновников и разрешил этих сборов не уплачивать¹.

Итак, религиозная политика Российской империи в первой половине XIX в. определялась устойчивым представлением о приоритетности распространения православия и его поддержкой со стороны государства. Русская православная церковь играла важную роль в политическом, экономическом, правовом и культурном укладе Российской империи. Взаимоотношения государства и церкви в XIX столетии основывались на том факте, что абсолютное большинство членов российского общества осознавало свою безусловную принадлежность к соборной православной церкви. Местное духовенство и сельские власти должны были смотреть за исполнением церковных предписаний. Удельные власти поощряли всяческую инициативу по распространению православия. Более того, право миссионерской деятельности являлось исключительным только для РПЦ, для других конфессий вводился запрет прозелитизма.

Отношение к Русской православной церкви формировалось на принципах патернализма и покровительства. Благонадежность подданных определялась, в том числе, и вероисповеданием. Механизмы осуществления

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 563. Л. 21–24, 35–36 об.

религиозной политики могли меняться вместе со сменой монарха¹. Так, императоры Павел I и Александр I были сторонниками межконфессионального диалога и проводили довольно сдержанную политику в отношении других вероисповеданий. При Николае I православие становилось идеологической опорой российского самодержавия, а Русская православная церковь все больше превращалась в механизм государственного управления. Это привело к усилению прозелитизма со стороны православных и к большим ограничениям, особенно в отношении вышедших из истинной церкви удельных крестьян. В любом случае, весь изучаемый нами период приверженцы нехристианских и неправославных конфессий осуществляли свою деятельность в рамках запретительного и ограничительного законодательства. Стратегия формирования отношений с нехристианским населением у удельного ведомства выстраивалась в зависимости от степени лояльности власти, как и в целом по всей Российской империи.

Удельные крестьяне были поликонфессиональны. Среди них были приверженцы православия, старообрядчества, ислама, молоканского учения и др. По отношению к нерусским иноверцам религиозная политика Департамента уделов проводилась в русле общегосударственных принципов и законодательства и основывалась на принципах веротерпимости и свободы совести. Совершенно другой была политика по отношению к раскольникам. Расположение к ним определялось их «благонадежностью и отсутствием политической оппозиции». В силу распространения среди удельных крестьян представителей неправославного культа Департаменту уделов пришлось принимать дополнительные нормативно-правовые акты, которые упорядочивали религиозные отношения в удельных селениях. Они были нацелены на регулирование имущественных, семейно-брачных, гражданских отношений. Но трактование общегосударственных узаконений удельным

¹ Красникова Ю.Н. Изменение религиозной политики в удельной деревне в правление Николая I (на примере молоканского движения) // Нравственность и религия: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2011. С. 50–52.

ведомством находилось в прямой зависимости от резолюций императора, при этом часть этих распоряжений так и не были оформлены в юридические акты, что усложняло межведомственное взаимодействие.

Особую озабоченность у властей вызывали удельные крестьяне, перешедшие из православия в другие религиозные течения. Несмотря на то, что такая тенденция наблюдалась во всех социальных группах, наиболее суровые санкции были введены в отношении именно удельных крестьян. Ведь удельные имения должны были стать образцом не только хозяйственного управления, но и нравственного содержания. Любое отклонение от церковной традиции обращало на себя внимание со стороны как духовенства, так и местного чиновничества. Неправославные крестьяне были лишены целого ряда гражданских прав: они не могли избираться на должности, быть свидетелями по судебным и межевым делам, ограничивались в передвижении, кроме того, невенчаный брак раскольников не считался законным и др. Получалось, что правоспособность крестьянина-раскольника находилась в прямой зависимости от его религиозной принадлежности. Такое его полулегальное положение характеризовалось различными злоупотреблениями, которые чинили как местные власти и духовенство, так и родственники, и односельчане. В целом, увещевания властей по возвращению отступивших от веры молокан и духоборов закончилась неудачно. Большая часть неофитов все равно вернулись к привычному образу жизни и необходимым религиозным практикам

Но к середине XIX в. экономические приоритеты перевесили: идеологические и религиозная политика Департамента уделов в отношении вышедших из православия стала более сдержанной, хотя и специфичной. Кроме того, представители некоторых вероисповеданий проживали скученно. Департамент уделов был вынужден находить компромиссные пути решения текущих вопросов, в том числе и назначения неправославных на выборные должности.

3.6. Рекрутская повинность в удельной деревне

Тема рекрутства достаточно подробно рассмотрена в историографии. Такой интерес к этой теме не случаен, это очень противоречивое и многоаспектное явление. Чаще оно рассматривается либо с точки зрения комплектования армии, либо как одна из форм повинностей населения. Петр I, изменив сам принцип набора в армию, реализовал те цели, которые ставил: регулярная армия стала более боеспособной, а рекрутские наборы позволяли поддерживать ее необходимую численность. В то же время рекрутство представляло собой большую социальную группу, поэтому процесс набора в армию включал большой круг вовлеченных: семья, офицеры, органы управления. Рекрутство обладало собственными социокультурными и правовыми характеристиками, влиявшими на развитие государства и общества, взаимоотношения армии и личности¹. На наш взгляд, очень важно не только сосредоточиться на технической стороне системы рекрутских наборов, – более значимо увидеть в рекруте просто человека.

Современные методы исследований позволяют рассмотреть новые аспекты рекрутской повинности. Так, Н.В. Козлова с помощью историко-антропологического подхода смогла в «сочетании с нормативными актами, определявшими требования власти к набору рекрут.. увидеть функционирование рекрутской системы сквозь призму человеческого измерения»². Автор попытался составить социальные портреты рекрута и отставного солдата, направленного после службы в богадельню или монастырь.

Интересный аспект затронул в своем исследовании В.И. Баяндин, который рассмотрел процесс обучения новобранцев через институт

¹ В частности см. Щербинина Ю.В. Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в.: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Воронеж, 2007.

² Козлова Н.В. «Принимать рекрут годных, здоровых и взрачных, в указные лета и меру..» (рекрутская система в России XVIII в. в антропологическом аспекте) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 67-71.

своеобразного наставничества более опытными военными. Автором отмечается, что сокращение срока обязательной службы вызывало необходимость допризывной подготовки рекрутов. В помощь старослужащим, которым поручалось содействовать новобранцам адаптироваться к новым для них условиям жизни (службы), печатались специальные издания, такие как «Памятка для дядьки новобранца», которые неоднократно переиздавались¹.

Постепенно в осуществлении рекрутской повинности, как заметил Л.П. Богданов, начали проявляться «две, по сути взаимоисключающие, тенденции, получившие особенное развитие на рубеже XVIII-XIX веков: с одной стороны, обстоятельства требовали производить восстановление людских потерь в армии в больших масштабах, с другой стороны, правительство было вынуждено учитывать интересы дворянства и других имущих слоев общества, предоставляя им освобождение и льготы от рекрутчины»². Поэтому между исследователями, которые специально занимались темой рекрутства, до конца нет понимания, сложилась ли в армии конскрипционная система.

Так, по мнению А.В. Кухарука³, она сложилась в процессе реформирования рекрутства во второй трети XIX в. С ним вступил в полемику Ф.Н. Иванов, считая, что все-таки система окончательно не сформировалась: «..однозначно утверждать, что в России в 1830-1850-е годы была фактически введена конскрипция, не приходится, поскольку, во-первых, отбывание рекрутской повинности раздельно по сословиям и наличие многочисленных льгот и изъятий при длительном сроке службы нижних чинов являлись ключевыми элементами рекрутчины, и во-вторых, многие новшества вводились в России не одновременно для всех сословных групп и

¹ Баяндин В.И. Русская армия в XIX - начале XX в.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 12.

² Богданов Л. П. Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дисс. ... док.ист.н. М., 1981. С. 14

³ Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. М., 1999. С. 12

территорий»¹. Действительно, тенденция к расширению круга лиц, имевших льготную отсрочку от службы, вызревала в каждом ведомстве отдельно, формируя внутреннюю нормативную практику. Освобождение от рекрутчины становилось своеобразным поощрением к исполняемой крестьянами службе или служило дополнительным стимулом к обучению, которое, как мы уже говорили выше, особо крестьян не интересовало.

Прежде чем обратиться к рассмотрению особенностей рекрутства в удельной деревне, важно отметить ряд моментов, имевших общегосударственный характер.

С технической стороны, наборы в армию имели внешний порядок и жесткую последовательность: на общегосударственном уровне раскладка рекрутской повинности проводилась между податными сословиями и регионами. Далее рекрутов распределяли по специальным участкам в каждой губернии. И, наконец, на местном уровне проходила «практическая раскладка» повинности. Солдатская служба в армии до 1793 г. была бессрочной, с 1793 г. составляла 25 лет, а с 1834 г. срок службы был сокращен до 20 лет².

Возраст набора в рекруты в изучаемый нами период варьировался от 17 до 35 лет. Но это не всегда исполнялось. По мнению Н.Ф. Козловой, только 56% рекрутов в XVIII в. соответствовали ограничениям³. Законом был определен и минимальный рост для набора в армию, он составлял 162 см (2 аршина 4 вершка без обуви). Со снижением возраста поступления в рекруты минимальный рост тоже был снижен до 151 см. Но все же средний рост

¹ Иванов Ф.Н. Преобразование военно-организационных мероприятий государства в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII-XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (74). С. 83.

² Иванов Ф.Н. Периодизация истории рекрутской повинности в России в XVIII – XIX веках // Вестник Военного университета. 2011. № 4. С. 134–140

³ Козлова Н.В. «Принимать рекрут годных, здоровых и взрачных, в указные лета и меру...» (рекрутская система в России XVIII в. в антропологическом аспекте) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 68

рекрута соответствовал норме¹. В рекруты принимали только людей здорового и крепкого сложения, «и притом не с застарелыми болезнями, не с увечьем, не с глазной болезнью (трахома – В. Б.), не редковолосых, не с шелудьями (педикулез, чесотка, пиодермия – В. Б.), не беззубых или не имеющих передних трех зубов сряду, не с поврежденными членами, не глухих, не в слабом корпусе сложения, не в слабоумии...», «и чтоб тощие и признаки чахотки имеющие в рекруты не поступали»². Чиновники Департамента уделов после присоединения Симбирских земель жаловались, что среди включенных в состав удельных крестьян чувашей, сложно было найти соответствующих вышеперечисленным требованиям: «сверх того, тесные и неопрятные избы чуваш, не имеющие ни дымовых труб, ни окон, и самая дурная пища, распространяя между ними наследственные и почти общие болезни, поставляют их в величайшее затруднение выправлять рекрутскую повинность»³.

В некоторых губерниях, где проходили большие рекрутские наборы, в силу высокой численности удельных крестьян покупались специальные помещения для устройства больниц, чтобы осматривать очередников. В Симбирской губернии в 1839 г. за 20189 руб. асс. был куплен дом для организации больницы. Чиновники мотивировали покупку тем, что во время рекрутских сборов «нередко случается, что из очередных удельных крестьян надобно многих предварительно подвергать излечению или испытанию состояния их здоровья, между тем госпиталь г. Симбирска не имеет достаточного помещения»⁴.

На рубеже XVIII-XIX вв. рекрутские наборы осуществлялись на специально организованных «пятисотных» участках. Рекрутская очередь формировалась согласно закрепленному нормативным актом числу рекрутов,

¹ Там же. С. 69.

² Бобылев В.А., Бобылева Т.А. Сохранение здоровья рекрутов и военнослужащих перед Отечественной войной 1812 г. // Клиническая медицина. 2013. Т. 91. № 6. С. 81–83.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 153.

по 1 человеку с 500 ревизских душ. В удельной деревне такие участки стали формировать позже. В соответствии с Положением 1808 г. в каждом уезде создавались особые пятисотые участки, внутри которых назначалась очередь. Если число душ превышало количество, требуемое по закону, то формировался общий участок из помещичьих или казенных крестьян. В законе для наглядности был приведен пример: если в Санкт-Петербургской губернии в разных уездах числилось 2255 душ, – формировались 4 полных участка, «до 255 остается к составлению участка сборного складкою с другими помещиками, или казенными крестьянами». Полный участок состоял из селений, находившихся ближе друг к другу, и носил порядковый номер, начиная с первого¹. Закон предписывал строго придерживаться числа в 500 душ в участке.

Во время активных военных действий могли формироваться «временные участки из меньшего числа ревизских душ», как это было в Отечественную войну 1812 г.². По этому же Положению вся процедура по рекрутированию удельных крестьян – «наблюдение очередей остается в единственном распоряжении Департамента».³ Это закрепляло принятое в 1807 г. решение Сената о запрете вмешиваться местным губернским властям в порядок определения рекрутской очереди, «в необходимых случаях для корректировки действий мирских обществ - действовать только через удельные экспедиции»⁴.

По мнению Ф.Н. Иванова, заметный успех в упорядочении рекрутской повинности в XVIII – первой трети XIX в. удалось достигнуть у мещан, государственных и удельных крестьян. «Речь о вмешательстве государства в

¹ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 248

² Иванов Ф.Н. Преобразование военно-организационных мероприятий государства в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII-XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (74). С. 84.

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 249

⁴ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

отбор рекрутов внутри помещичьих имений по-прежнему не шла, правительство, напротив, решило предоставить «благородному сословию» больше свободы при раскладке повинности между имениями»¹.

В удельной деревне ответственность за составление списков и контроль за рекрутской очередью ложилась на крестьянские общины. Мирские сходы отвечали за доставку рекрута, снабжение его до места службы. Если до 1808 г. крестьяне могли часть этой суммы для отправки в рекруты выполнять натурой, например, предоставлять продукты питания, одежду, обувь, провоз до места сбора и т. п., то постепенно Департамент уделов начинает заменять натуральные выплаты денежными. Так, с 1816 г. в обязанности общины оставили только доставку рекрутов до места комплектования, все остальное заменили денежными выплатами, сумма которых включалась в общественные сборы².

Сумма издержек на сбор рекрута разнилась, причем региональные власти постоянно отчитывались, что издержки удалось сократить. Например, управляющий Новгородской удельной конторой в 1805 г. сократил сумму издержек на отправку солдат в армию со 116 руб. асс. до 98,50 коп., в чем Департамент увидел выгоду. Для сравнения, сбор за рекрута с экономических крестьян этого же набора составлял 168 руб.³

¹ Иванов Ф.Н. Преобразование военно-организационных... С. 84

² РГИА. Ф. 515. Оп. 9. Д. 122. Л. 6.; Там же. Оп. 12. Д. 39. Л. 3–4; Оп. 1. Д. 1–40.; Оп. 12. Д. 1584, 1658, 1791, 2326, 2380.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.15. Л. 41, 42.

**Общественные расходы по рекрутскому набору в соответствии с
отчетами Департамента уделов.**

	Отчет за 1824	Отчет за 1827	Отчет за 1829	Отчет за 1830	Отчет за 1834	Отчет за 1839	Отчет за 1840	Отчет за 1841	Отчет за 1842
Издер жки по рекрут скому набору	134,2 2½ асс	91,51 ¼ асс	76, 0 ¼ асс	72,17 ¼ асс	75 асс	72,60 асс.	20,34 сер.	21,60 сер. + 1,26	21,60 сер. + 1,23

Таблица составлена по: РГИА. Ф.515, Оп.1. Д.37. Л.59, 69; Д. 38. Л. 47–58об.; Д. 42. Л.27–36 об.; Д.47. Л. 26–70; Д. 48. Л. 22–70; Д. 49. Л. 19–76

Из таблицы видно, что в 1830-е гг. издержки удалось сократить почти в два раза. В условиях инфляционных процессов это говорило о том, что рекрута снабжали только исключительно самым необходимым. Поэтому в 1841 г. издержки на сбор рекрутов немного увеличили, подняв сумму сбора на продовольствие и обмундирование.

Крестьянская община отправляла очередника в рекрутское присутствие вместе с запасным кандидатом. Это делалось на случай, если крестьянин, который определен по очереди, в результате осмотра признавался негодным. Уже на месте определялось, кто из них отправится на военную службу. Но, конечно, приоритет был закреплен за очередником. После отправки рекрута в армию выдавалась рекрутская квитанция, которая направлялась из присутствия в удельные приказы для хранения¹. Такая система рекрутских наборов существовала до конца первой четверти XIX в.

Пересмотр технологии и принципов рекрутских наборов произошел с принятием Рекрутского устава 1831 г. Интересно, что причиной принятия

¹ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

нового устава сам законодатель назвал «беспорядки в производстве рекрутских наборов»¹. Внести порядок в организацию рекрутских наборов, по мнению чиновников, должно было увеличение постоянных участков до 1000 ревизских душ. Но это оказалось неудобным Департаменту уделов, и поэтому набор 1840 г. «произведен по новому порядку, с большей уравнительностью для крестьян, т. е. не по тысячным участкам, но по целым приказам, из которых каждый заключает в себе несколько тысяч душ»². Привязка рекрутских участков к территориально-административным единицам оказалась более удобной. Такой принцип организации был сначала введен в государственной деревне (с 1838 г.), и затем ее опыт перенесен на удельную. Следовательно, «рекрутские участки мешан, государственных и удельных крестьян были унифицированы с низовым звеном системы административно-территориального деления, также был упорядочен контроль над участками крестьян помещичьих»³. Все это существенно облегчало раскладку.

Система рекрутских наборов подразумевала и наличие льгот. Со временем количество удельных крестьян, которые могли воспользоваться отсрочкой, росло, что и привело исследователей к выводам о формировании системы конскрипции. Освобождение от рекрутства получали крестьяне, неспособные к нему по болезни, малому росту или «другим телесным недостаткам»; а также единственные работники в семье, пока не подрастали малолетние, чтобы можно было поддерживать хозяйство. Эти обстоятельства устанавливались головой и заседателями, закреплялись на мирском сходе, но исключение крестьянина из очереди производилось решением Департамента⁴.

Позже именно по этой причине были запрещены крестьянские разделы, которые разрешались только при наличии 3 взрослых работников, чтобы было возможно нести рекрутскую повинность. В 1837 г. удельный крестьянин Степанов, его брат и дядя, проживающие совместно, решили разделить

¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. VI. № 4677. СПб., 1831. С. 501.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 49. Л. 19–76/

³ Иванов Ф.Н. Преобразование военно-организационных ... С. 84.

⁴ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 250.

хозяйство: дядя с малолетними детьми и братья отдельно. Департамент уделов запретил раздел, т. к. «разделы семей допускаются только, когда в остающемся и отделяющемся семействах будет по крайней мере по три взрослых работника, Степанов и его брат не могут быть отделены от рекрутской повинности, отправляемым каждым семейством, по числу наличности душ, записанных в нем при ревизии»¹.

Особо оговаривалось, что рекрутскую повинность не нес единственный сын солдата, числившийся в удельном ведомстве. Эта норма сначала была принята в 1838 г. в отношении казенных крестьян и распространена на удельных: «на будущее время, если рекрутской очереди будет подлежать семейство казенных крестьян, в котором не окажется годных в рекруты, кроме единственного прижитого в крестьянстве сына состоящего на службе или отставного солдата, то с семейства сего рекрута не требовать впредь до возраста малолетних, заменяя оного из следующих очередных семейств. Распространить на удельных»².

В случае, если в домохозяйстве было более трех работников, но ни один из них не мог быть отдан в рекруты, на семейство накладывалась денежная выплата. Мирским приговором определялась сумма за рекрута, но она не могла превышать 350 руб. Разрешалось предоставлять рассрочку в выплате этой суммы. Деньги поступали в приказы на общественные рекрутские расходы. Но окончательное решение о замене рекрутства выплатой принималось Департаментом уделов³. В 1809 г. было решено увеличить цену рекрута, установленную еще 1786 г. В указе Сенату предлагалось ее повысить с 350 до 500 руб.⁴ Причем тенденция к увеличению цены рекрута сохранялась. Стоимость квитанции в первой трети XIX в. могла достигать до 1800 руб. асс.⁵ Так, рекрутская квитанция за удельного крестьянина Николая Папкова,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 45. Л.161–162.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 150–151.

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 252.

⁴ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 23926. СПб., 1830. С. 1227.

⁵ РГИА. Ф.515. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–9об

который числился при Царскосельских садах в числе садовых учеников, была выкуплена дочерями Николая I из личных сумм за 1000 руб. асс.¹ Эти деньги с 1833 г. поступали во вспомогательные сельские капиталы, что и было закреплено внутренним нормативным актом по Департаменту уделов².

Интересно, что Департамент уделов позже принял решение «негодных» к рекрутству отправлять для обучения в училища. Например, было принято решение о записи с 1839 г. в ремесленное училище мальчиков не моложе 18 лет, и «преимущественно из таких, кои по незначительным телесным недостаткам неспособны в рекруты, а чтобы семействам их не терпеть от того расстройства в домашнем быту своем, то им впредь до выпуска мальчиков из училища назначено выдавать вознаграждение, достаточное для найма работника»³. Издержки покрывались из крестьянского капитала. Со второй четверти XIX в. законодатель постоянно расширял круг лиц, имевших право на отсрочку от рекрутирования или исключавшихся из очереди. Кроме уже названных причин, все больше расширялись права тех удельных крестьян, деятельность которых Департамент хотел поощрить, как полезную для ведомства. Рекрутство часто выступало как специфическая система санкций, поощрения и наказания для сельского общества.

Как мы уже говорили выше, от рекрутства был освобожден голова приказа, но по Положению 1808 г. эта льгота распространялась и на его сыновей. По тому же нормативному акту отсрочку на время службы получили лесные сторожа, а также их сыновья, при условии поступления ими на ту же должность. С писарей также снималась обязанность службы в армии. С созданием Главных и приказных училищ от рекрутской повинности освобождались на время службы сельские учителя и их помощники из числа воспитанников главных удельных училищ, поступавшие на работу в сельские удельные школы и училища. «Если семейства сельских учителей и их

¹ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 46. Л. 111.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41. Л. 11–12.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 20–70.

помощников, состоя на очереди, не будет кроме их, иметь годных к службе, то их самих не отдавать в рекруты, доколе они, оставаясь в сих званиях, будут совершенно одобряемы в способностях, усердии и поведении»¹. В качестве дисциплинарного взыскания учителей также применяли рекрутство².

Из рекрутских очередей также исключались воспитанники и выпускники удельного земледельческого училища, поступившие по окончании учебы в хозяева «образцовых» усадеб или в смотрители полей «общественной запашки», а также дети, обучавшиеся у фельдшеров и ветеринаров, на период успешной учебы³. «Эти крестьяне непосредственно участвовали в проведении политики «попечительства», и удельное ведомство, значительно укрепившее к 1830-м годам свои позиции в системе высших органов государственного управления, руководствуясь собственными хозяйственными интересами и предоставленной ему юридической автономией, использовало любые средства для создания и сохранения в удельной деревне наиболее дееспособной и профессионально подготовленной части крестьянства»⁴. Такая система поощрения была довольно значимой для крестьянского сообщества, и она должна была стимулировать крестьян принимать активное участие в мероприятиях, проводившихся Департаментом уделов, качественно выполнять свои обязанности на низовом уровне управления. Причем система расширения льгот имела общегосударственный характер: «со временем в стране постепенно оформилась сложная система льгот и изъятий от повинности, которыми была наделена значительная часть мужского податного населения страны. При их помощи решался широкий спектр задач – от комплектования армии более подходящими элементами и

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 116–116 об.

² Свод удельных постановлений. Т. 2. Ч. II. Ст. 40, 41, 266, 267, 268, 270.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 44. Л. 112–113.

⁴ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

сохранения хозяйства налогоплательщиков до развития важных отраслей промышленности»¹.

Рекрутские наборы назначались по мере убыли личного состава и необходимости комплектования армии. В мирное время наборы могли проводиться реже, а во время активных войн – несколько раз за год. Если в период с 1801 по 1811 гг. наборы в армию проводились не ежегодно и в среднем набирали от 1 до 5 рекрутов с 500 душ, то в 1812 г. было произведено сразу три набора, или 20 рекрутов с 500 ревизских душ за один военный год². Была еще одна интересная особенность рекрутских наборов в годы вооруженных конфликтов. В соответствии с дополнительной статьёй военного устава (XIII статья к параграфу 94), если крестьянин поступал на службу в армию в дополнительный набор, а в семействе числилось больше трех работников, то служба не засчитывалась как рекрутская служба по очереди, и семья попадала под расклад в будущем, несмотря на то, что один из членов семьи уже состоял в армии³.

С конца XVIII в. и всю первую половину XIX в. численность российских регулярных вооруженных сил неуклонно увеличивалась, в силу чего участились рекрутские наборы. «В XVIII веке было проведено 72 рекрутских набора, в 1800-1874 гг. – 73 рекрутских набора, то есть они проходили практически ежегодно»⁴. По составленной нами таблице можно увидеть, что численность рекрутов не была стабильной, она зависела от потребностей комплектования.

¹ Иванов Ф.Н. Преобразование военно-организационных мероприятий государства в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII-XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (74). С. 87.

² РГИА Ф. 515. Оп. 12, 13, 59

³ РГИА Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. 102–103.

⁴ Иванов Ф.Н. Преобразование военно-организационных мероприятий государства в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII-XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (74). С. 83.

Рекрутские наборы по отчетам Департамента уделов

	Отчет за 1828, 1829	Отчет за 1830	Отчет за 1834	Отчет за 1838	Отчет за 1839	Отчет за 1840	Отчет за 1841	Отчет за 1842
Рекруты	6335 (2 набор а)	1960	1806	2052	575	3168	2835	344
В том числе								
охотнико в				160	4	472		
Квитанци й	456		300	166	57	19	224	22
За вину	63	108				35	32	55

Таблица составлена по: РГИА. Ф.515, Оп.1. Д.37. Л.59, 69; Д. 38. Л. 47–58об.; Д. 42. Л.27–36 об.; Д.47. Л. 26–70; Д. 48. Л. 22–70; Д. 49. Л. 19–76

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что рекрутство в крестьянской среде зачастую использовалось властями как система наказаний, что не могло сделать ее престижной и значимой в глазах общества. Да и посыл государства этому не способствовал: сами удельные чиновники утверждали, что «без очередная отдача в рекруты самое чувственное наказание для крестьян». Армию использовали, как полигон для перевоспитания и «исправления «нравственности»¹. Тем, кто уходил служить по очереди, было не легче.

Архивные документы сохранили свидетельства о том, как крестьяне придумывали различные способы, чтобы избежать рекрутчины, еще больше дискредитируя систему военной службы. Крестьянин, имевший трех или двух сыновей, готовил одного из них в рекруты заблаговременно и не женил его, т. к. «сын, знает свою долю и пьянствует, ибо добрым поведением не спасется от солдатства»². Во время рекрутских наборов среди удельных крестьян

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 9об.

² РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 108. Л. 59.

практиковались выставление непригодных для службы людей, и даже «членовредительство». Согласно отчету по Орловской удельной конторе из опыта 94 рекрутского набора, «крестьяне причиняют себе разные телесные повреждения во избежание рекрутской повинности»¹. Неоднократно Департамент уделов сообщал о розыске беглых крестьян, скрывавшихся от рекрутской повинности². Какое наказание их ждало за неявку? Закон прописывал следующее: «по сыске его отдается тогда же в зачет будущих наборов»³. Наказанием за избегание службы было все то же рекрутство. Также разрешалось с 1831 г. принимать в зачет будущих наборов беглых удельных крестьян⁴.

Для наказания крестьянина рекрутством требовался мирской приговор⁵. Управляющий Новгородской удельной конторой считал, что безочередная отдача в рекруты по мирскому приговору «не вполне достигает своей цели, как зависящая от произвола сельских обществ, где, в случае превосходства голосов людей такого же поведения, подобные им скорее найдут защиту, чем справедливое возмездие»⁶. Основываясь на мнении управляющего, Департамент уделов с 1829 г. разрешал отдавать крестьян в рекруты «за дурное поведение» без очереди и без мирских приговоров, только по утвержденному представлению управляющего⁷. С 1842 г. эта мера ставилась под личный контроль министра Департамента уделов: «Удельный крестьянин, непокорный власти, может быть отдан в рекруты, а в случае неспособности, сослан на поселение, и без мирского на сие приговора, по одному представлению Управляющего конторой, рассмотренному Департаментом и утвержденному министром уделов»⁸.

¹ РГИА. Ф. 515. 1. Д. 37. Л. 151–151об.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1807. 5 июля.

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 250.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 134–134 об.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 132–132 об.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–9об.

⁷ Там же.

⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 130.

При этом удельной конторе выдавались квитанции, согласно которым им засчитывалась поставка рекрута¹, но только если виновный был отправлен на военную службу. С 1823 г. вводилась норма, которая предписывала преступников отправлять не в рекруты, а на работы, в связи с участившимися случаями побегов среди них. Да и тратить время на их перевоспитание в армии не было возможности. Преступников и бродяг следовало отправлять не в службу, а «в порты, на фабрику Екатеринославскую, в горные и соляные заведения и на работы в ведении Путей сообщения»². С 1828 г. было предписано за таких крестьян квитанции не выдавать, а только за тех, кто был отправлен в армию. В 1831 г. в Департаменте уделов рассматривалось дело крестьянина Герасима Федулова, приговоренного за кражу к рекрутству. В соответствии с вышеупомянутым указом его отправили вместо армии на Илецкие соляные копи³, но квитанцию за него выдали, т. к. он был осуждён в 1823 г., когда правовая норма еще не обрела юридическую силу.

Система раскладки рекрутской повинности обрастала коррупцией и злоупотреблениями. Несмотря на то, что законодатель определил юридическую ответственность региональных властей и местных органов самоуправления за ошибки в составлении рекрутских очередей и несправедливую отдачу в рекруты, практически ежегодно в делопроизводственных документах Департамента уделов встречались дела о злоупотреблениях. В 1805 г. младший сын крестьянки в соответствии с мирским приговором был зачислен в рекруты за кражу двух снопов пшеницы, тем самым, освободили от очереди сына состоятельного члена общины, на что она подала жалобу в Санкт-Петербургскую удельную экспедицию. Было признано, что вина не соответствовала понесенному наказанию, сына

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–25.

² ПСЗ. Собрание 1. Т. XXXVIII. № 29328. СПб., 1830. С. 794.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–25.

крестьянке вернули и выплатили компенсацию в размере 50 руб. с мира в качестве возмещения вреда¹.

Позже, в 1814 г. крестьяне Новгородской удельной конторы подали жалобу на управляющего конторой коллежского советника Михельсона о несправедливой отдаче их в рекруты без учета уже существовавшей в деревне очереди, а по собственному его усмотрению. К расследованию подключились гражданские власти. Михельсон пояснил «своеволие», допущенное при рекрутской раскладке, тем, что после медицинского освидетельствования некоторые крестьяне оказались физически не способными к военной службе. Он также пересмотрел очередность в пользу тех семейств, которые уже имели рекрутов и, в первую очередь назначались те крестьянские семейства, которые еще не несли эту повинность. И, наконец, управляющий освободил от рекрутства единственных кормильцев в семье, которые, как ни странно, тоже оказались в этой очереди².

Среди всей массы архивных документов привлекают внимание дела, в которых крестьяне обращались с просьбой принять их в рекруты. Рекрутство в общественном сознании ассоциировалось больше с тяготами и разлукой, являясь одной из самых тяжёлых для крестьянства повинностей. Для такого нехарактерного поведения со стороны сельского населения должны были быть веские причины. Во-первых, крестьяне могли поступить на службу за очередника, получив за это денежное вознаграждение³. Найм «охотников» «за семейства свои в очередь рекрут» разрешался исключительно на добровольной основе и только из крестьян тех же волостей, где проживали наниматели. Но с 1833 г. «охотниками» могли выступать вольноотпущенные помещичьи крестьяне и дворовые люди, т. к. удельные крестьяне были «в

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 15. Л. 41–42.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 25. Л. 36–39 об.

³ Мякотин В.А. Личные и имущественные права удельных крестьян // Русское богатство. 1903. № 7. С. 66.

отправлении рекрутской повинности по уставу сравнены с мещанами и казенными крестьянами»¹.

Порядок исполнения рекрутской повинности путем найма «охотников» подробно разработало удельное ведомство во второй четверти XIX в.² Теперь обязательным условием заключения договора найма являлся мировой приговор, подтверждающий что желавший поступить на службу никаких задолженностей перед сельской общиной не имел и его семейство не состояло в рекрутской очереди. Лицам «дурного поведения, вредным для других примером развратной жизни, непокорным власти начальства и неплательщикам податей» строго запрещалось поступать на военную службу по найму³. Видимо, такие случаи происходили.

Во-вторых, законом предусматривалась и безвозмездная форма приобретения рекрутской квитанции, – в случае если кто-то из крестьян изъявлял желание пойти в армию вместо призывника. Так, указ Сената от 5 августа 1831 г. разрешил холостым удельным крестьянам «вступать по собственному желанию в рекруты за свои семейства, но с тем чтобы они были крепкого сложения, не моложе 17 лет и имели рост не ниже установленной меры»⁴. Добровольное согласие бескорыстно пойти в рекруты чаще всего было связано со стремлением освободить от этого своих близких родственников. В газете «Северная почта» автор одной из статей восхищался примерами «семейного согласия и кровной любви между поселянами». Несколько крестьян Псковской губернии «убедительно» просили отправить их в армию вместо их назначенных по очереди братьев, у которых были семьи и дети⁵. В 1817 г. в Псковской удельной конторе «старший брат Григорий

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.41. Л. 10–10 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 44. Л. 6–7.

³ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 10.05.2011). Режим доступа: свободный.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д.39. Л. 110–110об.

⁵ Северная почта. 1811. 11 января.

обязался исполнить рекрутство Сергея из своего семейства»¹. Так же выглядела ситуация и в семье крестьянина Орловской удельной конторы Филиппа Тарасова, где сыновья «просили каждый его к приему», а старший «хотел» на службу, т. к. отец больше любил младшего брата. А младший, Андрей – так как у старшего, Григория, была семья и дети². Во всех этих случаях желание крестьянина «добровольно» поступить в службу носило явно вынужденный характер.

В-третьих, в архивных документах встречаются случаи показательной и публичной отдачи родителями одного из детей в рекрутство. Так, крестьянка Орловской удельной конторы, вдова 70-ти лет Степанида Иванова Козлова привела на сборный пункт двух своих сыновей для отдачи любого из них в рекруты. За такой патриотический порыв крестьянка была награждена сарафаном с кокошником³. Так же поступил и крестьянин Орловской удельной конторы Филипп Тарасов, говоря: ««в нашем селе исстари обычай, никого в рекруты не ковать, никто от рекрутской повинности не уклоняться, не бегают, а порченных никогда не бывало. Моему семейству теперь очередь. Возьми любого сына. Рады Богу и Государю великому служить»⁴. Император, растроганный таким примером, дал указание того сына Тарасова, который поступит в рекруты, определить в гвардию, а самому отцу дать кафтан и «случай рассказать всем в пример»⁵. По нашему мнению, такая позиция крестьянства было скорее исключением, чем обычным явлением, именно поэтому и в первом, и во втором случае это было отмечено Высочайшем одобрением и подарком. Кроме того, было дано указание, чтобы «поступок сей сделать известным», тем самым повысив мотивацию у крестьян не укрываться от военной службы. Сложно выделить реальные мотивы таких поступков, т. к. приведенные примеры взяты из официального

¹ ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

² РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 37. Л.151–151 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 21.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 151-151 об.

⁵ Там же.

делопроизводства Департамента уделов. Возможно, это был личный гражданский порыв некоторых крестьян.

Итак, реальными мотивами к добровольному поступлению на службу в мирное время служила больше необходимость, в силу различных причин, а не желание и престижность военной службы.

Стремление императора Александра I снизить расходы на армию отразилось на устройстве военных поселений; эта миссия была возложена на графа А.А. Аракчеева. Александр I лично посетил имение Аракчеева в Грузино: «Устройство и порядок, которые лично видел я в деревнях ваших при посещении ... доставили мне истинное удовольствие»¹. Аракчееву было поручено составить проект военного учреждения поселений «на следующих главнейших основаниях»: образовать особое военно-земледельческое сословие, которое содержало бы собственными средствами постоянную армию и комплектовало ее без участия и отягощения остального населения, тем самым уменьшив расходы на содержание войска»². Было принято решение о создании замкнутой единицы в виде округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка. Пехоту размещали около Новгорода, а кавалерию – на юге России.

Базой для проведения в жизнь программы по созданию военных поселений стали районы, населенные в значительной мере государственными крестьянами (при этом правительство не затрагивало интересы дворянства и старалось избежать лишних затрат по выкупу владельческих имений) и казаками (служилое сословие, имевшее опыт несения воинской службы). Рассматривалась возможность размещения военных поселян и в удельных деревнях в Новгородской губернии. Однако, в конце концов, было решено ограничиться только вышеназванными категориями сельского населения, и Новгородский губернатор лично объезжал, осматривая и выбирая казенные

¹ «Северная почта». 1810. 26 марта.

² РО РНБ. Ф. 859. Карт. 31. № 17. Л. 55.

селения вместо удельных, для предоставления их в состав военных поселений¹.

Несмотря на это, политика военных поселений все же затронула удельную деревню. Так, по указу от 19 августа 1818 г. на удельных землях Коростинской волости Новгородской губернии была размещена 1 Гренадерская дивизия, назначенная для военных поселений². Только в 1831 г. три удельных селения Новгородской губернии со всеми крестьянами и принадлежащими землями были переданы в военное управление в составе округов военного поселения 1 Гренадерской дивизии, а именно: «В округе гренадерского его величества императора австрийского полка, Вяжицкая Подмонастырная слобода; в округе гренадерского наследного принца Прусского полка, деревень Чурилова и Дорки». Взамен уделы получили 4 казенные деревни Крестецкого уезда Озерской вотчины со всеми крестьянами и землями³.

Кроме того, в Новгородской губернии было размещено 18 пехотных полков, 3 артиллерийские бригады, один саперный батальон, в Могилевской губернии – 6 пехотных полков, в Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях – 20 кавалерийских полков. Законом 1818 г. удельным, помещичьим и вольным хлебопашцам Новгородского, Климовецкого, Волчанского, Змиевского, Херсонского, Елизаветградского, Александрийского и Ольвиопольского разрешалось не нести рекрутскую повинность. Им было достаточно заплатить с 500 душ по 2 руб., которые шли на устройство военных поселений. Этот закон распространялся не только на удельных крестьян, но и на помещичьих, и на вольных хлебопашцев. Однако оговаривалось, что в военное время общества должны «давать рекрут в натуре». Предполагалось, что при успехе военных поселений рекрутские

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Т. 2. Д. 3769.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л.23–24.

наборы будут отменены вовсе¹. Но, как мы знаем, осуществиться этому было не суждено.

По общему правилу в военные поселения поступали и семьи крестьян, отправлялось также его имущество. Особо отмечалось, чтобы ответственные лица внимательно следили за сохранностью вещей². Причем удельные власти старались найти исключительно семейных крестьян. В 1824 г. управляющий Новгородской конторой спрашивал, как ему поступить, т. к. требовалось поставить 53 человека, но только 5 из них были женаты³. Запрос был сделан в Департамент уделов, на что Николай Павлович в своей личной резолюции пояснил, что «в Высочайшем повелении сказано только содействовать к приему женатых рекрут, сие не значит, чтобы преимущественно брать женатых»⁴.

Особо в документах отмечались мальчики, которые должны были поступить в военные кантонисты и стать резервом пополнения регулярной армии; девочки представляли «меньшую ценность для государственных нужд». К сожалению судьба этих детей была незавидна, и матери старались сделать все, чтобы помочь сыну избежать судьбы кантониста⁵. В 1812 г. рассматривалось дело о причислении вместе с отставным унтер-офицером Михайлой Шульпиным к Казанской удельной экспедиции прижитых им детей. По решению земского суда был составлен и заверен мирской приговор, по которому крестьяне согласились принять в деревню Шерыгино детей, прижитых в отставке унтер-офицером. На основании этого прецедента Нижегородская контора тоже причислила 25 детей рекрутов и ввела их в оклад, имея согласие мира⁶. Хотя требовалось «отныне и впредь как всех

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1818. Т. XXXV. № 27512. СПб., 1830. С. 548–549.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 9. Д. 57. Л. 6–9 об.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 9. Д. 58. Л. 4–4 об.

⁵ Невзоров Е.Ю. Солдатские дети как успешный проект формирования резерва комплектования русской армии в первой половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 180. С. 138, 139.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 571. Л. 1.

поступивших уже в военносиротские отделения солдатских детей, тако же прижитых – солдатками, солдатскими девками и дочерьми их, на воспитание родственникам не отдавать и на кого до 12 летнего возраста, а равномерно буде таковые дети у них на воспитании находятся ныне, то по истечении 12-летнего возраста обращать их в отделения военносиротские»¹.

Законодательство о таких детях было настолько запутано, что пришлось списываться с Сенатом, чтобы он разъяснил, в каких конкретных случаях требовалось передавать детей рекрутов и солдаток в военно-сиротские учреждения, а когда их можно было оставлять на попечении общины с ее согласия. На основании решения Сената солдатских детей законно или незаконно рожденных по достижению ими 6-летнего возраста отсылать в гарнизонные училища, «детей солдат и унтер-офицеров, которые пользовались прежним постановлением 15-летнего для службы срока, но с нынешнего набора служить уже будут общий всем 25-летний срок, считать наравне с прочими солдатскими детьми, а потому доставлять их в училища, для сих последних учрежденных»². Соответственно, все дети поступали в распоряжение военного ведомства.

После поступления на службу рекрут исключался из состава удельных крестьян, поэтому в отчете Департамента уделов рекруты всегда шли в Ведомости о перемене душ. Жена рекрута тоже меняла социальный статус, становясь солдаткой, и так же, как ее муж и дети, причислялась к военному ведомству. Семья рекрута освобождалась от уплаты всех податей и сборов. Жена могла следовать в армию вместе с мужем, а могла остаться в деревне, что и происходило чаще всего³.

Чтобы не вдаваться подробно в этот вопрос, т. к. он не имеет уже отношения к теме исследования, лишь отметим, что после призыва крестьяне

¹ РГИА. Ф. 571. Оп. 10. Д. 571. Л. 5–11.

² РГИА. Ф. 571. Оп.10. Д. 571. Л. 64–65об.

³ Щербинин П.П. Социально-правовой и повседневно бытовой статус солдатских детей в XVIII-XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 163.

юридически освобождались от власти помещика или местной крестьянской общины; «следовательно, жены солдат и любые дети, рожденные от солдат или их жен после того, как первые поступили на службу, также получали юридическую свободу»¹. Крестьяне после службы могли не возвращаться к месту жительства, будучи юридически свободными: «отставные солдаты русской армии являлись одним из ключевых механизмов освобождения населения от крепостной зависимости»². Отставной солдат не платил налоги, имел право выбора места жительства и рода занятий. По мнению американского историка Э.К. Виртшафтера, «юридическая эмансипация, безусловно, представляла собой восходящую мобильность, однако ее реализация и последствия оставались проблематичными»³.

Государство, освободив представителей низшего сословия от службы и общинного контроля, прекращало платить им жалование и не обременяло себя заботой о содержании отставников. В паспортах, выдаваемых увольняемым нижним чинам, содержалась формулировка: «отпущен по его желанию, на собственное пропитание, где жить пожелает, во всяком городе, уезде или на прежнем жилище у своих родственников»⁴.

Но если отставники возвращались на свое прежнее место жительства они получали право выбрать, либо единовременную выплату, либо пенсию, которая зависела от подведомственности. И, несмотря на то, что большая часть отставников оседала в городах, некоторые возвращались в свои деревни. Именно поэтому Департамент уделов был вынужден разработать собственные правила по приему таких крестьян обратно в удельную деревню.

¹ Wirtschafter E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. № 59. 1995. April. P. 222

² Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. Социально-экономические факторы адаптации отставных солдат в России в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1 (35). С. 224.

³ Wirtschafter E. K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. № 59. 1995. April. P. 222

⁴ Маслов Н.А. Правовой статус рекрутов и нижних воинских чинов в Российской империи в 1699-1874 гг. // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2 (6). С. 10.

В соответствии с принятым Положением, которое вступило в силу с 1841 г., нижним чинам, которые возвращались в свои селения, община должна была выделить земельный участок и лес на постройку дома. Дополнительно отставнику назначалась ежегодная пенсия «независимо от тех, которые им могут быть назначены от военного ведомства». Для этого формировался особый капитал, который назывался «пенсионным капиталом отставных нижних военных чинов, поступивших на службу из удельных крестьян». Наполнение капитала происходило перечислением за каждого поступавшего по очереди рекрута по 2 руб. сер. с общины¹. Если рекрут поступал по охотничьей квитанции, то перечислялось 10 руб. сер. от полученной охотником суммы, о чем он был предупрежден заранее. Деньги по окончании каждого рекрутского набора Департамент уделов вносил в одно из кредитных учреждений с выдачей специального билета о внесенной сумме, хранившегося в казначействе ведомства. Эти поступления не смешивались с основной массой денежных средств и числились отдельно в общей сумме без раздела на конторы и губернии. Размер пенсии был определён для унтер-офицеров по 6 руб. сер. (21 руб. асс.), а рядовым по 4 руб. сер. (14 руб. асс.) в год каждому. Если пенсионный капитал сильно увеличивался, то допускалось их потратить на другие цели по усмотрению министра².

Право на пенсию отставные нижние чины получали, только если «они местным удельным начальством будут совершенно одобрены в поведении и кротком обращении с крестьянами». Оценить это предполагалось в первый год после возвращения рекрута в деревню, соответственно, в этот год пенсия не выплачивалась. Ответственность за выдачу пенсии закреплялась за удельной конторой или приказом, где проживал отставник. Выплата производилась один раз в год в начале года за предыдущий. Пенсия, как мы говорили, это определённая форма вознаграждения, а не обязательные выплаты. Поэтому

¹ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 50. 1842. Л. 11–63.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 134–141.

пенсия не выплачивалась, если солдат проявлял «буйство». Выплаты прекращались со смертью солдата¹.

В 1843 г. в бюджет Департамента уделов на формирование пенсионного капитала поступило за 1841, 1842 гг. 21696 руб. сер. Пенсий же выдано в 1841 г. 18 унтер-офицерам (по 6 руб. сер в год) и 35 рядовым (по 4 руб.); а за 1842 г. разрешена выдача 67 унтер-офицерам и 139 рядовым на 958 р. «Таким образом, благотворительное учреждение сие упрочено» было, и пенсии выдавали всем вышедшим в отставку, а не только нижним чинам².

Служба в мирное время воспринималась как тяжелая доля. Крестьяне, в подавляющем большинстве случаев старались избежать повинности, придумывая различные способы и используя предоставленные возможности. Департамент уделов сам признавал тяжесть рекрутской повинности, используя ее как средство наказания и устрашения крестьянства. Совершенно по-другому дело обстояло, когда стране угрожала реальная военная угроза. Унизительная рекрутская повинность трансформировалась в служение Отечеству, а война меняла статус солдата-рекрута на солдата-воина-освободителя.

В мирное время отношения между высшими и нижними чинами формировались согласно сословному строению общества. Командир находился на недостижимой высоте от нижних чинов в армии. Но совсем другие взаимоотношения складывались в годы войны, когда боевое слаживание, совместные тяготы и испытания военного времени «способствовали некоторому сближению нижних чинов и командиров, но только на непродолжительное время и лишь у отдельных представителей офицерского корпуса»³.

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 15–16.

³ Баяндин В.И. Русская армия в XIX - начале XX в.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 10-18.

В военное время армия формировалась как из рекрутов, так и из добровольцев. Приведем один из примеров в различии отношения к добровольцу и к рекруту: это традиция «бритья лбов», т. е. стрижки наголо. На то были как чисто гигиенические причины, так и предупредительные: бритье волос сдерживало рекрутов от побегов. Ведь в крестьянской среде не принято было коротко стричься, а уж тем более – бриться наголо. Поэтому любой лысый человек привлекал внимание, как возможный беглый. А вот добровольцам и ополченцам голову не брили, т. к. «служба считалась почетной», при этом, видимо, о гигиене забывали. Это подтверждает, по нашему мнению, что «бритье лбов» имело больше психологическое воздействие. Только с 1849 г. «предписывалось вместо бритья лбов производить стрижку волос»¹.

В предшествующие годы и непосредственно во время Отечественной войны с Наполеоном удельные крестьяне приняли активное участие в формировании ополчения. А ополчение 1806 г. стало крупнейшим в истории Российского государства. Его численность достигала 612 тыс. человек из представителей всех сословий². Конечно, некоторые современники отмечали неготовность государства к содержанию и вооружению такого числа добровольцев, о чем последние рассуждали в личных бумагах³.

По личной просьбе вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великого князя цесаревича Константина Павловича, из удельных крестьян был сформирован императорский батальон⁴ милиции (12 декабря 1806 г.), расположившийся в Стрельне⁵. Он принимал активное участие в военных операциях в рамках третьей и четвертой коалиций. После заключения Тильзитского мира его в составе гвардейского корпуса передислоцировали из

¹ Маслов Н.А. Правовой статус рекрутов и нижних воинских чинов в Российской империи в 1699-1874 гг. // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2 (6). С. 12.

² Любимов Е.А. Военная история храма // Военно-исторический журнал. № 4. 2005. С. 73.

³ РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 108. Рукопись. Кочубей.

⁴ В среднем батальон ополчения в годы Отечественной войны насчитывал 694 человека, в том числе 14 офицеров.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 17. Л. 35–42.

Восточной Пруссии в Санкт-Петербург¹. Было принято решение о расформировании батальона, но большинство нижних и высших военных чинов решили продолжить службу.

В 1808 г. императорский батальон милиции за верную службу был причислен к корпусу войск лейб-гвардии. Этот статус позволял высшим и нижним чинам получить те же права, что и пехота лейб-гвардии, и батальон теперь уравнивался с обычным гвардейским. Внутреннее разделение рот и сложившийся порядок по службе были сохранены в «прежнем состоянии»: мундиры, амуницию, оружие, обозы «оставить как сейчас, но в сроках одинаково с пехотой лейб-гвардии». Артиллерийская команда, которая была при батальоне, причислялась к лейб-гвардии артиллерийскому батальону «сверх штата», но реально была прикомандирована к нему. Высшие и нижние чины получали жалование, а последние еще вещи и форму от комиссариата, как и все лейб-гвардейцы; фураж для лошадей и провиант – от Провиантского департамента². В 1811 г. батальон был переформирован в трехбатальонный лейб-гвардии Финляндский полк³. 27 ноября 1813 г. его шефом был назначен великий князь цесаревич Константин Павлович⁴. После Отечественной войны батальон продолжил несение военной службы, но уже как 2-батальонный лейб-гвардии Волынский полк; в частности, он участвовал в подавлении польского восстания.

Удельные крестьяне, как и многие сословия Российской империи, активно отреагировали на необходимость собрать средства на нужды армии в период наполеоновских войск. И несмотря на то, что на крестьян сбор, объявленный в 1806 г., не распространялся – они все равно несли в удельную экспедицию деньги, приводили лошадей, приносили для них сбрую. Хоть император и был растроган верностью поданных, но попросил ничего не

¹ Красникова Ю.Н. Рекрутские наборы удельных крестьян в первой четверти XIX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 42.

² ПСЗ. Собрание 1. Т. XXX. № 22768. СПб., 1830. С. 30.

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXXI. № 24822. СПб., 1830. С. 876.

⁴ 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 99.

приносить, а управляющих – не принимать приносимое до особого распоряжения¹. По его мнению, это могло подорвать материальное положение удельных крестьян, которые уже участвовали в наборе в земскую милицию².

С началом войны усилилась рекрутская повинность. В начале 1812 г. был произведен повсеместный набор по 2 рекрута с 500 ревизских душ. В августе был объявлен дополнительный набор в армию, по 2 рекрута со 100 ревизских душ в ревизии. Согласно закону о дополнительном наборе в армию, все удельные и государственные крестьяне подвергались набору повсеместно. Из помещичьих же деревень новый набор коснулся только тех губерний, где не было организовано ополчение по манифесту 18 июля. Из набора исключались губернии, находившиеся на военном положении, а также Псковская и Эстляндская губернии из-за того, что «они при настоящих военных обстоятельствах обременены разными тягостными повинностями»³. Через эти территории неоднократно проходили войска⁴.

В ноябре 1812 г. был произведен еще один набор – по 2 рекрута с 100 ревизских душ⁵. Но для удельных крестьян набор был изменен. Екатерина Павловна, сестра императора, со своего удела по собственной инициативе организовала батальон из крестьян подведомственного ей удела, о котором мы писали выше. «Особый» батальон формировался по 1 рекруту со 100 ревизских душ⁶. При этом сначала набирали добровольцев, и только потом добирали необходимое число из очередников. Всем им это было зачтено в счет следующих рекрутских наборов. При приеме придерживались общих правил для рекрутских наборов в отношении физического здоровья и т. п. После окончания войны крестьяне должны были вернуться в удел⁷.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 19. Л. 48.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXXII. № 25198. СПб., 1830. С. 405.

⁴ Северная почта. 1809. 25 декабря.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 12, 13, 59.

⁶ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXXII. № 25201. СПб., 1830. С. 406–407.

⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 24. Л. 42–49.

Переезд, вооружение, обмундирование, жалование и провиант во время войны оплачивала Екатерина Павловна. Несмотря на то, что служба в батальоне считалась временной, великая княгиня освободила всех поступивших в батальон от платежа государственных повинностей и оброчных денег на всю жизнь и приняла эти платежи на свой счет¹. Начальником батальона был назначен флигель-адъютант, полковник князь Оболенский. Всего в подразделение поступило 712 человек, а затем в конце 1812 г. причислены были еще 222 человека в связи с объявленным новым дополнительным набором в армию. Из этого дополнительного числа людей была образована в батальоне резервная рота. Он был расформирован в декабре 1814 г. К этому времени из общего числа 712 человек убыло в течение кампании 294 человека и оставалось 418 человек, которые и были распущены по домам². Двое ветеранов, служивших в батальоне великой княгини Екатерины Павловны в 1812 г., впоследствии принимали участие в Крымской войне в рядах нового полка, сформированного из удельных крестьян Стрелкового полка Императорской фамилии. Причем один из них был зачислен в полк вместе со своим внуком³.

25 октября 1854 г. бы сформирован Стрелковый полк Императорской фамилии в помощь армии во время Крымской войны⁴. Инициатором создания этой уникальной по статусу воинской части, которая должна была стать образцом для всей российской армии, выступил сам император Николай I. В соответствии с Положением, следовало набрать крестьян из Новгородского, Архангельского и Вологодского удельных имений. При этом следовало отбирать только тех крестьян, которые занимались охотой. Можно было в полк набрать и свободных людей, умевших стрелять и не состоявших в

¹ Северная почта. 1812. 13 июля.

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 2. СПб., 1901–1902. С. 513.

³ Красникова Ю.Н. Добровольцы-рекруты в удельной деревне в первой трети XIX в. // Патриотизм и гражданственность в истории России. Материалы междунар. науч.-прак. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общей редакцией В.Н. Скворцова. СПб., 2013. С. 132–137.

⁴ ПСЗ. Собрание 2. Т. XXIX. № 28667. СПб., 1881. С. 879.

рекрутской очереди. Были и другие ограничения по набору для удельных крестьян: в полк могли поступить только те, кто имел в семье не менее трех работников, был годен по состоянию здоровья и возрасту, и зачислялся исключительно по желанию. После военных действий полк распускали по домам.

На время службы платили жалование 3 руб. в мес. сер. и выдавали паек. Солдаты Стрелкового полка Императорской фамилии также получали одежду, обувь и оружие. «Форма обмундирования стрелков будет приспособлена к обыкновенной крестьянкой одежде». В знак особого уважения к добровольцам им разрешалось носить бороду. Первоначально они поступали в полк со своим оружием, но постепенно оно заменялось на одинаковое. Все расходы покрывались из удельной казны¹. За храбрость воины полка были награждены².

В 1856 г. полк был распущен, а все желающие офицеры и нижние чины поступили на формирование лейб-гвардии стрелкового Императорской Фамилии батальона, который был расквартирован в Гатчине. Само название батальона предполагало зачисление в списки батальона всех великих князей. В гатчинский период существования батальона в его списки были действительно зачислены почти все члены императорского дома.

Итак, война некоторым образом ставила всех в одинаковое положение. Во время военной кампании 1812 г. часть крестьян поступила в армию совершенно добровольно. Показательным являлось и то, что во время наборов 1812 г. ни одного случая поиска беглых среди удельных крестьян не было.

В целом, мы можем сделать следующие выводы. Рекрутские наборы регулировались как общегосударственными регламентирующими нормативными актами, так и носящими внутриведомственный характер. При этом удельные крестьяне в порядке несения рекрутской повинности причислялись к государственным, что подтверждает их двойственный

¹ ПСЗ. Собрание 2. Т. XXIX. № 28667. СПб., 1881. С. 879–880.

² Стрелки императорской фамилии. Исторический очерк. СПб., 1881

правовой статус, о чем мы писали выше. С 1808 г. рекрутская повинность находилась в исключительном ведении удельных властей.

Рекрутская служба хоть и была достаточно регламентирована и технически расписана в нормативно-правовых актах, однако носила запутанный характер, так что приходилось уточнять применение тех или иных норм. Даже сам законодатель признавал, что надо бы навести порядок в системе рекрутинга, и неоднократно в изучаемый нами период за это брался. К концу второй четверти XIX в. наборы с определённых участков были заменены в удельной деревне привязкой участка к территориально-административной единице, что упрощало раскладку повинности. В годы войны рекрутская нагрузка на сельское общество увеличивалась.

Поступая на службу, солдат, вытянутый из привычной для него социальной среды, был вынужден приобретать совершенно новые компетенции и осваивать новые формы взаимодействия. Это приводило к тому, что после окончания службы солдаты редко возвращались на прежние места жительства, стараясь поселиться в городах, где был более близкий им уклад.

Военная служба в сословном государстве обростала унижительными для будущего защитника Отечества практиками, что не делало службу привлекательной.

Во второй половине XIX в. все больше проявляла себя конскрипционная система комплектования армии. Она затронула и удельное ведомство. Круг лиц, которые имели право отсрочки, постоянно расширялся. Освобождение от рекрутчины становилось своеобразным поощрением к исполняемой крестьянами службе или являлось стимулом к получению образования. Рекрутство позволяло Департаменту уделов оставлять в удельной деревне наиболее способных к профессиональной деятельности крестьян.

Император использовал редкие случаи личного проявления гражданского долга в крестьянской среде для трансляции и популяризации его во всех удельных имениях, как стимул для повышения мотивации к

поступлению в рекрутство. В мирное время данные мероприятия не имели действия. Но крестьянская среда кардинально менялась, когда стране угрожала реальная военная угроза.

Выводы к третьей главе.

Законодательство Российской империи четко разграничивало в нормативно-правовых актах субъект правоотношений из податных сословий, и те нормы, которые применялись к государственным крестьянами, не могли применяться к частновладельческим, кроме общих положений. Правовой статус удельных крестьян четко не был прописан законодателем, который приравнивал их в поземельном отношении к помещичьим, и здесь же уточнил, что крестьяне эти не входят в разряд частновладельческих и называются удельными. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались уточняющие нормативно-правовые акты. Этот процесс продолжался в течение всей первой половины XIX в. Мы констатируем наличие двойственного характера регулирования правовых отношений у удельных крестьян в первой четверти XIX в. В этот период они уже лишились части гражданских и имущественных прав, которыми обладали государственные и экономические крестьяне, но, еще не во всем были уравнены с помещичьими. Со второй четверти XIX в. удельные крестьяне не только в поземельном, но и в правовом отношении все больше уравнивались с помещичьими. Но изменение юридического состояния удельных крестьян не было доведено до логического завершения; вплоть до отмены крепостного права они сохраняли неопределённый правовой статус. В целом, правовое положение удельных крестьян, после исключения их из дворцового ведения, существенно изменилось. Параллельно с этим процессом эволюционировала и система управления в удельных имениях.

Основным источником пополнения бюджета Департамента были налоги и сборы с удельных крестьян. Согласно «Учреждению об императорской фамилии» повинности делились на государственные платежи и другие налоги,

которые крестьяне вносили на основании общих правил и законов, а также хозяйственные сборы, которые накладывались Департаментом уделов на основании внутренних нормативных актов. Субъектом налогообложения являлась крестьянская община, именно она несла ответственность по уплате податей перед государством и удельным ведомством. Для сбора оброков и податей в приказах был создан целый штат различного рода сборщиков, начиная от казенного заседателя в приказе и заканчивая сельскими участковыми сборщиками. Удельные экспедиции (конторы) несли полную ответственность за исправные платежи оброка и выполнение казенных повинностей удельными крестьянами.

Основной статьей пополнения удельного дохода являлся оброк за землю. Вначале со всех удельных крестьян Российской империи взимался равный оброк, но Департамент постепенно повышал базовую ставку налогообложения. Так, при повышении оброка в 1810 г. была учтена пропорциональность оклада доходу в границах губерний, в отличие от обложения казенных крестьян, где все крестьяне одной губернии несли одинаковый платеж. Группировке по классам подверглись более мелкие территориальные единицы – приказы, вследствие чего в одной и той же губернии образовалось несколько норм оклада. В 1824 г. ведомство изменило критерии для определения губерний в тот или иной класс. Теперь классность зависела не только качества земли, но и уровня получаемых доходов от неземледельческой деятельности. Дальнейшая политика Департамента уделов в области налогообложения была направлена на замену подушного оброка поземельным сбором. Этот сбор был распространен не на все удельные селения, так, он не касался малоземельных крестьян, которые сохранили подушный оброк. Основное правило введения поземельного сбора заключалось в том, что существовавшие оброки не могли быть снижены, в свою очередь должны были увеличиваться сборы с тех имений, где существовали к этому условия. Правила оценки, принятые Департаментом уделов, которыми предполагалось добиваться не столько абсолютной, сколько

относительной верности данных, лежавших в основании исчисления доходности земли, поспешность введения поземельного сбора и отсутствие органов для предварительной проверки статистических описаний и исчислений доходности земли – открывали управляющим полную возможность по собственному усмотрению повышать или понижать оценку крестьянских угодий сравнительно с действительной их доходностью и, таким образом, достигать повышения оброка даже в очень малоземельных селениях. В удельных имениях введение поземельного сбора популярности не вызвало, а спровоцировало волнения.

При передаче из дворцового ведомства в удельное, они несли равные с государственными крестьянами подати. В результате изменений в налогообложении введённых в 1810, 1824 гг., за счет дифференциации налоговой базы в пределах имений удельные крестьяне несли меньшие, чем казенные, по размеру налоги. Усиление налогового давления последовало после введения поземельного сбора. Декларация его как подоходного налога осталась лишь на бумаге. Денежное обложение удельных крестьян по сравнению с государственными увеличилось. Наряду с его повышением происходило частичное сокращение крестьянской наделной земли.

Капиталистические элементы в сельском хозяйстве развивались весьма медленно. В некоторых земледельческих имениях крестьяне периодически чувствовали проблему с продовольствием, поэтому Департамент уделов постоянно был озабочен решением вопросов по его обеспечению, используя и альтернативные способы. Невозможность заполнить хлебные магазины и обеспечить зерном крестьян в голодные годы, привели к существенным изменениям в формировании запасов хлеба. В 1827 г. продовольственный сбор был заменен работой на специально заведенной запашке «для наполнения продовольственных запасов и капиталов». Организация общественной запашки с административной стороны была закончена в течение нескольких лет. Хозяйственная сторона дела подлежала постоянным изменениям и усовершенствованиям. Сопротивление крестьян общественной запашке

связано не только нежеланием передачи части земельного фонда, но и с трудностями в ее обслуживании. Как мы говорили выше, за селением закреплялась обязанность не только засеять поле и убрать урожай, но и работать на нем в течение всего полевого сезона, а также удобрять почву.

Введение общественной запашки привело и к сокращению средней величины надела в удельных имениях. Крестьяне не имели возможности в достаточной мере прокормить семью за счет земледелия и тем более получить какие-либо излишки для продажи сельскохозяйственной продукции. В этих условиях становилось неизбежным обращение крестьян к неземледельческим промыслам. В первой половине XIX в. все больше крестьян совмещали занятия сельским хозяйством и ремеслом или традиционными для местности видами работ. В силу рискованности земледелия такие формы мелкотоварного производства позволяли получить дополнительный источник доходов. Получившие свое распространение в начале XIX в. отхожие промыслы постепенно ограничивались Департаментом уделов и со второй четверти XIX в. получить паспорт для отхода было практически невозможно. Это позволяло ведомству сохранить контроль за удельными крестьянами и сократить количество «невозвращенцев» и беглых. В свою очередь, ведомство искало формы организации рабочих мест внутри удельных имений и покровительствовало развитию ремесла и торговли, но в границах мест проживания удельных крестьян.

В XIX в. сложилась устойчивая практика брать в кормилицы членов императорской семьи именно удельных крестьянок. Сложилась довольно сложная процедура отбора, но заслуги кормилицы достаточно высоко ценились при дворе, что выражалось в системе существенных преференций. Связь с кормилицей и молочными братьями и сестрами император поддерживал всю свою жизнь. Мы считаем, что простая русская женщина становилась олицетворением символической связи между народом и императором. Русским няням-кормилицам, к сожалению, уделено в истории не так много места, как они того заслуживают.

Религиозная политика Российской империи в первой половине XIX в. определялась устойчивым представлением в приоритетности распространения и поддержкой со стороны государства православия. Благонадежность подданных определялась, в том числе, и вероисповеданием. Русская православная церковь играла важную роль в политическом, экономическом, правовом и культурном укладе Российской империи. Взаимоотношения государства и церкви в XIX столетии основывались на том факте, что абсолютное большинство членов российского общества осознавало свою безусловную принадлежность к соборной православной церкви. Местное духовенство и сельские власти должны были смотреть за исполнением церковных предписаний. Удельные власти поощряли всяческую инициативу по распространению православия. Право миссионерской деятельности являлось исключительным только для РПЦ, для других конфессий вводился запрет прозелитизма. Департамент уделов в выстраивании религиозной политики опирался как на общегосударственное законодательство, так и принимал дополнительные внутренние нормативно-правовые акты. Стратегия формирования отношений с нехристианским населением у удельного ведомства выстраивалась в зависимости от степени их лояльности власти, как и в целом по всей Российской империи. Весь изучаемый нами период приверженцы неправославных конфессий осуществляли свою деятельность в рамках запретительного и ограничительного законодательства. Особую озабоченность властям доставляли удельные крестьяне, перешедшие из православия в другие религиозные течения. Несмотря на то что такая тенденция наблюдалась во всех социальных группах, наиболее суровые санкции были введены в отношении именно удельных крестьян. Ведь удельные имения должны были стать образцом не только хозяйственного управления, но и нравственного содержания. Правоспособность крестьянина-раскольника ставилась в прямую зависимость от его религиозной принадлежности. К середине XIX в. экономические приоритеты перевесили

идеологические и религиозная политика Департамента уделов в отношении вышедших из православия стала более сдержанной, хотя и специфичной.

В силу распространения среди удельных крестьян представителей неправославного культа, Департаменту уделов пришлось принимать дополнительные нормативно-правовые акты, которые бы упорядочивали религиозные отношения в удельных селениях. Они были нацелены на регулирование имущественных, семейно-брачных, гражданских отношений. Трактование общегосударственных узаконений удельным ведомством находилось в прямой зависимости от резолюций императора, что усложняло межведомственное взаимодействие.

Рекрутские наборы регулировались как общегосударственными регламентирующими нормативными актами, так и носящими внутриведомственный характер. При этом удельные крестьяне в порядке несения рекрутской повинности причислялись к государственным крестьянам, что подтверждало их двойственный правовой статус. С 1808 г. организация рекрутских наборов находилась в исключительном ведении удельных властей. К концу второй четверти XIX в. наборы с определённых участков были заменены в удельной деревне привязкой участка к территориально-административным единицам, что упрощало раскладку повинности. Поступая на службу солдат, вытянутый из привычной для него социальной среды, был вынужден формировать совершенно новые компетенции и формы взаимодействий. Во второй половине XIX в. все больше проявляет себя конскрипционная система комплектования армии. Она затронула и удельное ведомство. Круг лиц, которые имели право отсрочки постоянно расширялся. Освобождение от рекрутчины становилось своеобразным поощрением к исполняемой крестьянами службе или являлось стимулом к получению образования. Рекрутство позволяло Департаменту уделов оставлять в удельной деревне наиболее способных к профессиональной деятельности крестьян.

Рекрутские наборы проводились по общим узаконениям и были обременительны для крестьян. Назначение очередников, сборы воинов обростали на местах злоупотреблениями. Реальными мотивами к поступлению добровольно в службу в мирное время служили больше необходимость, а не желание и престижность военной службы. Изучая архивные документы первой четверти XIX в., мы столкнулись с тем, что даже добровольцы не всегда являлись таковыми по собственному желанию, они могли стать «добровольцами» вынужденно, в силу сложившихся обстоятельств. Рекрутские наборы проводились по общим узаконениям и были обременительны для крестьян. Военная служба не была предметом желания отдать гражданский долг стране и больше воспринималась как наказание, да и удельные власти использовали рекрутство как средство усиления санкций. В связи с этим возрастало количество крестьян, желавших ее избежать, законным или незаконным путем. Император использовал редкие случаи личного проявления гражданского долга в крестьянской среде, для трансляции и популяризации его во всех удельных имениях, как стимул для повышения мотивации к поступлению в рекрутство. В мирное время данные мероприятия не имели действия. Но крестьянская среда кардинально менялась, когда стране угрожала реальная военная угроза.

В целом, можно сделать вывод, что на выработку норм о правах и обязанностях удельных крестьян оказывало влияние и то, что они являлись неотчуждаемой общей собственностью всей императорской семьи, а не отдельных ее членов. В целом законодательство об удельных крестьянах отличалось двойственностью. С одной стороны, в нем подчеркивалась «забота» о благосостоянии крестьян и желание сделать удельные имения «образцовыми» в глазах сельского населения России, а с другой - наблюдалось стремление сохранить в абсолютной неприкосновенности все права «августейших» помещиков России над жизнью и имуществом своих подопечных.

Глава 4. Обеспечение членов императорской фамилии и политика попечения в первой половине XIX века

4.1. Обеспечение членов императорской фамилии

Обеспечение финансирования членов правящего дома происходило на основании специального расписания с точным указанием сумм. Причем законодатель предусмотрел содержание на долгие годы, вплоть до пятого колена¹. Одной из задач Департамента уделов было осуществлять выдачи денег членам императорской фамилии. Они происходили четко в обозначенное время. Если же содержание по каким-то причинам требовалось не в указанный срок, то следовало получить разрешение императора. Тогда оно выдавалось раньше в соответствии с предписанием.

Как мы уже говорили выше, для Павла I было важно навести порядок в финансовой системе и применить принципы экономии. Все изменения в расписание выдачи денежных выплат членам императорской фамилии вносились исключительно Высочайшими указами. Расписание включало в себя сначала статьи доходов Департамента уделов и статьи расходов, каждая из которых расписывалась. Сам документ имел стабильный формуляр и делопроизводственную форму, а вот наполнение документа постоянно менялось. Всю первую половину XIX в. статьи доходов и расходов добавлялись к уже имевшимся, превращая расписание в достаточно пространственный документ.

Уже на третий день царствования, 8 ноября 1796 г., Павел I подписал указ о выдаче из сумм Кабинета по 20000 рублей жене и детям². 17 ноября 1796 г. был принят указ «Об ежегодном отпуске денег Императорской фамилии». До особых распоряжений предписывалось, кроме вышеозначенной суммы, производить ежегодно из сумм государственного казначейства: Марии Федоровне, супруге императора – по 500000 руб. асс.; наследнику престола

¹ См. Таблицу 14.

² Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь императорского двора. М., 2013. С. 9. ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525

Александру – 200000 и его супруге Елизавете Алексеевне – 100000; Константину Павловичу – 100000 и его супруге Анне Федоровне – 70000 руб. асс.; Николаю Павловичу выплачивали по 100000 ежегодно. Великим княжнам полагалось по 60000 руб. асс. каждой¹.

К 5 апреля 1797 г. был подготовлен проработанный указ о принципиально новой схеме финансирования императорской фамилии, содержание которой, по мнению Павла I, со временем «могла бы быть Государству отяготительной»². «Учреждение об императорской фамилии» вводило целый ряд положений, устанавливавших источники, размеры и средства, для обеспечения содержания членов императорской семьи.

Законодатель предусмотрел две возможности получения содержания. Во-первых, это ежегодные денежные выдачи, конечная цифра которых отражалась в расписании об императорской фамилии. Во-вторых, законом предусматривалось право пользования удельными имениями членами императорской семьи «в натуре». Как мы говорили выше, выделение особого удела в изучаемый нами период было осуществлено лишь единожды. Хотя «Учреждением об императорской фамилии» прописывалось, начиная с 4 колена, содержание в основном за счет собственного удела. Сумма выплат напрямую зависела от степени родства императору, о чем неоднократно упоминалось в законе³.

Для определения источников содержания всех представителей дома Романовых Павел I поделил их на две основные категории. Согласно параграфу 73 «Учреждения об императорской фамилии», к первой были отнесены «кои по первородству к заступлению места Наследничьи назначаются». Это те, кто имел реальные шансы занять престол или, если это касалось женщин, быть венчанными на царство вместе с мужем. Согласно параграфу 75, к ним относились императрица, наследник престола и его

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1797. Т. XXIV. № 17560. СПб., 1830. С. 7

² ПСЗ. Собрание 1. 1796–1797. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 525–538.

³ Там же.

супруга и их старший сын с женой. Для них было сохранено государственное содержание из сумм казначейства.

Ко второй категории относились все те, кто не имел прав на престол «по отдалению их первородства, доколе поколение старших продолжаться не перестанет»¹. Для них было предусмотрено удельное содержание. Из архивных документов мы видим, что младшие члены императорской семьи постепенно переводились на финансирование из удельных сумм. Департамент на протяжении всего изучаемого нами периода, поддерживал удельный бюджет в профиците. Передача сразу всех членов императорской фамилии на содержание могло подорвать бюджет ведомства. С ростом доходов все больше высокородных родственников императора получали содержание из удельных сумм. В 1800 г. в расписание были включены четыре члена императорской фамилии, к 1820 г. содержание получали уже 10 человек, к 1840 г. – 16, к 1860-му – 23, к 1890 г. денежными средствами пользовались уже 45 младших членов царской семьи².

Первыми получили выплаты из удельных сумм в 1798 г. Константин Павлович³ – 500000 руб. и его жена Анна Федоровна – 60000 руб. асс.⁴ А в 1799 г. были выделены средства для содержания дворов их императорских высочеств великих княжон Марии Павловны и Екатерины Павловны в размере 275687 руб. 40 коп.⁵

«Учреждение...» разграничивало деньги на содержание и воспитание до совершеннолетия и содержание после наступления определенного возраста. Для наследника престола он наступал в 16 лет, для всех остальных – в 20 лет⁶. Средствами на воспитание, которые выплачивались до совершеннолетия,

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1796 – 1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 535

² История уделов за столетие их существования. 1797–1897. СПб., 1903. Т. 1. С. 683

³ За отличия в походе Павел 1 пожаловал 28.10.1799 ему титул Цесаревича, который по закону мог иметь исключительно наследник российского престола.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

⁶ Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь императорского двора. М., 2013. С. 12

управляли родители или назначаемые ими опекуны¹. И все же, начало выплат на содержание по совершеннолетию определяло лишь частичную дееспособность адресата средств, вплоть до 25 лет или женитьбы все финансовые решения ставились под контроль опекунов².

Содержание наследника было самым высоким, но производилось из государственных средств³. Самые большие суммы на содержание из удельного бюджета полагались сыновьям императора, они составляли 500000 руб. Особо уточнялось, что право на пансион имели исключительно законнорождённые дети.

Женщины, принадлежавшие императорскому дому, получали денежные средства только до замужества. При выдаче великих княжон замуж выплачивалась единовременная сумма (приданое), деньги выдавались из государственной казны. В законе отмечалось, что брак должен был быть «Государем позволен». Если же это условие не выполнялось, то приданое не выплачивалось. Дальнейшее содержание княжон целиком ложилось на супруга.

Денежные выплаты получали и вдовы членов императорской семьи, но на определенных условиях. Их содержание ставилось в зависимость от места проживания: если вдова покидала Россию, то содержание сокращалось, но не прекращалось: она имела право на треть от установленного ей содержания. Вдова члена императорской фамилии теряла содержание только при повторном браке⁴.

¹ См. Таблицу 14.

² Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь императорского двора. М., 2013. С. 9; ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 12.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 536

⁴ ПСЗ. Собрание 1. 1796–1798. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 535–538.

Таблица 14.

**Средства на содержание императорской фамилии в соответствии с
«Учреждением от императорской фамилии». 1797 г.**

Кто получал содержание	Содержание (руб. асс)	Дополнительно	Дополнение к статье
Из государственного бюджета			
Императрица	600000	+ содержание двора	Если становились вдовой, то полное содержание сохранялось при условии проживания в Российской империи
Дети императора	100000		На воспитание, выплачивалось до совершеннолетия.
Наследнику	300000	+ содержание двора	
Жене наследника	150000		Если станет вдовой 300000 + содержание двора
Дети наследника	50000		До совершеннолетия или до брака
Приданое			
Дочери и внучки	1.000000		
Правнучки и праправнучки	300000		
Далее праправнучек	100000		
Из удельных сумм			
Детям императора (кроме наследника)	50000		На воспитание, выплачивались до совершеннолетия
Женам сыновей императора (кроме наследника)	60000		Если становились вдовой, то полное содержание сохранялось при условии проживания

			в Российской империи; 1/3 – если покидала страну; если выходила повторно замуж содержание прекращалось
Внукам и внучкам императора	50000		До совершеннолетия или до брака Императором позволительного
Внукам императора	500000		С совершеннолетия
Женам внуков	60000		Если становились вдовой, то полное содержание сохранялось при условии проживания в Российской империи
Внучкам	150000		С совершеннолетия до замужества
Правнукам и правнучкам	30000		До совершеннолетия
Правнукам	150000	Удел с деревнями на 300000 дохода	С совершеннолетия
Жены правнуков	30000		Если становились вдовой, то полное содержание сохранялось при условии проживания в Российской империи;
Дочерям императора	150000		После совершеннолетия и до брака
Праправнуки	-		До совершеннолетия содержались за счет удела, который получил их отец

Правнучки	50000		С совершеннолетия до замужества
Праправнуки	100000		С совершеннолетия
Жены праправнуков	15000		Если становились вдовой, то полное содержание сохранялось при условии проживания в Российской империи;
Дети праправнуков			До совершеннолетия содержались за счет удела, который получил их отец
Праправнучки	20000		С совершеннолетия до замужества
Далее праправнуков именуются Князья крови Императорской	50000		С совершеннолетия
Жены князей крови императорской	10000		Со дня замужества
Княжны крови императорской	10000		С совершеннолетия до замужества

Таблица составлена по: ПСЗ. Собрание 1. 1796–1797. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 536–538.

Согласно «Учреждению...», все денежные средства должны были выдаваться в строгом соответствии с расписанием расходов удельных средств, не превышая установленного лимита. Но император Павел I, инициатор этих правил, первым же нарушил порядок выдачи денежных сумм, о чем мы писали выше. После воцарения Александра I дополнительные расходы младших членов императорской фамилии производились без соблюдения каких-либо

правил и ограничений и из года в год все больше и больше превышали установленные законом нормы¹.

Все расходы на императорскую семью можно подразделить на ежегодные и единовременные выдачи и на расходы, произведенные непосредственно уделами на общие «для императорской фамилии надобности». К ним относились: строительство и содержание дворцов, находившихся в ведении уделов, содержание Петергофской гранильной фабрики, лейб-гвардейского стрелкового императорской фамилии батальона, расходы на императорскую охоту и др.² Суммы выделялись не только на содержание дворцов, непосредственно поставленных на баланс Департамента уделов, но и дворцов, являвшихся собственностью членов императорской фамилии³. Для того, чтобы дворец содержался из удельного бюджета, требовалось принятие специального указа; другого порядка определения дворцов на содержание того или иного бюджета не было. Более того, дворец мог в разные годы содержаться из разных бюджетов, на усмотрение императора.

Таблица 15.

Расходы из удельных сумм на дворцы

Название дворца	Годы его содержания из удельных сумм	Общая сумма затрат за время содержания из удельных сумм, руб. серебром (приблизительно)
Аничковский	1816–1881	6723229
Ливадия	1860–1896	4200000
Мраморный (Константиновский)	1831–1896	3780000
Михайловский	1819–1890	3170000
Великого князя Михаила Николаевича	1857–1896	3570000

¹ См. РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 13. Л. 18; Там же. Д. 15. Л. 18. Д. 18. Л. 11.; Там же. Д. 21. Л. 11.; Д. 22. Л. 3–3 об.; Д. 29–32. Л. 25.

² Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию в столетний период с 1797–1897 гг. СПб., 1898. С. 13.

³ См. Приложение D.

Стрельненский	1832–1896	3045000
Каменоостровский	1826–1894	1990000
Мариинский	1839–1883	1500000
Ропшинский	1858–1896	1080000
Александрия	1826–1882	610000
Царскосельская дача	1845–1881	170000
Ораниенбаумский	1837	40000

Дворцы удельные

Красносельский	1824–1896	4610000
Тверской	1816–1896	1670000
Царскославянский	1848–1896	1045000
Беловежский	1889–1896	860000
Киевский	1872–1896	835000
Ревельский	1827–1896	720000

Таблица составлена по: РГИА Ф. 515. Оп.1 Д. 1–74. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию в столетний период с 1797–1897 гг. СПб., 1898. С. 16об.

Регулярность представления и устойчивость формуляра расписания с 1808 г. позволяет проследить динамику ежегодных расходов денежных средств членов императорской фамилии, которые, как мы видим на диаграмме, постоянно увеличивались.

Диаграмма 1.

Динамика расходов на содержание членов императорской фамилии с 1810-1840-егг.

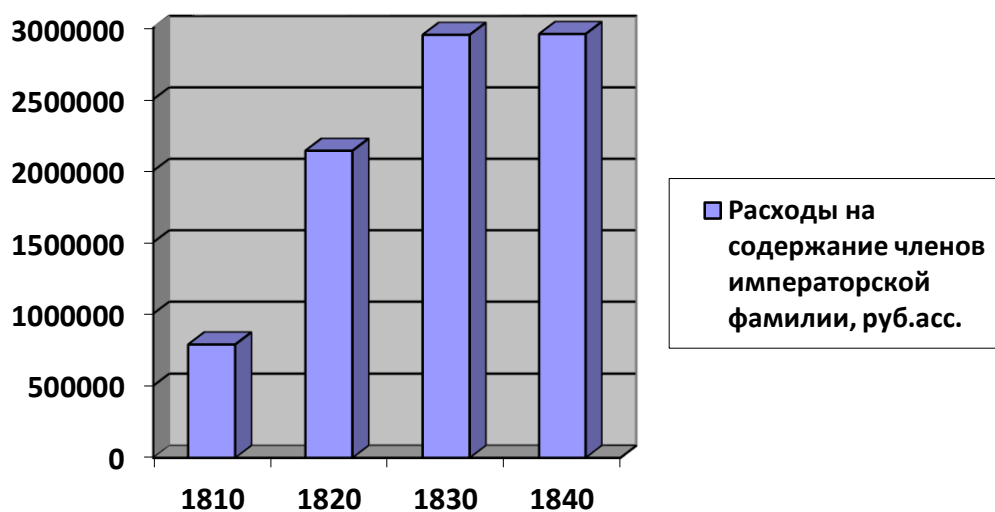

Диаграмма составлена по РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 22. Л. 32–37.; Д. 33. Л. 4–7; Д.37. Л. 156-157об.; Д. 48. Л. 13–70.

Первое крупное увеличение этой суммы было в 1818 г., в год совершеннолетия Николая Павловича, второе в 1820 г. было связано с совершеннолетием Михаила Павловича¹. По закону «Учреждения об императорской фамилии» им полагалось по 500000 руб. на содержание двора. Интересно, что при совершеннолетию Николая Павловича из удельных сумм было выделено 650000². Такая же сумма на содержание собственного двора ранее определялась Константину Павловичу – официальному наследнику престола³. Можно только предположить, что уже тогда Александр I не исключал возможности того, что трон займет Николай Павлович.

Когда великий князь достигал возраста совершеннолетия, ему из удельных сумм полагалось построить дворец и полностью его обустроить. Сумма была настолько огромной для недавно образованного ведомства, что при постройке и отделке дворца великого князя Михаила Павловича текущих средств не хватило, поэтому министр уделов просил у императора разрешения взять средства из капитала уделов, находящегося под проценты в банке, а позже, при получении дохода, он обязался внести эту сумму в размере 300000 руб. обратно на счет уделов⁴. В связи со строительством дворцов и их переделкой с 1818 г. в штат был включен архитектор К.И. Росси и его помощники. Расходы для оплаты их работ были также включены в расписание расходов удельных средств⁵.

В сумму удельных расходов входило и обеспечение новорожденных членов императорской семьи. Например, 5 сентября 1819 г. было назначено содержание новорожденной Марии Николаевне 50000 руб. в год. Также было выделено 14872 руб. 75 коп. на детское белье и единовременная выплата родителям Николаю Павловичу и Александре Федоровне «за благополучное

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.

³ Там же. Л. 34.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 31. Л. 58.

⁵ См. Приложение Е.

разрешение от бремени» по 60000 руб. каждому¹, что являлось суммами «сверх расписания». Отдельно оплачивались расходы в связи со свадьбой, поездками членов императорской семьи, похоронами и т. п.

Удельный бюджет использовался императором и для кредитования частных лиц, как связанных родством с императорской семьей, так и нет. Например, в 1808 г. Марии Федоровне была выделена сумма в размере 1000000 руб. сроком на 14 лет под 5 % годовых. Важно отметить, что еще император Павел I предполагал использовать Департамент уделов в качестве кредитного учреждения². Уже в 1799 г. был выдан первый кредит Кабинету, на очень выгодных условиях³. А в 1828 г. «в облегчение денежных оборотов Кабинета» выдали из удельных сумм еще 1000000 руб. асс. «на правилах двадцати четырех летних банковских займов, но без удержания премии при выдаче денег»⁴. Также, в разное время Департамент «выручал» и другие государственные учреждения, например, дирекцию императорских театров: в 1835 г. туда было перечислено 240000 руб. с возвратом из Кабинета⁵.

Если мы посмотрим динамику ежегодных приходных сумм и расходов удельного бюджета, то увидим, что часть средств находилась в остатке, из которого образовывался так называемый удельный капитал.

Департамент уделов использовал этот свободные средства для капитализации общего удельного бюджета. В течение двух лет (1798–1799 гг.) в Государственный вспомогательный банк под проценты было размещено 2 млн руб.⁶ В 1800 г. проценты с этой суммы составили 100000 руб. асс. Позже свободные средства размещались в Государственном заемном банке, в Эстляндском дворянском банке и др.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д.29. Л. 35–38.

² Красникова, Ю.Н. Экономическая деятельность Департамента уделов по содержанию членов императорской фамилии (первая четверть XIX века) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб., 2012. № 26. С. 456–466.

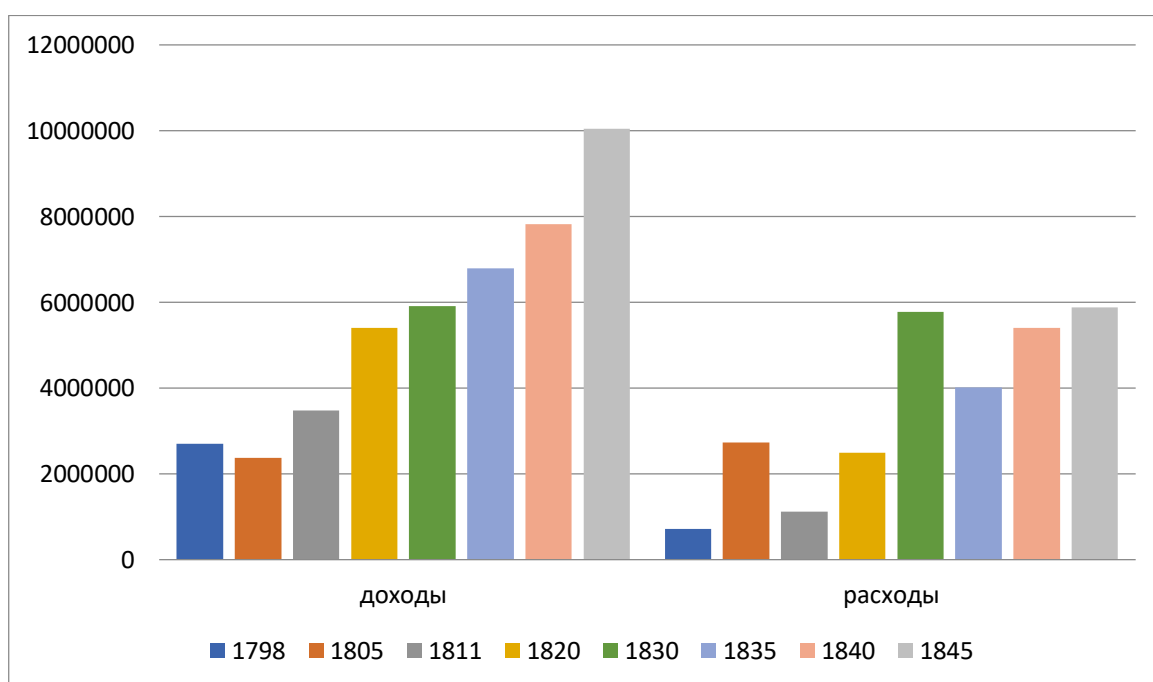
³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

⁴ РГИА. Оп. 1. Д. 36. Л. 173

⁵ РГИА. Оп. 1. Д. 44. Л. 92

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

**Динамика доходов и расходов удельных сумм
в первой половине XIX века.**

Составлено по РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 18; Д. 11. Л. 131; Д. 20. Л. 52; Д. 26. Л. 41–48; Д. 33. Л. 4–8; Д. 39. Л. 10–11; Д. 44. Л. 123–124; Д. 48. Л. 131; Д. 52. Л. 132.

В 1826 г. удельный капитал составлял около 15 млн рублей и состоял почти исключительно в билетах Комиссии погашения долгов, с капитализацией в 6 % годовых¹. А именно, в 1826 г. за Государственной комиссией погашения долгов числилось 10890000 руб. асс., за Государственным Казначейством 419161 руб. 29 коп.; за Государственным Заемным банком 9499 руб. 77 коп., остальные средства были размещены в Опекунских советах, выданы под процент частным лицам и крестьянам². Интересно, что капиталы, отдаваемые под проценты, в первой четверти XIX в. занимали второе место по доходности после сборов с крестьян. Но со второй четверти XIX в. второе место по прибыльности прочно займут оброчные статьи, о чем будет сказано ниже³.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 26–70.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 46–52

³ См. Приложение F.

Николай I достаточно вольно распоряжался средствами удельного бюджета. «Снисходя на прошения» некоторых дворян, он покупал имения, которые были уделам не выгодны¹, покрывал карточные долги своих друзей, в частности Бенкендорфа и его брата², тратил на личные нужды различных особ и «на известное употребление». Например, из удельных сумм было выделено «без возврата» 10000 руб. асс. члену Департамента действительному статскому советнику Толстому для погашения расходов на свадьбу³.

Дополнительные траты были настолько крупными, что в период с 1826 г. до начала 30-х гг. XIX в. удельный капитал сократился с 15 млн. руб. асс. до 9 млн. руб.; т. к. наличных денег не хватало, приходилось обналичивать облигации. Министр императорского двора констатировал, что «столь быстрое уменьшение денежных сумм представляло опасение, что оные в скором времени совершенно уничтожатся»⁴. При таких расходах, по подсчетам чиновника, к 1840 г. из сумм удельного капитала осталось бы 3819829 руб.⁵ В 30-х гг. XIX в. ведомство предприняло серию преобразований, которые способствовали пополнению бюджета: это введение поземельного сбора, изменение правил хозяйственного распоряжения лесами и оброчными статьями, т. е. введение общественной запашки. В 1839 г. министр рапортовал о значительном приращении удельного капитала, который составил 28800000 руб. асс.⁶

Итак, «Учреждение об императорской фамилии» решило не только вопрос престолонаследия, но и проблему обеспечения младших членов императорской семьи на столетие вперед. Деньги на их содержание ставились в строгие рамки и зависели от целого ряда критериев. Законом была заложена дифференциация по полу, степени родства, возможностям занятия престола,

¹ РГИА. Оп. 1. Д. 36. Л. 177; Д. 37. Л. 23

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 140.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 42. Л. 114.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 26–70.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 22–70.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 26–70.

социальному статусу, возрасту, оседлости и др. Отслеживать все эти юридические нюансы должен были министр Департамента уделов.

Первоначально было важно добиться финансовой устойчивости ведомства, поддерживая профицит удельного бюджета. Для этого Департаменту были переданы разнообразные капиталы и разработаны финансовые инструменты. Несмотря на то, что законодатель определил объем финансирования членов императорской фамилии, четко прописав размер содержания для каждого, динамика расходов «сверх расписания» увеличивалась от царствования к царствованию. Николай Павлович практически бесконтрольно пользовался удельной казной в личных целях. На практике оказалось, что средств требовалось гораздо больше, чем планировалось первоначально. Департамент уделов был вынужден постоянно искать возможности пополнения бюджета.

4.2. Промышленные предприятия Департамента уделов и оброчные статьи

Со второй половины XVIII–начала XIX в. во всех развитых странах начался промышленный переворот. Модернизационные изменения приводили к приданию сферам общественной жизни более современный характер. При этом модернизация как процесс носила противоречивый характер. В разных странах, в разных социальных сферах он протекал далеко не с одинаковой интенсивностью. В странах Западной Европы этот процесс происходил более динамично, чем в Российской империи¹.

Хронология периода промышленного переворота до сих пор является дискуссионной темой. Авторы применяют разные методы исследования, находят новые критерии и признаки, тем самым ставя вопрос о более раннем начале перехода общества к индустриальному этапу, о чем мы говорили в

¹ Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «фабричная лихорадка» первой половины XIX века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2016. № 4. С. 5–38.

первой главе. Развитие промышленного производства стало двигателем общественных изменений. Несмотря на тормозящее влияние патриархальных традиций, первые десятилетия XIX в. для России оказались временем ускоренного развития промышленности, появления важных технических новшеств, опережающего роста торгово-промышленных селений, городов.

Исходя из всего выше сказанного, особый интерес вызывает изучение тех промышленных проектов, которые были инициированы и реализованы Департаментом уделов и императором. Особо подчеркнем, что перед промышленной политикой (как и перед аграрной) ставилась задача не только получения прямой прибыли, но и создание образцовых и эффективных современных предприятий.

Полотняная фабрика

Первым промышленным заведением в удельном ведомстве стала полотняная фабрика в Санкт-Петербурге. В июле 1797 г. назначенный министром уделов князь А.Б. Куракин предложил присутствию Департамента уделов организовать небольшую полотняную фабрику, похожую на ту, которая была организована Кабинетом и с трудом функционировала. Но император решил передать в управление Департамента уделов именно это нерентабельное производство, рассчитывая, видимо, поправить его положение, что и было сделано 18 сентября 1797 г.¹

Ведомство преследовало несколько целей; во-первых, это повышение доходности удельного бюджета через развитие собственного промышленного производства. Вторая цель была прописана в самом документе: «чтобы изучать на ней приготовление льна, прядение, ткать самые тонкие полотна и конифасы и белить оные»². Следовало перенять опыт голландских мастеров, которые достигли в этом существенных успехов. Фабрика становилась полигоном профессиональной подготовки работников для удельного

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

ведомства. В штате фабрики числились как специалисты из Голландии, как рабочие, так и ученики, которые должны были перенимать опыт производства прямо на предприятии. В-третьих, планировалось создать образцовую русскую фабрику, которая смогла бы производить товар, способный вытеснить спрос на заграничные полотна. При этом ставилась довольно высокая планка качества производства. Часть изделий должна была поступать к Высочайшему двору и своим примером доказать выгоду производства тонких льняных полотен в России. В-четвертых, далеко идущей целью были надежды на возможность вытеснения тонких голландских полотен русскими и на значительные выгоды от продажи высоких сортов. И наконец, организация производства должна была поддержать крестьян-производителей¹. Льноводство было распространено среди удельных крестьян во многих губерниях. По подсчетам чиновников, имелось достаточное количество сырья хорошего качества. В целом удельной администрацией закладывалась широкая стратегия развития отрасли, причем удельному производству следовало стать флагманом такой стратегии.

По своей форме полотняная фабрика не отличалась от мануфактур изучаемого периода времени. При передаче фабрики Департамент уделов начал вводить изменения по переустройству и расширению производства, но они носили экстенсивный характер. Для помещения фабрики куплен был участок земли с домом на Петербургской стороне, недалеко от зданий, принадлежащих 2-му кадетскому корпусу. В 1800 г. по предложению императора увеличили количество ткацких станков. К уже имевшимся на фабрике 60 станкам прибавили еще 120². На расширение производства и помещений фабрики, содержание зданий и мастерских, инструменты потребовалось 1280460 руб. Затраты были покрыты из удельных сумм и из

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

средств императорской семьи, хранившихся в Государственном вспомогательном банке¹.

К фабрике приписывались крестьяне и крестьянки из Ярославской, Костромской, Архангельской губерний, но большинство крестьян поступило из Псковского удельного имения. В названных регионах сельские жители с детства были знакомы с особенностями льняного прядения, так как этот промысел здесь был основным. Всё это облегчало профессиональную подготовку работников. Вместе с тем старались набирать безземельных крестьян, занимавшихся отходничеством, тем самым решая вопрос их занятости в будущем.

При организации фабрики в штат были включены 20 ткачей старше 20 лет и их помощники - 40 мальчиков старше 14 лет. Дополнительно набрали 30 мальчиков старше 10 лет для размывания цевок, т. е. специальных катушек, надеваемых на веретено для размывания пряжи при тканье. Основной контингент штата полотняной фабрики формировался из 180 девочек-учениц возрастом от 10 лет, которых взяли непосредственно для прядения. Среди учеников на фабрике были и сироты, которых оставляли для работы на ней. В 1805 г. для обучения на полотняную фабрику были дополнительно направлены 28 ткачей и 21 пряха. Все расходы по перемещению удельных крестьян и их содержанию в размере 27760 руб. 60 коп. взял на себя Департамент уделов².

Для обучения новым способам прядения льна были заключены контракты с мастерами из Голландии, которые считались лучшими специалистами в прядении³. Один из них, купец Лилаард, был назначен надзирателем за всем производством на фабрике. Ему полагались казенная квартира и жалование в размере 1500 руб. асс.⁴ Кроме того, на фабрику были наняты три голландских мастера, за которыми закреплялись помощники

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 16. Л. 117.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 38, 42–43.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.

(подмастерья) и ученики из удельных крестьян. Они должны были обучаться у мастеров секретам ткачества и беления полотен. Заготовлять пряжу для полотна должны поручили ученицам, крестьянским девушкам, которых обучали две голландские мастерицы. Для присмотра за девочками в штат были включены смотрительницы. В хозяйственном блоке числились повар и эконом. В то же время 18 человек выполняли функции администрации фабрики, имелось 15 сотрудников технического персонала. Всего числилось 317 человек¹. Содержание фабрики производилось из бюджета Департамента уделов, что нашло отражение в годовом отчете ведомства ².

Таблица 16

Штат Полотняной удельной фабрики в Санкт-Петербурге.

Звание людей	Число людей	Им жалования в год (в ассигн)		Примечание
		одному	всем	
Смотритель над фабрикой	1	-	800	
Комиссар	1	-	500	
Помощник комиссара	1	-	300	
Копиистов для письменных дел	2	150	300	
Белильный мастер	1	-	850	Выписанные из Голландии на 6 лет и служат по контракту
Первый мастер ткач	1	-	850	
Второй мастер ткач	1	-	500	
Старший подмастерье	1	-	300	
Младших подмастерьев	6	250	1500	
Белильный подмастерье	1	-	300	Подмастерья следует выписать из Голландии
Две девки голландки, для обучения прясть, из них первой	1	-	325	Выписанные из Голландии на 6 лет и служат по контракту
второй	1	-	210	
ИТОГО	18		6735	
Для обучения ткачей не моложе 20 лет	20	77,10	1542	
Мальчиков не моложе 14 лет для тканья	40	77,10	3084	

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–43.

² См. приложение Е.

Мальчиков для разматывания цевок, не моложе 10 лет	30	77,10	2313	
Девочек не моложе 10 лет для прядения	180	82,50	14850	
Для смотрения оных учеников и учениц, для приготовления им пищи и для мытья белья				
Две женщины надзирательницы над девочками	2	150	300	
Эконом	1		300	
Повар	1		100	
Ему помощники	4	60	240	
Прачек и работниц	6	60	360	
Итого учеников и для присмотра и услуг их	284		23089	
Для фабрики и белильни				
Женщина для смотрения за коровами и делания масла	1	-	120	
Ей в помощь работницы	2	60	120	
Для топления печей, для рубки леса, для кошения сена и прочих работ и для караула фабрики и белильной работников	12	72	864	
Для содержания двух лошадей с упряжкой			300	
Содержание кормов десяти коров и одного быка			300	
На содержание госпиталя, лекаря, токаря, нужного для починки самопрядок, на дрова, свечи и на прочие издержки			3472	
ИТОГО	15		5176	
А всего годового расхода при фабрике белильной и училища	317		35000	

Таблица взята из: РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д.2. Л. 38–51.

В 1800 г. Департамент уделов предложил помещикам вариант приема на фабрику крепостных крестьян и крестьянок. Предполагалось взять для обучения не более 50 человек: по половине от каждого пола. Устанавливался срок обучения – не менее 4 лет. Первые два года помещики должны были вносить ежегодно по 54 руб. асс. за каждого ученика. В эту сумму входило

проживание и питание, обучение осуществлялось бесплатно. Следующие два года содержание крепостных учеников должно было идти за счет выручки от продажи сделанных изделий. Помещик при отправлении ученика или ученицы обязан был выделить им одежду, белье и обувь. Со всеми помещиками, которые решили бы поместить своих крепостных на фабрику, заключались письменные договора, которые утверждались Департаментом уделов¹. Но предложение не особо заинтересовало дворян, в 1807 г. на фабрике числилось всего 9 человек помещичьих крестьян².

На полотняной фабрике основной контингент работников составили удельные крестьяне. Ученики, кроме занятия ткачеством, обучались чтению, письму, арифметике и географии, для чего был нанят учитель, занимавшийся с ними два раза в неделю по вечерам. Девочки-ученицы по очереди назначались на неделю в дежурство при кухне и спальнях, стирали все белье и раз в неделю мыли все жилые помещения. Надзирали за учениками и ученицами мастера, подмастерья и мастерицы. Кроме учеников, на фабрике имелись еще работники и работницы, для чего было переселено на фабрику 13 мужчин и 9 женщин из бедных удельных крестьян ближайших к Петербургу селений. Рабочие эти жили на полном содержании Департамента уделов и выполняли всю неквалифицированную работу. В первый же год при фабрике была открыта церковь и назначен особый священник с причетником, получавшие содержание из удельных сумм³. За священниками закреплялась обязанность ежедневно заниматься с учениками законом Божиим.

Предполагалось, что со временем фабрика перейдет на самофинансирование и будет приносить прямую выгоду ведомству. В 1800 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление о продаже полотен, изготовленных на полотняной фабрике⁴. Готовые изделия продавались и на аукционном торгу, т. е. товар продавался тому, кто мог

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1800. 30 марта.

² История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 507.

³ История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 507–508.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1800. 18 сентября.

предложить более высокую цену. В 1802 г. смотрителю фабрики Якимовскому было отдано распоряжение о поиске места для аукциона недалеко от Гостиного Двора¹. Это позволяло работать с оптовыми поставщиками, для которых ценообразование было довольно гибким. Если покупатель брал изделий на сумму, превышающую 1000 руб., ему уступали 5%, если же сумма покупки была больше 1500 руб., то скидка составляла 10%². Часть продукции, например, скатерти и салфетки, покупались и использовались при императорском дворе³, что придавало им большую ценность в глазах потенциальных покупателей.

Со временем выяснилось, что себестоимость продукции, произведенной на оборудованной по европейскому образцу фабрике, чересчур высока и не соответствует возможностям российского населения. Продажа полотен удельного предприятия шла плохо, и периодически в лавке накапливался избыток непроданного товара, который приходилось переоценивать и продавать по более низкой цене, иногда даже прямо в убыток. Товар, накопившийся в лавке к 1802 г., оцененный в 10700 руб. асс., разрешено было переоценить и продать по сниженной цене, то же повторилось в 1806 г.⁴

Низкий спрос на товары удельной полотняной фабрики был связан с давлением как внутренней, так и внешней конкуренции. Мануфактура еще могла соседствовать с низкоквалифицированным трудом, а вот фабричное производство требовало труда квалифицированного работника. Чтобы выдержать конкуренцию, требовалась системная перестройка подхода к производству, в частности, к рекрутингу рабочих полотняной фабрики.

Вместе с тем надежды на то, что занятые на предприятии удельные крестьяне проявят энтузиазм в овладении профессиональными навыками, в большинстве случаев не оправдались. В итоге не удалось сэкономить на увольнении высокооплачиваемых европейских специалистов. Когда в 1806 г.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1802. 8 июля.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁴ История уделов...Т. 1. СПб., 1902. С. 506–507.

окончились сроки контрактов с голландскими мастерами, (их предстояло уволить и заменить прошедшими полный курс обучения удельными крестьянами), оказалось, что среди последних способных для этого нет. Департаменту уделов пришлось продлевать контракт с высокооплачиваемыми голландцами. Не удивительно, что фабрика не приносила достаточной прибыли, на которую рассчитывали удельные чиновники. Эти обстоятельства и привели к сомнениям в целесообразности дальнейшего существования полотняной фабрики в Петербурге; в 1807 г. она была закрыта.

Строения фабрики в Петербурге в 1807 г. были переданы в ведение Министерства военных сухопутных сил для нужд 2 кадетского корпуса, который территориально примыкал к помещениям фабрики. Все мастерские с фабрики в Петербурге были уволены; сохранилось ходатайство министра о двух мастерах и одной мастерице из Голландии, «коих служба обращает особое внимание». Мастеру ткацкого дела Фридриху Босе и мастеру камчатного дела Петру Бейеру был определен пенсион для содержания себя и своих семей в размере 1000 руб. в год каждому. Алиде Босе, которая обучала чесать и прядь лен, было выплачено единовременно при увольнении 500 руб. из бюджета Департамента уделов. Кроме того, пенсия была назначена надзирательнице удельной полотняной фабрики, вдове, титулярной советнице Марье Алексеевой в размере ее жалования, т. е. по 150 руб. в год¹.

Из остальных уволенных 22 человека возвратились в свои губернии – Архангельскую, Владимирскую и Костромскую. Им было предложено сотрудничать с Департаментом уделов в дальнейшем, для чего они обеспечивались по желанию необходимыми орудиями труда. При этом возвращенные в свои семьи ткачи были освобождены от обязанности заниматься дома исключительно ткачеством.

Остальных же ткачей, уроженцев Псковской губернии, безземельных крестьян, сирот было предложено перевести в Псковскую губернию на

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–19 об., 22.

новообразованную фабрику в селе Велья, которая была открыта на основании высочайше утвержденного доклада министра Д.А. Гурьева 7 марта 1808 г.¹

Организация производства в Псковской губернии стало реорганизацией полотняной фабрики, – Департамент уделов искал новые, более рентабельные формы.

Между тем руководство Департамента уделов не оставило идеи перестроить полотняное производство по современным образцам. Оборудование указанной выше петербургской мануфактуры перенесли в село Велья Псковской губернии и там открыли новую фабрику. Удельное имение в этом регионе накопило долги по уплате налогов и сборов, а т. к. оно находилось в зоне рискованного земледелия, то шансов покрыть их от земледелия было немного. Департамент уделов искал способы в долгосрочной перспективе повысить доходность имения. Кроме того, в Псковской губернии основным занятием крестьян было льноводство, это позволяло закупать у них лен и, соответственно, обеспечить им рынок сбыта сырья. Модель наставничества была привнесена и на фабрику в селе Велья, планировалось параллельно с производством обучать крестьянок искусству прядения, чтобы «тем дать лишний заработок и возможность сбывать лен уже в обработанном виде»².

Для осуществления этих целей в приспособленный под фабрику дом были перевезены все оставшиеся после упразднения Петербургской фабрики прядильные станы и другие инструменты, туда же были переселены и ткачи³. В первый год их содержание производилось из средств Департамента уделов, а затем фабрика должна была перейти на самофинансирование, получая средства с продаж⁴. Прях первоначально предполагалось расселить по деревням для обучения крестьянок. Планировалось для 20 прях, которые проживали недалеко от Псковской губернии и в свое время прошли обучение

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–16.

² История уделов... Т. 1. СПб., 1902. С. 508–509.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–16.

⁴ История уделов... Т.1. СПб., 1902. С. 510.

на петербургской полотняной фабрике, арендовать дома в разных деревнях сроком на год или полгода, и передать им на обучение по 30 учениц, в основном молодых крестьянок удельного ведомства. В период обучения, который должен был длиться не более 6 месяцев, Департамент выделял денежные средства на их содержание. В последующее же время они обязаны были содержать себя сами¹.

Новое производство организовывали уже обученные пряжи. Так, удельная крестьянка, научившаяся хорошо прясть, отпускалась домой с определенным количеством льна для прядения. Норма выделки должна была равняться такому же количеству пряжи, как на фабрике, оплата труда была сдельная и осуществлялась с фунта пряжи. Фабрика принимала пряжу по таким же условиям от удельных крестьян из других губерний, где не было собственного производства². Изготовленную пряжу передавали в мастерские ткачам с. Велья, и только излишек разрешалось выставлять на свободную продажу в Москве, Санкт-Петербурге или других городах.

Прях с ученицами разместили там же, в с. Велья. Такое решение привело к увеличению расходов по фабрике, т. к. пряжи и крестьянки до отправки обратно в деревни находились на полном содержании удельного ведомства. К тому же оторванные от своих деревень работницы проявляли недовольство. Работа на фабрике нередко представлялась им тяжелой повинностью, а обучение новому делу оценивалось как обуза; они неплохо чувствовали себя и в деревнях. Протестовали и общины, на которые возлагались расходы по отправке девушек в Велья; крестьянки на какое-то время исключались из рабочей силы, а в периоды активных полевых работ это было значимым фактором.

Производство в селе Велья сочетало в себе централизованную и рассеянную формы мануфактуры. Такие формы были достаточно распространены в полотняном производстве в Российской империи конца

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–16.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

XVIII – начала XIX вв. Производители часто использовали труд крестьян-кустарей как производственный резерв. Они обучали крестьян простейшим навыкам, давали им новые станы, скупая при этом произведенную продукцию за бесценок. В итоге, по мнению М.О. Землянского, сокращалась мотивация крестьян к труду и снижались темпы производства в отрасли¹. Впрочем, несмотря на недовольство со стороны крестьянства Департамент уделов в дальнейшем планировал масштабировать развитие ткачества и в удельных имениях других губерний по такому же образцу, особенно там, где прокормить себя земледелием крестьянам было сложно.

Управляющим новым производством в Псковской губернии был назначен ткацкий мастер бывшей полотняной фабрики в Петербурге иностранец Грабе. Ему было определено жалование в размере 2000 руб., а в обязанности входил и контроль за деятельностью пряж и управление полотняной фабрикой. В помощь ему были даны надзиратель, конторщик и 4 сторожа. В общей сложности на реорганизацию полотняной фабрики и перенос ее в Псковскую губернию было затрачено 47775 руб. асс.²

К сожалению, фабрика не располагала нужной инфраструктурой. Главной трудностью при преобразовании фабрики стала дороговизна создания белильни и мыларни в Псковской губернии, поэтому часть пряжи приходилось держать в суровье, т. е. не выделанной. В 1808 г. Грабе предложил использовать старые хозяйственные здания, которые остались в Петербурге на месте бывшей Полотняной фабрики, «что на Петровском острове, на берегу малой Невы или по удобству в Екатерингофе»³. Туда были приняты вольнонаемные рабочие с зарплатой: двум белильным подмастерьям по 200 руб.; 1 токарю или слесарю – 200 руб.; 10 рабочим по 120 руб.⁴

¹ Землянский М.О. История льняной промышленности России: автореф. дисс. ... канд. эк. наук. Москва. 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriya-lnyanoi-promyshlennosti-rossii?ysclid=18130wm4j6999980736> (дата обращения: 22.03.2022). Режим доступа: свободный

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–16.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 10–15.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 30.

В XVIII – начале XIX в. даже централизованные мануфактуры редко концентрировались в одном месте. Во-первых, сложно было найти место для нахождения всех хозяйственных и производственных помещений в одном месте, особенно в условиях города. Во-вторых, для обработки суровья требовалось водяное колесо, т. е. производство должно было располагаться рядом с рекой. Сложность устройства промышленной инфраструктуры для производства полотен приводила к росту издержек и, в свою очередь, к росту цены, что сказывалось на конкурентоспособности произведенной продукции.

Обученным и отпущенным по домам крестьянкам следовало являться на фабрику лично для сдачи приготовленной пряжи и приема нового льна. При этом многие селения находились на расстоянии от 100 до 200 км, поэтому потеря времени и расходы на такие поездки вызывали недовольство¹.

Грабе был полным хозяином на фабрике, он производил закупку льна, раздавал его пряхам, работавшим на фабрике, а потом и обученным пряхами крестьянским девушкам, вернувшимся с фабрики по окончании ученья обратно в деревни; принимал от прях готовую пряжу, производил с ними расчет, снабжал пряжею ткачей, работавших на фабрике, и принимал от них изготовленное полотно. Между тем управляющий не стеснялся обсчитывать крестьян. И хотя формально Грабе был подчинен Псковской удельной конторе, на деле удельные власти не вмешивались, да и не интересовались управлением фабрикой.

Псковская фабрика стала жупелом в глазах сельчан. В 1815 г. они отказались работать на ней и потребовали уволить управляющего. Посылка инвалидной команды не усмирила крестьян, и в 1816 г. в Опочецкий уезд было направлено дополнительно два батальона Псковского пехотного полка. Последовали массовые порки розгами и битье шпицрутенами. Но и эти жестокие расправы не поколебали решимости крестьян не выходить больше на работу. Министр уделов вынужден был назначить комиссию для

¹ История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 511–512.

«обстоятельного исследования столь упорного неповиновения» опочечских удельных крестьян¹. В начале 1817 г. комиссия представила Александру I доклад, из которого следовало, что «фабрика, основанная на подневольном труде, принесла удельной казне 201317 руб. убытков»². В общем-то это был приговор еще одной поверхностной «модернизационной» реформе, отторгнутой удельными крестьянами.

Император принял решение фабрику закрыть, а крестьян передать в ведение Александровской мануфактуры, принадлежавшей Марии Федоровне. При этом Александровская мануфактура, основанная в 1798 г., была первой в России механической бумагопрядильной фабрикой. «В 1804 г. Мария Федоровна выделила средства на новую паровую машину, а в 1806 г. были приглашены специалисты из Англии с целью развития мощностей фабрики»³. Но и эта фабрика, как и предыдущие две рассмотренные нами, была закрыта, правда, только в 1860 г., «когда правительство убедилось, что казённые фабрики, существующие не на коммерческом праве, приносят казне безусловный убыток»⁴.

Таким образом, организация полотняного производства в удельных имениях не достигла заявленных результатов. Все проекты Департамента уделов в этой отрасли были закрыты из-за низкой рентабельности производства. Высококонкурентная отрасль требовала принципиально нового подхода к производству, его интенсификации. Рыночное регулирование закладывало высокие требования к качеству продукции и к ценообразованию. Коммерческая убыточность промышленных предприятий, хоть и нацеленных на решение определенных социальных вопросов, оттягивала на себя часть

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 27. Л. 23–26 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 27. Л. 23–26 об.; Там же. Оп. 12. Д. 14. Л. 1–69.; Оп. 56. Д. 404. Л. 186–190.

³ Скогорева Е.В. Становление промышленности и появление первых фабрик и заводов в Санкт-Петербургской губернии в XVIII веке // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 11-4. С. 726.

⁴ Пятидесятилетний юбилей его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1881. С. 15

экономических ресурсов фабрик и в итоге отягощала удельный бюджет. В условиях жесткой экономии средств в первое десятилетие существования удельного ведомства промышленный объект с двойственным хозяйственным характером деятельности существовать не мог. В то же время обучение крестьян улучшенным способам прядения и ткачества оказало влияние на развитие этих промыслов в некоторых местностях.

Суконная фабрика

В первые годы существования удельного ведомства был реализован еще один схожий проект – организация суконного производства. Такого рода промышленное производство в России имело шансы на успех. Сукно в то время являлось не просто основным материалом для обмундирования войск, но использовалось для изготовления гражданской верхней одежды и обязательных для всех чиновников мундиров. Внутренний спрос на сукно был гарантирован. Сырье имелось в достатке, овчарный промысел обеспечивал сукно шерстью. Несложной была и технология производства, что позволяло заводить суконные фабрики даже в деревне. Департамент уделов рассчитывал стать одним из главных поставщиков сукна для обмундирования войск, что обеспечило бы получение государственных заказов.

Предложение об организации в удельном ведомстве суконного производства поступило от президента мануфактур-коллегии И.Я. Аршеневского. Составленная им записка была передана в 1800 г. на рассмотрение императора. Министр уделов князь Н.Б. Юсупов доработал проект и предложил организовать одну большую фабрику для изготовления готовой продукции, а именно солдатского сукна, а суровье (т. е. необработанную ткань) заготавливать в удельных селениях на небольших производствах. По мнению министра, это способствовало бы развитию овчарного промысла и повысило для крестьян возможность «с выгодой

сбывать шерсть» на местах проживания¹. В этом же году император Павел I поддержал идею производства в удельных селениях солдатского сукна.

Для этого предполагалось организовать по одной мастерской в 69 селениях 17 губерний. Мастерские для выделки суровья были чуть больше крестьянских изб самой простой постройки, в каждой помещалось по 14 ткацких станов. На эти нужды были заложены большие деньги - 1222689 руб. асс., из них на постройку мастерских и изготовление инструмента – 170000 руб.² Изготовленное суровье планировалось отправлять на центральную фабрику (депо) в Юрьевецкий уезд Нижегородской губернии, где его и намечали перерабатывать. Все работы по организации производства планировалось закончить к 1802 г., а в следующем году уже поставить в казну 800–850 тыс. аршин белого и цветного сукна на 1 млн. руб. асс.³

При каждом суконном заведении предполагалось иметь по 100 рабочих, мужчин и женщин из удельных крестьян. Но первоначально было решено их подготовить для осуществления контроля за производством сукна. В каждом приказе по 9 человек крестьян (7 мужчин и 2 женщины) должны были отправить для обучения на ближайшие суконные фабрики⁴.

Уже в январе 1801 г. всем удельным экспедициям было предписано приступить по возможности к постройке мастерских и начать набор рабочих из безземельных удельных крестьян. Весной и летом 1801 г. из нескольких экспедиций крестьяне были отправлены на соседние фабрики для обучения; были заказаны необходимые инструменты (станы и проч.), началась постройка мастерских. В Тамбовской губернии закупили шерсть для начала работ. К осени помещения для мастерских уже были готовы, и предстояло приступить к устройству депо и организации работы фабрики в целом. Но 25 ноября 1801 г. Александр I велел «все дальнейшие распоряжения по производству сукна в

¹ История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 515.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–9.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 5 Д. 1058. Л. 1–34; Оп. 12. Д. 7. Л. 30–65; Оп. 1. Д. 9. Л. 7–9.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

удельных имениях приостановить»¹.

На молодого императора оказывали давление многочисленные владельцы крупных суконных мануфактур, опасавшиеся сокращения спроса на свои поставки сукна и снижения доходности своих производств. Промышленники видели сильного конкурента в лице Департамента уделов и покровительствующего ему императорского дома. Вопрос о суконном производстве поднимался и на собрании членов Государственного совета в 1802 г. По их подсчетам, потребность в сукне на начало XIX в. составляла до 1200000 аршин, 900000 аршин сукна вырабатывали казенные и обязанные фабрики, все остальное было отдано на откуп частным производителям поэтому фабрика при удельном ведомстве создавала конкуренцию частным производителям, и могла их разорить. Члены Государственного совета сделали вывод, «что с истинным государственным хозяйством никак не совместно таковыми от казны предприятиями подрывать частную промышленность» и что «полагается согласно прежним его рассуждениям заведение сие остановить и на основании расчета»².

Но мнению Л.Р. Горланова, Александр I не хотел «вступать в конфликт со значительной группой феодалов-предпринимателей из-за боязни вызвать глубокое недовольство в их среде»³, даже несмотря на то, что потребность в сукне была выше, чем говорили чиновники, рассчитывая, видимо, на расширение частных производств.

Построенные здания было решено оставить в приказах для устройства в них школ, больниц и богаделен, а инструменты, материалы и прочее имущество продать. Ликвидация этого имущества тянулась так долго, что в 1812 г. оставались непроданными большая половина станов и некоторое количество материала. В итоге было принято решение оставшееся имущество

¹ История уделов...Т. 1. СПб., 1902. С. 515.

² РГИА. Ф. 1146. Оп.1. Д. 23. Л. 57–62.

³ Горланов Л.Р. Крупная промышленность в удельных имениях России в I половине XIX в. (1797–1897). // Крупная промышленность нечерноземного центра России в конце XVIII–I половине XIX в. Владимир, 1982. С. 42–43.

передать безвозмездно «в таком виде как все есть», военному ведомству¹.

По нашему мнению, если бы Суконная фабрика, получала постоянные государственные заказы, то имела все шансы стать экономически рентабельным предприятием. Но интересы Департамента уделов как некой связанной с императором структуры и интересы промышленников на рынке сукна пересеклись. Александр Павлович, только вошедший на престол, не смог сопротивляться высшим сановникам. Интересно, что в начале XIX в. сукно продолжали закупать за рубежом, т. е. отечественный производитель не справлялся с объемами спроса; особенно остро это ощущалось в условиях континентальной блокады². Это, в свою очередь, привело к политике стимулирования развития суконной промышленности в Российской империи.

Петергофская бумажная фабрика

В 1814 г. Александр I во время пребывания в Англии посетил писчебумажную фабрику, на которой вся работа по приготовлению бумаги производилась машинами, приводимыми в действие силой воды; при этом, благодаря усовершенствованному способу производства, фабрика изготовляла бумагу прекрасного качества, используя гораздо более дешевый материал, а именно старые канаты и веревки³. Александр Павлович решил организовать подобное производство в России.

Для организации и управления предприятием пригласили английского фабриканта Вистингаузена на условиях найма. Согласно контракту, он брался организовать фабрику и 10 лет управлять ей, получая вместо жалованья 25 % с чистой прибыли. Было решено поместить производство в пустующих помещениях казенной гранильной фабрики в Петергофе, к которым был подведен водопровод, необходимый для производства бумаги. Петергофская бумажная фабрика была открыта в 1818 г., на это было потрачено около 3 млн.

¹ История уделов...Т. 1. СПб., 1902. С. 517–518.

² Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 222-223.

³ История уделов...Т. 1. СПб., 1902. С. 518.

руб. асс. из средств Кабинета, в ведение которого фабрика и была передана, с частичным субсидированием из удельного бюджета.

Первоначально коммерческой выгоды фабрика не приносила, наоборот, к 1822 г. общая сумма затрат на нее выросла до 4200000 руб. асс., из которых 2200000 руб. асс. было выдано из кабинетских сумм и 2000000 руб. из удельного бюджета¹. Поэтому в 1822 г. министр уделов Д.А. Гурьев, управлявший на тот момент и Кабинетом, предложил передать фабрику в полное распоряжение Департамента уделов, возместив выданные 2200000 руб. Александр Павлович решил разделить эту сумму между Кабинетом и Департаментом уделов, с учетом, что они будут делить и доходы от выручки. Но оперативное управление было передано Департаменту уделов, что нашло отражение в расписании расходов удельного ведомства. Так, с 1823 г. там фигурирует ежегодный расход на содержание Петергофской бумажной фабрики в размере 253850 руб. асс.²

К сожалению, при руководстве Вистингаузена добиться получения чистой прибыли не удалось. Возможно, причина крылась в личности самого мастера, который хорошо знал техническую сторону, но менеждеровскими качествами не обладал. Например, он с самого открытия фабрики стал делать бумагу в листах слишком большого, неудобного к употреблению формата и, «хотя скоро стало видно, что это сильно мешает продаже, упорно продолжал выпускать такой же формат»³. В свои отчеты он вносил по приходу продажную цену всей изготовленной бумаги, даже если она не была продана, и поэтому каждый год у него в результате выходила по отчету чистая прибыль, с которой он отчислял себе 25 %. Между тем, заготовленная бумага складировалась как в лавке, так позже и на самой фабрике.

В 1828 г. на основании информации, полученной из анонимного источника, императором был разрешен обыск подвод, следовавших в Ревель,

¹ История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 519.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 32. Л. 29–30; Д. 32. Л. 4–5.

³ История уделов...Т. 1. СПб., 1902. С. 520.

с якобы личным имуществом директора: 10 подвод с бумагой, медными и железными вещами, подводы сопровождали 2 казенных мастеровых¹. Обнаруженные вещи оказались собственностью фабрики, это вызвало, в свою очередь, полномасштабную проверку на Петергофской бумажной фабрике. Ревизионная комиссия вскрыла все необоснованные траты для производства товара, который не имел сбыта. Вистингаузена обвинили в расхищении удельного имущества на сумму 1448092 руб. асс.²

Дело разбиралось на самом высоком уровне, и директор был признан виновным. В итоге Сенат на основании указа от 1829 г. наложил арест на его имущество с целью взыскания с бывшего управляющего всей суммы убытков³. На это Вистингаузен передал на высочайшее имя записку, в которой обвинил чиновников в клевете, попросил снять арест с имущества. Он требовал проведения повторного следствия, очной ставки с доносчиками. Министр уделов в свою очередь обвинил бывшего директора в затягивании дела по уплате убытков. Император поддержал министра уделов и приказал не принимать возражений от бывшего директора фабрики, а имущество оставить под арестом⁴. Когда чрез несколько лет Вистингаузен умер, то долг был списан «по безнадежности», т. к. большого имущества у бывшего директора не оказалось⁵. Следственное дело по Петергофской бумажной фабрике было настолько сложным, что всем чиновникам, как Кабинета, так и Департамента уделов, проводившим его, были выплачены денежные премии: начальнику 2 отделения Департамента уделов Панаеву – 2000 руб. асс, бухгалтеру Департамента – 500 руб. и чиновнику Кабинета Моторину – 200 руб.⁶

В 1829 г. на основании мнения Государственного Совета, утвержденного императором, Петергофская бумажная фабрика передавалась

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 174–174 об

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–15.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 10–13.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–15.

⁵ История уделов...Т. 1. СПб., 1902. С. 522.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 22.

в исключительное ведение Департамента уделов безвозмездно, т. к. он участвовал в расходах при организации фабрики в большей степени. Всё имущество (и товар, находившийся на складе) было оценено, и половину от этой суммы – 439 тыс. руб. асс. – выплатили Кабинету¹

На должность директора был назначен действительный статский советник Д.Н. Казин, ранее служивший на фабрике членом хозяйственной конторы. По условиям контракта, ему платили содержание, расходы на разъезды, оплачивали съемную квартиру и 10% от доходов. Он оказался человеком, понимавшим как техническую, так и коммерческую часть дела, умел заинтересовать крестьян-работников; в итоге при нём фабрика начала приносить доход². Так, в 1830 г. чистая прибыль ее составила 93000 руб. асс., в 1832 г. – 179 тыс. руб., в 1836 г. – уже 279 тыс. руб. асс.³ За 6 лет доходы предприятия выросли почти в 3 раза.

В 1830 г. было принято Положение об управлении Петергофской бумажной фабрикой. Часть чистой прибыли было решено сохранять для проведения необходимых работ, например, капитального ремонта зданий, механизмов и т. п.⁴ Кроме того, на эти цели Департамент разрешил тратить суммы, полученные от продажи накопившейся на складе за время управления Вистингаузеном бумаги. Из этих источников были капитально отремонтированы почти все фабричные здания, выстроено несколько новых казарм для рабочих, построено новое здание для лазарета⁵, обновлены и улучшены фабричные механизмы; все это отразилось и на качестве изготовленной бумаги, за которую Петергофская фабрика удостоена наград на мануфактурных выставках в Петербурге в 1833 и 1839 гг. и на Московской выставке 1835 г.⁶

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 10–13, Л. 141–141об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 10–13.

³ История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 522–523.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 90–104.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 111–112 об.

⁶ История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 523.

Штат Петергофской бумажной фабрики и на разные расходы

Звание людей	Им жалования в год (в руб. асс.)
Директору (содержание и квартира)	5000
Секретарь	2000
Бухгалтер	2000
Помощник бухгалтера	1200
Казначей	1500
Комиссар готовой бумаги	500
Комиссар материалов	1500
Полицмейстер	1500
Эконом	500
Два старших писца	1400
Два младших писца	1200
Один писец	400
На канцелярские расходы	1600
Доктору	2000
Подлекарю	700
Повивальной бабке	200
На расходы по лазарету и медикаментам	21000
При школе	
Учителя русского языка и за обучение певчих	700
На бумагу, чернила и прочее	300
На квартиры чиновникам	до 2300
По Комиссарстве в Санкт-Петербурге	
Комиссару	2500
Бухгалтеру	1200
Одному писцу	600
На наем квартиры с отопление и освещением	2500
Два инвалида	500
На расходы комиссара по делам службы	500
На канцелярские расходы	150
На наем приказчика для казенной лавки с мальчиком и квартирой	1300
На наем двух кладовых	1000
На наем лавки	1800
На подъем, укладку бумаги и сторожевых	300
ИТОГО	41150

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 105–106.

Отметим, что директор фабрики заведовал как технической, так и хозяйственной стороной предприятия. Определённого жалованья он не получал, а вместо этого выдавалось ему 10 % чистой прибыли. Рабочие состояли преимущественно из удельных крестьян, со своими семьями на постоянной основе приписанных к фабрике. Крестьяне отбывали свой оброк работой, получая за это паек и минимальную заработную плату, их дети поступали на ту же фабрику учениками и потом переходили в рабочие. При фабрике находились и английские механики, которые осуществляли техническую работу и следили за правильной эксплуатацией английских механизмов¹. Как представляется, реализация выработанных Департаментом уделов проектов на некоторых этапах могла приводить к успеху при наличии дельного руководства и рациональной организации фабричных порядков; коллективы рабочих при этом были постоянными, а не представляли группы временно приписанных удельных крестьян-общинников.

Бумагу делали на фабрике как почтовую, так и писчую разного качества, в том числе разноцветную. «Изделия фабрики были настолько хороши, что она изготовляла даже бумагу для Высочайшего употребления. На высших сортах разрешено было, кроме фабричного клейма, выставлять вензелевый штампель Имени Государя Императора – букву Н с Императорской Короною»².

Продажа изделий фабрики была организована следующим образом. Большая часть товара поручалась на продажу комиссионерам, получавшим за это 10 % с продажной цены, но не наличными деньгами, а бумагой. Товар отпускался комиссионерам в кредит на срок от 12 до 16 месяцев. Желających продавать удельную бумагу на таких условиях оказалось много. Уже через несколько лет у фабрики были посредники не только в столицах и больших губернских городах, но даже и во многих уездах. Работа комиссионеров отмечалась и всячески поощрялась Департаментом уделов. Так, «в уважение усердной службы комиссара Петергофской бумажной фабрики Титулярного

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 18.

² История уделов...Т.1. СПб., 1902. С. 524.

Советника Табулевича» его 9-летняя дочь была отправлена «в Смольный монастырь на мещанскую половину, пансионеркою», т. е. с полной оплатой ее содержания из доходов фабрики, но оговаривалось, что «до тех пор, пока он работает»¹. Кроме того, в Петербурге была у фабрики собственная лавка и учреждены были склады для продажи бумаги при каждой удельной конторе.

Быстрое распространение изделий Петергофской фабрики и высокие прибыли в этой отрасли привлекли к этому делу и частных предпринимателей. С середины 30-х гг. XIX в. число фабрик с использованием механического производства бумаги увеличилось, усилилась и конкуренция на рынке товаров. Дальнейшее ведение дела было возможно при условии постоянного получения государственных заказов, что не всегда удавалось, т. к. ценообразование формировалось на торгах, а конкуренты, по мнению Департамента уделов, сильно понижали цену.

В 1840 г. Департамент уделов командировал ее директора Козина «в Швецию через Варшаву и Берлин для обозрения бумажных фабрик»². В начале 40-х гг. XIX в. мы видим сильные колебания доходности Петергофской фабрики: «в 1842 г. вся чистая прибыль составила только 9000 руб., затем идут два года очень удачные (43000 и 51000 чистой прибыли), а потом 1845 г. даёт в результате 45000 руб. убытка и первая треть 1846 г. тоже заключается убытком в 5800 руб.»³. Всё это не соответствовало ожиданиям высших чиновников Департамента уделов и в 1846 г. Петергофскую бумажную фабрику решили закрыть.

В конце 30-х гг. XIX в. была осуществлена попытка развить и писчебумажное производство, но оно, в отличие от фабрики в Петергофе, сразу оказалось нерентабельным. В 1825 г. Департамент уделов купил у статской советницы Полторацкой имение вместе с писчебумажной фабрикой в Красном Селе⁴. Первое время доход от фабрики получали путем сдачи ее в

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 91–91об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 126.

³ История уделов... Т. 1. СПб., 1902. С. 524.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 20–21.

аренду, но в 1838 г. арендатор, по окончании срока отказался от контракта, а других желающих не оказалось. Тогда директор Петергофской фабрики Казин предложил Департаменту уделов самим ее использовать. Но приспособленная только для работ ручным способом, при котором бумага получалась худшего качества и обходилась значительно дороже, Красносельская фабрика с первого года стала работать в убыток, и была закрыта в 1843 г.

По нашему мнению, все попытки организовать промышленные предприятия нового образца сталкивались с трудностью: на человека традиционного общества пытались воздействовать новыми экономическими отношениями, новыми механизмами. К 1815 г. в ближайших к полотняной фабрике приказах было научено прядению около 600 крестьянок¹. Казалось бы, Департамент уделов подготовил группу квалифицированных рабочих. Им осталось только включиться в рыночные отношения, а необходимые навыки наемного рабочего они уже получили. Но крестьяне жили по законам традиционного общества и не хотели брать на себя ту ответственность, которую накладывало на социум индустриальное общество; согласимся с современным автором, который подчеркивает: «Такая противоречивая политика порождала сложные полукапиталистические, полуфеодалские явления в экономике»².

И последнее, с 1818 г. удельным крестьянам (как и казенным, помещичьим и свободным хлебопашцам) разрешалось открывать фабрики и заводы. Для поощрения учреждения заводов и фабрик в уделах вводилась отмена пошрины на 4 года³. Указом 14 ноября 1824 г. удельным крестьянам разрешили «производить торговлю и промышленность», следовало только взять особые свидетельства и заплатить пошрины «соответственно

¹ История уделов... Т. 1. СПб., 1902. С. 510

² Землянский М.О. История льняной промышленности России: автореф. дисс. ... канд. эк. наук. Москва. 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriya-lnyanoi-promyshlennosti-rossii?ysclid=18130wm4j6999980736> (дата обращения: 22.03.2022). Режим доступа: свободный.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1818. Т. XXXV. № 27600. СПб., 1830. С. 653.

обширности торго или промысла»¹. Тем не менее крестьяне предпочитали больше заниматься мелкотоварным производством. Они смогли реализовать свои предпринимательские способности на рынке товаров и услуг, пользуясь развитием арендных отношений в удельной деревне. Департамент уделов, в свою очередь, сформировал достаточно высокий пассивный доход в свой бюджет, ведь оброчные статьи прочно заняли второе место по доходности удельного хозяйства.

Оброчные статьи

В изучаемый нами период удельный бюджет имел динамику постоянного, практически ежегодного роста, поддерживать который только за счет налоговой политики было невозможно. Если мы обратимся к расписанию доходов членов императорской фамилии, то увидим, что в первой половине XIX в. второй статьей по прибыльности были так называемые оброчные статьи². Под ними понимались земли, оставшиеся после наделения крестьян, мельницы, места рыбной ловли и другие хозяйственные объекты, сдававшиеся в аренду. Обычно объекты сдавались в наём тем лицам, которые могли предложить за них на торгах наибольшую арендную плату.

Для того чтобы оценить возможности сдачи оброчных статей, оценить их фактическое состояние, реальную стоимость арендного предложения в течение первых лет существования уделов, чиновники Департамента совместно с Казенными палатами провели исследование полученного имущества. После ревизии оказалось, что части собственности, числившейся на бумаге, в действительности не существовало. Например, «многие мельницы строились на мелких речках, ручьях и небольших озёрах при лесах. Если лес

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1824. Т. XXXIX. № 30115. СПб., 1830. С. 588–589.

² См. приложения 7. См. также Красникова, Ю.Н. Оброчные статьи, как один из источников пополнения бюджета на содержание членов императорской фамилии (первая половина XIX века) // XXII Петровские чтения по истории, политологии, социологии, экономике, культуре, образованию и праву. Международная научная конференция. СПб., 2022. С. 55–59.

подвергался рубке, то вслед за ним высыхали и водоемы. А такие мельницы с течением времени забрасывались и разрушались, – в некоторых случаях даже нельзя было определить, где они стояли»¹.

То же происходило и с обустроенными местами для рыбной ловли (т. н. «рыбными ловлями»), большое количество которых, особенно в Костромской губернии, было уничтожено постоянно меняющей свое русло р. Волгой. Некоторые значившиеся в списке мельницы, рыболовные места и земли могли числиться в ведении другого владельца или же быть отписаны при генеральном межевании крестьянам другого ведомства². Часть оброчных статей были переданы в ведение других лиц и т. п.

При осмотре удельных имений оказалось, что из 5220 оброчных статей, значившихся в дворцовом управлении, не оказалось в наличии 400, или 8% от общего числа. А между тем они за кем-то были закреплены, начислялся оброк, «причем место пребывания их фиктивных арендаторов сплошь и рядом оставалось неизвестным»³. Или уплата за такие оброчные статьи возлагалась на крестьян, при которых они числились, хотя ими не пользовались.

Также не досчитались 119 мельниц, с которых планировалось получить 2566 руб. 1 коп. ежегодного арендного дохода, 141 десятины земли с предполагаемым доходом 684 руб. 12 коп. Больше всего оброчных статей не досчиталась Костромская экспедиция, здесь не обнаружили 30 мельниц и 64 десятины земли⁴, в Санкт-Петербургской удельной экспедиции не нашли только 5 десятин земли⁵. По мнению авторов «Истории уделов...», на самом деле общее количество не существовавших статей было больше⁶. Они постепенно выявлялись чиновниками ведомства и исключались из оклада. В

¹ Красникова Ю.Н. Оброчные статьи, как один из источников пополнения бюджета на содержание членов императорской фамилии (первая половина XIX века) // XXII Петровские чтения по истории, политологии, социологии, экономике, культуре, образованию и праву. Международная научная конференция. СПб., 2022. С. 57.

² История уделов ... Т. 1. С. 234.

³ История уделов ... Т. 1. С. 235

⁴ История уделов ... Т. 1. С. 234.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 897. Л. 1–3.

⁶ История уделов ... Т. 1. С. 232.

своих отчетах служащие Департамента уделов винили чиновников Казенных палат в недобросовестном управлении вверенным имуществом.

Проблему недостающего имущества можно было решить введением в оклад новых оброчных статей. Поэтому всю первую четверть XIX в. Департамент уделов постоянно увеличивал количество объектов, которые можно было сдавать в аренду. Они пополнялись несколькими путями.

Во-первых, это введение в оклад статей, которыми крестьяне пользовались без уплаты оброка. В первые годы Департамент уделов расширил количество оброчных статей за счет мелких промышленников. Так, некоторые бывшие дворцовые крестьяне сами строили или покупали мельницы, чтобы иметь дополнительный доход, что разрешалось законом. Но зачастую крестьяне, основываясь на нормах обычного права, продолжали считать эти постройки своей собственностью, не заботясь о ее юридическом оформлении.

Указом 1800 г. разрешалось оставлять за крестьянами такие мельницы только в том случае, если они могли предоставить документы, подтверждающие, что сооружения были построены ими и не были переданы в казённое ведомство при переводе в уделы¹. За два года такие документы на мельницы смогли представить только два крестьянина². В итоге из 3000 оброчных мельниц отдали крестьянам только пять³. Все остальные оброчные статьи, находящиеся в рабочем состоянии, разделили на две категории. Первые должны были находиться только в пользовании Департамента уделов, и брать их в оклад могли исключительно удельные крестьяне. Вторые, малоокладные статьи предлагались всем желающим арендаторам на аукционном торге. В 1803 г. для аукциона было предложено 3716 статей: 1490 мельниц, 77 мест ловли рыбы, 2149 десятин земли, с предполагаемым доходом 5206 руб.⁴. С формальной точки зрения Департамент действовал на основании

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

² История уделов ... Т. 2. С. 22.

³ Голубев П. Удельные земли и их происхождение // Вестник Европы. 1907. Кн. 10. С. 754.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

законодательства, но по сути ведомство, воспользовавшись правовой неграмотностью крестьянства, смогло закрепить практически за всеми оброчными статьями право собственности.

Второй путь увеличения количества оброчных статей – это ремонт старых или организация новых. Финансирование в этом случае ложилось либо на Департамент уделов, либо на арендатора. Департамент принял рациональное решение проблемы обветшалых и непригодных оброчных статей. Они передавались удельным крестьянам в безвозмездное пользование на срок от 5 до 8 лет, в зависимости от степени испорченности, при условии ремонта. По истечении этого срока объекты сдавались всем желающим, но уже на условиях аренды¹. Также для исправления оброчных статей с 1800 г. был определен особый ремонтный капитал, который формировался с процентов из денежных залогов, вносившихся арендаторами оброчных статей².

По мере получения в собственность и осмотра оброчных статей, Департамент уделов давал информацию о сдаче в наем. В 1799 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление от Санкт-Петербургской удельной экспедиции о сдаче в оброчное пользование на 4 года следующих статей: 2 места на Петровском острове, рыбные ловли, одну в губернии, другую недалеко от города Ямбурга на реке Луга, и, наконец, в Ямбургском уезде, недалеко от Нарвы, сдавалась мыза Попова³.

Также первоначально разрешалось малоземельным крестьянам пользоваться оброчными мельницами и местами рыбной ловли бесплатно «в наполнение имеющихся у них недостатка земель в 15 десятинную пропорцию». Но уже с 1803 г. Департамент уделов и с этих оброчных статей стал брать арендные деньги⁴.

Аукционный торг по всем оброчным статьям проводился в Казенной палате, но закон закреплял приоритет в получении удельных оброчных статей

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1800–1801. Т. XXVI. № 19427. СПб., 1830. С. 160–163.

² См. Приложение F.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1799. 11 февраля.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–10об.

за крестьянами удельного ведомства¹. Так, оброчные земли предоставлялись для аренды в распоряжение селений только после «точного исследования» о качестве и количестве земли, находящейся у крестьянина². Это делалось в первую очередь с целью узнать о платежеспособности крестьянина и его обеспеченности наделенной землей. При назначении цены на оброчные земли должны были учитываться качество земли, которое измерялось по коэффициенту урожайности (т. н. «сам»)³. Положением 1808 г. местный надзор за оброчными статьями поручался голове и заместителям. Они должны были лично сделать осмотр каждой статьи до сдачи ее в аренду, и после окончания этого срока. Положением подтверждалось поощрение тех крестьян, которые брались строить мельницы и другие хозяйственные постройки: они имели льготную оплату оброка с отсрочкой на несколько лет. Также им предоставлялось необходимое количество стройматериалов (брёвен, жердей и хвороста)⁴.

Первоначально аренда оброчных статей достигала четырёх лет, а затем происходила их переобработка (переоценка), которая обычно сопровождалась повышением арендной платы. С 1800 г. срок найма увеличился с 4 до 8 лет, хотя были случаи отдачи статей до 12 лет. С 1809 г. срок аренды был строго ограничен: он не мог быть более 6 лет⁵. Арендная плата росла медленно из-за отсутствия конкуренции. По признанию удельных чиновников, «торги составляли одну формальность», потому что крестьяне полагали «предосудительным перенимать друг у друга оброчные статьи»⁶. На арендаторов накладывалась ответственность за содержание оброчных статей

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

² ПСЗ. Собрание 1. 1800–1801. Т. XXVI. № 19427. СПб., 1830. С. 160–163.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1802–1803. Т. XXVII. № 20332. СПб., 1830. С. 192.

⁴ ПСЗ. Собрание 1. 1808–1809. Т. XXX. № 23020. СПб., 1830. С. 226–258.

⁵ История уделов ... Т. 1. С. 259–263.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 73. Л. 273; Там же. Оп. 10. Д. 4271. Л. 34.; Оп. 16. Д. 832; Оп. 12. Д. 498. Л. 3–6; Оп. 34. Д. 80. Л. 21.

и оплата арендных денег в срок, за просрочки был предусмотрен штраф в размере 6 % на один рубль¹.

Департамент при возможности приобретал имущество, которое можно было потом сдать в наем. В Ропше была сдана в аренду бумажная фабрика «с производством в 180000 руб. асс.»². Мы уже упоминали о писчебумажной фабрике в Красном Селе. Также для сдачи в оброчное пользование в 1803 г. Санкт-Петербургская удельная экспедиция приобрела в собственность кирпичный завод в Ямбургском уезде³. В 1805 г. через «Санкт-Петербургские ведомости» была предложена его долгосрочная аренда сроком до 12 лет⁴.

Итак, Департамент уделов нашел путь увеличения оброчных статей: за счёт безвозмездного включения их в состав удельного имущества, в том числе и принадлежащих крестьянам; за счет ремонта ветхих строений; за счет покупки имущества у частных лиц и учреждений, с условием дальнейшей сдачи в наём и т.д. Аренда оброчных статей пользовалась спросом, в первую очередь арендаторами становились удельные крестьяне. Во второй четверти XIX в. в расписании доходов императорской семьи по приносимой прибыли они заняли второе место после дохода, получаемого с удельных крестьян. Если в 1800 г. оброчные статьи приносили 64667 руб. 87 коп. дохода, то в 1825 г. 225480 руб. 1 коп., в 1840 г. – 658017 руб. 5 коп.⁵, сохраняя тенденцию роста. Получаемый доход с оброчных статей в удельный бюджет за рассматриваемый нами период увеличился более чем в 10 раз.

В 1830 г. Департамент уделов отчитался, что кроме существовавших оброчных статей появились: 418 лавок и торгов, 75 весов и мер, 42 питейных дома, 22 постоянных двора, перевозки, фабрики и заводы⁶.

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1800–1801. Т. XXVI. № 19428. СПб., 1830. С. 163–164.

² Скогорева Е.В. Становление промышленности и появление первых фабрик и заводов в Санкт-Петербургской губернии в XVIII веке // Фундаментальные исследования. 2016. № 11-4. С. 726.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 12. Л. 46. Свод удельных постановлений. Т. 1. СПб., 1843. С. 4.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1805. 11 апреля.

⁵ См. приложения 6. Также РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7; Д. 48. Л. 131.

⁶ История уделов ... Т. 1. С. 241.

В реализации проектов Департамента уделов в первой половине XIX в. проявилась вся противоречивость ранних этапов модернизации в Российской империи. С одной стороны, ведомство имело широкие финансовые возможности, тяготело к внедрению технологических новшеств и усовершенствованию производственного процесса. С другой, сохранялось внеэкономическое принуждение удельного крестьянства, что снижало качество производства и не позволяло продукту производства конкурировать с товарами, произведенными на частных мануфактурах, где использовался труд вольнонаемных рабочих. Промышленный прогресс сталкивался с традиционным обществом и его укладом. В то же время в сфере арендных отношений Департамент уделов занял прочные позиции, существенно увеличив свой пассивный доход. Весь изучаемый нами период Департамент уделов расширял количество оброчных статей. В большинстве случаев арендаторами выступали подведомственные крестьяне, которые активно начали развивать мелкотоварное производство. Это, в свою очередь, позволяло крестьянству меньше зависеть от сельскохозяйственного труда.

4.3. Политика попечительства в удельных имениях. Реализация образовательных программ в удельном ведомстве

В рамках существовавшей еще с екатерининских времен дворянской консервативной мысли, направленной на укрепление экономического положения помещика и сохранение крепостного права, идеалом являлась патриархальная вотчина дворянина, который энергично печется о повышении доходности собственного хозяйства и стабильности своего финансового положения. Но для того, чтобы этого добиться, необходима была политика «попечительства», направленная на повышение платежеспособности крестьян. Важным фактором поддержания крестьян в тяглоспособном состоянии был патернализм. «По мнению многих авторов у русского крестьянина было гораздо больше уверенности в завтрашнем дне, чем у

западноевропейского арендатора»¹. Не подлежит сомнению, что в основе отношений между помещиками и крепостными крестьянами была эксплуатация, но этим не исчерпывалась их сущность. Для того чтобы крепостническая система сохраняла устойчивость, должен был сохраняться баланс между степенью эксплуатации крестьян и возможностями их хозяйства.

«Учреждение об императорской фамилии» предусматривало проведение Департаментом разных мероприятий в удельных селениях для улучшения быта крестьян. В частности, говорилось о желательности устройства в удельных селениях школ для малолетних, госпиталей и т. п.² Заметим, что законодатель не выдвигал это в качестве первостепенной цели. Поэтому первое тридцатилетие Департамент уделов решал существенные вопросы исходя из их приоритетности. Проведение активной политики попечительства в удельной деревне связано с приходом в 1827 г. к управлению ведомством Л.А. Перовского.

Рассмотрим две значимые области приложения сил Департамента уделов в целях улучшения здоровья и быта крестьян.

Здравоохранение.

Организация медицинской помощи в изучаемый нами период ставилась в обязанность непосредственно государственных структур в силу подведомственности. Соответственно, в удельной деревне за это отвечал Департамент уделов. Нужно сразу отметить, что врачебная помощь сельскому населению долгое время воспринималась как второстепенная, поэтому не была делом приоритетной значимости. В дореформенный период в целом по стране для крестьян «в большинстве уездов не существовало ни казённых

¹ Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Положение помещичьих крестьян в конце XVIII – начале XIX в. // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы науч. конф. Липецк, 12-13 апреля 2011. Липецк, 2011. С. 49-59

² Учреждение об императорской фамилии. СПб., 1797.

лечебниц, ни частных лечебных заведений»¹. Крестьяне предпочитали лечиться народными методами, даже когда в удельной деревне была организована профессиональная врачебная помощь. По мнению Ш. Хензе, крестьянская медицина в Российской империи «противостояла современности»².

При учреждении Департамента в «Правилах об устройстве сельского управления» содержался параграф 204, предписывавший открывать в удельных приказах больницы или госпитали. Предписывалось располагать здание вниз по реке, а если будет возможность, то на возвышенности. Медицинское учреждение планировалось с высокими потолками и просторное по площади. Предполагалось, что это позволит создать условия для раздельного размещения мужчин и женщин, причем такие, чтобы «больные прилипчивыми болезнями» тоже содержались отдельно³. При каждой из больниц должны были состоять лекарь и подлекарь, которые направлялись медицинской коллегией по просьбе Департамента уделов. В помощь им для ухода за больными планировалось направлять смотрителей обоего пола: из жителей деревни «волею должностью сию на себя принять желающих» или из богаделен. Содержаться больница или госпиталь должны были за общественный счет. Управление поручалось лекарю, и строго оговаривалось, что удельные крестьяне должны выполнять все его предназначения. Лекарь находился в подчинении удельной экспедиции, которая и осуществляла контроль за деятельностью медицинского учреждения⁴.

Однако первоначально у ведомства были совершенно другие приоритетные задачи, хотя с 1801 г. доктор и подлекарь уже числились в штате Департамента уделов и оказывали медицинские услуги чиновникам

¹ Коноплёва Е.Л., Остапенко В.М. Медико-санитарное состояние российской провинции в пореформенный период (на примере «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардта) // Медицина и организация здравоохранения. 2020. Т. 5. № 4. С. 63–68.

² Henze С.Е. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L., 2011. 227 p

³ ПСЗ. Собрание 1. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 567.

⁴ Там же.

ведомства¹. Что же касается организации больниц и госпиталей для удельных крестьян, то системно ведомство этим занялось только с 20-х гг. XIX в. При этом, как мы отмечали выше, организация народной врачебной помощи в целом в Российской империи была крайне низкой, медицинские учреждения в тот период не были широко распространены. В случае появления каких-либо «поветрий» или особых болезней, по решению местной администрации, в селение отправлялись врачи или фельдшеры. Так, например, в 1820-е гг. во всем Царскосельском уезде существовало только 3 земские больницы – в Царском Селе и на станции Сиверская, рассчитанные на 10 кроватей, в Тосно – на 8 кроватей².

Больницы, принадлежавшие Департаменту уделов, в первой четверти XIX в. имелись в Санкт-Петербурге, Красном Селе и в ведомстве Симбирской конторы в селе Сыреси. В частности, Красносельский госпиталь был передан в ведение уделов только в 1820 г. при передаче Красного Села, принадлежавшего Марии Федоровне. Штат госпиталя состоял из 30 человек: лекаря, смотрительницы, аптекарского ученика, фельдшеров, сиделок, прачек, повара, инвалидов для хозяйственных нужд. Содержание больницы обходилось уделам в 9620 руб. асс. ежегодно: 6000 руб. шло на содержание больницы, отопление, освещение, медикаменты и прочие расходы; остальная сумма – на заработную плату служащим больницы³.

Весь медицинский персонал удельного ведомства, а также больница в Симбирском имении содержались за счет крестьян, два остальных медицинских учреждения – за счет бюджета Департамента уделов. Все удельные больницы принимали на лечение ведомственных крестьян бесплатно. Согласно отчету Департамента уделов за 1833 г., в больнице Санкт-Петербурга прошло лечение 313 удельных крестьян, «проживающих в столице

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

² История уделов ... Т. 2. С. 347.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–12.

по промыслам»¹, а в 1841 г. – 563 человека². В 1842 г. всего стационарную помощь получили 1000 человек, «выздоровело 903, 48 умерло, остальные еще в больнице»³.

В 1838 г. в Санкт-Петербургской удельной больнице было увеличено количество коек с 10 до 40⁴. В 1839 г. были открыты два медицинских учреждения в Симбирской и Вятской удельных конторах⁵.

Нужда в организации врачебной помощи населению была очень насущной, только в 1842 г. за медицинской помощью обратилось 56000 крестьян. Большая часть из них получила лечение дома, остальные, в наиболее тяжелых состояниях, помещались в условия стационара. Если удельной больницы в конторе не было, то больных помещали в больницы гражданского ведомства с оплатой из крестьянского капитала⁶. Количество стационаров со временем увеличилось: к 1861 г. в ведении Департамента уделов находилось уже 11 ведомственных больниц⁷.

По мере надобности открывались временные пункты оказания помощи в случае эпидемий или распространения вирусных или инфекционных заболеваний, особенно сифилиса, или как его называли тогда, «любоострастной болезни»⁸. В 1830 г. были зарегистрированы случаи холеры. Особенно тяжело она проходила в Саратовской удельной конторе, из 587 выявленных случаев было зарегистрировано 287 летальных исходов⁹. После снижения количества заболевших такие больницы закрывались¹⁰.

Департамент расширял возможности предоставления медицинской помощи на дому. До 1839 г. разрешение иметь врача в удельной конторе

¹ Отчет по Министерству уделов за 1833. С. 9.

² РГИА. Ф.515. Оп. 1 Д. 49. Л. 19–76.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–70.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 27–70.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 48. Л. 22–70.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–70.

⁷ История уделов ... Т. 2. С. 360.

⁸ Из лекции профессора Фурньера. Кормилицы и сифилис. СПб., 1887. С. 1–15.

⁹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л.36–45.

¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

давалось Департаментом уделов на основании особых ходатайств управляющих, инициатива организации медицинской помощи сельскому населению находилась в руках региональных властей. Но они не особо активно занимались этим вопросом. Так в 1833 г. врачи числились только в пяти удельных имениях. С 1839 г. управленческие решения об организации медицинской помощи принимались непосредственно Департаментом уделов. С этого года врачи уже работали при каждой удельной конторе и были включены в штатное расписание удельных контор. Ведомство активно готовило и младший медицинский персонал. С 1838 г. каждый из 15 врачей состоящих при удельной конторе, должен был научить фельдшерскому делу трех крестьянских мальчиков¹. К 1842 г. было обучено 50 фельдшеров из крестьянских детей, в процессе подготовки находилось еще 70 человек².

Отдельно готовили ветеринаров для борьбы с болезнями животных и эпизоотиями. К каждому из них прикреплялось по три крестьянских мальчика «для распространения знаний»³.

Департаментом активно проводилась профилактическая работа, в частности по борьбе с вирусом оспы. В среднем в 30-40-е гг. XIX в. ежегодно прививалось чуть более 50000 младенцев⁴. Оспопрививание проводилось сначала с периодичностью в 2-3 года, но с 30-х гг. – ежегодно. Наличие прививки стало обязательным требованием при поступлении в образовательные учреждения удельного ведомства⁵. В оспопрививатели старались набирать крестьян с 17 до 20 лет, предпочтительно грамотных. Их обучали медики в губернских оспенных комитетах. В это время они содержались за счет мирских сумм, а после окончания курса снабжались Департаментом уделов необходимыми медицинскими инструментами. Жалование они получали также из сумм крестьянского капитала, в размере от

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 27–70.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–70.

³ Там же.

⁴ См. Таблицу 18

⁵ Бурнашев В.П. Описание удельного земледельческого училища. СПб., 1834. С. 11.

15 до 30 руб. сер. в год. Общие правила оспопрививания были приняты в 1837 г., до этого вопросы вакцинации и профилактики заболеваний регулировались внутренними правилами в каждом приказе.

Согласно новым правилам, каждый приказ делился на участки по числу оспопрививателей, и в каждом из таких участков проводилась вакцинация от оспы всем непривитым детям. После вакцинации оспопрививатель «обязан был проверить успех прививки и о сделанных прививках доносить приказу»¹. В 1839 г. Московская удельная контора отчиталась, что на подведомственной ей территории от оспы не умер ни один ребенок².

Таблица 18

Количество привитых младенцев по годам в соответствии с отчетами Департамента уделов.

Год проведения прививки	1833	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843
Количество привитых младенцев	44775	55714	52078	49529	53121	53750	58187	58187

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 45. Л. 22-36; Д. 46. Л. 25-41; Д. 47. Л. 26-70; Д. 48. Л. 22-70; Д. 49. Л. 19-76; Д. 50. Л. 11-63; Д. 51. Л. 13-70

Исходя из приведенной таблицы, можно сделать вывод о том, что повышение уровня оказания медицинской помощи и начало организации профилактики заболеваний сказались на естественном приросте крестьянского населения удельной деревни. Больших территориальных приращений в этот период не было, а количество младенцев в удельных имениях выросло с 1833 по 1843 гг. в 1,3 раза, и сохраняло тенденцию к росту.

С 1843 г. при каждой конторе были организованы удельные аптеки, которые до этого были распространены не повсеместно. Управлял аптекой один из фельдшеров, который был обязан отпускать бесплатно лекарства удельным крестьянам по рецептам от врача. Все лекарственные средства для

¹ История уделов ... Т. 2. С. 348

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39. Л. 36–45

аптек, кроме тех, которые приобретались на месте, изготавливались в Санкт-Петербурге. Ежегодно удельные конторы составляли списки необходимых препаратов и их количество. Часть необходимых средств закупали на месте, например: спирт, мед, уксус, мыло, бумагу, склянки и т. п. На это ежегодно выделялось по 85 руб. в год на каждую аптеку¹. В 1842 г. на ремонт аптек при конторах, на содержание больниц и другие нужды было потрачено 98000 руб. асс. из крестьянского капитала².

Кроме всего вышеперечисленного, Департамент уделов обращал внимание и на женское здоровье, поэтому была организована профессиональная подготовка акушерок. В Вятском имении было выбрано несколько крестьянок для обучения повивальному искусству под руководством определенных туда в 1840 г. двух акушерок из воспитанниц родовспомогательного заведения при Санкт-Петербургском воспитательном доме³.

С конца 1830-х гг. Департамент уделов в своих отчетах указывал, были ли какие-то «поветрия» в подконтрольных ему селениях, и довольно подробно расписывал проведенные мероприятия по борьбе с вирусными или инфекционными заболеваниями.

Итак, Департамент уделов в 30–40-е гг. XIX в. создал централизованную систему оказания медицинской помощи сельскому населению удельной деревни. Использовались разные формы наблюдения медиков: на дому или в условиях стационара. Ко времени отмены крепостного права удельные медицинские учреждения были в половине удельных контор, а врач и фельдшеры – в каждой. Это не только помогало превентивно заботиться о трудоспособности подведомственных крестьян, но и показывало заботу ведомства и императора о своих подопечных. В целом, развитие врачебной

¹ Там же. С. 356.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–70.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 49. Л. 19–76.

помощи положительно сказалось на динамике естественного прироста крестьянского населения в удельной деревне.

Решение бытовых проблем. Быт удельного крестьянина составлял большую часть его повседневности. Дома крестьян, в основном, представляли собой деревянные избы и только в некоторых губерниях были распространены глинобитные хаты. Начиная с 1830-х гг. Департамент уделов в отчетах всегда отражал состояние крестьянского хозяйства и быта. Так, по подсчетам чиновников, средняя цена каждого крестьянского дома с имуществом составляла в 1833 г. около 357 руб.¹

Судя по материалам 1800–1807 гг., жилые помещения удельных крестьян чаще всего были крытые соломой, имели 2-3 окна. Внутреннее убранство их состояло из лавок, столов, детских колыбелей, иногда сундуков и домотканых половиков². Дома редко имели площадь более 30 кв. м. и располагались близко друг к другу. Из-за этого, если в селении начинался пожар, то могла выгореть вся сторона улицы. Департамент уделов неоднократно выделял средства для восстановления домов, разрушенных в результате пожаров, наводнений и т. п. Особенно от пожаров страдали селения, где была наиболее плотная застройка³. Позже для борьбы с пожарами уплотнительная застройка домов была запрещена, а строительство сгоревших или новых домов велось по новым правилам⁴. В случае утраты жилища от пожара удельными властями выделялось пособие, которые могло быть определено как с возвратом всей суммы в рассрочку, так и без возврата. В среднем в 1830-е гг. сумма на восстановление жилья составляла 50 руб. на семейство⁵.

Так как пожары были частым явлением, особенно в густонаселенных удельных имениях, в 1840 г. было решено организовать страховой капитал,

¹ Отчет по Министерству уделов за 1833.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1–18.; Там же. Оп. 15. Д. 247.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 22–70.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 84–86.

«который обеспечивал бы по крайней мере недвижимое крестьянское имущество». Сначала планировалось, основываясь на правилах страховых обществ, установить плату от 1–3 % от стоимости обеспечиваемого строения, но желающих платить среди крестьян не нашлось. Поэтому было решено собирать по 0,5 %, а остальное добавлять из крестьянского капитала, «хотя от этого неминуемо произойдет некоторый ущерб для сего последнего, но здесь должно принять во внимание, что цель такового распоряжения заключается отнюдь не в приращении крестьянского капитала, ибо на это имеются другие средства, а в том, единственно, чтобы приохотить крестьян застраховывать свое имущество»¹. В 1842 г. от пожара было застраховано до 23000 различных строений, в том числе 38 домов сельских приказов и училищ, 180 крестьянских мельниц, 63 дома приходского духовенства и 13 изб отставных и бессрочноотпускных чинов². Развитие страхования в удельной деревне стимулировало и закупку разного пожарного снаряжения, что также снижало угрозу массовых пожаров.

В подстоличных удельных селениях, в которых довольно часто бывали члены императорской семьи, строили добротные крестьянские усадьбы. Безвозмездно выделялись крестьянам средства на покупку породистого скота, высокоурожайных сортов ржи, пшеницы, овса, ячменя, новых сельскохозяйственных орудий труда. Удельное ведомство освободило их от натуральных земских повинностей и т. д. Это послужило причиной того, что большинство удельных крестьян Санкт-Петербургской губернии не приняли активного участия в выступлениях против властей (как это наблюдалось в других областях региона в первой половине XIX в.). Напротив, местное население даже помогало полицейским учреждениям России в поимке и доставке крестьянских ходоков в столицу, ревностно охраняло царя и его свиту во время пребывания их в летних резиденциях³.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 22–70.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50. Л. 11–53.

³ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... С. 88.

Полученные крестьянские доходы, проявление внимания к ним со стороны членов императорской семьи (периодическая финансовая помощь), а также ведомственный контроль за управлением в Санкт-Петербургском удельном имении приводили и к более высокому, сравнительно с удельными имениями других губерний и помещичьими крестьянами, уровню жизни. Близость к культурному центру определяла не только манеру одеваться по-городскому, (некоторые крестьяне носили кафтаны и сапоги), но и культуру поведения¹.

Ведомство брало на себя решение ежедневных бытовых проблем удельных крестьян, которые ложились в основном на местное управление. Только при необходимости приказы обращались в конторы, а те, в свою очередь, если не хватало полномочий для решения вопроса, обращались в Департамент уделов. Каждая просьба, дошедшая до Петербурга, тщательно изучалась ревизорами, и, согласно их отчету, Департамент давал указания местным органам управления².

В фонде Департамента уделов сохранились документы о размерах оказывавшейся крестьянам помощи. Рассмотрим некоторые случаи выделения средств крестьянам. Например, в 1808 г. Департаментом была выделена сумма в размере 20000 руб. асс. на покупку хлеба удельным крестьянам Псковской губернии, которые остались без зерна в связи с неурожаем³. В 1805 г. была выделена помощь для отстройки 29 сгоревших домов в Новгородском уезде, по 50 рублей на каждого погорельца «без возврата»⁴. В селе Ильеши Санкт-Петербургской губернии в 1824 г. произошел пожар, в результате которого сгорели почти все дома. Крестьяне просили 5000 руб. в долг для покупки леса. Император предлагал отстроить деревню по «условиям» 1817 г., согласно

¹ Красникова Ю.Н. Удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. СПб., 2014.

² См. РГИА. Ф. 515. Оп. 1 Д. 13. Л. 18.; Там же. Д. 15. Л. 18. Д. 18. Л. 11.; Там же. Д. 21. Л. 11.; Д. 22. Л. 3–3 об.; Д. 29–32. Л. 25.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 20. Л. 25–26 об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

которым селение должно было делиться на кварталы, улицы должны были быть «правильными и широкими», дома же должны были строиться друг от друга на расстоянии двух сажень, в середине планировалось организовать площадь и построить церковь¹. Такого плана застройки применялись при устройстве военных поселений. Правда, в итоге проект реализован не был, но лес для постройки домов был выделен.

Осуществляя политику попечения об удельных крестьянах, чиновники вникали в их проблемы, искали пути решения, участвовали в их жизни. Удельный крестьянин Тимофей Кузьмин просил разрешения вступить в законный брак с крестьянской вдовой Прасковьей Никифоровой, у которой после смерти мужа осталось три малолетних сына, три дочери и сестра. «Дабы дом не пришел в разорение просят повенчать их, и позволения переселиться в дом вдовы». Крестьянская община дала свое согласие, и крестьянин был переселен².

Удельный крестьянин понимал, что Департамент имеет все возможности решить его проблемы. В 1817 г. управляющему Псковской удельной конторой из Вязовского удельного сельского приказа пришло прошение от крестьянина Ивана Дорофеева. Его дом находился на острове, и во время разлива озера, особенно весной, дом затапливало, в частности поэтому он не мог завести скот и просил переселить его в соседнюю деревню. Но крестьяне отказались принимать Дорофеева, «не только из нежелания, но и из зависти, т. к. попросил равно с ними участия в промышленности». Он просил выделить ему рыбную ловлю, т. к. никогда не занимался земледелием. «Если бы я мог иметь хотя бы малейшую способность к запашке земли, то конечно бы по врожденной в меня к трудам ревности, никакой бы не чувствовал в переходе и новом занятии своем перемены, но не имея к тому склонности, ни приличного обзаведения страшась даже приступить к сей неизвестнейшей операции». Только после вмешательства и личной просьбы

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 32. Л. 25.

² ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2, 8.

выехавшего на место чиновника Департамента уделов, помощника начальника 1-го стола титулярного советника Королька, крестьянина удалось подселить в соседнюю деревню¹.

Кроме организации медицинской помощи и программы взаимного страхования крестьянских домов от пожаров, Департамент уделов реализовывал и другие виды хозяйственно-бытовой деятельности: развитие ветеринарной службы, распространение травосеяния, новых сельскохозяйственных культур, таких как картофель и кукуруза, применение улучшенных орудий труда, создание значительных запасов общественного хлеба. В рамках политики попечительства была предусмотрена и организация обучения крестьян.

Эволюция взаимоотношений между условными владельцами и крестьянами в удельной деревне в изучаемый нами период была двухвекторная: с одной стороны, усиливался контроль со стороны ведомства, с другой – расширялась политика попечения со стороны членов императорской семьи. Крестьяне знали, что, являясь императорскими по сути, они могут рассчитывать на помощь. Политика патернализма давала им уверенность в завтрашнем дне. Был проведен анализ политики «попечительства», которая формировала у крестьянства патерналистическую систему взглядов и убеждений. Но в рамках модернизационных процессов в Российской империи постоянная забота со стороны императорской семьи и чиновников ведомства снижала развитие деловых качеств и заинтересованности в росте производительности своих хозяйств. Крестьянство не хотело брать на себя ответственность, которая налагалась законом на удельное ведомство. Их вполне устраивало, что они отвлечены от решения части повседневных задач.

Подготовка и реализация обучения в удельном ведомстве

¹ ГАПО Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–16.

В начале XIX в. впервые в стране была создана единая преемственная система общего образования, включающая все ступени школы, от начальной до высшей. Монопольным правом на контроль в сфере образования обладало государство. Для реализации задуманного им был принят ряд мер: создан орган управления – Министерство народного просвещения; организованы учебные заведения по подготовке учителей – Учительская семинария, Главный педагогический институт; определено финансирование за счет Приказов общественного призрения, государственного казначейства. Наряду с деятельностью Министерства народного просвещения заботу о распространении школ среди сельского населения взяли на себя Министерство государственных имуществ, Департамент уделов¹, Горное ведомство. Не все социальные группы были охвачены происходившими в стране реформами. Среди сельского населения образование не было распространено, в том числе и в силу его невысокой значимости в представлении сельского населения.

На крестьянство действие Уставов не распространялось, заботу об их просвещении должны были взять на себя помещики или ведомства. На деле таких школ существовали единицы. По Санкт-Петербургскому учебному округу «упоминается только о 4 школах, существовавших в господских имениях»².

Прежде чем перейти к рассмотрению образовательных проектов Департамента уделов, важно отметить, что ментальность традиционного общества не давала стимулов к занятию учебной деятельностью, она была направлена исключительно на удовлетворение повседневных потребностей членов сельского общества. Более того, даже если крестьянин проходил курс обучения, получал полезные практические навыки, по возвращении в общину

¹ Красникова, Ю.Н. Реализация образовательных программ в удельном ведомстве (первая половина XIX века) // Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства. Международная научная конференция. Москва, 4–6 июня 2013 г. М., 2013. С. 108–111.

² Фирсова Н.В. Подготовка учителей для народных училищ в последней трети XVIII – I половине XIX века: на материалах Северо-Запада России: автореф. дисс. ... канд.ист.н. СПб., 2007.

применить он их не мог. Социокультурная среда сельской общины не готова была принимать крестьян «нового формата», принцип большинства и давление общины делали все, чтобы, вернувшись, крестьян забыл все, чему он учился. Набор в школу напоминал рекрутчину, крестьяне считали учеников безвозвратно потерянными и не ожидали их возвращения. «Поборы для высылки в школу обращаются крестьянам в крайнее отягощение: молодые поселяне, отторгнутые от дома, от жены своей и детей, едут в школу с твердым намерением забыть немедленно по возвращении в дома свои выученные ими в оной правила, с тем, чтобы истребить память долговременной их разлуки». Жены же некоторых учеников, считая, что их мужья умерли, выходили за других замуж, а дома их продавали¹.

Департамент уделов не учел важный момент, что обучение – это взаимный процесс, в нем должны принимать участие обе стороны. Судя по полученным данным, процесс этот оказался односторонним.

Приходские школы

В рамках концепции попечительства, среди прочего в «Учреждении...» прописывалось стараться при каждом приходе организовывать школы для крестьян. Целью обучения было указано изучение догматов Православной веры, изучения основ наук не предполагалось. Посещение школы крестьянскими детьми в возрасте от 6 до 10 лет было свободным. Но ставилось в обязанности местным органам управления разговаривать с отцами и убеждать их в пользе ее посещения. В конце года списки крестьянских детей, которые прошли обучение, отправлялись в Экспедицию. Отцов способных учеников поощряли освобождением «от дачи подвод в первые два наряда»².

В первые годы Департамент уделов был занят другими, более приоритетными для ведомства вопросами. В 1800 г. впервые в делопроизводственных документах встречается предписание Тамбовской удельной экспедиции начать организацию школ. Но при этом есть

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

² ПСЗ. Собрание 1. 1798–1799. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 565.

примечательная приписка: только «по устройстве хлебных магазинов»¹. Поэтому вопрос опять был отложен, еще на пару лет.

В 1802 г., когда после закрытия суконных мастерских в Смоленской, Орловской, Казанской и Тамбовской губерниях освободились помещения, было принято решение передать их под социальные объекты: школы, больницы, госпитали. Департамент уделов, прежде чем открыть школы, попросил экспедиции собрать сведения, сколько планируется учеников. Все, кроме Орловской, в один голос говорили, что школы открыть невозможно. Во-первых, помещения были непригодны для проведения учебных занятий, а во-вторых, крестьяне не хотели обучать своих детей. Тамбовская удельная экспедиция отметила, что ее крестьяне занимаются в основном сельским хозяйством и считают обучение непрактичным занятием, «без всяких выгодных последствий в их крестьянском обиходе». К этому сама экспедиция добавляла: «поскольку она уверена, что простота и невежество крестьян, вместо чувства благодарности за попечение правительства, примет оные, по их грубому мнению, за новую безопасность или к их отягощению, то и едва ли кто захочет поместить (детей) туда без принуждения»².

К 1804 г. только Орловская удельная экспедиция представила необходимый проект организации приходских школ. Планировалось организовать 15 приказных училищ с 376 учащимися. Для организации первого года обучения требовалось 3607 руб., а в дальнейшем ежегодно на все 15 школ – 1478 руб. асс. Несмотря на то, что проект был одобрен, распространен на все удельные имения, к тому же имелось решение Синода, обязывающее церковнослужителей бесплатно исполнять обязанности учителей, школ открывалось мало. Власти вели просветительскую работу с родителями, убеждая, что окончание школы дает возможность, при наличии способностей, занять канцелярскую должность при Департаменте и избежать

¹ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 374.

² История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 374–375.

рекрутчины¹, – но это не особо помогало. После настойчивых указаний Департамента уделов в 1807 г. в Архангельской, Орловской, Казанской и Смоленской экспедициях были открыты школы при приходах; но вскоре часть из них была закрыта. Таким образом, в первой четверти XIX в. развитие приходского образования не получило должного распространения.

Существенные изменения в развитии образования, в уделах в целом и приходских школ в частности, произошли с 1828 г. под управлением Л.А. Перовского. Его подход в распространении образования был более системным. В курс сельского училища включали общеобразовательные предметы, поэтому обучение осуществлял не только священник, но и учитель. Педагогический состав для сельских школ готовили в специально организованных учебных заведениях. В систему обучения включался профессиональный компонент, Департамент уделов решал вопрос закрытия вакантных должностей в ведомстве: канцелярских служащих, писарей, землемеров и т. п. Единственное, что не изменилось, – это то, что крестьяне не хотели учиться и всячески этому сопротивлялись. Поэтому они отправлялись в школы в соответствии с составленными списками, по принуждению.

Главные и сельские училища

Организация в удельной деревне сельских училищ вместо приходских началась с 1828 г., когда был утверждён доклад министра Департамента уделов. Целью учреждения училищ было повышение общего уровня грамотности среди удельных крестьян, что, по мнению Департамента уделов, защитило бы крестьян от излишней доверчивости, которой пользовались «злонамеренные люди», а знание догматов Православной веры способствовало бы сокращению в среде удельных крестьян «раскольнических ересей» и «распространения необходимых для каждого христианина понятий

¹ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 374–375.

о вере и некоторых первоначальных между крестьянами сведений»¹. Кроме того, способные выпускники сельских училищ могли занимать вакансии писарей, которых катастрофически не хватало в удельных конторах и приказах². В этом же году был утверждён устав организации. Училища должны были появиться в каждом приказе удельного ведомства.

Организация сельских училищ проходила в два этапа. Первый этап включал в себя подготовку педагогических кадров для замещения должности учителя. Второй – организацию непосредственно самих училищ и настройку рабочего процесса.

Подготовка учителей для сельских училищ удельного ведомства. Главные училища. Департаментом уделов было принято решение организовать два специальных учебных заведения для подготовки педагогов, они получили название Главных. Первое было открыто недалеко от Москвы (на 50 учебных мест), второе в Красном Селе (на 30 мест). Главное училище находилось в подчинении Департамента уделов и под надзором соответствующих удельных контор. Это были единственные учебные заведения по подготовке учителей вне Министерства народного просвещения.

Непосредственное управление училищем поручалось учителю, его помощнику и надзирателю, которые назначались вице-президентом Департамента уделов. Контроль за деятельностью организации закреплялся за удельными конторами, они должны были проверять приходные и расходные книги, составлять ежегодные отчеты вице-президенту об учебной, нравственной и хозяйственной сторонах деятельности училища. Вице-президент отчитывался уже перед министром и императором.

Согласно уставу Главного удельного училища, принятому в 1828 г., при отборе будущих воспитанников существовал целый ряд предпочтений: гендерные, возрастные, физические и нравственные. В ученики набирались

¹ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 36. Л. 133–133об

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

исключительно мальчики в возрасте от 14-16 лет, имеющие здоровое телосложение и прививки от оспы. Особо отмечалось, что будущие учителя должны были иметь «хорошую нравственность» и желательно, чтобы умели «немного писать и читать». Но если таких не было, то брали и неграмотных¹.

Система отбора в училища для претендентов была многоступенчатой: сначала их отбирали местные удельные власти, старшины и крестьяне, а потом «отсев» делался на уровне приказных властей, и наконец, претенденты утверждались в новом звании в Петербурге или в Москве, после беседы с руководством. В уставе особо отмечалась ответственность местных удельных властей за отбор претендентов в Главные училища. Оценивать умственные возможности должно было местное начальство «через разговоры». И если в результате обучения крестьянин оказывался «тупого понятия», то отправлялся домой за счет контор «по выбору коих прислан». А вот ответственность за нравственность будущего ученика устанавливалась за старшинами и крестьянами, и в случае недолжного поведения крестьянин отправлялся к месту уже за их счет². Материальное наказание должно было стимулировать начальство к тщательному отбору будущих учителей. Позже, когда была налажена работа сельских училищ, его наиболее успешные выпускники преимущественно переходили в Главное удельное училище. Такая сложная система отбора позволяла найти в удельной среде способных крестьян.

Общее количество учеников от каждой удельной конторы определял Департамент уделов. Набор учеников в то или иное училище зависел от места их проживания, т. е. применялся территориальный принцип распределения на учебные места. В Красносельское училище набирали крестьян из Красносельского, Санкт-Петербургского, Архангельского, Новгородского, Тверского, Псковского и Смоленского удельных имений. В Московское Главное училище набирали мальчиков из Московского, Вологодского,

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

Владимирского, Орловского, Оренбургского, Пензенского, Саратовского, Симбирского, Тамбовского удельных имений.

Несмотря на то, что реформой образования в Российской империи в начале XIX в. закладывался принцип бессловности в образовании, новые учебные заведения соответствовали интересам определённой общественной группы. Сословный принцип в образовании в целом привел в итоге к тому, что каждый тип учебного заведения стал адресоваться определенной социальной группой. Даже если среди крестьян удельного ведомства оказывался одаренный ученик, то Главное училище было для него последней ступенью образования. Были исключения, но носили они единичный характер. Так, в 1833 г. одаренного сына кормилицы исключили из удельного ведомства для продолжения обучения в Московской гимназии и потом в Московском университете¹. Выпустили на общих правилах, но «не в пример другим»². Согласно уставу, выпускники, с утверждения вице-президента, определялись в должности сельских учителей своих приказов, а неспособных к преподавательской деятельности выпускников отправляли в приказные писари.

Финансирование Главных удельных училищ производилось из удельного бюджета, в отличие от сельских училищ, которые содержались за счет удельных имений и крестьянского капитала. Так, ежегодно на Московское училище выделялось 25500 руб. асс., а на Красносельское – 20500.³

Учебная программа была рассчитана на 2-классное обучение, которое подразумевало минимум трехлетнее обучение, в соответствии со способностями. Образовательный процесс ограничивался изучением таких предметов, как чтение, письмо, закон Божий и арифметика. В нижнем классе обучали чтению, письму, четырем арифметическим действиям и учили

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41. Л. 16–17.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 41. Л. 18.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л.180.

краткий катехизис со священными историями. В высшем классе знания углублялись, но в рамках все тех же предметов: вводились чистописание, краткая российская грамматика, арифметика (простые дроби, содержание и пропорция чисел, правило тройное), изучался пространственный катехизис и священные истории. Закон Божий преподавал приходской священник 2 раза в неделю, все остальные предметы вел учитель или его помощник. Обучение в нижнем классе проходило по методу взаимного обучения, в соответствии с руководством для училищ Министерства народного просвещения, а в высшем классе – «обыкновенным способом». Учитель совместно со священником проводили каждые три месяца промежуточную аттестацию учеников, о результатах которой докладывали управляющему конторой и вице-президенту. Аттестация проводилась и при переводе из низшего класса в высший. В последние полгода ученики выполняли «обязанности учительского звания», а способность к преподаванию особо отмечались аттестационной комиссией. В результате оценивались не только знания учеников, но и учительские навыки, а тех, кто не показывал «должных успехов», оставляли еще на год. После выпуска в зависимости от наличия свободных мест набирали новых слушателей¹.

Особое место в уставе занимало воспитание нравственности среди учеников. Ведь за сельским учителем закреплялась обязанность не только обучать, но и, используя «свободную минуту .., наставлять» своих учеников. Контроль за нравственностью осуществляли учитель, помощник, надзиратель и двое выбранных из разряда самих учеников. «Способствовать ее поддержанию должны были специальные занятия, а еще ежедневная обязательная молитва и посещение литургии в воскресные и табельные дни. Понятие нравственности можно трактовать достаточно широко, но, исходя из логики архивных документов, мы можем выделить конкретные цели, которые ставил перед собой Департамент уделов, вводя систему нравственного

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

обучения и воспитания. Во-первых, это борьба с распространением неправославных учений в среде удельных крестьян, о чем мы говорили выше. Во-вторых, превентивная борьба с неповиновением крестьян удельным властям. И наконец, это распространение пьянства, которое «вело за собой буйство» и нарушение дисциплины и порядка»¹. В училищах нравственность подразумевалась как система поддержания дисциплины, за нарушение которой существовала целая система санкций. Для наказания использовали: публичный выговор, оставление без обеда, стояние на коленях, выставление имени на штрафной доске, оставление в свободное от учения время в запертом классе, и (как исключительная мера), телесное наказание, но «в случае неуспешности всех вышеупомянутых мер». За «дурное поведение» ученика исключали из училища. Существовала и система положительных социальных санкций: для поощрения использовали различные награды: публичную похвалу, занятие первых мест в классах, за столом и в комнатах, написание имени на доске отличников, выдачу книг и похвальных листов «за постоянное в течение года прилежание и благонравие»².

Образовательный процесс был непрерывным, в отличие от сельских училищ, где обучение носило сезонный характер и зависело от полевых работ.

Для мотивации и повышения статуса учителей была разработана система льгот и внешних знаков отличия. Ученики и выпускники училища пользовались правом налоговой льготы. Во время обучения подати вносились из удельных сумм, а после назначения в должности – из мирских, что было существенной преференцией. Для поощрения учителей и их помощников из удельных крестьян «к усердному выполнению обязанностей и в предупреждение затруднений, которые могли бы встретиться в случае отдачи их в рекруты по очереди», в 1840 г. на них было распространено право, которым пользовались в удельных имениях приказные головы и писари, т. е.:

¹ См. подробнее Красникова Ю.Н. Николай I: император и помещик (противоречивость политического лидерства в России) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб., 2014. № 35. С. 371–376.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

«если семейства сельских учителей и их помощников, состоя на очереди, не будет кроме их, иметь годных к службе, то их самих не отдавать в рекруты, доколе они, оставаясь в сих званиях, будут совершенно одобряемы в способностях, усердии и поведении»¹. Также учитель за отличное исполнение обязанностей в течение 10 лет мог быть награжден малой, а через 15 лет – большой серебряной медалью на алой ленте².

В бытовом плане заботу об учениках брало на себя само училище. На время обучения выдавалась одежда из солдатского сукна; зимой – темно-зеленая куртка и темно-серые панталоны поверх сапог, а летом – та же куртка и белые холщовые панталоны. На второй год обучения выдавались овечий тулуп, темно-черная суконная шинель и фуражка. Старшие курсы получали знаки отличия: галуны на обшлагах и по воротнику. Одежда оставлялась и после выпуска. Питание составляло «здоровую и сытую пищу из 2-х блюд», а в праздничные и табельные дни – из трех. В случае болезни воспитанник отправлялся либо в Красносельский госпиталь, либо в Московскую городскую больницу³.

Устав точно прописывал должностные инструкции для всех штатных сотрудников. Больше всего полномочий закреплялось за учителем Главного училища. Он должен был составлять расписание; следить, чтобы в процессе обучения использовались только книги, разрешенные Министерством народного просвещения; получал в конторе денежные средства, необходимые для училища, и отвечал за их расходование. Он ежедневно вел учебные занятия и журнал прилежания воспитанников. Учитель проводил аттестацию и прием учеников, должен был следить за их здоровьем, проветривать классы и комнаты, следить за сменой белья (2 раза в неделю). Так как обязанностей был достаточно много, то в помощь учителю определялся помощник. И учитель, и его помощник должны были быть из чиновников или людей

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 116–116 об.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151.

свободного состояния. Квалификационные требования ограничивались знанием учебных предметов и нравственностью. Надзиратель вел учет расходования денежных средств, которые фиксировал ежедневно в шнуровой книге и был ответственным лицом за их расходование, как и учитель. Надзиратель был из отставных военных чиновников, в его должностные обязанности входило контролировать воспитанников, получать и выдавать одежду, учебники, смотреть за чистотой и порядком. Он должен был подавать пример терпения и кротости, стараться исправить учеников больше советами и увещеваниями, а не наказаниями, «в особенности внушать в них страх Божий, преданность Государю, покорность властям и ... уважение к старшим»¹. Все штатные должностные лица, учитель, помощник и надзиратель, считались на государственной службе. Они получали не только жалование, но и квартиру, дрова, свечи и могли «пользоваться столом» вместе с учащимися. Особое место в штате занимал священник, должность которого скорее воспринималась как повинность. Священник вел занятия 2 раза в неделю и делал пометки в журнале прилежания учеников.

Сельские училища. Сельские училища учреждались при каждом приказе, недалеко от приходской церкви. В 1829 г. были открыты первые училища, и в отчете Департамент уделов признал положенное начало успешным, т. к. «удельные имения будут постепенно приобретать людей грамотных, без чего многие полезные распоряжения делаются весьма затруднительными при исполнении и кажутся для крестьян непонятными»². К 1841 г. сельские училища были заведены почти при каждом сельском приказе, общим количеством 194 училища, а число крестьянских детей, обучающихся грамоте и закону Божию, составило 6312 человек.³

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 37. Л. 48–53.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50. Л. 11–63.

В школу набирали мальчиков от 8 до 12 лет, общее число которых определялось управляющим удельной конторой. Управление училищем закреплялось за учителем. Прием учеников производили приказной голова и приходской священник. Если учеников Главных училищ одеждой обеспечивало ведомство, то ученика сельского училища - семья или, если ученик сирота, мирское общество. При отдаче мальчика в училище ему должны были выдать армяк, кушак, шляпу и сапоги, зимний тулуп и шапку. Система обучения строилась на чтении книг церковной и гражданской печати, рукописей, изучении закона Божия по краткому катехизису, и священной истории. Также учили чистописанию и четырем первым правилам арифметики. В селениях, в которых числилось более 800 душ, образовывался высший класс, где была возможность углубить знания: изучали пространный катехизис, священные истории и окончание арифметики. Закон Божий преподавал священник, остальное – учитель. Существовали и особенности построения образовательного процесса, особенно это касалось учеников высших классов. Так, обучение для мальчиков старше 14 лет носило сезонный характер и зависело от полевых работ. Для мальчиков младше 14 лет учебный процесс был непрерывным.

В отличие от Главных училищ, сельские содержались за счет удельных имений и крестьянского капитала, средства удельного бюджета не тратились. Поэтому обеспечение учебного процесса книгами, таблицами осуществлялось на общественные деньги. Сначала управляющий конторой составлял смету на содержание сельского училища, эти расходы закреплялись крестьянским мирским приговором и утверждались Департаментом уделов. Деньги на сельские училища хранились в приказе. Все приходные и расходные суммы фиксировались в шнуровой книге, которая ежегодно ревизовалась Департаментом уделов.

В документах встречались случаи, когда сельские училища были построены на деньги не Департамента, а благотворителей. Так, ратман Казанского городского магистрата, купец 3 гильдии Федор Антонов выстроил

за свой счет в одном из приказов Казанского удельного имениа дом для сельского училища, снабдив его всеми необходимыми для училища вещами и учебными пособиями, на сумму 5000 руб. асс. За этот поступок он был награжден по представлению Департамента уделов и желанию императора золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее¹.

Срок обучения не был строго оговорен уставом, все зависело от способностей воспитанника. Так, если после испытания ученик признавался «неспособным», то мог обучаться в училище до трех лет. Воспитанники «дурного поведения» исключались. Для поддержания дисциплины была предусмотрена система санкций, она была та же, что и в Главных училищах. Процесс обучения шел во все дни, кроме табельных и воскресных, по 5 часов в день: 4 классных занятия, 1 час для повторения уроков. Сначала учебные часы в расписании выбирал Священник, остальные занимал учитель. Занятия начинались с молитвы: учитель заставлял «одного из учеников читать оную внятно» и следил, чтобы остальные «слушали со вниманием и благоговением»². Отчет об успехах училищ отправлялся в Департамент уделов. Отличившихся учеников могли отправить учиться в Главное удельное училище.

Должность помощника учителя в сельских училищах вводилась только в высших классах, в низших классах в штате числились только учитель и священник. Учитель в низшем классе получал только жалование, а учитель и помощник в тех селениях, в которых учреждались высшие классы, получали сверх жалования возможность проживать в помещении училища, а также получать дрова и свечи.

В учителя и помощники принимались выпускники Главных училищ, но, пока их было недостаточное количество, было разрешено определить «в сей должности всякого свободного и даже податного состояния люди, хорошей

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 45. Л. 183.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151

нравственности»¹. Для помощи в поддержании порядка и чистоты при сельских училищах учреждалась должность сторожа. Сельские училища периодически осматривались управляющим или чиновником Департамента уделов, которые руководствовались инструкцией «при осмотрах надо тщательнейшим образом вникать в учебную, хозяйственную, нравственную части». Ежегодно управляющими конторами готовились отчеты о деятельности сельских училищ и, кроме этого, ежеквартальные «перечневые ведомости» о числе душ в каждом училище².

Распространение сельских училищ активно практиковалось Департаментом уделов и во вновь присоединенных нерусских селениях. Так, во второй четверти к уделам были присоединены селения чувашей в Симбирской губернии. Нацеленное на повышение рентабельности крестьянских хозяйств удельное ведомство отмечало, что и в хлебопашестве и в скотоводстве крестьяне-чуваши не прикладывали должных усилий³. Для исправления ситуации Департамент уделов инициировал открытие во всех чувашских деревнях сельских училищ за счет крестьянского капитала. В 1839 г. были учреждены 14 чувашских училищ, и в 11 из них уже обучалось 550 чувашских мальчиков. Постройка училищ обошлась в 35000, а ежегодное содержание стоило 2600 руб. асс.⁴

Кроме того, с 1858 г. было принято решение о создании приходских школ для крестьянских девочек. Основную часть учителей по-прежнему составляли священники, в удельной деревне Севера в 53 из 95 приходов «изъявили желание учить девочек безвозмездно»⁵.

Итак, созданные Департаментом уделов при личном участии императора Главные и сельские училища должны были решить несколько

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–151

² Там же.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 26–70.

⁵ Котов П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России. // Вестник Удмуртского института. Вып. 3. 2012. С. 105–106.

важных для ведомства задач. Во-первых, в связи с нехваткой в удельных селениях грамотных крестьян были трудности с поиском людей, которые могли бы занимать писарские должности, –разветвленная сеть приказных сельских училищ должна была решить этот вопрос окончательно. Во-вторых, грамотность крестьянства, по мнению самого Департамента, должны была оказать помощь в управлении ими и снизить количество крестьянских выступлений. В-третьих, воспитанники сельских и Главных училищ должны были стать примером «нравственности» и образцом социальных норм для остальных жителей деревни. В-четвертых, система сельских училищ выполняла функции аккультурации для вновь включенных в состав удельного ведомства территорий с преимущественно «нерусским» населением. Крестьяне не видели смысла в обучении своих детей, но не оказывали внешнего сопротивления. Особенно ярко эти противоречия раскрылись еще в начале XIX в. при организации Практической школы земледелия и образцовой запашки.

Практическая школа земледелия

Аграрное образование – это не только «кузница кадров», но и освоение новых технологий, повышение эффективности сельских хозяйств и пр. Как мы уже говорили, необходимость повышения товарности сельскохозяйственного производства являлась постоянной темой для размышления и дискуссий. В середине XVIII в. было создано Вольное экономическое общество, целью которого были теоретические разработки и изыскания, а также распространение полезных для сельского хозяйства сведений, которые должны были принести отличные результаты по урожайности и доходности с каждой десятины. Реализовать на практике предложенные европейскими экономистами новации император решил в удельном хозяйстве, а дальнейшем, в случае успеха, распространить самые эффективные из них на помещичьи хозяйства.

Инициатива организации земледельческой школы пришла сверху. Власти решали сразу две задачи: во-первых, при удачной реализации это позволяло получать большой доход в бюджет Департамента; во-вторых, в рамках политики попечения дать крестьянам инструментарий и знания для более эффективного развития собственного хозяйства¹. Практическая школа земледелия стала первым образовательным учреждением в ведомстве. Она была передана из государственного имущества совершенно безвозмездно. Оставалось только создать высокоэффективное хозяйство, в духе просвещенных идей предыдущего правления. Павел, идеалист по натуре, искренне мечтал увидеть удельные имения образцом для всех хозяйствующих субъектов в империи и считал, что у его задумки есть все шансы осуществиться.

Еще в 1797 г. Павел I, вынашивая идею о сельском процветании России, создал Экспедицию государственного хозяйства, и в этом же году при Экспедиции – школу Практического земледелия. Именно она в 1799 г. была передана Департаменту уделов. Школа находилась между Павловском и Царским селом. Общая площадь опытных полей составляла чуть больше 252 десятин (277 га)².

Первоначально в школу направили четыре семьи (12 человек) удельных крестьян из Санкт-Петербургской удельной экспедиции, приписанных к Ревельскому и Рижскому дворцам. Это были безземельные оброчные крестьяне, которые находились в бедственном положении и накопили недоимки. Позже количество крестьян, проходивших обучение в школе, доходило до 40 человек.

В 1801 г. Департамент уделов дал объявление, адресованное помещикам. Все желавшие научить крестьян рациональным способам хозяйствования могли направить в школу своих крепостных людей. Обучение для помещичьих крестьян, как и для удельных, было бесплатным, но часть

¹ ПСЗ. Собрание 1. 1798–1799. Т. XXV. № 19146. СПб., 1830. С. 807–809.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

расходов все же ложилась на дворян. Помещик должен был обеспечить учеников одеждой, обувью, бельем и кроватью. В школу принимали частновладельческих крестьян физически здоровых, «доброго поведения», в возрасте от 15 до 30 лет. Так как обучение в первую очередь было направлено на овладение практическими навыками, помещик должен был сообщить, по какой конкретно программе будет учиться каждый из учеников. Также они должны были привезти с собой местные орудия труда и семена растений, которые произрастали в том регионе, для изучения местных традиций земледелия¹. Несмотря на предложенные льготные условия и специализацию учебной программы, помещики не проявили особого желания отправить своих крестьян на обучение. Факты говорят сами за себя: только три помещика воспользовались предложением Департамента уделов. В практическую школу земледелия было направлено 11 крепостных крестьян: четыре крестьянина из Московской губернии от генерал-лейтенанта князя Дашкова, 5 человек из Екатеринославской – от полковника Ефремова и двое крепостных из Рязанской губернии – от капитанши Владычиной². По мнению историков, в целом интерес помещиков к усовершенствованиям и создававшимся земледельческим обществам, принимавшим меры по подъему сельского хозяйства, проявлялся всего в 3–4 % случаев³. В Практической школе земледелия предусматривалась возможность обучения и для других категорий податного населения, но уже с оплатой в размере 90 руб. асс. в год.

Весь курс обучения длился три года, но мог быть продлен еще на один год. Образовательная программа была выстроена достаточно гибко, например, можно было выбрать только одну ее часть, тогда срок обучения сокращался и мог составить один год. Если же ученик после окончания основного трехлетнего курса хотел еще научиться столярному, кузнечному, слесарному делу, делать колеса и земледельческие орудия, повозки или механические

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 20 сентября.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1804. 29 апреля.

³ История России от древнейших времен до начала XX в. Под. ред. И.Я. Фроянова. Пособие для абитуриентов. СПб., 1992.

устройства, то срок обучения продлевался еще на один год¹.

Ежегодно из школы должны были выпускать по 10–15 удельных крестьян, обученных новым способам хозяйствования, «...дабы прочие, увидев пользу, могли от них заимствовать»². Предполагалось, что Департамент обеспечит выпускников особыми участками земли для устройства запашек и лесом на льготных условиях³. Кроме того, при выпуске крестьянам выдавался начальный набор семян и необходимые орудия труда. В 1802 г. Практическая школа земледелия выпустила первых учащихся. Из школы в свои селения были отправлены 16 человек. В том же году было объявлено о новом наборе, уже 36 человек⁴.

Первоначально финансирование школы производилось из удельного бюджета и из сельского капитала. Но с 1802 г. Департамент уделов взял на себя расходы и по доставке, и содержанию учеников в размере 3500 руб. асс., которые раньше собирались с удельных имений⁵. Кроме того, на время обучения уплату повинностей за удельных крестьян ведомство брало на себя. По нашему мнению, связано это было не только с завершением организационного периода и стабилизацией удельного бюджета, но и с противодействием возможным возмущениям крестьян, которые не видели пользы в образовании.

В основном учебном плане Практической школы земледелия для крестьян значились предметы

- ✓ по многополью;
- ✓ правильному делению земли на десятины;
- ✓ рытью канав;
- ✓ удобрению земли, в зависимости от ее качества;

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 29 сентября.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

³ ПСЗ. Собрание 1. 1800–1801. Т. XXVI. № 19760. СПб., 1830. С. 534–539.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 23

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 25–26

- ✓ пахотным работам с использованием как отечественных, так и иностранных сельхозорудий;
- ✓ использованию живой тягловой силы и различных механических устройств, а также теплиц, парников и оранжерей;
- ✓ покосу ярового хлеба;
- ✓ выращиванию картофеля, репы и различных корнеьев;
- ✓ приготовлению постного и коровьего масла, сыра, полноценного корма для домашних животных;
- ✓ уходу за плодовыми деревьями, огородами, натуральными лугами, лесными массивами и также за домашними животными;
- ✓ и тому, «как по плану отыскать межи и разбивать место для строения по плану».

Для учениц была своя программа и свои задачи¹. Им объясняли:

- ✓ как правильно ухаживать за домашней птицей, овцами и коровами;
- ✓ как стричь овец;
- ✓ делать масло, сыр и другие домашние заготовки;
- ✓ как изготавливать свечи и мыло;
- ✓ как работать на самопрялках и различной другой домашней работе.

Образовательный процесс предполагал, что крестьяне тут же будут применять полученные знания, поэтому на территории школы были предусмотрены пашни, сады и огороды, усадьба и пастбище для скотоводства, лес. Планировались выездные занятия в разные губернии, чтобы ученики школы могли набраться опыта и узнавать о способах обработки земель в других губерниях. Средства на такие «путешествия» предполагалось брать из доходов школы². В связи с низкой доходностью, о чем мы скажем ниже, ни одной такой поездки за все время существования Практической школы земледелия проведено не было.

¹ Про женское образование см. Гарявин А.Н., Емельянова Т.В., Красникова Ю.Н. Женское среднее и начальное образование в Санкт-Петербурге в пореформенный период // Современная научная мысль. СПб., 2021. С. 61–69.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 51

Чтобы на наглядном примере показать рациональность землепользования, была заведена запашка (около 80 десятин), куда входили луга, двор, хмельник и непосредственно сама пашня, которая была поделена на две части. Одна часть обрабатывалась старым способом, а другая – новым, с использованием пятиполья. Такое деление должно было наглядно показать выгоды обработки земли по-новому.

На запашку отправляли только удельных крестьян, подразумевалось, что остальные ученики смогут практиковаться в своих имениях. Земля была приобретена в Смоленской губернии Михайловского приказа Заможской волости при деревне Поляны. Для присмотра за запашкой и для руководства удельными крестьянами туда был определен наставник – Черепанов. Из отчета за 1802 г. следовало, что полученная земля была разделена на 8 полей. За этой землей было закреплено 16 мужчин и 13 женщин из состава удельных крестьян. Первоначально «примерные усадьбища» содержались за счет сумм Департамента, что нашло отражение в бюджете ведомства: в 1804 г. на запашку было выделено 5387 руб. 10 коп.¹ В плане развития предполагался постепенный переход на самокупаемость за счет доходов, вырученных от продажи семян, сдачи в аренду сельскохозяйственных орудий труда и др.²

Для образовательного процесса усилиями преподавателей школы переводились работы иностранных специалистов, в частности с французского языка были переведены работы дю Гомеля, дю Монсо. Переводы проверялись Департаментом уделов и только после этого могли быть использованы на уроках³.

Ежегодный расход Практической школы земледелия составлял 20040 рублей асс. Из них:

- на жалование служащим – 12700 рублей;
- на содержание 40 удельных крестьян – 2880 рублей;

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 51.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.

- на содержание 4 семей крестьян, которые находились при школе постоянно для хозяйственных нужд, – 600 рублей;
- на ремонт – 3860 рублей¹.

За все время существования школы при Департаменте уделов было потрачено на строительство зданий при школе, на сельские работы, на содержание самой школы 200641 руб.²

Согласно общему отчету, который был направлен в Департамент уделов, к 1803 г. Практическая школа земледелия приобрела орудия труда, мелкий и рогатый скот, птицу и семена и на практике показала, как за счет рационального использования земли можно получить с одной десятины годового дохода более 300 руб., что почти в 3 раза превышало доходность от сельскохозяйственной деятельности по району. Кроме того, на практике была доказана выгода высевания около Петербурга гречи и полбы, не характерных для этих мест. Надо сказать, что уже в пореформенное время полба так и не нашла своего места на полях Северо-Запада, а вот греча высевалась, хоть и реже, чем основные культуры³. В Практической школе были опробованы разные земледельческие орудия для обработки земли. Согласно отчету, поступившему в Департамент уделов, 20 удельных крестьян научились использовать плуг и некоторые другие сельхозорудия. Новшеством являлась попытка вырастить и в будущем распространить на Северо-Западе английскую репу (турнепс) в качестве кормовой культуры скоту. Школа показала способ разведения полезных видов деревьев и для пробы на ее территории было засеяно 140 иностранных деревьев и кустов. Были получены различные способы изготовления лучшего коровьего масла. Ученики получали знания в вопросах межевания и мелиорации, садоводства и огородничества, архитектуры и рисования, и многих других. Практическая

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

² Там же.

³ Ермолов В.А. Трансформация и модернизация крестьянского хозяйства Северо-Запада России в период 1870-1940 гг. (На примере Новгородской области) // Общество. Среда. Развитие. Вып. 3. 2010. С. 23–24.

школа земледелия становилась своеобразной экспериментальной площадкой¹.

Она также должна была восполнять кадровый недостаток специалистов, в первую очередь, в уделах. За период своего существования были подготовлены и направлены в российские губернии три «наставничьих помощника», для усовершенствования знаний в различных областях сельского хозяйства. В рамках целевого заказа Адмиралтейств-коллегии были подготовлены три форшмейстера для наблюдения за лесами. За три года существования школы было вспахано 58 десятин земли. Появился небольшой доход: от продажи хлеба, картофеля, коровьего масла и от продажи сделанных при школе орудий труда.

Несмотря на очевидную пользу Практической школы земледелия в распространении рациональных способов хозяйствования, в 1803 г. Департамент уделов принял решение о ее закрытии. Причин, на наш взгляд, было несколько. Первую отметили сами чиновники удельного ведомства – это нерентабельность ее содержания. За все время существования школы было потрачено 206028 руб. асс., а выручено только 1087 руб. 85 коп.² Была еще одна причина, осложнявшая ситуацию: это обсуждение в Государственном совете вопроса о ликвидации удельной системы вообще. Критике чиновники подвергли само решение обучать крестьян, которые, по их мнению, должны были усерднее работать. Но главным камнем преткновения были большие расходы на ее содержание: «Что же касается до ущерба казенного, то, не говоря о дорогом содержании чиновников и служителей, от нее зависящих, какую издержку школа никогда не будет в состоянии выплатить своими доходами, а усадьбище даже и содержать себя без пособия коронного. Одна только высылка крестьян удельных для учения при школе достаточна к

¹ Красникова Ю.Н. Начало аграрного образования в России: к истории вопроса // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб., 2013. № 30. С. 298–303.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

уничтожению оной»¹. Молодой император, недавно вступивший на престол, еще находился под влиянием сановников.

Помимо больших расходов и экономической нецелесообразности для Департамента содержать школу, была и социокультурная причина. Сами крестьяне не видели пользы в обучении и даже сопротивлялись. Также, по мнению Л.Р. Горланова, крестьяне «не были заинтересованы в резком повышении производительности земледельческого труда, поскольку отчетливо осознавали, что стоит им увеличить ее, как сразу же последует и новое повышение удельного налога». Поэтому, по его мнению, крестьяне предпочитали те мелко-товарные формы производства, которые бы не давали возможности удельному ведомству контролировать получаемые от них доходы², но позволяли им иметь необходимое продовольствие для жизни.

Другие – напротив, после своего возвращения из школы законно требовали от сельских начальников земли, орудия труда и т. п., но на местах обеспечить всем необходимым не было ни возможности, ни желания со стороны чиновников. Показателен случай с организацией и деятельностью образцовой запашки в Смоленской губернии. Когда во время посевной озимого хлеба Черепанову местные власти отказали в просьбе брать крестьянских лошадей, как это предусматривалось внутренними нормативными актами, была составлена жалоба в Департамент уделов; пока ждали ответа (и лошадей), Черепанов с вверенными работниками занимался расчисткой двух десятин земли вручную. Департамент отдал распоряжение Смоленской экспедиции, а та, в свою очередь, – Смоленскому приказу, чтобы по первому требованию наставника лошади были предоставлены. Тут возмутились местные крестьяне, т. к. посевная уже началась и лошади были необходимы им самим. Снова было составлено обращение в Департамент уделов с просьбой разобраться в сложившейся ситуации. За время внутриведомственных разборок время посевной озимого хлеба было

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

² Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865. Смоленск, 1986. С. 25.

упущено¹.

На этом примере прекрасно видно, как традиционные общественные отношения не сдавали позиции и перед новой модернизационной повесткой. Прекрасные идеи и задумки ориентированных на запад чиновников центрального аппарата управления схлестывались в противостоянии с традиционной системой ценностей, а в конце концов, – с человеком. Человеческий ресурс не делался актором процесса модернизации, он игнорировался. А, как показала практика, актором модернизационного процесса должен был стать именно человек. Восприятие социокультурной реальности у населения Российской империи и сельского населения было полярное, именно поэтому решение несложного вопроса занимало много времени².

Более того, во время споров вокруг школы было заведено уголовное расследование по делу о коррупции директора школы тайного советника Бакунина, которого в итоге уволили, назначив ему штраф –компенсировать ущерб в размере 579 руб.³ Но даже смена руководства Практической школой земледелия не помогла ей избежать печальной участи.

После упразднения Практической школы земледелия ее имущество частично передали бывшим ученикам. Первоначально было решено оставить на землях школы 6 мужчин и 10 женщин, по их просьбе. Им было выделено по 8 десятин земли на д.м.п., т. е. 48 десятин земли, остальную землю вместе со строениями было решено передать во владение крестьян ведомства Царскосельской конторы. Оставшимся крестьянам также были переданы 3 избы (для 3 семей), каменная конюшня и ветхий земляной крестьянский двор в общее пользование, а также рогатый скот, лошади, земледельческие орудия

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

² Красникова, Ю.Н. Начало женского аграрного образования в России (дореформенный период). Пути становления аграрного образования: 1904–2014 гг. (Петербуржскому аграрному университету – 110 лет) / Под ред. М. А. Арефьева, Э. Ю. Гальперина, А. Н. Горявина, В. А. Ефимова, А. О. Туфанова, С. Н. Широкова. СПб., 2014. 400 с. С. 54–64.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

«достаточным числом». Надзор за этими крестьянами поручили Санкт-Петербургской удельной экспедиции¹. Но уже в 1815 г. после ревизии этой территории землю и крестьянские строения было решено передать в ведение Царскосельского Городского правления. Крестьян же переселяли либо в прежние места проживания, либо, по желанию, в ближайшие удельные селения на средства Департамента уделов².

Оставшееся имущество в 1803 г. предписывалось продать с аукциона и деньги перечислить на счет Департамента. Находившихся при школе 10 человек из воспитательных домов перевели на Санкт-Петербургскую полотняную фабрику, выделив на каждого по 50 руб. Остальных обучавшихся хлебопашеству удельных крестьян, 22 человека, отправили на прежнее место жительства, обеспечив каждого 25 руб. на устройство³. Сотрудников учреждения перевели на работу в Департамент, в помощь ревизорам. Директора школы Брандорфа уволили, с назначением ему «до смерти половины ныне получаемого жалования, в уважение 25-летней службы в России». Кузнечные и столярные инструменты отдали Санкт-Петербургской полотняной фабрике. В Смоленском усадьбище все имущество передали местным удельным крестьянам⁴.

Итак, Практическая школа земледелия просуществовало около 3 лет и была закрыта Департаментом уделов. В условиях нестабильного пополнения удельного бюджета в первые годы существования уделов приоритетом являлась экономическая политика ведомства, направленная на создание стабильной финансовой системы. Отвлекать экономические ресурсы на развитие социально-экономической сферы было допустимо только при условии самоокупаемости, а в лучшем случае прибыльности проекта. Ситуация осложнялась угрозой ликвидации самого ведомства, поэтому Департамент закрыл школу, не дав ученикам даже закончить программу

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 26. Л. 59–59 об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–91.

⁴ Там же.

обучения. Так же быстро было распродано и имущество школы, чтобы вернуть в удельную казну хотя бы часть израсходованных средств.

Система крестьянского обучения, организация показательных запасек в данный период времени оказались нежизнеспособными и из-за особого мировосприятия крестьянства, которое не видело положительного ни в первом, ни во втором. К любым нововведениям крестьяне подходили с настороженностью, предпочитая все делать, «как отцы и деды наши». В школу учеников провожали, считая их уже «пропавшими» для крестьянского мира, да и общественная запашка выглядела для них странно: предлагаемый способ улучшенного земледелия (пятиполья) был возможен, лишь при наличии у крестьян не менее 15 десятин удобной земли, а такого земельного фонда у них не было.

Но не только крестьяне не восприняли меры Департамента для улучшения качественной подготовки земледельца. Столь же незаинтересованными в инициативах ведомства проявили себя помещики. Ведь лишь трое (!) из них на всю Россию согласились отдать своих крепостных в бесплатные школы Департамента для обучения земледелию и ремеслам.

Земледельческое училище

Вся первая четверть XIX в. была занята удельной администрацией на организационную и правотворческую работу. Создать эффективную систему управления удельными имениями оказалось делом довольно сложным, особенно на местах, так как приходилось сталкиваться не только с администрированием самых имений, но и с управлением несколькими сотнями тысяч крестьян.

В правилах об устройстве в удельных имениях общественной запашки особо оговаривалось, что часть средств, вырученных от продажи излишков хлеба, формировали особый крестьянский капитал. К 1832 г. его размер составил более 2 млн руб. асс. П.М. Волконский предложил использовать его «на усовершенствование хлебопашества, которое, находясь у нас в почти

первобытном состоянии, требовало внимания правительства»¹. Для этого было предложено организовать училище, в котором крестьянские мальчики из разных удельных имений обучались бы земледелию и необходимым в деревенском быту ремёслам. Лучших из них планировалось определять потом смотрителями общественных запашек, а менее способных – приказными писарями². 15 мая 1832 г. было принято Положение об удельном земледельческом училище, действовавшее 25 лет почти без изменений.

Для обучения набрали 250 крестьянских мальчиков в возрасте от 16 до 19 лет из разных удельных селений. Продолжительность курса составляла 4 года, после чего воспитанники оставались еще на два года для практических занятий. За это время их обучали грамоте, некоторым предметам начального образования, улучшенным приёмам земледелия, скотоводству и некоторым ремёслам. Пища, одежда и весь образ жизни учеников должны были соответствовать обычному крестьянскому быту, «дабы потом крестьяне в смотрителях видели подобных себе и перенимали способы земледелия»³. Поэтому при училище не полагалось никаких посторонних рабочих — всю домашнюю работу выполняли сами ученики. При новом наборе в училище Департамент уделов ежегодно составлял список с нужным количеством крестьян и указанием контор, из которых планировалось укомплектовать классы. Управляющие конторами, в свою очередь, лично набирали указанное количество учеников. Расходы по доставке крестьян, снабжение их одеждой и обувью производилось из средств приказов⁴.

Для размещения земледельческого училища и фермы при нем был выбран участок в 85 десятин на шестом километре от С.-Петербурга по Выборгской дороге⁵. На этом участке были построены: главный дом с

¹ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 402.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 99–100об.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 40. Л. 106–119.

⁴ Там же.

⁵ Территориально месторасположение совпадает со станцией Удельная Финляндской железной дороги.

церковью, рекреационным залом и классами, дом для служащих, столовая и спальня для учеников, кухни, мастерская и другие хозяйственные помещения. Директором вновь открывшегося училища был назначен Матвей Андреевич Байков, бывший профессор математики и агрономии¹. Деятельность Байкова положительно оценивалась Департаментом уделов. Позже в качестве поощрения двух его детей определили «пансионерами» за счет удельных сумм: сына Андрея – в Училище правоведения (428,57 руб. в год), а дочь Марию – в Воспитательное общество благородных девиц (350 р. в год)².

Штат училища состоял из директора с помощником, эконома, священника и лекаря. Для классных занятий были приглашены 4 учителя из воспитанников Красносельской учительской школы, а для обучения ремёслам – 10 мастеров, выбранных из удельных крестьян. Согласно общему плану обучения, воспитанники летом должны были заниматься преимущественно полевыми работами, а зимою – занятиями в классе и, кроме того, в течение всего года в мастерских – разными ремеслами.

Отведенный училищу участок представлял собою землю, ранее никогда не обрабатывавшуюся, с почвой болотистой и частью песчаной. Всегда полевые занятия воспитанников, которыми руководил сам директор, начинались с обработки под посев такой земли. Для осушения почвы прокапывались канавы; затем земля очищалась от кустарника, выкорчевывались корни, рубились кочки, собирался в кучи мох и вереск и, таким образом, «участок приводился в культурное состояние». В первую осень таким образом было подготовлено 11 дес. к посеву яровых культур, а в 1834 г. было возделано еще 28 десятин. Подобные работы производились ежегодно, и чтобы в распоряжении училища имелось всегда необходимое количество такой целинной земли, к участку было прикуплено несколько соседних земель, в итоге общая площадь достигла почти 400 дес. При обработке земли

¹ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 403.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 50. Л. 78.

воспитанники знакомились с разными способами удобрения полей¹. При пашне, бороне, посеве, уборке и других полевых работах для сравнения более усовершенствованных орудий с крестьянскими нередко одна и та же работа велась параллельно на двух смежных полях разными орудиями.

Классные занятия велись под руководством учителей. Весь курс состоял из трёх классов, при этом в последнем, высшем, предусматривалось двухлетнее обучение. В низшем классе воспитанники учились чтению, письму, четырём правилам арифметики и Закону Божию; в среднем, кроме продолжения занятий по общим предметам, изучалась теория хлебопашества; в высшем классе – проходили разъяснение Евангелия и литургии, продолжалось изучение теорий хлебопашества, применявшихся на практике, учили основам механики. Каждые 3 месяца проводились проверки успеваемости учеников, а раз в году, в феврале, публичный экзамен, обычно в присутствии Вице-президента или членов Департамента уделов. Лучшие воспитанники, «в особенности из числа оканчивавших курс, награждались похвальными листами и цветными рубахами»².

В 1842 г. чиновники удельного ведомства рапортовали, что новый набор мальчиков, вместо выпущенных (136), «замечателен тем, что крестьяне, убежденные выгодами улучшенного хозяйства при образцовых усадьбах, сами просили о помещении детей в училище, тогда как прежде отдавали их неохотно». Ремесленные занятия: постройка изб из самого дешевого леса с соломенной несгораемой кровлей и глиняною смазкой стен, – оказались вполне удовлетворительными, «изба тепла, суха, совершенно безопасна от огня, и при всем том постройка стоит в десять раз дешевле против обыкновенного способа»³.

Но на самом деле отношение крестьян к обучению не изменилось, что хорошо видно при наборе в училище уже в пореформенное время.

¹ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 403.

² История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 405–406.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 22–70.

Департамент уделов предложил бывшим удельным крестьянам возможность обучать бесплатно в училище детей. Между тем, несмотря на неоднократные приглашения, желавших воспользоваться этой возможностью оказывалось мало. К 1866 г. из 60 учеников детей бывших удельных крестьян насчитывалось только 14, причём в последние два года не поступило ни одного. Помещали своих детей в училище почти исключительно лица других сословий и преимущественно на бесплатные вакансии; платных же учеников было всего 11 человек. Поэтому Департамент уделов решил земледельческое училище закрыть уже в 1867 г. Здания, по соглашению с министром внутренних дел, были переданы под устройство пригородной больницы для хронических больных, а ферма с землёю сдана была в аренду¹.

Ремесленные училища

В 1840 г. в удельных имениях отдельно были организованы ремесленные училища. Первоначально было решено организовать по одному в каждой удельной конторе. Ремесленные училища устраивались всегда в больших селениях и, по возможности, при удельных приказах, так как непосредственное управление училищем было возложено на приказного голову. Он ведал всей хозяйственной частью заведения; ему были подчинены как мастера, так и ученики, и он обязан был наблюдать, чтобы заведение находилось в порядке и обучение шло успешно. В каждом училище обучалось 20 учеников из крестьянских мальчиков не моложе 18 лет. Ученики набирались из числа сирот или тех, кто по каким-либо незначительным физическим недостаткам не годился в рекруты, и преимущественно из малоземельных селений, где крестьяне «или вовсе не знали никаких промыслов, или занимались промыслами, вредными для их нравственности и хозяйства, как например, бурлачеством»². Набор учеников производился с согласия их семей, при этом за каждого ученика выдавалось на наем работника

¹ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 415.

² История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 418.

по 15 руб. в год.¹ Продолжительность обучения была 3 года, но могла быть увеличена. Так как при училищах помещений для размещения учеников не полагалось, то они проживали у крестьян того селения, в котором находилось училище. Крестьянин получал на содержание ученика ремесленного училища определённое количество хлеба и по 7 руб. в год. Кроме того, за учеником прописывалась обязанность в свободное от учебы время помогать этой семье по хозяйству. Обучали крестьян вольнонаёмные мастера².

Обучение тем или иным ремеслам происходило по желанию самих крестьян. Поэтому программа каждого ремесленного училища могла отличаться. Чаще всего крестьяне выбирали кузнечное ремесло, вторыми по популярности были столярное, бочарное, тележное дело, дубление овчин. Чуть реже выбирали слесарное ремесло; потом следуют: кожевенное, валяние шляп, шерстобитное, колесное, токарное, плотничное, печное, витье верёвок и делание кирпича. В 1848 г. Департаментом уделов программы училищ были дополнены введением в них обучения Закону Божию и молитвам. Но найти нужное количество учителей не смогли, в целях экономии даже пробовали отправлять учеников для обучения грамоте в сельские училища. Но посещение сельских училищ отнимало слишком много времени от занятия ремеслами, да и по возрасту ученики ремесленных училищ не подходили учившимся в школах³.

По мнению П.П. Котова, который более детально рассмотрел ремесленные училища на Европейском севере России, «влияние выпускников этих училищ на крестьян было менее заметно, чем влияние хозяев образцовых усадеб. После учёбы они не получали никаких льгот и материальной помощи, растворялись среди крестьян, часто не имея возможности применить

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 48. Л. 22–70.

² Там же. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 13–70.

³ Красникова, Ю.Н. Реализация профессионального образования в Российской империи в первой половине XIX века (на примере организации ремесленных училищ в удельных имениях // Двадцать вторые петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. 16–17 декабря 2021. СПб., 2021. С. 333–338.

полученные знания на практике. К 1859 г. из 50 выпускников Архангельского училища 37 не имели даже собственного хозяйства»¹. Ремесленные училища были закрыты в 1861 г. в связи с тем, что, по условиям отмены крепостного права, хлебный капитал передавался Министерству внутренних дел, а крестьянский мир отказался, в свою очередь, брать их на свой баланс.

Землемерское училище

В 1828 г. было принято Положение по землемерскому училищу, целью учреждения было в первую очередь восполнить нехватку землемеров в удельном ведомстве и подготовить чиновников, понимавших в межевании. Открылось удельное землемерское училище в 1832 г. в Петербурге.

Планировалось набрать 30 мальчиков возрастом от 13 до 17 лет из детей нижних чинов Министерства императорского двора. С разрешения министра уделов можно было добирать учеников и из детей лиц другого состояния.

Основными требованиями к ученикам были: умение читать и писать по-русски, знать четыре правила арифметики, быть «здорового сложения, без физических недостатков, что лично удостоверялось при осмотре директором и доктором Министерства императорского двора»².

Директор училища назначался в должности министром и был подчинен вице-президенту. Учителей же назначал вице-президент Департамента уделов. Дисциплина в училище была строгая, что привело даже к нарушению учениками распорядка. В 1832 г. двое воспитанников, Арнаутов (18 лет), сын придворного брантмейстера, и Григорьев (17 лет), сын придворного скатертника, «оказали неповиновение и грубость начальству, и подговорив товарищей произвели в училище беспорядок». Ученики жаловались на еду плохого качества и на строгое обращение с ними директора. В итоге за неповиновение порядкам в училище воспитанники были наказаны отдачей в солдаты³.

¹ Котов П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского института. Вып. 3. 2012. С. 106.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 96–103.

³ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 40. Л.125–125 об.

В 1832 г. в штате землемерского училища числились четыре землемера и столько же их помощников, а также восемь учеников землемера. Отдельным нормативно-правовым актом им было увеличено жалование: т. к. должности были приравнены к столоначальникам, землемеры получали 1500 руб. асс., помощники землемеров – 1200 руб., ученики: старшие 600 руб., младшие – 400 руб.¹ Работы землемерам было так много, особенно после присоединения земли в Симбирской губернии, что уже в 1838 г. штат Чертежного стола Департамента уделов был расширен до 20 землемеров и 25 их помощников, с окладом первым 1500, вторым 1200 руб. асс.²

Правда, не все ученики желали оставаться землемерами. Так, воспитанник училища, сын швейцара двора его высочества великого князя Михаила Павловича, Егор Гредер после окончания учебы в 1836 г. был определен в чине коллежского регистратора (14 кл.) на службу по удельному ведомству в Симбирскую удельную контору вместе с другими землемерами для измерения удельных земель. «За многократное неисполнение обязанностей и самовольную отлучку из Симбирска» был наказан, и в 1838 г. переведен «в Чертежную Департамента уделов для ближайшего за ним надзора»³. Но скоро «отлучился самовольно от должности», за что был под арестом более месяца. После этого министр подвергал его аресту еще несколько раз, а в апреле делал ему личное замечание, но он продолжал «уклоняться от службы под разными мнимыми предлогами», сразу после ареста «употребляет ее (свободу) во зло, и в департамент к своей должности не является»⁴.

В пореформенное время, в 1866 г., как все остальные образовательные проекты Департамента уделов, землемерское училище было закрыто, а лишние по штату чиновники уволены.

¹ РГИА. Ф. 515. Оп.1. Д. 40. Л. 17–18.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 89–90

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 132–132об.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 132–132об.

Образовательный процесс удельных крестьян шел и на ведомственных предприятиях, – например, ткачеству и прядению обучали на полотняной фабрике. В 1830 г. было открыто обучение при Петергофской бумажной фабрике мастерству, а также при Петергофской бумажной и гранильных фабриках готовили фабричных писцов¹.

Крестьян отдавали на обучение и в другие учреждения, не подведомственные Департаменту. Так, в 1804 г. 25 мальчиков из удельного ведомства были отправлены для обучения на Фарфоровый завод². В 1801 г. Департамент принял решение отдать 100 душ удельных крестьян на обучение на 8 лет Лебургу, владельцу суконной фабрики в Гатчине³. В 1857 г. было передано несколько мальчиков на частные производства в Нижегородской губернии для изучения механических средств производства и в Самарской – для обучения кузнечному, слесарному ремеслу и «деланию пожарных труб»⁴. Кроме того, все нанимаемые уделом на работу специалисты должны были выучить несколько крестьянских детей. В 1857 г. учениками землемеров, архитекторов, ветеринаров, фельдшеров, докторов и других специалистов в удельной деревне Севера являлись 75 крестьян⁵.

Несмотря на скрытое сопротивление крестьянства обучению вообще, определенная результативность после реализации различных образовательных программ присутствовала. Так, в 1861 г. в Верховском приказе Вологодской губернии умело читать и писать 10,5 % всех мужчин и 0,3 % женщин,⁶ что выше, чем в помещичьей деревне, где крестьяне большей частью оставались неграмотны.

Итак, благодаря использованию внутренних ресурсов удельного

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 38. Л. 30-34.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 14. Л. 61.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

⁴ История уделов...Т. 2. СПб., 1902. С. 423.

⁵ Котов П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского института. Вып. 3. 2012. С. 106.

⁶ Котов П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского института. Вып. 3. 2012. С. 105.

бюджета и крестьянского капитала Департаменту уделов удалось создать целую сеть образовательных учреждений на подведомственной ему территории. Каждое из них должно было решить свои задачи. Все образовательные учреждения удельного ведомства вели как практическое обучение, так и теоретическое. Обязательным в системе обучения было повышение нравственности крестьян через введение в курс Закона Божьего и молитв. Кроме того, начальное образование широко использовалось при аккультурации присоединяемых к уделам новых территорий с преимущественно «нерусским» населением.

Особенностью реализации образовательных программ была и гендерная направленность. В основном под реализацию образовательных программ попадало мужское население удельных имений. Но уже с конца XVIII в. и в практической школе земледелия, и на полотняной фабрике обучали как мальчиков, так и девочек.

Несмотря на то, что большей частью содержание образовательных учреждений легло на крестьянство, нами не было выявлено ни одного случая внешнего проявления социального протеста по этому поводу. Но при этом присутствовали внутренние, скрытые формы протеста. Те способы хозяйственной деятельности, которые предлагал Департамент уделов в реальной жизни, были трудно реализуемыми. Приказная власть, которая состояла из тех же крестьян, видела во всех усовершенствованиях хозяйственно-бытовой жизни удельных крестьян только лишнюю головную боль для себя. Бывшие ученики образовательных программ сталкивались с непониманием и местных властей, и крестьянского общества.

Организация учебных заведений решением «сверху» оказалась зависима от текущих изменений политического курса и отражала все противоречия общественной жизни. Несформированность общественных институтов, низкий культурный уровень в целом, в том числе чиновничества удельного ведомства, косность и невежество сельского населения ставили под сомнение сам вопрос о необходимости образования и школы для народа. Государство,

«насаждая» школы, зачастую оставалась одиноким борцом на этом пути, встречая непонимание дворянства и сопротивление сельского населения.

Выводы к четвертой главе

Император Павел I в 1797 г. на законодательном уровне упорядочил и закрепил жесткую регламентацию фиксированных денежных сумм, выделявшихся младшим членам императорской семьи, обеспечив устойчивость их финансирования. Экономически Департамент имел для этого все возможности: ему были выделены первоначальный капитал на развитие, земли, имущество, крестьяне. Несмотря на то, что закон определил объем удельного бюджета, четко прописав размер содержания для каждого члена императорской фамилии, динамика расходов «сверх расписания» увеличивалась от царствования к царствованию. На практике оказалось, что средств требовалось гораздо больше, чем планировалось документом. Департамент уделов был вынужден постоянно искать возможности для прироста удельных средств, в том числе и путем расширения экономической инфраструктуры. Особенно примечательны экономические проекты Департамента уделов, которые реализовывались в условиях новой рыночной действительности.

Первые десятилетия XIX в. оказались временем интенсивного развития промышленного производства в Российской империи в целом, появления важных технических новшеств, роста торгово-промышленных селений, городов и т. д. В изучаемый нами период Департамент уделов также инициировал ряд промышленных проектов в удельных имениях, которые должны были стать образцом для развития данной отрасли. К сожалению, ни один из них не имел длительного успеха.

В результате исследования удельной хозяйственной инфраструктуры мы пришли к выводу, что в реализации проектов Департамента уделов в первой половине XIX в. проявилась вся противоречивость ранних этапов модернизации в Российской империи. С одной стороны, Департамент уделов

обладал существенным экономическим потенциалом; ему покровительствовал император и члены его фамилии, поэтому в нужное время включались политические механизмы принятия решений. Ведомство сосредоточило в центральных органах управления людей образованных и инициативных, отвечавших за стратегическое развитие, которые постоянно генерировали новые идеи. Они имели богатый хозяйственный опыт и уже мыслили западными категориями прибыли. Они получили под управление самые разнообразные ресурсы, чтобы совершить рыночный переворот: первоначальный капитал, средства производства, имели предпринимательские способности и желание менять. Они думали, что, если изучить западную практику и внедрить ее в России, и все заработает. С другой, сложившаяся у крестьянства патерналистическая система взглядов и убеждений в результате проводимой Департаментом уделов политики «попечительства» нивелировало фактор заинтересованности сельского населения удельной деревни в росте производительности своих хозяйств, и ответственности, перекладывая их на ведомство. Оказалось, что рыночные механизмы были не в состоянии переломить человеческий фактор. При реализации целого ряда проектов удельные чиновники столкнулись с непреодолимой силой в лице крестьянства. А именно они должны были стать субъектом проведения этих проектов в жизнь, но не поняли свою роль. Промышленный прогресс сталкивался с традиционным обществом и его укладом. Развитие капиталистических отношений, промышленный прогресс, появление здоровой конкуренции подталкивали удельное хозяйство к существенным изменениям экономического подхода.

Низкий спрос на удельные товары был связан с давлением как внутренней, так и внешней конкуренции. Мануфактура еще могла соседствовать с низкоквалифицированным трудом, а вот фабричное производство требовало труда квалифицированного работника. Чтобы выдержать конкуренцию, требовалась системная перестройка подхода к производству, в частности, к рекрутингу рабочих полотняной фабрики. Вместе

с тем надежды на то, что занятые на предприятии удельные крестьяне проявят энтузиазм в овладении профессиональными навыками, в большинстве случаев не оправдались.

Зато в сфере арендных отношений Департамент уделов занял прочные позиции, существенно увеличив свой пассивный доход. На протяжении всего изучаемого нами периода высокую доходность своего бюджета Департамент уделов поддерживал за счет экстенсивного развития, т. е. количественного увеличения факторов производства. Вовлечение в производство дополнительных ресурсов капитала (средств производства) и земли происходило, в частности, за счет расширения объема оброчных статей, количество которых всю первую половину XIX в. увеличивалось, во-первых, за счет ремонта ветхих строений, во-вторых, за счет покупки у оброчных статей у частных лиц и учреждений, в-третьих, за счет строительства новых, и в-четвертых, за счет оформления в удельную собственность большинства оброчных статей мелких промышленников. Это привело к тому, что во второй четверти XIX в. в расписании доходов императорской семьи по приносимой прибыли они заняли второе место после дохода, получаемого с удельных крестьян, в целом увеличившись за рассматриваемый нами период более чем в 10 раз.

В рамках существовавшей еще с екатерининских времен дворянской консервативной мысли важным фактором поддержания крестьян в тяглоспособном состоянии был патернализм. Со второй четверти XIX в. политика попечительства приобрела организованный характер и стала средством решения социально-экономических задач ведомства. В ее рамках, например, была организована отлаженная система оказания медицинской помощи в условиях стационара и на дому. Ко времени отмены крепостного права удельные медицинские учреждения были открыты в половине удельных контор, а врач и фельдшеры были в каждой. В целом, развитие здравоохранения положительно сказалось на динамике смертности среди удельных крестьян и их естественном приросте.

Удельное управление брало на себя и решение ежедневных бытовых проблем удельных крестьян. Кроме организации медицинской помощи, программы взаимного страхования крестьянских домов от пожаров, Департамент уделов реализовывал и другие виды хозяйственно-бытовой деятельности: развитие ветеринарной службы, распространение травосеяния, новых сельскохозяйственных культур – картофеля и кукурузы, применение улучшенных орудий труда, учреждение ремесленных училищ, школ, создание значительных запасов общественного хлеба.

Политика попечительства вызывала в крестьянах чувство патернализма, которое использовалось властью для формирования положительного образа самодержавия в глазах подданных. Механизмы воздействия на общественное мнение сказались на характере выступлений удельных крестьян, среди которых не было ни одного, настроенного против царствующей династии.

В рамках концепции попечительства, среди прочего, предусматривалось развитие в удельных селениях сети образовательных учреждений, которое можно разделить на два этапа, совпадающие со сменой императоров. Первая четверть XIX в. характеризуется неудачной попыткой создания ведомственных учреждений для обучения удельных крестьян. На этом этапе у ведомства были другие первоочередные проблемы, требовавшие решения, поэтому вопросы образования решались по остаточному принципу. Для этого периода характерно включение в состав обучающихся представителей других податных сословий. Второй этап, вторая четверть XIX в., когда в удельном ведомстве была создана целая сеть образовательных учреждений, выполнявших конкретные внутриведомственные задачи, поставленные Департаментом уделов. Несмотря на то, что большей частью содержание образовательных учреждений легло на крестьян, нами не выявлено ни одного случая внешнего проявления социального протеста по этому поводу. Но при этом присутствовали внутренние скрытые формы протеста. Образование, кроме получения конкретных знаний, умений и навыков, становилось инструментом нравственного воспитания. Кроме того, начальное образование

широко использовалось при акультурации присоединяемых к уделам новых территорий с преимущественно «нерусским» населением. Все образовательные учреждения удельного ведомства вели как практическое обучение, так и теоретическое.

Организация учебных заведений решением «сверху» оказалась зависима от текущих изменений политического курса, отражала все противоречия общественной жизни. Несформированность общественных институтов, низкий культурный уровень в целом, в том числе чиновничества удельного ведомства, косность и невежество сельского населения ставили под сомнение сам вопрос о необходимости образования и школы для народа. Власть, «насаждая» школы, зачастую оставалась одиноким борцом на этом пути, встречая непонимание дворянства, скрытое сопротивление сельского населения. Да и те способы хозяйственной деятельности, которые предлагал Департамент уделов, в реальной жизни были трудно реализуемыми. Приказная и региональная власть видела во всех усовершенствованиях хозяйственно-бытовой жизни удельных крестьян только лишние проблемы.

Крестьянство являлось активным участником тех процессов, которые проходили в Российской империи первой половины XIX в. Внутренние законы обычного права в крестьянской общине были для нее более значимыми и регулировали общественные отношения в деревне. Крестьянство не было готово к самоэксплуатации, как наемный рабочий, предоставленный сам себе, вынужденный нести материальную ответственность за себя и свое семейство. Крестьяне продолжали жить по нормам традиционного общества, они имели уверенность в завтрашнем дне, поэтому не хотели брать на себя те заботы, которые накладывались зарождавшимся индустриальным обществом. Система попечительства создавала атмосферу стабильности, при которой Департамент уделов брал на себя заботу о всех повседневных заботах крестьянства, от него же требовалось выполнять вполне привычные функции. Модернизационные процессы взаимообусловлены и не могли развиваться вне социального контекста.

С другой стороны, Департамент уделов, несмотря на попытки интенсифицировать экономику удельного хозяйства, устраивали уже сложившиеся методы контроля и заботы о сельском населении. Они выстраивали уже понятную модель взаимоотношений, с достаточно предсказуемыми вариантами поведения. Ослабить контроль за экономическими процессами, позволить развить точки модернизационного экономического роста – ведомство еще не было готово.

Заключение

К первой половине XIX в. проявился весь комплекс противоречий между нарождавшимся индустриальным обществом и не сдававшим позиции традиционным. Вся противоречивость промышленного переворота и модернизации в Российской империи отразилась на истории удельного управления и развитии его хозяйственной инфраструктуры.

По инициативе императора Павла I в 1797 г. было создано новое государственное учреждение – Департамент уделов. Ведомство должно было принять в управление имущественный комплекс, который бы позволил, по задумке законодателя, обеспечить устойчивое финансирование членов императорской фамилии. С начала XVIII в. в бюджетной политике обозначилась тенденция к разграничению финансов на государственные и личные средства царствующего дома. Нормативно и организационно такое разделение осуществил император Павел I, который сам был сторонником экономии. «Учреждением об императорской фамилии» вводилась принципиально новая схема содержания представителей царствующей династии. Члены императорского дома, отдаленные от занятия престола, с конца XVIII в. получали содержание из бюджета Департамента уделов в строгом соответствии с расписанием. Для формирования удельного бюджета передавались государственные имущества, а именно дворцовые имения и крестьяне, приписанные к этим землям.

Для реализации поставленных целей была образована иерархичная структура администрирования удельного хозяйства. Перед удельными властями ставилась вполне конкретная задача по наполнению удельного бюджета. При этом подразумевалось не просто выкачивание средств из деревни и обременение подведомственных крестьян налогами, а создание современной и эффективной системы экономии, которая могла бы стать образцом для других хозяйственных структур Российской империи. Это сделало удельные имения своеобразной экспериментальной площадкой для

реализации различных хозяйственных проектов. Наиболее успешные из них были масштабированы в общегосударственные мероприятия.

Департаменту уделов для оперативного принятия решений и взаимодействия с прочими государственными структурами (Комитетом министров, Сенатом, Синодом, Министерством просвещения и т. д.) по поводу управления подвластными крестьянами и имуществом требовалась отлаженная и эффективная система управления. По структуре ведомство повторяло устройство государственного управления и включало в себя три уровня: центральный, региональный и местный.

Центральными органами управления удельными именьями являлись Департамент уделов и канцелярия. Департамент постепенно обособлялся от государственных учреждений Российской империи и выводился из-под их контроля, т. к. не имел общегосударственного значения. Возглавлял Департамент уделов министр, должность которого вводилась на основании «Учреждения об императорской фамилии». Но само министерство так и не было создано, а Департамент в 1826 г. стал структурной частью Министерства императорского двора и уделов. Министр Департамента уделов был подотчетен только императору и пользовался особым доверием, а часто и личной дружбой императора, и в силу этого мог достаточно эффективно влиять на политику внутри ведомства, несколько устранившись от общегосударственных проблем.

В прямом подчинении у министра находились его заместители (товарищи). Первоначально их компетенции были незначительными. Со второй четверти XIX в. на основании внутренних локальных нормативно-правовых актов начался процесс расширения компетенций первого товарища министра существенными исполнительными полномочиями. За ним закреплялась ответственность за работу Департамента уделов и состояние денежных средств. Вице-президент Департамента уделов, особенно в отсутствие министра, фактически становился руководителем ведомства. Такое отделение должности первого товарища министра от остальных товарищей

было связано не только с необходимостью разграничения функциональных обязанностей, но и с личными мотивами императора Николая I, который окончательно обособил Департамент уделов от механизмов внешнего управления. Ведомство и подчинённые ему структуры достигли к середине 1830-х гг. практически полной автономии. С этого времени все хозяйственные распоряжения регулировались исключительно внутренним законодательством и нормативно-правовыми актами, исходившими напрямую от императора. Чем больше Департамент уделов и система управления в целом отделялись от общегосударственного ведения, тем больше росла внутренняя система нормативно-правовых актов. Даже те сферы общественной жизни, которые попадали под общегосударственное регулирование, имели свои специфические черты и свою практику применения.

Основные полномочия центрального органа власти заключались в формировании удельного бюджета; выдаче денежных сумм членам императорской семьи в определенных размерах, согласно специальной ведомости; проработке мероприятий по повышению доходности имений и др. Стиль управления ведомством в результате проведенной административной реформы 1808 г. со стороны Департамента стал более жестким, что проявилось, в частности, в росте объемов административных распоряжений и инструкций, направлявшихся в регионы. Это было связано с необходимостью унификации приемов управления разбросанными по огромной территории удельными имениями, а также с потребностью утверждения на практике нового статуса региональных органов удельного управления, выведенных с 1808 г. из подчинения губернаторам, губернским прокурорам и Казенным палатам. Все это привело к увеличению внутреннего документооборота в удельном ведомстве.

Следующий уровень был представлен региональными органами управления: это удельные экспедиции, а после реформы 1808 г. – конторы. Их главной задачей являлась организация хозяйственного управления удельным имением, обеспечение порядка в удельных селениях, прежде всего, в вопросах

сбора податей. Отношения между губернскими и удельными властями в изучаемый нами период характеризовались жёстким противостоянием, что привело к постепенному процессу более детальной регламентации межведомственных отношений и разграничению сфер компетенции, производившемуся путем принятия отдельных нормативных правовых актов (законов, правил, циркуляров и проч.). Со второй четверти XIX в. в отношении удельных селений за губернскими властями сохранялись лишь функции надзора.

Нижним звеном системы управления удельными имениями по закону 1797 г. стали сельские удельные приказы. Состав приказов, важного института крестьянского самоуправления, формировался на выборной основе. Департамент уделов и экспедиции сохраняли в отношении сельских удельных приказов функции вышестоящих административных органов, но на основании «Учреждения...» не могли напрямую вмешиваться во внутренний порядок сельского удельного управления и отдавать распоряжения непосредственно сельскому обществу. Практически сразу эти нормы удельного законодательства стали считаться условными. Позже это право удельных властей было закреплено законодательно, в 1808 г. сельские приказные выборные были в административном управлении подчинены конторам. Нормативно-правовому регулированию были подвергнуты все основные элементы крестьянского самоуправления. Таким образом, во второй четверти XIX в. право крестьян на самоуправление, предусмотренное законом 1797 г., было ограничено.

Все чиновники Департамента уделов и контор состояли на государственной службе и подчинялись общим правилам ее прохождения. Главным отличием от прочих гражданских и военных чиновников было то, что содержание штата и финансирование всех расходов по управлению ведомством осуществлялись не из государственной казны, а из обособленного от нее удельного бюджета.

Юридическое оформление и решение организационно-административных задач в удельной деревне, формирование ее границ не были одномоментными актами. Это была довольно сложная и многозадачная организационная работа. Динамика изменения границ удельных имений в первой половине XIX в. была связана со средоточием территорий для более удобного управления и компактного расположения. Форма организации территориального пространства удельного имения была обусловлена необходимостью решения конкретных задач. Сложившаяся форма позволяла эффективно решать социально-экономические вопросы, которые возникали в ходе эволюции уделов. Компактное скопление населённых пунктов позволило создать сложную, но более управляемую динамическую систему с единым центром принятия решений. Механизмом реализации большего сосредоточения удельных имений стал обмен между государством и уделами. При этом инициатором размена с государством выступал исключительно Департамент уделов при поддержке Николая Павловича, действуя вопреки государственным интересам. Такая политика позволила увеличить доходность удельного бюджета. После обмена 1836 г. общая капитализация имущества, находившегося в собственности уделов, составила чуть больше 50 млн руб. асс.

Были и другие причины подвижности общей границы территории удельного имения в Российской империи: изменения в территориально-административном делении самого государства, переоценка рациональности владения некоторыми территориями и безземельными крестьянами.

В результате организации удельного имения появились территории, пользующиеся определёнными правами самостоятельности. Они управлялись на основании дополнительно принятых локальных актов, но в целом их автономия не противоречила «Учреждению об императорской фамилии». В рамках правосубъектных отношений за всеми членами императорской фамилии было закреплено условное владение на удельное имущество. Общий удел в изучаемый нами период сохранил свою целостность, несмотря на

нормативную возможность выделения его части в личное пользование. Особый интерес вызывает выделение особого удельного имения, закрепленного за Екатериной Павловной. Юридически такая процедура была прописана законодателем, но на практике это было реализовано лишь единожды за всю историю уделов. Правители в целом не соглашались на такое дробление. Владелец особого удела пользовался лишь правом условной собственности; территории находились под управлением Департамента уделов и подчинялись общему нормативно-правовому регулированию. Несмотря на это, существовала особенность управления этими территориями, например, в реализации прав наследования.

Существование Департамента уделов, да и всей хозяйственной структуры уделов современники не поддерживали. Им казалось, что ведомство дублировало уже существовавшие в системе управления учреждения, перегружало общую структуру государственных органов Российской империи и отвлекало значительные ресурсы. Этот вопрос вызвал острые дискуссии на заседаниях Государственного Совета в период 1801–1803 гг.

Общий объем документооборота Департамента уделов в изучаемый нами период увеличился. В эволюции делопроизводства наблюдались следующие тенденции. Во-первых, постепенно сокращалась интенсивность межведомственной переписки, но при этом росла внутренняя документация. После проведенной в 1808 г. административной реформы и выведения региональных структур из-под опеки губернских органов власти увеличилось количество административных распоряжений и инструкций. Министр уделов и Департамент, добиваясь единообразия в ведении дел, стали посылать в удельные конторы и отделения циркулярные предписания не только по вопросам общего характера, но и решения, принятые по частным случаям, а также разъяснения по вопросам, поступавшим с мест, о применении или толковании отдельных нормативных правовых актов. Это привело к нарастанию внутренних документальных потоков и пространной

внутриведомственной переписке. Во-вторых, со второй четверти XIX в. в ведомстве меняется тональность распоряжений и взаимодействий с государственными учреждениями Российской империи. Департамент уделов, все больше отделявшийся от общегосударственного регулирования, позиционировал себя как коронное учреждение, имевшее закрытый характер.

Проблема коррупции в удельной деревне оставалась актуальной весь изучаемый нами период. Этот процесс провоцировался как несовершенством удельного законодательства, так и противоправным поведением самих служащих. Злоупотребление должностным положением скреплялось круговой порукой чиновников всех уровней, что затрудняло его обнаружение и расследование. Активной стороной борьбы с коррупцией становилось крестьянство, накопившиеся недовольство выливалось в массовые крестьянские протесты, чтобы привлечь внимание ведомства к этой проблеме. Департамент уделов предпринимал шаги по борьбе со злоупотреблениями удельных чиновников. Была усилена санкция за такое правонарушение, принимались и превентивные меры по борьбе с коррупцией.

Законодательство Российской империи четко определяло в нормативно-правовых актах субъект правоотношений из разных податных сословий, и те нормы, которые применялись к государственным крестьянами, не могли применяться к частновладельческим, кроме общих положений. Правовой статус удельных крестьян не был ясно прописан законодателем, который приравнивал их в поземельном отношении к помещичьим, и здесь же уточнил, что крестьяне эти не входят в разряд частновладельческих и называются удельными. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались уточняющие нормативно-правовые акты. Этот процесс продолжался в течение всей первой половины XIX в. Мы констатируем наличие двойственного характера регулирования правовых отношений у удельных крестьян в первой четверти XIX в. В этот период они уже лишились части гражданских и имущественных прав, которыми обладали государственные и экономические крестьяне, но еще не во

всем были уравнены с помещичьими. Со второй четверти XIX в. удельные крестьяне и в поземельном, и в правовом отношении все больше уравнивались с помещичьими. Изменение юридического состояния удельных крестьян не было доведено до логического завершения; вплоть до отмены крепостного права они сохраняли неопределённый правовой статус. В целом, правовое положение удельных крестьян после исключения их из дворцового ведения существенно изменилось. Параллельно с этим процессом эволюционировала и система управления в удельных имениях.

Основным источником пополнения бюджета Департамента были налоги и сборы с удельных крестьян. Согласно «Учреждению об императорской фамилии» повинности делились на государственные платежи и другие налоги, которые крестьяне вносили на основании общих правил и законов, а также хозяйственные сборы, которые накладывались Департаментом уделов на основании внутренних нормативных актов. Субъектом налогообложения являлась крестьянская община, именно она несла ответственность по уплате податей перед государством и удельным ведомством. Для сбора оброков и податей в приказах был создан целый штат различного рода сборщиков, начиная от казенного заседателя в приказе и заканчивая сельскими участковыми сборщиками. Удельные экспедиции (конторы) несли полную ответственность за исправные платежи оброка и выполнение казенных повинностей удельными крестьянами.

Основной статьей пополнения удельного дохода являлся оброк за землю. Вначале со всех удельных крестьян Российской империи взимался равный оброк, но Департамент постепенно повышал базовую ставку налогообложения. Так, при повышении оброка в 1810 г. была учтена пропорциональность оклада доходу в границах губерний, в отличие от обложения казенных крестьян, где все крестьяне одной губернии несли одинаковый платеж. Группировке по классам подверглись более мелкие территориальные единицы – приказы, вследствие чего в одной и той же губернии образовалось несколько норм оклада. В 1824 г. ведомство изменило

критерии для определения губерний в тот или иной класс. Теперь классность зависела не только от качества земли, но и от уровня получаемых доходов от неземледельческой деятельности. Дальнейшая политика Департамента уделов в области налогообложения связана с заменой подушного оброка поземельным сбором. Этот сбор был распространен не на все удельные селения, – так, он не касался малоземельных крестьян, которые сохранили подушный оброк. Основное правило введения поземельного сбора заключалось в том, что существовавшие оброки не могли быть снижены, и должны были увеличиваться сборы с тех имений, где существовали к этому условия. Правила оценки, принятые Департаментом уделов, которыми предполагалось добиваться не столько абсолютной, сколько относительной верности данных, лежавших в основании исчисления доходности земли, поспешность введения поземельного сбора и отсутствие органов для предварительной проверки статистических описаний и исчислений доходности земли – именно эти факторы открывали управляющим полную возможность по собственному усмотрению повышать или понижать оценку крестьянских угодий сравнительно с действительной их доходностью и таким образом достигать повышения оброка даже в очень малоземельных селениях. В удельных имениях введение поземельного сбора популярности не вызвало, а спровоцировало волнения.

При передаче крестьян из дворцового ведомства в удельное, они несли равные с государственными крестьянами подати. В результате изменений в налогообложении, введенных в 1810, 1824 гг., за счет дифференциации налоговой базы в пределах имений удельные крестьяне платили меньшие налоги, чем казенные. Усиление налогового давления последовало после введения поземельного сбора. Декларация его в качестве подоходного налога осталась лишь на бумаге. Денежное обложение удельных крестьян (по сравнению с государственными) увеличилось. Наряду с его повышением происходило частичное сокращение крестьянской наделной земли.

Капиталистические элементы в сельском хозяйстве развивались весьма медленно. В некоторых земледельческих имениях крестьяне периодически испытывали проблемы с продовольствием, поэтому Департамент уделов постоянно был озабочен решением вопросов по его обеспечению. Невозможность заполнить хлебные магазины и обеспечить зерном крестьян в голодные годы привела к существенным изменениям в формировании запасов хлеба. В 1827 г. продовольственный сбор был заменен работой на специально заведенной запашке «для наполнения продовольственных запасов и капиталов». Организация общественной запашки с административной стороны была закончена в течение нескольких лет. Хозяйственная сторона дела подлежала непрерывным изменениям и усовершенствованиям. Сопrotивление крестьян общественной запашке связано не только с нежеланием передачи части земельного фонда, но и с трудностями в обслуживании этой земли: за селениями закреплялась обязанность не только засеять поле и убрать урожай, но и работать на нем в течение всего полевого сезона, а также удобрять почву.

Введение общественной запашки привело и к сокращению средней величины надела в удельных имениях. Крестьяне не имели возможности в достаточной мере прокормить семью за счет земледелия и тем более получить какие-либо излишки для продажи сельскохозяйственной продукции. В этих условиях становилось неизбежным обращение крестьян к неземледельческим промыслам. В первой половине XIX в. все больше крестьян совмещали занятия сельским хозяйством с ремеслом или с традиционными для местности видами работ. В силу рискованности земледелия такие формы мелкотоварного производства позволяли получить дополнительный источник доходов. Получившие свое распространение в начале XIX в. отхожие промыслы постепенно ограничивались Департаментом уделов, и со второй четверти XIX в. получить паспорт для отхода было практически невозможно. Это позволяло ведомству сохранить контроль за удельными крестьянами и сократить количество «невозвращенцев» и беглых. В свою очередь, ведомство искало

формы организации рабочих мест внутри удельных имений и покровительствовало развитию ремесла и торговли в границах мест проживания удельных крестьян.

В XIX в. наблюдалась устойчивая практика брать в кормилицы членов императорской семьи именно удельных крестьянок. С этой целью проводилась процедура отбора, но заслуги кормилицы достаточно высоко ценились при дворе, что выражалось в системе существенных преференций. Связь с кормилицей и молочными братьями и сестрами император поддерживал всю свою жизнь. Мы считаем, что простая русская женщина становилась олицетворением символической связи между народом и императором. Русским няням-кормилицам, к сожалению, уделено в истории не так много места, как они того заслуживают.

Источники и причины важных направлений работы учреждения в отдельных сферах – религиозной, образовательной, в области исполнения воинской повинности удельными крестьянами – эволюционировали весь изучаемый нами период. Организационная деятельность Департамента уделов по этим вопросам, с одной стороны, находилась в прямой зависимости от государственных структур, отвечавших за каждую из данных сфер, с другой – от органов местного самоуправления.

Религиозная политика Российской империи в первой половине XIX в. определялась устойчивым представлением о приоритетности распространения православия (и поддержкой его со стороны государства). Благонадежность подданных определялась, в том числе, и вероисповеданием. Русская православная церковь играла важную роль в политическом, экономическом, правовом и культурном укладе Российской империи. Взаимоотношения государства и церкви в XIX столетии основывались на том факте, что абсолютное большинство членов российского общества осознавало свою безусловную принадлежность к соборной православной церкви. Местное духовенство и сельские власти должны были смотреть за исполнением церковных предписаний. Удельные власти поощряли всяческую инициативу

по распространению православия. Право миссионерской деятельности являлось исключительным только для РПЦ, для других конфессий вводился запрет прозелитизма. Департамент уделов в выстраивании религиозной политики опирался на общегосударственное законодательство и дополнительно принимал внутренние нормативно-правовые акты. У удельного ведомства стратегия формирования отношений с нехристианским населением выстраивалась в зависимости от степени его лояльности власти. Весь изучаемый нами период приверженцы неправославных конфессий осуществляли свою деятельность в рамках запретительного и ограничительного законодательства. Особую озабоченность у властей вызывали удельные крестьяне, перешедшие из православия в другие религиозные течения. Несмотря на то, что такая тенденция наблюдалась во всех социальных группах, наиболее суровые санкции были введены в отношении именно удельных крестьян. Ведь удельные имения должны были стать образцом не только хозяйственного управления, но и нравственного содержания. Правоспособность крестьянина-раскольника ставилась в прямую зависимость от его религиозной принадлежности. К середине XIX в. экономические приоритеты перевесили идеологические и религиозная политика Департамента уделов в отношении вышедших из православия стала более сдержанной, хотя и специфичной.

По причине распространения среди удельных крестьян представителей неправославного культа Департаменту уделов пришлось принимать дополнительные нормативно-правовые акты, которые бы упорядочивали религиозные отношения в удельных селениях. Они были нацелены на регулирование имущественных, семейно-брачных, гражданских отношений. Трактование общегосударственных узаконений удельным ведомством находилось в прямой зависимости от резолюций императора, что усложняло межведомственное взаимодействие.

Рекрутские наборы регулировались как общегосударственными регламентирующими нормативными актами, так и носящими

внутриведомственный характер. При этом удельные крестьяне в порядке несения рекрутской повинности причислялись к государственным крестьянам, что подтверждало их двойственный правовой статус. С 1808 г. организация рекрутских наборов находилась в исключительном ведении удельных властей. К концу второй четверти XIX в. наборы с определённых участков были заменены в удельной деревне привязкой участка к территориально-административным единицам, что упрощало раскладку повинности. Поступая на службу, солдат, вытянутый из привычной для него социальной среды, был вынужден формировать совершенно новые компетенции и формы взаимодействия. Во второй половине XIX в. все больше проявляет себя конскрипционная система комплектования армии. Она затронула и удельное ведомство. Круг лиц, которые имели право отсрочки, постоянно расширялся. Освобождение от рекрутчины становилось своеобразным поощрением к исполняемой крестьянами службе или являлось стимулом к получению образования.

Рекрутские наборы проводились по общим узаконениям и были обременительны для крестьян. Военная служба не была предметом желания отдать гражданский долг стране и больше воспринималась как наказание, да и удельные власти использовали рекрутство как средство усиления санкций. В связи с этим возрастало количество крестьян, желавших ее избежать, законным или незаконным путем. Император использовал редкие случаи личного проявления гражданского долга в крестьянской среде для трансляции и популяризации его во всех удельных имениях, как стимул для повышения мотивации к поступлению в рекрутство. В мирное время данные мероприятия не имели действия. Но позиция крестьянства кардинально менялась, когда стране угрожала реальная военная угроза.

На выработку норм о правах и обязанностях удельных крестьян оказывало влияние и то, что они являлись неотчуждаемой общей собственностью всей императорской семьи, а не отдельных ее членов. В целом законодательство об удельных крестьянах отличалось двойственностью. С

одной стороны, в нем подчеркивалась «забота» о благосостоянии крестьян и желание сделать удельные имения «образцовыми» в глазах сельского населения России, а с другой - наблюдалось стремление сохранить в абсолютной неприкосновенности все права «августейших» помещиков России на жизнь и имущество своих подопечных.

Император Павел I в 1797 г. на законодательном уровне упорядочил выплаты и закрепил жесткую регламентацию фиксированных денежных сумм, выделявшихся младшим членам императорской фамилии, обеспечив устойчивость их финансирования. Экономически Департамент имел для этого все возможности: ему были выделены первоначальный капитал на развитие, земли, имущество, крестьяне. Несмотря на то, что закон определил объем удельного бюджета, четко прописав размер содержания для каждого члена императорской фамилии, динамика расходов «сверх расписания» увеличивалась от царствования к царствованию. На практике оказалось, что средств требовалось гораздо больше, чем планировалось документом. Департамент уделов был вынужден постоянно искать возможности для прироста удельных средств, в том числе и путем расширения экономической инфраструктуры. Особое внимание привлекают экономические проекты Департамента уделов, которые реализовывались в условиях новой рыночной действительности.

Департамент уделов реализовал ряд промышленных проектов в первой половине XIX в., в которых проявилась противоречивость ранних этапов модернизации в Российской империи. С одной стороны, ведомство имело широкие финансовые возможности, тяготело к внедрению технологических новшеств и усовершенствованию производственного процесса. С другой, сохранялось внеэкономическое принуждение удельного крестьянства, что снижало качество готового продукта и его конкурентоспособность, особенно по сравнению с товарами, произведенными на частных мануфактурах, где использовался труд вольнонаемных рабочих. Два этих противоречащих друг другу явления и привели в условиях развивающегося рынка и конкуренции к

неудачам в этой сфере. Промышленный прогресс сталкивался с традиционным обществом и его укладом. Это стало приговором еще одной поверхностной «модернизационной» реформе, отторгнутой удельными крестьянами.

В Департаменте уделов были собраны люди, которые имели хозяйственный опыт и уже мыслили западными категориями прибыли. Они получили под управление самые разнообразные ресурсы, чтобы совершить рыночный переворот: первоначальный капитал, средства производства, имели предпринимательские способности и желание реформировать. Они думали, что, изучив западную практику, достаточно просто ее привнести в Россию и все заработает. Но оказалось, что рыночные механизмы были не в состоянии переломить человеческий фактор. При реализации целого ряда проектов они столкнулись с непреодолимой силой в лице крестьянства. Последнее должно было стать инструментарием проведения этих проектов в жизнь, но не осознало свою роль. У чиновников Департамента уделов были надежды на то, что занятые на предприятиях крестьяне проявят энтузиазм в овладении профессиональными навыками, но в большинстве случаев они не оправдались.

В то же время в сфере арендных отношений Департамент уделов занял прочные позиции, существенно увеличив свой пассивный доход. Весь изучаемый нами период Департамент уделов расширял количество оброчных статей. В большинстве случаев арендаторами выступали подведомственные крестьяне, которые активно начали развивать мелкотоварное производство. Это позволяло крестьянству меньше зависеть от сельскохозяйственного труда.

Весь изучаемый нами период высокую доходность своего бюджета Департамент уделов поддерживал за счет экстенсивного развития, т. е. количественного увеличения факторов производства. Вовлечение в производство дополнительных ресурсов капитала (средств производства) и земли происходило, в частности, за счет расширения объема оброчных статей. Их количество всю первую половину XIX в. увеличивалось, во-первых, за счет ремонта ветхих, во-вторых, за счет покупки новых у частных лиц и учреждений, в-третьих, за счет строительства новых, и в-четвертых, за счет

оформления в удельную собственность большинства оброчных статей мелких промышленников. Это привело к тому, что во второй четверти XIX в. в расписании доходов императорской семьи по приносимой прибыли они заняли второе место после дохода, получаемого с удельных крестьян, в целом увеличившись за рассматриваемый нами период более чем в 10 раз.

В рамках существовавшей еще с екатерининских времен дворянской консервативной мысли важным фактором поддержания крестьян в тяглоспособном состоянии был патернализм. Со второй четверти XIX в. политика попечительства приобрела организованный характер и стала средством решения социально-экономических задач ведомства. В ее рамках, например, была организована отлаженная система оказания медицинской помощи, как в условиях стационара, так и на дому. Ко времени отмены крепостного права удельные медицинские учреждения были в половине удельных контор, а врач и фельдшеры – в каждой. В целом, развитие здравоохранения положительно сказалось на снижении динамики смертности среди удельных крестьян и их естественном приросте.

Удельное управление брало на себя и решение ежедневных бытовых проблем удельных крестьян. Кроме организации медицинской помощи, программы взаимного страхования крестьянских домов от пожаров, Департамент уделов реализовывал и другие виды хозяйственно-бытовой деятельности: развитие ветеринарной службы, распространение травосеяния, новых сельскохозяйственных культур, таких как картофель и кукуруза, применение улучшенных орудий труда, учреждение ремесленных училищ, школ, создание значительных запасов общественного хлеба.

Политика попечительства вызывала в крестьянах чувство патернализма, которое использовалось властью для формирования положительного образа самодержавия в глазах подданных. Механизмы воздействия на общественное мнение, в свою очередь, сказались на характере выступлений удельных крестьян, среди которых в целом не было настроенных против царствующей династии.

В рамках концепции попечительства, среди прочего, предусматривалось развитие в удельных селениях сети образовательных учреждений, которое можно разделить на два этапа, совпадающие со сменой императоров. Первая четверть XIX в. характеризуется неудачной попыткой создания ведомственных учреждений для обучения удельных крестьян. На этом этапе у ведомства были другие первоочередные проблемы, требовавшие решения, поэтому вопросы образования решались по остаточному принципу. Для этого периода характерно включение в состав обучающихся представителей других податных сословий. Второй этап – вторая четверть XIX в., когда в удельном ведомстве была создана целая сеть образовательных учреждений, выполнявших конкретные внутриведомственные задачи, поставленные Департаментом уделов. Несмотря на то, что большей частью содержание образовательных учреждений легло на крестьянство, нами не было выявлено ни одного случая внешнего проявления социального протеста по этому поводу. Но при этом присутствовали внутренние скрытые формы протеста. Образование, кроме получения конкретных знаний, умений и навыков, становилось инструментом нравственного воспитания. Кроме того, начальное образование широко использовалось при акультурации присоединяемых к уделам новых территорий с преимущественно «нерусским» населением. Все образовательные учреждения удельного ведомства вели как практическое обучение, так и теоретическое.

Организация учебных заведений решением «сверху» оказалась зависима от текущих изменений политического курса и отражала противоречивость общественной жизни. Власть, «насаждая» школы, зачастую оставалась одиноким борцом на этом пути, встречая непонимание дворянства и скрытое сопротивление сельского населения. Да и способы хозяйственной деятельности, которые предлагал Департамент уделов, в реальной жизни были труднореализуемыми. Приказная и региональная власть видела во всех усовершенствованиях хозяйственно-бытовой жизни удельных крестьян только лишние проблемы.

В целом, любые модернизационные процессы взаимообусловлены, они не могли развиваться вне социального контекста. Крестьянство являлось активным участником тех процессов, которые проходили в Российской империи первой половины XIX в. Внутренние законы обычного права в крестьянской общине были для него более значимыми и регулировали общественные отношения в деревне. Крестьянство не было готово к самоэксплуатации, как наемный рабочий, представленный сам себе, вынужденный нести материальную ответственность. Крестьяне продолжали жить по нормам традиционного общества, они имели уверенность в завтрашнем дне, поэтому не хотели брать на себя те проблемы, которые накладывало нарождавшееся индустриальное общество. Система попечительства создавала атмосферу стабильности, при которой Департамент уделов брал на себя заботу о всех повседневных нуждах крестьянства, от последнего же требовалось выполнять вполне привычные функции. Ослабить контроль за экономическими процессами, позволить развиться точки модернизационного экономического роста ведомство еще не было готово.

Список источников и литературы.

I. ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО)

1. Ф. 36. Фонд бывшей Оренбургской удельной конторы.

Государственный архив Псковской области (ГАПО)

2. Ф. 40. Фонд Псковской удельной конторы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

3. Ф.14. Канцелярия Новосильцова
4. Ф. 91. Вольное экономическое общество.
5. Ф. 379. V отделение Собственной е.и.в. канцелярии.
6. Ф. 468. Кабинет е.и.в.
7. Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора
8. Ф. 487. Дело Царскосельского дворцового управления.
9. Ф. 491. Гатчинское дворцовое правление.
10. Ф. 493. Павловское городское правление.
11. Ф. 515. Департамент уделов.
12. Ф. 519. Канцелярия начальника Главного штаба е.и.в. П.М. Волконского.
13. Ф. 525. Канцелярии императрицы Александры Федоровны Министерства императорского двора
14. Ф. 536. Главное дворцовое управление.
15. Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.
16. Ф. 571. Департамент разных податей и сборов Министерства финансов.
17. Ф. 759. Собственная Его Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии.

18. Ф. 971. Фонд Кочубеев.
19. Ф. 1088. Фонд графа С.Д. Шереметева
20. Ф.1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов (коллекция).
21. Ф. 1106. Документы личного происхождения разных лиц, Ольденбургские.
22. Ф. 1146. Совет при Высочайшем дворе.
23. Ф. 1147. Непременный (Государственный) совет.
24. Ф. 1162. Государственная канцелярия.
25. Ф. 1180. Фонд главного комитета по крестьянскому делу.
26. Ф. 1251. Личный фонд М.М. Сперанского.
27. Ф. 1263. Комитет министров.
28. Ф. 1281. Совет министерства внутренних дел.
29. Ф. 1284. Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
30. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной.
31. Ф. 1341. Первый департамент Сената.
32. Ф. 1345. Пятый (уголовный) департамент Сената.
33. Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора.
34. Ф. 1405. Министерство юстиции.
35. Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия.
36. Ф. 1554. Ревизия сенаторов кн. Долгорукова А.А. и Дурасова Е.А. Казанской губернии (1824 – 1825).
37. Ф. 1555. Ревизия сенатора кн. Долгорукова А.А. Воронежской, Курской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губ. (1826 январь – декабрь).
38. Ф. 1556 Ревизия сенатора Огарева Н.И. Саратовской губернии (1826 – 1827).

Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

- 39. Ф. 189. Комитет временного ополчения Петербургской губернии.
- 40. Ф. 266. Петербургская палата государственных имуществ.
- 41. Ф. 1205. Управление Петроградского удельного округа.
- 42. Ф. 2154. Командующего земским войском Петербургской губернии.

Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР ОНБ.).

- 43. Ф. 29. Фонд А.А. Аракчеева
- 44. Ф. 731. Фонд М.М. Сперанского
- 45. Ф. 859. Фонд Н.К. Шильдера

Опубликованные источники.

Официальные документы:

46. Документы о службе Гоголя в департаменте уделов. URL: <http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-sluzhbe-v-departamente-udelov.htm><http://gogol-lit.ru/gogol/delovye-bumagi/dokumenty-o-sluzhbe-v-departamente-udelov.htm> (дата обращения: 20.06.2022). Режим доступа: свободный.

47. Манифест об «Общем учреждении министерств». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3100> (дата обращения: 12.01.2022). Режим доступа: свободный.

48. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 1. Т. XXIII–XL. СПб: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

49. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 2. Т. XXIII–XL. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1885.

50. Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского. Май 1722 года // URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1351?ysclid=169pzo0k1p355722248>». (дата обращения: 30.07.2022). Режим доступа: свободный.

51. Русская Правда. Электронные публикации. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 24.07.2022). Режим доступа: свободный.

52. Свод удельных постановлений. Ч. 1–6. СПб.: б.и., 1843. 376 + 147 + 356 + 96 + 54 + 99 с.

53. Краткие правила для руководства при исчислении поземельного сбора в удельных имениях. СПб.: МИДв, 1831. 16 с.

54. Наставление сельским приказам, по высочайшему об императорской фамилии учреждению в удельных имениях учрежденными. СПб.: тип. Губ. правления, 1799. 57 с.

55. От департамента уделов всеподданнейший доклад (о бытии в каждой удельной экспедиции для ходатайства по делам удельных поселян). СПб.: б.м., 1800. 2 с.

56. Относительно мер, принятых к взысканию считающейся на приказах Велейском и Покровском недоимки Псковской удельной конторе. СПб.: б.и., 1826. 7 с.

57. Отчеты по Министерству уделов (1832–1837). СПб.: Б.и., 1833–1838. 23 + 21 + 30 + 39 + 31 + 28 с.

58. Положение Департамента уделов, высочайше утвержденное 15 мая 1808. СПб.: б.и., 1835. 87 с.

59. Проект инструкции удельному поверенному. СПб.: Б.и., 1799. 4 с.

60. Рассуждения о способах введения поземельного сбора. Статистическое описание Воскресенского приказа в Казанском удельном имении и другие материалы. СПб.: б.и., 1831. 147 с.

61. Руководство к содержанию и разведению пчел, изданное для воспитанников удельного земледельческого училища. СПб.: тип. III отд. Соб. Е.и.в. канцелярии, 1839. 128 с.

62. Сборник постановлений и циркулярных распоряжений Департамента уделов о порядке заведывания удельными оброчными статьями. СПб.: б.и., 1868. 121 с.

63. Труды комиссии учрежденной для пересмотра устава о паспортах. Ч. 1–2. СПб.: б.и., 1861. 151 + 269 с.

64. Учреждение об императорской фамилии. СПб.: б.и., 1797. 111 с.

Статистические сборники

65. Алфавитный список селений по уездам и станам Санкт-Петербургской губернии. СПб.: тип. Губ. правления, 1856. 148 с.

66. Арсеньев, К.И. Начертание статистики Российского государства. / К.И. Арсеньев. Ч. 1–2. СПб.: тип. Императорского воспитательного дома, 1818. 245 + 286 с.

67. Арсеньев, К.И. Статистические очерки Росси / К.И. Арсеньев. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1848. 504 с.

68. Арсеньев, К.И., Заблоцкий-Десятовский, А.П. Статистические сведения о Санкт-Петербурге / К.И. Арсеньев, А.П. Заблоцкий-Десятовский. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1836. 291 с.

69. Бушен, А.Б. Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета / А.Б. Бушен. Вып. 2. СПб.: тип. II Отд-ния собств. е. и. в. Канцелярии, 1863. 26 с.

70. Вильсон, И.И. Выкупные платежи бывших удельных крестьян. / И.И. Вильсон // Записки императорского географического общества по отделению статистики. Т. 5. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1878. С. 259–380.

71. Вильсон, И.И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России / И.И. Вильсон. СПб.: тип. В. Безобразова и комп., 1869. 523 с.

72. Военно-статистический сборник. Вып. 1–4. СПб.: военная типография, 1868–1871. 312 + 349 + 338 + 235 с.

73. Герман, К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи / К.Ф. Герман. СПб.: Императорская Академия наук, 1819. 325 с.

74. Заблоцкий-Десятовский, М.П. Сведения о числе жителей по состояниям / М.П. Заблоцкий // Сборник статистических сведений о России, изданных статистическим отделением Русского Географического Общества. СПб.: тип. Морского м-ва, 1851. 51 с.

75. Кеппен, П.И. О народных переписях в России / П.И. Кеппен. // Записки русского географического общества по отделению статистики. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1889. 94 с.

76. Пушкарев, И. Краткие историко–статистические описания Санкт-Петербурга / И. Пушкарев. С-Пб.: тип. К. Вингебера, 1845. Отд. 2. 205 с.

77. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет (1811 – 1913 гг.). Статистические очерки / А.Г. Рашин. М: Государственное статистическое издание, 1956. 352 с.

78. Семенов, А. Статистические сведения о мануфактурной промышленности в России / А. Семенов. СПб.: тип. И.И. Глазунова и К°, 1857. 103 с.

79. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. 239 с.

80. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию в столетний период с 1797–1897 гг. СПб., 1898. 76 с.

Периодические издания.

81. Киевский телеграф. // URL:
<http://www.telegrafua.com/social/11942/print> (дата обращения: 24.09.2014).
Режим доступа: свободный.

82. Объявления Санкт-Петербургских ведомостей. 1797, 1798, 1800–1808.

83. Санкт-Петербургские ведомости. 1797–1825.

84. Северная почта. 1809–1819.

85. Северная пчела. 1825.

86. Русский инвалид. 1813–1825.

Мемуарная литература

87. Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. Пер. с франц. В.В. Щеглов. СПб.: Квадри, 1906. 20 с.

88. Записки С.А. Порошина, служащие к истории его императорского высочества Павла Петровича / С.А. Порошин. СПб.: тип. В.С. Балашев, 1881. 563 с.

89. Николаева, М.К. Деревня в старину из моих воспоминаний. // Северный вестник. 1891. № 2. С. 105–132; № 3. С. 107–131.

90. Письма Великой Княгини Марии Федоровны к К.Н. Кюхельбекеру // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 422–426.

91. Письмо от русских крестьян царю Николаю I. Пг.: б.и., 1907. 8 с.

Публицистика

92. Грибовский, М.К. О состоянии крестьян господских в России / М.К. Грибовский. Харьков: университетская типография, 1816. 116 с.

93. Критический журнал Российского законодательства. СПб.: тип. Комиссии составления законов, управляемой К. Крайем, 1819. 36 с.

94. Список, предметам, представленным на выставку произведений сельского хозяйства и промышленности в 1860 году из удельного

земледельческого училища и удельных имений. СПб.: тип. Я. Ионсона, 1860. 33 с.

95. Радищев, А.Н. Записки о податях Петербургской губернии / А.Н. Радищев. Полн. собр. соч. Т. 3. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 97–122.

96. Радищев, А.Н. Описание Петербургской губернии / А.Н. Радищев. Полн. собр. соч. Т. 3. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 123 – 132.

Учебная литература

97. Арифметические задачи для воспитанников удельного земледельческого училища. СПб.: тип. Департамента внешней торговли, 1837. 100 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

98. Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. / В.А. Александров. М.: Наука, 1984. 255 с.

99. Алексеева, Т.А., Лошкарёв, И.Д., Пареньков, Д.А. Дилеммы современной теории политических элит: что дальше? / Т.А. Алексеева, И.Д. Лошкарёв, Д.А. Пареньков // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 78–93.

100. Алексеев, М.Ю., Пачкалов, А.В. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. 2-е изд. / М.Ю. Алексеев, А.В. Пачкалов. М.: Альпина Паблишер бизнес: ЮниКредит Банк, 2019. 570 с.

101. Архипова, Т.Г. История государственной службы в России XVIII – XX вв. / Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин. М.: изд-во РГГУ, 2000. 230 с.

102. Аттенгофер, Г.Л. Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга главного и столичного города Российской империи / Г.Л. Аттенгофер. СПб.: Императорская Академия наук, 1820. 432 с.

103. Байков, М.А. Обзорение сельского хозяйства удельных имений в 1832–1833 / М.А. Байков. СПб.: Деп. Уделов, 1836. 158 с.
104. Барциц, И.Н., Краковский, К.П. Антикоррупционное законодательство России в XVIII – XIX вв. / И.Н. Барциц, К.П. Краковский // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 117–137.
105. Баяндин, В.И. Русская армия в XIX – начале XX вв.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат / В.И. Баяндин // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 10–17.
106. Блинов, И. Губернаторы. Исторический очерк / И. Блинов. СПб.: типо-лит. К.Л. Пентковского, 1905. 366 с.
107. Бобриков, Г.И. Очерки народного быта деревни / Г.И. Бобриков СПб.: тип. Глав. управления уделов, 1906. 73 с.
108. Бобылев, В.А., Бобылева, Т.А. Сохранение здоровья рекрутов и военнослужащих перед Отечественной войной 1812 г. / В.А. Бобылев, Т.А. Бобылева // Клиническая медицина. 2013. Т. 91. № 6. С. 81–83.
109. Богодухова, Е.Е., Фомина, М.Н. Основные научные подходы к изучению менталитета и ментальности / Е.Е. Богодухова, М.Н. Фомина // Kant. 2020. № 2 (35). С. 117–120.
110. Бокарев, Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях / Ю.П. Бокарев. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 167–172.
111. Бокарев, Ю.П. «Умом Россию не понять» / Ю.П. Бокарев // Революция и человек. М.: Изд. центр ИРИ, 1996. С. 81–91.
112. Буганов, А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание / А.В. Буганов. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. 207 с.

113. Булдыгин, С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней / С.С. Булдыгин // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 91–95.
114. Бурнашев, В.П. Описание удельного земледельческого училища / В.П. Бурнашев. СПб.: тип. Н. Греча, 1834. 100 с.
115. Бурнашев, В.П. Описание удельного земледельческого училища / В.П. Бурнашев. СПб., 1839. 136 с.
116. Буторов, А.В. Князь Николай Борисович Юсупов: вельможа, дипломат, коллекционер / А.В. Буторов. М.: ЛитРес, 2012. 534 с.
117. Буховец, О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян / О.Г. Буховец. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 183–195.
118. Валишевский, К.Ф. Сын Великой Екатерины: Император Павел I, его жизнь, царствование и смерть, 1754–1801 / К. Валишевский. М.: совместное российско-германское предприятие «Квадрат», 1993. 428 с.
119. Вернер, Э.М. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально / Э.М. Вернер // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 195–209.
120. Вешняков, В.И. Крестьяне-собственники в России. Историко-статистический очерк / В.И. Вешняков. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко., 1858. 134 с.
121. Виноградова, Т.В. Состояние губернского делопроизводства в Российской империи и попытки его реформирования в первой половине XIX в. / Т.В. Виноградова // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2 (124). С. 59–69.
122. Волков, С.И. Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII / С.И. Волков. // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 112–114.
123. Воронов, А.К. Приказные училища Департамента уделов (1828–1856 гг.) / А.К. Воронов // Клио. 2005. № 4(31). С. 133–137.

124. Воронцов, В.В. Межселенные переделы среди удельных крестьян / В.В. Воронцов // Русская мысль. 1900. № 5. С. 140–159.
125. Воронцов, В.В. Простая община удельных крестьян / В.В. Воронцов // Русская мысль. 1899. № 7. С. 101–154.
126. Выскочков, Л.В. Влияние Петербурга на хозяйство и быт государственных крестьян Петербургской губернии в I половине XIX вв. / Л.В. Выскочков // Старый Петербург: историко-этнографическое исследование. Л.: Наука, 1981. С. 129–147.
127. Выскочков, Л.В. Государственные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в I половине XIX в. (Численность и удельный вес) / Л.В. Выскочков // История крестьянства Северо-запада России в XVII–XIX вв. Л.: ЛГУ, 1980. С. 121–127.
128. Выскочков, Л.В. Материалы оценочных комиссий как источник по истории государственных крестьян северо-запада России: первая половина XIX в. / Л.В. Выскочков // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: КГУ, 1984. С. 13–18.
129. Выскочков, Л.В. Николай I / Л.В. Выскочков. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
130. Выскочков, Л.В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII–XIX в.) / Л.В. Выскочков // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 113–132.
131. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. / Под ред. Н.П. Ерошкина. Т. 1–4. СПб.: Наука, 1998–2002. 302 + 259 + 226 + 313 с.
132. Гафаров, И.А. «Корабельная повинность» лашманов Буинского уезда в XVIII – первой половине XIX века: некоторые штрихи. / И.А. Гафаров // Казанское адмиралтейство (1718 – 1830 ГГ.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской науч. конф. / Отв. ред.

И.З. Файзрахманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 51–63.

133. Георги, И.Г. Описание Российского императорского столичного города Санкт-Петербург и достопамятностей в окрестностях оного / И.Г. Георги. СПб.: тип. при императорском Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 1794. 757 с.

134. Глотова, С.А. Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период / С.А. Глотова // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2 (124). С. 70–77.

135. Голубев, П. Удельные земли и их происхождение / П. Голубев // Вестник Европы. 1907. Кн. 10. С. 752–776.

136. Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества URL: // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/golos_fen.php (дата обращения: 12.03. 2014). Режим доступа: свободный.

137. Государственные учреждения России в XVIII веке: Законодательные материалы / Сост. А.В. Чернов. М.: б.и., 1960. 579 с.

138. Горланов, Л.Р. Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797 – 1863) / Л.Р. Горланов // Землевладение и повинности феодально–зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI – I половины XIX в.). Смоленск: СГПИ, 1982. С. 94–124.

139. Горланов, Л.Р. Классовая борьба удельных крестьян России в I трети XIX века / Л.Р. Горланов // Научные труды Тюменского университета. 1977. Сб. 14. С. 26–41.

140. Горланов, Л.Р. Крестьянское движение в удельной деревне северо–западного района России в 1797–1863 гг. / Л.Р. Горланов // Северо–запад в аграрной истории России. Калининград: КГУ, 1987. С. 111–117.

141. Горланов, Л.Р. Крестьянское движение в удельной деревне центрального промышленного района в 1797–1863 гг. / Л.Р. Горланов // Крестьянство Центрального промышленного района: история, историография, источники. Калининград: КГУ, 1982. С. 3–23.

142. Горланов, Л.Р. Кризис феодально–крепостнической системы в удельных имениях России / Л.Р. Горланов // Кризис феодально–крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (II четверти XIX в.). Владимир: ВГПИ, 1984. С. 54–97.

143. Горланов, Л.Р. Крупная промышленность в удельных имениях России в I половине XIX в. (1797–1897) / Л.Р. Горланов // Крупная промышленность нечерноземного центра России в конце XVIII – I половине XIX в. Владимир: ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского, 1982. С. 36–59.

144. Горланов, Л.Р. Личные и имущественные права удельных крестьян России / Л.Р. Горланов // Социально–политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж: изд. Воронежского университета, 1983. С. 138–151.

145. Горланов, Л.Р. Удельные крестьяне России. 1797–1865 / Л.Р. Горланов. Смоленск: СГПИ, 1986. 108 с.

146. Горланов, Л.Р. Удельные крестьяне северо–западного района России / Л.Р. Горланов // Северо-запад в аграрной истории России: сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1985. С. 61–71.

147. Градовский, А. Паспортный вопрос / А. Градовский // Русская речь. 1880. Кн. II. С. 263–295.

148. Григорьев, П.Г. Волнения удельных крестьян во II четверти XIX века в Симбирской губернии / П.Г. Григорьев // Записки НИИ языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: тип. №1 Чувашполитграфиздата при совете министров Чувашской АССР, 1950. Вып. 4. С. 82–130.

149. Гриценко, Н.П. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII – начале XIX века / Н.П. Гриценко // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 111–114.

150. Гриценко, Н.П. Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828–1860) / Н.П. Гриценко // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического университета. 1953. Вып. 5. С. 143–206.

151. Гриценко, Н.П. Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально–крепостнического строя / Н.П. Гриценко // Ученые записки Грозненского государственного педагогического института. Грозный, 1957. № 9. С. 99–124.

152. Гриценко, Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (очерки) / Н.П. Гриценко // Грозный: Чечено-ингушский государственный педагогический институт, 1959. – 587 с.

153. Гриценко, Н.П. Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного строя / Н.П. Гриценко // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 189–205.

154. Гулянов, Ю.А. У истоков «умного землепользования» в России: Андрей Тимофеевич / Ю.А. Гулянов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2019. № 2 (76). С. 16–20.

155. Гуревич, Х.С. О государственных и удельных крестьянах в крестьянском движении в революционной ситуации 1859 – 1861 / Х.С. Гуревич // Революционная ситуация в России в 1859 – 1861 гг. М.: Наука, 1974. С. 41–44.

156. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. Т. 1–3. М.: Русская книга, 1993. 637 + 700 + 734 с.

157. Данилова, Л.В. Крестьянская ментальность и община / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.

158. Дерешко, Б.Ю., Невский, С.А. «Товарищ должен быть помощником министру по делам, ему вверенным...» (Правовое положение товарищей министра внутренних дел в России в XIX – начале XX в.) / Б.Ю. Дерешко, С.А. Невский // Научный портал МВД России. 2017. № 3 (39). С. 5–12.
159. Дружинин, Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева / Н.М. Дружинин. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1958. 617 с.
160. Дьячков, В.Л. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) / В.Л. Дьячков, С.А. Есиков, В.В. Канищев, Л.Г. Протасов. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 146–154.
161. Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18–первая половина 19 в.). // URL: <http://statehistory.ru/books/14/udelnye-krestyane/5> (дата обращения: 04.12.2020). Режим доступа: свободный.
162. Дэн, В.Э. Население России по 5 ревизии: Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII в. / В.Э. Дэн. Т. 1–2. М.: унив. тип., 1902. 377 + 310 с.
163. Емельянова, В.С. Делопроизводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ / В.С. Емельянова // Право и безопасность. 2012. № 3-4 (43). С. 129–134.
164. Ермолов, В.А. Трансформация и модернизация крестьянского хозяйства Северо-Запада России в период 1870 – 1940 гг. (На примере Новгородской области) / В. А. Ермолов // Общество. Среда. Развитие. 2010. Вып. 3. С. 23–24.
165. Ерошкин, Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.) / Н.П. Ерошкин. М.: МГИАИ, 1983. 252 с.
166. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. М.: РГГУ, 2008. 710 с.

167. Ефименко, А. Исследования народной жизни / А. Ефименко. М.: тип. В.И. Касперов, 1884. 380 с.

168. Ефимов, А.А. История создания системы управления недвижимым имуществом Департамента уделов в Российской империи в конце XVIII века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2017. С. 14–23.

169. Заблодский-Десятовский, А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. / А.П. Заблодский-Десятовский. Т. 1–4. СПб.: тип. Академии наук, 1882. 422 + 356 + 448 + 354 с.

170. Завитаев, А.Н. Волнение удельных крестьян Золотовской волости 1830 г. / А.Н. Завитаев // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы научной конференции. Липецк, 12–13 апреля 2011. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2011. С. 98–103.

171. Завитаев, А.Н. Размеры землепользования удельных крестьян Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX века / А.Н. Завитаев // Казанская наука. 2015. № 11. С. 20–24.

172. Завитаев, А.Н. Значение провинциальных архивов в деле изучения истории удельных крестьян России (на примере архивов Саратовской области) / А.Н. Завитаев // Казанская наука. 2010. № 1. С. 32–34.

173. Завитаев, А.Н. Реформирование дворцового хозяйства в России и образование Саратовского удельного имения (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) / А.Н. Завитаев // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 29–33.

174. Зимин И. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых // URL: <https://statehistory.ru/books/TSarskie-dengi--Dokhody-i-raskhody-Doma-Romanovykh/2?ysclid=15w5jtmddk394000476> (дата обращения: 20.04.2022). Режим доступа: свободный.

175. Зимин, И.В. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение / И.В. Зимин. М.: ЛитРес, 2011. 434 с.

176. Зябловский, Е. Землеописание Российской империи / Е. Зябловский. СПб.: тип. при императорской Академии наук, 1810. Ч. 3. 558 с.

177. Иванов, В.А. Отставные военные в системе гражданских учреждений провинциальной России середины XIX в. (на материалах Калужской губернии) / В.А. Иванов // Вестник Калужского университета. 2011. № 2. С. 45–52.

178. Иванов, Ф.Н. Периодизация истории рекрутской повинности в России в XVIII–XIX веках / Ф.Н. Иванов // Вестник Военного университета. 2011. № 4. С. 134–140.

179. Иванов, Ф.Н. Преобразование военно-организационных мероприятий государства в обязанность населения выставлять рекрутов в России XVIII–XIX вв. / Ф.Н. Иванов // Исторические, философские, политические и составляла юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (74). С. 82–89.

180. Иванов, Ф.Н. Периодизация истории рекрутской повинности в России в XVIII – XIX веках / Ф.Н. Иванов // Вестник Военного университета. 2011. № 4. С. 134–140.

181. Ивашута, Л.П. Проблемы удельной деревни в советской исторической литературе / Л.П. Ивашута // Вопросы истории Урала. Свердловск: УГУ им. А.М. Горького, 1976. Сб. 14. С. 106–117.

182. Ивницкий, Н. Сольвычегодский крестьянин. Его обстановка, жизнь и деятельность / Н. Ивницкий. // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3–74.

183. Из лекции профессора Фурньера. Кормилицы и сифилис. СПб.: типо-лит. П.И. Шмидта, 1887. 15 с.

184. Ильина, К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века / К.А. Ильина // История и историческая память. 2011. Вып. 4. С. 133–158.

185. Индова, Е.И. Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века / Е.И. Индова. М.: Наука, 1964. 352 с.
186. Индова, Е.И. Наемный труд у крестьян царскосельских дворцовых деревень в первой половине XVIII в. / Е.И. Индова // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII – XVIII). М.: Изд. Академии наук, 1958. С. 189–221.
187. Ипполитов, Г.М. К вопросу о синергетическом подходе в исторических и историографических исследованиях / Г.М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 207–216.
188. История государственного управления России / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 544 с.
189. История России от древнейших времен до начала XX в. Под. ред. И.Я. Фроянова. // URL: <http://www.hrono.info> (дата обращения: 12.03.2022). Режим доступа: свободный.
190. История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма / А.И. Копанев, Е.Н. Носов, М.Б. Свердлов и др. СПб.: Наука, 1994. 330 с.
191. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1–3. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1901–1902. 723 + 581 + 201 с.
192. Йена, Д. Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга / Д. Йена. М.: АСТ: Астрель, 2006. 415 с.
193. Кабузан, В.М. Изменение в размещении населения в России в XVIII – I половине XIX (по материалам ревизии) / В.М. Кабузан. М.: Наука, 1971. 190 с.
194. Кабузан, В.М. Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав / В.М. Кабузан. М.: Наука, 1992. 216 с.
195. Камнева, Е.В., Анненкова, Н.В. Психологические аспекты феномена коррупции / Е. В. Камнева, Н.В. Анненкова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 4 (12). С. 67–71.

196. Караханян, Т.Н. К вопросу развития в среде удельных крестьян кредитных учреждений / Т.Н. Караханян // Информационные системы и технологии как основа прогрессивных научных исследований. Стерлитамак: АМИ, 2022. С. 114–116.
197. Кашенов, А.Т. Государственно-правовое регулирование промышленности в Западной Сибири во второй половине XVIII–первой половине XIX в. / А.Т. Кашенов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3 (66). С. 28–34.
198. Кеппен, П.И. Водь в Санкт-Петербургской губернии / П.И. Кеппен. СПб.: тип. Академии Наук, 1851. 73 с.
199. Кеппен, П.И. О городах Российской империи / П.И. Кеппен. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1841. 4 с.
200. Кеппен, П.И. О третьем издании Этнографической карты Европейской России / П.И. Кеппен. СПб.: тип. Императорского Русского географического общества, 1856. 13 с.
201. Кеппен, П.И. О числе евреев в России в 1838 г. / П.И. Кеппен. СПб.: тип. Акад. наук, 1841. 4 с.
202. Кеппен, П.И. Селения обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии / П.И. Кеппен. СПб.: б.и., 1854. 412 с.
203. Кеппен, П.И. Странствующие финляндцы и производимые ими этнографические исследования / П.И. Кеппен. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1848. 8 с.
204. Клеянкин, А.В. К вопросу о землепользовании и купчих землях удельных крестьян Мордовии в I половине XIX века / А.В. Клеянкин // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII–начале XX). Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 1979. С. 91–104.
205. Клеянкин, А.В. Материалы Департамента Уделов о хлеботорговых компаниях удельных крестьян Среднего Поволжья середины XIX в. / А.В. Клеянкин // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск: Мордов. книжное издательство, 1981. С. 103–109.

206. Клеянкин, А.В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в I половине XIX века / А.В. Клеянкин. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1974. 186 с.

207. Клибанов, А.И. К характеристике идейных движений в среде государственных и удельных крестьян в первой трети XIX в. / А.И. Клибанов // Из истории экономической и общественной жизни России. М.: Наука, 1976. С. 153–167.

208. Козлова, Н.В. «Принимать рекрут годных, здоровых и взрачных, в указные лета и меру..» (рекрутская система в России XVIII в. в антропологическом аспекте) / Н.В. Козлова // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 67–71.

209. Колесников, П.А. Законодательство о крестьянах России в XVIII в. / П.А. Колесников // Социальное, политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж: ВГУ, 1983. С. 114–121.

210. Коноплёва, Е.Л., Остапенко, В.М. Медико-санитарное состояние российской провинции в пореформенный период (на примере «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардта) / Е.Л. Коноплёва, В.М. Остапенко // Медицина и организация здравоохранения. 2020. Т. 5. № 4. С. 63–68.

211. Косых, Е.С. Религиозная политика Российского государства в отношении башкир (XVII–XIX вв.) / Е.С. Косых // Материалы XIV Международной научно-практической конференция. 12–13 ноября 2020 г. Вольск: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2020. С. 59–61.

212. Котов, П.П. Государственные и удельные крестьяне Севера в первой половине XIX в. (сравнительно – историческая характеристика). / П.П. Котов // Итоги и задачи изучения истории СССР в свете решения XXVII съезда КПСС: XXI сесс. Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. М.: ин-т истории СССР АН СССР, 1986. С. 142–145.

213. Котов, П.П. Денежные подати удельных крестьян Севера Европейской России / П.П. Котов. // Вестник ЛГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1986. Вып. 1. С. 92–95.

214. Котов, П.П. К вопросу об удельных крестьянах в советской историографии / П.П. Котов // Проблемы изучения и преподавание историографии истории СССР в высшей школе. Сыктывкар: СГУ, 1989. С. 104–111.

215. Котов, П.П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года / П.П. Котов // Буржуазные реформы в России II половины XIX века. Воронеж: ВГУ, 1988. С. 56–64.

216. Он же. Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828 – 1861 гг.) / П.П. Котов. // История и культура Архангельского Севера. Вологда: ВГПИ, 1986. С. 86–96.

217. Котов, П.П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 гг.: по материалам Европейского Севера) / П.П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 13–21.

218. Котов, П.П. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии / П.П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 1 (9). С. 83–88.

219. Котов, П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России / П.П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2012. Т. 22. № 3. С. 104–110.

220. Котов, П.П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX в. / П.П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 4. С. 39–46.

221. Котов, П.П. Удельные крестьяне Севера 1797–1863 / П.П. Котов Сыктывкар: СГУ, 1991. 80 с.

222. Котов, П.П. Уровень подушной и оброчной податей в удельной деревне Европейского Севера России по законодательным источникам / П.П. Котов // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сборник статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2020. С. 19–26.

223. Котов, П.П. Хозяйство удельных крестьян Севера в середине XIX в. / П.П. Котов // Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX в. – Сыктывкар: СГУ, 1987. С. 21–29.

224. Котов, П.П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 гг. / П.П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2021. № 4 (50). С. 46–54.

225. Котов, П.П., Евсеев, А.В. Законодательно-нормативные источники о создании и развитии общественной запашки в удельной деревне России / П.П. Котов, А.В. Евсеев // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сборник статей. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2020. С. 38–44.

226. Корнева, Н.М. Ответственность за взяточничество по уголовно-материальному праву России XIX–начала XX в. / Н.М. Корнева // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5. С. 108–120.

227. Красникова, Ю.Н. Восстание удельных крестьян Уренской волости (1829–1831) / Ю.Н. Красникова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб.: СПбГАУ, 2014. №38. С. 349–354.

228. Красникова, Ю.Н. Гражданская позиция в среде крестьянства первой половины 19 века / Ю.Н. Красникова // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Материалы международной научной конференции «Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения. 16–18 апреля 2015 года». СПб.: СПбГАУ, 2015. С. 206–213.

229. Красникова, Ю.Н. Деятельность департамента уделов в первой четверти XIX века / Ю.Н. Красникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 165–169.

230. Красникова, Ю.Н. Департамент уделов и министерская реформа в Российской империи в первой четверти XIX века / Ю.Н. Красникова // XIV Царскосельские чтения. Профессиональное образование: социально-культурные аспекты. Материалы международной научной конференции 20 – 21 апреля 2010. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2010. Т. I. С. 124–129.

231. Красникова, Ю.Н. Департамент уделов в системе государственных органов управления Российской империи в первой половине XIX века / Ю.Н. Красникова // Научное обеспечение развития АПК в условиях реформирования. Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов СПбГАУ. СПб.: СПбГАУ, 2011. С. 660–664.

232. Красникова, Ю.Н. Добровольцы-рекруты в удельной деревне в первой трети XIX в. / Ю.Н. Красникова // Патриотизм и гражданственность в истории России. Материалы международной научно-практической конференции 14–16 марта 2013 г. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2013. С. 132–137.

233. Красникова, Ю.Н. Женское среднее и начальное образование в Санкт-Петербурге в пореформенный период. / А.Н. Горявин, Т.В. Емельянова Ю.Н. Красникова // Современная научная мысль. М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2021. С. 61–69.

234. Красникова, Ю.Н. Изменения в системе государственного управления в первой четверти XIX века: на примере центральных органов управления Департамента уделов / Ю.Н. Красникова // Развитие АПК в свете инновационных идей молодых ученых. Международная научно-практическая

конференция аспирантов и молодых ученых. 16–17 февраля 2012. СПб.: СПбГАУ, 2012. С. 382–386.

235. Красникова, Ю.Н. Изменение религиозной политики в удельной деревне в правление Николая I (на примере молоканского движения) / Ю.Н. Красникова // Нравственность и религия: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: АННОО «Приволжский Дом знаний», 2011. С. 50–52.

236. Красникова, Ю.Н. Имущественная основа предпринимательской деятельности Департамента уделов (первая половина XIX века) / Ю.Н. Красникова // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 г. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2016. С. 50–55.

237. Красникова, Ю.Н. Коррупция в Департаменте уделов и борьба с ней в первое 30-е XIX века / Ю.Н. Красникова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 1. С. 54–66.

238. Красникова, Ю.Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX - начала XX веков / Ю.Н. Красникова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб.: СПбГАУ, 2015. №5. С. 134–138.

239. Красникова, Ю.Н. Кормилицы для императорской семьи / Ю.Н. Красникова // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. Международная научная конференция, 14–16 марта 2012 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. С. 166–170.

240. Красникова, Ю.Н. К вопросу о формировании удельной системы хозяйствования в начале XIX в. / Ю.Н. Красникова // Вопросы истории. М.: ООО «Журнал «Вопросы истории», 2022. № 11–2. С. 28–37.

241. Красникова, Ю.Н. Легко ли быть волостным писарем? (на примере удельной деревни первой половины XIX в) / Ю.Н. Красникова // История повседневности. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. № 3(23). С. 41–63.

242. Красникова, Ю.Н. Меры по обеспечению продовольствием крестьян удельного ведомства в первой половине XIX века (региональная специфика) / Ю.Н. Красникова // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор В.А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С 283–289.

243. Красникова, Ю.Н. Начало женского аграрного образования в России (дореформенный период). Пути становления аграрного образования: 1904–2014 гг. (Петербуржскому аграрному университету – 110 лет) / Под ред. М. А. Арефьева, Э. Ю. Гальперина, А. Н. Гарявина, В. А. Ефимова, А. О. Туфанова, С. Н. Широкова. СПб.: СПбГАУ, 2014. С. 54–64.

244. Красникова, Ю.Н. Начало аграрного образования в России: к истории вопроса / Ю.Н. Красникова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб.: СПбГАУ, 2013. № 30. С. 298–303.

245. Красникова, Ю.Н. Национальная принадлежность крестьян в удельных имениях северо-запада России в I четверти XIX века / Ю.Н. Красникова // Культура и образование в XXI веке: материалы межвузовской научно-практической конференции 26–28 января 2012. СПб.: СПбГАУ, 2012. С. 84–92.

246. Красникова, Ю.Н. Николай I: император и помещик (противоречивость политического лидерства в России) / Ю.Н. Красникова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб.: СПбГАУ, 2014. №35. С. 371–376.

247. Красникова, Ю.Н. Оброчные статьи, как один из источников пополнения бюджета на содержание членов императорской фамилии (первая половина XIX века) / Ю.Н. Красникова // Двадцать вторые Петровские чтения по истории, политологии, социологии, экономике, культуре, образованию и праву. Международная научная конференция. СПб.: РХГА, 2022. С. 55–59.

248. Красникова, Ю.Н. Особенности промышленного развития России в первой половине XIX века (на примере удельного хозяйства) / Ю.Н. Красникова // Девятнадцатые Петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: «Северная звезда», 2018. С. 13–19.

249. Красникова, Ю.Н. Организация общественной запашки в удельной деревне в первой половине XIX века / Т.В. Емельянова, Ю.Н. Красникова // Современная научная мысль. М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2021. № 5. С. 13–19.

250. Красникова, Ю.Н. Почему крестьяне к царю в столицу ходили? (К истории хождения в Российской империи в первой четверти XIX века) / Ю.Н. Красникова // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2022. С. 109–115.

251. Красникова, Ю.Н. Практическая школа земледелия, из истории аграрного вопроса в российской империи в начале XIX века / Ю.Н. Красникова // Аграрная наука XXI века. Актуальные исследования и перспективы. Санкт-Петербург–Пушкин, 21–22 февраля 2013 года. СПб.: СПбГАУ, 2013. С. 329–331.

252. Красникова, Ю.Н. Противоречие явления лидерства в России: Николай I как государственный деятель и помещик (Российская империя вторая четверть XIX века) / Ю.Н. Красникова // Нравственные и духовные аспекты лидерства. Коллективная монография. СПб.: ВШЛ СПбХУ, 2014. С. 249–267.

253. Красникова, Ю.Н. «По прошениям, подаваемым лично Государю Императору разными людьми в городе Царском Селе в 1821, 1822, 1823 гг.» / Ю.Н. Красникова // 300 лет Царскому Селу. Сборник научных статей. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2010. С. 14–23.

254. Красникова, Ю.Н. Промысловая деятельность удельных крестьян северо-запада Российской империи в первой четверти XIX века / Ю.Н. Красникова // Столица и провинции. Взаимоотношение центра и регионов в истории России. Сборник материалов. Всероссийская научная конференция 5 апреля 2010. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2010. Вып. 2. С.32–43.

255. Красникова, Ю.Н. Развитие системы образования в удельных имениях во второй четверти XIX века, на примере главных и сельских училищ / Ю.Н. Красникова // Россия под властью Романовых: к 400-летию воцарения: Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 15 марта 2013 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. С.89–93.

256. Красникова, Ю.Н. Развитие кормленчества в XIX: причины и специфика / Ю.Н. Красникова // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. 4–7 октября 2012. Тверь: ИЭА РАН, 2012. Т.2. С.28–31.

257. Красникова, Ю.Н. Реализация профессионального образования в Российской империи в первой половине XIX века (на примере организации ремесленных училищ в удельных имениях) / Ю.Н. Красникова // Двадцать вторые петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. 16–17 декабря 2021. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. С. 333–338.

258. Красникова, Ю.Н. Реализация образовательных программ в удельном ведомстве (первая половина XIX века) / Ю.Н. Красникова // Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства. Международная научная конференция. Москва, 4–6 июня 2013 г. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2013. С. 108–111.

259. Красникова, Ю.Н. Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой

трети XIX века / Ю.Н. Красникова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2011. Т. 29. № 3-4. С. 388–396.

260. Красникова, Ю.Н. Рекрутские наборы удельных крестьян в первой четверти XIX века / Ю.Н. Красникова // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 42–44.

261. Красникова, Ю.Н. Современная историография истории удельных крестьян (первая половина XIX века) / Ю.Н. Красникова // Герценовские чтения: Актуальные проблемы русской истории. 23 апреля 2013. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 253–262.

262. Красникова, Ю.Н. Специфика взаимодействия удельных и гражданских властей на местах (первая половина XIX века) / Ю.Н. Красникова // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века). Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012). Оренбург: Пресса, 2012. С.141–145.

263. Красникова, Ю.Н. Территориальное размещение удельных имений на северо-западе Российской империи в первой четверти XIX века / Ю.Н. Красникова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб.: СПбГАУ, 2011. № 25. С. 303–307.

264. Красникова, Ю.Н. Экономическая деятельность Департамента уделов по содержанию членов императорской фамилии (первая четверть XIX века) / Ю.Н. Красникова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. СПб.: СПбГАУ, 2012. № 26. С. 456–466.

265. Красникова, Ю.Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2022. Т. 11 № 4. С. 451–469.

266. Красникова, Ю.Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII–первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. СПб.: СПбГАУ, 2014. 164 с.

267. Красникова, Ю.Н. Удельное хозяйство в первой половине XIX века: почему стоит уделить этому внимание в школьном курсе. / Ю.Н. Красникова // Преподавание истории в школе. М.: АНО «Редакция журнала «Преподавание истории в школе», 2022. № 6. С. 24–29.

268. Крестьянское движение в России в 1826 – 1849 гг.: сб. док. М.: СОЦЭГИЗ, 1961. 984 с.

269. Кудрявцева, З.И. Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797–1863 гг.) / З.И. Кудрявцева. // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX–начала XX вв. Л.: изд. ЛГУ, 1967. С. 176–204.

270. Кузнецов, В.А. Лашманы как уникальное сословие в истории Среднего Поволжья истории / В.А. Кузнецов // Казанское адмиралтейство (1718 – 1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 146–161.

271. Ланской Г.Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX - начала XX вв.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник. 2007. С. 28.

272. Литвак, Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в Росси в XIX в. / Б.Г. Литвак. М.: Наука, 1967. 127 с.

273. Лукоянов, Р., Павлова, О.А. Удельные крестьяне Воротынского уезда / Р. Лукоянов, О.А. Павлова // Социально-экономические проблемы развития муниципальных образований. Материалы научно-практической конференции студентов и молодых ученых: тезисы / Ред. колл.: А.Е. Шамин, Н.В. Провалёнова, О.А. Фролова, А.В. Мартыянычев. Нижний Новгород:

Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 2015. С. 46–51.

274. Любимов, Е.А. Военная история храма / Е.А. Любимов // Военно-исторический журнал. 2005. № 4. С. 70–78.

275. Любичанковский, С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством / С.В. Любичанковский // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 59–68.

276. Любичанковский, С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.) / С.В. Любичанковский. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. 402 с.

277. Максимов, И.С. Тенденции аграрного развития России в связи с военными кампаниями 1812–1814 гг. (на материале губерний Среднего Поволжья) / И.С. Максимов // Экономическая история. 2011. № 4 (15). С. 16–21.

278. Марней, Л.П. Министр и его ведомство. Д.А. Гурьев о финансах в России начала XIX века / Л.П. Марней // Экономическая история: Ежегодник. М.: Росспэн, 2003. С. 329–359.

279. Марней, Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. / Л. П. Марней. М.: Индрик, 2009. 270 с.

280. Маслов, Н.А. Правовой статус рекрутов и нижних воинских чинов в Российской империи в 1699-1874 гг. / Н.А. Маслов // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2 (6). С. 9–13.

281. Матвеевко, Ю.И. Модернизация: теория и современность / Ю.И. Матвеевко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1. С. 153–164.

282. Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части

Министерства императорского двора его императорского величества. 1 января 1843–15 июня 1918 / Под ред. Онищенко. М.: МедиаПресс, 2008. 326 с.

283. Медведева, О.В., Аветисян, А.А. Документирование распорядительной деятельности: история и современное состояние / О.В. Медведева, А.А. Аветисян // Державинский форум. 2020. Т. 4. № 16. С. 116–122.

284. Мельников, П.Ю. Раздел в крестьянском обычном праве Российской империи XIX века / П.Ю. Мельников // Вестник Саратовской юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 113–118.

285. Мироненко, С.В. Страницы тайной истории самодержавия / С.В. Мироненко. М.: Мысль, 1990. 235 с.

286. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX века / С.В. Мироненко. М.: Наука, 1989. 238 с.

287. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократия семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 547 + 582 с.

288. Многонациональный Петербург. История, религия, народы. СПб.: Искусство, 2002. 869 с.

289. Мороховец, Е.А. Крестьянская реформа 1861 г. / Е.А. Мороховец. М.: Соцэкгиз, 17 ф-ка нац. книги треста «Полиграфкнига», 1937. 162 с.

290. Мякотин, В.А. Крестьянское самоуправление в удельных имениях / В.А. Мякотин. // Русское богатство. 1903. № 6. С. 51–93.

291. Мякотин, В.А. Личные и имущественные права удельных крестьян / В.А. Мякотин. // Русское богатство. 1903. № 7. С. 63–70.

292. Н.А. Удельные имущества с точки зрения действующего законодательства / Н.А. М.: тов-во тип. А.И. Мамонова, 1907. 22 с.

293. Невзоров, Е.Ю. Солдатские дети как успешный проект формирования резерва комплектования русской армии в первой половине XIX

века / Е.Ю. Невзоров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 180. С. 133–141.

294. Некрашевич, Ф.А. Проявление коррупции при проведении рекрутских наборов в Белорусских губерниях Российской империи (1831–1856) / Ф.А. Некрашевич // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2021. № 1-2 (9-10). С. 54–58.

295. Немирович-Данченко, П.М. К вопросу о методах изучения ментальности / П.М. Немирович-Данченко // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1 (2). С. 89–90.

296. Несмеянова, И.И. Министерство императорского двора и уделов в истории Российской государственности / И.И. Несмеянова. Челябинск: МОУ ВПО «Южно-Уральский проф. ин-т»: Южно-Уральское кн. изд-во, 2009. 275 с.

297. Неупокоев, В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII–в начале XIX в. / В.И. Неупокоев. М.: Наука, 1987. 286 с.

298. Нечаев, М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «фабричная лихорадка» первой половины XIX века / М.Г. Нечаев. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия: Культура, история, философия, право. 2016. № 4. С. 5–38.

299. Никольская, Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 гг. / Т.К. Никольская. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 348 с.

300. Николаев, Д.А., Потапина, М.В. П.М. Волконский – первый министр императорского двора (1826–1852) / Д.А. Николаев., М.В. Потапина // Клио. 2011. № 6 (57). С. 123–124.

301. Никулин, В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян северо-запада России в пореформенное время / В.Н. Никулин. // Северо-запад в аграрной истории России: сборник научных трудов Калининградского университета. Калининград: КГУ, 1985. С. 125–128.

302. Никулин, В.Н. Реформы 60-х гг. XIX в. в северо-западных губерниях России / В.Н. Никулин. // Северо-запад в аграрной истории России: сборник научных трудов Калининградского университета. Калининград, 1986. С. 46–51.

303. Никулин, В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы / В.Н. Никулин // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 272–283.

304. Нифонтов, А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. / А.С. Нифонтов. М.: Наука, 1974. 318 с.

305. Орлов, С.В. Раскольничество в Алатырском уезде в первой половине XIX века / С.В. Орлов // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск: тип. «Крас. Окт.», 2000. С. 125–127.

306. Орлова, Г.А. Бюрократическое письмо как механизм господства / Г.А. Орлова // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 76–82.

307. Остромысленский, Е.А. Молокане / Е.А. Остромысленский. Орел: тип. газеты «Орловский вестник», 1841. 70 с.

308. Остром, Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия. Пер. с англ. Т. Монтян / Э. Остром. Киев: б.и., 2013. 400 с.

309. Отто, Н. Черты из жизни графа Аракчеева / Н. Отто // Древняя и Новая Россия. 1875. № 1. С. 95–102; № 3. С. 293–302; № 4. С. 375–394; № 6. С. 165–182; № 10. С. 161–186.

310. Павлова, Л.Г. Хозяйственное и правовое положение крестьян дворцовой волости северо-запада России (по материалам Выскотской волости) / Л.Г. Павлова // История крестьянства северо-запада России в XVII – XIX вв. Л.: ЛГУ, 1983. С. 128–139.

311. Парусов, А.И. К вопросу о положении и борьбе удельных крестьян России в первой четверти XIX века / А.И. Парусов // Ученые записки Горьковского педагогического института иностранных языков. 1959. Вып. 12. С. 219–235.

312. Пиреев, А.И., Степанова, Ю.Г. «Кружок молодых друзей» Александра I и министерская реформа в России начала XIX в. / А.И. Пиреев, Ю.Г. Степанова // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Сборник научных статей. Актобе: Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, 2016. С. 89–94.

313. Писарькова, Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века / Л.Ф. Писарькова // Человек. 1995. № 3. С. 121–139.

314. Писарькова, Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.

315. Писарькова, Л.Ф. Коррупция в государственном управлении России XVII–XIX веков / Л.Ф. Писарькова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 2 (87). С. 49–56.

316. Писарькова, Л.Ф. Непременный или Государственный совет был в России в 1801 – 1809 годах? (к вопросу об уточнении терминологии) / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. 2008. № 5. С. 128–130.

317. Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетиках и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. В 3 частях. М.: Тип. Т. Волкова, 1860. Ч. 1–3. 111 + 68 + 194 с.

318. Половинкин, Н.С. Документы ЦГИА по истории удельной деревни в первой половине XIX в. / Н.С. Половинкин // Советские архивы. 1980. № 6. С. 46–47.

319. Половинкин, Н.С. К вопросу о положении удельных крестьян России в первой трети XIX в. / Н.С. Половинки. // Классовая борьба и общественно – политическая жизнь в дореволюционной России. Тюмень: ТГУ, 1978. С. 54–68.

320. Половинкин, Н.С. Удельная деревня Приуралья в первой половине XIX в. / Н.С. Половинкин // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 127–134.

321. Поляков, М.М. История противодействия коррупции органами прокуратуры в государственном управлении дореволюционной России XVIII – начала XIX в. // Актуальные проблемы Российского права. 2018. № 6 (91). С. 11–19.

322. Предтеченский, А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А.В. Предтеченский. М-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1957. 456 с.

323. Приходько, М.А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX века / М.А. Приходько // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 119–129.

324. Приходько, М.А. Историко-юридическая концепция развития министерской системы управления в России в начале XIX в. / М.А. Приходько // Право и государство: теория и практика. 2007. № 12 (36). С. 84–87.

325. Приходько, М.А. Подготовка и разработка министерской реформы в России (февраль–сентябрь 1802 г) / М.А. Приходько. М.: Компания Спутник +, 2002. 92 с.

326. Приходько, М.А. Реформа центральных учреждений государственного управления и создание министерской системы управления в

России в первой трети XIX века / М.А. Приходько // Правоведение. 2000. № 5. С. 187–197.

327. Просвирякова, Т.Н. Деятельность государства в развитии грамотности удельного крестьянства (на примере Владимирской губернии) / Т.Н. Просвирякова // Человек в российской повседневности: история и современность. Пенза: ПГСХА, 2008. С. 216–217.

328. Пушкарев, И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов / И. Пушкарев. СПб.: изд. собств. иждивением авт., 1839. 30 с.

329. Пыпин, А.Н. Общественное движение в России при Александре I / А.Н. Пыпин. СПб. : Гуманитар. агентство «Акад. Проект», 2001. 556.

330. Пятидесятилетний юбилей его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского / Сост. под ред. Ю.О. Шрейера. СПб.: типо-лит. Зиберт и Фосс, 1881. 164 с.

331. Раскин, Д.И. Институт товарищей министров в системе министерского управления Российской империи / И.Д. Раскин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 2 (259). С. 132–144.

332. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В.М. Данилова. М.: МВШСЭН; Российская политическая энциклопедия, 2002. 592 с.

333. Рянский, Л.М., Рянский, Р.Л. Положение помещичьих крестьян в конце XVIII–начале XIX в. / Л.М. Рянский, Р.Л. Рянский // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы научной конференции. Липецк, 12–13 апреля 2011. Липецк: ООО ПК «Мистраль-М», 2011. С. 49–59.

334. Саранцев, И.П. Очерки истории профессионального образования Симбирского-Ульяновского края. Часть I (1840–1942 гг.). Ульяновск, [2007] // URL: <http://www.ulprof.ulgov.ru/edu/history/443.html> (дата обращения: 20.04.2013). Режим доступа: свободный.

335. Сафонов, М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. / М.М. Сафонов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 247 с.
336. Сафонов, М.М., Филиппова, Э.Н. Журналы Непременного Совета / М.М. Сафонов, Э.Н. Филиппова // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1979. Т.11. С. 144–163.
337. Сахаров, А.Н. Александр I / А.Н. Сахаров. М.: Наука, 1998. 287 с.
338. Семенкова, Т.Г. Денежные реформы в России в XIX веке / Т.Г. Семенкова. СПб.: Изд. фирма «Марафон», 1992. 142 с.
339. Седов, А.В. Борьба удельных крестьян против крепостничества (по материалам Нижегородской губернии) / А.В. Седов // Ученые записки Горьковского университета. 1961. Вып. 52. С. 29–41.
340. Седов, А.В. Крепостническая эксплуатация удельных крестьян / А.В. Седов // Труды Горьковского педагогического института. 1956. Т. XVIII. С. 50–65.
341. Седов, А.В. Развитие товарного производства и расслоение крестьян в удельной деревне Нижегородской губернии. / А.В. Седов // Ученые записки Горьковского государственного университета. 1961. Вып. 52. С. 22–34.
342. Сельскохозяйственный сборник удельного ведомства. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1905. Вып. 1. 100 с.
343. Семевский, В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. / В.И. Семевский // Устой. 1882. № 1. С. 90–132; № 2. С. 63–108.
344. Семевский, В.И. История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX вв. / В.И. Семевский. СПб.: лит Апостолова, 1885. 203 с.
345. Семевский, В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века / В.И. Семевский. Т. 1. СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1888. 626 с.

346. Семевский, В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II / В.И. Семевский. Т.1–2. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1881, 1901. 540 + 865 с.
347. Он же. Не пора ли написать историю крестьян в России. / В.И. Семевский // Русская мысль. 1881. №2. С. 215–256.
348. Семевский, М.И. Павловск. Очерк истории и описание. 1777–1877 / М.И. Семевский. СПб.: тип. Второго Отделения Собств. Его Императорского величества канцелярия, 1877. 592 с.
349. Семенов, А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности / А. Семенов. Ч. III. СПб.: тип. И.И. Глазунова и К°, 1859. 536 с.
350. Семенова, Л.Н. Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в. (правительственная политика) / Л.Н. Семенова // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 5–20.
351. Семенкова, Т.Г., Семенков, А.В. Денежные реформы в России в XIX веке / Т.Г. Семенкова, А.В. Семенков. СПб.: изд. фирма «Марафон», 1992. 142 с.
352. Середонин, С.М. Граф М.М. Сперанский: Очерк государственной деятельности / С.М. Середонин. СПб., 1909. 189 с.
353. Скогорева, Е.В. Становление промышленности и появление первых фабрик и заводов в Санкт-Петербургской губернии в XVIII веке / Е.В. Скогорева // Фундаментальные исследования. 2016. № 11–4. С. 722–727.
354. Собственность на землю в России: История и современность / Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М.: РОССПЭН, 2002. 590 с.
355. Соловьев, С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия / С.М. Соловьев. М.: «Астрель», 2003. 639 с.
356. Стародубцев, М.П. Культ разума, знания и воспитания – важнейшая ценность эпохи Просвещения / М.П. Стародубцев // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 291–296.

357. Столетие уделов. 1797–1897. СПб.: типография Главного управления уделов, 1897. 96 с.
358. Столетие военного министерства 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб.: тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. 1202 с.
359. Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. III. Отд. VI. Военные министры и главноуправляющие военною частью в России с 1701 по 1910 г. / Гл. ред. Д.А. Скалон, сост. Н.М. Затворницкий. СПб.: тип. т-ва М.О. Вольф, 1911. 316 с.
360. Срезневский, И.И. Этнографическая карта Европейской России / И.И. Срезневский. СПб.: тип. Академии наук, 1852. 4 с.
361. Сургучев, И.Д. Детство Императора Николая II / И.Д. Сургучев. Париж: Возрождение, 1953. 151 с.
362. Суворов, П.А. Семен Матвеевич Уклеин. Распространитель и организатор на почве священного писания молоканских общин в XVIII веке / П.А. Суворов. Баку: тип. «Труд» С.Г. Берладир и Ко, 1915. 12 с.
363. Сухарев, О.С. Вопросы методологии институционального анализа: нормативные оценки и теория / О.С. Сухарев // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 3. С. 24–40.
364. Танаков, А.И. Как рожали русские царицы. Акушерские истории династии Романовых / А.И. Танаков. СПб.: Глаголь-Добро, 2011. 319 с.
365. 300 лет военной истории Санкт-Петербурга: Санкт-Петербург – военная столица, военно-научный и военно-промышленный центр страны / Ю.А. Алексеев, А.А. Будко, М.М. Галанов и др. СПб.: Славия, 2003. 575 с.
366. Ткаченко, П.Г. Государственно-правовое регулирование деятельности Евангелическо-лютеранской и реформаторской церкви в Российской империи в XIX–начале XX вв. / П.Г. Ткаченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 180–187.

367. Толстов, С.И. Крестьяноведение: предмет, трудности становления, региональный аспект // URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/40-199.html>. (дата обращения: 12.03.2013). Режим доступа: свободный.

368. Троицкий, Н.А. Александр I и Наполеон / Н.А. Троицкий. М.: Высшая школа, 1994. 304 с.

369. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование / М.И. Туган-Барановский. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1898. Т. 1. 448 с.

370. Уварова, Н.А. Новые тенденции изучения крестьянства России конца XIX – начала XX вв. в зарубежной историографии. // Ярославский педагогический Вестник. № 1 (2002) // URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/40-199.html>. (дата обращения: 18.05.2015). Режим доступа: свободный.

371. Ульянов, А.Е. Современная историография крестьянского хозяйства Пензенской губернии второй половины XIX века / А.Е. Ульянов // Известия ПГПУ. 2007. № 4 (8). С. 145–148.

372. Ушаков, Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии / Н.М. Ушаков. Астрахань: изд. Астраханского гос.пед.ун-та, 2001. 169 с.

373. Файзрахманов, И.З. Лашманы в строительстве российского флота: основные вехи истории / И.З. Файзрахманов // Казанское адмиралтейство (1718 – 1830 гг.): народы Поволжья и традиции Российского судостроения. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 353–375.

374. Фургин, Ф.А. Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации / Ф.А. Фургин // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1962. С. 156–188.

375. Ходский, Л.В. Земля и земледелец / Л.В. Ходский. Т. 1–2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891, 1892. 266 + 314 с.

376. Чернышев, И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет / И.В. Чернышев. Пг.: Вольное экономическое общество, 1918. 384 с.

377. Шайхисламов, Р.Б. Влияние вотчинного права башкир на землепользование удельных крестьян / Р.Б. Шайхисламов // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа: «Мир Печати», 2019. С. 91–93.

378. Шайхисламов, Р.Б. Введение поземельного сбора в удельной деревне Южного Урала / Р.Б. Шайхисламов // Доклады Башкирского университета. 2021. Т. 6. № 6. С. 420–425.

379. Шайхисламов, Р.Б. Натуральные повинности удельных крестьян Южного Урала в первой половине XIX в. / Р.Б. Шайхисламов // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике. Материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934–1989). Ижевск: ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 2019. С. 119–124.

380. Шайхисламов, Р.Б., Мысляева, Н.С. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период / Р.Б. Шайхисламов, Н.С. Мысляева // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 52–56.

381. Шевченко, М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I / М.М. Шевченко // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104

382. Шепелев, Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I / Л.Е. Шепелев. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 461 с.

383. Шепелев, Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начала XX вв. / Л.Е. Шепелев. СПб.: Искусство, 1999. 477 с.
384. Шиловский, П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии / П. Шиловский. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 145 с.
385. Шильдер, Н.К. Император Павел Первый: историко-биографический очерк / Н.К. Шильдер. М.: фирма «Чарли», 1996. 540 с.
386. Шильдер, Н.К. Император Александр I: биографический очерк / Н.К. Шильдер. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1895. 384 с.
387. Шушунова, Е.В. Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия / Е.В. Шушунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2012. № 2 (18). С. 55–59.
388. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. Пер. с нем.: В.С. Автономов, М.С. Любский, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ.: В. С. Автономов и др. М.: Эксмо, 2008. 861 с.
389. Щербинин, П.П. Социально-правовой и повседневно бытовой статус солдатских детей в XVIII – XIX вв. / П.П. Щербинин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 161–167.
390. Щербинина, Ю.В., Щербинин, П.П. Социально-экономические факторы адаптации отставных солдат в России в XIX в. / Ю.В. Щербинина, П.П. Щербинин // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1 (35). С. 222–228.
391. Эйдельман, Н.Я. Грань веков / Н.Я. Эйдельман. М.: Вагриус, 2004. 463 с.
392. Яковкин, И. История села Царского в трех частях, составленная из дел архива села Царского / И. Яковкин. Ч. 1–3. СПб.: тип. Деп. нар. прос., 1829–1831. 164 + 244 + 528 с.

393. Яхшиян, О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян / О.Ю. Яхшиян. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 92–105.

394. Яцунский, В.К. Промышленный переворот в России: к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений / В.К. Яцунский // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 48–70.

395. Burds, J.P. Peasant Dreams and market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905 / J.P. Burds. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1998. PP. 8–9.

396. Anscombe, G.E.M. Modern Moral Philosophy / G.E.M. Anscombe // Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy. Vol. XXXIII. No. 124 (1958). PP. 1–19.

397. Krasnikova, Y.N. Russian Leadership and the Cultural Challenges of Corruption / Y.N. Krasnikova, // Challenges of moral leadership. Peeters Leuven – Paris – Bristol. 2016. PP. 151-161

398. Moon D. The Russian Peasantry, 1600-1930: The World the Peasants made. L.: Longman, 1999. 295 p.

399. Henze, C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823 – 1914 / C.E. Henze. London, New York: Routledge, 2011. 227 p.

400. Wirtschafter, E.K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in императорской России / E.K. Wirtschafter // The Journal of Military History. № 59. 1995. April. PP. 215–236.

Справочная литература

401. Государственность России: Словарь-справочник. Кн. 1. М.: Наука, 1996–1999. 330 с.

402. Русский биографический словарь: Гоголь-Гюне. М.: «Аспект-Пресс», 1997. 605 с.

403. Русский биографический словарь. Издание императорского русского исторического общества / Ред. Чулкова Н.П. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. Т. 4. 494 с.

404. Скальковский, К.А. Наши государственные и общественные деятели / К.А. Скальковский. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1890. 586 с.

405. Энциклопедический словарь товарищества «Братьев А. и И. Гранат и Ко». / Ред. В.Я. Железнова. Т. 25. М.: Изд-во тов-ва бр. А.и И. Гранат и Ко», 1910. 7 издание. С. 463–573.

Авторефераты

406. Алборова, А.Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Алборова Анастасия Георгиевна. Новгород, 2007. 18 с.

407. Богданов, Л. П. Русская армия в конце XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Богданов Леонид Павлович. М., 1981. 31 с.

408. Бразевич, С.С. Удельные крестьяне Санкт–Петербургской губернии в конце XVIII–середине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Бразевич Святослав Станиславович. СПб.: СПбГУ, 1993. 19 с.

409. Гриценко, Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Гриценко Николай Павлович. М.: ЛОИИ АН СССР, 1961. 35 с.

410. Землянский, М.О. История льняной промышленности России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Землянский Максим Олегович. М., 2013. 29 с.

411. Кабаш, В.И. Крестьяне и крестьянское движение в Санкт-Петербурге в конце XVIII и первой четверти XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Кабаш Василий Иванович. Л., 1958. 14 с.

412. Котов, П.П. Удельные крестьяне Русского Севера: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Котов Петр Павлович. Л., 1986. 16 с.

413. Кухарук, А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Кухарук Александр Васильевич. М., 1999. 21 с.
414. Мударисов, Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1801 – 1861 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Мударисов Рамиль Зуфарович. Уфа: Гилем, 2003. 43 с.
415. Орлов, С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Орлов Сергей Владимирович. Саранск, 2003. 17 с.
416. Половинкин, Н.С. Социально-экономическое развитие удельной деревни Приуралья в первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Половинкин Николай Сергеевич. Пермь., 1981. 17 с.
417. Самсонов, Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI – XVIII вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук / Самсонов Николай Владимирович. М., 2007. 21 с.
418. Седов, А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797-1863 г.г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Седов Андрей Васильевич. Горький, 1954. 16 с.
419. Семашко, А.Г. Русская Православная церковь в государственном механизме Российской империи XIX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Семашко Анна Геннадьевна. М., 2007. 26 с.
420. Серкина, С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII–первой половины XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Серкина Светлана Сергеевна. Саранск, 2002. 20 с.
421. Фирсова, Н.В. Подготовка учителей для народных училищ в последней трети XVIII–I половине XIX века: на материалах Северо-Запада России: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Фирсова Наталия Владиславовна. СПб., 2007. 24 с.

422. Христофоров, И.А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е–начало 1890-х гг): автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Христофоров Игорь Анатольевич. М., 2013. 51 с.

423. Щербинина, Ю.В. Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Щербинина Юлия Вячеславовна. Воронеж, 2007. 24 с.

Приложение 1.

Списки формулярные чиновников Департамента уделов с 1797-1800 гг.¹

1797

ФИО	Должность, штатный класс (чин)	Социальное положение	Титулы и награды	Последнее место работы	образование	Семейное положение	Недвижимое и движимое имущество	Возраст	Был ли в военных походах
Старков Дмитрий Алексеевич	Товарищ министра Коллеж советник	Сын статского советника и кавалера ор. Владимира	нет	СПб губ. Палата Уголовного суда, советник	Рейт паж, поручиком в аудиторскую вакансию в полк, перешел на гражданскую службу	Женат, детей нет	нет	40	нет
Дубровин Лука Иванович	Казначей, Коллеж. советник,	дворянин	нет	Делопроизводитель при Куракине	Копиист, канцелярист, протоколист, казначей, в армии провиантмейстер-лейтенант		нет	34	Нет
Эмин Николай Федорович	Правитель канцелярии по корреспонденции	Из иностранных обер-офиц детей	нет	Обер-провиант мейстер в армии	Горное училище-шихтмейстер		нет	31	788 против шведов
Дмитрий Метлин	Колл. Ассесор, правитель канцелярии		нет	Делопроизводитель в штате генерал-прокурора госуд. Ассигнационного банка (куракин)	-	-	Змуж-Зжен кр.	-	нет

¹ Составлено по РГИА. Ф. 515. оп.73. Д.1.

Федор Юдин	Экзекутор, надвор советник	Дворянин, капитан в отставке		Заседатель в софийской нижней расправе	-	Женат, 8 детей	нет	47	764 – 75 Польша,
Иван Антропов	Колл. Ассессор, директор экспедиции чертителей,	Из офиц. Детей, майор в отставке	Св.влад имир 4 степени	Межевая Экспедиция первый член	Архитектурным учеником в конторе строения домов и садов	холост	2крес	41	-
Николай Радионов	Колл. Ассессор, «при делах» в ДУ	Артиллери и ген-майорский сын, секунд-майор в отставке		Коллегия по прошениям, секретарь		женат	нет	27	
Александр Алексеев	Правитель канцелярии по письмоводству. Колл. советник	Из обер офицерских детей, подпоручик в отставке		Бухгалтер с исправлением секретарской должности в банке, Секретарь ДУ		женат	3 душ	35	нет
Логии Афонасьев	Колл.сессор	Из обер офицерских детей,		Печальная комиссия при дворе		Женат, 3 детей	нет	35	нет
Андрей Яковлев	Колл. Ассессор, начальник стола в 3	дворянин,		Казначейство, делопроизводство и расчеты		Холост	5 душ	39	нет
Павел Янджол Михайловский	Титул. советник	дворянин,		Комиссия по составлению законов РИ канцелярия ген-прокурора Куракина					нет

Алексей Крапцов	Титул советник	Сын придворн. мундшенского помощника		Канцелярия Куракина экспедиция для свидетельства гос. счетов	Студент в коллегии иностранных дел	женат	нет	26	нет
Николай Пырский	Титул советник	Из обер офицерских детей,		Канцелярия Куракина		женат	нет	31	нет
Рогов Авдей	Тит.советник			Копиист, канцелярия Куракина		Женат, 2 детей	нет	36	нет
Василий Фирсов	Тит. советник	Сын майора, Отставной подпоручик		Канцелярия Куракина			нет		нет
Иван Семенов	Тит советник	дворянин		Канцелярия Куракина		холост	нет	21	нет
Николай Сурин	Тит советник, подпоручик в отставке	Из солдатских детей		Канцелярия Куракина		холост	нет	29	был
Алексей Клепцов	Губернский секретарь	Из придворнослужительских детей		Сенат, сенатские регистраторы (Куракин)			нет	25	нет
Алексей Зуев	Губернский секретарь, помощник 3 экспедиции	Сын отставного выхмистра		Комиссия по составлению законов РИ канцелярия генпрокурора Куракина	Обучение языкам	холост	нет	29	нет
Петр Евдокимов	Губернский секретарь	Их штаб офицерских детей		Канцелярия Куракина		холост	нет	25	нет

Александр Азимов	Губернский секретарь	Из священно церковно служительски		Канцелярия Куракина		Женат, 2 детей		28	
Николай Ванифантьев	Губернский секретарь	Их штаб офицерских детей		Герольдия, статские дела, в чине поручика		холост		16	
Андрян Федоров	Тит советник	Из приказных заштатных монастырских служительских детей		Губернский секретарь		Женат, 6 детей		52	
Василий Степанов	Протоколист, Губернский секретарь	Придворной конюшенной команды из маразеин-вахтерских детей		Канцелярия Куракина		холост		26	
Александр Юшков	землемер Губернский секретарь	дворянин		Поручик артиллерии		холост		29	Был, ранен
Александр Навроцкий	Губернский секретарь, поручик в отставке	Из священнических детей		Экспедиция государственных расходов, поручик		холост		19	
Федор Путинский	Сенатский регистратор	Из обер офицерских детей,		Канцелярия Куракина	В московский главный Генеральный Госпиталь, хирургический ученик	холост		21	
Сергей Матвеев	Губернский секретарь	Их духовного		Канцелярия Куракина					

Андрей Матвеев	Сенатский регистратор	Из приказных детей		Канцелярия Куракина		холост		17	
Василий Мусорин	Сенатский регистратор	Из обер офицерских детей,		Канцелярия Куракина		холост		24	
Радион Бельский	Сенатский регистратор	дворянин		Канцелярия Куракина		холост		20	
Михаил Иванов	Сенатский регистратор	Студент, Тверской семинарии		4 экспедиция для взыскания по начетам и недоимкам	Вышневолоцкое народное училище учитель	холост		30	
Егор Сазонов	Коллеж. регистратор	Одноворч еских детей не состоящих в подушном окладе		СПБ губернии верхний ... суд 2 Департамент		Женат, 3 детей		30	
Иван Балахнин	Коллеж. регистратор	Из обер офицерских детей,		Канцелярия Куракина	Выпскник сухопутного шл. Кадетского корпуса	холост		18	
Александр Белопольский	Коллеж. регистратор	Из обер офицерских детей,		Канцелярия Куракина				25	
Василий Погодин	Коллеж. регистратор	Из купеческих детей		Временный казенный и интересный Департамент в должности повытчика	Имп. Академия наук ученик	Женат 3 детей		28	
Иван Данске	Коллеж. регистратор	Из вольных иностранцев		Регистратор Экспедиции свидетельство		женат		37	

				государственных счетов по части винной и соляной					
Александр Царевский	Коллеж. регистратор	студент казанской семинарии		СПБ таможенную стражу, надзиратель	В народном училище учителем	Вдов, сын		35	
Яков Аماشко	канцелярист	Дворянин, студент		Канцелярия Куракина	Киевская академия,	холост		24	
Алексей Малинин	канцелярист	Из духовных, студент		Канцелярия Куракина	Московский университет, в гимназию	холост		24	
Петр Сергиевский	канцелярист	Из обер офицерских детей, студент		Канцелярия Куракина	Московский университет,	холост		21	
Яков Алексеев	Губернский регистратор	Коллегии иностранных дел секретаря		Канцелярия Куракина	Московский университет, в гимназию	холост		20	
Григорий Дядин	Губернский регистратор	Из приказно служительских детей		Экспедиций государственных доходов по горной части,		женат		27	
Николай Алексеев	Регистратор	Коллегии иностранных дел, секретарь		Канцелярия Куракина	Московский университет, в гимназию	холост		19	
Петр Семчевский	Губернский регистратор	дворянин		Канцелярия Куракина	Московский университет	холост		17	
Василий Кошляков	Губернский регистратор	Из казачьего звания		Канцелярия Куракина		холост		21	

Иван Дудышкин	Губернский регистратор	Из дворян		Лейб-гвардии Преображенский полк фурыгером		холост		24	
Иван Мостовенков	Губернский регистратор	Из обер офицерских детей,		Харьковское (ныне Слободско-Украинское) правление, Канцелярия Куракина		холост		17	
Александр Иванов	Губернский регистратор	Из обер офицерских детей,		Канцелярия Куракина		холост		23	
Иван Цацкин	Губернский регистратор	Из дворян		Канцелярия Куракина		холост		20	
Василий Яковлев	Помощник столоначальнической канцелярии	Из духовного звания		Секретарь в ... уездный суд		холост		25	
Никита Шебурин	Канцелярист. Землемерный помощник	Из солдатских детей		Межевой департамент Вологодской губернии в г. Красноборск уездный землемер.	Межевая канцелярия второклассный ученик, Новгородская межевая контора первоклассный ученик	Женат, дочь		24	
Иван Иванов	канцелярист	Из иностранных		Канцелярия Куракина	Московская канцелярия Землемерное Константиновское училище			19	
Иван Штемлер	Сенатский канцелярист	Сын именитого гражданина		Канцелярия Куракина					

Василий Семенов		Из придворно-егерских детей		Канцелярист Экспедиции государственных доходов		холост		21	
Василий Алексеев	канцелярист	Из приказных		Канцелярия Куракина		холост		23	
Лука Овечкин	подканцелярист	Из обер офицерских детей		Новоладожская нижняя расправа		холост		19	
Иосиф Перепелицын	подканцелярист	Из приказного звания		Уездный копиист в бывшей Харьковской губернии		холост		18	
Николай Михайлов	копиист	Из обер офицерских детей		- (опыта не имеет)		холост		17	
Василий Александров	копиист	Истопник двора его Имп В		-		холост		18	
Мартын Иванов	курьер	Из отпущенных вечно дворовых людей		Сенатские роты,		женат		41	
Николай Бестужев	Товарищ архангельской экспедиции секунд-майор	дворянин		Городничий в Олонецком наместничестве		холост	450 душ	28	
Григорий Екимов	Титулярный советник, подпоручик	Из драгунских детей		соляной пристав, Мценск		женат		55	Да, крымский поход 774

Разумник Загодимский	архивариус	Из обер офицерски х детей		Канцелярист Вологодского городского магистрата		холост		22	
1798									
Александр Иванчиков	Колл. ассессор	Из дворян		Камер коллегия, коммерир	Студент коллегии иностраных дел	холост		24	
1799									
Алексей Малышев (увол по случаю побоев крестьянки полт фабрики)	Эконом удельной Полотняной фабрики, сенатский регистратор	Из лекарских детей		Городовое правление канцелярист, Регистратор Полотняной фабрики.		женат		26	
Сергей Носков	Титулярный советник, прапорщик	Из солдатских детей		Экспедиция о доходах		Женат, 2 детей		37	
Василий Крченков	Губернский секретарь	Из вольнопредо ляющихся малороссиян		Белорусский приказ общественного призрения. Комиссия производимая тайным советником Державиным (дело графа Поцья)		холост		27	
1800									
Александр Арсеньев	Товарищ министра Статский советник, отставной в герольдии	Из дворян		Берг коллегия, прокурор, статский советник и прокурор ДУ		Женат, 2 детей		51	да

Иван резанцев	Коллежский регистратор	Из приказных детей		Повытчик,		холост		24	
Николай Кривошеев	Тит совет.			Ассигнационный банк,				46	

Приложение В.

**Штат чиновников Департамента уделов и удельных контор
по проекту 1839 года**

	Число чиновников	Им содержания в год		
		По одному		Всем
		Жалования	Столовых	
Министр уделов получает жалование по особому Высочайшему назначению		–	12000	12000
Департамент уделов				
Вице-президент	1	10000	5000	15000
Членов	4	4000	.000	28000
В отделениях				
первом				
Начальник отделения	1	3000	1500	4500
Столоначальников	4	1800	750	10200
Помощников столоначальников	4	1200	500	6800
На жалование канцелярским чинам				8350
Втором				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Столоначальников	6	1800	750	15300
Помощников столоначальников	8	1200	500	13600
Младших помощников столоначальников	4	1000	200	4800

На жалование канцелярским чинам				11500
третьем				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Столоначальников	4	1800	750	10200
Помощников столоначальников	4	1200	500	6800
Главный удельныйстряпчий	1	2000	1000	3000
Помощник главного удельногостряпчего	1	1200	500	1700
На жалование канцелярским чинам				6900
Четвертом				
Начальник отделения	1	3.000	1500	4500
Бухгалтер	1	2000	1000	3000
Помощник бухгалтера	1	1500	500	2000
Контролеров	2	2000	1000	6000
Помощников контролеров	5	1500	500	10000
На жалование канцелярским чинам				4700
В чертежной				
Начальник чертежной	1	3000	1500	4500
Землемеров	20	1300	750	51.000
Помощников землемеров	25	1200	500	42.500
Младших помощников землемеров	10	1000	200	12000
В казначействе				
Казначей	1	2500	1500	4000
Помощник казначея	1	1800	750	2550

Канцелярский чиновник	1	1000		1000
В регистратуре				
Секретарь общего присутствия	1	1800	750	2550
Помощник секретаря общего присутствия	1	1200	500	1700
Журналист	1	1200	500	1700
Помощник журналиста	1	1000	200	1200
На жалование канцелярским чинам				2000
Вообще по Департаменту				
Чиновников особых поручений 5,6 и 8 классов, каждого класса по два	6			12000
Секретарь при министре	1	2500	1500	4000
Секретарь при Вице-президенте	1	2500	1500	4000
Помощник секретаря при вице-президенте	1	1800	750	2550
Экзекутор	1	1200	1000	2200
Помощник экзекутора	1	1000	200	1200
Архивариус	1	1800	750	2550
При архиве канцелярский чиновник	1	750		750
Старший архитектор	1	2000	2000	4000
Младший архитектор	1	1800	750	2550
Медик при Департаменте	1	2000	1500	3500
Медик при Санкт-Петербургской удельной больнице	1	1000	500	1500
Художников	2	2000		4000

Маклер	1	Штатного содержания не получает	
Итого			369350

Взято из РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 110-111.

Расписание чинов Министерства уделов

Департамента уделов	В каких классах и разрядах полагаются	
	По должностям	По мундирам
Вице-президент	-	3
Член департамента		4
Начальник отделения и начальник чертежной	6	6
Бухгалтер, контролер, старший столоначальник, старший землемер	7	8
Столоначальник и землемер	8	8
Помощник столоначальник, бухгалтера, контролера и землемера	9	9
Младший помощник столоначальник и землемера	10	10
Главный удельный стряпчий	7	7
Помощник главного удельного стряпчего	9	9
Казначей	7	7
Помощник казначея	8	8
Секретарь общего присутствия	7	8
Помощник секретаря общего присутствия	9	9
Журналист	9	9
Помощник журналиста	10	10
Чиновник особых поручений		
5 класса	5	7
6 класса	6	7
8 класса	8	7
Секретарь при министре	7	8
Секретарь при Вице-президенте Департамента	7	8
Помощник секретаря при вице президенте	8	9
Экзекутор	8	8
Помощник экзекутора	10	9
Архивариус	8	9
Старший архитектор	8	8
Младший архитектор	9	9
Медик при департаменте		7

Медик при СПб больнице		8
Художник (если из чиновников)	9	9
Удельные конторы		
Управляющий конторой	6	6
Помощник управляющего	8	8
Старший столоначальник и старший землемер	9	9
Столоначальник и землемер	10	9
Помощник столоначальника и землемера	12	10
Депутат	10	10
Медик		9
Ветеринар		9
При московской удельной конторе		
Главный удельный стряпчий	7	7
Его помощник	9	9
Удельное землемерское училище		
директор	5	5
Помощник директора	7	7
Учитель (если не имеет высшей степени по ученому званию или по другой службе)	9	10
эконом	9	10
медик		8
Удельное землемерское училище		
Директор	6	6
Учитель (если не имеет высшей степени по ученому званию или по другой службе)	9	9
Петергофских бумажной и гранильной фабрик		
директор	5	5
Секретарь и бухгалтер в конторе фабрики	8	8
Казначей в конторе фабрики и комиссары при продаже бумаги в СПб и Москве	9	9
Полицмейстер, эконом, комиссары материалов и готовой бумаги и помощник бухгалтера при конторе фабрики, бухгалтер в СПб комиссарстве и учитель при школе фабрики	10	10
медик		9
Состоящие в ведомстве департамента		
Управляющий Эстляндским удельным имением	8	8
Смотрители дворцов: Ревельского, Тверского, Стрельнинского и Красносельского	9	9
Письмоводитель при смотрителе стрельнинского дворца	12	10

Взято из РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 47. Л. 110-111.

Список селений, вошедших в состав Санкт-Петербургской удельной экспедиции в 1799 г.

В каком классе губернии состоят и сколько в каждой ревизских душ оброчных	Звание губернии	Число душ	С них оброчных накладными	С оброчных статей			Итого
				С мельниц	Рыбных ловель	С земель и прочих статей	
3 по 4 по 8 ко	Санкт-Петербургской						
	Приказ Ильешский в 36 селениях	1514	6177,12	-	-	613, 66 ½	6790, 78 ½
4 по 3 по 57 ко	Новгородский В волостях						
	1. Коростинской в 57 селениях	4991	17817,87	-	-	-	17817,87
Да польских выходцев состоящих в шестилетней льготе 35 душ. Предлагалось льготу им отменить							
	2. Устрицкой в 3 селениях	287	1024,59	-	-	-	1024,59
	3. Городищенской в 2 селениях	39	139,23	-	-	-	139,23
	4. Чуриковской в 2 селениях	87	310,59	-	-	-	310,59
	5. Замоской в 2 селениях	38	135,66	-	-	-	135,66
	6. Селенской в 6 селениях	233	831,81	-	-	-	831,81
В вотчинах							
	7. Лиговской в 1 селении	15	53,55	-	-	-	53,55
	8. Язвицкой в 3 селениях	41	146,37	-	-	-	146,37
	9. Гатчинской в 15 селениях	570	2034,90	-	-	-	2034,90
	10. Володиленской в 7 селениях	137	489,9	-	-	-	489,9
	11. Кременицкий погост в 1 селении	9	32,13	-	-	-	32,13
	12. Бороивановской в 14 селениях	936	3341,52	-	-	-	3341,52
	13. Шапенбодуновский в 39 селениях	471	1681,47	-	-	-	1681,47
	14. Пречистинский в 57 селениях	722	2577,54	-	-	-	2577,54

	15. Петровской в 40 селениях	652	2327,64	-	-	-	2327,64
	16. Рокеомской в 22 селениях	535	1909,95	-	-	-	1909,95
	17. Богоявленской в 20 селениях	645	2302,65	-	-	-	2302,65
	18. Печенской в 37 селениях	842	3005,94	-	-	-	3005,94
	19. Свицкой в 29 губерниях	492	1756,44	-	-	-	1756,44
	20. Хотеновской в 63 селениях	1735	6193,95	-	-	-	6193,95
	21. Ратковской в 3 селениях	992	3541,44	-	-	-	3541,44
	22. Тавейской в 13 селениях	542	1934,94	-	-	-	1934,94
	23. Тиринской в 26 селениях	909	3245,13	-	-	-	3245,13
	24. Липинской в 46 селениях	1303	4651,71	-	-	-	4651,71
	25. Калининской в 4 селениях	63	224,91	-	-	-	224,91
	26. Полченской в 9 селениях	298	1063,86	-	-	-	1063,86
	27.Тройцкие таницы в 8 селениях	49	174,93	-	-	-	174,93
	28. Оханской в 2 селениях	16	57,12	-	-	-	57,12
	29. Шилтской в 18 селениях	855	3052,35	-	-	-	3052,35
	Итого в Новгородской губернии в 29 волостях	18504	66059,28	-	-	-	66059,28
Сверх того на льготе 35 душ, которые подати не платят, а удельной экспедиции предписывается, чтобы в первом этого года отчете было определено, когда этим душам закончится льготный срок.							
3 по 4 по 8 ко	Псковской Приказы						
	1. Псковской в 132 селениях	2859	11664,72	-	95,95	10,25	11440,92
	2. Новоустиновской Грибулевской в 109 селениях	2475	10098	-	-	-	10098
	3. Воронежской в 209 селениях	3231	13182,48	-	-	-	13182,48
	4. Вязовской в 177 селениях	3505	14300,40	-	8,3	1	14309,70
	5. Спасоникольской в 142 селениях	2793	11395,44	-	0,75	12,35	11408,54
	Итого в Псковской губернии в 5 приказах 769 селениях	14863	60641,4	-	105	23,60	60769,64
	Выборгской	2033	1367,85 $\frac{3}{4}$	84,82 $\frac{1}{2}$	-	-	1452,68 $\frac{1}{4}$
	Лифлянской	1764	7197,12	-	-	-	7197,

							12
	Эстлянской	1593	6499,44	-	-	-	6499,44
Итого по Санкт-Петербургской экспедиции	Санкт-удельной	40271	147941,85 ³ / ₄	84,82 ¹ / ₂	105	637,26 ¹ / ₂	148768,94 ³ / ₄
Сверх того по новгородской губернии на шестилетней льготе состоящих 35 душ							
	Всего	40306					

Взято из РГИА Ф. 515. Оп. 5. Д. 897. Л. 16.

Приложение Д.

О сборе оброка с удельных крестьян по прежнему положению с прибавкой на 1810 г. за исключением отделенного удела

Звание конторы	Число душ	Оброк		Итого с души	Расчет прежнего и нынешнего оброка	Всего с душ оброка
		По прежнему положению	К прежнему оброку прибавочных			
Архангельская	5581	3,57	1,93	5,50	Прежнего 69.554,31	100205,50
	13902	3,57	1,43	5	Прибавочного 30.651,19	
Владимирская	18788 2500	5,10 5,10	2,40 2,90	7,50 8	Прежнего 110.276,80 Прибавочного 52.341,20	162618
С покупных	78 116	10 8				
Всего душ	21482					
Вологодская	16063 3381	4,08 4,08	1,92 2,92	6 7	Прежнего 86401,52 Прибавочного 40713,48	127115
С покупных	1010	7				
Всего душ	20454					
Воронежская	9360 130 1129 148 161 1075	5,10 4,08 4,08 5,10 4,08 2,04	2,40 3,42 2,92 0,90 1,92 3,96	7,50 7,50 7 6 6 6	Прежнего 60.675,84 Прибавочного 31.153,66	91829,50
С покупных	593	7,08	0,42	7,50		
Всего душ	12596					
Вятская	18199 11240	5,10 5,10	1,90 1,40	7 6,50	Прежнего 167631,90 Прибавочного 60338,10	227970
Пермское отделение	1134 3766	3,57 3,57	2,43 1,93	6 5,50		
Всего душ	34339					
Казанская	10079	5,10	1,90	7	Прежнего 51402,90 Прибавочного 19150,10	70553
Всего душ	10079					

Костромская	3875 31941 5445 4358	5,10 5,10 5,10 5,10	0,90 1,40 1,90 2,40	6 6,50 7 7,50	Прежнего 256213,90 Прибавочного 69009,60	325223, 50
С покупных	1482 1096	8,50 10				
Всего душ	48197					
Московская	2687 11353 1187 1832	5,10 4,59 4,59 5,10	2,90 3,41 2,41 1,90	8 8 7 7	Прежнего 95191,50 Прибавочного 52847,50	148039
С покупных	1422 450	8 7,13				
Всего душ	18931					
Нижегородская	4751 13754	5,10 5,10	1,90 2,40	7 7,50	Прежнего 94751,50 Прибавочного 41836,50	136588
С покупных	47,08	8				
Всего душ	18552					
Новгородская	14809	3,57	1,43	5	Прежнего 75236,66 Прибавочного 21176,87	96413, 53
С покупных	150 54 229 201 125 797	6 8 8,57 10 20 12				
Всего душ	16365					
Оренбургская	4332 6003 2301	4,08 4,08 4,08	1,92 2,92 3,92	6 7 8	Прежнего 51554,88 Прибавочного 34866,12	86421
Всего душ	12636					
Орловская	1939 5973 9535	5,10 5,10 5,10	0,90 1,90 2,40	6 7 7,50	Прежнего 105967,80 Прибавочного 41481,70	147449, 50
Курское отделение	825 2506	5,10 5,10	0,90 1,90	6 7		
Всего душ	20778					
Пензенская	25726	5,10	0,90	6	Прежнего 133981,60 Прибавочного 23153,40	157135
С покупных	397	7				
Всего душ	26123					

Санкт-Петербургское отделение	1201 323	4,08 4,08	1,92 2,92	6 7	Прежнего 12602,92 Прибавочного 3249,08	15852
С покупных	426 125	10 17				
Всего душ	2075					
Саратовская	1637 13823	5,10 5,10	0,90 1,90	6 7	Прежнего 92526 Прибавочного 27737	120263
С покупных	1710	8				
Всего душ	17170					
Симбирская	18314 2080	5,10 5,10	1,90 2,90	7 8	Прежнего 117249,40 Прибавочного 40828,60	158078
С покупных	1655	8				
Всего душ	22049					
Смоленская	27215 11378 325 171	4,59 4,59 1,53 2,04	0,91 0,41 1,47 0,46	5,50 5 3 2,50	Прежнего 213986,61 Прибавочного 29996,39	243983
С покупных	4336 220	8 5,95 3.4	4 1.4	6		
Всего душ	43645					
Тамбовская	3125 12359 3938	5,10 5,10 5,10	0,90 1,40 1,90	6 6,50 7	Прежнего 104102,20 Прибавочного 27597,30	131699, 50
С покупных	505	10				
Всего душ	19927					
Тверская	17851	4,59	1,91	6,50	Прежнего 84396,09 Прибавочного 34210,41	118606, 50
С покупных	230 135	6 8	0,50	6,50		
Всего душ	18216					
Всего прежнего оброка					1.983.704,33	
Весь нынешний прибавок					682.338,20	
ИТОГО					2.666.042,53	

Таб.2. О сборе оброка с отделенного удела

Звание конторы	Число душ	Оброк		Итого с души	Расчет прежнего и нынешнего оброка	Всего с душ оброка
		По прежнему положению	К прежнему оброку прибавочных			
Новгородская	318	3,57	1,43	5	Прежнего 17793,84	23245

					Прибавочного 5451,16	
С покупных	279	15				
Всего душ	4091					

Взята из РГИА Ф.515. Оп 1. Д.21 Л.29-44

Приложение Е.

**Расписание прибавки оброка, определяемой на удельных крестьян
с 1 января 1824 года.**

Название удельной конторы	Число душ по ревизии 7	Оброк ныне платимый с души	Прибавочного на каждую душу
Орловская	31.754	От 7 руб. до 8,50	От 1,50 до 2 руб.
Воронежская	16.154	От 7 руб. до 8,50	От 1 руб. до 2
Тамбовская	28.464	От 7 руб. до 8	2 руб.
Симбирская	31.250	От 8 руб. до 9	От 1 руб. до 2
Владимирская	25.008	От 8,50 руб. до 9	От 1 руб. до 1,50
Костромская	56.340	От 7 руб. до 9,50	От 0,5 руб. до 2
Нижегородская	27.133	От 8 руб. до 9	От 1 руб. до 2
Вятская	55.682	От 6 руб. до 8	От 1 руб. до 2
Казанская	11.582	8 руб.	2 руб.
Саратовская	23.670	От 7 руб. до 8	От 1 руб. до 2
Пензенская	35.613	От 7 руб. до 8	2 руб.
Московская	7.795	От 8 руб. до 9	От 1 руб. до 2
Тверская	19.425	7,50	1,50
Вологодская	17.250	7	1
Оренбургская	6.030	От 7 руб. до 7,50	От 0,50 руб. до 1
Архангельская	19.577	От 6 руб. до 7	От 0,50 руб. до 1,50
Санкт-Петербургское отделение			
По Ильешскому приказу	1186	7	1

Взята из РГИА Ф.515. Оп. 1. Д.31. Л.59-65

Приложение Б.

Доходы, получаемые с удельных имуществ и крестьян с 1810-1825 гг.

Доходы	1810	1811	1812	1813	1814	1815	1816	1817
Всего крестьян	439344	439690	440151	498963	499221	499163	499224	486814
С них дохода	2845458, 38 3/4к	2849096, 38 3/4к	3282017, 38 3/4к	3736968, 72к	3738992, 88к	3734308, 26 1/4к	3734867, 14 1/4к	3645183, 79 1/4к
С оборочных статей	92706, 66 3/4к	95117, 54к	103715, 21 3/4к	106722, 94 3/4к	107941, 44 3/4к	123583, 18 1/4к	134846, 42к	143762, 67 1/2к
Капитал отданный в займы следует получить обратно	532039, 56 3/4к	71539, 56 3/4к	586000	203500	259000	93500	1500	1500
На оставшийся капитал процентов	482548,р 50 1/4к	469795	939377	952450	1057790	1157040	1266620	1427580, 20к
ИТОГО	3952807, 12 1/2к	3485548, 49 1/2к	4911109, 60 1/2к	4999641, 66 3/4к	5163724, 32 3/4к	5108431, 44 1/2к	5137833, 56 1/4к	5218026, 66 3/4к

Доходы	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825
Всего крестьян	489029	489369	490029	494864	495449	495553	499777	499907
С них дохода	3655405, 69 1/4к	3656964, 58 1/4к	3660521, 80 1/4к	3705389, 83 1/4к	3713929, 73 1/4к	3714611, 37 1/4к	4440633, 47 1/4к	4442261, 27к
С оборочных статей	166188р 35к	186089р 81к	193334р 37 3/4к	200638р 75 1/4к	204705р 9 1/4к	218274р 46 3/4к	225924р 79 3/4к	225480р 1 3/4к
Капитал отданный в займы следует получить обратно	1500	1500	81500	81500	81500	30060	146488	933387р 40к
На оставшийся капитал процентов	228228	1488318	1476994, 62 1/2к	1250320, 4к	1245357, 50к	1081209	957040р 56к	811745р 93 1/4к
В гос комиссию погашения долгов на переведенный с 1 янв. 1818 г. с государств казначейства капитал 21 млн. рублей процентов на 1 янв. 1819 г.	1260000	-	-	-	-	-	-	-
Удел Её Величества покойной королевы Виртембергской								
Всего крестьян							68230	68243
Доход с удела							628224	625950
Доход с оброчных статей удела							19763р 13 3/4к	21107р 98 3/4к
Итого дохода с удела							647987р 18 3/4к	715300р 98 3/4к
ИТОГО	5311322, 4 1/4к	5332872	5412350, 80 1/2к	5237848, 62 1/2к	5245492, 32 1/2к	5044155. 65к	6418073, 96 3/4к	7059932, 60 3/4к

Составлено по РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 22 - 33.

**Расходование сумм из удельной казны
на нужды императорской фамилии с 1810-1825 гг.**

Расходы	1810	1811	1812	1813	1814	1815	1816	1817
На содержание Императорской фамилии	786479, 73 1/2к	784646, 23 1/2к	781673, 73 1/2к	781448, 73 1/2к	780516, 23 1/2к	779244, 36 1/2к	779244, 36 1/2к	716877, 16к
На жалование и содержание Департамента и 19 удельных контор с их отделениями	282515	288275	289925	289925	290625	292325	292325	295525
На пенсии	20934	20014	19614	18614	18659	18359	18359	18359
На поправку оброчных статей и содержание ткацких заведений	34715	34715	34715	34715	34715	34715	34715	34715
За купленные имения	62000	-	-	-	-	-	-	-
В комиссию погашения долгов с предполагаемого дохода. 3.000.000 на 10 %	-	-	-	300000	300000	300000	300000	300000
Известное Его императорскому величеству употребление	-	-	-	-	-	-	760000	-
Итого	118664 3, 73 1/2к	1127650 , 231/2к	1125927 , 73 1/2к	1424702 , 73 1/2к	142451 5, 23 1/2к	1424643 36 1/2к	1424643 36 1/2к	2125476 , 16к
Остаток	276616 3, 39к	2357898 , 26к	3785181 , 87к	3574938 , 93 1/4к	373920 9, 9 1/4	3683788 , 08к	3713190 19 3/4	3092550 , 50 3/4к

Расходы	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825
На содержание Императорской фамилии	158113 6, 74к	1630731 , 24к	2144367 , 74к	2140745 , 24к	207955 0, 74к	2128155 , 74к	3326601 , 37к	3326510 , 37к
На жалование и содержание Департамента и 19 удельных контор с их отделениями	307975	307225	293600	321770	312770	312770	329195	523295
На пенсии	19319	19195	21445	46545	45045	44411, 66 1/2к	43739, 33 1/4к	45456
В комиссию погашения долгов с предполагаемого дохода. 3.000.000 на 10 %	300000	-	-	-	-	-	-	-
Государыне императрице Марие Федоровне	381000					200000	200000	200000
На известное его императорскому величеству употребление в выдачу архитектору Росси	3000	3000	3000	3000	3000	3000	-	-
На жалование служителям Тверского дворца	3075	3818р 76к	3818р 76к	3818р 76к	3818р 76к	4376р 76к	4376р 76к	6656р 76к
Жалование архитектору Росси и помощникам	5400	8000	8600	8600	8600	8600	11600	11600
Ремонт оброчных статей	5000	5000	5000	5000	5000	5000	5000	5000
В комиссию погашения долгов с предполагаемого дохода. 330.000 на 10 %	-	330000	-	-	-	-	-	-
Содержание Петергофской бумажной фабрики	-	-	-	-	-	-	253850	253850
Жалования, неположенные в штат чином	-	-	17225	14725	14725	14725	-	-
Платежи в пользу Почтамта за пересылку из контор доходов	-	-	-	-	-	-	49000	51014р 43 3/4к

Ее императорскому величеству великой княгине Марие Павловне. 10 тыс. черв.: ассиг.					117000	112000р	112000р	118500р
Принцам Александру и Гостейн-Ольденбургским							320800р	320800р
Ее императорскому величеству великой княгине Анне Федоровне. 15 тыс. черв.: ассиг.					175500	168000р	168000р	177750р
Принцу Павлу Вюртембергскому						60000 р	60000 р	60000 р
Итого	260590 5, 74к	2306970	2497056 50к	2535204	276500 9, 50к	3061039 16 1/2к	4884162 46 1/4к	5099932 60 3/4к
Остаток	270541 6, 30 1/4к	3025902 39 1/4к	2915294 30 1/2к	2702644 62 1/2	248048 2, 82 1/2к	1983116 48 1/2к	1533911 50 1/2к	1960000

Составлено по РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 22 - 33.

Приложение Г.**Количество беглых крестьян разыскиваемых через газету
Санкт-Петербургские ведомости в период с 1797 по 1808.**

Название экспедиции	В каких губерниях расположены имения	Количество разыскиваемых крестьян
Московская	Московская, Тульская, Калужская, Тверская, Владимирская, Рязанская	97
Санкт-Петербургская	Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская, Выборгская, Лифляндская, Эстляндская	143
Орловская	Орловская, Курская, Слободско-Украинская, Воронежская, Малороссийская	392
Тамбовская	Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Новороссийская	128
Костромская	Костромская, Ярославская	204
Вятская	Вятская, Оренбургская, Пермская, Иркутская	17
Архангельская,	Архангельская, Олонекская, Вологодская	193
Смоленская	Смоленская, Белорусская	205
Казанская	Казанская, Симбирская, Нижегородская	68
ИТОГО за период с 1797 по 1808		1447

Таблица составлена по: Санкт-Петербургские ведомости. 1809 – 1825.

Приложение Н.

**Количество беглых крестьян разыскиваемых через газету
Санкт-Петербургские ведомости с 1809 по 1825.**

Название удельной конторы	Какие губернии вошли в состав конторы	Количество разыскиваемых крестьян
Московская	так же удельные имения в Калужской, Тульской, Рязанской губерниях	4
Новгородская	так же Олонецкая губерния	5
Псковская		59
Вологодская		15
Архангельская		6
Костромская	так же удельные имения в Ярославской губернии	76
Тверская		17
Владимирская		6
Нижегородская		1
Казанская		15
Симбирская		11
Пензенская		-
Вятская		40
Саратовская		17
Ориенбургская		36
Воронежская	так же удельные имения в Слободско-Украинской, Екатеринославской, Таврической губерниях	6
Орловская	так же удельные имения в Черниговской губернии	7
Смоленская	так же удельные имения в Могилевской, Витебской губерниях	17
Красносельская (с 1820 года)	Санкт-Петербургское отделение	1
Было открыто 3 отделения		
Пермское	при Вятской конторе	-
Курское	при Орловской, к которому были присоединены и удельные имения в Полтавской губернии	-
Санкт-Петербургское	при Департаменте уделов, которое управляло также удельными имениями в Выборгской губернии через особого чиновника, назначавшегося департаментом уделов	1
ИТОГО		340

Таблица составлена по: Санкт-Петербургские ведомости. 1809 – 1825.

Приложение I.

**Список крестьян, разыскиваемых Департаментом уделов через газету
Санкт-Петербургские ведомости в период с 1797 – 1825 гг.**

Уезд, приказ	Деревня, село	Фамилия имя удельного крестьянина	Причина поиска	Год подачи объявления о розыске
Санкт-Петербургская удельная экспедиция (1797 – 1808)				
Санкт-Петербургская губерния				
Крестьяне приписанные к Ревельскому и Рижскому дворцам			Просроченные паспорта	1798
Выборгский				
Секервского кирхштала	Иравала	Яков Югансон	Самовольно отлучившийся до «Учреждения»	1798
		Густав Густавов		1798
		Кристина Андерсова (муже сослали в Сибирь)		1798
Ведерландского кирхшпила	Кискилаксе	Мария Юганова (жена Эрика Якобсона)		1798
		Виройоки		Маргарита (дочь Югана Мельберхта)
	Петр Андерсон			1798
	Амандус Югансон			1798
Санкт- Андругского кирхтпила	Карпилакс	Юган Югансон Метинен	1798	
	Койола	Поль Петерсон	1798	
	Сайрала	Юган Югансон Саванан Симон Югансон Саванан	1798	
Ямбургский	Сомрянская вотчина д. Вольпольвоья	Афанасий (сын Сафрона Иванова)	Самовольно отлучившийся до «Учреждения»	1799
Софийский	Д. Минокво	Иоганн Андрусон	Самовольно отлучившийся до «Учреждения»	1799
Ильешский Екатерингофская удельная вотчина	Д. Емельяновка	Вдова Софья Григорьевна	Самовольно отлучившийся	1799
Ульянский	Д. Вычелобки	Иван Журавлев с женой	Самовольно отлучившийся	1800
Рижские удельные крестьяне		Федор Михайлов Лапша	Самовольно отлучившиеся с Гатчинской суконной фабрики	1801
		Григорий Егоров		1801
		Вдова: Наталья Васильева Дочь: Настасья Кондратьева		1801

Ревельские удельные крестьяне		Федул Федоров		1801
Красносельский пр	Павловская слобода	Матвей Марков	Самовольно отлучившийся	1820
Гдовский уезд Ильешский пр	Д. Заходезова	Ефим Федоров	Самовольно отлучившийся	1821
Всего по Санкт-Петербургской губернии			23 человека + приписанные к дворцам	
Псковская губерния				
Псковский	Д. Конска	Андрей Егоров Жена: Дарья	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Пометкина	Иван Михайлов		1799
	Д. Горушки	Парфен Миронов		1799
	Д. Вешелово	Гаврила Иванов		1799
Новоуситовский- Грибулевский	Д. Барахнова	Михаил Спиридонов	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Самохвалово	Иван Яковлев		1799
	Д. Селиванова Парфеево	Василий Иванов		1799
Воронецкий	Д. Б. Порухова	Авдотья Тимофеева Сын: Лука	Самовольно отлучившийся до принятия \ «Учреждения»	1799
		Григорий Андреев		
	Д. Маслова	Тимофей Кузьмин		1799
	Д. Агенва	Тит и Емельян Степановы		1799
	Д. Грончарково	Василий Трифионов Жена: Федосья Екимова Его братья: Петр и Степан		1799
	Д. Подосенье	Василий Ларионов Жена: Ефимья Егорова Дочери: Анна и Прасковья		1799
		Анисим Прокофьев Жена: Мария Степанова Дети: Никита, Ефимья, Федора		1799
Д. Гурово	Сафон Михайлов	1799		
Баландинский	Д. Петрева	Иван Никифоров	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Радивошкова	Девка: Ефросинья Маркова		1799
	Д. Рычково	Максим Антонов		1799
	Д. Хозяек	Василий Афанасьев		1799
	Д. Моница	Федул Васильев		1799
	Д. Садиби	Макар Степанов		1799
	Д. Ульяникова	Вдова: Катерина Михайлова Дочь: Афимья		1799
	Д. Занкова	Ульяна Тимофеева		1799

	Д. Мишнева	Андрей Лавренов Дети: Прохор, Ефим, Ефрем, Татьяна, Устинья		1799
	Д. М. Лешна	Федор Михеев		1799
	Д. Зеленкина	Степан Яковлев Жена: Дарья Аверьянова Дети: Филипп, Фрол, Дарья, Лукерья		1799
	Д. Чурилово	Сафрон Михайлов Жена: Февронья Венедиктовна Дети: Кондратий, Василий, Авдотья		1799
Вязовский	Д. Безсонова	Евстафий и Козьма Степановы	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Ульянцева	Матвей Лукьянов		1799
	Д. Ванева	Павел Степанов		1799
		Девка: Татьяна Борисова		1799
		Жена: Дарья Сидорова		1799
		Девка: Агриппина Жена: Прасковья Прохорова Дети: Авдотья, Прасковья		1799
Золотковский	Д. Иванцово	Симон Михайлов	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Селилова	Петр Афанасьев		1799
	Д. Шерепина	Тит Антонов		1799
	Д. Горущки	Григорий Абрамов		1799
Великолукский	Бывший в Спасо-Никольской волости головою	Семен Максимов	Самовольно отлучившийся	1799, 1800
Псковский	Д. Лябель	Тимофей Иванов с женой	Самовольно отлучившийся	1799
Вязовский	Д. Чурилово	Федор Михайлов	Самовольно отлучившийся	1800
Поческий уезд Грибулевский пр	Д. Рычково	Сидор Васильев	Самовольно отлучившийся	1800, 1803
Велейский пр	Д. М. Серебренникова	Андрей Гурьянов	Просроченный плакатный паспорт	1813
Островский уезд	Д. Тимахова- Бородина	Козьма Яковлев Гаврила Федоров	Были в подвозчиках при провозе в разные места транспортов и не возвратившиеся в свои селения	1814
	Д. Глотова	Пимен Феофанов		1814
	Д. Семенкина- Ерилова	Елисей Козьмин		1814
	Д. Баловина	Семен Иванов		1814
	Д. Сафрошникова	Филипп Потафьев		1814
	Д. М. Плетнево	Аммос Степанов		1814
	Д. Жадобина	Гаврило Киприянов		1814

	Д. Трубникова	Гаврило Павлов		1814
	Д. Каморина-Осташи	Митрофан Перфильев		1814
	Д. Стукова-Огурцы	Митрофан Аверкиев		1814
	Д. Филатова	Яков Григорьев		1814
	Д. Сергина	Ягул Ермолаев		1814
	Д. Васькова-Синицы	Моисей Савельев		1814
	Д. Никулина-Грибули	Никита Ларионов		1814
Псковский уезд	Д. Щербова	Антон Ерофеев		1814
Опочецкий уезд	Д. Подберезье	Иван Тимофеев		1814
	Д. Каменца	Прокофий Никитин		1814
	Д. Тупицы	Сафрон Романов		1814
	Д. Капустина	Алексей Кондратьев		1814
	Д. Загоски	Афанасий Константинов		1814
	Д. Красихина	Осип Кузьмин		1814
	Д. Замары	Осип Максимов		1814
	Д. Сокалкова	Петр Артемьев	Были в подвозчиках при провозе в разные места транспортов и не возвратившиеся в свои селения	1814
	Д. Пашки	Семен Карпов		1814
	Д. Зуева	Марк Гаврилов		1814
	Д. Горелик	Анкудин Ларионов		1814
	Д. Подсосонья	Ефим Васильев		1814
	Д. Полухнова	Федор Прокофьев		1814
	Д. Лабазы	Яков Архипов		1814
	Д. Лухнова	Моисей Прокофьев		1814
	Д. Михалева	Ларион Григорьев		1814
		Гаврило Никитин		1814
	Д. Снегова	Ларион Федотов		1814
	Д. Казина	Козьма Гаврилов		1814
	Д. Жаворонково	Александр Артемьев		1814
	Д. Ополева	Федор Ильин		1814
	Д. Мочалова	Федор Иванов		1814
	Д. Кашина	Семен Пантелеев		1814
	Д. Сенькина	Назар Антипов		1814
	Д. Скачкина	Федот Агафонов		1814
	Д. Лопатина	Алексей Григорьев		1814
	Д. Юнкина	Семен Прокофьев		1814
	Д. Гниловатицы	Леон Семенов	1814	
	Д. Рагочихи	Козьма Филиппов	Были в подвозчиках при провозе в разные места транспортов и не возвратившиеся в свои селения	1814
	Д. Большого-Деванисова	Моисей Егоров		1814
	Д. Рыкова	Савелий Леонов		1814
	Д. Куницына	Семен Емельянов		1814
	Д. Родишкина	Иван Демидов		1814
	Д. Костянки	Тит Матвеев		1814
	Д. Стырникова	Михайло Иванов		1814
	Д. Тарасовка	Тимофей Савельев		1814
	Д. Мехова-Михалева	Андрей Яковлев		1814

	Д. Остроусова-Козлова	Евдоким Леонов		1814
	Д. Большого-Сенькова	Ульян Логинов		1814
Вязовский пр	Д. Шепелевой	Семен Иванов	Самовольно отлучившийся	1817
Покровский	Д. Хошилова	Игнатий Алексеев	Самовольно отлучившийся	1817
Покровский	Д. Бадьева	Федот Емельянов	Самовольно отлучившийся	1818
Всего по Псковской губернии			133 человека	
Новгородская губерния				
Петропавловский	Д. Губина	Алексей Степанов	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
Коростинский	Д. Коростино	Тимофей Михайлов	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	С. Подгощей	Харитон Ларионов Никифор Степанов Жена: Домна Антонова		1799
Бурегский	С. Бурег	Родион Алексеев	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Валтошина	Семен Яковлев Дочь: Аграфена Степан Леонтьев Сын: Яков		1799
		С. Городищ		Иван Артемьев
Валдайский уезд Рождественский пр	С. Полоновского Рядка	Федор Андреев Жена: Ульяна Степанова	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
Белозерский уезд Петровапловский приказ	Д. Макарово	Андрей Семенов	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Ивашково	Василий Петров		1799
	Чернская слобода	Михайло Николаев		1799
Никольский	Д. Харлушино	Девка: Наталья Мартимьяновна	Самовольно отлучившийся до принятия «Учреждения»	1799
	Д. Лохово	Андрей Васильев Жена: Наталья Иванова Дети: Петр, Самуил, Анна		1799
		Д. Сварозеро		Поликарп Иванов
	Д. Врезова	Марина (дочь отданного в рекруты Никифора Ефимова)		1799
	Д Григорьева	Иуда Михеев		1799
	Д. Ларионова	Марфа Тимофеева (жена Федора Сидорова) Дети: Иван, Василий		1799

Спаский	Д. Ракозина	Иван Андреев		1799
Берсюзский	Д. Деревика	Макар Иванов	Бежал из-под стражи (обругал старосту)	1799
Никольский	Д. Дубровье	Павел Алексеев Сын: Василий	Самовольно отлучившийся	1799
Белозерский уезд Никольский пр	Д. Дубовы	Настасья Гаврилова	Самовольно отлучившийся	1800
Кривошинский	Д. Корец	Ефим Агеев	Самовольно отлучившийся	1800
Бурегский	Д. Пенпея	Лука Иванов	Самовольно отлучившийся	1800
Бурегский	Д. Городище	Иван Артемьев	Самовольно отлучившийся	1800
Белозерский уезд Никольский пр	Д. Евлеево	Василий Афанасьев	Самовольно отлучившийся	1800
	Д. Якупино	Митрофан и Иван Ивановы	Самовольно отлучившейся	1800
Бурегский	Д. Устригса	Анисим Митрофанов	Самовольно отлучившийся	1800
Белозерский уезд Казанский пр	Д. Ананьевская	Христина Иванова (жена Филиппа Петрова)	Самовольно отлучившийся	1800
Бороиловская волость	Д. Рагозина	Андрей Иванов Капитанский	Просроченный паспорт	1800
Белозерский	Д. Исаково	Федор Михайлов	Просроченный паспорт	1801
	Д. Копалево	Григорий Степанов		1801
Петропавловский	Д. Крутоберег	Афимья Яковлева Сын: Николай Дочь: Анна	Самовольно отлучившиеся	1808
Петропавловский	Д. Тимофеева	Иван Васильев	Самовольно отлучившийся	1817
	Д. Болознава	Пантелей Васильев		1817
Устюжский уезд Охонское отдел	Д. Гуськово	Иван Герасимов	Самовольно отлучившийся	1823
Коростинский пр	С. Подгощь	Михайло Гордеев	Самовольно отлучившийся	1824
Рождественский пр	Д. Переселка	Евламий Филиппов	Бежал из под суда	1825
Всего по Новгородской губернии			53 человека	
ИТОГО ПО северо-западу России			209 человек	

Составлено по: Санкт-Петербургские ведомости. 1797 – 1825 гг.